Владислав

КРАПИВИН

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Голубятня на жёлтой поляне (Сборник)

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
Владислав КРАПИВИН. «Голубятня на желтой поляне»
Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА [empty link]
ЖДИТЕ «МАГЕЛЛАН»
1
2
3
4
НОЧНАЯ ДОРОГА
1
2
3
4
ЧЕТВЕРТОЕ СОЛНЦЕ
1
2
3
4
5
6

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ
Вступление. ОДИН И ЧЕТЫРЕ
Глава первая. ГОСТЬ
Глава вторая. СВЕЧА И МЯЧИК
Глава третья. ПЕРЕЙТИ РЕКУ...
Глава четвертая. ИГНАТИК
Глава пятая. ДОРОГА
Глава шестая. АЛЬКА
Глава седьмая. БУРАН
ПРАЗДНИК ЛЕТА В СТАРОГОРСКЕ
Первая часть. ДЕНЬ ЗНАКОМСТВ
Я БЕГУ, Я ТОРОПЛЮСЬ...
ОРДЕН АЛОГО ШИПОВНИКА
БРОДЯГА
ЗАСАДА НА СКРИПАЧА
Вторая часть. ОТЕЛЬ "КУРЯТНИК НА КОЛЁСАХ"
НАША КОМПАНИЯ
ОГНЕННЫЙ РЕЦЕПТ
ЛУННАЯ ПЕСНЯ
Третья часть. КАРНАВАЛ
КОПЬЯ ВОЛШЕБНОЙ СТРАЖИ
ИСКОРКА
КЛОУН
Четвертая часть. ГДЕ СХОДЯТСЯ РЕЛЬСЫ...

ОТКРЫТИЕ
ГАЛАКТИКА
ТЕОРИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ
МЫ ЕДЕМ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ
НА СТРЕЛКЕ
ДВОЕ НА РЕЛЬСАХ
МАЛЬЧИК И ЯЩЕРКА
АРСЕНАЛ
МАГИСТР
ВЕТЕРАН
СНЕЖНАЯ ПОЛЯНА
ОСЕНЬ В СТАРОГОРСКЕ
ВТОРОЙ ВИЗИТ МАГИСТРА
ОСОБАЯ ЦЕЛЬ
ВЕТЕРКИ
СТАНЦИЯ МОСТ
СЕРЕБРИСТОЕ ДЕРЕВО С ПОЮЩИМ КОТОМ
ВСТУПЛЕНИЕ. Кап
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вице-президент
ГЛАВА ВТОРАЯ. Институт Маркони
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ямской пустырь
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Антошка
ГЛАВА ПЯТАЯ. План профессора Телеги
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Нужен большой транслятор
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Конец “Космического мстителя”

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Что такое любовь
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Космос и морковка
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Ожидание
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Сыскное бюро “Лошаткин и К°”
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Злоключения Стёпки Лошаткина по прозвищу Буца
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Печаль
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Футбол среди берёз
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Надежда
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Двойной старт
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Осенний десант
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Семечко
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Аннотация

Трилогия «Голубятня на желтой поляне» повествует о судьбе разведчика Дальнего космоса Ярослава Родина и его друзей, которые вступили в борьбу с цивилизацией паразитов — «Тех, которые велят».

В сборник также вошли две повести: «Серебристое дерево с поющим котом», повествующая о приключениях юного инопланетянина, отставшего на Земле от школьной экскурсии, и «Я иду встречать брата» — о драматических событиях, связанных с возвращением старинного фрегата звездной экспедиции.

Владислав КРАПИВИН
«Голубятня на желтой поляне»

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА [empty link]

ЖДИТЕ «МАГЕЛЛАН»
1

Кто бывал в Консате, должен помнить узкую и крутую лестницу, вырезанную в береговых скалах. Лестница начинается у площадки с колоннадой и ведет к морю. Внизу её отделяет от воды только узкая полоска земли. Покрытая ноздреватыми камнями и круглым галечником, она тянется между морем и желтовато-белыми скалами от Долины Юга до самой Северной Косы, где наклонной иглой пронзает небо обелиск — памятник погибшим астролетчикам.

Здесь хорошо собирать обточенные волной пестрые камни и охотиться за черными злыми крабами. Ребята из школьного городка, лежащего к югу от Ратальского космодрома, по дороге домой всегда задерживаются на берегу. Набив карманы находками, ценность которых никогда не понимали и не понимают взрослые, они взбегают по высоким ступеням. Старая лестница нравится им больше чем эскалатор, бегущий среди скал в сотне шагов отсюда.

В ту пору я только что закончил отчет о третьей

экспедиции в бассейн Амазонки. Теперь целый месяц можно читать обыкновенные книги, по которым я так стосковался за эти дни напряженной работы.

Взяв томик стихов или новеллы Рандина, я уходил на верхнюю площадку Старой лестницы. Место было пустынное. В трещинах каменных плит росла трава. В завитках тяжелых капителей гнездились птицы.

Сначала я все время проводил на площадке один. Потом туда стал приходить высокий смуглый человек в серой куртке странного покроя. В первые дни мы, словно по взаимному уговору, не обращали внимания друг на друга. Но, кроме нас, здесь почти никто не бывал, и мы, постоянно встречаясь, стали в конце концов здороваться. Но никогда не разговаривали. Я читал книгу, а незнакомца все время, видимо, беспокоила какая-то мысль, и, занятый ею, он не хотел вступать в разговор.

Приходил этот человек всегда вечером. Солнце уже висело над Северной Косой, за которой громоздились белые здания Консаты. Море теряло синеву, и волны отливали серым металлом. На востоке, отражая вечернее солнце, окрашивались в розовый цвет арки старой эстакады. Она стояла

на краю Ратальского космодрома, как памятник тех времен, когда планетные лайнеры не были еще приспособлены к вертикальному взлету.

Придя на площадку, незнакомец садился на цоколь колонны и молча сидел, подперев кулаком подбородок.

Он оживлялся только, когда на берегу появлялись школьники. Встав на верхней ступени лестницы, этот человек следил за их игрой и ждал, когда светлоголовый мальчуган в черно-оранжевой полосатой куртке-тигровке заметит его и помчится наверх. Каждый раз он мчался с такой быстротой, что наброшенная на плечи тигровка развевалась, как пестрое знамя.

И хмурый незнакомец менялся на глазах. Он весело встречал мальчика, и, оживленно говоря о своих делах, оба уходили, кивнув мне на прощанье.

Я думал сначала, что это отец и сын. Но однажды мальчик на бегу крикнул кому-то в ответ:

— Я иду встречать брата!

Из разговоров братьев я узнал потом, что старшего зовут Александром.

Это случилось примерно через неделю после того, как я впервые увидел Александра. Он пришел в обычное время и сел у колонны, насвистывая

странный и немного резкий мотив. Я читал, но невнимательно, потому что "Песню синей планеты" Валентина Рандина знал почти наизусть. Иногда я бросал поверх книги взгляд на Александра и думал, что лицо его мне знакомо.

Был небольшой ветер. Переворачивая страницы растрепанного томика, я не удержал оторванный лист. Прошелестев по камням, он лег почти у самых ног Александра. Тот поднял его и встал, чтобы отнести мне. Я тоже встал. Мы встретились на середине площадки.

Я впервые увидел Александра так близко. Он оказался моложе, чем я думал. Морщины над переносицей делали суровым его лицо. Но Александр улыбнулся, и морщины исчезли.

— Книга, наверное, не интересная? — спросил он, протягивая листок.

— Просто очень знакомая.

Мне не хотелось обрывать разговор, и я заметила:

— Твой брат задержался…

— Он должен задержаться. А я забыл…

Мы сели рядом. Александр попросил книгу. Было удивительно, что он не знает новелл Рандина, но я ничего не сказал. Александр открыл книжку и положил на страницы ладонь, чтобы удержать

листы. На тыльной стороне ладони я заметил у него белый разветвленный шрам. Александр перехватил мой взгляд.

— Это еще там… У Желтой Розы.

Я сразу все вспомнил.

— На Снежной планете?! — воскликнул я. — Александр Снег…

Необычные передачи, экстренные номера журналов, со страниц которых смотрели Александр Снег и его три товарища, — это было совсем недавно. По всей Земле тогда с удивлением повторяли их имена.

Я видел перед собой человека, вернувшегося на Землю через триста лет после старта. Но это не было удивительным. «Бандерилья» и «Муссон» тоже плавали в космосе более двух веков. И хотя история фотонного фрегата, на котором вернулся Снег, была необычнее, чем у других, я думал не о его истории.

— Александр, — спросил я, чувствуя, что столкнулся со странной загадкой, — ведь триста лет… А мальчику не больше двенадцати. Откуда у тебя брат?

— Я знаю, ты археолог, — сказал Александр после некоторого молчания. — Ты должен чувствовать время лучше, чем другие. И понимать

людей… Поможешь мне, если я расскажу все?

— Постараюсь помочь.

— То, о чем я расскажу, знают, кроме меня, только трое. Но они помочь не могут… Очень нужен чей-то совет… Только с чего начать?.. Впрочем, все началось как раз на этой лестнице…

2

Все началось на лестнице.

Нааль впервые после гибели родителей пришел к морю. Море, окаймленное широкой дугой белого города, сверкало синевой и вспыхивало белыми гребешками волн. Оно было ласковым и солнечным, словно никогда в его глубинах не гибли корабли.

Нааль спускался к воде. И чем ближе было море, тем торопливее шагал он по ступеням. И скоро он мчался во всю мочь навстречу громадной синеве, брызжущей солнцем, дышащей влажным и соленым ветром.

На неровном камне у него подвернулась нога. Нааль упал. Он ударился, но не сильно. Прикусив губу и прихрамывая, он стал спускаться дальше. Как и все мальчишки, Нааль верил, что соленая вода — лучшее лекарство от царапин и ссадин.

Поэтому, сбросив сандалии, он хотел войти в воду. Но среди камней, то и дело заливаемых легкой волной, Нааль увидел большого черного краба.

Мальчик невольно отскочил. Но одно дело — поддаться секундному страху, а другое — струсить совсем.

Чтобы проверить свою смелость и отомстить крабу за испуг, Нааль решил поймать черного отшельника и забросить его далеко в море. Краб, видимо, почуяв опасность, заспешил и скрылся среди камней.

— Ну, держись!.. — прошептал мальчик.

Увлеченный охотой, он стал отворачивать камень. Плоский камень плюхнулся в воду. Краб, видя, что его нашли, заторопился еще больше. Но Нааль уже не смотрел на него. На мокром гравии он увидел маленькую голубую коробку. Коробка была гладкая и круглая, как обточенный волнами голыш. Неизвестно, откуда вынесло её к этому берегу.

Мальчик сел на гравий и стал разглядывать находку. Коробка оказалась закупоренной наглухо. Не меньше часа Нааль царапал её пряжкой своего пояска, прежде чем сорвал крышку. Завернутый в листок старой бумаги, в коробке лежал странный значок; золотая ветка, в листьях которой

запутались блестящие звезды. На стебле было выбито короткое слово: «Поиск».

Разглядывая значок, Нааль забыл о бумаге. Он и не вспомнил бы, но ветер бросил смятый листок ему на колени. Мальчик стал читать, с трудом разбирая старинный шрифт. Вдруг лицо его сделалось очень серьезным. В конце листа он нашел слова, неожиданные, как громкий и внезапный звук струны.

Часа через два пришли на берег школьники. Нааль сидел на том же месте. Он уперся локтями в теплый от солнца камень и смотрел, как вырастают у берега белые гребни.

— Мы искали тебя, — сказал старший мальчик. — Не знали, что ты ушёл к морю. Зачем ты один сидишь на берегу?

Нааль не слышал. Резче стал ветер, и сильно шумели волны. Вы знаете, как шумят волны? Сначала растет шум набегающего вала. Потом на камни с плеском рушится гребень. Волна, распластавшись, с шипением ползет по берегу. А её догоняет другая…

3

Среди школьников Долины Юга он не выделялся ничем особенным. Как и все, любил летать на высоких качелях в опасной близости от корявых и сучковатых деревьев, гонять пестрый мяч среди стволов в солнечной роще. Не очень любил учить историю открытия больших планет. Мог многих ребят обогнать в беге, но не очень умело плавал. Охотно вступал в любую игру, но не был никогда в ней первым. Лишь один раз он сделал то, что сможет не каждый.

Упругая ветка росшего на берегу куста сорвала с его рубашки значок. Золотой значок с синими звездами полетел в воду. Было видно в прозрачной воде, как он уходит в глубину. И тогда, не думая ни секунды, Нааль прыгнул с шестиметрового обрыва, чудом не задев нагроможденные внизу острые камни.

Скоро он выбрался на берег и, зажав в ладони значок, свободной рукой стал молча выжимать рубашку.

Никто не знал, откуда у него этот значок и почему он так им дорожит. Никто и не расспрашивал. Ведь у каждого может быть своя тайна. После

гибели родителей Нааль словно повзрослел и не всегда отвечал на вопросы сверстников.

Внешне ничего почти не изменилось в его жизни, когда он узнал про свое горе. Нааль и раньше большую часть времени жил в школе. Отец и мать были специалистами по изучению больших глубин и часто уходили в экспедиции. Но теперь мальчик знал, что никогда не вернется батискаф «Олень» и в конце аллеи не появится человек, к которому можно помчаться навстречу, позабыв про все на свете.

Проходили месяцы. Были тихие утренние часы школьных занятий, были дни, полные солнца, шумных игр и веселых дождей. Может, и забылось бы горе. Но однажды волны вынесли неизвестно откуда на берег у Старой лестницы маленькую голубую коробку. Нет, она не была памятью о погибшем батискафе…

Ночью, видя в окне оранжевые отблески Ратальских маяков, Нааль доставал из коробки смятый журнальный лист. Свет был не нужен, каждую строчку мальчик помнил наизусть. Это был очень старый журнал, изданный лет триста назад. Текст, отпечатанный на листе, рассказывал о старте фотонного фрегата «Магеллан».

В учебнике по истории звездных полетов об

этом корабле говорилось коротко и сухо:

> «Магеллан» ушёл к одной из желтых звезд с целью отыскать планету, подобную Земле. Видимо, экипаж пользовался неточными сведениями о планете, полученными от гибнущего фрегата «Глобус». «Магеллан» должен был вернуться через сто двенадцать лет. Известий от него не поступало. Очевидно, молодые астролетчики, увлекшиеся легендой и не имеющие опыта, погибли, не достигнув цели.

В учебнике не было даже их имен. Нааль узнал их из найденного листка. Капитана звали Александр Снег.

Нааль слышал от отца, что один из его предков был астронавтом. И тогда, на берегу, прочитав имя «Снег», он почувствовал гордость и обиду. Обиду на учебник за скупые и, наверно, неправильные слова о космонавтах. Мало ли почему мог погибнуть фрегат. И был ли виноват экипаж?

"А если они не нашли ничего у той желтой звезды и полетели дальше? А если они... летят до сих пор?" — подумал Нааль, споря со строчками учеб-

ника. Но подумав так, вдруг зажмурился, словно испугался собственной мысли. Он отчетливо увидел длинную и густую аллею школьного парка, а в конце её — высокого человека в серебристой куртке астронавта, человека, навстречу которому можно побежать, позабыв обо всем на свете.

А если он вернется? Он мог бы еще вернуться. Ведь никто не знает, до какой плотности сжал свое полетное время «Магеллан». Вдруг вернется фрегат? И тогда Нааль встретил бы не предка, не чужого человека из другого столетия. Он встретил бы брата. Потому что в конце журнального листа мальчик прочитал слова, сказанные кем-то экипажу «Магеллана»:

> "Не забывайте старых имен. Вы вернетесь через много лет. Но внуки ваших друзей встретят вас, как друзья. Внуки ваших братьев станут вашими братьями..."

Нааль понимал, что все это просто фантазия. И все-таки отчетливо представлял, как это может случиться. Будет утро...

Он ясно видел это утро: яркое, уже высоко поднявшееся солнце и такое синее небо, что на белых зданиях, на белых одеждах, на серебристом корпусе фрегата лежит голубой отблеск.

Вспомогательные ракеты только что осторожно опустили корабль на поле космопорта. И он замер, опираясь на черные цилиндры фотонных отражателей, громадный звездный фрегат — сверкающая башня с черным гребнем длиной в полторы сотни метров. Четко выделяются ка гребне старинные светлые буквы названия: «Магеллан». Нааль видит, как маленькие фигурки астролетчиков медленно спускаются по спиральному трапу. Сейчас космонавты ступят на землю и пойдут навстречу людям. Нааль встретит их первым, встанет впереди других. Он сразу спросит, кто из них Александр Снег. А потом… Нет, он не будет говорить много. Сначала просто назовет свое имя. Ведь он тоже Снег…

Нааль не привык скрывать свои радости и печали. Но об этом не сказал никому. Ведь сам не желая того, он начал мечтать о чуде. А кто же станет верить в чудо? Но иногда по ночам, глядя на отблески маяков космодрома, Нааль доставал мятый листок. Ведь каждый имеет право на свою мечту, если даже она несбыточная.

Чудес не бывает. Но в силу странного совпадения в этом же году Пятая лоцманская станция приняла всколыхнувший всю планету позывной:

"Земля... Дайте ответный сигнал. Я иду. Я "Магеллан".

4

Луна еще не вставала, но верхняя часть Энергетического Кольца уже поднялась над холмами крутой неправильной дугой. Его желтоватый рассеянный свет скользнул в окно и широкой полосой лег на ковер.

Нааль выключил наручный приемник. Новых сообщений не было. Но он не мог больше ждать. Мальчик колебался еще секунду, потом вскочил, мгновенно убрал постель и оделся. Бросив на плечо куртку, он подошел к окну. Окно было полуоткрыто. Оно никогда не закрывалось полностью, потому что снаружи, цепляясь крошечными шипами за карниз, пробрался в комнату пунцовый марсианский вьюнок. Тонкий стебель был бы перерезан, если бы стекло задвинули до конца.

За окном искрились в свете Кольца мокрые от недавнего дождя кусты. Они бросали едва заметный зеленоватый отблеск на белые стены и широкие стекла школьных зданий. Над холмами вздрогнул и погас на редких облаках оранжевый луч: вновь сигналил кому-то Ратальский

космодром.

Нааль отодвинул стекло и шагнул на протоптанную тропинку.

Ректор школы Алексей Оскар еще не спал. Он читал. Свежий, пахнущий дождем воздух вошел в открывшуюся дверь и шевельнул книжные листы.

В двери стоял мальчик.

— Нааль?

Слегка сбиваясь и торопясь закончить разговор, Нааль впервые рассказал все.

Оскар встал и отвернулся к окну. Вопреки общему мнению, он не считал себя опытным педагогом. Просто была у него способность вовремя находить правильное решение. Но он растерялся сейчас. Что он мог сказать? Попробовать что-то объяснить, отговорить мальчика? Но можно ли отговорить? И будет ли он тогда прав?..

Ректор молчал, а время шло, и молчать дальше было нельзя.

— Слушай, Нааль, — начал ректор, не зная еще, что скажет дальше. — Сейчас… ночь…

— Оскар, отпусти меня на Берег Лета, — тихо сказал мальчик. Это не было даже просьбой. В голосе его послышалась тоска, похожая на ту непобедимую тоску по Земле, которая заставляет

космонавтов совершать отчаянные поступки.

Есть вещи, перед которыми обычные понятия и правила бессильны. Что мог сказать Оскар? Только то, что уже ночь и надо бы выехать утром. Но какое это имело значение?

— Я отвезу тебя на станцию, — сказал Оскар.

— Не надо. Лучше я пойду. Один…

Мальчик ушёл.

Оскар, подойдя к видеофону, вызвал Берег Лета и, набрав позывной лоцманской станции, отчаянно надавил клавишу срочного вызова. Никто не ответил. Лишь автомат успокоил: "Все благополучно".

НОЧНАЯ ДОРОГА
1

Лучше бы он не ходил этой дорогой!

Думая сократить путь, Нааль решил пройти к станции через холмы.

За четверть часа он добрался до перевала.

Над круглыми вершинами висела белая Луна в светлом эллипсе Энергетического Кольца. Справа медленно гасли и загорались Ратальские маяки. Слева, отчасти скрытые грядой невысоких холмов, сияли огни Консаты. Они раскинулись широкой дугой, а за ними стояла, слабо мерцая в лунном свете, туманная стена моря.

А вся долина была пересечена черной громадой Ратальского моста — старинной эстакады.

До сих пор Нааль не боялся встречи и ни в чем не сомневался. Слишком неожиданным и чудесным было сообщение о «Магеллане», и радость не оставила места для тревоги.

И тревоги не было до той минуты, пока Нааль не увидел эстакаду. Он не мог бы объяснить, почему появилось сомнение. Наверно, двухсотметровые арки, вставшие на пути, как исполинские ворота,

были слишком мрачные и громадные. Они напоминали о непостижимой величине всего, что связано с космосом, о расстояниях, пройденных «Магелланом», о трех столетиях… "Внуки братьев станут вашими братьями!" Но мало ли кто какие слова говорил триста лет назад!..

Черные опоры эстакады стояли, как двойной строй атлантов, и молча спрашивали мальчишку: куда идет он? зачем? что за нелепые мысли у него в голове? Мальчик оглянулся, словно искал поддержку. Но огни Долины Юга скрылись за холмом.

Тогда он замер на миг и вдруг, рванувшись, побежал к эстакаде. Он мчался напрямик по высокой, еще сырой траве. Какое-то колючее растение оцарапало ему ногу. Нааль остановился, яростно вырвал его с корнем и побежал опять. Скорей, скорей, чтобы не догнала непонятная звенящая тревога! Сейчас он пересечет широкую полосу тени и минует черные ворота Ратальского моста…

2

Вагон кольцевого экспресса, идущего через Берег Лета на северную оконечность материка, был пуст. Нааль забрался с ногами в кресло и

смотрел, как со скоростью пятисот километров в час пролетает за окнами темнота.

Нааль устал. В другое время он, конечно, заснул бы, но сейчас снова зазвенела, как надоедливая струна, тревога: "А если он ничего не скажет в ответ? Или подумает, что это просто шутка? И до мальчишки ли будет герою космоса, вернувшемуся на Землю через триста лет?"

Мальчик представил вдруг громадное поле космодрома, заполненное тысячами встречающих. Тысячи приветствий, тысячи протянутых для рукопожатия ладоней. А что будет делать там он? Что скажет?

И вдруг появилась мысль, что не надо ночевать в городе, ждать утра и приземления корабля. Надо обо всем сказать Александру сейчас. «Лоцман-5» держит связь с фрегатом. Станция в сорока километрах от Берега Лета. Ехать нужно еще пять минут.

Дождавшись очередного поворота, Нааль вышел на движущийся кольцевой перрон. Прыгая по замедляющим свой бег кругам, Нааль добрался до неподвижного центра и через тоннель вышел за платформы.

Перед ним лежало черное поле. Сзади горели неяркие огни перрона, далеко впереди светился

синий шпиль лоцманской станции. Тихо шумел ветер. Этот шум почему-то успокоил мальчика. Раздвигая ногами высокую траву, Нааль побрел прямо на синий шпиль.

Здесь, видимо, тоже недавно прошел дождь. Мокрые листья липли к коленям. Ветер был теплым и влажным.

Скоро Нааль вышел на дорогу и зашагал быстрее. Ветер тоже быстрей полетел навстречу, стараясь сорвать с плеч мальчика легкую куртку.

3

Станция «Лоцман-5» уже давно отказывалась давать подробную информацию. На все запросы коротко отвечал автомат: "Все благополучно". Многие пытались настроиться на волну связи с кораблем, но не удавалось: никто не знал старинной системы передач.

Первое сообщение с приближающегося фотонного фрегата приняла промежуточная станция Юпитера. Но теперь у Земли уже была прямая связь с кораблем. Лоцманы не покидали станцию ни на минуту. Трое дежурили у векторного маяка, четвертый спал здесь же, в кресле. Экипаж

корабля уже передал управление Земле. Лоцманы должны были посадить фрегат на Береговой космодром.

Лишь несколько часов назад Сергей Костер установил с фрегатом двустороннюю звуковую связь. Но экипаж пока не передавал никаких сведений, кроме данных о системе автоматов, необходимых для приземления.

Лоцманы вывели корабль на круговую орбиту, и он повис над Землей, превратившись в спутник с суточным обращением. Сергей кончил передачу координат, когда Мигель Нувьос сказал:

— Кто-то второй час сигналит, просит ответить.

— Бессонница у кого-то, — не оборачиваясь, предположил Сергей. Он внимательно следил за вектором, пересекающим на светящейся карте черную точку космодрома.

— Срочный вызов, шесть отчаянных сигналов. Это не просто любопытство.

— Если что-то важное, почему не прямая связь?

— Не знаю…

Через несколько минут Сергей сам услышал гудок срочного вызова. Ни он, ни два других лоцмана, дежуривших у параллельных передат-

чиков, не могли подойти к видеофону.

— Миша, ответь в конце концов, — попросил Сергей.

Но Мигель уже спал, полулежа в кресле.

Сигнал не повторялся.

Прошло еще полчаса. Автоматы корабля получили последнее задание. Сергей облегченно закрыл глаза. Но все равно плясала в глазах красная россыпь цифр, от усталости ломило веки.

В эту минуту кто-то тронул его за рукав. Лоцман отнял от глаз ладонь. Он увидел мальчика лет двенадцати, светловолосого и загорелого, в незастегнутой полосатой куртке, с золотым значком на светло-зеленой рубашке, со свежими царапинами на ногах.

Мальчик смотрел снизу вверх в лицо Сергея. И, желая, видимо, все объяснить в одну минуту, он сказал несколько слов, смысл которых лоцман понял не сразу.

— О чем ты говоришь? Как ты попал сюда? — спросил Сергей.

А попал сюда он просто.

Подойдя к центральному зданию, Нааль сразу отыскал какую-то дверь и оказался в длинном узком коридоре. Гулко отдавались шаги. Пол, гладкий и блестящий, как стекло, отражал боль-

шие плафоны. Нааль шел по коридору, и снова начали стонать тревожные струнки, сливаясь в один ноющий звук. Снова нарастала тревога, и от волнения к горлу подступал комок. Нааль почувствовал, что сердце колотится беспорядочно, как прыгающий по ступеням мяч.

Коридор кончался крутым поворотом. Нааль поднялся по широкой лестнице, замер на секунду с поднятой рукой и, решившись, толкнул матовые, просвечивающие двери.

Он увидел круглый зал с низкими стенами и прозрачным куполом, расчерченным непонятными белыми линиями. Сквозь паутину этих линий смотрели звезды. Пол, выложенный белыми и черными ромбами, слегка поднимался к центру, где была небольшая площадка. Там, у черного конусообразного аппарата, стояли три человека. Недалеко от площадки, в одном из кресел, в беспорядке расставленных по залу, спал четвертый. Люди у аппарата о чем-то говорили. Гулкими, неестественными были их голоса. Нааль разобрал каждое слово, но не понял, о чем они говорят. Видимо, от усталости слегка кружилась голова. Все стало каким-то ненастоящим. Нааль прошел по бело-черным ромбам к центру, поднялся на площадку и взял за руку одного из лоцманов.

Человек обернулся, и по удивленному взгляду Нааль понял, что тот не слышал его шагов.

Тогда, чтобы сразу объяснить все, мальчик сказал:

— Я пришел встречать брата…

Все было как во сне. Нааль рассказывал и слышал, словно со стороны, как голос его звенит и теряется в громадном помещении. Он не помнил, долго ли говорил. Наверно, очень недолго. Мерцали лампочки на пультах у круглых стен, и синие змейки на экранах стремительно меняли свой рисунок.

— Скажи, лоцман, он не откажется, ответит? — спросил Нааль, стряхнув на миг оцепенение.

Наступила короткая тишина. Потом кто-то произнес фразу, которая из-за своей простоты и обыкновенности никак не вязалась с тем, что происходило.

— Вот ведь какое дело…

Кто-то будил спящего:

— Миша! Мигель! Встань, слушай.

Быстро плясали на экранах молнии, и старший лоцман, которого звали Сергеем, вдруг сказал:

— Ты спишь, мальчик.

Он поднял его на руки и положил в широкое пушистое кресло. Но Нааль не спал. Он смотрел

на пляшущие огоньки и слышал гудящие под куполом слова:

— Человек…

— Три столетия.

— Не испугался… А если нет?

— Он спит.

— Нет.

И тот, кто сказал «нет», спросил:

— Как тебя зовут, брат космонавта?

— Нааль.

Он не слышал повторного вопроса, но почувствовал, что лоцманы не поняли, и сказал:

— Натаниэль Снег.

— Снег… — отозвались голоса.

— Странное сочетание…

"Ничего странного, — хотел сказать Нааль. — Так назвали меня в честь Натаниэля Лида, капитана батискафа «Свет»…"

Кто-то шевельнул кресло и произнес:

— Спит.

— Я не сплю, — сказал Нааль и открыл глаза. — Лоцман, ответил «Магеллан»?

Сергей наклонился к нему:

— Ты спи… Они сказали, что встретятся с тобой через неделю. Экипаж решил спуститься на де-

сантной ракете в зону лесов… Видимо, не хотят они шумной встречи. Стосковались по Земле, по ветру, по лесу. Через несколько дней пешком придут к Берегу Лета.

Сон быстро таял.

— А я? А людей… разве не хотят они встретить?

— Ты не волнуйся, — сказал Сергей. — Ведь с тобой обещали встретиться через неделю.

Теперь Нааль увидел, что зал лоцманской станции не так уж велик. Погасли экраны. Небо над прозрачным куполом стало низким и туманным.

— Куда они спустятся? — спросил мальчик.

— Они просили не говорить об этом.

— А мне?

— Полуостров… Белый Мыс.

Нааль встал.

— Спи здесь до утра, — предложил Сергей. — Потом все решим.

— Нет. Я поеду домой.

— Я провожу.

— Нет.

Вот и кончилось все… Была глупая сказка, которой он поверил совсем зря. Триста лет…

Он не дослушал последних слов лоцмана и быстро пошел, потом побежал по черно-белым ромбам зала, по стеклянному полу коридора, по

усыпанной гравием тропинке. Снова мальчик оказался в черном поле и пошел к далекому перрону. Шел он медленно. Куда теперь спешить?

"Встретимся через неделю..."

Если человек хочет встречи, он не станет ждать и часа.

4

Может быть, все так и кончилось бы. Но в сотне шагов от станции Нааль наткнулся на стоянку «пчел». И вдруг шевельнулась мысль, которая сначала показалась просто смешной. Но, пройдя метров десять, мальчик остановился.

"Может быть, Александр не мог уже отменить решения о высадке, когда услышал обо всем от лоцмана? Ведь он не один?" — думал Нааль.

Чувствуя, как колотится сердце от вновь появившейся надежды, Нааль нерешительно подошел к аппаратам. Ему не хватало трех месяцев до двенадцати лет — возраста, когда разрешается самостоятельно водить «пчелу». Можно ли ему

нарушить запрет?..

Все еще колеблясь, он сел в кабину и опустил защитный колпак. Потом проверил двигатель. Подбадривающе мигнули на доске управления желтые огоньки. Тогда Нааль поднял «пчелу» на горизонтальных винтах и сразу разогнал её на северо-восток.

Высокая скорость позволит ему за два часа достигнуть Белого Мыса.

Он, наверно, заснул в полете. По крайней мере, полет показался Наалю очень коротким.

Думал он только об одном: "Подойду и скажу, кто я. Теперь все равно..."

Если он встретит равнодушный взгляд, он молча сядет в кабину и, подняв аппарат, уведет его на юго-запад.

Беда случилась, когда «пчела» пересекла тихий, отразивший звезды залив и летела к мысу над черным лесным массивом. Уже начал синеть восток, но в зените небо оставалось темным. Где-то там висел покинутый экипажем «Магеллан».

Нааль напрасно старался увидеть внизу огни или хотя бы темный конус десантной ракеты. Дважды он прошел до оконечности мыса над самыми вершинами деревьев. Потом стал слабеть

двигатель. Аккумуляторы оказались израсходованными. Мальчик понял, что взял аппарат, который не был подготовлен к полету. Тогда, чтобы в последний раз осмотреть как можно шире темнеющий внизу лес, Нааль стал подниматься на горизонтальных винтах. Он поднимался до тех пор, пока не заглох двигатель. Винты остановились, и, выпустив крылья, «пчела» заскользила к земле.

Нааль поздно понял ошибку. Внизу тянулся сплошной лес. Приземлиться, планируя на крыльях, было невозможно.

Он почему-то не очень испугался. Глядя на проносящиеся под самыми крыльями деревья, Нааль постарался выровнять полет. Потом увидел перед собой черные вершины и машинально рванул тормоза. Был трескучий удар, несколько резких толчков, затем еще толчок, более мягкий. Туго ударила спинка сиденья, что-то твердое уперлось в плечо. К щеке прильнули какие-то сухие, пахучие стебельки. "Где же ракета?" — подумал мальчик и вытянулся на траве.

ЧЕТВЕРТОЕ СОЛНЦЕ
1

— Ни лоцманы, ни мальчик не знали, конечно, причины нашего странного решения, — сказал Александр. — Причиной была растерянность. Не простая растерянность, какую может вызвать неожиданное известие, а какая-то беспомощность и страх. Что мы могли ответить?..

Я не стану говорить о полете. Все они проходят одинаково, если не случится катастрофы. Работа, долгий сон в анабиозе… На Земле прошло полвека, а в корабле — около двенадцати лет, когда мы, обогнув по орбите Желтую Розу, подошли наконец к планете.

Мы испытали сначала горечь неудавшегося поиска. Перед нами была ледяная земля. Без жизни, без шума лесов, без плеска волн. Кутаясь в дымку холодного тумана, над ломаной чертой гор висело большое ярко-желтое солнце. Оно, действительно, было похоже на желтую розу. Розовым и желтым светом отливал замерзший океан. В расщелинах скал, в трещинах льда, в тени сумрачных обрывов застоялась густая синева.

Лед… Холодный блеск… Тишина…

Единственным, что обрадовало нас, был воздух. Настоящий, почти земной воздух, только холодный, как вода горного ключа. В первый же день мы сбросили шлемы и дышали сквозь стиснутые от холода зубы. Надоел нам химически чистый, пресный воздух корабельных отсеков. По-моему, как раз от него появляется та мучительная тоска по Земле, о которой страшно даже вспоминать! А там, на Снежной планете, мы перестали так остро ощущать эту тоску. Было что-то близкое человеку в этом ледяном, завороженном холодном мире, только поняли мы это не сразу. Покидая фрегат, каждый раз мы видели царство снега, камня и льда…

2

Они видели глубокие ущелья, в которых стоял голубой туман. Плоские и широкие солнечные лучи из оранжевых превращались в зеленые, когда попадали в ущелье сквозь трещины отвесных стен. Они дробились на сотни изумрудных искр среди изломов льда. А если лучи достигали дна, там вспыхивали букетами фантастических огней сотни ледяных кристаллов.

По ночам за окнами «Магеллана» черной стеной стояло небо с изломанными контурами синих созвездий. Иногда желтоватым светом начинали мерцать высокие прозрачные облака. Этот свет струился по обледенелым склонам гор, выхватывая из темноты нагромождения скал.

И все-таки не была она мертвой, эта холодная планета. Случалось, что, закрыв оранжевое закатное солнце и стирая со льдов черные уродливые тени, с запада приходили тяжелые тучи. И начинал падать снег. Настоящий снег, как где-нибудь на берегу Карского моря или в районе антарктических городов. Он таял на ладонях, превращаясь в обычную воду. Потом вода становилась теплой.

А однажды в южном полушарии люди нашли долину, где не было снега, не было льда. Там были голые скалы, камни, серебристые от влаги, и гравий на берегу незамерзшего ручья. Среди скал, окруженный сотнями маленьких радуг, гремел сверкающий водопад. Он словно хотел разбудить уснувший в холоде мир.

Недалеко от водопада Кар увидел маленькое чернолистное растеньице, прилепившееся к скале. Кар снял перчатку и хотел потянуть тонкий узловатый стебель. А растение вдруг качнуло

черными стрелками листьев и потянулось к руке человека. Кар машинально отдернул руку.

— Оставь, — посоветовал осторожный Ларсен. — Кто его знает…

Но Кар понял по-своему. На лице дрогнула скупая улыбка. Он провел ладонью над черным кустиком, и снова устремились к руке маленькие узкие листья.

— К теплу оно тянется, — негромко сказал Кар. Потом крикнул отставшему биологу: — Таэл! Наконец для тебя настоящая находка!

В тот момент штурман еще не понял всю важность открытия.

Вечером все собрались в кают-компании «Магеллана». Было их пять человек. Белокурый и широкоплечий Кнуд Ларсен, добродушный и рассеянный во всем, что не имело отношения к вычислительным машинам. Два африканца: веселый, маленький биолог Таэл и штурман Тэй Карат, которого называли всегда просто Кар. Пилот и астроном Георгий Рогов, светловолосый, как Ларсен, и смуглый, как африканцы, самый молодой в экипаже. И, наконец, Александр Снег, который был штурманом-разведчиком и художником. В последнее время он настолько был занят своими этюдами, что передал управление Кару.

Они собрались, и Кар сказал:

— Странная планета, не правда ли? Ясно одно: не будь оледенения, была бы жизнь. Солнце, то есть Желтая Роза, когда-нибудь растопит лед, это тоже ясно. Неизвестно лишь, сколько тысячелетий нужно для этого… Растопим лед сами?

Он предложил зажечь над Снежной планетой четыре искусственных солнца по системе академика Воронцова. Это была старая и довольно простая система. Такие атомные солнца зажигались на Земле еще в первые десятилетия после того, как люди, уничтожив оружие, смогли наконец всю ядерную энергию использовать для мирных дел. Как раз тогда и были растоплены льды Гренландии и береговых районов Антарктиды.

— Почему именно четыре? — спросил Георгий.

— Это минимум. Меньше четырех нельзя — не будет уничтожен весь лед и вечная зима снова расползется по всей планете.

Однако на четыре солнца уйдет две трети оставшегося эзана — звездного горючего. Значит, не смогут космонавты разогнать до нужной скорости корабль. Они вернутся на Землю не раньше, чем через двести пятьдесят лет. Большую часть полета экипаж вынужден будет провести в ана-

биозе. Двести пятьдесят лет… Но зато астронавты принесут людям планету, которая станет новым форпостом человечества в космосе. Не будет напрасным далекий поиск.

— Что для этого нужно? — спросил Ларсен.

— Согласие, — Кар оглядел всех.

— Да, — сказал Ларсен.

— Конечно! — воскликнул Таэл.

Георгий молча кивнул.

— Нет! — произнес вдруг Снег и встал.

Прошло несколько секунд удивленного молчания, и Снег заговорил. Он говорил, как глупо делать из планеты инкубатор. Люди не

должны бояться суровых льдов, борьбы с природой незнакомой планеты. Без борьбы жизнь теряет смысл… А вдруг погаснут искусственные солнца прежде, чем сойдет весь лед? Что станет с первыми жителями Снежной планеты, если вдруг нагрянет опять вечная зима? Но пусть даже не погаснут солнца. Пусть сойдут льды. Что тогда увидят люди? Голые горы, равнины без лесов, серую пустыню…

Они слушали, и были мгновения, когда каждый хотел уже согласиться с товарищем. Даже не потому, что слова его казались убедительными. Убеждали горячность и настойчивость. Так спо-

рил Снег всегда, когда чувствовал твердо свою правоту. Ведь с той же горячностью отстаивал он на Земле право полета к "своей звезде".

3

Помнили друзья, как он стоял в большой комнате Дворца Звезд перед бледным сухим человеком и говорил с яростной прямотой:

— Я удивляюсь, как Союз астронавтов мог доверить решение такого вопроса вам одному, человеку, не умеющему верить в легенды!

Человек бледнел все сильней, но его раздражение сказывалось лишь в легкой сбивчивости тихих ответов:

— Каждый юноша, побывав за орбитой Юпитера, считает себя подготовленным к свободному поиску и готов лететь хоть в центр Галактики. Это смешно. Вам кружат голову сказки о планетах Желтой Розы. Желтая Роза — коварная звезда. Заманчиво, конечно. Вечная истина: сказка привлекательна.

— Вы претендуете на звание вечных истин, но забыли одну: в каждой легенде есть зерно правды. Мы верим, что есть планеты…

Ротайс наклонил голову.

— Я позволю себе закончить бесполезный разговор. Не вижу у вас оснований претендовать на экспедицию свободного поиска… К тому же я очень огорчен, и мне трудно говорить. Час назад разбился на гидролете Валентин Янтарь. Он дома сейчас, и я спешу к нему.

Видимо, он не очень спешил, потому что Александр, придя в дом старого астронавта, увидел там только врачей. Он узнал, что Янтарь отказался от операции.

— Летать я больше не смогу, а жизнь… Она была и так долгая, — заявил он.

Снег молча прошел в комнату, где лежал астронавт. Янтарь сказал растерявшемуся врачу:

— Прошу вас уйти.

В комнате был полумрак. Не от штор, а от густых зацветающих яблонь, которые закрыли окна. Александр подошел к постели. Янтарь был укрыт до самой шеи белым покрывалом. Поверх покрывала лежала спутанная светлая борода. Кровавая полоса тянулась через морщинистый лоб.

— Никто не поймет меня, кроме вас, — начал Александр, — остальные могут обвинить меня в бесчувственности, одержимости, эгоизме… Но мы можем говорить друг другу правду. Вы летать больше не будете.

— Так…

— Наш экипаж не пускают в поиск, — тихо сказал Александр. — Дайте нам ваше право второго полета… И мы полетим.

— На Леду? На мою планету? — Янтарь не пошевелил ни руками, ни головой, только радостно вспыхнули его глаза. — Вы решили?

В этот миг он увидел, наверное, синий мир так и не разгаданной до конца Леды, развалины бирюзовых городов и белые горы, вставшие над фиолетовыми грудами непроходимых лесов, окутанных ядовитым сизым туманом. Но необыкновенное видение исчезло. Снова возникло перед ним строгое и напряженное лицо Александра.

— Нет. Конечно, не на мою, — глухо произнес Янтарь.

— Каждому светит своя звезда, — сказал Снег.

Он сел у постели и коротко рассказал все: про последнее сообщение с «Глобуса» о загадке Желтой Розы, про план свободного поиска, который возник у пяти молодых астролетчиков, про последний разговор с Ротайсом.

— Леда ждет археологов. Мы же разведчики. Мы хотим найти планету, где воздух как на Земле. Людям нужны такие планеты.

Янтарь закрыл глаза.

— Хорошо… Ваше право.

— Он не поверит, — возразил Александр, вспомнив бесстрастное бледное лицо Ротайса.

— Возьми мой значок. В синей раковине, на столе.

В раковине, найденной на Леде, лежал золотой значок с синими звездами и надписью «Поиск».

Александр взглянул на значок, потом на раненого астронавта. Впервые за эти дни ему изменила твердость. Он сжал зубы и опустил протянутую было руку.

— Возьми, — повторил Янтарь. — Ты прав.

— Выбей окно, — попросил он, когда Александр зажал в ладони значок. — Нет, не открывай, а разбей стекло… Оно старое, очень хрупкое… Хорошо, — сказал он, когда зазвенели осколки. Александр выломал за окном большую ветку, и в комнату вошел солнечный луч.

— Счастливого старта! — проговорил Валентин Янтарь, усилием воли стараясь подавить нарастающую в груди боль. — Пусть вернется на Землю каждый из вас!

— Это удается редко.

— Потому и желаю…

У выхода Снег встретил Ротайса и показал на раскрытой ладони значок. Ротайс слегка по-

жал плечами и наклонил голову. Это означало скрытое возмущение поступком молодого астролетчика и в то же время вынужденное согласие. Никто в Солнечной системе не мог отвергнуть права на второй полет: космонавт, открывший новую планету и вернувшийся на Землю, мог вторично отправиться в любую экспедицию и в любое время, на любом из готовых к старту кораблей. Он мог также уступить это право другому капитану.

В одну секунду Александр вспомнил вдруг лицо Янтаря — знаменитого капитана «Поиска», его морщинистый лоб с кровавой полосой и глаза, синие, словно отразившие фантастический мир Леды. "На Леду? На мою планету? Вы решили?" Но старый астронавт понял Александра. А Ротайс?

— Сообщите Восточному космопорту. Мы выбрали «Магеллан».

...Он больше всех сделал для этого полета. А улетать ему было труднее всех. У каждого на Земле оставались родные. Но, кроме родных, у Снега оставалась девушка, у него одного.

Со стороны казалась странной эта молчаливая дружба. Их не часто видели вместе. Они редко говорили друг о друге. О любви их знали только друзья...

За неделю до старта Александр встретил её в молодом солнечном саду, там, где сейчас Золотой парк Консаты. Ветер рвал листья, и солнце плясало на белом песке аллеи. Девушка молчала.

— Ты же знала: я астронавт, — сказал Снег.

Он умел быть спокойным.

Перед стартом он отдал ей золотой значок.

…Однажды, случайно заглянув в кают-компанию, Георгий увидел, как Снег достал и поставил перед собой маленький стереоснимок. Он смотрел на него не отрываясь. Молчал.

— Я убрал бы этот снимок навсегда, — сказал Георгий.

Александр взглянул на него не то с насмешкой, не то с удивлением.

— И думаешь, все забудется?

Он закрыл ладонью глаза и несколькими резкими штрихами карандаша с удивительной точностью набросал на листе картона черты девушки.

— Вот так.

Шел восьмой год полета по собственному времени «Магеллана».

4

И вот теперь Александр Снег, больше всех рвавшийся в поиск, отстаивал ледяную планету, словно её ждала гибель, а не возрождение.

— Серая пустыня, чахлые кустики! Льда не будет, а что останется? Мертвая земля, мертвые камни.

— Люди сделают все! — возразил Таэл. — Все, что надо, сделают люди.

— Но я не сказал еще одного, — продолжал Снег. — Нельзя отнимать у людей тот мир, который мы здесь нашли, потому что он прекрасен. Разве вы этого не поняли?

Он швырнул на стол свои этюды. Все затихли, снова увидев то, что видели раньше, но забывали, угнетенные царством льда. Были удивительно точно схвачены краски. Черно-оранжевые закаты, голубые ущелья со светящимся туманом, утро, зажигающее золотые искры на изломах льда, желтое небо с нагромождением серых облаков…

Медленно шелестели листы. Наконец Кар сказал:

— Хорошо. Но нельзя же так — холод и смерть ради красоты. Зачем нужны мертвые льды?

— Не мертвые, — покачал головой Александр. — есть в них и своя жизнь. Ветер, ручьи, кусты… Все здесь просыпается понемногу. Но нельзя спешить. Иначе будет пустыня.

— Не будет пустыни. Будет океан, синий и безграничный, как на Земле. На это хватит растопленного льда. Будут греметь водопады. Представь, Александр: тысячи серебристых водопадов среди скал и радужного тумана. Будет и суровая природа, будет и своя красота, но еще будет жизнь. Ведь такую планету мы и искали.

— Будет океан и заросшие лесами острова, — сказал тихо Таэл.

— Откуда леса? Разрастутся черные кустики?

— Люди посадят леса!

— На камне?

— Ты не прав, Саша, — негромко сказал молчавший до сих под Георгий. — Вспомни Антарктиду.

Снег хотел возразить, но вдруг устало сел и проговорил:

— Ладно. Разве я спорю?.

— Ты примешь участие в расчетах?

— В работе — да. Но не в расчетах. Какой из меня математик?

5

Они работали долгое время. Потом вывели на орбиты четыре десантные ракеты, окруженные сетью магнитных регуляторов. Автопилотов на ракетах не было. Кар и Ларсен сами садились в кабины, а потом выбрасывались в спасательных скафандрах. Так они делали дважды. Четыре ракеты со звездным горючим РЭ-202-эзаном стали как бы вершинами трехгранной пирамиды, внутри которой висела Снежная планета.

Никто не вспоминал о споре. Александр работал увлеченно. Он даже сделал расчеты, которые касались одного из искусственных солнц. Свое солнце было у каждого, кроме Кара, который взял на себя общий расчет и управление.

Когда кончился последний день работ, экипаж «Магеллана» собрался в ущелье, где была поставлена станция управления.

— Ну… боги, создающие весну… — излишне серьезно сказал Кар.

— Давай, — шумно выдохнул Таэл.

— Давать?

— Давай.

Дали сигнал.

Три экрана ослепительно вспыхнули. Потом проступили на них горы и нагромождения льда, освещенные двумя или тремя солнцами. Четвертый экран бесстрастно белел непрозрачной поверхностью.

— Мое, — сказал Снег.

Четвертое солнце не зажглось.

Неизвестно, что случилось. Вероятно, была нарушена система магнитных регуляторов. Может быть, достаточно было малейшего толчка, удара метеорита-песчинки, чтобы солнце вспыхнуло через несколько секунд. Но много ли шансов, что в ракету попадет метеорит?

— Что за беда? Останется ледяная шапка, как когда-то в Антарктиде… Черт возьми, а ведь получится даже здорово: снежное плоскогорье имени Снега! — воскликнул простодушный Ларсен.

— Получится великолепно, — сухо сказал Александр.

Все неловко замолчали. Никому, конечно, не могло прийти в голову, что Снег нарочно сделал неправильный расчет. Но нужно же было так случиться, что именно его подстерегла неудача.

— Я поднимусь на ракете и реактивной струей разобью систему регуляторов, — негромко и твердо сказал Снег, когда они вернулись на

«Магеллан».

— Ложимся спать, — предложил Кар.

— Ларсен, считай! — крикнул Снег. — Я докажу, что это возможно.

— Лечь спать?

— Разбить сдерживающую систему регуляторов и успеть уйти от вспышки.

Ларсен послушно сел за клавиатуру электронного мозга. Александр диктовал.

— Видите, в принципе это возможно, — произнес он, когда расчет был закончен.

— В принципе… — проговорил Ларсен. — Не валяй дурака, ты сгоришь.

— Пойдем спать, Саша, — сказал Георгий. — Все не так уж плохо.

Но все понимали, что плохо. Очень плохо…

Они истратили две трети эзана. Только через две с половиной сотни лет астронавты вернутся на Землю. Вернутся ни с чем. К тому времени холод снова зажмет Снежную планету в ледяные тиски. Когда-то еще снова прилетят сюда люди и зажгут атомные солнца? А ведь все было почти готово. Если бы не случилось ошибки, экипаж "Магеллана"" принес бы на Землю известие о планете, которая пригодна для нормальной жизни. Людям нужны такие планеты — форпосты чело-

вещества в бескрайней вселенной, трамплины для новых, все более дальних прыжков.

Ночью их разбудил громкий сигнал вызова. Усиленный приемником голос Александра произнес:

— Я в ракете. Не сердитесь, ребята, надо попробовать.

— Саша, — сказал Георгий, — мы все просим: не надо. Черт с ней, с этой планетой. Вспомни Землю.

— Ничего не случится.

— Ты сгоришь.

— Нет.

— Снег! Я приказываю вернуться! — крикнул Кар.

— Не сердись, Кар… Но все-таки капитан я.

— Ты же сам хотел, чтобы планета осталась подо льдом, — робко сказал Ларсен.

Было слышно, как Александр усмехнулся.

— Это Кар виноват. Он хорошо рассказал об океане… о водопадах, островах. А я художник. Мне захотелось написать это.

Кар тихо выругался.

— Включи видеофон, — попросил Таэл.

Снег включил. Все увидели на экране его лицо. Он насвистывал что-то, склонившись над доской

управления. Кажется, был спокоен.

— Будь осторожен, — сказал Георгий.

Снег кивнул, продолжая насвистывать.

— Перед самым возвращением на Землю? Зачем ты это делаешь? — с отчаянием сказал Кар. — А вдруг оно вспыхнет сразу?

— Ты же знаешь… Надо как-то до конца.

Гул двигателя прервал разговор. Изображение качнулось, затем стало видно лицо Александра, искаженное перегрузкой. Потом ускорение исчезло, и скорость стала падать. На большой скорости Александр не мог развернуть ракету и ударить реактивной струей по регуляторам. Все молчали, не видя ничего, кроме напряженного лица Александра. Так было до того мгновения, когда экран залила белая вспышка…

6

— Как же тебе удалось спастись? — спросил я Александра.

Он взглянул исподлобья.

— В том-то и дело… Меня зовут Георгий Рогов. Снег погиб. Ты понимаешь, что мы почувствовали, когда лоцман передал нам о мальчике? На земле отчаянно ждал брата маленький человек.

Тебе, может, трудно понять. Но нам, столько лет не видевшим Земли и людей, были хорошо знакомы тоска и ожидание. Особенно тяжело, когда знаешь, что при встрече не увидишь ни одного знакомого лица. Триста лет… Даже имен не разыщешь. И вдруг — брат… Мы понимали мальчика, его тоску по родному человеку. И очень трудно было сказать правду. Невозможно.

Таэл оказался находчивей всех. Он дал станции ответ, позволяющий оттянуть время.

"Это не выход, — сказал Ларсен. — Что мы ответим ему потом?"

"Как зовут мальчика?" — спросил я.

Кар ответил. Затем взглянул на меня как-то странно. Но в тот момент ничего не сказал.

Двигатель десантной ракеты отказал у самой Земли. Мы выбросились в спасательных скафандрах.

Было еще темно. Только начинал пробиваться синий рассвет. Я не помню всего. Пахло сырыми листьями и землей. Таэл стоял, прижавшись темным лицом к белеющему в сумраке стволу березы. Ларсен лег на землю и сказал: "Смотри-ка! Трава…"

Я смотрел на небо. В нем вдруг быстро начала разгораться ярко-желтая заря, а зенит стал ча-

сто-синим. И мне показалось, что небо звенит. Я никогда не знал, что оно может звенеть, как миллионы тонких певучих струн. Легкое облако у меня над головой медленно налилось розовым огнем… Я вдруг почувствовал ужас. Мне показалось, что это снова мучительный сон о Земле, который каждому из нас не давал покоя на Снежной планете. Страх этот был как удар тока. Я лег на траву. Зажмурился. Вцепился в корень какого-то куста. Корень был шершавый и мокрый…

Через секунду я разжал пальцы и открыл глаза. Синее небо снова звенело над лесом. И сквозь этот звон я услышал, как Ларсен опять сказал: "Смотри-ка! Листья…"

Потом взошло солнце.

Нааль смотрел на солнце сквозь траву. Он вспомнил все, даже видел краем глаза разбитую «пчелу», но не чувствовал ни волнения, ни запоздалого страха, Все, что случилось ночью, вспомнилось как путаный сон. Мальчик понимал теперь неосуществимость своей мечты.

Когда солнце поднялось настолько, что нижний край его касался головок высоких цветов, растущих на краю лужайки, Нааль встал. Слегка кружилась голова, болело ушибленное плечо. Но ему еще повезло. Амортизаторы бросили его в

мягкую траву. Нааль заснул, не попытавшись даже подняться: настолько сильна была усталость.

Мальчик, не торопясь, огляделся. Спешить все равно было некуда. На сотню километров вокруг стоял лес. На ветру трепетали листья. Вдруг кто-то за спиной у мальчика сказал радостно и удивленно:

— Смотрите-ка! Человек!

Нааль обернулся на голос и замер. Он увидел людей в синих комбинезонах, в белом переплетении широких ремней. Чувствуя, как замирает сердце, мальчик крикнул:

— Вы с «Магеллана»!

— Нааль... — сказал смуглый и светловолосый летчик.

— Я заметил его позже других, — сказал Георгий. — И странно: мне показалось, что я знаю этого мальчика. Может быть, вспомнил самого себя, каким был в детстве?.. Он стоял, весь подавшись нам навстречу. Маленький, светлоголовый, в рубашке, порванной на плече, с сухой травинкой, прилипшей к щеке, с ссадиной на колене... Он смотрел мне в лицо. Синие-синие, широко открытые глаза. Кажется, я назвал его по имени.

Кар неожиданно и громко сказал, подтолкнув меня в плечо: "Александр, встречай брата..."

— Может быть, я поступил эгоистично, — продолжал Георгий. — Но в тот момент я совсем забыл, что Нааль мне не брат. Надо понять, что значит встретить на Земле родного человека, когда вовсе этого не ждешь… Но постепенно все чаще стала приходить мысль: имел ли я на это право?

Я не понял Георгия. Тогда он сказал:

— Александр зажег солнце. Последнее, необходимое для уничтожения льдов. Сейчас там океан, острова… Имел ли я право отнять у мальчика такого брата?

— Мертвого?

— Даже мертвого.

— Георгий, — спросил я, — мне трудно судить. Может быть, у Александра были другие причины для риска? Хотел ли он вернуться? Та девушка…

Георгий скупо улыбнулся. Видимо, мой вопрос он счел просто глупым.

— Хотел. Он очень любил Землю. Кто же не хочет вернуться на Землю?

Мы замолчали.

— Он все время насвистывал какую-то старинную песенку, — вдруг сказал Георгий. — Я знаю из нее лишь несколько слов:

Пусть Земля — это только горошина

В непроглядной космической тьме…

На Земле очень много хорошего…

— Если все останется по-старому, — снова заговорил он, — будет, наверно, хуже. Я не только отнял брата у мальчика. Я отнял подвиг у Александра. Ведь никто не знает, как зажглось четвертое солнце.

— Ты отнял и у себя имя. Ведь Георгий Рогов считается погибшим.

— Мое имя не ценность.

— Тогда послушай мой совет. Ты просил его. Пусть все останется, как было. Четвертое солнце не погаснет от этого. Надо думать о Наале.

— О нем я и думаю все время… Но как же Снег?

— Когда-нибудь люди узнают про все… Кстати, ты помнишь лишь три строчки из песенки. Я знаю больше, ведь я историк. Это песня разведчиков Венеры. Вот последний куплет:

Тот, кто будет по нашим следам идти,

Помнит пусть на тропинках кривых:

Нам не надо ни славы, ни памяти,

Если звезды зажжем для живых.

— Но память об Александре, память о подвиге!

То, что он сделал — пример для живых. Может быть, и Наалю придется зажигать свое солнце.

Я взглянул на Георгия. Он ждал возражений. Он хотел их слышать, потому что они возвращали ему брата. Я сказал:

— Может быть... Но над какой планетой ему зажигать свое солнце? Научи его быть разведчиком, на то ты и брат. А солнце он зажжет сам...

Уже давно погас закат. Половина луны, опоясанная с одной стороны дугой Энергетического Кольца, низко висела над водой.

Топот ног по каменным ступеням прервал наш разговор. Впрочем, говорить, больше было не о чем.

Они ушли, кивнув на прощанье. Астронавт крепко держал в руке маленькую ладонь брата.

Передо мной на листе раскрытой тетради лежит золотой значок, история которого осталась неизвестной. Мне отдал его перед нашим стартом Нааль...

Мы, археологи, идем на Леду, на ту планету, тайну которой так и не раскрыл до конца Валентин Янтарь. Мы вернемся не скоро.

Может быть, и меня на Земле через восемьдесят лет встретит среди многих один, незнакомый пока человек — большой или маленький, все

равно. И скажет своим друзьям:

— Я иду встречать брата!

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ
Вступление
ОДИН И ЧЕТЫРЕ

Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты жёлтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

— Травоядные, — сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчетливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым запахом лета сок. Виновато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчетливо услышал голос мамы: "Яська, опять ты жуёшь эту зелень! Ты превратишься в верблюда".

"Ещё немного, и я вспомню мамино лицо", — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представле-

ния оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девчонки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: "Это не по правилам, пускай теперь Сашка ищет!" Щёлкали пистонные пистолеты. Перебивали и путали друг друга считалки.

Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич…

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живёт в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: "Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!" Та-та-та-та! — разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете…

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы. Лету.

Вот этим голосам и смеху…

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацанёнок в клетчатом костюмчике поссорился с мальчишками. Они кричат:

— Не видишь, что ли, нас уже четверо!

— Ну и что? Никто же не узнает! — обиженно доказывает он.

— Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его жёлто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию…

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

— Сядь, — сказала Данка. — Свалишься и весь извозишься.

— Щас… — Алька прыгнул, зацепил Читу. — Ой…

— Обормот, — вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.

— Правильно, обормот, — сказала Данка. — А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошёлся без

книжки… Такое дело, а ты…

— Я всё понимаю. Одно другому не мешает.

— Что тебе говорила учительница? — поддел Читу Алька. — "Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четвёрки".

Чита перелистнул страницу.

— А почему не на пятёрки? — спросил Яр.

Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик… в его карих глазах — Яр увидел ясно — метнулись непонятные тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

— Вот это да! Вот сказать бы ей: "Поставьте мне пять"!

— Ребята, вы не смейтесь, — растерянно сказал Яр. — Конечно, я могу что-то напутать… Вот когда мы учились…

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлёпнула.

— Ну что за чучело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки — ещё недавно чистой и отглаженной. А заодно — с волос, шеи, щёк и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанны-

ми ногами, фыркал, отворачивался и всё время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Данка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем стирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразительно знакомый. Над парадным входом подымались на дыбы громадные фанерные кони — чёрные с красными сёдлами. В стороне от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие — ростом вот с этого "клетчатого" мальчика, который всё ещё стоял с

кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

— А что за забором? — спросил Яр у Данки. — Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

— Конечно, сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днем почти никого… Только там в гущине крапивы много.

Яр осторожно сказал:

— Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком…

— Да, — быстро отозвался Тик. — Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра…

Фонтан стоял посреди поляны, окруженной старыми березами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытянувшись в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

"Сколько лет они в этом саду… — подумал Яр. — Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть… А там в последний

раз их не было. И сада не было, и цирка…"

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зелёные полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплёвывали водяные жгутики озорные детские рожицы, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь неё хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и жёлтых монеток.

— Ура, — деловито сказал Алька, — будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

— Если будет мокрый, то пускай хотя бы один… И вообще это неприлично — мелочь в воде собирать.

— Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, — возразил Чита. — Все собирают.

— И вовсе я не буду мокрый, — сказал Алька. Вода была ему чуть выше колен. — Ух и тёплая…

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвёрнутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

— Вон ещё денежка! — командовал Тик.

— И вон! — показывал снятыми очками Чита.

Яр тоже не зевал:

— Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

— Хватит уже. В цирк опоздаем.

— Там ещё много осталось, — с сожалением отозвался Алька. Но пошёл к барьеру.

— Сюда каждый вечер монетки бросают, — объяснила Данка Яру, — потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

"Какие нашествия?" — хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

— Много? — спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток — серебристых и медных. Яр взял одну жёлтую. Размером она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырёхугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету, и поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение её по кругу шла надпись:

Четыре копейки. Размен. знак

Яр с непонятной досадой положил "обманный пятак" в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: "Что-то не так?"

"Всё в порядке", — улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше "кавалерийской", чем раньше. И тут же Данка сказала:

— Ты почему хромаешь?

— Да так…

— Алька!

— Ну, там, кажется, стекло было…

— Вечно с тобой истории, — Данка опять достала платочек. — Дай сюда ногу, балда… Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу…

— Ой, уже схватил… Р-р-р! У меня бешенство! — Алька запрыгал на одной ноге.

— Дурь у тебя… — Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную

Алькину ступню (он хихикал от щекотки). — Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

— "Осторожнее, осторожнее"... Нога, что ли, отвалится?

— Не ворчи и слушайся старших, — усмехнулся Чита.

— Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

— Тогда меня слушайся, — сказал Яр. — Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

— Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

— Алька! — со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

— Алька, ты что?.. — сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжёлая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но всё же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть,

даже со слезами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы всё сделать шуткой. Яр крякнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

— Тут где-то растёт крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

— Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но всё же с чуть заметной игривой ноткой:

— Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

— Бессовестный, — опять сказала Данка.

— Мы не опоздаем? — чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы.

— Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели ещё мороженого купить.

— В цирке за мороженым сейчас очередища, — возразила Данка.— А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

— Я с тобой сбегаю! Тебе не унести столько порций. Сразу… пять…

— Я с вами, — сумрачно сказал Алька.

— Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся за ними…

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Вдохнул в себя лето и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пестрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

— Что, Алька? — с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зелёных своих глазах, будто похудевший и подросший..

— Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под рёбра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

— Ты о ч е н ь обиделся?

Яра накрыло тёплой волной.

— Ну что ты, Алька, — одними губами сказал он.

— Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

— Самую капельку. Но сейчас уже нисколько не обижаюсь. Честное слово.

Алька переглотнул. Ещё острее уткнулся подбородком.

— Пожалуйста… Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятернёй взъерошил Алькины нестриженые волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вытянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дрыгая ногами и теряя сандалеты. Подбежали Данка и Тик. Подошёл Чита.

— Я тоже так хочу, — сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развел прямые руки (в каждой — стаканчик с мороженым).

— У нас такое упражнение называлось "мельница", — вращая Тика над головой, сказал Яр.

— А у нас — "штурвал"! — крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

— Тебя повертеть?

— Нет, я уже большая, — вздохнула она.

Предлагать "верчение" серьёзному Чите Яр не решился. Но тот сказал ревниво:

— А меня?

— Ты, наверно, и там читать будешь?

— Не-а, — отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил). А Яр уже не первый раз подумал вот о чём: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы — у Вадика — глаза становились твёрдыми, как у стрелка из лука.

— Летим, — сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над жёлтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились униформисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшней, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял

такой знакомый "цирковой" гул. Всё было, как раньше…

Когда раньше? Где?

"Этого не может быть!" — опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. "Ну и пусть! — мысленно крикнул ей вслед Яр. — Это есть!"

Оркестранты на балконе гудели и пиликали вразнобой — пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали. Вспыхнули ещё фонари — яркие до синевы. Над оркестром на тёмном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно…

Глава первая
ГОСТЬ

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним

"прыжком". Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но, с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав сообщил, что не пойдёт спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помолчав, он только спросил:

— Ну… а что же вы собиретесь делать в течение сорока часов? Если не секрет.

— Не секрет, — без улыбки сказал Ярослав. — Буду сидеть. Вспоминать…

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным представлениям

просто не существовал, и ничего, *абсолютно ничего* не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменистые глыбы, сожжённые жёстким излучением, или жидкие шары в оболочках метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь — вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1, — ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых, ноль, ноль, ноль, ноль… Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере, на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменистой равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на поле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашёл разгадку. Была даже написана "История цивилизации Ле-

ды". Сначала она понравилась Ярославу. Позже он перелистывал её с усмешкой. Автор строил догадки и доказательства, то и дело пристёгивая факты из истории Земли. Это было похоже на попытку примерить чужую одежду. Ярослава перестали интересовать загадки мозаичных фигур и гигантских арок.

Волновать себя тайнами давно сгинувших в космосе жизней? Зачем, если не сумел разобраться в своей?

Это был не эгоизм. Скорее, это было одиночество. А может быть, усталость.

И, оставаясь один, Ярослав теперь вспоминал не Леду, не Чёрные Кристаллы, не метановые вихри Меркатора и не стада песчаных кротов на АЦ-1. Он вспоминал двор на улице Огарёва. Юрку вспоминал, Славика, игру в лунки, синие вечера с костром на лужайке за стадионом и бумажные самолеты, которые пускали с голубятни. И очень часто — маму.

Мамина могила не сохранилась.

Когда Яр пришёл из первого броска, кладбище — уже сильно заросшее — ещё темнело над речным обрывом. Он отыскал тогда холмик с решёткой и плоским серым камнем. К холмику даже вела тропинкам — видимо, за могилой при-

сматривала Галина. Она не дождалась Яра, вышла замуж за какого-то журналиста, но, значит, что-то сохранила в душе… Яр поправил камень, покрасил решётку и через три месяца ушёл на знаменитом СКДР-7 к Чёрным Кристаллам.

Когда он вернулся, Нейск ничем не напоминал прежний город. На месте кладбища блестели стеклянные павильоны какой-то фабрики. Это неожиданно сильно обидело, даже оскорбило Яра. Он понимал, что жизнь идёт и всё меняется, но выдержка скадермена изменила ему. Он отказался встречаться с журналистами и участвовать в конгрессе Академии, который был посвящен Чёрным Кристаллам. Не пошёл даже на встречу с учениками "своей" школы. Вернее, той, что стояла на месте бывшей кирпичной, трёхэтажной. Впрочем, обижать ребят Ярослав не хотел. Но он не знал, как говорить с ними. Дети стали непохожи на прежних — рассудительные, крайне вежливые, во взрослых костюмах, со взрослой расчётливостью в глазах и речах. С десятилетнего возраста знающие, кто из них кем станет.

Или Яру так казалось? Всё равно, он не пошёл…

Он три года проработал в обсерватории Звёздного центра и старался жить, как все. И у него

получалось. Даже чуть-чуть не женился второй раз. Но тут ему сказали про рейс "девятки", и он сразу согласился…

Будильник в тишине тикал с удвоенной громкостью. Это был старый квадратный будильник с треснувшим на уголке стеклом. Очень похожий на тот, что стоял на подоконнике в комнате маленького Ярослава — Яськи. Когда он принимался трезвонить (от усердия даже подпрыгивал), Яська вскакивал, подбегал, давил кнопку и опять кидался в постель. Но теперь уже ногами к подушке. Это чтобы мама, когда придёт стаскивать одеяло, удивилась. И мама каждый раз притворялась, что удивляется. А потом начинала щекотать Яськины пятки. А он хохотал и лягался.

— Ну, хватит, хватит, Ясик. Ох, какой же ты ещё ребёнок…

Мамин голос Яр помнит. Каждое звучание, каждую нотку. Руки помнит с прожилками и царапинками. Завитки волос и родинку на мочке уха… А лицо ускользает, ускользает… Карточки сгорели вместе с комбинезоном во время аварии вездехода на Меркаторе. Был ещё один снимок — фаянсовый медальон на памятнике. Но где он теперь?..

Будильник стоял на полированном выступе,

который тянулся по всему пульту. В полировке, как в чёрной воде, отражался светлый циферблат и цветные лампочки панели. И магнитная кассета — её забыл Дима Кротов, самый молодой член экипажа. На одной стороне ленты были записи популярных ансамблей, на другой — чей-то голос. Дима слушал его в одиночку, в своей каюте…

Яр дотянулся до кассеты и убрал её в выдвижной экранированный ящик. Иначе при смене режима запись могла изрядно пострадать. Почти сразу Яр услышал за спиной лёгкие шаги. "Вспомнил", — с усмешкой подумал он и сказал:

— Дима, я убрал вашу кассету в третий ящик.

Дима не ответил. Яр оглянулся. Посреди рубки стоял мальчик.

Мальчик лет одиннадцати, белобрысенький такой, с немного оттопыренными ушами, с царапиной на вздёрнутом носу. В сетчатой безрукавке с большой дыркой на плече, в мятых серых брюках с "пузырями" на коленях. Правая штанина подвернута, будто он только что ехал на велосипеде. К пыльным вельветовым полуботинкам пристали пушинки, — видимо, от цветущего тополя.

Мальчик посматривал вокруг со спокойным любопытством.

"Ну что ж..." — подумал Яр и кинул руку к левому карману с ампулой.

Когда Яр учился в Ратальской спецшколе, у них на курсе был паренёк, Стасик Тихов, он коллекционировал старую фантастику. Немного наивные, но в общем-то увлекательные романы и повести о звёздных путешествиях. В этой коллекции был целый раздел, который назывался "Визиты": истории о том, как в космолётах и орбитальных станциях неожиданно появлялись люди или иные существа. Не из экипажа, а другие. В разделе было три части. В первой говорилось о "зайцах" (чаще всего о мальчишках), которые тайно пробирались на корабли, чтобы участвовать в экспедициях. Вторая часть содержала рассказы о "гостях": о лицах разного возраста, повадок и характеров — они проникали на звездолёты и станции неведомыми науке путями, иногда с помощью колдовства. В третьей части речь шла о призраках.

Практика звёздных экспедиций два первых варианта отрицала начисто.

А "призраками" занималась медицина.

Врачи именовали эту болезнь длинным латинским термином. У скадерменов называлась она короче, но тоже по-научному — "псевдоконтакт".

Псевдоконтакт проявлялся чаще всего у молодых астролётчиков, которых вдруг охватывала тяжёлая тоска по Земле, или у ветеранов, уставших от долгих рейсов и разведок. В этих случаях космонавты видели перед собой — очень реально — знакомых или незнакомых людей, которые вступали в беседы, звали куда-то, вспоминали о прошлом.

Псевдоконтакта отчаянно боялись. Он свидетельствовал, что следует менять звёздную профессию на земную…

Яр был далеко не молод, ностальгией не страдал. Значит, годы?.. Чёрт знает, когда они успели пролететь…

"Ну что ж… — подумал он довольно хладнокровно. — Придётся снова засесть в обсерватории…"

Но это позже. А пока — рейс. Бросок. В рейсе следует оставаться скадерменом. Яр щелчком выбил на ладонь крупную пилюлю пентарина. С некоторым сожалением взглянул на мальчишку, который сейчас исчезнет. Мальчишка был удивительно знакомый. Нет, Яр не знал его имени и раньше никогда не видел. Но такими были приятели в его детстве. Таким, видимо, был когда-то он сам.

Этот пацанёнок прикатил на своём велосипеде

из тех времён, когда о звёздных полётах писали только фантасты. Когда не существовало неофициального, но почётного титула "скадермен", да и самого проекта СКДР не было в помине. А был старый Нейск, заросший одуванчиками двор, шаткая заброшенная голубятня, где играли то в партизанский штаб, то в полёт на Венеру…

Мальчик стоял вполоборота к Яру и разглядывал на потолке центральный, выключенный сейчас плафон.

— Испортился, что ли… — тихонько сказал он и стал медленно поворачивать голову к Яру.

Яр вздохнул и раздавил зубами желатиновый шарик.

Ледяные стрелы ударили в язык, в нёбо, в мозг. Всё вокруг стало холодным и пронзительно ясным. Таким ясным, что приглядись — и поймёшь, куда и по каким ячейкам скачут за пультом электронные импульсы. Прислушайся — и узнаешь, какие сны снятся юному Диме Кротову или добродушному Борису (Сайский снов, естественно, не смотрит, так как это не предусмотрено инструкциями).

В мыслях тоже ясно, чисто и холодно. Исчезли сумятица, неуверенность, нерешительность. Исчезло всё ненужное, всё, что мешает, всё, что

кажется…

Мальчик не исчез.

Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь. Яр, например, понял, что в кармане у мальчишки шелуха от семечек подсолнуха и огарок свечки, и что у него побаливает натёртая башмаком пятка, и что здесь, в рубке крейсера, мальчику интересно, а смущения он не испытывает и настроен даже как-то по-хозяйски.

Чёрт знает что…

Оставалось прошептать "сгинь-пропади" и плюнуть через левое плечо. Яр этого не сделал, хотя про суеверность скадерменов ходили анекдоты. Он ощущал странную беззаботность. Как школьник, который говорит: "Я сделал все, что полагается. Теперь, если что-то не так, я не виноват".

Мальчик встретился с Яром светло-карими глазами. Взгляд был спокойно-доброжелательный и самую чуточку снисходительный. Мальчик улыбнулся уголками губ и опять поднял глаза. На выпуклые хромированные буквы над пультом.

— Эс-Ка-Дэ-Эр-девять, — полушёпотом прочитал он. — Суперкрейсер дальней разведки…

— Совершенно верно, — сказал Яр, поворачиваясь вместе с креслом. Гость явно не собирался

растворяться в воздухе, и оставалось одно: принять "правила игры". "Чёрт возьми, почему я не ударялось в панику? И почти не удивляюсь? — спросил себя Яр. — Защитная реакция мозга?"

А мальчишка был такой славный и абсолютно настоящий. Как он устоял перед пентарином? Этого не могло быть…

— Совершенно верно, — сказал Яр. — Суперкрейсер дальней разведки. Сокращенно — "эскадер". В просторечии — "скадер".

— А почему "девять"? — Мальчик опять посмотрел на Яра. Как на привычного собеседника.

— Потому что девятый номер. По порядку. Так построили…

— Да? Мальчик то ли с недоумением, то ли с легкой досадой шевельнул выгоревшими бровями. — А я, когда сюда шёл, думал, он один. Просто "эскадер"…

— Ты сюда шёл… — задумчиво сказал Яр. — И вот пришёл… Да?

— Ага, — и он опять слегка улыбнулся.

— Ну и… может, поздороваешься хотя бы?

— Ой… здрасте. Простите. — Он чуть покраснел и зашевелил большим пальцем в полуботинке — в том месте, где вельвет был протёрт почти насквозь.

Яр, бестолково улыбаясь, молчал. Мальчик решил, видимо, что хватит смущаться, и повёл весёлыми глазами по пульту.

— Сколько приборов всяких. В сто раз больше, чем я думал… А это что за кнопка?

Яр в броске перехватил руку.

Он не мог её перехватить. Рука должна была оказаться из воздуха. Или из чего там у призраков? Но она, по-мальчишески тонкая, твёрдая, тёплая, оказалась настоящей. Когда Яр испуганно разжал хватку, на загорелой коже остались белые пятнышки от пальцев.

Мальчик удивлённо морщился.

— Извини, — сказал Яр. — Больно? Я не хотел. Но это кнопка аварийного вызова, сейчас поднялся бы такой тарарам…

— Ой… — сказал мальчик и виновато засопел.

Яр откинулся в кресле.

— Ну, ладно… Любопытно всё-таки, откуда ты взялся?

— Я? Ну… я сперва поехал к Данке, чтобы спросить про цирк. А потом сюда, на поляну. Думаю: наверно, пора заглянуть. — Он почему-то вздохнул. — Велосипед у забора поставил, а сам сюда, по лесенке. Вот…

— Угу… Ты хочешь сказать, что крейсер стоит

на поляне и к нему ведёт лесенка?

Мальчик быстро и прямо взглянул Яру в глаза. Кивнул.

— М-да… — медленно сказал Яр. — Видишь ли, я убеждён в другом. Я уверен, что он висит в субпространстве, которое даже не совсем пространство и про которое учёные до сих пор спорят, что же это такое. И в которое трудно приехать на велосипеде хотя бы потому, что…

— Да, я знаю, — перебил мальчик и нетерпеливо мотнул головой. — Это по-вашему в этом… в субпространстве. А в самом деле, по-нашему, на поляне…

— По какому это "по-вашему"? — слегка уязвлённо спросил Яр.

— Это… Мы так придумали. Я и ребята. Когда стали в вас играть…

— Ничего себе заявочки! — Яр от изумления вспомнил мальчишечью терминологию давних лет. — Это, выходит, я придуманный? И весь экипаж, и крейсер?

Мальчик впервые смутился очень сильно. Оттопыренные уши стали алыми. Он опустил голову и левым башмаком начал неловко чесать правую щиколотку. Прошептал, не глядя:

— Ну… вы не обижайтесь, пожалуйста.

— Я не обижаюсь… — Яр дотянулся, взял его за локти (взял настоящего, живого, пахнущего травой, мальчишечьим потом, велосипедной смазкой и клейким тополиным соком), поставил перед собой. — Я не обижаюсь, малыш… но мне трудно в это поверить. В лесенку, в поляну…

— Тогда пойдёмте! — мальчик весело отпрыгнул назад.

— Куда?

— На поляну!

Яр понял, что сейчас мальчик уйдёт.

— Постой! Скажи хотя бы, как тебя зовут?

Мальчик мигнул.

— Игна…т…тик, — проговорил он с лёгким усилием. Видимо, не знал: сказать полное имя или уменьшительное.

Яр этого не ждал. Среди его приятелей-мальчишек были Саши, Валерки, Вовки, Юрки, Сережи. Потом пошла мода на Денисов, Егоров, Данилок… Игната он не помнил ни одного.

Но всё равно хорошо.

— Значит, Игнатик?

— Ага, — сказал мальчик с облегчением, будто сдал маленький экзамен. — Или иногда просто Тик… Вы пойдёте?

Яр улыбнулся:

— Я же на вахте.

— Ну и что? Корабль на автоматическом контроле, вахта сейчас не обязательная.

— Хорошо… — Яр встал. Если играть, так до конца. Но, кажется, конец был близок. Какой?

Игнатик шагнул к двери аварийного гермошлюза и ухватился за хромированный рычаг, утопленный в глубокой выемке. Вопросительно оглянулся на Яра.

— Чтобы открыть эту дверь, надо её разблокировать и набрать двойной код, — тихо сказал Яр.

— Да не-е… — отозвался Игнатик.

И потянул рычаг.

Дверь тяжело отошла.

Яр увидел полосы солнца.

2

Солнце било в щели и открытую дверь дощатой будки. Будка примыкала к тамбуру шлюза. Игнатик легко перешагнул стальной комингс. Протянул оттуда, из другого мира, тоненькую свою руку Яру. Яр… вздохнул, зажмурился и тоже шагнул.

У него под ступнями прогнулись шаткие половицы. Яр быстро посмотрел назад. Там была теперь фанерная стенка с грубо сколоченной и

плотно закрывшейся дверью.

— Как же я вернусь? — проговорил Яр с внезапным и совершенно детским страхом.

— Да очень просто. Так и вернёшься… Ой, то есть вернётесь… Яр…

— Что? — машинально спросил он. Сердце стучало глухо и медленно. С трудом толкало кровь. Было жутко? Пожалуй, нет. Но.. .

— Что? — механически повторил он.

— А можно… мы будем с вами на "ты"? Мы так привыкли, когда играли…

Игнатик опять засмущался, зачесал башмаком щиколотку. Он был настоящий. Его смущение было настоящим. И его царапина на носу, спутавшиеся на лбу волосы, дырка на майке.

И заброшенная голубятня была настоящая. То, что это голубятня, Яр понял, увидев за окошком проволочную клетку. Здесь вкусно и знакомо пахло старыми досками.

Яр усилием воли вогнал сердце в нормальный ритм. В конце концов, он был скадермен с тремя звёздами на рукаве.

— Да, — сказал он Игнатику, — конечно. Давай на "ты", так лучше будет.

— Пошли? — Игнатик шагнул к двери голубятни. Яр за ним. В проёме двери он, согнувшись,

замер.

Навстречу ударило лето.

Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубизной над низкими крышами.

Голубятня стояла посреди поляны, усыпанной звёздами одуванчиков. Они покрывали поляну сплошной желтизной. Игнатик прыгнул в одуванчики и сказал Яру:

— Спускайся. Не бойся…

Яр медленно сошёл по приставной лесенке.

За поляной лежал широкий двор. Т о т с а м ы й двор? С двухэтажным деревянным домом, с высоким сараем, вдоль которого тянулась берёзовая поленница. За покосившимся забором — два тополя и кирпичное здание переплётных мастерских. Косой столб с проводами, на проводах повис разбитый ветром змей с мочальным хвостом.

Вокруг поляны, шелестя спицами по листьям высоких сорняков, ездил на велосипеде мальчишка.

— Во, Алька на моих колесах гоняет, — обрадовался Игнатик. — Алька !

Мальчишка подкатил, затормозил со звонким скрежетом. Распахнул ресницы, глянул изумлённо. И вдруг просиял — иного слова не найдёшь

— навстречу Игнатику и Яру.

— Вот, — скромно сказал Игнатик. — Это Яр. Я привёл. А вы не верили.

Алька положил велосипед. Сияя, обошёл вокруг Яра, как вокруг новогодней ёлки. Потом встал перед ним, глянул серо-зелёными весёлыми глазами и приоткрыл пухлый рот с трещинкой на верхней губе.

Он был круглолицый, русый, в полинялом и обвисшем тренировочном костюме. Чуть пониже Игнатика и на год или полгода помладше.

— Здрасте… здравствуй, — сказал он и протянул прямую ладошку с плотно сдвинутыми пальцами.

Яр улыбнулся… и опять поразился реальности и невозможности того, что случилось. Обдало жутковатым холодом. Но Алька был такой… такой взаправдашний Алька. И всё вокруг — б ы л о.

А раз было, приходилось делать то, что полагается. Устав СКДР гласил: "Столкнувшись с необычными явлениями, которые на данный момент не поддаются объяснению, командир и члены экипажа, вместе или в одиночку, должны действовать, полагаясь на собственную интуицию и опыт, в соответствии с обстоятельствами".

В соответствии с обстоятельствами следовало

взять Алькину руку и поздороваться. Яр так и сделал.

— Ой! — спохватился Игнатик. — Надо же к Чите зайти! Подождите, я запру велосипед в сарай и пойдём…

Он вскочил в седло и укатил по траве и одуванчикам.

У Яра и Альки наступило неловкое молчание. Чтобы его прогнать. Яр спросил:

— А кто такая Чита?

Алька обрадованно засмеялся:

— Это не "такая", а "такой"! Это Вадька, мы его так прозвали.

— А он не обижается? Чита — это ведь, по-моему, обезьяна из старого кино про дикаря Тарзана…

Алька замотал головой так, что волосы разлетелись по сторонам.

— Это не из кино, что ты! Это сокращённо от слова "читатель".

Подбежал запыхавшийся Игнатик.

— Пошли! — Он торопливо взял Яра за руку. За другую — двумя ладошками — ухватился Алька.

Улица была та, где он бегал в детстве. Или почти та. Яр узнавал дома с палисадниками, старые ворота с поржавевшими овальными знаками страховых обществ. Вот старая кривая липа, вот

водонапорная колонка, похожая на человечка в матросском берете с помпоном. У неё, как всегда, лужа, из лужи пьют воробьи.

Асфальтовый тротуарчик тут и там пробит крепкими небольшими лопухами…

Вошли во двор, похожий на тот, где жил когда-то Славик Раскатов. На середине приставной лестницы, ведущей к чердаку, сидел мальчик в очках. Это, безусловно, и был Чита. Во-первых, потому что он читал. Во-вторых, потому, что Алька радостно завопил:

— Чита, мы пришли! Вот смотри!

Чита поднял голову. Рывком откинул со лба тёмное крыло волос. Положил очки в накладной карман отглаженной голубой рубашки. Прикрыл книгу и встал на ступеньке. Отряхнул красивые светлые брюки с острыми стрелками. И, не держась за брусья лестницы, легко сбежал по шатким перекладинкам.

Встал перед Яром — тоненький, высокий, очень аккуратный. Посмотрел прямо и внимательно.

— Здравствуйте, Яр. Хорошо, что вы пришли.

— Мы договорились с Игнатиком, что будем на ты, — сказал Яр.

Чита рассеянно кивнул. Посмотрел на Игнатика.

— Тик, просто не верится. Как ты всё это сделал?

— Я старался, — скромно сказал Игнатик.

— А где Данка? — нетерпеливо спросил Алька и крутнулся на пятке. — Ещё не пришла?

— Вот она идёт, — сказал Чита.

В калитку вошла девочка в красном платье. Угловатая, быстрая, с толстогубым добродушным ртом, но строгими бровями и тёмными глазами. Игнатик и Алька подтянулись. Впрочем, Алька тут же довольно развязно сказал:

— Где тебя носило? Принесла билеты?

— Здравствуйте, — сказала Данка. В основном Яру.

— Это Яр, — сообщил Игнатик.

— Я поняла… — в Данкиных глазах металось любопытство, но говорила она сдержанно. — Значит, всё-таки вытащил вас Тик… Он у нас молодец, верно?

— Тут какой-то заговор, — заметил Яр. — Выходит, меня заранее готовились "вытащить"?.. Объясните мне всё по порядку! — взмолился он.

— А мальчишки не объяснили? — Данка с укором глянула на ребят. Она была постарше и, видимо, умела командовать.

— А чего… — пробормотал Игнатик. — Я сказал,

что мы играли.

— По дороге поговорим, — пообещала Яру Данка. — Вы ведь пойдёте с нами в цирк?

— А у вас на меня и билет есть?

— Билета нет, но здесь такое правило: если собираются четверо ребят, один взрослый может пойти с ними бесплатно.

— А если спросят, откуда я взялся и кто я такой?

— Кому какое дело? — буркнул Игнатик.

— Мы скажем, что к Игнатику приехал в гости дядюшка! — воскликнул Алька и ухватил Яра за руку. — Пошли?

Данка хмыкнула и оглядела Альку от плоских растоптанных сандалет до растрёпанной макушки. Потом Игнатика — его дырявую майку, мятые штаны и пыльные башмаки. Игнатик начал торопливо раскручивать правую штанину.

— Брысь, — холодно сказала Данка. — Даём вам десять минут.

Игнатик с Алькой переглянулись и рванули к калитке. Уже с улицы Алька крикнул:

— А Яр? Ему тоже надо переодеться!

— Не ваша забота, — ответила Данка.

Яр посмотрел на себя как бы со стороны: спортивные брюки из серебристой тетраткани,

форменная рубашка с эмблемой СКДР и звёздами на рукаве…

— Я принесу вам папин костюм, — деловито сказала Данка.

— А как отнесётся к этому папа?

— Папа умер…

— Ох… прости, пожалуйста. Но…

— А мама на дежурстве… Вы не волнуйтесь, Яр, мы вас не подведём, всё будет хорошо.

"Ничего себе "не волнуйтесь", — с усмешкой подумал Яр и понял, что не волнуется. Действие пентарина кончилось, пришло состояние легкого опьянения и беззаботной лени. Теплое лето обволакивало Яра. Крейсер показался далеким сном. Да и где он был теперь, этот крейсер?

…Данка принесла мягкий вельветовый костюм и клетчатую рубашку. Яр переоделся в сарайчике, где пахло сухой травой и копошилась в углу курица-несушка. Одежда оказалась широковата в плечах, а по росту в самый раз.

— Вы… то есть ты немножко на папу похож, — улыбнулась Данка. — Такие же волосы светлые и такой же высокий. Только ты моложе.

— Моложе? — усмехнулся Яр. — Да ты знаешь, сколько мне лет?

— Сколько?

Яр сказал.

Данка охнула.

Но Чита авторитетно разъяснил:

— Это же общее число лет. А по локальному биологическому времени гораздо меньше.

— Да, — согласился Яр. — Но это — пока в рейсе. А на Земле потом жизнь берёт своё. И начинает наматывать годы за месяцы…

— Вам никак не дашь больше тридцати пяти, — с чуть заметным девичьим кокетством сказала Данка.

— Пожалуй, — согласился Яр. — А тебе сколько?

— Четырнадцатый… — Она вздохнула. — А когда папа умер, было девять.

— Что же случилось с папой? — нерешительно спросил Яр.

— С папой?.. Да как со многими. Эпидемия… У Игнатика вот тоже… И отец, и мама… Он теперь с тётей живёт…

Чита сказал, будто заступился:

— Она же ничего, хорошая тётка…

Грохнула калитка — примчались Игнатик и Алька. Красивые такие. В одинаковых парусиновых шортиках — чистых, отутюженных, с лаковыми ремешками и пестрыми нашивками.

В рубашках с накладными карманами и погончиками: Алька в белой, Игнатик в оранжевой. Игнатик переобулся в новенькие блестящие сандалии. На Альке остались прежние расхлябанные сандалеты. Данка посмотрела на них с осуждением.

— А других нет, я их утопил, — независимо сказал Алька.

Брюки и рубашку Яра Чита спрятал в тайнике за поленницей, где у него хранились книги. Яр смотрел на это с тревогой. Отдавая одежду, он как бы рвал последнюю связь с крейсером.

— Братцы, а когда вы вернёте меня домой?

— Да вернём, вернём, — снисходительно сказал Алька.

— Вечером, — сказала Данка.— Если вы захотите…

— То есть как это "если захотите"?

— Вечером, — торопливо успокоил Игнатик. — Ты не бойся, Яр… Ну, идём?

Чита надел очки и открыл книгу.

— Он что, и на ходу читает? — шёпотом спросил Яр.

— Ага, — с некоторой гордостью сказал Алька.

Летнее утро царствовало над тихими улицами. Прохожих было мало. Изредка с тарахтеньем

проносились автомобили старых, каких-то полузнакомых марок.

Город становился не совсем знакомым.

Сначала Яру казалось, что он попал в старый Нейск. Или двойник Нейска. В этом была бы хоть какая-то, пускай сказочная, логика: неведомые силы вернули его в мир детства. Но город оказался не совсем таким, каким помнился Яру. Чем ближе к центру, тем больше было путаницы. За старинным зданием банка со знакомыми львиными мордами над окнами стоял вместо привычного магазина "Детский мир" красный трёхэтажный дом. За крытым рыночным павильоном, куда Яська ходил с мамой за луком и капустой, подымалась кирпичная лютеранская кирха — такой в Нейске вообще не было…

— Как называется ваш город? Нейск? — спросил Яр у Данки.

Она сказала чуть удивленно:

— Нет, Орехов.

Чита шагал впереди и ухитрялся не спотыкаться. Алька, шлёпая сандалетами, подбежал к нему.

— Ты что читаешь?

— "Зверобой" Фенимора Купера…

— Ух ты… А это кто на картинке? Индейцы?

Он зашагал рядом с Читой, заглядывая в книгу. Яр вдруг заметил, что ноги у Альки чуть-чуть колесом, как у маленького кавалериста. Это было еле заметно и ничуть не портило Алькину внешность. Наоборот, делало его походку особенно ловкой и слегка шаловливой. Алькиной…

Игнатик и Данка шли по бокам от Яра. Игнатик двумя руками держал его за локоть. Один раз он заглянул Яру в лицо, тихо сказал:

— Яр…

— Что… Тик?

Он заулыбался:

— Ничего. Просто…

— А вот и цирк, — сказала Данка.

3

Когда вышли из цирка, в разгаре был день. С жарким солнцем, с высокими белыми облаками.

— Купаться, — сказал Алька и запрыгал на здоровой, незабинтованной ноге. — Пойдём, Данка, да? — Он заглядывал ей в лицо, слегка подлизываясь.

— Можно, — отозвалась Данка. — Тебе полезно остыть. — Она повернулась к Яру. — С ним невозможно сидеть, верно? Хохочет, как сумасшедший, да ещё ногами колотит.

— Ну, а что делать, если клоуны? — заступился Яр. — Я сам хохотал, как в детстве… Когда я маленький был, у нас такие же клоуны выступали. Батон и Шура Печкин.

И подумал: "А может, эти же самые?"

— Вы хохотали нормально, а он — как будто его сто русалок щекочут, — сказал Чита, раскрывая на ходу книгу.

— Ты всё равно ничего не видел и не слышал, ты читал, — поддел Алька.

— Читал и слышал. И всё видел, — невозмутимо сообщил Чита. — Видел даже, как Игнат хулиганил.

— А что я… — не очень уверенно сказал Игнатик.

— А почему у Софии Марчес кубики два раза не туда падали, а петух всё время прыгал в вазу и кукарекал, как бешеный? Она чуть не плакала.

— Тик, ну как не стыдно, — сказала Данка. Впрочем, без особой строгости. Алька весело растопырил ресницы. Игнатик потупился, затеребил шортики и произнес Алькиным голосом:

— Я исправлюсь.

Яр хотел спросить, как это Игнатик сумел устроить такие шуточки, но Алька очень ехидно поинтересовался:

— Чита, тебя щекотали русалки?

— Нет, — хладнокровно сказал Чита.

— А откуда ты знаешь, как хохочут, если они щекотят?

— Липучка, — сказала Данка.

— Говорят, раньше русалки водились под обрывом у крепости, — сообщил Игнатик и пристроился к Яру. Взял его за рукав.

— Мало ли что говорят, — возразила Данка. — Тебе что ни скажи, ты всему веришь… Знаете, Яр, он просто до ужаса доверчивый. Сам такие штуки умеет делать, а верит всему, что ни скажут.

— Ну и что… — слегка надулся Игнатик. И поплотнее взялся за рукав Яра.

Яр благодарно посмотрел на его белобрысую макушку и спросил:

— А что за крепость?

— Старинная, над рекой, — объяснила Данка.

— Пойдёмте купаться к крепости! — оживился Алька.

— Только надо купить что-нибудь поесть, — рассудила Данка. — Через час вы запищите от голода… Тик, сколько осталось копеек?

Игнатик вытряхнул из кармана какие-то бумажки, огарок свечи и две монетки. Данка недовольно сказала:

— Зачем ты свечку-то с собой таскаешь? Смотри, от неё на кармане сальное пятно.

— Подумаешь…

Они шли по старой улице с двухэтажными домами. Вдоль потрескавшихся асфальтовых тротуаров цвели высокие тополя. В безветрии медленно падал тополиный пух. Тик сдувал его с большого белого каравая, который купил в подвальчике с вывеской "Хлеб и мука".

По тряской мостовой, позванивая, проскакивали мальчишки-велосипедисты. Почтенные пенсионеры в парусиновых пиджаках прогуливали пуделей и болонок. Псы морщились и чихали от пуха. Машин почти не было, протарахтел только голубой грузовичок, он вёз на прицепе бочку с квасом. Двое загорелых ребятишек в красных трусиках катили по дороге громадную камеру от автомобиля — тугую и блестящую. Она звонко прыгала на булыжниках.

— Нам бы такую, — вздохнул Алька. Тут же отвлёкся, завертел головой. — Ой, смотрите, фотография!

— Ну и что? — строго сказала Данка.

— Автоматическая же! Можно сняться и сразу карточки получить.

— Вечно ты выдумываешь. Зачем?

— На память Яру, — хитро сказал Алька.

— А в самом деле! — обрадовался Яр. — Давайте!

Он подумал, как здорово будет сохранить снимок этой замечательной компании. На память о чуде, которому он уже перестал (почти перестал) удивляться. По крайней мере, останется доказательство, что *это было*.

— А деньги? — спросила Данка.

Игнатик показал четырёхкопеечную монетку.

Они вошли в полутёмный фанерный павильончик. Плоский жестяной клоун у стены приподнял шляпу и задрыгал ногами. Над ним зажглась надпись:

Опустите 4 копейки
и встаньте перед объективом
у черты

— Дай, я опущу! — Алька толкнул монетку в щель старинного аппарата рядом с клоуном. Аппарат был нарисованный, а объектив у него — настоящий.

Все торопливо встали у белой полосы на полу. Яр оказался посередине, Алька слева, Игнатик справа, Данка и Чита по краям.

— Перестань читать, — сердито сказала Данка.

В это время зашипело, вспыхнул магниевый свет, все вздрогнули, Алька подпрыгнул и захохотал.

Через полминуты глаза опять привыкли к сумраку. Тогда зажглась новая надпись:

Подождите

А ещё через минуту:

Получите!

Клоун опять задрыгал ногами и поднял шляпу. Из щели под нарисованным аппаратом выскользнул на столик фотоснимок размером с открытку. Алька подхватил его, а клоуну снисходительно сказал:

— Спасибо.

На улице карточку подробно рассмотрели. И одобрили. Все получились похожие и весёлые. Только Чита всё-таки смотрел в книгу.

— Ну и ладно. Иначе это был бы не Чита, — заметила Данка и отдала снимок Яру. Он положил его во внутренний карман вельветового пиджака. При этом он заметил, что в кармане есть не то плоский бумажник, не то твёрдый конверт. Но тут же забыл.

Улица вывела на речной обрыв.

Река была широкая, с желтоватой водой, с толчеёй плотов у противоположного низкого берега. На том берегу толпились домишки слободы. За слободой тянулись луга и синели рощицы. Над ними висели светлые груды облаков.

Река плавно поворачивала, и зелёный с жёлтыми проплешинами обрыв изгибался широченной дугой. На дальнем конце изгиба Яр увидел крепость.

Это были кирпичные башни — квадратная и несколько круглых. Они стояли почти вплотную друг к другу — будто кто-то на краю громадного стола сдвинул вместе красновато-коричневые банки и коробку.

Вершины башен были неровные, с осыпавшимися зубцами.

— Странная крепость, — сказал Яр. — У нас такой не было.

Тик посмотрел на него с тревогой:

— А что? Это… плохо, да?

— Н-нет… — скрывая сожаление, отозвался Яр. — Но когда вы меня… когда я оказался у вас, то подумал сначала, что попал в свой родной город…

— Все-таки это Орехов, а не Нейск, — виновато заметила Данка.

— Да… Но непонятно, откуда столько знакомого… Даже цирк с Софией Марчес…

— Это Тик напридумывал так похоже, — сказал Алька. — Ой… — он перепуганно посмотрел на Яра.

Яр засмеялся, дотянулся, взлохматил ему и без того растрёпанную русую голову. И сказал, слегка наклонившись к Игнатику:

— Ну и молодец, что напридумывал… Двор у вас в точности такой же, в каком жил я. Мне даже показалось: вот поднимусь на второй этаж и окажусь в своей собственной комнате… И голубятня такая же… Голубей в ней не было, и мы там играли по вечерам.

— Как? — спросил Игнатик.

— По-всякому… Тоже придумывали… У нас тогда была постоянная компания: Валерка Дымов, Славик Раскатов, Димка Савченко, Юрик… фамилию не помню… и я… Девочки, правда, не было, — он покосился на Данку. — Сначала не было…

— А вас не ругали? — спросил Чита и оторвался от книги.

— За то, что не было девочки?

— Нет, за то, что пятеро, — быстро сказал Игнатик.

Яр по очереди оглядел всех. И Алька, и Тик, и Данка, и даже Чита смотрели на него с непонятным ожиданием.

— Братцы, — осторожно сказал Яр. — Я заметил непонятную вещь. У вас, по-моему, ужасно не любят число пять. Почему?

Алька сердито фыркнул. Тик быстро обвел друзей блестящими глазами и покрепче взял Яра за руку. Данка странно улыбнулась.

Чита пожал плечами:

— Это же несчастливое число. Все знают…

— Я-то не знаю. У нас такого нет, — сказал Яр. — Это что? Обычай? Примета?

— Всё на свете, — объяснил Чита. — Людям известно, что пять — это всегда не к добру. Во всех случаях жизни.

— Даже неприличным считается, если что-то пять, — сказала Данка. — Если впятером собираются, это… да никто и не собирается. Иногда только ребята, но за это попадает.

— Говорят, что хулиганство… — буркнул Алька.

— Ну… а мы сейчас тоже впятером. За это не попадёт?

— Это не впятером, — усмехнулся Чита. — Это четверо и один. Четверо ребят и взрослый. Счита-

ется, что он смотрит за детьми. Поэтому его даже в цирк пускают бесплатно.

— Ну, идём купаться-то? — жалобно спросил Алька. И шагнул к откосу. Там среди бурьяна и конопли начиналась тропинка и петлями спускалась к воде.

— Постой, Алька… Я хочу все же разобраться, почему такой обычай. Или даже закон?

— Закон? — удивилась Данка. — А откуда он возьмётся?

— Как откуда? Мало ли… Вам лучше знать. Может, от директора школы, может, от правительства…

— А откуда возьмется правительство? — сказал Чита. — Правительства были раньше, когда люди ещё воевали.

— А сейчас не воюют?

— Сейчас? — удивилась Данка. — Сумасшедшие, что ли? И без того хватает…

— Значит, по всей Земле нет войн?

— По какой земле? — сунулся Алька.

— По всему земному шару?

— А как это "земной шар"? — нерешительно спросила Данка.

— Разве планета — не шар?

— Шар, конечно, — заметил рассудительный

Чита. — но при чём здесь земля?

— Разве планета называется не Земля?

— Земля — вот, — Чита колупнул ботинком траву и почву. — А планета — просто Планета. Она так и называется…

— А-га… — соображая, протянул Яр. — Ну что же… А разве других планет у Солнца не открыли?

— Давным-давно открыли, — объяснил Чита. — Альфа, Бета, Гамма, Дельта… и так далее. А наша — просто Планета. Потому что для нас она главная.

— Логично, — заметил Яр.

— Пойдемте же купаться! — отчаянно сказал Алька.

Яр его понял. Яру тоже ужасно захотелось сбежать по тропинке среди зарослей, сбросить одежду, бултыхнуться в воду. Потом свалиться на песок и, может быть, зарыться в него, в сухой и тёплый. И устроить с Тиком и Алькой возню. Вспомнить наяву берег Туры с такой же широкой желтоватой водой… Ну их, планеты. Хотя бы в этот летний день…

И все же Яр задал ещё вопрос:

— Если нет правительств, кто же управляет людьми на всей… Планете?

— А зачем ими управлять? — опять удивилась Данка. — Маленькие, что ли? Каждый и так знает, что ему делать.

— Да нет, говорят, всё же управляют, — как-то сумрачно возразил Чита.

— Мы ещё маленькие, мы это не проходили, — чуть насмешливо сказал Алька.

Игнатик заглянул Яру в лицо.

— В самом деле, пойдём купаться, Яр.

Они начали спускаться. Данка двигалась осторожно, боком. Алька, несмотря на забинтованную ногу, ускакал вперёд. Чита ухитрялся читать на спуске и ни разу не споткнулся. Игнатик не выпускал руку Яра.

4

Под заросшими откосами и обрывами тянулась песчаная полоса. Кое-где на ней торчали пляжные грибки. На песке резвилось и загорало множество мальчишек и взрослых. Мальчишек, разумеется, больше. Ребята и Яр долго шли вдоль воды и наконец отыскали свободное место с гладким, почти не тронутым следами песком.

Алька торопливо задёргал пуговки рубашки. Сказал с восторгом:

— Ох и побулькаем…

— Тебе нельзя, у тебя нога порезанная, — возразила Данка. Впрочем, без всякой уверенности, что Алька послушается.

Он только фыркнул и показал язык.

— Балда упрямая, — сказала Данка. Одним махом сбросила через голову платье, промчалась по песку и гибко, по дуге, кинула себя в воду. В серебристом купальничке она мелькнула, как узкая рыбка.

— А говорили, что здесь русалки не водятся, — улыбнулся Яр.

Мальчишки торопливо пошвыряли в кучу одежду и башмаки. Даже Чита без жалости скомкал свои наглаженные брюки. Только Яр аккуратно укладывал костюм — чужой, надо беречь. Игнатик, Алька и Чита нетерпеливо на него поглядывали.

— Ты нас побросаешь? — спросил Игнатик.

— Как?

— Ну, раскачал — и в воду, — объяснил Алька.

Вода была мутноватая и тёплая, с привкусом травы и песка. Яр швырял с размаху в эту воду орущих от радости Игнатика и Альку. Потом все ныряли с него, как с вышки. Даже Данка, которая приплыла с середины реки. Оказалось, что лучше всех ныряет Чита. Тощий, ребристый, в обвисших

трусиках, он взлетал с плеч Яра, как пружинка, и падал без плеска. Данка тоже хорошо ныряла. Игнатик не очень. Алька же просто плюхался.

Когда выходили на берег, Алька вдруг завопил:

— Ой, меня кто-то за ногу тащит! Крокодил!

Никто, даже Яр, не обратили внимания: привыкли к его фокусам. Только Игнатик бросился к Альке. Схватил его за локоть, дёрнул к себе. Оба шлёпнулись у берега на мелком месте.

— Ты чего! Я же понарошке! — захохотал Алька.

Игнатик вскочил, ушёл на берег и лёг.

— Ну какие здесь крокодилы, — немного смущённо сказал ему вслед Алька.

— Ох и пустозвон ты, — вздохнула Данка.

— Я виноват разве, что он всему верит? — огрызнулся Алька.

Вслед за Игнатиком все в беспорядке попадали на песок. Яр украдкой смотрел на Игнатика и Альку — те лежали недалеко друг от друга. Алька боком — боком подобрался к Игнатику, осторожно дотронулся локтем до его плеча. Игнатик улыбнулся. Тогда Яр облегчённо закрыл глаза и перевернулся на спину. Блаженно вытянулся на сухом тёплом песке Планеты.

Какой планеты?!

Скадермен всегда обязан быть скадерменом. Разведчиком. Попадая в незнакомые условия, он должен исследовать, изучать, анализировать, делать выводы. Строить хотя бы первоначальную теорию. Во имя дальнейшего развития человеческой мысли, во имя прогресса и науки.

Яр чувствовал, что самым скандальным образом теряет право на свой высокий титул. Он не анализировал и не строил. Он валялся на песке в обществе трёх загорелых пацанов и девчонки и, вопреки логике, чувствовал себя таким же, как они — довольным и беззаботным.

Впрочем, он попытался мысленно прикинуть конспект первого донесения.

Пункт первый. Способ высадки на объект. Значит, так: через голубятню на поляне с одуванчиками (о, бедные академики в экспедиционном комитете СКДР!).

Пункт второй. Вид космического объекта. Планета типа, максимально приближающегося к земному… А может быть, всё-таки просто Земля? В другом витке пространства-времени, или в каком-нибудь параллельном варианте развития, или… тьфу! Сюда бы Стасика Тихова с его коллекцией фантастики, там подобной зауми — хоть зачитайся. (Но Стасик разбился в десантной ра-

кете на голой гранитной планетке с красивым именем Легенда. И где теперь его коллекция?)

Ну ладно, пункт третий. Наличие биологической жизни. Сколько угодно. Во всех видах. Вот божья коровка ползёт по локтю…

Пункт четвёртый. Имеются ли какие-либо признаки цивилизации?

О господи, вон они, живые представители здешней цивилизации! Похитили разведчика Ярослава Родина с крейсера и в ус не дуют! Данка сидит на песке в позе знаменитой Русалочки и крошечным гребешком расчёсывает мокрые волосы. Иглатик и Алька докопались до влажного песчаного слоя и строят крепость — вроде той, что стоит наверху. Чита, естественно, читает. Впрочем, это не мешает ему время от времени украдкой швырять в крепость песочные бомбочки. Яр давно заметил, что Чита многое умеет делать, не отрываясь от книги.

Очередная бомбочка шлёпнулась на верхушку главной башни.

— Ну ладно, Чита, — сказал Алька. — Сейчас ты запоёшь… Тик, давай устраивать карательную экспедицию.

Оба угрожающе засопели и на локтях и коленках стали подбираться к Чите с флангов. Он делал

вид, что ничего его не касается. Но, когда Игнатик и Алька с воплями кинулись в атаку, Чита непостижимым образом ускользнул. Бросил книжку и помчался к воде. Алька с Тиком — за ним.

— Сейчас всю реку взбаламутят, — сказала Данка. — Ой, вон пароход идёт, волны будут! Пойдём, покачаемся?

На середине реки шлёпал громадными колёсами чёрно-белый пароход с жёлтой трубой и голубым флагом. От форштевня и колёс бежали к берегу длинные волны. По песку мчались к воде радостные мальчишки.

— Идём! — поторопила Данка.

— Лень, — честно сказал Яр. — Лучше я поваляюсь.

Данка убежала. Яр опять попробовал сосредоточиться. Настроить мысли и нервы на тот жёсткий ритм, который свойствен скадермену, ступившему на незнакомый космический объект.

Не получилось. С первых минут, когда Яр оказался на Планете, его беспокоили мысли, не имевшие отношения к задачам разведчика и науке планетологии. Его волновало, не обидел ли он Данку неосторожным вопросом об отце. Не слишком ли сильно поссорился с ребятами Алька? Не разболится ли порезанная Алькина

нога? Почему у Игнатика среди веселья и смеха вдруг мелькает в глазах тревога?

Игнатик… Белобрысый похититель скадерменов, покоритель субпространства и сказочник с оттопыренными ушами и поцарапанным носом. Когда он доверчиво и как-то чуть испуганно берёт Яра за рукав, к горлу подкатывает тёплая ласковость. В конце концов, это понятно: у Яра мог быть такой сын. Такой же, как кареглазый Тик… Или как Алька? Может быть… Или как серьёзный и быстрый Чита… Или дочь, похожая на Данку… Если бы Галина дождалась тогда.

Но она не дождалась. И Яр никогда не осуждал её. Он знал, что это могло случиться. Он сам не раз говорил ей, что главное для скадермена не земные радости, а звёздный поиск. И верил, что это так…

Мальчишки с Данкой выбрались из воды. Расселись вокруг Яра. Данка сказала:

— Ты пережаришься.

— Не-е… — сказал Яр Алькиным голосом.

Алька вспомнил:

— У нас же хлеб есть! Давайте обедать.

Они разломали и дружно умяли пухлый свежий каравай.

Алька похлопал себя по животу и лениво

встал.

— Пойду попью водички…

— Из реки? — ужаснулась Данка.

— Я тыщу раз пил, — сказал Игнатик и тоже поднялся.

— Вы посмотрите, какая вода мутная!

— Это же песок, — возразил Чита. — Песок — не микробы, он даже полезен для пищеварения. — И двинулся за Игнатиком и Алькой.

Данка жалобно посмотрела на Яра:

— Может, правда попить? Ты не боишься воды с песком?

— Я могу пить какую угодно воду. Даже морскую… А вот вы…

— А, ничего не будет! — Данка махнула рукой и побежала к воде. Яр за ней.

Они заплыли подальше, поглотали тёплой, но не очень противной воды, поныряли и опять растянулись на песке.

— А знаете, что мы натворили? — вдруг спросил Чита.

— Что? — радостно подскочил Алька.

— Мы один хлеб разломили на пять частей. И запили водой из реки, не из водопровода. Настоящий обряд. Мы теперь вроде тайного союза нарушителей обычая.

— Все за каждого, один за пятерых, — серьёзно сказал Игнатик.

— Вот это да… — с тихим восторгом прошептал Алька.— Уже?

— И ничего не случилось, — усмехнулась Данка. — Ни землетрясения, ни молний. Ни криков классной дамы…

— И крепость на нас не обрушилась, — поддержал Чита.

Все посмотрели на крепость.

Она стояла высоко на обрыве, прямо над тем местом, где лежали и сидели пять "заговорщиков". Кирпичные башни ярко освещало солнце, они были коричневато-оранжевыми. Над разрушенными зубцами плыли круглые облака. Внизу ветра не было, но там, на высоте, облака двигались быстро. Они наплывали из-за реки и уходили за крепость. Крепость бесконечно клонилась им навстречу, будто и в самом деле грозила рухнуть под обрыв.

— Что сейчас там? — спросил Яр. — Музей?

— Ничего нет, — сказала Данка. — Просто развалины.

— Но, наверно, туристы все равно лазят?

Данка покачала головой:

— Там почти никто не бывает. Говорят, что

опасно. Крепость стоит на песке и может в любую минуту обвалиться.

— Видишь, даже здесь, внизу, кроме нас никого нет, — гордо сказал Алька. — Все боятся…

В самом деле, берег был полон народа, а на пятачке под крепостью — пусто. Вот, значит, почему…

Яр спросил:

— А если в самом деле обвалится?

— Ну да! Полтыщи лет стояла, а сейчас вдруг посыплется, — хмыкнул Чита. — По теории вероятности это чушь.

— Да там всё прочное, — тихо сказал Игнатик. — Яр, мы там знаешь сколько лазили… Хочешь, слазим вместе?

Яр хотел.

В Нейске не было крепости. Был только старый монастырь на обрыве, но туда никого не пускали: в нём располагался секретный научный институт. Ещё нависал над берегом фундамент взорванного собора. Под фундаментом Яська с Валеркой и Юриком разыскали подземный ход, но он оказался заваленным в самом начале.

Им тогда хотелось приключений и тайн. Они мечтали: вот если бы в городе сохранилась старинная цитадель — с башнями и подземельями,

где можно отыскать ржавое оружие. Даже с привидениями…

Яське даже снилась иногда такая крепость. Впрочем, взрослому Яру тоже иногда снилась…

Мальчишки торопливо натягивали одежду.

— В обход пойдём, по тропинке? — нерешительно спросила Данка.

Алька презрительно фыркнул.

— На штурм, — твёрдо сказал Игнатик.

Чита затолкал "Зверобоя" под брючный ремешок, снял очки и прицельно глянул вверх.

— На кого вы будете похожи… — вздохнула Данка. — Яр, ты тоже полезешь напрямик?

— Я боюсь за костюм…

— Да с костюмом-то ничего не сделается, почистим… — Данке самой явно не хотелось тащиться в обход.

— А крик на берегу не подымут? — спросил Яр. — "Куда полезли, хулиганы, там опасно!" Чего доброго, милицию позовут, а у меня никаких документов…

— Какую милицию? — удивилась Данка.

— Милиция — это отряды добровольцев, если… ну, какое-нибудь стихийное бедствие или ещё что-нибудь, — объяснил Чита. — Кто же будет из-за нас собирать отряд?

— А кто охраняет порядок? — спросил Яр.

— Где? — не поняла Данка.

— Ну, везде…

Она пожала плечами:

— В школе — учителя. Дома — родители… или вообще старшие. На работе — начальство…

— На море — береговая охрана. Это если браконьеры, — сказал Игнатик. — Я знаю, у меня ещё одна тётя есть, она у моря живет, на той стороне. Она писала про браконьеров…

— Разве бывают письма с той стороны? — удивился Алька.

— А что такого? Говорят, и люди иногда приезжают, — сказал Чита.

Все почему-то помолчали.

— Лезем, — решительно сказал Алька.

Было трудно и весело. Пласты песка оседали под тяжестью тела, песчаные ручьи неслись вниз, шурша в редких стеблях. Один раз Яр почти с полпути съехал с песчаной лавиной в бурьянные заросли у подножия обрыва. И всё же они штурмовали крутой берег снова и снова. Данка неожиданно вырвалась вперёд и мелькала в своём красном платьице, как флажок, — высоко-высоко. Алька тоже ловко карабкался выше Яра. Игнатик и Чита держались по бокам — Яр

понял, что они деликатно подстраховывают его. "Отяжелел, старая кляча, — обругал он себя. — Никакой подготовки". И поднажал, отплёвываясь от песка.

Песок был везде. За воротом и за пазухой, во рту и в ушах, в волосах и в обуви. Тёплый, сухой, чистый…

Яр отчетливо вспомнил, что такое уже было. Почти так. Во сне. Не очень давно. Только вместо четырёх ребят с ним штурмовал берег один мальчишка. Похожий на Игнатика, лишь волосы тёмные. Сердитый, босой, с грязным бинтом на коленке, в чёрной рубашке с блестящими пуговками. Он тащил на боку игрушечный барабан, который когда-то мама подарила маленькому Яське. Это был сын Юрка (которого на самом деле никогда не было). Он спешил наверх, чтобы сыграть сигнал — очень важный…

Глава вторая
СВЕЧА И МЯЧИК

1

Зажатый отвесными башнями двор крепости был налит солнечным теплом. Сухо пахло нагре-

тыми камнями. Тишина стояла удивительная. Щёлканье подошв раскалывало её трескучими выстрелами. Рассыпчатое эхо улетало вверх. Там, в тёмно-синем зените, над осыпавшимися кирпичными зубцами всё так же плыли облака. Белые, очень яркие.

Алька пританцовывал на каменных плитах, вытряхивал песок из волос, из карманов, из сандалет. Потом догадался — скинул одежду и стал выколачивать. Игнатик и Чита сделали так же. Яр высыпал песок из башмаков, вытряс из пиджака, отряхнул брюки. Плиты под босыми ногами были шероховатые и очень тёплые.

Чита сидел на корточках и Алькиной сандалетой сгребал в кучку вытряхнутый песок. Получался солидный курганчик.

Данка сказала с усмешкой:

— Ох и увозились. Я так и знала.

Сама она стояла чистенькая, аккуратная, будто не взбиралась по обрыву, а прогулялась по лужайке.

— Надо вам было всё же пойти тропинкой, — добавила она снисходительно.

— Ещё чего! — бодро возразил Яр.

Данка сказала:

— Все мальчишки одинаковы. Даже… если

пожилые.

— Мерси, — отозвался Яр. — Ничего не имею против "мальчишки"...

Алька с Игнатиком оделись, а Чита всё ещё сгребал песок. Очень старательно. И внимательно разглядывал песчинки.

— Да хватит уже, — сказал Алька. — Пойдём покажем Яру крепость... Яр, мы тут все ходы-выходы знаем.

— Хвастунишка, — хмыкнула Данка.

Чита, натягивая брюки, сообщил:

— Всех никто не знает. Тут масса тайников и переходов...

В переходах пахло влажным кирпичом. Пласты солнца врубались в коричневый полумрак сводчатых залов. На ступенях винтовых лестниц, которые были прорезаны в толще стен, скрипела каменная крошка. В стенах темнели полукруглые ниши. В одной из них Алька нащупал вделанный в камни обрывок цепи. Звякнул.

— Во... Здесь, наверно, держали рабов или пленных.

— Тех, кто скачет и никого не слушает, — сказала Данка. — Не лезь вперёд, свалишься в какую-нибудь яму.

— Бе-е... — тихонько, но строптиво ответил

Алька.

Яр пытался разобраться: что же за стиль у этих построек? Странный и незнакомый. Снаружи — глухая мощь, никакой архитектуры, внутри — пологие своды и арки, как бы ласково приглаженные сверху. В арках была плавность и лёгкость.

— Кто эту крепость построил? — спросил Яр у Читы. Чита наверняка был самый эрудированный.

— Никто не знает, — сунулся Алька.

Чита сказал:

— Это загадка. Полтысячи лет назад пришёл какой-то народ, выстроил крепости, но никого не покорял, ни с кем не воевал. Потом вдруг сразу ушёл на юг…

— На истинный полдень, — уточнил Тик. — Тогда было ещё пять сторон света.

— Как это пять? — удивился Яр.

— Пять, — подтвердил Чита. — Это ещё в старину, задолго до большой войны. Север, Запад, Восток, Юг и Истинный полдень. Сейчас уже никто не знает точно, что это такое. Где-то на юго-востоке. Та сторона, где солнце подбирается к самой высокой точке, но ещё не дошло до неё… Считалось тогда, что это счастливая сторона. Как

бы символ молодости…

— Пойдёмте в Львиный зал! — вмешался Алька.

Львиный зал был длинный, всё с теми же приглаженными арками. Вдоль стен стояли на кусках гранита, а чаще валялись на боку или вверх лапами каменные львы с ленивыми кроткими мордами. Алька по-свойски хлопал их по животам.

В стенах были прорезаны прямоугольные окна.

По углам Яр увидел много мусора. Лежала груда досок, валялись мотки проволоки и ржавые гвозди, обрывки газет и пустые бутылки. И всё это серое от пыли.

— Когда-то здесь хотели делать ремонт, — объяснил Чита. — Потом раздумали, испугались обвала.

Яр спросил:

— Те, кто строил крепость, о чём они, интересно, думали? Такую махину ставить на песке…

Чита солидно возразил:

— Разговоры про песок — это чушь. Под песком наверняка гранитный монолит. Мы в подземные ходы лазили, там сплошь камень.

— Жалко, что недалеко лазили, — вздохнул

Алька.

— Они длинные, эти ходы, — сказал Тик. — Говорят, некоторые из них под рекой идут, на ту сторону…

— Вот бы разок пробраться, — почему-то шёпотом проговорил Алька. — П е р е й т и р е к у…

— Я вот тебе перейду, — пообещала Данка. И сказала Яру: — А странно всё-таки, да? Построить такие крепости, а потом уйти…

— Может, их заставили, — сумрачно сказал Чита.

— Кто? — не поверил Алька.

— Те, кто велят… — с непонятной усмешкой проговорил Чита.

Игнатик хмыкнул.

Чита посмотрел на него и заметил:

— Не такой уж ты доверчивый.

"Ничего не понимаю", — подумал Яр. В этот момент Данка ему сказала:

— Здесь недалеко есть ещё одна интересная комната. С камином.

— Пошли, — согласился Яр.

Они спустились по маленькой винтовой лестнице. Комната оказалась круглая, небольшая. Камин (вернее, очаг с поломанной решёткой у пола) был сложен из грубо отёсанных камней.

Свет попадал в отверстие высоко в стене. Солнце овальным пятном лежало на камнях очага, покрытых старой копотью. На копоти была Нарисована рожица со смеющимся ртом-полумесяцем.

— Это Тик в прошлом году нарисовал, — объяснил Алька. — Мы здесь картошку пекли.

— Лицо, как у бормотунчика, — сказала Данка.

Алька подскочил:

— А давайте сделаем бормотунчика! Чита, ты ведь хотел, да? Ты нарочно песок сгребал!

— Правда, давайте! — подхватил Игнатик.

— А песок-то подходящий? — спросила Данка.

— Да, я смотрел, — кивнул Чита. — Я сейчас принесу.

И он убежал.

— А что за бормотунчик? — недоумённо спросил Яр.

— Ты разве не делал бормотунчиков, когда маленький был? — удивился Игнатик.

— М-м… не помню. Вернее, помню, что не делал. Они какие?

— Ну, это такая штука… Такой… — сбивчиво заторопился Алька.

Данка объяснила:

— Их обязательно надо делать в тихом месте

и когда рядом только друзья. И бормотунчик тогда как друг… Игнатик их делает лучше всех на свете.

Игнатик скромно промолчал, отошёл и стал подбирать у стены куски алюминиевой проволоки.

Пришёл Чита, принёс в подоле рубашки песок. Спросил :

— А из чего делать?

— Может, из моей рубашки? — самоотверженно сказал Алька. — Я могу подол оторвать.

— А мама оторвёт тебе голову, — подал голос Игнатик.

— А мама уехала. Я три дня буду у Читы жить, мы договорились, — победоносно сообщил Алька.

— Оторвёт, когда приедет, — уточнила Данка. — Яр, у тебя в кармане платок. Он тебе очень нужен?

— Не очень…

Платок расстелили на каменном полу. Игнатик насыпал напето горку песка. Завязал в узелок. Получился белый мешочек размером с большое яблоко. Игнатик подобрал в очаге обугленную щепочку. Любовно нарисовал на мешочке круглые глазки, нос-пятачок, весёлый рот. Из кусков

алюминиевой проволоки смастерил витые ножки, потом ручки с растопыренными пальцами. Оттянул на узелке с песком материю, прикрутил ручки там, где у рожицы должны быть уши. А ножки приделал к подбородку.

Получилось удивительное существо — не то четырёхлапый краб, не то безголовый человечек с рожицей на пузе.

— Надо цеплялку, — вполголоса сказал Игнатик.

Алька и Чита подхватили тонкую ржавую проволоку. Один конец обмотали вокруг выступающего камня на очаге, другой закрепили на железном крюке, вбитом в стену. В метре от пола.

Игнатик согнул пальцы бормотунчика, подвесил его за руки на проволоке. Тот покачался и замер. Все тоже замерли, чего-то ждали.

У Яра на дне сознания шевелились мысли, что надо скоро возвращаться на крейсер, и получится ли это, и надо ли рассказывать там про всё, что случилось, и как грустно будет расставаться с ребятами, и удастся ли увидеться снова. Но самым главным был интерес: что за бормотунчик, для чего он?

Бормотунчик тихо качнулся. Его нарисованная

рожица, конечно, не изменилась, но в глазах и улыбке появилось что-то живое. Так, по крайней мере, показалось Яру. Он услышал бормотание, попискивание, лёгкий треск, шёпот. Словно включился маленький расстроенный приёмник. Бормотунчик закачался сильнее… И вдруг, перебирая ручками, двинулся по проволоке. Остановился у края очага. Прекратил качание, зацепившись ножками за камень. Не двинув угольным ртом, сказал картаво:

Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Если кто не спрятался,
Я не виноват…

Голос был механический, как у старинного магнитофончика.

— Какая-то незнакомая считалка,— проговорил Алька.

— Знакомая, — сказал Яр.

Бормотунчик шевельнулся и произнёс:

— С цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке… Ну, что вам ещё?

— Сказку, — тихо попросил Игнатик и быстро оглянулся на Яра. — Какую-нибудь сказку про пятерых друзей…

В бормотунчике сильно зашелестело. Он опять покачался на тонких ручках. Сказал с металлической насмешливой ноткой:

— Сказок вам хватит и без меня. Смотрите, кругом такая р-романтика… Верно, Яр-р?..

Яр вздрогнул.

— Ты меня откуда знаешь?

Бормотунчик беспокойно задёргался:

— Я могу ответить только на один вопрос! На один. На втором — крак — разряжусь. Ты спрашиваешь? Это вопрос?

— Нет-нет, это не вопрос, не отвечай, — торопливо сказал Игнатик. И прошептал Яру: — Он про многое знает, бормотунчики все такие…

Бормотунчик вдруг пропел дребезжащим голоском:

Та-ра-ра, та-ра-ра,
Очень странная игра,
Непонятную считалку
Барабанщик бьёт с утра:
Пять ворон,
Один патрон,
Сто врагов с пяти сторон.
Барабанит, барабанит,

Он резко замолчал.

И все молчали. Алька нерешительно хихикнул, но Данка цыкнула. Бормотунчик вдруг спросил уже без дребезжанья, чисто:

— Что, Яр, досмотрел свой сон?

— Какой сон? — с неожиданным и резким страхом спросил Яр.

— Это вопрос?

— Это вопрос, — жёстко сказал Яр.

— Тот сон, как вы лезете по обрыву… Не бойся, он доберётся. Может, ты не доберёшься, а он доберётся…

— О чём это он? — прошептала Данка.

— Да мало ли что… Они часто несут всякую дребедень, — отозвался Чита.

— Сам ты несёшь дребедень, — обиженно сказал бормотунчик. — Лучше разожгите огонь. Ночевать будет холодно.

— А зачем нам здесь ночевать-то? — удивился Алька.

— Разожг… — тонко крикнул бормотунчик. Дёрнулся и безжизненно повис на проволоке.

Игнатик досадливо обернулся к Альке:

— Ну вот, он разрядился… Зачем ты полез со вторым вопросом?

— Да это и не вопрос вовсе! Просто у меня вырвалось…

— Ладно, пойдём, — вздохнула Данка. — Всё равно он был какой-то странный.

— Может, серебристых кристалликов мало в песке, — виновато сказал Игнатик.

— Наоборот! Полным-полно, я смотрел, — возразил Чита.

Яр не слушал ребят, мысли прыгали, как у мальчишки, который проснулся среди ночи, увидев загадочный и страшноватый сон… Казалось, столько всего случилось за этот день! Стоит ли удивляться? Но он удивился проницательности бормотунчика. И даже расстроился. Недаром на Земле говорят, что в приметы верят лишь дети и скадермены.

— А может, правда разожжём огонь? — звонко спросил Алька.

— Картошки-то нет… — заметил Чита.

— Не обязательно картошку печь. Просто так посидим у огонька, — тихо сказал Игнатик. — Недолго… Ладно, Яр?

2

Яр подумал, что огонь — это и в самом деле неплохо.

Сначала прохлада внутри крепости была приятной после жары. Но теперь чувствовалось, что воздух сыроватый и зябкий. Хотелось погреться. Да и просто хорошо посидеть у горящего очага.

Когда Яр последний раз сидел у живого огня? Боже мой, это было, когда ему стукнуло семнадцать лет. С однокурсниками из Ратальской школы он ушёл в лыжный поход, и группа подала в буран. Они укрылись в лесу, отыскали охотничью избушку, развели огонь в печке. Это была такая хорошая ночь…

Яр встряхнулся. Вместе с ребятами он взялся собирать у стен и таскать к очагу старые доски, жёлтые обрывки бумаги. Доски были большие, в очаг не лезли. Одну из них, тонкую и трухлявую, Алька храбро попытался с размаху сломать о колено. Не сумел, конечно, завертелся на пятке, держась за ушибленную ногу.

— Олух царя небесного, опять покалечишься, — сказала Данка.

Яр, посмеиваясь в душе над собственным пижонством, положил доску на два камня, рубанул ребром ладони.

— Во… — с тихим восхищением выдохнул Игнатик.

— Ещё, — потребовал Алька.

Чита молча положил перед Яром другую доску. Данка сказала:

— Так можно руку разбить…

Яр, усмехаясь, ударил ещё раз. И ещё. И заработал, как автоматическая дроворубка.

— Хватит уж… — сочувственно сказал Чита. — Вон сколько дров.

Яр гордо распрямился и украдкой стал потирать ладонь — поотшибал всё-таки. Алька, выгибаясь назад от тяжести, поволок охапку обломков к очагу.

— Ой, а спички? — растерянно сказала Данка.

Алька с шумом бросил дрова и обернулся. Чита посмотрел на Яра:

— У вас нет?

Яр оглянулся на Данку и развёл руками:

— Если нет в карманах, то…

— Папа не курил, — виновато сказала Данка.

— Вот и погрелись, — заявил Алька и с обиженным видом уселся на дровах.

Игнатик, сосредоточенно хмурясь, достал из кармана свечной огарок. Поставил на камень. Сел перед ним на корточки.

— Ой… — прошептала Данка. — Тик, ты думаешь, получится?

Он оглянулся резко, почти сердито.

— Подойдите.

Они послушно подошли, встали у Игнатика за спиной.

— Может, за руки взяться? — нерешительно сказала Данка.

— Нет… Яр, ты здесь? — Игнатик снизу вверх посмотрел на него. — Вот хорошо… Сейчас…

Свечка затрещала и зажглась.

Игнатик засмеялся. Встал. Сказал с негромким торжеством :

— А вы не верили… Яр, я им говорил, а они не верили.

Яр, ничего не понимая, кивнул.

— Как это не верили? Мы верили, — серьёзно сказал Чита. — Давайте разжигать камин.

Через пять минут пламя гудело и вытягивало языки в чёрную глубину дымохода. Из досок и камней ребята сделали скамейки, поставили их буквой П, "ножками" к очагу. Алька сел у края очага, слева. Чита — справа (и открыл книгу). Данка — рядом с Читой. Яр с Игнатиком устроились напротив огня. Горячие блики запрыгали по лицам, оранжевая рубашка Игнатика засветилась, как отражённое пламя.

Игнатик шёпотом сказал — то ли Яру, то ли себе:

— Сколько огня от крошечной свечки…

— Но свечка-то… Как она зажглась сама собой? — отозвался Яр.

— Она не сама. Это я её… — вздохнул Игнатик, будто признался в шалости.

— Он давно хотел, да нас было мало, — объяснил Алька. — Надо, чтобы пятеро…

— Братцы, — жалобно сказал Яр. — Объяснили бы вы всё по порядку, а?

— Тут целая история, — охотно отозвалась Данка. — Рассказать?

— Это ещё в прошлом году было, мы играли в лунки. На пустыре, у старого тополя… Ну, лунки — это простая игра. Надо выкопать ямки — столько ямок, сколько человек играет. В один ряд, в цепочку. Потом по этим лункам кто-нибудь пускает мячик. В чьей лунке мячик остановится, тот его хватает, кидает вверх и кричит: "Штандер!" Такое слово специальное. А когда мячик о землю стукнется, тот его снова ловит и бросает в кого-нибудь. А все, конечно, разбегаются, пока он не крикнул "штандер"… Ты такую игру знаешь, Яр?

— Я помню… Только, по-моему, лунки и "штандер" были две разные игры…

— Это, наверно, где как… В общем, мы решили играть. Стали рыть лунки. Алька наш, как всегда,

заторопился: скорее, скорее... Молчи давай, не спорь... И получилось, что вырыл он две лунки вместо одной...

— Я за тебя старался, потому что ты еле двигалась...

— Господи, что за ребёнок...

— Сама...

— Тьфу... Ну и получилось: пять лунок, а нас, конечно, четверо. Хотели зарыть одну, а Тик вдруг и говорит: "Не надо, пускай пять остаётся..." До сих пор не знаю, почему он так сказал...

— Я и сам не знаю, — отозвался Игнатик.

— Мы говорим: "А кто будет хватать мячик, если он в пятую лунку угодит?" Он говорит: "Ну, пожалуйста, я буду..." Нам немножко страшно сделалось: будто впятером играем. И весело...

Сперва мячик в пятую лунку не попадал, она самая дальняя. А потом закатился...

— Это я катал, — сказал Алька.

— Ты, ты... Игнатик схватил да как кинет, как крикнет: "Штандер!" Звонко-звонко. Мы остановились, ждём: в кого он бросит? А он тоже стоит, голову поднял, вверх смотрит. Потом говорит: "Мячика нет..." Понимаете, мячик улетел и не вернулся.

— Совсем?.. Никогда? — полушёпотом спро-

сил Яр.

— Да… Мы сперва решили, что он в ветках тополя застрял. Конечно, трудно ему там застрять: он гладкий, круглый. Да и тополь совсем не густой, полувысохший. Но если не там, то куда он девался? Стали палками кидать по веткам. Кидали, кидали — ничего нет. Потом смотрим — что-то летит вниз. Упало. Только не мячик, а свечка. Вот этот вот огарочек. Взяли, а она тёплая, и фитилёк ещё дымится… Смотрели-смотрели, думали-думали: что такое? Откуда она взялась? Ничего не придумали, конечно… Тик вдруг говорит: "Спорим, что я её сейчас зажгу! Без спичек, просто так!" Мы, конечно, удивились: Тик никогда не хвастается, не то что некоторые… А он опять: "Вот возьму и зажгу…"

Поставил свечку на землю, сел перед ней, потом нас позвал поближе. Вот так же, как сейчас. Смотрел, смотрел на неё… Свечка вдруг зачадила, искорка появилась на фитильке. А больше ничего… Ну, Тик чуть не заплакал… Тик, ты не обижайся. Яру ведь всё можно говорить… По правде говоря, даже почти заплакал. А потом сказал: "Вот если бы нас было пятеро, вот тогда бы…" В тот вечер, Яр, мы в первый раз подумали: а может, в самом деле хорошо, если пятеро?

— И придумали меня… — усмехнулся Яр.

— Ты всё ещё обижаешься… — насупленно прошептал Алька.

— Нет, — сказал Яр очень серьёзно. — Только объясните мне до конца: зачем вы меня позвали? Ведь не для того же, чтобы свечки зажигать, да?

— Да, — вздохнул Игнатик и придвинулся к Яру плотнее.

А Данка сумрачно сказала:

— Потому что вчетвером нам плохо.

Чита быстро поднял на неё глаза, она смешалась:

— Ой, нет, я не то… Нам, конечно, хорошо вчетвером, только…

— Только пять лучше, чем четыре, — объяснил Чита и закрыл книгу. — Видимо, правду говорили в старину, что если людей пятеро, они неуязвимы. Им не страшно…

— А вы… — осторожно сказал Яр.— Кого-то боитесь? Или чего-то?

Ребята сидели неподвижно, лишь Алька машинально потирал коленки, ему припекало их близким пламенем. Но он не отодвигался. Игнатик прислонился виском к плечу Яра. Он всегда держался ближе всех к Яру, и это право никто у него не отнимал. Зато он был молчаливее

других.

Однако сейчас Игнатик заговорил:

— Никто не знает… Но все боятся.

— Непонятно… — отозвался Яр.

— В том-то и дело, что непонятно, — подавленно сказал Чита. — Вроде бы всё в порядке. Бегаем, играем, в кино ходим, всё у нас есть. Не то что в старину, когда воевали и голодали. А только временами что-то не так…

— Что не так? — напряжённо спросил Яр. — Что, ребята?

— Многое. Даже не объяснишь, — вздохнула Данка.

— Да нет, можно объяснить! — резко перебил Чита. — Ну вот, недавно Алька вечером прибегает и дрожит: "Почему облака такие? Я не могу на такие смотреть…"

— Я не дрожал… Просто холодно было, — тихо сказал Алька и стал дуть на коленки. Потом завозился и отодвинулся от огня.

— А что за облака? — спросил Яр.

— Обыкновенные, серенькие… А я посмотрел, и тоже страшно стало. А потом оказалось, что полгорода в панике было…

— Ну а дальше? Что-нибудь случилось?

— На этот раз нет… Правда, две машины столк-

нулись… А зато четыре года назад — эпидемия. И какая-то непонятная: все врачи заболели первыми… И в позапрошлом году опять…

— Или нашествия эти… — сказала Данка.

— Какие?..-начал Яр. Но его звонко перебил Алька:

— А почему нельзя на тот берег?

— Или нельзя дружить с кем хочешь, — негромко сказал Игнатик. — Нам-то повезло, не запрещают. А бывает наоборот…

— Бывает, что говорят: с этим не дружи, — разъяснил Чита.

— Кто говорит?

Чита пожал плечами:

— Вроде бы никто и не говорит. А все знают: нельзя.

— Ничего не понимаю,-искренне сказал Яр. — Облака, эпидемия, дружить нельзя… А почему на цифре пять такое проклятие?

— Её боятся, — сказала Данка.

— Кто?

— Все. Кроме нас, — ответил Игнатик и потерся виском о плечо Яра.

— Кто-то боится по глупости. А кто-то… боится, что перестанут бояться, — раздумчиво проговорил Чита.

— Про это даже сказки есть, Яр, — оживился Игнатик. — Там, если пять человек, у них всегда всё получается, они сильные. Но в сказках это всегда плохие люди… в общем, отрицательные герои. Разбойники, пираты, колдуны всякие. Но, по-моему, это специально, чтобы пример не брали… Зато они непобедимые…

— Вот и вы сказку выдумали. Про меня, — с грустью сказал Яр. Он думал, что и ребята загрустят. Но они оживились.

— Это Тик придумал! — радостно сообщил Алька.

Данка объяснила:

Он приходит однажды и говорит: "Давайте играть, будто голубятня — это звездолёт и в нём есть человек, который наш друг. И будто мы всегда можем с ним встретиться…" Ну, мы и стали играть.

— А потом поверили, что это по правде, — серьёзно сказал Алька. — Тик говорит: "Давайте в самом деле позовём Яра".

— Мы сперва не хотели, — немного виновато объяснил Игнатик. — Мы даже не думали. А потом показалось, что это можно…

— Если уж Тик во что-то поверил — значит, можно, — заметила Данка.

— У Игната — ума палата, — с привычной

подковыркой сказал Алька. Но Данка на него не цыкнула.

— И сразу это получилось? — поинтересовался Яр.

— Не… — вздохнул Игнатик. — Я много раз пробовал, но не выходило… Наверно, это можно только когда скадер в субпространстве… Сегодня подошёл к голубятне и, сам не знаю почему, думаю: "Вот сейчас, наверно, получится. Наверно, Яр один на вахте".

— Слушайте, добры молодцы! — воскликнул Яр. — А имя тоже в ы мне придумали? Или оно всё же моё собственное?

— Тут, видимо, просто совпадение, — вежливо сказал Чита.

— Много совпадений, — вздохнул Яр. — Больше, чем вы думаете…

Игнатик беспокойно зашевелился, глянул Яру в лицо: "Это плохо, что много?" Яр улыбнулся.

— Скажите-ка, а какой был мячик? Тот, что улетел. Синий?

— Да, — торопливо кивнул Игнатик.

— И три белые полоски, — добавил Алька. — Как на матросском воротнике. У меня такой есть…

— И фабричное клеймо, — сказал Яр. — Стёр-

шийся красный треугольничек… Да?

3

Когда же это случилось? Месяца через два после того, как Яська познакомился с Юриком. Да. И было им в то время по одиннадцати лет, в пятый класс перешли. А Славику Раскатову исполнилось десять. Он был самый младший, зато самый большой придумывальщик. Это он и вспомнил, что у бабки Каблуковой на пустом, но запертом сеновале стоит старинный сундук неизвестно с чем.

Вспомнил вечером, когда сидели в тёмной голубятне и рассказывали всякие истории: про клады, подземные ходы и привидения.

Сундук приметили ещё ранней весной, когда по просьбе бабки скидывали снег с сарая. Тяжелый Димка Савченко провалился ступнёй сквозь трухлявую тесину, получилась дыра, и все в неё заглянули. Как не заглянуть, если дыра? Тогда и разглядели: на полу, разлинованном полосками солнца, стоит горбатый сундучище, обитый узорчатым железом. Потолковали об этом, но без особого интереса: надо было кончать со снегом. Потом вышла Каблучиха, расплатилась за работу карамельками, ребята ушли со двора и про сун-

дук забыли.

А сейчас вот Славик сказал:

— Вдруг она там какие-то сокровища хранит?

— Что она, психованная? — хмыкнул Димка.

Димка был бабкин сосед. Они обитали в одном дворе, только Димкин флигель стоял в глубине, в садике, а бабкин дом выходил окнами на улицу. Каблучиха жила с глухонемой племянницей, больше у них никого не было. И коровы давно не было. Сено поэтому на сеновале не водилось, но на дверях почему-то висел замок.

— Замок просто из вредности, чтобы мы не лазили, — объяснил Димка. Свою престарелую соседку он знал прекрасно. — А в сундуке шиш, а не сокровища. Бабка из ума ещё не выжила, чтобы на трухлявом сеновале ценности прятать.

— Нам чужие ценности мне нужны, — слегка обиделся Славик. — А может, там такое, что бабка и сама не понимает. Вдруг какие-нибудь книги старинные или карты морские? Может, у неё какой-нибудь предок был путешественник?

— Я где-то слыхал такую фамилию: адмирал Каблуков, — задумчиво сказал Юрик.

— А вдруг там оружие ржавое! — неутомимо подбавлял интересу Славик.

И все наконец поняли, как отчаянно им хочется

разведать: что в сундуке? Им хотелось приключений. Всем, кроме Димки, который боялся соседки. Но Димке бурно доказали, что бабка в такой тёмный вечер на двор не сунется и что дело вообще пустяковое — забраться по щелястой стене, отодрать доску и пролезть в дыру.

Димка, вздыхая, сказал:

— А как без света?

Фонарика с собой ни у кого не было. Если идти за ним домой, это ловушка: "Хватит бегать, ночь на дворе!" Было около десяти, над голубятней висело чёрное небо августа с большущими звёздами.

— А свечка? — догадался Юрик.

И они обрадованно вытащили из тайничка огарок свечи, которую иногда зажигали в голубятне. И спички, конечно.

На сеновал проникли быстро. Зажгли огарок. И стало всё как полагается: страшновато, громадные тени кругом, шелест какой-то по углам. Разговор получался только шёпотом.

Сундук был не заперт. Юрик поднатужился и стал поднимать горбатую пудовую крышку. Она, конечно, скрипела. Юркины продолговатые глаза отражали золотые точки. Никто не дышал. Только Славик тихонько ойкнул: он сидел у сун-

дука на корточках, держал перед собой свечку, и горячий стеарин капнул ему на ногу.

Крышка поднималась, поднималась и наконец с шумом упала назад: Юрик не удержал тяжесть. Огонёк свечки заметался. Все замерли, будто сюда могла ворваться толпа вооруженных стражников…

Потом заглянули в сундук.

В сундуке ничего не было.

Совсем ничего. Даже дна.

Янтарно светились стенки из старого некрашеного дерева, а вместо дна чернел прямоугольник пустоты.

Кладоискатели переглянулись. Потом снова посмотрели вниз.

— Люк, — прошептал Яська.

— Тайный ход, — отозвался Славик тоже шёпотом.

— Странно, — сказал Юрик. — Куда же он ведёт?

— Куда, кроме стойла, — хмыкнул Димка. — На тот свет, что ли?..

Из чёрной пустоты веяло неуютным холодком.

Славик перегнулся через край сундука, чтобы посветить в глубину. Опять сказал "ой" и выпустил свечку. Она полетела в люк и тут же

погасла.

— У, растяпа, — процедил Димка.

— Все пальцы горячим закапало, — виновато объяснил Славик.

— Вот устроим "звоните ноль-один", будет тогда горячее, — сказал Димка.

— Она же погасла, — оправдывался в темноте Славик.

— Погасла... А завтра Каблукова её в стойле найдёт и сразу — к мамке. На меня все шишки...

Все озабоченно помолчали.

— Пусть сперва докажут, что наша, — попытался успокоить Димку Яська.

— Мамка-то? Она докажет, — сумрачно сказал Димка. — У неё для этого туристский ремень специально в "Спорттоварах" куплен...

Тогда Славик проговорил виновато и решительно:

— Я сейчас туда спрыгну и найду свечку. Раз сам уронил... Посветите спичками.

Яська чиркнул щепоткой спичек о коробок. При разгоревшемся огне тоненький и быстрый Славик перекинул ноги через край сундука, повис в нём, вцепившись в кромку. Он не боялся, знал, что до пола невысоко. Димка ухватил его за скрещенные на спине лямки штанов, как за

багажные ремни. Легко вынул обратно.

— Балда. Там грабли валяются да вилы. Наденешься… Айда лучше через низ, со двора.

Стойло не запиралось. Они просочились в глухую, пахнущую трухой и старым деревом темноту.

— Тепло… — удивлённо прошептал Славик. — А когда я висел, такая холодища была, до сих пор ноги в пупырышках…

Они стали зажигать спичку за спичкой, искать огарок среди пустых бочек, сломанных стульев, лопат и метёлок. Не нашли.

— Надо под самым люком смотреть, — посоветовал Яська. Но жиденький свет не достигал потолка, люк нельзя было разглядеть. Наконец спички кончились.

— Ну и чёрт с ней, со свечкой, — буркнул Димка. — Мы не нашли — бабка тоже не найдет…

— Странно. Зачем на сеновал тайный ход через сундук? — задумчиво сказал Юрик.

Димка хмыкнул:

— Может, к бабке в молодости на сеновал парни лазили. На свидания…

Он больше своих друзей был искушен в жизни и меньше их увлекался романтикой.

— Странно, — повторил Юрик.

Но самое странное случилось утром.

Димка и Яська решили — на всякий случай — ещё раз поискать свечку, а заодно убрать с пола обгорелые спички. Было светло, в квадратные оконца врывались яркие лучи.

Свечку не нашли.

Не было и люка на потолке.

— Может, бабка приходила, задвинула какой-нибудь тайной крышкой? — с тревогой сказал Яська.

Но на досках потолка не было никаких щелей и прорезей.

— Айда на сеновал, — скомандовал Димка.

Они пробрались к сундуку прежним путём, через дыру в задней стене. Крышка у сундука была откинута: её так и оставили вечером. Яська и Димка заглянули…

Разумеется, у сундука было дно. Гладкое, прочное, такое же, как жёлтые некрашеные стенки.

Сундук был пуст. Лишь в уголке, будто притаившись, лежал мячик.

Потёртый синий мячик. С тремя белыми полосками — как на старенькой матроске Славки Раскатова.

4

— Вот такая история, братцы, — закончил Яр.

Трещал огонь, в который Чита аккуратно подкладывал обломки досок. Он положил последний обломок и сказал:

— А что… В этом есть какая-то связь.

— Ничего себе "какая-то"! — отозвалась Данка.

Алька уверенно заявил:

— Значит, это наш мячик.

— Не знаю, — сказал Яр. — Это же было очень давно.

— Что такое "давно" для космоса? — мудро заметил Чита.

"Для космоса, может быть, и ничего. Но для меня…" — подумал Яр.

Нет уже давным-давно ни Славика Раскатова, ни Димки Савченко, ни Валерки Дымова. Славик стал военным и погиб в короткой стычке на одной из восточных границ — тогда ещё случалось такое. Димка, говорят, до старости работал учителем труда в той же школе, в которую они когда-то бегали пацанами. Валерка закончил философский факультет и был крупным учёным — он и в детстве отличался рассудительностью. Именно он, вернувшись из летнего лагеря, до-

казал тогда Яське, Славику, Юрику и Димке, что история с сундуком — это явление коллективного самогипноза. Намечтались о приключениях — и вот получили, чего хотели.

Впрочем, не совсем доказал. Славик говорил, покачивая кудлатой головой на тоненькой шее:

— Не так это просто.

И рассказывал, что, когда висел в сундуке и у него коченели от непонятного холода ноги, он глянул вниз, через плечо. И увидел какие-то огоньки. Будто звездочки в чёрной глубине.

— Это были светляки, — сказал Валерка.

— Они у нас сроду не водились! — возмутился Димка.

— Ну, гнилушки… Или показалось…

Так и не договорились.

А теперь уж нет никого. С космосом связал себя только Яр. И сейчас он был от своего детства гораздо дальше, чем просто взрослый человек. Все, кого любил, все, с кем дружил, остались далеко-далеко…

Хотя, кто знает? Может быть, Юрик… Что стало с Юриком, Яр не знал. И ещё Галка… Девочка, которая появилась в их компании, когда уехал Юрик. Может быть, и она жива? Галка… Как быстро и незаметно они выросли. И как Яру хотелось,

чтобы у них был сын Юрик — в память о друге детства…

Игнатик зашевелился под боком у Яра и вдруг взволнованно заговорил:

— Ой, ребята… А если бы тот мальчик… ну, Славик… Если бы он прыгнул в сундук? Значит, прилетел бы к нам вслед за свечкой?

— Ой, правда… — почему-то испугалась Данка.

Чита сказал:

— Не исключено.

— Вот шлёпнулся бы, — заметил Алька, но без насмешки, с сочувствием.

— Он сначала застрял бы в тополе, — успокоил Игнатик. — А потом бы спустился по веткам.

— И это было бы гораздо лучше, чем звать меня, — со вздохом заметил Яр.

— Почему? — с беспокойством спросил Игнатик.

— Потому что он гораздо больше годился бы для вашей компании, чем такой старый хрыч, как я…

— Вы так ничего и не поняли, Яр, — с упрёком сказал Чита.

— Кто бы разрешил нам дружить с мальчишкой? С пятым-то! — воскликнул Алька. — Мы потому тебя и придумали, что взрослый. Ой…

Игнатик объяснил тихо:

— Взрослого никто не заподозрит, что он наш друг.

Яр помолчал, глядя, как рассыпаются на угольки прогоревшие доски. Сизый дым, крутясь, убегал в чёрный зев дымохода. Игнатик тепло дышал у плеча. Сидеть бы так до бесконечности…

Яр неловко шевельнулся.

— Хорошие вы люди. И мне с вами хорошо… Но ведь скоро я уйду. Я должен, никуда не денешься.

— Обязательно должен? — прошептала Данка.

Яр кивнул.

Игнатик сказал торопливо и жалобно:

— Но главное же не это. Главное, что ты есть. И ты ведь будешь к нам приходить. Да?

— Я бы хотел, — неуверенно отозвался Яр. — Но это зависит от вас, сам я не умею… И крейсер ведь не часто зависает в субпространстве. Два или три раза за весь рейс…

Доски совсем прогорели. Чита больше не подбрасывал дров в огонь. Может быть, потому, что ему тоже стало грустно?

Яр осторожно спросил:

— А что, ребята, не пора нам? Вроде бы темнеет.

— Что ты, ещё день, — сказала Данка.

Яр взглянул на часы. Половина пятого. Для лета в самом деле день. Почему же круглое отверстие у потолка погасло?

— Наверно, туча, — сказал Игнатик. — Гроза будет.

— Я сбегаю, посмотрю! — Алька по винтовой лестнице умчался в Львиный зал.

И долго его не было.

Потом услышали:

— Идите сюда! Скорее!!

Это был тревожный, даже отчаянный крик. Яр первый метнулся на лестницу. В узких окнах зала тоже сгущалась темнота. Алька стоял у окна, забравшись на опрокинутого льва.

— Смотрите, что случилось!

Все бросились к окнам.

Яр увидел плавный изгиб высокого берега, улицы и деревья. Над ними вставала угольно-чёрная туча с ровным, будто обрезанным краем. На её фоне подымались светлые спиральные вихри.

"Ох и грянет сейчас", — подумал Яр.

Грозовая стена с нарастающей скоростью двигалась над городом, прямо к крепости. С дальних деревьев в единый миг сдуло листья. Не было ни молний, ни грома, но вдруг яркой свечкой

загорелся на берегу деревянный домик.

Яра кто-то рванул от окна. Это был Чита.

— Отойдите! — Он отбросил от окон Данку, Игнатика, Альку. — Отойдите! Надо вниз! Это нашествие!

5

У входа на винтовую лестницу сохранилась железная дверца. Чита вытолкал всех из зала на ступеньки, отчаянно налег на дверцу, она закрылась под ржавое завывание петель. Стало темно, только внизу светились угли очага.

Данка громко всхлипнула, ухватилась за ржавое кольцо.

— Отойди, — хмуро сказал Чита. — Спускайтесь, ребята.

— Пусти, дурак! Тебе хорошо, у тебя родители за городом! А у меня мама там!

— Уйдёт в подвал, — тихо сказал Чита.

— Куда она уйдёт от больных?! Она же на дежурстве!

— Уйдёт с больными… Ты всё равно ничем ей не поможешь.

— Я хотя бы узнаю, что там… Ну пусти!

— Ты не проберёшься в город. Сгоришь, вот и всё — сказал Алька.

Данка завсхлипывала сильнее, но медленно пошла вниз.

Яр с ребятами спустился к очагу. Все молча сели на прежние места. Чита кинул на угли обломки досок. Медленно разгорелся огонь. Только тогда Яр спросил:

— Что такое нашествие?

— Разве ты не знаешь? — со слезами отозвалась Данка.

— Это туча, — сказал Алька.

— Что за туча? Гроза? Тайфун? Или пепел от вулкана? Что?

— Говорят, она живая, — прошептал Игнатик. — И всех убивает. — Он опять сидел рядом с Яром. И каждой клеточкой, каждым нервом Яр ощутил, как Игнатик боится.

— Это как нападение врага, — сумрачно объяснил Чита. — Она всё сжигает молниями или превращает в крошки и шлак…

Яр больше не решился приставать с расспросами. Ребята и так были перепуганы.

Чита, видимо, догадался, что Яру по-прежнему ничего не ясно.

— Что это за тучи, никто не знает, — сказал Чита. — И откуда они берутся, толком не известно. А мы тем более не знаем. Последний раз нашествие

случилось, когда нас на свете не было.

— Я уже была, — всхлипнула Данка. — Только я ничего не помню.

Яр посмотрел вверх. Отверстие под потолком выделялось, как бархатный чёрный кружок на слабо освещённых камнях.

— И долго длится нашествие? — спросил Яр.

— Говорят, недолго, — ответил Чита. — Как гроза… Только после этого целые сутки нельзя высовываться из убежища, потому что остаётся электричество. Между домами молнии проскакивают… И ещё рассказывают, что часть тучи оседает и живёт…

— Как это?

— Не знаю… А нам придётся здесь до завтрашнего вечера отсиживаться.

— Повезло ещё, — как-то очень по-взрослому заметил Алька.

— "Повезло", — с сердитым всхлипом отозвалась Данка.

Огонь опять с треском разгорелся в очаге. Но теперь он не радовал. Глядя на пламя, Алька пробормотал:

— Там, наверно, дома горят…

Игнатик прошептал:

— Яр, не сердись. Я ведь не нарочно.

— За что мне сердиться, Тик?

— Если голубятня сгорит… Я тогда не знаю, как ты обратно…

— Обратно — это потом, — сказал Яр. — Там посмотрим.

Он был почти спокоен. Скадермен Ярослав Родин попал на незнакомую планету и оказался в чрезвычайных обстоятельствах. Скадермену Родину было не впервой попадать в такие обстоятельства. Взять хотя бы случай, когда вездеход заглох в песчаных горах АЦ-1. Шансов на возвращение тогда было не больше, чем сейчас.

Оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, член экипажа СКДР должен данные обстоятельства взвесить, поставить перед собой чёткую задачу и всеми средствами стремиться эту задачу решить.

Задача была: обеспечить безопасность четырёх несовершеннолетних граждан Планеты, с которыми скадермена Родина свели судьба или случай. Это был долг скадермена Родина. Это было желание Яра — пятого человека в маленькой компании заговорщиков, запертых в старой крепости. Яр прогнал воспоминание об уютной рубке скадера и деловито сказал:

— Будем устраиваться на ночь.

К счастью, досок в круглой комнате было много: целый штабель. Из них сделали широкие нары. Нечего было постелить и нечем укрыться, но Алька бодро сказал :

— Подумаешь! Обойдёмся.

Яр, однако, понимал, что придётся всю ночь поддерживать огонь, иначе ребята продрогнут в зябком каменном помещении.

Спать никто не хотел, мешали тревожные мысли. Да и рано ещё было. Чита неуверенно попросил:

— Яр, вы не могли бы рассказать про другие планеты?

— Мог бы, — согласился Яр. Надо было занять время.

Он стал рассказывать про вихри Меркатора, про песчаных кротов на АЦ, про развалины Леды. Про Чёрные Кристаллы, которые без лишних церемоний выставили со своей планеты экспедицию землян.

— А что за кристаллы? В самом деле живые? — заинтересовался Алька.

— Безусловно… И не совсем чёрные. Когда приглядишься, у них в глубине мерцают радужные огоньки. Словно световая азбука или сигналы какие-то… Разные были кристаллы — некоторые

с ноготь, а некоторые с дом. Они все время росли и соединялись в разные фигуры. Будто город из себя строили... Конечно, это была жизнь, только нам совершенно непонятная...

— А вы пытались объясниться? — спросил Чита.

— Всеми способами... И на третий день на громадном кристалле появились ответные слова. Метровыми буквами, очень красивым академическим шрифтом: "Уходите, пожалуйста. Вы нам мешаете".

— И вы улетели? — огорчился Алька.

— А что было делать? В чужой дом соваться без спросу?.. Мы позволили себе только одну невежливость. Уже из люка наш тогдашний капитан, Лёва Замятин, сказал им: "Ну и фиг с вами, хрустальные болваны".

Игнатик улыбнулся. Алька оживлённо спросил:

— А они ответили?

— Ответили, — соврал Яр. — Зажгли слова: "Фиг с тобой, Лёва".

Данка тоненько засмеялась. И вдруг отчаянно вскрикнула, слетела с нар.

По шероховатой доске ползло странное существо размером с жёлудь. Не то жук, не то шмель

с короткими крылышками. Оно слабо двигало ножками, скребло отвисшим брюшком по дереву. Оно тускло поблёскивало, как свинец.

За ним ползли ещё два таких же существа.

Чита, Игнатик и Алька следом за Данкой шарахнулись с нар.

— Вот о н и… — вздрагивая, сказал издалека Чита.

— Кто? — спросил Яр, передернувшись от отвращения.

— Ну, э т и… из которых состоит туча.

Яр пересилил себя и нагнулся над насекомым. Скорее всего, это был шмель. Яр потянул к нему палец.

— Не трогай! — взвизгнула Данка.

Яр поморщился и тронул шмеля. Между пальцем и шмелём проскочила синяя искра. Палец ощутимо кольнуло. Яр отдёрнул руку.

— Электрические твари… Да не бойтесь, поодиночке они не опасны. Противно только…

Шмель, выпустив заряд, перевернулся на спину, дёрнул ножками и съёжился. Яр опять задел его, искры не было.

— Сдох, — сказал Чита.

Подскочили Игнатик с Алькой, обломками досок трахнули по шмелям — по живым и по

издохшему. Игнатик был бледный, и на лбу у него искрились капельки. Он часто переглатывал.

Яр взял за крылышко раздавленного шмеля. Тот оказался удивительно тяжёлым — как свинцовая пуля. Из лопнувшего брюшка свисал комок внутренностей — что-то вроде смолы с жёлтыми прожилками.

"Ничего похожего на простое насекомое", — подумал Яр. Зажмурился от брезгливости и кинул шмеля в огонь. На пальцах осталась жирная металлическая пыль, похожая на графитную смазку.

— Наверно, они в щель под дверью пролезли. Пойду заложу,— сказал Чита и с короткой доской стал подниматься по лесенке.

— А может, оттуда залетели? — Игнатик посмотрел на отверстие под потолком. Отдушина была высоко, да и заткнуть нечем.

Но и не надо было затыкать. Чернота вверху исчезла. Виднелось синевато-серое вечернее небо, а в нём — лёгкое облачко, освещённое отблеском заката.

Наступила ночь. Притихшие ребята улеглись на твёрдых нарах. Яр заставил их сдвинуться плотнее, укрыл распахнутым пиджаком. Сам не лёг, сидел у огня. Часы текли незаметно. Яр умел

настраивать себя так, чтобы время бежало быстро. Он не думал ни о чём важном. Завтрашний день покажет, что делать. А пока Яр смотрел в огонь и вспоминал костры — те, что он с друзьями разжигал в детстве на пустырях и лесных полянах. Иногда оглядывался на ребят. Данка спала, положив голову на Читино плечо. Чита лежал на спине, Данкины длинные волосы щекотали ему подбородок, он смешно морщился во сне. Яр осторожно вынул у него из нагрудного кармана очки — вдруг повернётся и раздавит. Убрал их с книгой на край лежанки.

Игнатик и Алька спали, уткнувшись друг в друга носами и перепутавшись испачканными в пыли и копоти ногами. Тёплый воздух шёл от очага на ребят, им не было холодно, и всё же Яр тихонько расправил на них пиджак…

…Среди ночи проснулся Алька. Сел. Посмотрел на Яра, сказал со вздохом:

— В желудке всё засохло…

— Ничего, — строго заметил Яр. — Никто не умер оттого, что сутки поголодал.

— Да я не про голод. Пить хочется.

Яр понял, что ему самому хочется пить. Очень. Но ему — это ладно. А как быть с ребятишками? Жажда — штука скверная. Словно откликаясь на

эти мысли, проснулись остальные. Яр умоляюще посмотрел на Альку: "Не надо про воду". И тот понял. Но Игнатик облизнул губы и спросил:

— А воды нет?

— Откуда? — хмуро сказал Чита.

Данка тоже провела языком по губам. Промолчала.

Когда они пили последний раз? Во время купанья. Примерно полсуток назад. Не такое уж большое время прошло. Но если знаешь, что нет воды, пить хочется в десять раз сильнее. К тому же днем все пережарились на солнце, а потом перегрелись у пламени.

Яр почувствовал, будто у него в горле и желудке сухой песок. На это, конечно, наплевать. Но если то же самое чувствуют остальные…

В отдушине под потолком ласково сияла звёздочка.

— Схожу на разведку, — сказал Яр.

— Яр, не ходи! — Игнатик рывком придвинулся к нему.

— Я не долго. И ничего со мной не будет. Меня не берут ни электричество, ни излучение и ничто другое. К тому же все заряды наверняка ушли в сырой песок… Я скоро вернусь.

— Не делайте этого, Яр, — веско сказал Чита. —

Неизвестно, чем это кончится.

— Известно, — улыбнулся Яр. — Я найду несколько пустых бутылок, вымою их в реке и принесу воды… Братцы, да вы не бойтесь. Я бывал во всяких переделках и всегда возвращался. Здесь дела-то на пять минут…

Больше он не стал ничего говорить. Не стал прощаться. Взял пиджак. Легко взбежал к двери и сверху оглянулся. Последнее, что он заметил перед уходом, — повисшего в углу у очага бормотунчика. Яру показалось, что бормотунчик шевельнулся.

"Охраняй ребят", — мысленно попросил его Яр. И щёлкнул пальцами, чтобы отогнать всякую беду.

Прикрыв за собой тяжёлую дверь. Яр осмотрелся. На стенах Львиного зала танцевали отблески. Неяркие, но заметные. В окно Яр увидел, что над берегом горят несколько домов. Ровное пламя перебивалось похожими на лиловые звёзды вспышками. Яр пошёл к выходу на крепостной двор. Под ногами с легким электрическим треском лопались шмели.

Над башнями светилось бледное небо июньской ночи.

Ясное, с редкими звёздочками. Через малень-

кие сводчатые ворота Яр выбрался на обрыв. Пахло речной водой, влажным песком. На западе, у горизонта, запрокинувшись, висел круто изогнутый месяц. На дальнем берегу, будто не было никакого нашествия, мигали спокойные огоньки.

Яр подобрал в зале шесть старых бутылок и теперь держал их в охапке. Спускаться с такой ношей по сыпучему обрыву было немыслимо. Пришлось искать иную дорогу.

Метрах в ста от крепости Яр обнаружил тропинку. Здесь берег был не такой крутой, тропинка плавными изгибами уходила к воде по заросшим откосам. Яр спустился. Река тихо плеснула ему навстречу. Яр быстро, но тщательно вымыл бутылки. Наполнил их. Подосадовал, что нет пробок, придётся нести так.

Прижимая скользкие бутылки к пиджаку, Яр двинулся к тропинке. Крепость чернела на светлом небе, громадная и бесформенная.

Потом силуэт крепости изменился. Сломался.

Яр ногами ощутил упругий толчок земли. Крепость осела, стала оползать, рассыпаться, съезжать в реку. Башни раскалывались, превращались в груды…

Лишь через несколько секунд до Яра дошел

нарастающий гул.

Глава третья
ПЕРЕЙТИ РЕКУ…

1

Жёлтый закат над рекой был громадный, но тусклый. В воздухе словно рассеяли медную пыль. Вода отражала закатное небо во всю ширину, от берега до берега.

Пароход натужно дышал котлами и шлёпал по воде досками гребных колес. Яр стоял на нижней палубе, у сетчатых перил с обшарпанным спасательным кругом. Вода отваливалась от низкой пароходной скулы жёлтыми пластами.

В жёлтой воде была тоска. Она была везде — внутри Яра и вокруг. И не было ничего, кроме жёлтой тоски.

И быть не могло.

…Яр плохо помнил, как оказался на пароходе. Кажется, он сидел на берегу, на мокрой коряге, когда к нему подошли два бородатых матроса и один сказал с неловким сочувствием:

— Чего же так сидеть-то?.. Пойдёмте, мы вас довезём до Чайной Пристани, а там видно будет.

Или это после сказали?

Да, сначала он долго шёл по берегу, потом увидел пароход, приткнувшийся носом прямо к бурой крутизне глинистого откоса. Сел. С квадратного высокого мостика его окликнул пожилой капитан в мятой фуражке.

— Вы к нам?

— У меня билета нет, — бессмысленно отозвался Яр.

— Это неважно. Купите здесь.

Яр машинально поднялся на палубу. Капитан сошёл навстречу. Оглядел перепачканный костюм Яра.

— Вы из Орехова? Ступайте в четвёртую каюту, там свободно.

"У меня нет денег", — хотел сказать Яр, но не сказал. Потому что это не имело значения. Ничто не имело значения.

В каюте он долго сидел на узкой клеёнчатой койке и смотрел, как рябит на стене отражение воды. Стукнули в дверь, вошёл морщинистый и седоусый пассажирский помощник. Осторожно проговорил:

— Вы бы почистились... Потом побриться можно, у нас тут парикмахерская, мастер приличный.

— Ладно, — сказал Яр.

В тесной ванной кабинке он вычистил, как мог, пиджак и брюки. Он делал это механически. Думал он об одном: о чудовищной груде камней, земли и песка, в которую превратилась крепость. Даже не думал, а просто видел перед собой этот песок и эти камни.

…Как отчаянно он тогда метался среди кирпичных завалов. Как старался их разгрести, вгрызался в щебень, стремился собственным телом пробить тысячетонную тяжесть! Конечно, он вёл себя не как скадермен. Он потерял от страха и тоски голову. Он понимал, что надежды нет, и не хотел это понимать, пытался окровавленными пальцами разрыть руины цитадели. Потом кинулся к городу.

Его остановили какие-то люди в комбинезонах. Остановили решительно, велели убираться — в город нельзя. Обозвали идиотом, когда он начал говорить о крепости. В городе погибли и ранены сотни людей, кто сейчас будет заниматься цитаделью! Там нужны десятки машин и годы работы.

Но, видимо, отчаяние Яра было таким, что два человека пошли с ним. С полчаса лазили по сыпучим глыбам обвала. Потом пожали плечами и

оставили Яра одного.

Яр до рассвета разгребал осыпи. Пытался найти какую-нибудь щель, ход, лазейку. Среди кирпичей он увидел стоптанную ребячью сандалету. Алькина?

Она не могла быть Алькиной. Алька остался там, под десятками метров каменной толщи. Все остались…

А почему он, Яр, не остался?

Яр осторожно поставил сандалету на камень и стал спускаться к воде. Какой смысл разгребать камни? Если даже он чудом пробьётся внутрь, то… То, что он найдёт, уже не будет Алькой, Игнатиком, Данкой, Читой…

Яр долго брёл вдоль воды и оказался на пароходе.

…Из кармана пиджака выпала тонкая кожаная книжица. Яр машинально поднял. Это был плоский бумажник. В нём оказалось несколько четырехрублёвых ассигнаций и квитанция страхового общества на имя Я. Охты — видимо, Данкиного отца. То ли Данка специально сунула бумажник для Яра, то ли он лежал в кармане с давних времён…

"Вот и деньги на билет", — механически подумал Яр и снова сунул бумажник в карман. И

нащупал там какую-то жёсткую бумагу. Вроде открытки. Это был фотоснимок. Тот, что сделали вчера в фотоавтомате. Игнатик, Алька, Чита и Данка стояли с Яром живые-живые, весёлые-весёлые. И мысль, что теперь они растёрты каменными глыбами, стиснула Яра новым отчаянием.

Он с полчаса стоял, прижимаясь лбом к острому косяку, и не было ни мыслей, ни дыхания, ни ощущений. Был только протяжный молчаливый крик. Вой тоски и боли. И он не приносил облегчения…

Потом Яр заставил себя выпрямиться. Стараясь больше нь смотреть на снимок, опустил его в карман. Умылся. Сходил к парикмахеру, который сбрил отросшую за сутки щетину. Купил у пассажирского помощника билет. Ушёл на нос парохода, на нижнюю палубу, и стоял там до вечера. Один раз подходил помощник, звал обедать в салон. Яр покачал головой.

Больше его не беспокоили. Пассажиры то ли обходили Яра, то ли их не было совсем.

В мире осталась одна жёлтая тоска. Смесь боли и безнадёжности. Яр никогда не думал, что может быть т а к а я тоска.

Даже когда умерла мама, что-то светило впе-

реди. Сквозь бешеное горе, сквозь режущее до крика отчаяние. Что-то оставалось в жизни. Хоть самую капельку. Потому что были друзья. Был Космос, о котором он мечтал. Была серьёзная ласковая девочка Галка, которая утешала его, как раньше в тяжёлые часы утешала мама…

Чтобы жить, человек должен любить. Кого-то или что-то. Яр любил. Сначала маму, а ещё Славку, Димку, Валерку, Юрика. Потом Галку. Галинку, Галину… Заранее любил будущего Юрку. Галина не смогла понять этой любви и понять, что такое Космос, тоже не смогла. Юрка так и не родился. Яр ушёл в бросок на Меркатор… Он продолжал любить: товарищей, тайны планет и Пространства. Потом наступило время, когда товарищи стали уходить один за другим. Тайны Космоса оказались не важнее того, что осталось на Земле. Но и то, что осталось, ушло в прошлое. Что ж, Яр продолжал любить прошлое. А когда понял, что этого мало, в рубке крейсера появился Игнатик.

Это началась вторая жизнь. Судьба дала волшебную ниточку, ниточка связала Яра с теми, кому он по-настоящему нужен.

Судьба (или сказка, или Космос, или собственная печаль Яра) подарила ему светлоглазого Игнатика, похожего на Юрку, о котором он ко-

гда-то мечтал…

Яр говорил неправду вчера у очага. О том, что скоро уйдёт. То есть он ушёл бы на крейсер, но не насовсем. Вернулся бы на Планету. Он сам тогда этого не понимал, а теперь знал.

Но какой смысл знать это т е п е р ь?

Зачем он ушёл из крепости? Сейчас Яру казалось счастьем остаться с ребятами до конца. Хоть до какого конца. Лишь бы вместе…

Никогда не будет этого "вместе". Ничего не будет.

Кроме жёлтой тоски.

Куда от неё уйти?

Яр ушёл бы, не медля ни секунды. В воду или головой о камни. Но он боялся. Не смерти. У него было смутное ощущение, что там, за гранью, где исчезает всё, желтая тоска останется…

Яр плыл, не думая куда и зачем. Он взял билет до какой-то Чайной Пристани, потому что при нём упомянули это название…

На низком левом берегу, за лугами и кустарниками, встал на фоне заката город. Силуэты острых колоколен, башен со сквозными окнами, высоких крыш, пологих арок и крутых мостиков между балконами.

Своим чётким рисунком город разбил сплош-

ную желтизну. Так разбивает монотонную мелодию дождя посторонний звук: звон капель о донышко пустого ведра или чей-то неожиданный голос.

Яр удивился, что он ещё может замечать посторонние вещи. Думать о них. Зачем ему какой-то город? После того, что случилось…

И всё же он смотрел. А город разрастался, словно кто-то разматывал чёрное кружево на подсвеченном тускло-жёлтом сатине…

Яр оторвался от поручней и поднялся в рулевую рубку — стеклянную будочку на верхней палубе. Капитан был здесь. Что-то тихо говорил бородатому рулевому. Оба посмеивались.

— Что это за город? — спросил Яр.

Капитан обернулся. В его очень светлых старческих глазах отражалась желтизна.

— Город?

Яр кивнул на левый берег.

— Да это, собственно, не город, — неохотно сказал капитан.

— А что же?

— Да в общем-то город… Но не совсем.

— Всё-таки что же там?

— Да вам-то что? — удивлённо проговорил капитан.— Вы же с другой стороны.

— Я вас не понимаю, — резко сказал Яр.

Капитан озадаченно потёр подбородок. Чуть наклонившись, он разглядывал Яра. Яр сказал:

— Я хочу здесь сойти. Это возможно?

— Здесь?

— Да.

Капитан совсем растерялся:

— Но вы ведь, кажется, из Орехова?

— Ну и что же?

— Но… тогда получится, что вы перешли реку.

— Я не знаю местных обычаев, — угрюмо бъяснил Яр. — Что случится, если я перейду реку? Это запрещено?

— Это, конечно, не запрещено… Пожалуйста. Но здесь нет пристани.

— Ладно, я доплыву…

— Нет, что вы! Я прикажу спустить лодку… Желание пассажира — закон. Только…

— Если это трудно, не надо, — сказал Яр.

— Это не трудно. Дело только вот в чём… Вы отвергаете предрассудки, вы, конечно, правы. Сам я тоже… Но, понимаете, матросы… Они все с высокого берега. Я не могу им приказать. То есть, разумеется, могу, но потом… Это ничего, если лодка не будет касаться земли и вы пройдёте немного по воде?

— Ничего, — сказал Яр. — Спасибо, капитан.

Через две минуты пароход уронил в жёлтую воду литой якорь. Течение медленно развернуло судно кормой к закату. С кормы спустили плоскодонку. В неё сошли два старых матроса, они поглядывали на Яра хмуро и нетерпеливо.

Яр кивнул капитану и прыгнул в лодку.

Матросы гребли молча. В полусотне шагов от берега началась отмель, весло подняло со дна песчинки.

— Хватит, друзья, — сказал Яр. — Спасибо, тут я добреду.

Матросы повеселели:

— Будьте здоровы… Счастливо вам. — И дружно погребли к пароходу.

По колено в тёплой воде Яр пошёл к берегу, выбрался на траву.

Тоска чуть-чуть ослабла. Правда, сильно болело сердце, но от этого было даже легче: боль отвлекала от мыслей.

Яр медленно зашагал через высокую траву. Листики и колоски липли к мокрым брюкам. Город приближался, вытягивая в небо чёрные башни и заслоняя жёлтый закат. Было тихо и безветренно. Но вдруг от реки прилетел ветерок, закрутил над верхушками травы маленькие спиральные

вихри. Они побежали к городу впереди Яра.

2

Город начинался сразу, без привычной окраины с домиками и огородами. Высокие каменные дома с крутыми крышами вставали из травы и кустов. Яр ступил на гранитные плиты улицы.

Улица была пуста. И, видимо, весь город был пуст. Ни шагов, ни отдалённых голосов. Ни одного лица за стёклами и узорными решётками окон. Впрочем, несколько раз Яру показалось, что вдали мелькнули бесшумные фигуры. Но это могли быть просто вечерние тени.

Яр не удивлялся тишине и безлюдию. Ещё на пароходе у него появилось ощущение, что в городе никого нет. Город казался таким же одиноким, как Яр. Но в этом одиночестве улиц, башен, старых домов не было горечи. Было только усталое спокойствие. И оно коснулось Яра.

Так бывает у мальчишки, когда во время большой беды, среди безудержных слёз наступает передышка. Мальчик умолкает, ощутив на себе чью-то ласковую руку, и вдруг замечает, что кругом тишина.

Яр шёл, не думая, куда идёт. Поворачивал с улицы на улицу. Огибал башни с полукруглыми

амбразурами, проходил по чугунным узорчатым мостикам через заросшие овражки, в которых бормотала вода. В сумраке овражков мигали редкие жёлтые огоньки.

"Светлячки, что ли?" — подумал Яр. И поймал себя на том, что в нём шевельнулось чуть заметное любопытство. Полного равнодушия уже не было. И поменьше стало болеть сердце.

Яр пригляделся к домам. Их сложили из тёмно-розовых и серых камней. Камни были шероховатые, словно посыпанные крошкой. Среди них кое-где светлели мраморные блоки и плиты с буквами, знаками и барельефами. Буквы были незнакомые, знаки — непонятные. А на барельефах чаще всего встречался одномачтовый кораблик с кругло надутым парусом и длинным флагом.

Дома стояли вплотную друг к другу. Иногда над улицей были перекинуты крытые мостики с башенкой посредине. На одной из башенок Яр увидел часы. Ржавые стрелки на чёрном циферблате показывали двадцать минут третьего — часы явно стояли. Над циферблатом сидела серая большая птица, похожая на спящего орла. Яр подумал, что это украшение. Но птица подняла голову, глянула с высоты ни Яра, махнула

метровыми крыльями и шумно унеслась вдоль улицы. Она словно разбудила ветер. Вернее, стайку ветерков, которые пробежали над плитами тротуаров, над круглыми булыжниками мостовой, подняли спиральные столбики пыли.

Ветерок зацепил на стене изорванную бумагу. Видимо, это была старая афиша. Бумага моталась и шелестела. Яр увидел на серых лоскутах бледные буквы: КИ— НОФ… Потом ещё: "Если ты не…"

"Что н е?" — машинально подумал Яр.

Это было странно — афиша. Сколько времени она, даже очень старая, может провисеть на стене и не истлеть, не исчезнуть?

Значит, люди покинули город не очень давно?

А кажется, что целый век назад.

Впрочем, дома были целы. Яр не заметил развалин и большого запустения. Только в одном из переулков прямо посреди мостовой рос между булыжниками тополёк. У него от проснувшегося ветра хлопали друг о друга листья.

Яра обрадовало это живое лопотанье листьев… Хотя что значит обрадовало? Радоваться он не мог. Но почему-то показалось, что это хороший знак.

"Какой знак? Что может быть хорошего?" — тут

же г орько усмехнулся Яр.Но пошёл по переулку, где рос тополёк.

И вышел на большую площадь.

На другой стороне уступами поднимались зубчатые стены, а над ними узкие многоярусные башни — то ли сторожевые вышки, то ли колокольни монастыря. На площади стояли тонкие колонны. Целый лес. Наверху их смыкали между собой лёгкие пологие арки. Ряды этих арок уходили к дальним стенам. Под арками кое-где висели колокола. Разные: и совсем маленькие колокольчики, и великаны. Что это? Необычная монастырская звонница? Или громадный концертный зал, где на колоколах играли неизвестную теперь музыку?

Как непохоже это было на тот знакомый, почти родной Орехов, где Яр встретил ребят.

И всё же что-то смутно знакомое чудилось в городе. Может, память о давних играх или детских сказочно спутанных снах?

В небе давно исчезла желтизна, однако полные сумерки не наступали. Над городом висело яркое облако. Солнце из-за горизонта бросило в него красноватые лучи. и облако расцвело. Оно освещало город мягким рассеянным светом. Ласково розовели колонны и арки, на плиты площади

словно осела светло-оранжевая пыль. Лишь бронза колоколов оставалась тёмно-зелёной и чёрной.

Яр пошёл по плитам, и ему не хотелось, чтобы площадь и ряды колонн кончались. Идти бы так бесконечно — среди розоватого света и тишины, которые приглушили тоску, притупили боль. Потому что если кончится этот путь — дальше что?

"Что?" — словно в стороне раздалось это щёлкающее слово.

"Что-что-что-что…"

Это были не слова. Это щелкали по камню лёгкие шаги. Справа, из тёмной густоты парковых деревьев, появился мальчик.

Яр остановился. Мальчик шагал легко и беззаботно. Несколько раз он оглянулся на деревья, словно ждал, что его догонят приятели. Яра мальчик не замечал.

Он прошёл совсем недалеко. Темноволосый щуплый мальчишка лет двенадцати. В клетчатой рубашке, с блестящим ранцем за плечами. Ранец подпрыгивал при каждом шаге. Будто мальчик, чем-то довольный, возвращался из школы.

Какая здесь школа, для кого? Да и время позднее, и каникулы…

Впрочем, кто знает…

Окликнуть? Сказать: "Послушай, я здесь один. Я не знаю, как быть. Помоги". Яр доверял мальчишкам больше, чем взрослым, он не постеснялся бы попросить о помощи.

Но о какой?

Мальчик вдруг остановился. Он стоял в двух десяткак шагов и теперь смотрел на Яра. Будто спрашивал: "Хочешь что-то сказать?"

Яру нечего было сказать.

Мальчик быстро улыбнулся, нашарил что-то в кармане (как Игнатик нашаривал свечку), сел на корточки и размашисто нарисовал на камне какой-то знак. Выпрямился, переливчато засмеялся и побежал, теряясь за колоннами. Рассыпались сухие щелчки подошв, а потом с края площади донесся звонкий оклик:

— Серёжка, ну скоро ты?!

И ещё чей-то отдалённый топот. И всё стихло.

Яр постоял и подошёл к рисунку на плите. Там был начерчен крест со стрелками на концах: указатель на четыре стороны. И ещё одна стрелка — из центра перекрестья в сторону.

Такой знак любил рисовать на асфальте Юрка.

3

Яське нравилось барабанить. Нравилось придумывать всякие боевые марши. Стучишь в барабан, а за тобой будто встаёт армия. Качаются султаны на киверах, полощут знамена, блестят вскинутые палаши. Как в старой книжке про Бородино.

Давно уже порвался и пропал игрушечный барабан. Яська успел закончить четвёртый класс, но игру свою не разлюбил. Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином, он выбирал дорогу подлиннее, переулки попустыннее и шагал по ним, выбивая марши на донышке жестяного бидона.

И в тот раз он тоже маршировал вдоль косого забора, у которого росли подорожники и дикая ромашка. Он топал под марш "Атака голубых гренадеров". И на тропинку прямо перед Яськой прыгнул с забора мальчишка в полосатой майке. У мальчишки были непонятные продолговатые и широко сидящие глаза. Он смотрел серьезно.

Яська отступил и сказал:

— Ты чего?

Он не любил драться и не умел быстро знакомиться.

Мальчишка улыбнулся беззлобно, доверчиво.

— Я так… Я слышу, кто-то каждый день барабанит. И вчера, и позавчера…

— Потому что керосина третий день в лавке нет. Вот и хожу… — насупленно объяснил Яська.

— Ага… Я вчера в щёлку поглядел, тебя увидел. А сегодня ты опять идёшь…

Яська посопел. Он не знал, что сказать.

— Я тут живу, — мальчишка кивнул на забор. Здесь наш сад.

— А-а…

— Меня Юрка зовут. А тебя?

— Ярослав.

— Ух ты! — восхитился Юрка. — Какое княжеское имя.

Тогда Яська улыбнулся:

— Юрий ведь тоже княжеское…

Небо хмурилось, потянул серый ветерок, спиральный столбик пыли пронёсся по тропинке. Яська переступил — защекотало ноги.

Юрка сказал:

— Говорят, что если в такой маленький смерч бросить ножик, на нем капелька крови покажется.

— Ага, я слыхал, — согласился Яська. — Только это не смерч, а вихорёк… Ты кидал ножик?

— Не… — вздохнул Юрка.

— Я тоже.

— Потому что жалко, да?

Яська смущённо кивнул:

— Вдруг правда кровь будет. Тогда, значит, они живые…

Прогремело за крышами.

Юрка поглядел вверх.

— Скоро польёт… Пошли ко мне, переждём…

Дома у него на большом столе был город. Из бумаги, из картона, из пенопласта. Сказочный город, где перепутались старинные замки и телевышки, терема и небоскрёбы ростом с карандаш. Была маленькая железная дорога и морской залив из голубой бумаги, застеленной мятым целлофаном. И кораблики в порту.

Потом Яська и Юрик часто играли вместе у этого города…

И вообще они часто играли вместе. Юрик прибегал к Яське во двор и скоро стал полноправным обитателем голубятни.

В конце лета, вечером, была игра в сыщики-разбойники. Яська и Юрик убегали от Димки, Валерки и Славика. И ещё от большой компании соседских, ребят. Юрик рисовал на асфальте знаки-указатели: четыре стрелы на четыре стороны

света. Можно было такой знак и оставить: ищи, где хочешь. Но Юрик всегда играл честно. Он пририсовывал пятую стрелку: она смотрела в ту сторону, куда они с Яськой скрывались.

Стрелка не помогла тем, кто их догонял. "Сыщики" отстали. Яська с Юриком отсиделись в акациях циркового сквера, вышли на улицу. Было пусто. В конце улицы закат разукрасил узкие облака.

— Пойдём посмотрим город, — шёпотом предложил Юрик.

Яська удивился: не видал он, что ли, города? Только сегодня клеили новый дом с часами на башне!

— Да нет, не тот город, — чуть виновато улыбнулся Юрик. — Знаешь, бывает такая штука… Я сам не знаю, почему. Когда вот такой закат, надо забраться на старую водокачку, и с неё видно, будто незнакомый город появляется на горизонте. Башни всякие, стены, крыши… Далеко-далеко…

Яська понял, что Юрик делится своей тайной. И очень захотелось тоже увидеть дальний непонятный город.

— Давай. Только не пойдём к водокачке по Южной. Лучше мимо кино.

— Почему? — удивился Юрик.

— Ну… — Яська замялся. Но Юрик доверил ему свою тайну, и Яська не стал скрывать свою, хотя и неприятную:

— Там магазин "Спорттовары"… а в витрине этот… ну, дурак такой, манекен в альпинистском костюме. Я его не люблю. У него рожа такая… Улыбается, а глаза злющие. Будто всё время следит… Я его зову Наблюдатель. Будто он шпион какой-то.

— А, знаю, — сказал Юрик.

— Я как мимо него пройду, так какая-нибудь неприятность делается, — вздохнул Яська. — Вчера, вот гляди, локоть ободрал. Запнулся, да ка-ак брякнусь, а он, гад, смеётся… А весной прошёл рядом с витриной, и мама заболела… И ещё всякое было…

Юрик серьёзно кивнул:

— Я понимаю. Только этого типа уже нет в витрине.

— Как? — радостно подскочил Яська.

— Его сегодня убрали, я сам видел… — Юрик хихикнул. — Совсем голого… И знаешь что? У него в груди почему-то дыра. Вот такая. Будто прострелили ядром.

— Тогда пошли! — с облегчением сказал Яська.

Но они не ушли далеко. Встретилась мама Юрика. Она была то ли встревожена, то ли очень

опечалена.

— Юра, домой… Ясик, ты извини, у нас важное дело.

Яська растерянно остался на тротуаре. Юрик (он сам ничего не понимал) слабо помахал рукой: до завтра.

Но завтра Юрика не было. Он уехал с матерью накануне вечером, уехал насовсем и — неизвестно куда. Потому что случилась беда: от них ушёл отец. Яська узнал это через несколько дней.

Своего отца Яська не помнил. Ему хватало мамы. Но, значит, это очень большое горе, когда уходит отец. Такое, что люди от него уезжают на край земли и даже некогда проститься с другом…

И маленький Яська поклялся на веки веков, что если он вырастет большой и у него будет сын, он никогда-никогда не бросит сына.

А знаки со стрелками, которые в тот вечер нарисовал Юрик, целую неделю ещё белели на асфальте. Пока не пошли дожди.

4

Яр постоял над знаком, который начертил незнакомый мальчик. Едва ли он для Яра его нарисовал. Наверно, просто играл… Яр повёл мед-

ленным взглядом, куда показывала, вырываясь из креста, пятая стрелка.

А куда она показывала? Просто на левый край площади, где громоздились тёмные дома. В одном месте они были раздвинуты щелью переулка. Яр пошёл к этому переулку.

Он начал смутно надеяться на что-то. На что, не мог понять: той беде, что случилась вчера, помочь было невозможно. И всё же он шагал с ожиданием какой-то перемены.

Облако над городом погасло. На площади стало сумрачно, а в зажатом высокими домами переулке оказалось совсем темно. И тепло: ещё не остыли нагретые дневными лучами камни.

Где-то опять простучали быстрые шаги. Что-то крикнул в отдалении звонкий голос. И вдруг Яр увидел, как над головой, на верхних этажах неярко зажглись окошки. Их было немного — три или четыре на весь переулок.

"Всё-таки кто-то живёт здесь", — подумал Яр. Свет в окнах казался спокойным и ласковым.

Впрочем, скоро окна скрылись из вида. Переулок вильнул и вывел Яра в совершенно тёмную улицу. Вернее, в прямой проход между глухих стен. Стены были неровные, с выступами и каменными подпорками. Кое-где на них смутно

белели выложенные из плиток узоры и неясные буквы. Но не было ни одного окна.

Дорога между стенами поросла травой. В траве очень громко трещал ночной кузнечик.

Стены были высокие. Небо, ещё не совсем погасшее, висело над Яром неширокой синевато-серой полосой. Эта полоса в конце улицы делалась очень узкой. Там в небо врезался тонкий силуэт башни. Верхушка её была похожа на шахматную фигуру.

Впереди засветился крошечный жёлтый квадратик. Яр, сам не зная отчего, ускорил шаги. Кузнечик в траве надрывался от треска. Чёрная башня вырастала над Яром, уходила точёной вершиной в высоту.

Улица упиралась в основание башни. Это здесь и горело оконце. Метрах в трёх от земли. Под ним Яр, приглядевшись, различил дверь. Не старинную, а простую, как в комнате обычной квартиры. Яр не колебался. Нащупал ручку и потянул.

Он увидел…

А что он увидел? Ничего особенного. Пустую комнату с цементным полом и грязными исцарапанными стенами. Под потолком горела мутная лампочка. У стены валялись разломанные ящики и бочонок. Вот и всё.

Яр ощутил, как возвращается к нему прежняя тоска. Он беспомощно и всё же с остатками надежды осмотрелся. За грудой ящиков была, кажется, ещё дверь. Он торопливо шагнул туда. Правильно, дверь. Даже две. Грязные, в чешуе облупившейся краски… А это что? Что это?!

В узком простенке, зацепившись лапкой за ржавый крюк, висел бормотунчик.

Конечно, это был другой бормотунчик. Не из платка, а из полинялой трикотажной тряпицы (скорее всего, из обрывка мальчишечьей майки). И лицо его нарисовано не сажей, а мелом. Но выражение улыбчивой рожицы было таким знакомым…

Яр замер. Он понимал, что бормотунчиков умеют делать многие мальчишки на Планете и что этот, забытый и разрядившийся, висит здесь в запустении с давних времён. И всё-таки…

Бормотунчик вдруг шевельнулся. Уцепился за крюк второй ручкой, покачался. Спросил голосом капризной куклы:

— Ты зачем пришёл? Слушать? Хочешь правдивую, красивую, прекрасную сказку про ветерков?

— Кто тебя сделал? — шёпотом спросил Яр.

Бормотунчик нервно дёрнулся:

— Ты спрашиваешь? Это вопрос? Я могу отве-

тить лишь на один вопрос! Потом кристаллы разрядятся.

— Нет-нет, — испуганно сказал Яр.— Не отвечай. Я задам другой вопрос.

— Поскор-рей,— недовольно потребовал бормотунчик.

Яр знал, о чём спросить: "Скажи, как вернуться на крейсер". Надо вернуться. Здесь нечего делать. Некого ждать, не на что надеяться. А очнувшись у пульта, Яр сможет вспомнить Планету и ребят как сон. Светлый и страшный. Он убедит себя, что это т о л ь к о с о н. Ничем другим это и не может быть.

И жёлтая тоска больше не тронет Яра.

"Тронет, — сказал вечный спорщик, который сидит внутри каждого из нас. — Потому что не сон это. И от себя не убежишь".

"Но что мне делать здесь?"

"А что делать т а м?"

Яр, понурившись, рассматривал замызганный цементный пол.

"Тебя позвали с ю д а", — настойчиво толкнулась мысль.

"Но тех, кто позвал, теперь нет!"

"Зато есть надежда..."

"Какая?" — горько усмехнулся Яр. Он удивлялся,

что эта надежда — слабенькая, беспомощно-детская — нет-нет да и шевелилась в нём. Будто может произойти неожиданное. Такое, что ослабит беду и как-то утешит Яра.

Что могло ослабить, как утешить? И на кой чёрт утешение?

Был нарушен какой-то закон, детство не повторяется, поэтому всё кончилось так страшно…

— Ты скоро? — нетерпеливо дёрнулся бормотунчик.

— Сейчас, сейчас, — прошептал Яр.

А что "сейчас"?

И он беспомощно проговорил:

— Ну скажи, что мне делать?..

Бормотупчик закачался. Хихикнул.

— Ты хитрый. Ты решил задать сто вопросов в одном… Хо-ро-шо!.. Хочешь вернуться — иди в правую дверь. Хочешь чего-то другого — иди в левую…

— Чего другою? — вырвалось у Яра.

— А того, что…— Бормотунчик вдруг пискнул и беспомощно повис. Успел выдавить угасающим голоском: — Дурак ты…

— Прости, я не хотел,— с испугом сказал Яр.

Бормогунчик висел тряпичным кульком.

"Прости", — ещё раз подумал Яр.

Перед ним были две двери. Боясь раздумывать, Яр ухватился за ручку левой.

Рванул.

За дверью была почти такая же комната. Лишь поменьше и почище. На дощатом столе валялся на боку большой продырявленный барабан и горела, оплывая, очень толстая свеча.

В углу на драном тюфяке спал Игнатик.

Глава четвертая
ИГНАТИК

1

Белый домик стоял на мысу, над спокойным зеленоватым заливом. Каменный, широко застеклённый, с плоской крышей и решётчатой башенкой маяка. В домике находилась диспетчерская служба порта.

Порт был крошечный. Его деревянные причалы прятались в бухточке за мысом. Большие суда к ним не совались. Торчал здесь голубой катер береговой охраны, да отстаивались днём крутобокие мотоботы рыбачьих артелей. Перед закатом они уходили на ночной лов. Диспетчерская главным образом и работала для промысловых экипажей.

К домику примыкал неказистый павильон с пышной чёрно-золотой вывеской:

Бар
У НЕПТУНА ЗА ПАЗУХОЙ

Здесь был постоянный приют не занятых ловом рыбаков и свободных от дежурства диспетчеров.

Яр зашёл к "Нептуну", когда солнце уже катилось к морю и делалось оранжевым.

Бармен Чёрный Яков, маленький, похожий на подростка, но с морщинистым личиком, обрадовался:

— Яр! Давно не заходил! Кружечку, а?

— Табаку, Яков. Пачку "Субмарины".

— Пачку "Субмарины" и кружечку. А?

— Мне через час на вахту.

— Кружечка холодного "Бомбардира" перед вахтой — самое дело, — уверенно сказал Яков.

Яр засмеялся:

— Ну, давай.

Кружка была из мятой тонкой жести, пиво сквозь неё холодило ладони. Яр оглянулся. У больших бочек, заменявших столы, было почти пусто. "Вот и хорошо", — с облегчением подумал Яр. Но тут же его окликнули:

— Эй, Яр! К нам иди…

У окна с частым переплётом "ошвартовались" двое: болтливый маячный мастер с длинным прозвищем Пауль Верхняя Душа и механик с мотобота "Креветка" Захар Лира. Захар был молодой, слегка ленивый, с широким бабьим лицом. В отличие от многих, нелюбопытный. У него в доме Яр снимал для себя комнатку.

Разговаривать не хотелось, но обычай требовал: зовут — подходи. Нарушать поселковые обычаи Яр остерегался.

Пауль Верхняя Душа суетливо подвинул ящик из-под консервов.

— Ты садись, садись, Яр, садись с нами. А то, гляжу, всё один да один. Сумрачный что-то. Служба, что ли, не ладится?

— Служба нехитрая, — обронил Яр и спрятал за кружкой лицо.

— А чего же тогда? А?

— Не копай ты чужую душу, Пауль, — с зевком сказал Захар. — Мало ли что у человека. Мы вот в одном доме живём, я и то не копаю.

— А чего и не копнуть? — не согласился Пауль. — Иногда копнёшь, а человек выскажется, и бывает ему облегчение…

— Да всё у меня нормально, — сказал Яр. — Ты, дядя Пауль, покопался бы лучше в своём фонаре.

А то в пятницу с какого-то сейнера запрашивают: "У вас что за маяк? Мыс Грива или Белый Бык?" "Грива, — говорю, — вы что там, перепились все до полного побеления? Бык на семьдесят миль южнее". "А какого же растакого дьявола, — кричат, — у него зелёные проблески через пять секунд, как на Бычьей мигалке, а не через две, как про вас в лоции написано?" И открытым текстом как выдадут про наш маяк всё, что думают…

— Ну, этот факт особый, критика эта в чём-то правильная, — слегка обиделся Пауль Верхняя Душа. — Только я вижу так, что про маяк ты заговорил, чтобы разговор увести от себя. Дело, конечно, совершенно твоё. А мне просто в душе больно смотреть, если кто ходит понурый… Сперва ты вон какой бойкий был, да всё не один, а с мальчонкой. Чего его не видать-то, приёмыша твоего?

— Какой же он приёмыш? Он с родной тёткой живёт.

— Тётка тёткой, да и не родная она, а бес её знает какая. А за тобой-то он, бывало, как пришитый ходил…

"Да замолчи ты, дубина", — тоскливо подумал Яр.

И сказал:

— У него свои дела, мальчишечьи…

— Свои-то свои… Он, конечно, парнишка вроде смышлёный. И вежливый такой, только от нашей ребятни всё в сторонке держится. Со взрослыми нормально, а мальчишек здешних боится, что ли. Мне с башни всё видно…

— Не привык ещё, — сказал Яр. — По старым друзьям тоскует. Я же говорил, у него друзья погибли в обвале…

Пауль повздыхал, закивал, хотел опять заговорить, но язык у него стал потяжелее: во время беседы они с Захаром пропустили по паре кружек.

— Пора… — Яр поднялся.

В баре прибавилось посетителей. У двух бочек устроились компании по три человека. Дымили трубками. Оранжевое солнце пробивало зеленоватые клубы дыма, которые поднимались к потолку — к запылившимся моделям парусников и стеклянным шарам, оплетённым сизалевыми сетками. Шары — это были поплавки от сетей. Ещё недавно такой поплавок Яр подарил Игнатику…

Яр резко шагнул к выходу. Чёрный Яков закричал из-за стойки:

— Яр! Что же ты, а? После одной кружки не

уходят! А, Яр?

— На вахту же…

Но тут его заметили другие.

— Яр! Подсаживайся!

— Давай, давай, Яр! Четверо — не пятеро, садись к нам…

— Не могу, ребята, надо Стефана менять. Время.

— Ну, что Стефан? — сказал со своего места Пауль. — Стефан молодой, подежурит ещё часок. Я вот пойду и скажу: "Ты, Стефан, подожди. Яр не часто с нами сидит, пускай побудет у Якова, а ты ещё подежурь маленько…" Дай мне, Яков, кружку, я отнесу Стефану.

"Ну и пусть", — устало подумал Яр. Стефан и в самом деле мог подождать, нравы здесь были простые.

Яр подошёл к бочке, за которой тянул пиво диспетчер Феликс. Он Яру нравился. Молодой ещё, но кряжистый, русобородый, по-стариковски спокойный. На первый взгляд он казался даже мрачным. Но глаза были ласковые и какие-то беззащитные. Кроме Феликса сидели тут механик поселкового кинотеатра Дымок — совсем мальчишка — и старый мастер канатного дела Антон Хвост, такой же разговорчивый, как Пауль

Верхняя Душа.

Феликс улыбнулся. Дымок солидно крякнул и сделал глоток, а старый Антон заговорил:

— Садись, Яр, садись… Яша, ты нам принеси!.. Я вот смотрю, Яр, ты у нас целый месяц, а к здешней жизни всё не приспособился. Будто из другого мяса ты…

— Я человек с той стороны,— вздохнул Яр.

— Та сторона, эта сторона — предрассудки собачьи, — басовито сказал Дымок.

— Может, и предрассудки. Только откуда они взялись, вот вопрос, — осторожно проговорил Яр.

Феликс отвёл глаза и подавил улыбку. Старый Антон нелепо развеселился:

— Вопрос — это хорошо! Любопытному человеку интереснее живётся. Ты давай вопросы-то, мы, может, все тут и разберёмся!

— Хорошо. Что такое нашествие? — неожиданно для себя громко сказал Яр.

В баре замолчали. Потом кто-то мелко засмеялся.

Дымок солидно проговорил:

— Чушь это. Никаких нашествий не бывает.

— Бывают, — сказал Яр.

— Это шмели-то? — отозвался старый Антон.—

Ну да, ну я знаю. На той стороне… А что шмели? У нас сроду не было…

— Это не просто шмели, — разозлившись, сказал Яр.

Феликс поцарапал бороду. Он был изрядно под хмельком, но сейчас посмотрел трезво.

— Яр, когда вулкан или цунами… вот, как на Жёлтых Камнях, например… никто же не спрашивает — что такое? Природа…

— Довели матушку-Планету, вот она и плюётся, — Сказали у соседней бочки.— И нечего тут искать других объяснениев…

— Кто довёл? — спросил Яр.

Старый Антон захихикал. Дымок, важно улыбаясь, курил. Феликс ласково проговорил:

— Яр, ты как с другой планеты, честное слово…

— Я и так с другой планеты, — ничем не рискуя, сказал Яр.

Старый Антон засмеялся, закашлялся, хлопнул по спине Дымка так, что у того вылетела трубка.

— Дым, пошли за пивом. Яков там уснул, не несёт…

Дымок важно поднял трубку, и они с Антоном двинулись к стойке.

Феликс царапал мундштуком латунный обруч бочки.

— Яр, ты хороший парень… Жаль, ты у нас не задержишься.

— Почему не задержусь?

— Ты сам знаешь. Тебе не это надо… Вопросы у тебя…

— А что, здесь не любят тех, кто спрашивает?

Феликс улыбнулся:

— Не здесь… Яр, ты совсем ничего не боишься?

"Боюсь потерять Игнатика", — подумал Яр, но это никого не касалось.

— Я пока не знаю, чего надо бояться…

— Ну и правильно! — вдруг пьяно сказал Феликс и грохнул кулаком по бочке. — Так и надо!.. Яша! Поставь, милый! Слышишь? Поставь ту пластинку! Один-то раз. Для Яра…

Шум в баре поутих. Яр оглянулся на стойку. Яков улыбался. Улыбка — беззубая щель на чёрном обезьяньем лице. С полки, из-за пёстрых бутылок, он достал плоский пакет, вынул пластинку, подул на неё. Положил на диск проигрывателя…

Стало совсем тихо. Солнце окуналось в море, стеклянные поплавки у потолка уже не блестели, но лампы ещё не зажглись. Скрытый за моделью галиона динамик зашипел. Потом ударил тяжёлый аккорд гитарных струн, пошла медленная мелодия.

И глуховатый мужской голос запел:

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сожжём у берега
Последние корабли,
Наш маленький барабанщик
Уйдёт за вечерним солнцем
И тонкой блестящей льдинкой
Растает в жёлтой дали.

Это пел явно не артист. Но пел хорошо, по-настоящему. Со скрученной печалью и нарастающей жёсткостью. Яр вспомнил песчаный обрыв у крепости…

От горького пепелища,
От брошенных переулков,
Где бьют дожди монотонно
По крышам, как по гробам,
От злой измены, что рыщет
В домах опустелых и гулких.
Наш маленький барабанщик
Уйдёт, не сдав барабан…

Издалека, сначала незаметно, вошел, вплёлся в

песню голос мальчишки (у Яра сжало горло).

Но есть утешенье — как будто
Последний патрон в обойме, —
Последняя горькая радость,
Что каждый из нас был прав.
И вот потому над Планетой
Шагает наш барабанщик —
Идёт он, прямой и тонкий,
Касаясь верхушек трав…

Кончилась песня, прошли секунды тишины. Потом загорелись лампы — будто свет в кинозале после окончания фильма.

У бочек задвигались, закашляли. Кто-то сказал:

— Да-а… Гордые были мальчики.

— Ну а что с того, что гордые? Сгорели, а толку…

— Не накликать бы чего… Ты, Яков, тоже… смотри…

— Да что мы, не люди, что ли? — громко спросил Феликс.

Вернулся Пауль Верхняя Душа.

— Ну вот, я сказал Стефану. Ты, Яр, не волнуйся, он подежурит, сколько надо. Мы с ним там посидели, он говорит: конечно, пускай Яр погуляет,

если охота, а я, говорит, побуду за него, а потом он за меня, дело такое…

— Что это за песня была? — спросил Яр у Феликса.

— А вот, — опять хмелея, отозвался Феликс. — Это про тех ребят, которые тогда поднялись в Морском лицее, в городе… Дело давнее, а песня осталась.

— Как поднялись? Против кого?

— Против кого… Знать бы… Не хотим, мол, и всё. Карабины порасхватали с учебными патронами. А зачем эти хлопушки, если пожар. Это тебе не шмели…

Феликс макнул бороду в кружку.

— А в каком городе? — спросил Яр. — У реки?

— Ну, я же говорю: в Городе. Он один тут, Город…

— Феликс, а почему он пустой?

— Никто не живёт, вот и пустой. Вроде музей, заповедник…

— А почему не живут?

— Не хотят — и не живут. Ты сам попробуй в пустом-то городе…

"Чёрт, — беспомощно подумал Яр. — Хоть бы одного человека найти, который скажет…"

— Я видел там людей, — резко бросил он. — Врё-

те вы все тут. Люди там живут и ничего не боятся. Весёлые люди.

— Сколько их — весёлых — там? — совершенно трезво сказал Феликс.— Это те, кто смог… А если разобраться, какой смысл?

"Ни в чём нет смысла", — подумал Яр.

— Ладно, ребята, пора Стефана менять.

— Да подождёт он, Стефан-то, — заговорили с трёх сторон. — Ты, Яр, об этом не думай, ты к нашей компании привыкай. Вот и народу прибывает, посидим, споём наши рыбацкие… А вопросы, ну их, Яр, к чёрту…

В баре и правда становилось людно. За окнами темнело, но ещё видна была дорога от посёлка к мысу. Вверх по дороге тянулись завсегдатаи "Нептуна".

Появился высокий мужчина с бородкой-эспаньолкой и в круглых конторских очках, которые к его бородке совершенно не подходили. Это был начальник местной береговой охраны по прозвищу Шериф.

— Иду, слышу, музыка тут играет, — сказал он Якову. Яков засуетился, раскрутил шипучий пивной кран.

— Старую пластинку играем, — заговорил мастер Антон. — Садись, Шериф, вон к Захару, их

трое. Мы для Яра тут пластинку играли, такое вот дело.

— Яр, привет, — Шериф протянул руку. — Ты как-то говорил, что хочешь своего мальчонку на катере покатать. Завтра идём в Новый Свет браконьеров гонять. Пойдёте с нами?

— Завтра я на вахте до вечера, — вздохнул Яр.

— Ну, тогда на той неделе… Пауль, сто гарпунов тебе в верхнюю и нижнюю душу! Почему твоя коптилка на башне опять мигает вразнобой, как пьяная курица? Я вот составлю донесение…

Пауль поперхнулся и засеменил к выходу. Там он столкнулся с краснощёкой крупной женщиной. Она заговорила с порога:

— Рыболовы! Мужичка моего здесь нету? Говорит, в рейс пошёл, а сам небось встал тут на прикол да наливает цистерны?

Посыпались шуточки. Смысл их сводился к тому, что "мужичка" здесь нет и что он в самом деле пошёл в рейс, но не за рыбой, а к какой-нибудь красотке.

— А и пусть провалится совсем, — говорила женщина и шагала среди бочек. — Мне от него чего надо-то? Ключ от погреба с собой унёс, пустая бутылка, а в погребе у меня банки для черешни. Будем теперь с Игнашкой замок сбивать… Яков,

дай-ка спичек да полдюжины свечей, в погребе-то хоть глаз выколи... А, Яр! Здравствуйте, Яр!

Это была тётка Игнатика. Яр встал. Она подошла.

— Что-то не заходите к нам...

— Зайду. Работы много. Дело новое, вникаю... А Игнатик почему перестал ко мне забегать?

— Я и сама удивляюсь. Всё на чердаке сидит. То змея клеит, то вертушки ветряные делает. Я говорю: "Ну, с ребятами не играешь — дело твоё, а почему к дяде Яру ходить перестал? Он с тобой смотри как по-хорошему, на лодке катал, лук со стрелами сделал, курточку вон какую подарил, а ты..."

— А он? — тихо спросил Яр.

— А он чего?.. "Зайду, — говорит, — обязательно. Вот доделаю, — говорит, — эту штуку и пойду..." А глаза вниз глядят. Может, провинился перед вами?

— Да нет, что вы, — сказал Яр.

Вместе с тёткой Игнатика он пошел к выходу. ("Яр, да подождёт Стефан-то!" — кричали вслед.)

Вечер был тёплый, начинали трескотню ночные кузнечики.

Тётка вдруг вздохнула и призналась:

— Боюсь за Игнашку я. Нездешний он какой-то.

Не в том дело, что с другой стороны, а вообще… Сегодня стали свечки искать, чтобы в погреб лезть, нашли огарок, а он его взял и смотрит, смотрит. Потом я гляжу, а глаза у него мокрые… Вы бы поговорили, Яр, узнали, что с ним такое делается.

— Я бы поговорил, — с горечью сказал Яр. — Но он же не приходит…

— Он придёт. Я накажу, чтобы завтра же…

— Пусть придёт… Ну, скажите ему, что я соскучился, — беспомощно попросил Яр.

2

В тот вечер, когда Яр нашёл Игнатика, они остались в комнате со столом и свечой. Никуда не пошли. Ни о чём не говорили. Игнатик вздрогнул и открыл глаза, едва Яр наклонился над ним; коротко вздохнул, вцепился в Яра, прижался лицом к его пиджаку. И так они сидели долго-долго. И наконец Игнатик уснул. Яр положил его на тюфяк и уснул рядом. И последнее, что он помнил, был толчок страха: не приснился ли Игнатик?

С таким же страхом он проснулся.

Свеча догорела, пахло растопленным стеарином. В оконце бил утренний луч.

Игнатик сидел над Яром на корточках: грязный,

босой, похудевший, в порванной рубашке, с чёрными царапинами на лбу и на ногах. Улыбался осторожно и печально.

Яр со странной, закаменевшей радостью придвинул Игнатика к себе. Шёпотом спросил:

— Как ты уцелел?

Игнатик шмыгнул носом, потёрся щекой о рукав Яра.

— Я не знаю… Бормотунчик сорвался с проволоки, заковылял под лестницу, а я за ним побежал. Думаю, куда это он? А там щель… Большая щель, вроде как ход какой-то. Он туда, я тоже туда. Потом всё задвигалось, сверху что-то навалилось… Яр, я сразу понял, что крепость поползла! Думал, что всё. Тут меня, кажется, щебнем завалило… Ну, я раскопался кое-как, а там такой длинный-длинный каменный коридор. Назад хода не было, я пошёл по коридору…

— А потом?

— Я шёл, шёл… Будто сто лет. Яр, это, наверно, ход под рекой. Я утром выбрался, а мне люди говорят: "Ты с той стороны?" Я говорю: "Не знаю". Они говорят: "Если с той стороны, садись на поезд, он идет до станции Мост. А там вернёшься к себе…" Два дяденьки и женщина, добрые такие, дали хлеба, посадили в вагон…

— А что за станция? Она здесь?

— Да не здесь… Я в вагоне спрашиваю: "Скоро станция Мост?" А все на меня смотрят, как на ненормального. Потом говорят: "Это же в другую сторону…" Я тогда сошёл на полустанке, чтобы на обратный поезд пересесть. А поездов нет и нет. Я пошёл к реке. Думаю: переплыву как-нибудь. Если под землёй прошёл, почему нельзя обратно переплыть? А потом смотрю — вот этот город…

— Пустой… — сказал Яр.

Игнатик кивнул:

— Ага… Только не совсем пустой. Я так умаялся, лёг ка траву у фонтана и заснул. А меня кто-то поднял и понёс. Я даже проснуться как следует не мог… Потом проснулся уже здесь. Смотрю: на столе хлеб и кружка с водой. Я поел и опять заснул… Яр, я даже не думал, что ты меня так скоро найдёшь… Яр, а ребята? Они живые?.. Яр! Ну ты чего молчишь?

Игнатик заглянул Яру в лицо и заплакал.

Через час они ушли из города, который солнечным утром казался ещё более пустым, чем в сумерках. Съели огрызок хлебной корки, который лежал на столе, умылись у фонтана, булькавшего одинокой струйкой, и ушли.

Игнатик сказал, что у моря, километрах в соро-

ка от города, есть рыбачий посёлок и там живёт его тётка. Правда, незнакомая, он про неё только слышал, а никогда не видел, потому что жили на разных сторонах. Но всё-таки тётка.

— А почему, если на разных сторонах, то нельзя видеться? — спросил Яр. — Почему запрещено переходить реку?

— Да нисколько не запрещено, — отозвался Игнатик. — Просто считается, что это принесёт беду… Да теперь уже всё равно.

Игнатик больше не плакал, он стал сумрачно-деловитым. Уже за городом, когда шли на север по высокой луговой траве, он сказал:

— Поживём в посёлке, а там решим, что делать. В Орехов нам возвращаться ни к чему…

— Тик… Если мы не вернёмся, кто расскажет родителям Альки, Данки и Читы про всё, что было?

— Я напишу письмо из посёлка, — хмуро сказал Игнатик. — Читаным папе и маме. Они-то уж точно уцелели, они были за городом. А остальные — кто знает…

— Письмо дойдёт?

— Письмо-то дойдёт… Яр, ты сможешь быть рыбаком?

— Не пробовал, Тик… А зачем?

— Яр… Голубятня же сгорела. Я не знаю, как ты

теперь обратно…

— Ничего, малыш, как-нибудь, — сказал Яр.

— Ты на меня не сердись очень сильно…

— За что сердиться-то? Наоборот, спасибо тебе.

— За что?

"За то, что ты есть", — подумал Яр. И сказал:

— За то, что нашёлся.

— Я один нашёлся, — прошептал Игнатик. — Вот если бы были ребята… Можно было бы даже построить новую голубятню… А сейчас…

Потом они долго шли молча, потому что думали о Данке, Альке и Чите.

В середине дня они пришли к чистой речке с заросшими тальником берегами. Напились холодной воды. Потом Игнатик странно замер, плюхнулся животом в воду, забарахтался. Яр кинулся, схватил его за рубашку, поднял. Игнатик прижимал к животу длинную рыбину. Он бросил её далеко на берег. Рыбина попрыгала в траве и уснула.

— Вот ты как раз и есть рыбак, — сказал Яр.

— Я случайно, — вздохнул Игнатик. — Сам не ожидал.

— А как будем есть? Сырую?

— Испечём.

— А чем огонь разведём? Свечки-то нет…

Игнатик глянул потемневшими глазами: "А если бы и была? Нас же не пятеро..." "Ох и дурак я", — сказал себе Яр.

Игнатик шарил в карманах мятых шортиков.

— У меня, кажется, стёклышко есть. Вот... — Он вытащил маленькую линзу. — Это мы с Читой телескоп делали...

Они набрали сухой травы, наломали в кустах веток. Разложили небольшой, но жаркий костёр, а потом в углях испекли рыбу. Съели её несолёную, пахнувшую водорослями.

— Давай отдохнём, — попросил Игнатик. Он сбил ноги. Сандалии он потерял при обвале, а ходить так много босиком не привык.

Они легли под кустом и уснули до вечера.

Когда проснулись. Яр спросил:

— Будем здесь ночевать или двинемся в путь на ночь глядя?

— Пойдём, — сказал Игнатик. — Мы же выспались.

Но скоро Игнатик стал опять спотыкаться. К тому же он вздрагивал: над лугами поднимался влажный туман, сумерки были зябкие.

Яр закутал Игнатика в пиджак и взял на руки.

— Ну вот, как маленького, — пробубнил Игнатик, но больше не спорил.

Яр зашагал через высокую траву по плечи в тумане.

На пути поднялись невысокие холмы. Яр взошёл на плоскую вершину. Совсем стемнело. И Яр впервые взглянул на звёздное небо Планеты.

— Смотри Тик, — сказал он с неожиданной радостью. — Те же созвездия, что у нас!

Игнатик шевельнулся и осторожно спросил:

— Ты очень скучаешь по своей Земле?

— Я?.. Знаешь, Тик, мне кажется, здесь та же Земля… "И здесь у меня есть ты", — добавил он про себя.

— Яр, — тихо сказал Игнатик и часто задышал у щеки Яра. — Мы с тобой теперь одни на свете. Ты и я.

— А тётки твои? — помолчав, спросил Яр.

— Ну что тётки! Та, у которой жил, она нисколечко меня не обижала, но… я ей что есть, что нет. А эту я не знаю… Яр…

— Что, Тик?

— Если вдруг получится, что ты сможешь уйти… Ну, туда, к себе… Яр, тогда хотя бы…

— Я никуда не уйду. По крайней мере, без тебя не уйду, — будто ставя точку, сказал Яр.

Игнатик вздохнул, повозился и спросил:

— Ты не устал нести меня?

— Нет, — сказал Яр и стал спускаться с холма.

К утру они пришли в посёлок. Расспросили словоохотливых жителей и разыскали дом тётки. Тётка, едва услыхав, что это Игнатик, запричитала, начала кормить его и Яра. Потом отмыла Игнатика в большущей деревянной бочке, а Яр в это время рассказал про нашествие и про то, как они с Тиком здесь оказались.

Всё рассказал. Кроме одного: кто он и откуда. Объяснил, что работал радиомастером, жил по соседству с Игнатиком, ходил иногда с ребятишками на прогулки. Пошёл и на этот раз, и вот…

— Беда-то какая!.. — ахала тётка чересчур громко, но, видимо, искренне. — Надо же, какое дело стряслось… Да и вправду говорят, что на том берегу всё не так… Вам теперь туда ни к чему возвращаться, если вы человек одинокий. Что вам в разорённом-то городе? Если вы радиомастер, то идите в диспетчеры, у нас в посёлке понимающих людей ох как ценят…

И Яр пошел в диспетчеры. Страховая квитанция с именем Я. Охты вполне заменила удостоверение личности. Главное, что человек знает аппаратуру. Через два дня Яр заступил на первое дежурство.

Он стал жить, как все. Стал курить трубку, заглядывать в бар, вести разговоры об уловах и

авариях. Надолго ли такая жизнь, он не знал. Надо было выждать и разобраться. Надо было многое понять. И узнать. Прежде всего о Планете: почему она похожа на пустынный заросший двор, хозяева которого то ли состарились, то ли махнули на всё рукой? Почему боятся числа "пять"? Что за рубеж положила между людьми река? Какие на Планете города и страны, как живут в них люди и чего хотят?

Он спрашивал иногда, но ответы были неясны или насмешливы. А спрашивать настойчиво и часто Яр не решался. Он и так был человеком "с той стороны".

Когда дежурств не было, они с Игнатиком ходили по берегу моря и окрестным холмам. Игнатик собирал раковины и похожие на зверюшек камни. Яр что-нибудь рассказывал: про мушкетёров, про Робин Гуда, про планету Меркатор. А иногда просто так гуляли, молча. Игнатик был тихий и неулыбчивый. Яр тоже помнил про крепость. Алька, Чита и Данка словно ходили рядом…

С поселковыми ребятами Игнатик не играл. Они его звали несколько раз, а потом оставили в покое. Ребятишки были славные, не задиристые, не обижались на Игнатика за его одинокий характер. Один раз, в праздник, даже сделали ему

яркого воздушного змея и принесли в подарок. Этого змея Игнатик раза два запускал с крыши, но снова один, без ребят.

Потом Игнатик нашёл незаметную травку на склоне холма. Пригляделся, упал на колени, осторожно взял, не срывая, стебелёк с разлапистыми листиками. Повернулся к Яру — глаза с искорками.

— Смотри, Яр!

— Что?

— Пятилистник же…

— Ну и что, Тик?

— Это же… Нет, я потом скажу. Ох, почему я раньше не подумал? Яр, нам надо к сухому дереву!

— Куда?

— К сухому… Ой, нет, я потом скажу. Я сначала всё обдумаю.

— Думай, — улыбнулся Яр. Он был рад, что Игнатик так оживился.

С того дня Игнатик стал веселее. Сделал себе лук со стрелами (тетиву смастерил из шнурков от башмаков, которые дала ему тётка). Заставил Яра играть в Робин Гуда…

А через пять дней не пришёл к Яру в диспетчерскую, хотя обещал. При встрече отвел глаза и

пробормотал, что забыл. Потом спрятался, когда Яр хотел позвать его в кино. И пошло: то ускользнёт, то опустит глаза и что-то бормочет неохотно. Так он вёл себя целую неделю. И неделя эта была для Яра пыткой.

И в эту ночь, на вахте. Яр мучился: "Придёт или не придёт?"

3

Игнатик пришёл. Рано утром. Яр заметил его из окна. Игнатик брёл в тени длинного деревянного забора — то по скользкой от ночного дождика тропинке, то по мокрой траве. Казалось, он нарочно не выходит на солнце, хочет остаться незамеченным.

Но он всё равно был заметен издалека в своей оранжевой рубашке. Это была та рубашка, в которой он ходил в цирк. Потрёпанная теперь, много раз стиранная и зашитая, она не потеряла своей яркости. Парусиновые шортики обветшали, стали мятые и серые, как мешковина, а рубашка пламенела даже в тени.

На ногах у Игнатика болтались рыбацкие сапоги. В каждый можно было засунуть по мальчишке. Голенища с отогнутыми отворотами

тяжело хлопали его по коленкам.

Может, из-за этих сапог Игнатик и шёл так медленно?

Яр подавил желание вскочить и поспешить навстречу. Лишь когда Игнатик остановился у крыльца диспетчерской, Яр вышел на ступеньки.

Игнатик неулыбчиво посмотрел на него и опустил голову. Яр увидел белобрысую макушку с отросшим хохолком.

Яр спустился с крыльца, сел на бетонную ступень, взял Игнатика за повисшие руки, поставил между колен.

Игнатик смотрел в сторону.

Тихо-тихо, осторожно-осторожно Яр сказал:

— Тик… ну, ты чего?

Игнатик переступил внутри сапог тонкими ногами и отозвался, всё так же глядя в сторону:

— Я ничего… Ты сказал, чтобы я пришел. Я вот…

— Что с тобой?

— Со мной? — Он попытался улыбнуться. — Всё в порядке.

— Слушай… Игнатик… Я чем-то обидел тебя, да?

— Нет, что ты, — испуганно и честно сказал

Игнатик. Быстро посмотрел Яру в глаза. Потом заморгал и опять отвернулся.

— Тогда почему ты от меня бегаешь?

— Я не бегаю…

— Тик…

— Ну… разве я бегаю?

— Ты не хочешь меня видеть?

— Я… хочу… Просто дела всякие. Тётя всё время просит по хозяйству помочь. И ты работаешь…

— Я не знаю, что и подумать, — беспомощно проговорил Яр. — Может быть, кто-то тебя не пускает? Тётка? Говорит, что пускает, а сама…

— При чем тут тётка? — с пробившейся горечью сказал Игнатик.

— А кто?

Он молчал.

— Тогда кто? — с отчаянием спросил Яр. — Может, кто-то напугал тебя? Или сочинил про меня какую-нибудь чепуху? Или… Я просто не знаю, что подумать! Тик… Может, я сам в чём-то виноват?

Игнатик отрицательно помотал головой.

— Есть же какая-то причина! — почти крикнул Яр. — Игнатик… Ну?

У Игнатика шевельнулись губы. Кажется, он беззвучно сказал: "Есть…"

"Слава богу, это хоть что-то", — подумал Яр. Он приподнял невесомого Игнатика за бока, вынул из сапог и посадил на колено.

— Теперь ты мне всё скажешь. Да?

Но Игнатик молчал. Шевелил пальцами босых ног и не поднимал головы.

Яр ладонью провёл по его заросшему затылку.

— Конечно… Ты ещё маленький, а я почти старик. Мы разные… Но той ночью, когда я тебя нёс… Ты тогда сам сказал: "Мы с тобой одни на свете…" Я думал, это по правде, думал, мы никуда друг без друга…

Игнатик перестал шевелить пальцами и весь затвердел.

— Сейчас, наверно, ты не так думаешь… — пробормотал Яр. — Но всё же… ведь не враг же я тебе…

Игнатик беззвучно заплакал. Потом обхватил Яра за шею и уткнулся ему в плечо. Вздрагивая, прошептал:

— Я же не виноват… Они не велят.

— Кто?! — с радостью и злостью крикнул Яр.

— Ну… они… эти… — всхлипывал Игнатик.

— Да кто же, дьявол забери? Кому какое дело? Кто посмел?!

— Эти… ты не знаешь, что ли?

— Ни черта я не знаю! — ликуя в душе, отозвался Яр. Игнатик был е г о. Его братишка, его сын и друг — на остальное плевать.

— Ну, кто же, Тик? Перестань плакать… Ты же понимаешь, я многого не знаю. Что им нужно от нас? Кто они такие?

— Это… те самые люди… которые приходят и всё велят…

— Откуда приходят? Они здешние?

— Да нет же, — опять всхлипнул Игнатик и повозился, вытирая о рубашку Яра мокрое лицо. — Они не такие… Все говорят, что их нет, а знают, что есть…

— Чушь какая-то…

— Я тоже сперва думал, что чушь. А он пришёл и сказал, чтобы я не смел…

— Что не смел?

— Приходить к тебе.

— Но почему? Почему?!

Игнатик глянул влажными умоляющими глазами.

— Я не знаю… Говорит, если будем видеться, они убьют…

— Кого? Тебя? — подобравшись, как для атаки, спросил Яр.

— Тебя.

— Бред.

Яр знал, что не бред. Включилось тренированное чувство разведчика и чётко сигналило ему, что рядом есть непонятный враг. Но Игнатик должен жить без страха. Как можно беззаботнее Яр сказал:

— Посмотрел бы я на человека, который попробует меня убить…

— Яр, они могут. Правда.

— Тик… — очень ласково проговорил Яр. — Я прошёл подготовку в высшей школе космических первопроходцев. У меня реакция, как у электронной машины. Я увертываюсь от пули и стреляю без промаха в подброшенный орех. Из-за плеча.

— У тебя, значит, есть пистолет? — живо спросил Игнатик.

— Есть, — соврал Яр.

— Покажешь?

— Да… после. Он в сейфе сейчас.

Лицо Игнатика — похудевшее, в мокрых разводахстало сумрачно-строгим.

— Яр, ты носи его всегда с собой.

— Хорошо…

— Обязательно с собой. Яр, они не шутят… Я, наверно, зря тебе про всё сказал… — Игнатик опять чуть не заплакал. — Они не велели говорить, а я

сказал. Теперь, наверно, будет плохо…

— Плохо будет тому, кто попробует нас задеть, — очень бодро и уверенно произнёс Яр. — Это я тебе обещаю железно. Поверь.

Игнатик снова — теперь уже с облегчением — ткнулся носом Яру в плечо. Видимо, он устал от страха, от тоски, и сейчас душа его отдыхала. Он уверовал, что космический первопроходец с пистолетом сильнее тех врагов…

Каких врагов? Кто они? Как выглядят?

Обо всём этом надо было спросить Игнатика.

Но спрашивать — значит показывать свою неуверенность. Значит, будить в Игнатике прежние страхи. Яр сказал:

— Видишь, я не боюсь. И ты никого не бойся. Главное, чтобы мы были вместе.

Игнатик слабо улыбнулся и кивнул.

Яр снова погладил его по затылку. Поднял, осторожно вставил в сапоги.

— Зачем ты их таскаешь, такие бахилы?

Игнатик улыбнулся уже веселее.

— Тетка сказала, что такая примета есть: кто целую неделю морские сапоги не будет снимать ни днём ни ночью, обязательно станет капитаном. Вот я и не снимаю.

— И спишь в них?

— Ага…

Яр хотел рассмеяться, но раздумал.

— Ты очень доверчивый, Тик, — сказал он серьёзно. — Ужасно доверчивый. Тетка сказала тебе смешную шутку, а ты веришь. Какие-то болтуны пришли и наплели тебе всякую чепуху — ты тоже веришь.

Игнатик помолчал. Потом быстро глянул и сказал с лукавинкой:

— Ага, я доверчивый… Вот поверил, что ты есть на свете, и ты правда есть.

Теперь Яр рассмеялся:

— Это ты хорошему поверил. А ерунде верить не надо.

Игнатик выбрался из сапог.

— Я их здесь оставлю. Я домой сбегаю, а потом опять приду, скоро. Я тебе черешни принесу…

Он и правда скоро вернулся. Прискакал босой, весёлый, с большим кульком белой черешни.

— Вот, смотри, какая в тёткином саду созрела.

Они сели на скамью у пульта.

— Я с тобой буду дежурить, — решил Игнатик.

Вахта была спокойная. Мотоботы вернулись вовремя, аварийных сигналов не поступало, залив под утренним солнцем лежал пустой и тихий, только еле заметный парусник маячил у

горизонта.

— Завтра возьму у Захара шлюпку и пойдём с тобой под парусом на Медный остров, — сказал Яр Игнатику.

— Ой, правда? Я под парусом ещё ни разу… А если шторм?

— Не бойся, на завтра сводка спокойная.

— Да я и не боюсь, если с тобой… С тобой вообще ничего не боюсь… — Он придвинулся поближе.

— Совсем ничего?

— С тобой? Совсем.

— Тогда… Игнатик! Расскажи, что это были за люди.

Он съёжился на миг, притиснулся покрепче, зябко обхватил коленки.

— Игнатик, ты же не боишься.

— Да… Но не хочется про них. Лучше вечером про всё расскажу… Можно, я у тебя буду ночевать?

— Даже обязательно… Только без сапог.

Игнатик серьёзно сказал:

— Ладно. Всё равно я их уже снял… Яр…

— Что, Тик?

— Они… эти люди… по-моему, они знают, кто ты такой.

— Почему ты решил?

— Они говорили: "Зачем ты с ним связался? Всё равно он скоро уйдёт т у д а, к себе..." Яр, ты не уйдёшь?

— Я же обещал: без тебя никуда не уйду.

Весь этот день Яр прожил с ощущением, которое у разведчиков называется "на щелчке". Оно возникает на незнакомых планетах, когда нет ясной опасности, но есть её предчувствие и каждую минуту можно ожидать чего угодно. Защелкнуты гермошлемы и браслеты датчиков, щелчком сдвинуты вперёд предохранители бликов...

Правда, сейчас не было ни шлема, ни датчиков, ни излучателя, а состояние "щелчка" перебивала радость оттого, что Игнатик — вон он, рядом.

Он был рядом целый день. Листал вахтенные журналы, копался в старом ненужном приёмнике, мастерил из его деталей и лампочек смешного человечка. А когда завечерело, весело сказал:

— Я сбегаю, тётке скажу, что буду у тебя ночевать. Ты не уходи пока, я вернусь, и вместе пойдём к тебе.

— Только не задерживайся, Тик...

— Я как стрела!

Едва он умчался, пришёл Феликс.

— Ну что, Яр, всё спокойно на морях? Гуляй, я заступаю.

— Заступай… Феликс, я спросить хочу. Уточнить, так сказать. Мне, как диспетчеру, выдали всё, что положено?

Феликс откровенно удивился:

— Откуда я знаю? А что именно тебе выдали?

— Ну, форму, документы… Аванс… А оружие не полагается? Говорили, что вроде бы тем, кто на суточных вахтах, положен пистолет.

— Бог ты мой, да зачем он на вахте? Пираты, что ли, нападут?.. Ну, вообще-то положен, поскольку диспетчер — это ещё и представитель береговой охраны. Только никто их не берёт, морока лишняя.

— Может, и морока. Но я привык, чтобы всё по форме.

— Скажи Шерифу, он выдаст.

— Надо сказать…

— Скажи… Яр… — Феликс глянул быстро и непонятно. — А тебе игрушка эта только для формы? Или…

— "Или"… — сам не зная почему, сказал Яр. Впрочем, Феликсу он верил.

— Тогда лучше возьми мой.

— То есть?

— Мой собственный. С давних времён остался. Таскаю вот по привычке, никто не знает…

Феликс, усмехаясь, полез за пазуху и вынул небольшой плоский пистолет с ребристой рукояткой. Видно, что старенький — воронёные детали на острых краях были вытерты до светлого металла. Феликс оглянулся и положил пистолет на ладонь.

— Надёжная система, "викинг". Только запасной обоймы нет, всего семь патронов… Ну, надо будет — достанешь. Бери.

— Да, но… так, наверно, не полагается?

— А кому какое дело? Это же мой. Бери, Яр, тебе нужнее… Люблю таких, как ты. Сам вот не потянул…

— Ты это о чём? — с тревогой спросил Яр.

— О смелости, — вздохнул Феликс. И затолкал пистолет Яру в карман куртки. — Бери… Жаль, не задержишься ты у нас, Яр.

— Ты уверен? — тихо спросил Яр.

— Чую…

— Пойду я, — сказал Яр. — Спасибо, Феликс. Пойду встречу Игнатика. Он небось уже летит сюда…

Яр не встретил Игнатика по дороге и слегка встревожился. Вошёл в поселок. Побеленные каменные домики с односкатными крышами вытянулись в длинную улицу. Дом, где жил Иг-

натик, был в самом начале.

У крыльца стояла тётка.

— Что-то не торопится наш Игнатик, — сказал Яр.

— Как же не торопится? Уже уехал, — отозвалась тётка и жалобно взглянула на Яра.

— Как уехал?!

— Сосед на бричке проезжал, обещал его подбросить до вокзала. Там, говорят люди, бывает вечерний поезд…

— Какой поезд? — с отчаянием спросил Яр.— Зачем?

— Да вы не знаете разве? — Она всплеснула руками. — А он мне сказал, что только сейчас попрощался с вами! К себе в Орехов, говорит, поеду, там вроде бы всё наладилось… Скучаю, говорит… До станции Мост, говорит, а там уж как-нибудь на ту сторону…

— А как же вы его отпустили?

— А как не пустить? Он и не слушал, встрёпанный такой. Прибежал, письмо, говорит, дали на почте от той тётки, она пишет: приезжай. И сказал, что вы разрешили. Курточку, что вы подарили, взял, кой-какие вещички в сумку кинул, меня обнял… Я ещё говорю: "Деньги ведь надо на билет…" А он: "Не надо, мне Яр дал, вот смотри…"

"Не давал! — ударила мысль. — Но кто-то дал. Кто-то успел напугать и уговорить за эти полчаса… Гады…"

Думал это Яр уже на бегу.

Глава пятая
ДОРОГА

1

Вокзал находился в двух милях от посёлка. Громадный и странный. Лет пятьдесят назад на берегу хотели устроить большой курорт, но потом то ли раздумали, то ли война помешала. То ли кто-то запретил. А вокзал успели выстроить. Даже не вокзал, а целый вокзальный город. Сюда должны были прилетать самолёты, приплывать пароходы, приходить поезда.

Теперь у громадных причалов изредка швартовались катера и рыбачьи лайбы. На мол со взлётно-посадочной полосой раз в неделю садились трескучие бипланчики местной линии. А по рельсам, спрятанным в полыни, редко и нерегулярно бегал поезд прибрежной железной дороги.

…Яр понимал, что бричку ему не догнать, если двигаться следом. Но был короткий путь — через

холмы.

На бегу Яр проверил пистолет. Это была очень простая и, значит, надёжная система. Яр загнал в ствол первый патрон, нажал предохранитель и положил "викинг" во внутренний карман, за пазуху.

"Стреляю без промаха в подброшенный орех, — усмехнулся он. — Пижон, дурак старый". Из оружия с пороховыми патронами Яр стрелял два раза в жизни, в незапамятное время, на учебном полигоне Ратальской школы.

"Впрочем, не так уж плохо стрелял. Может, и не промахнусь, если придётся..."

Тропинка вывела на холм, поросший мелким дубняком. Солнце стояло невысоко, и распахнувшееся впереди море было усыпано блестящей чешуёй. На этом искрящемся зеркале чернели здания вокзала. Он был такой громадный, что многоэтажные корпуса казались приземистыми. Над ними торчала башня, похожая на колокольню Петропавловской крепости.

Чёрная взлётная полоса надвое разрубала сверкающее море.

Яр бегом стал спускаться к вокзалу...

Площадь перед центральным зданием когда-то вымостили ракушечными многоугольниками.

Сейчас некоторые плиты исчезли, а оставшиеся были вздыблены и расколоты проросшими корявыми кустами с чёрными ягодами. Кусты хватали Яра за штанины.

Яр остановился. Обогнал он бричку или нет? Если обогнал, где её ждать? Не было заметно, чтобы к заросшей площади вела какая-нибудь дорога.

Не лучше ли поспешить прямо к поезду? Уж там-то Игнатик окажется обязательно.

Яр вошёл в арку центрального входа и оказался в пустом гулком помещении с неимоверно высоким потолком. На потолке он разглядел облупленную картину: два человека с плоскими лицами, в мундирах, аксельбантах и золотых эполетах улыбались и пожимали друг другу руки. Картину окаймляла лепная рама из перевитых розами знамен и сабель.

В дальнем конце зала темнел ряд окошечек. Яр двинулся туда. Под ногами постукивали расшатанные плитки кафельной мозаики.

Окошечки были закрыты. Над ними белело лепное слово "КАССА". В завитках букв скопилась пыль, а на букве "К" сидел рыжий паук. Треснувшая стеклянная табличка извещала: "Уважаемые пассажиры, ездить без билетов запрещается правилами и Вашей совестью".

"Игнатик наверняка будет покупать билет, — подумал Яр. — А может быть, уже купил? Где?"

Яр постучал в окошко, над которым сидел паук. Оно тотчас открылось. Возникло лицо седой дамы, похожей на актрису-пенсионерку.

— Скажите, пожалуйста… — нетерпеливо начал Яр.

Дама сухо произнесла:

— Потрудитесь пройти на платформу, касса работает в летнем павильоне. Поезд до станции Мост уходит в двадцать ноль три.

Окошко захлопнулось, подняв облачко пыли. Яр чертыхнулся и посмотрел вокруг. Над тёмной аркой увидел выпуклые слова:

ВЫХОДА НЕТЪ
ВЫХОДЪ НА ПЕРРОНЪ

Яр мельком удивился твердым знакам и противоречивости надписей и решил поверить той, что ниже.

Туннель был тёмный, только впереди светился полукруглый выход. Яр торопливо двинулся на свет. Ему казалось, что идёт он страшно долго. Мягкий пол будто ехал назад и оттягивал Яра от выхода. А может быть, так и было? Но в конце концов Яр приблизился к солнечной арке и шаг-

нул через медный порог.

Он оказался не на перроне. Перед ним было море и узкий жёлтый пляж с синими и красными зонтиками, с горками для съезжания в воду и круглыми разноцветными будочками. Направо и налево пляж тянулся бесконечно. Позади так же бесконечно тянулись бетонные стены вокзальных зданий. Оконные стёкла слепяще отражали солнце, но кое-где чернели пустые квадраты.

На пляже было многолюдно, это казалось удивительным после пустоты вокзала. Да и вообще — вечер уже, не время для такого массового купания. Но мелькали пёстрые мячи, смеялись ребятишки, монотонно кричал бродячий фотограф.

Яр оглянулся, собираясь вернуться, но недалеко мелькнула оранжевая рубашка.

— Игнатик! — Яр крикнул негромко, сдавленно, чтобы не привлекать чужого внимания.

Рубашка метнулась за голубой киоск с мороженым.

Зарываясь башмаками в песок, прыгая через коврики с разложенной снедью. Яр бросился к киоску. Ему сердито кричали вслед.

За киоском никого не оказалось.

Оранжевая рубашка мелькнула у вокзального

здания. Там, в серой плоской стене, была узкая дверца. Игнатик исчез в этой дверце. Яр кинулся следом.

Он оказался в бетонном коридоре, вдоль которого тянулись железные трубы разной толщины. Их коленные изгибы иногда перегораживали дорогу. На изгибах торчали колеса вентилей. Пахло ржавчиной и тёплой сыростью. Вдали быстро простучали подошвы.

— Игнатик!

Всё стихло. Даже эхо увязло в мягкой духоте.

Коридор, закругляясь, привел Яра в подвал. Солнце почти горизонтально врывалось в квадратные оконца у потолка.

Подвал был полон якорей.

Это был целый музей якорей. Царство якорей. Мир якорей.

Кладбище якорей…

Якоря лежали, стояли, косо навалившись друг на друга, на стены и на каменные столбы. Здесь были классические адмиралтейские якоря с истлевшими деревянными штоками, знаменитые якоря Холла с теплоходов и стальных крейсеров, старинные якоря-кошки. Якоря всех конструкций и видов: двурогие, однорогие, многорогие. Грибовидные и винтовые. Маленькие, от рыбачьих

лодок, и пятиметровые великаны от океанских кораблей. Все ржавые и забытые.

Яр мельком подумал, что если якорь — символ надежды, то здесь кладбище многих-многих надежд.

Между якорями лежали и висели лохматые от ржавчины цепи. Звенья у некоторых были с колесо мотоцикла.

Яр прыгал через цепи, стремясь в ту сторону, где ему опять послышался топот мальчишечьих ног.

— Игнатик, подожди!

Крик запутался в этом железном лесу, погас…

Яр налетел на кирпичную стену, кинулся вдоль неё, увидел металлическую лесенку, бросился по дребезжащим ступенькам. Лесенка, круто ломаясь, повела вверх внутри узкой шахты. Горели пыльные лампочки в проволочных клетках. Проржавевшие ступени иногда гнулись под ногами. Стало ясно, что Игнатик здесь не пробегал. Вернуться? Нет, бессмысленно гоняться по лабиринтам. Лучше выйти к поезду и встретить Игнатика там.

Лестница привела в квадратную комнату — пустую, белую, без окон. Мягко светил плафон. Чернела обитая кожей дверь. Яр дернул её.

Он оказался в небольшом зале. Блестел светлый

мрамор, горели электрические канделябры. За овальным столом сидели похожие друг на друга люди — в тёмных костюмах, с гладкими неподвижными лицами.

— Что вам угодно? — бесцветным голосом спросил один.

— Мне угодно выбраться на перрон, — резко сказал Яр.

Человек невозмутимо разъяснил:

— Вам следует вернуться. Выход на перрон через соседнюю дверь.

Яр шагнул назад — он забыл в этот миг, что в белой комнате другой двери не было.

Впрочем, и самой комнаты не было. Яр увидел что-то вроде большого склада. По нему сновали молчаливые люди в серых халатах. Они грузили на тележки с мягкими колёсами длинные тюки.

В этой молчаливости, в тусклом свете лампочек, в запахе грязной ткани была тоскливая мрачность. Словно грузили обёрнутые мешковиной трупы. Но, конечно, это не так. У стен Яр заметил штабеля каких-то одинаковых гипсовых статуй. Скорее всего, их и увозили куда-то.

Яр прошёл через склад. Ему смотрели вслед, но ничего не говорили.

За складом был светлый коридор с окнами в

одну сторону. Окна оказались распахнуты. Яр увидел наконец платформу, заросшие рельсы, на них дырявые товарные вагоны и мятые цистерны. Две нитки рельсов не были ржавыми, они блестели среди зелени. По ним подтягивался к платформе поезд с аккуратным паровозиком и зелёными вагончиками.

Искать выход на перрон — значит опять запутаться в дурацких переходах и подвалах. Проще было прыгнуть вниз — окна тянулись невысоко от земли, на уровне второго этажа.

Яр опёрся ладонями о подоконник… И услышал:

— Ярослав Игоревич, подождите…

Яр замер. Шевельнул плечом, ощутил мышцами груди спокойную твёрдость пистолета. Оторвал от подоконника ладони и медленно обернулся.

В двух шагах стоял человек в чёрном костюме. В белой сорочке с тёмным галстуком. Среднего роста, сухощавый. С приветливым лицом без морщин. С гладкой чёрной причёской — такой блестящей, будто голову помазали дёгтем.

— Ярослав Игоревич, не могли бы вы уделить мне две минуты?

Человек говорил странно: губы его почти не

двигались и лицо не менялось. Но голос был приветливым.

— Да, если две минуты, — как можно спокойнее отозвался Яр. — Я спешу.

— Я знаю. Об этом и речь… Куда-нибудь пройдём или побеседуем здесь?

— Здесь, — сказал Яр.

— Как угодно… — Человек отошёл к стене против окна, слегка прислонился, взялся за тонкую трубу, которая шла сверху к решётчатой батарее отопления.

— Я слушаю, — сказал Яр.

— Ярослав Игоревич, вам не следует разыскивать мальчика…

"Что же, этого надо было ждать, — подумал Яр. — Может быть, оно и к лучшему". Знакомое ощущение "на щелчке" взвело в нём тугие пружины. Яр сел на подоконник, прижался затылком к косяку. Быстро глянул на перрон — Игнатика не было. Яр посмотрел на человека. Тот ждал.

— Разыскиваю я мальчика или нет, это моё дело, — сказал Яр. — Моё и мальчика. Но никак не ваше.

Казалось, человек слегка вздохнул, хотя лицо его опять не шевельнулось. Оно блестело, как глазированное.

— Вы заблуждаетесь, — сказал человек. — Это дело касается очень многих. В том числе и меня.

— Кто же вы такой?

— Меня зовут Тот.

Яр усмехнулся:

— Исчерпывающий ответ. По-моему, это имя какого-то египетского божества.

— Я не божество. И это не имя. Скорее, местоимение. "Тот, того, тому… тот, который…" И так далее.

— Ну и что же Т о т к о т о р ы й хочет от мальчика и от меня? — сдержанно спросил Яр.

— От мальчика почти ничего. Только чтобы он не был в контакте с вами… А от вас: чтобы вы последовали доброму совету…

— Жду совета.

— Вернитесь домой.

— Домой — это куда?

Тот улыбнулся уголками твёрдого рта.

— Я имею в виду крейсер.

— А-а… — сказал Яр.

Поезд подошёл к платформе, но она была совершенно пуста.

Человек заговорил вкрадчиво, его голос теперь напоминал шелест сухого песка:

— Поверьте, это в наших силах — вернуть вас

на корабль.

— Охотно верю, — вежливо отозвался Яр. — Но вы, наверное, не думаете, что, услышав ваш совет, я тут же соглашусь.

Тот снова улыбнулся:

— Нет. Я понимаю, что обязан ответить вам на некоторые вопросы.

— Вот именно, — сказал Яр.

— Хорошо. Спрашивайте.

— Спрашиваю. Что такое нашествие?

Тот поморщился. Яр не ожидал, что это неподвижное лицо способно на такие гримасы. Казалось, от щёк и подбородка сейчас посыплется потрескавшаяся глазировка. Нет, не посыпалась.

Тот неохотно сказал:

— Нашествие — это просто побочный продукт эксперимента.

— Что за эксперимент?

— Но, Ярослав Игоревич… Это крайне сложный вопрос. Извините, но вы можете не понять…

— Как-нибудь.

— Я даже не уполномочен делать такие разъяснения…

— Но вы, по-моему, уполномочены уговорить меня покинуть Планету, — усмехнулся Яр.— А мне не хотелось бы покидать без разъяснений.

Я крайне любопытен от природы. Что за эксперимент, в результате которого горят города и гибнут люди?

Тот сказал очень сухо:

— В процессе эксперимента иногда горят целые звёздные системы.

— Ого, у вас масштабы.

— Да, — с еле заметным самодовольством отозвался Тот.

— Тем более любопытно. В чём суть такой обширной деятельности? И цель?

— Цель… Хорошо. — В шелестящем голосе опять скользнуло самодовольство. — Конечная цель — создание мыслящей галактики.

"Псих? — подумал Яр. — Или правду говорит?" (А Игнатика всё не было.)

— Вы можете не верить, — сказал Тот. — Но это правда.

— Допустим… А зачем вам это? Мыслящая галактика…

Тот растерянно, как-то очень по-человечески мигнул.

— Я не понимаю…

— И я не понимаю, — сдерживая злость, сказал Яр.

— Но мыслящая, осознавшая себя галактика

— это… высшее достижение… венец прогресса… Извините, но я же предупреждал, что вам трудно будет осознать.

Яр пожал плечами.

— Я осознал. Я даже догадываюсь, что мыслить она должна исключительно по-вашему… Но не вижу смысла. По-моему, каждый человек — сам по себе галактика. Целая вселенная, если хотите. Целый мир чувств, идей… Впрочем, это общеизвестно. Так зачем же убивать столько галактик ради одной?

Тот вздохнул и терпеливо сказал:

— Ярослав Игоревич, это всё красивые слова.

— Отнюдь… Вы что же, полагаете, чем больше линейные масштабы мыслящей материи, тем она совершеннее? — возразил Яр. И подумал: "Игнатик… Да он один стоит десяти галактик. Недаром же своей выдумкой пробил пространство… Чёрт возьми, но где же он?"

Гладколицый Тот, судя по всему, угадал мысли Яра. Или прочитал?

Он проговорил с досадой и довольно искренне:

— Кто же знал, что у мальчишки такие способности? Он шутя делает то, что нам удаётся после колоссальных усилий. Да и не всегда удаётся к тому же…

— Просто он очень верит в сказки, — сдержанно сказал Яр. — Галактика сказок… А вы пришли, сожгли его город, убили его друзей. Могли убить и самого… В давние времена это называлось чётко — фашизм.

— Не слыхал, — сказал Тот.

— Это не меняет сути.

— Но вы и сам не такой уж гуманист, — заметил Тот. — Зачем-то же носите пистолет.

— Чтобы защищать "галактики", — не растерялся Яр. — От всяких экспериментаторов… Кстати, любопытно узнать: кто вы такие? Жители Планеты или принесло вас откуда-то?

— Простите, Ярослав Игоревич, но про это я в самом деле не могу…

— И не надо, — устало сказал Яр. — Как-нибудь докопаюсь. В конце концов, ничего оригинального в вас нет. Ещё в древние эпохи всякая нечисть прикрывалась словами о прогрессе.

Тот натянуто улыбнулся:

— В древние эпохи… Какой вы всё-таки ребёнок. Видимо, поэтому и нашли общий язык с теми четырьмя.

"Ах ты, гад", — тоскливо подумал Яр. Но спросил вежливо:

— Кстати, чем мы вам помешали? И почему вы

как чумы боитесь числа пять?

— Но, Ярослав Игоревич…

— Что? Не уполномочены отвечать?

— Хорошо, я объясню. Население многих планет не может понять сути эксперимента, сознание гуманоидов цепляется за привычный образ жизни. Люди начинают мешать нам. Чаще всего это не страшно. Однако опыт показал, что иногда в обществе создаются молекулы активного сопротивления. На данной планете — честное слово, не знаю почему — это, как правило, группы из пяти человек. Закон природы какой-то… Конечно, и они почти не страшны. Но если в такой пятёрке один умеет связывать разные пространства, а другой — разведчик космоса… Видите, я с вами откровенен.

— Весьма, — сказал Яр. — Но чего вы боитесь т е п е р ь? Нас не пятеро, нас осталось только двое.

Тот растерянно мигнул.

— Ну… всё равно. Присутствие человека из другого мира… В конце концов, это незаконно. Что вам здесь надо? Мы же не лезем в ваше пространство.

— Вы пробовали, — уверенно сказал Яр. — Не получилось.

— Да, — согласился Тот. — Но теперь уже не

пробуем. И вы тоже оставьте нас.

— Хорошо, — сказал Яр. Неожиданно для себя. И без уверенности, что говорит правду. — Я уйду. Только вместе с мальчиком.

— Это невозможно, — быстро ответил Тот.

— Почему?

— Это сложный вопрос…

— Вы уже заметили, что я люблю ясные ответы.

— Отвечаю ясно. Вы вдвоём представляете ось, которая соединяет разные пространства. Нам ни к чему такая связь. Мальчик в любое время может вернуться и привести с собой кого угодно.

— А вы боитесь…

— А мы не хотим осложнений… Да и зачем мальчику уходить с вами? Что он будет делать в вашем благоустроенном мире?

"Это вопрос", — подумал Яр.

— Он и не согласится. У него есть причины, чтобы не покидать Планету, — сказал Тот.

"Возможно", — подумал Яр. И вздохнул:

— Тогда мы с вами не договоримся.

— О чём?

— О господи! О моем уходе.

— Но вы обещали!

— Я? Когда?

Тот задумчиво покачал трубу отопления. С неё посыпалась ржавчина. Тот заговорил жёстко — в голосе не шелест песка, а хруст щебёнки:

— Вы ставите нас перед необходимостью принять жёсткие меры.

— Вы сумели напугать мальчика. Меня испугать труднее.

— Я не пугаю, а информирую, — с грустной ноткой сообщил Тот.

— Кстати, о мерах… Зачем вы так возитесь со мной? Что такое ещё один человек при ваших-то масштабах? Почему вам попросту не прихлопнуть меня?

— А зачем… лишние жертвы…

— Я заметил, Тот, что врёте вы неумело, вас слишком примитивно запрограммировали, — пренебрежительно сказал Яр. — Говорите уж прямо.

— Говорю прямо. Мы не можем. Вы человек из другого пространства. Программа эксперимента не позволяет…

— Кислое у вас положение, — усмехнулся Яр.

— Но мы можем другое, — опять с вкрадчивым шелестом сказал Тот. — В случае необходимости мы можем убрать мальчика или одного из трёх его друзей.

— Из трёх?! — метнулся Яр. — Значит, они живы?!

Тот замигал, как провинившийся первоклассник.

— Я… не знаю. Я имел в виду тот случай, если они спаслись… Такую вероятность нельзя исключить до конца.

"Почему же ты, идиот, сам не подумал об этом? — сказал себе Яр отчаянно и радостно. — А Игнатик думал! Недаром он так расцвёл, когда увидел пятилистник…"

— Если кого-то из них вы заденете пальцем, — отчётливо и медленно проговорил Яр, — создавать мыслящую галактику будет некому. Я тоже кое-что умею и не остановлюсь ни перед чем.

Тот вздохнул, выпрямился, чиркнул пальцем по трубе отопления. Она перерезалась — гладко и ровно, как тонкой ножовкой. Тяжелая батарея осела на пол. Труба качалась и со всхлипом втягивала воздух. Тот чиркнул по трубе ещё раз — повыше первого среза. К ноге Яра покатилось железное колечко. И ещё колечко. И ещё… Тот нагнулся, смял в кулаке звенья батареи, отшвырнул её, как ворох бумаги, и посмотрел на Яра.

— Не впечатляет, — сказал Яр. — В цирке я любил клоунов, а фокусников смотрел без интереса.

— Пожалейте вашего Игнатика, — предупредил Тот.

— Мне кажется, — проговорил Яр, — вы и его, и меня берёте на испуг. Вы ничего не можете сделать ему, как и мне. Иначе бы давно сделали.

Тот пожал плечами и пошёл по коридору. Спина его была прямая и неподвижная. В эту спину Яр бросил слова :

— Эй вы… Тот! Остановитесь.

Тот остановился. Повернулся к Яру всем туловищем. Лицо его было вежливым и бесстрастным.

— Ещё один вопрос. Последний, — сказал Яр.

— Слушаю вас.

— Планета Земля, город Нейск, угол улиц Южной и Строителей, магазин "Спорттовары"… Это не вы стояли там в витрине, в башмаках с шипами и с ледорубом на плече?

— Нет, — очень спокойно ответил Тот. — Это был не я.

— Да, пожалуй… У вас физиономия поинтеллигентнее. Но весьма похоже… Ладно, прощайте.

— До встречи, — сказал Тот. И опять двинулся по коридору.

Яр посмотрел на перрон — никого. Посмотрел на часы — было ровно восемь вечера. Если верить кассирше, поезд отправится через три минуты.

"Наверное, Игнатик уже там, — сказал себе Яр. — Прозевал я, пока беседовал с глиняной скотиной..."

Он перемахнул через подоконник и легко упал на платформу.

Вагончики дёрнулись и сразу быстро покатили. "Чёрт, раньше срока..." Яр вскочил, бросился за поездом и прыгнул на висячую подножку.

2

Вагон был совершенно пуст. В нём стояли потёртые желтовато-лаковые скамейки — как в старой электричке, на которой маленький Яська ездил с мамой на дачу к знакомым.

В полуоткрытые окна врывался встречный воздух, катал по полу пыльные окурки. Потом среди скамеек пробежал маленький спиральный вихрь, закрутил пыль, взметнул бумажные обрывки...

Яр сел у окна. Дребезжало треснувшее стекло. За окном низкое солнце кинуло на море широкую огненную полосу.

Яр не хотел сейчас метаться по вагонам и разыскивать Игнатика. В этом крылось что-то обидное — и для Игнатика, и для него. Яр был уверен, что Игнатик в поезде. Ещё совсем немного, и они

встретятся. И Яр ласково и твёрдо объяснит, что не надо бояться т е х, к о т о р ы е в е л я т. Яр и Тик будут вместе. Во-первых, потому что они нужны друг другу. Во-вторых, потому что так безопаснее. Т е ничего не сделают Яру и ничего не сделают Игнатику, если он рядом с Яром. И ничего не сделают Альке, Данке и Чите, если их спасло счастливое чудо.

Чудо?

Или какой-то закон, из-за которого эти манекены, одержимые космической гигантоманией, бессильны перед пятёркой друзей?

Алька, Данка, Чита… Боже мой, неужели есть надежда, что они живы? Тогда… тогда всё меняется на этом свете.

Нет, надо скорее найти Игнатика и сказать ему обо всём.

Проходы между вагонами были открыты. Яр прошагал сквозь поезд туда и обратно несколько раз. Дёргал дверки пустых туалетов, заглядывал под скамейки. На него оглядывались редкие пассажиры — всё больше хмурые рыбацкие старухи с узлами и корзинами.

Не было Игнатика.

Яр опять сел у окна в первом вагоне. Похожее на помидор солнце тонуло в море, день угасал. И

настроение угасло. Но в том, что Игнатик где-то в поезде, Яр был уверен по-прежнему.

Поезд пошёл вдоль чёрно-ржавой стены со многими рядами круглых окон. Яр наконец сообразил: это борт громадного парохода, вздымающийся над береговой кромкой. Ну и великан! Кто его построил, зачем? Давно ли он здесь ржавеет?

"Опять вопросы, — подумал Яр. — И никаких ответов..."

Когда-то он с интересом читал фантастические книжки из коллекции Стасика Тихова. Многие из них рассказывали, как человек с Земли попадал на другие населённые планеты. На этих планетах царило зло и угнетение. Землянин храбро вступал в бой — то со сказочными драконами, то со злыми роботами, то с хитрыми диктаторами. И выходил победителем, освобождал планету. Иногда легко и весело, иногда после тяжких трудов и жертв. Но освобождал.

На самом деле пришельцы не могут освободить планету. Она, если хочет, должна освободиться сама. Планета огромна, пришелец мал, затерян, беспомощен. Он не знает её законов...

Но Тот и его компания... Разве они не пришельцы?

Кто они такие? Могучая цивилизация или кучка авантюристов? Родились они здесь или пришли из глубины Вселенной?

"Это всё равно, — подумал Яр. — Они несут Планете зло. Тот, кто несёт зло, всегда чужой. Даже если он с этой планеты…

Такие встречались и на Земле. Во все времена. Сначала именем богов и владык, потом именем прогресса и любви к человечеству они делали всё, чтобы уничтожить Землю и людей. Не удалось. Но не по их ли вине Земля стала похожа на подстриженный сквер с павильончиками для развлечений?.. Или я не прав? Что я знаю про нынешнюю Землю? Не многим больше, чем про Планету…"

Впрочем, эти мысли волновали Яра меньше, чем одна — конкретная и неотступная. О крепости. Рухнула крепость сама или её обрушили т е — чтобы покончить с опасной пятёркой?

Если т е, это лучше. Тогда, возможно, сработал закон сопротивления, и ребята спаслись…

Поезд ушёл от моря, потянулись заросшие холмы. Вечер сразу потемнел, зажглись жёлтые плафончики. В этом печальном свете и мысли у Яра сделались печальными. Он стал понимать, что на придуманные законы и на чудо надеяться

не стоит. Крепость, скорее всего, сползла сама. Видимо, электрические разряды при нашествии как-то нарушили структуру берега… И нечего тешить себя надеждами.

А Тик, напуганный мерзавцем Тотом (или просто Т е м?), будет убегать и прятаться бесконечно. Думает, глупый, что этим спасает Яра от беды…

Кто-то шаркающе подошёл и кашлянул. Яр опять ощутил грудью прикосновение пистолета и медленно оглянулся. Рядом стоял старичок в мятой фуражке с засаленным галуном. С зелёной повязкой на потёртом рукаве.

— Билетик ваш? — попросил старичок.

— Нет у меня билета, отстаньте! — резко сказал Яр.

Старичок потоптался, поморгал и заговорил примирительно:

— Ну, нет так нет. Ругаться-то зачем? Сказали бы попросту, я разве не понимаю…

"Что это я? — ахнул про себя Яр. — При чём здесь старик?"

— Извините, папаша. Не успел билет купить, спешил…

— Ну и ладно, — покладисто отозвался старичок. — Не успел так не успел… — Он присел напротив Яра. — Если разобраться, то кому они

нужны сейчас, эти билеты? Ты, главное, скажи по-человечески, я и пойму… А то вроде как тот мальчонка. Я подхожу, а он бежать…

— Какой мальчонка? — замирая, спросил Яр.

— Да шустренький такой, в рубашечке апельсиновой… Я говорю: "Ну куда ты скачешь-то? Я тебя разве буду ловить? Ты скажи по-хорошему да езжай дальше…" Ну, притих, успокоился…

— А где он сейчас?

— Тут он и есть, в соседнем вагоне прилёг…

Яр поднялся и по-кошачьи пошел к тамбуру.

…В соседнем вагоне так же слабо горел жёлтый свет и дребезжали стекла. Вагон подпрыгивал на стыках. В такт этому подпрыгиванию вздрагивали мальчишечьи ноги — они торчали из-за спинки ближнего сиденья. Пыльные, в белых царапинах на загаре. В стоптанных полуботинках без шнурков. Яр вспомнил, что из шнурков Игнатик сделал тетиву для лука… Он перегнулся через спинку.

На голой скамейке — голова на согнутых руках — спал светловолосый остролицый мальчишка.

Яр смотрел на него с ощущением потери и усталости. И с невольной ласковостью. Пацанёнок в порванной оранжевой майке был слегка похож на Игнатика.

Так продолжалось полминуты. Мальчик поднял веки, встретился глазами с Яром. Секунду лежал неподвижно, потом метнулся к выходу.

Яр постоял и пошёл следом. Он чувствовал себя виноватым. На ходу он подумал: "А Игнатик-то, наверно, и не в рубашке, он же курточку с собой взял. Зря я гонялся..."

Он опять прошёл поезд насквозь. Последний вагончик заканчивался площадкой с навесом и перильцами. Под кромкой навеса горел яркий фонарик.

Мальчик был здесь. Он вскочил на перила, ухватился за витой столбик и быстро сказал:

— Я могу спрыгнуть на ходу. Мне ничего не стоит.

Голос у него был тонкий, но не испуганный, а сердитый.

— Не надо, — отозвался Яр как можно спокойнее. И сел на откидное сиденьице у двери.

Мальчик стоял, покачиваясь. Глядел сверху на Яра.

— Что вам от меня нужно? — спросил он потише.

— Ничего. Я искал не тебя. Я ошибся, извини... И не бойся.

Мальчик прыгнул на трясущийся пол.

— Я не боюсь ничего, не в этом дело, — сказал он очень серьёзно.

— Зачем же убегал?

Мальчик сказал нехотя:

— Я тоже ошибся. Я думал, что пристанете с расспросами. Не люблю, когда много спрашивают.

— Я не буду, — пообещал Яр.

Мальчик сел на откидную скамеечку у другого косяка. Поставил на неё пятки, обхватил колени. Стал смотреть перед собой. Фонарик ярко светил ему на макушку, а лицо было в тени.

Из-под вагона убегали рельсы, они тускло отражали ещё не совсем погасшее небо. Уплыл назад тёмный городок с острыми башнями и редкими огоньками. Мальчик тихо спросил:

— А вы кого искали?

— Такого же мальчика… Понимаешь, он уехал не попрощавшись…

— Понимаю. А далеко уехал?

— Сказал, что до станции Мост.

— Куда? — звонко спросил мальчик. Опустил ноги и повернулся к Яру.

— До станции Мост…

— Ну, вы даёте… — пренебрежительно сказал мальчик.

— А… что такого я сказал?

Мальчик пожал плечами.

— Я не здешний, — объяснил Яр. — Я многого не знаю.

Мальчик снисходительно спросил:

— Вы по правде верите, что такая станция есть?

— Да… По крайней мере, верил до сих пор… А куда же идёт поезд?

Мальчик усмехнулся:

— Куда-нибудь…

— Но всё-таки? С какой станции он отправится обратно?

— А зачем ему отправляться обратно…

Яр понял, что дальше спрашивать не стоит. Он беспомощно сказал:

— Тогда я не знаю, как быть. В поезде я его не нашёл… Где же искать, если станции Мост нет?

— Да уж лучше сойти где придётся, — посоветовал мальчик. — Там, где место покажется подходящим.

— Пожалуй, я так и сделаю, — устало сказал Яр. Его стала давить сонливость.

— Так и сделайте, — сказал мальчик.

Яр встряхнулся и опять посмотрел на него. Мальчик снова сидел, обняв коленки. С локтя у него падали тёмные капли.

— Что это у тебя? На руке…

— А… Поцарапался, когда бежал. Там проволока торчит у тормоза.

— Ну-ка покажи… Ничего себе "поцарапался"!.. Дай, я хотя бы платком перетяну. Это ты из-за меня пострадал.

Мальчик скосил глаза на локоть.

— Ладно, перетяните.

— И промыть-то нечем…

Мальчик задумчиво сказал:

— Раньше раны смолой замазывали. Или порохом посыпали…

— Порохом?

"А в самом деле, он же стерильный", — подумал Яр. Вынул и положил на колени пистолет. Вытащил обойму.

— "Викинг", — не удивившись, сказал мальчик. — Хорошая штука, надёжная.

Яр достал патрон, зажал в закаменевших пальцах пулю, раскачал, выдернул. Высыпал на ладонь серые зёрнышки.

— А в патронах для карабинов порох чёрный, — задумчиво сказал мальчик.

Яра что-то толкнуло:

— В учебных патронах?

Мальчик будто затвердел. Глухо молчал.

— Ну, извини, ты ведь не любишь лишние вопросы. Как бормотунчик, — сказал Яр. — Давай руку.

Мальчик подставил локоть. И, обмякнув, тихо проговорил :

— Они были не учебные. Просто они почему-то не срабатывали, когда нужно. Будто холостые…

Яр присыпал порохом глубокий чёрный порез, достал платок, разорвал на полосы. Вспомнил Альку — как он поранил ногу в фонтане, а Данка бинтовала.

"А может быть, они всё-таки живы?"

Он стал перевязывать мальчику руку.

— Вам не жаль патрона? — спросил мальчик. — Их же всего семь в обойме.

— Что поделаешь…

Над бинтом, у самого плеча был у мальчика широкий шрам: пятно бугристо съёжившейся кожи.

— Где это ты так? — спросил Яр. — Ох, прости, я опять с вопросом…

— Ничего. Это ожог.

— Понятно… А можно ещё вопрос?

Мальчик кивнул.

— В Городе, — сказал Яр, — есть узкая улица между стенами. Она ведёт от площади с колоко-

лами к башне. Как она называется?

— Так и называется: Башенная, — спокойно разъяснил мальчик, опуская на локоть трикотажный рукав. Но, кажется, опять насторожился. Съёжился.

— Тебе не холодно?

Он вздохнул:

— Мне не бывает холодно. Я даже не знаю, что это такое…

— А грустно бывает?

Мальчик опустил голову лбом на колени.

— Это похоже, — сказал Яр. — Грусть и холод.

— Тогда понимаю…

Мальчик посмотрел на темнеющее небо, и глаза его блеснули под фонарём.

— Сейчас летний воздух над всем полуостровом, — сказал он. — Завтра будет иначе. Даже снег пойдёт к вечеру. Вот будет у ветров работа — разносить его… Но вы не бойтесь, это случайный летний снег, здесь бывает такое. Я вам говорю, потому что вы не здешний.

— Спасибо… А ты умеешь делать бормотунчиков?

— Умел. У нас все умели… А вы умеете играть на барабане?

— Умел… У меня в детстве был игрушечный

барабан.

— Тогда послушайте: какой марш барабанят колёса?

— Ну, этого я не знаю…

— Сбор на площади, шеренги по пять, — сказал мальчик. — А вот и огоньки.

Поезд шёл вдоль мохнатого от зарослей склона. Вверху замелькали то ли факелы, то ли маленькие костры.

"Один, два, три… четыре, — машинально сосчитал Яр. — Или пять?" Огни то вспыхивали, то терялись.

— Я пойду. Спасибо, — сказал мальчик.

— Куда?

Мальчик вскочил на перила. Яр испуганно качнулся к нему.

Мальчик легко прыгнул. И его словно отнесло ветром. Он встал, покачиваясь, на упругих верхушках кустов. Будто совсем невесомый. Помахал Яру. И побежал вверх, не проваливаясь в чащу.

…Яр всю ночь провёл на площадке. Даже поспал, навалившись на тряскую стенку вагона.

Потом он ехал ещё полдня — голодный, утомлённый и почти спокойный. Он знал теперь, что Игнатика в поезде нет и поиски будут долгими. И начинать их надо там, где подскажет инстинкт.

Если подскажет…

Поезд пошёл по высокой зелёной насыпи. Вдоль неё развертывался городок. Было в нём что-то знакомое, как в Орехове. Скорость заметно снизилась на подъёме. Яр застегнул куртку и прыгнул вниз, на травянистый склон.

3

Это был городок или посёлок с ласковой тишиной на улицах. Кирпичная церковь с голубями на обветшалой колокольне. Домишки с узорчатыми карнизами, длинные дощатые заборы. Вдоль тротуаров стояли клёны, в них было много покрасневших листьев.

Слабо пригревало солнце.

На косом навесе маленького деревянного крыльца лежал, свесив голову, громадный кот с зеленовато-серой шкурой. Домик с круглым итальянским окном и кот показались Яру знакомыми.

— Кис-кис… — шёпотом сказал Яр.

Кот изо всех сил зевнул и отвернулся.

Яр Улыбнулся. Он был спокоен, как человек, вернувшийся после трудного рейса в родные места. У него появилась уверенность: теперь всё пойдёт как надо. Он даже предчувствовал, что

будет дальше. За одним из поворотов откроется море, он спустится к берегу, там стоит готовый к отплытию баркас. Два молчаливых рыбака распустят парус. При тихом ветре баркас пересечёт бухту, и на ступенях маленькой пристани Яр увидит одинокого уставшего Игнатика. Возьмёт его на руки и скажет:

— Больше не убегай, глупыш… Помнишь, я хотел покатать тебя под парусом? Поехали…

Да, он верил, что так и будет…

Сначала ничто не говорило о близости моря. Но вот кончились деревянные домики, потянулся бульвар с белой каменной балюстрадой. На балюстраде густо сидели улитки. Это было похоже на уголок в курортном городке. Началась улочка с домами из ракушечника.

Быстро завечерело. Стал опускаться медленный снег. Это был тёплый ласковый снег, солоноватый на вкус. Он ещё больше успокоил Яра. А море — Яр это чувствовал — было совсем рядом.

Яр оглянулся и не заметил ни одного прохожего. И не надо, сам найдёт путь к берегу, без расспросов. Скорее всего, следует свернуть в этот переулок, сойти по сбитым ступенькам на каменистую тропинку, обогнуть двухэтажный домик с балконом…

С удивительно знакомым балконом!

У балкона были железные перила с узором, напоминающим штурвалы. Их оплетали засохшие стебли вьюнков. Среди стеблей поблескивал подвешенный неизвестно зачем ёлочный шарик. Яр заметил этот блеск при свете одиночной лампочки, которая горела на столбе.

Он вспомнил. Его всегда занимала загадка: зачем среди вьюнков повесили ёлочную игрушку? А спросить было некого. Хозяева уехали в столицу и оставили домик в полное распоряжение Яра. И он, шестнадцатилетний, жил тогда на каникулах в этом домике один. Вернее, со своими планами на будущее и ненаписанными стихами. У моря… Ещё не было Ратальской космошколы, не было приятелей-курсантов… А мамы у ж е не было. Только стояла на подоконнике мамина фотография.

Может быть, она стоит и сейчас?

Дверь была приоткрыта, окна не светились. Дом казался пустым.

Яр шагнул к утонувшему в сухой траве крылечку.

"Что ты делаешь? — сказал он себе. — Это не тот дом, не то море, не та Земля…" Но была такая крепкая уверенность, что в низенькой комнате

на первом этаже стоит по-прежнему раскладушка с раскиданными по ней учебниками по астронавигации, притаился в углу старенький телевизор "Спартак", а на подоконнике, среди раковин и пёстрых морских камней, в тонкой пластмассовой рамке — карточка мамы.

Если очень поверить…

Ведь поверил же Игнатик — и шагнул к Яру через пространство.

Яр пошёл к двери. Тревожная мысль, что он сворачивает с нужной дороги, едва не остановила его. Но Яр сказал себе: "Всего-то несколько шагов…"

В тёмном коридорчике он зацепил плечом висевший на стене велосипед (так бывало и раньше!) и дёрнул дверь "своей" комнаты.

Комнаты не было.

Вернее, она осталась, только не было стены — той самой, с окошком, глядевшим на море.

Стена обрушилась — видимо, ещё в давние времена. Яр видел перед собой сизую громаду моря с огоньком у горизонта, серые полосы снега в синих сумерках, тёмную береговую улицу, которая неровно спускалась к воде. Каменные глыбы, клочья сухих кустов.

"Ну что ж…" — подумал Яр.

Он по обломкам рухнувшей стены спустился на тропинку. Вышел на скалистую площадку, козырьком нависшую над улицей.

Снег шёл и шёл. Море было безмолвно. Яр чуть не задохнулся от одиночества. Уверенности, что его ждёт баркас, уже не было.

Какой баркас? Откуда он возьмётся?

Яр оглядел улицу. Она была пуста. Редко светились окошки. Но здесь — на площадке и других скалистых выступах — Яр увидел неподвижных и молчаливых людей. Стояли они и чего-то ждали. Это не разогнало его одиночества.

Послышался не то вздох тысячи людей, не то слитный шум неторопливых шагов. Слева, из тесноты домов, стала вытягиваться на улицу длинная толпа. Люди несли огни — маленькие факелы или очень яркие свечи.Издалека было похоже, будто по медленной реке кто-то пустил сотни игрушечных лодочек с фонариками.

Раздалось пение. Негромкое, но сразу наполнившее улицу и берег, потому что пело множество людей.

"Какой-то праздник? Крестный ход, что ли?" — подумал Яр.

Но тут же он понял, что поют не молитву. Это была просто песня. Слегка печальная, с неразли-

чимыми, но, видимо, ласковыми словами.

Огоньки достигли середины улицы. Их было так много, что жёлтый отсвет упал на скалистый выступ. Яр увидел, что в трех шагах стоит пожилой человек в длиннополом пальто и широкой шляпе. У человека блестели очки и седые волоски в бородке. Он был похож на старого учителя или врача.

Яр мягко шагнул к нему. Вполголоса сказал:

— Простите, я не здешний. Что происходит?

— Колыбельная, — вздохнул старик.

Яр вопросительно молчал.

— Такой обычай, — тихо проговорил старик. — Поют колыбельную, когда хоронят ребёнка.

Тоскливое предчувствие с размаху резануло Яра. Он скрутил его, сжал, мысленно обругал себя мнительным идиотом и неврастеником. Несколько секунд стоял, успокаиваясь. Переспросил:

— Ребёнка?

Старик покивал:

— Да, мальчика…

— Что же случилось? — опять слабея от страха, спросил Яр. (А колыбельная всё нарастала, заливая улицу ласковой печалью.)

— Храбрый был мальчик, — сказал старик. Снял шляпу, отряхнул от снега и сунул под мышку. —

Беда случилась. Двое ребятишек отвязали лодку, их стало относить от пристани, они испугались, попрыгали в воду. А плыть не смогли, маленькие. Мальчик и бросился за ними. Вытащил, а сам поскользнулся и головой о камни… Два часа только и прожил после этого… Славный такой мальчик…

— Вы его знали? — хрипло спросил Яр.

Старик покачал головой (на ней быстро таял снег).

— Нет… Его здесь никто не знал. Он шёл откуда-то издалека и вот оказался на берегу…

Яр с заледеневшим сердцем стал спускаться к улице. Но он ещё надеялся. "Ну, брось, — говорил он себе. — Мало ли какой незнакомый мальчик мог оказаться на берегу?.. С какой стати здесь быть Игнатику? Он наверняка проехал мимо этого посёлка… Чёрт знает, что с твоими нервами…"

По скользким от снега камням, через ломкие кусты и колючки Яр спустился к обочине. Женщины, мужчины и дети шли мимо. У них были большие пылающие свечи, они не гасли на воздухе. Колыбельная звучала слаженно, словно кто-то дирижировал хором. Только слов попрежнему было не разобрать. Да Яр и не пытался.

Наверно, это была хорошая песня, если слы-

шать её не сейчас, не в эти жуткие минуты. А теперь она изматывала душу.

Яр пошёл по краю дороги, обгоняя толпу. Он должен был скорее, скорее узнать: что там, кто там?

Люди втягивались в широкие двери каменного приземистого дома. Дом напоминал низкую церковь без башен — у него тускло светились очень узкие окна. А возможно, это был сарай для хранения рыбачьих баркасов. Или какая-то мастерская…

Обгонять людей вблизи дома стало невозможно, они шли плотно, заполняя всю ширину дороги. Яр оказался в середине толпы. Кто-то дал ему свечу. И наконец он переступил порог.

Каменное здание внутри оказалось гулким и просторным (только у стен, кажется, лежали горбатые корпуса лодок). В дрожащем свете были смутно различимы под потолком переплетённые балки. Яр увидел это мельком и тут же забыл. Впереди — за десятками голов и ярких свечей — он разглядел серое возвышение. На нём чернела полоска маленького гроба, а над его верхним краем Яр увидел белое запрокинутое лицо. Чьё лицо? Издалека не различить.

"Не надо, — сказал Яр судьбе. — Ну, пожалуйста,

не надо. Столько уже было всего… Хватит горя…" И тут же понял, что судьбе всё равно. Если мальчик погиб, то для мира, для Планеты не важно, кто над ним будет горевать — Яр или кто-то другой. Какое у Яра право хотеть, чтобы горе обошло его и настигло другого?

Но Яр хотел. "Не надо…" — ещё раз беспомощно сказал он. Осторожно, однако быстро и настойчиво он обходил людей, чтобы скорее оказаться там… ближе… всё узнать…

Но два седых рыбака положили на проб острую двускатную крышку. Тут же его подняли на носилки из вёсел и понесли к дверям — не к тем, в которые входила толпа, а в другом конце здания. Яр бросился вперёд. На него заоглядывались. Закачались вокруг свечи. Яр сжал себя. Всё равно ничего нельзя было сделать.

Из каменного дома толпа опять вытянулась на улицу. Здесь улица была сжата заборами. Гроб качался далеко впереди. Шли тихо, песни теперь не было. Тёплое свечное сало капало Яру на руки.

Яр увидел рядом с собой девочку лет девяти. Чуть нагнувшись. Яр спросил:

— Как звали этого мальчика?

Спросил с отчаянным страхом, но неизвестность была ещё страшнее.

Девочка подняла лицо. В её глазах отразилась свечка Яра. Девочка негромко сказала:

— Он не здешний.

— Разве он не успел сказать, как его зовут?

— Успел…

— Ну… как? — простонал Яр.

— Нельзя же говорить, когда хоронят…

— Почему?

— За собой уведёт…

Она ещё посмотрела на Яра и, кажется, пожалела его, хотя и не знала, за что. Сказала, словно утешить хотела:

— Там ведь написано будет на могиле…

Улица пошла в гору. Опять запели колыбельную…

"Это никогда не кончится, — с бессильным отчаянием подумал Яр. — Это ловушка проклятой Планеты. Мы будем идти так бесконечно. И песня будет бесконечная…"

И страх будет бесконечным.

…Это кончилось. Улица привела к маленькому кладбищу над обрывом. Толпа растеклась под чёрными, очень высокими деревьями, окружила то место, где, кажется, была могила. Колыбельная всё ещё звучала, но тихо, без слов, будто люди пели, не разжимая губ.

Яр опять стал пробираться вперёд.

Он добрался до могилы, когда над ней уже насыпали холмик. При пламени свечей земля казалась тёмно-коричневой.

В холмик врыли маленький жёлтый памятник. Люди стали гасить свечи и расходиться. Кто-то шёпотом сказал Яру:

— Задуйте свечу.

Яр вздрогнул и задул, уронил.

Кладбище быстро пустело, люди уходили молча, будто растворялись в темноте. Яр стоял. Над могилой горел одинокий огонёк.

Никого не осталось вокруг, и тогда Яр подошёл к холмику. Земля была завалена ветками и цветами. На них падал снег. Над холмиком стоял светлый столбик, от него пахло свежеоструганным деревом. Столбик был оплетён вьюнком с чёрными цветами-колокольчиками. В дереве выдолбили гнездо-окошечко, и в нём горела свечка. Ниже окошечка проступали на свежем стёсе неясные буквы.

Яр осторожно вынул свечку, замер на миг и поднёс к надписи.

На дереве чернели выжженные слова:

ИГНАТИК ЯР

4

— Он сам так назвал себя. Он, видимо, хотел носить ваше имя.

Голос раздался за спиной. Он шелестел, как сыпавшийся песок.

Яр, не выпуская свечи, медленно распрямился. Обернулся. Поднёс огонь к лицу говорившего. Увидел глазированные щёки и неподвижные глаза под полями лаковой шляпы.

— Значит, это ваша работа, сволочи, — безучастно сказал он.

— Нет, скорее, ваша, — возразил Тот. — Вы преследовали мальчика, он уходил. Судьба привела его на этот берег.

— И здесь вы его убили.

— Нет, — Тот по-совиному моргнул, и его голос зазвучал доверительно: — Мы не могли убить, вы были правы. Но произошел несчастный случай, который оказался сильнее вас и нас.

— Я тебе не верю, — сказал Яр и ощутил, как наливается в нем свинцовый гнев. И удивился: неужели можно ещё что-то чувствовать, если Игнатика нет?

— Напрасно не верите, — сказал Тот и пожал плечами. — Какой смысл мне вас обманывать?

Мальчик оказался на берегу, там у двух малышей отвязалась лодка…

— Вы её отвязали, — с горькой уверенностью проговорил Яр. — Вы знали, что он кинется на помощь.

Тот опять приподнял плечи.

— Вы можете сейчас думать что угодно. И поступать как угодно… Впрочем, самое разумное для вас — это всё же вернуться на крейсер. Хотите?

— Чёрта с два, — сказал Яр.

— Но что вам здесь делать? Мальчика больше нет.

Яр молчал.

— Или вы рассчитываете, что те трое спаслись из-под обвала?

— Рассчитываю, — сказал Яр.

— Ну и зря… А если и так? Зачем они вам? Какую вы можете поставить цель? Собраться впятером вам не удастся никогда. Вам больше не найти такого, как… — Тот посмотрел на холмик, — вот этот ваш адъютант.

— Я его не искал, — глухо сказал Яр. — Он меня нашёл и позвал. И те трое. Пока есть надежда, что кто-то из них жив, я не уйду.

— Но какой смысл?

— С какой стати я должен разъяснять смысл

своих поступков? Чтобы вам было легче устроить очередной "несчастный случай"?

— Вот уж нет, — слегка обиженно возразил Тот. — Ни вам, ни тем детям, если они вдруг живы, нечего бояться. В лучшем случае, вас будет четверо. Теперь вы для нас абсолютно безразличны.

"Т е п е р ь безразличны", — тяжело отдалось в Яре.

Он перехватил свечку левой рукой, а правую положил за пазуху.

Тот сказал:

— Вы разведчик космоса. В своём деле вы могли бы достичь ещё многого. А вы остаётесь. Неужели вы так привязаны к этим детям?

— Ты спросил бы об этом, когда отвязывал лодку, — тихо проговорил Яр.

— Я не отвязывал… Ярослав Игоревич, вам всё-таки лучше уйти. Имейте в виду, очень мало шансов, что те трое уцелели. Очень мало… Зачем вам оставаться? Это чудовищно нелогичный поступок.

Яр вспомнил, как они впятером сидели на скамейке в сквере у цирка и ели розовое фруктовое мороженое. Оно сильно таяло, Алька закапал себе рубашку. Данка на него ворчала. Чита невозмутимо листал книгу, ухитряясь не уронить ни

капли. Яр съел свою порцию раньше всех, и Тик шёпотом спросил: "Хочешь, я тебе оставлю?"

"Оставь... немножко..."

Яр судорожно передохнул.

"Игнатик Яр, — подумал он. — Маленький ты мой..." — И достал тёплый пистолет.

Посветил в глазированное лицо и нажал спуск.

Пистолет хлопнул негромко и как-то нехотя. Выплюнул бледный огонёк. Затвор, помедлив, отошёл назад, выбросил гильзу и с натугой послал в ствол второй патрон.

Тот стоял спокойно и глядел, не мигая.

Яр со злостью снова надавил спусковой крючок, будто силой руки мог увеличить мощность выстрела. Опять выскочил жёлтый язычок огня, а следом за ним — пуля. Она ударилась о мокрое пальто Тота и упала в снег.

Яр отчаянно рванул крючок третий раз. Пистолет сработал с медлительным бессилием.

Тот поправил шляпу.

— В самом деле, какой же вы ребёнок, — сказал он с сочувствием. Повернулся и стал уходить среди чёрных деревьев.

Догоревшая свечка обожгла Яру пальцы, и он уронил её. С минуту стоял без мыслей. Потом подумал механически: "Что же с оружием?" Поднял

пистолет и выстрелил вверх.

Грохот взорвал кладбищенскую тишину. Вспышка осветила ветки. Яр выстрелил опять. Заложило уши. При вспышке сверкнул оструганный столбик на могиле. Выстрел разметал снежные хлопья.

"Как салют по Игнатику, — горько подумал Яр. — А зачем он, салют?.. Даже отомстить не мог. Хлопушка..."

В "хлопушке" оставался один патрон. Он был бесполезен против врага, но годился для другого.

"Может быть, правда? Может, в самом деле — ствол к виску и свалиться на сырую, перемешанную со снегом землю? И в последний миг испытать облегчение, что всё-таки здесь, рядом с Тиком... И тут же всё забыть..."

Яр холодно прислушался к себе. Нет, он не хотел ничего забывать. И прежде всего — Игнатика. А как можно забыть про Данку, про Читу и Альку?

Если они живы, он обязан быть с ними.

"А зачем ты им нужен? — спросил себя Яр. — Ты был нужен, чтобы стать пятым. А сейчас?"

"Не знаю. Просто, кроме них, у меня никого нигде нет..."

"С чем ты к ним придёшь? Вдруг опять принесёшь несчастье? Игнатика не уберёг... Что, если и

на других накличешь беду?"

"Я их найду. А если окажусь не нужен, тогда и надо будет думать о "точке".

Яр спрятал пистолет. Шагнул к столбику, постоял, коснулся губами холодного дерева. Опять перехватило горло. "Никогда не плакал, — подумал Яр, — с тех пор, как умерла мама".

Снег перестал падать. В разрыв облаков глянула яркая половинка луны. Скользя и срываясь, Яр стал спускаться к морю.

5

Он провёл ночь в незапертом лодочном сарайчике на краю посёлка. Лежал на груде старых сетей. От них одуряюще пахло горькими водорослями.

Яр не мог заснуть. Он принуждал себя, он прибегал ко всяким хитростям, которые используют разведчики, чтобы заставить себя отдохнуть несмотря ни на что. Но едва сон начинал обволакивать голову, в ушах возникала колыбельная…

Лишь перед рассветом Яр уснул. Вернее, провалился в чёрное ничто, будто умер.

Когда Яр пришёл в себя, щели светились от солнца.

Было утро, и опять было лето. Камни и трава

блестели от растаявшего снега. От камней поднимался пар, это означало, что день будет очень тёплым. Яр сначала шёл вдоль моря, а затем поднялся по откосу и двинулся через каменистое поле.

Вчера он не знал, куда идти. Не знал, что делать. Он в беспомощном, почти детском отчаянии подумал даже, что надо набрать у моря песка и сделать бормотунчика. И спросить совета. Но тут же вспомнил, что делать бормотунчиков не умеет… Яр постоял над морем, увидел среди облаков яркую звезду, вспомнил почему-то рассказ ребят про истинный полдень и решил, что завтра так и пойдёт: между югом и юго-востоком.

Так он теперь и шёл. Солнце светило ему в левую щёку.

В блестящей траве и кустах перекликались, трещали и свистели птицы. Иногда они вспархивали из-за камней и, словно пущенные из рогатки, тёмными комочками взлетали в зенит. И там тоже рассыпчато звенели птичьи песни.

Утру не было никакого дела, что вчера погиб Игнатик и его закопали у моря, над обрывом. Всей Планете не было до этого дела… Хотя — не всей. Люди, которые вчера хоронили Игнатика, — они горевали по-настоящему. Кажется, даже плакали.

И тот старик… Как он сказал:

"Храбрый был мальчик…"

"Гордые были мальчики", — вдруг перекликнулось в памяти у Яра. Когда это было, кто говорил?.. А, в баре "У Нептуна за пазухой", когда Чёрный Яков поставил пластинку с той странной песней… Чего они хотели, мальчики из морского лицея? Что с ними стало? Боевые патроны хлопали, как холостые… Пожар…

"Ничего не знаю, — подумал Яр. — Проклятая Планета. Она обманывает, она завораживает тем, что очень похожа на Землю. А на самом деле совсем не похожа… Сюда бы Стасика Тихова, он бы разобрался… Как он странно сказал тогда, перед уходом на Легенду: "Надоело… Ни одной планеты, похожей на нашу. И так мало похожа на Землю Земля…"

И Планета не похожа совсем…

— Совсем?

А мальчишки?

А разве на Земле никогда не было восстаний?

"Гордые были мальчики…"

Зачем они расхватали карабины? Наверно, знали зачем. Знали, что правы.

Последнее утешенье —

Последний патрон в обойме.
Последняя горькая радость,
Что каждый из нас был прав…

Будто это про них — про Яра и про Игнатика…

И вот потому над Планетой
Шагает наш барабанщик.
Идёт он, прямой и тонкий,
Касаясь верхушек трав…

Стало немного легче. Словно в самом деле над сверкающей травой прошёл лёгким шагом тоненький мальчишка, оглянулся на Яра, сказал глазами: "Ничего. Ещё не всё кончено…"

Пришло странное спокойствие — как тогда, в пустом Городе.

А что за Город?

Почему о нём молчат?

"Ничего не знаю", — опять подумал устало Яр.

Да и что он мог узнать про жизнь целой планеты за месяц? В маленьком посёлке среди добрых и вроде бы весёлых, но раз и навсегда чем-то напуганных людей? Что он видел? Маленький полуостров, треугольный кусочек суши между рекой и морем. С кем встречался? С несколькими ребятишками да двумя десятками рыбаков.

Да с глиняным болваном, который умеет мять железо и перехватывать пули.

С глиняным?

Болваном?

Яр на ходу рванул высокий мокрый стебель, ожёг руку, отшвырнул сорняк с комлем земли на много шагов.

"Ничего не знаю..."

"А наверно, есть на Планете люди, которые знают. Может быть, есть страны и города, в которых не боятся глиняных пришельцев... Или все сдались, как Феликс? Надо идти, искать..."

"А какое ты имеешь право вмешиваться в жизнь чужой планеты?"

"Имею. У меня был сын, его звали Игнатик Яр. Он зарыт в этой планете, имею".

"И что будешь делать?"

Вот этого Яр не знал. Он очень хотел есть, и у него кружилась голова. Не было никакого плана. Не было дома, не было друзей. Был только пистолет с единственным бесполезным патроном и несколько четырёхрублёвых бумажек.

— "Но это лучше, чем ничего", — хмуро подумал Яр.

К полудню он пришёл в небольшой поселок на берегу тихой речушки.

Первое, что он сделал, — отыскал сельскую парикмахерскую. Показываться на людях с двухдневной щетиной — значит вызвать расспросы и подозрения. Молоденькая мастерица оказалась разговорчивой и любопытной. Поглядывая на диспетчерские шевроны Яра, она ворковала, что здесь, в этой деревне, так редко бывают моряки. А откуда моряк здесь появился и куда держит путь? Неужели в пути он (хи-хи-хи) не сумел ни разу побриться? Или он решил отпустить бороду, как у капитана в фильме "Королевский корсар", а потом раздумал?

Яр что-то наплёл в ответ, не очень заботясь, чтобы девушка поверила. Она не поверила, обиделась и замолчала. Дёргала бритвой и сердито прикладывала к порезам едкие примочки.

В тишине стали слышны голоса деревенской улицы: петушиные крики, стрекот мотоцикла, блеяние козы. И ещё — отдалённый ребячий гомон. Весёлый и многоголосый.

— Что там за шум? — спросил Яр с непонятным для себя беспокойством.

— А здесь недалеко школа, — опять оживилась парикмахерша. — Большая такая школа, ребятишки со всей округи. Они сегодня мост ломают…

— Зачем?

— Старый мост. Новый недавно построили из камня, а деревянный, который совсем гнилой, отдали на дрова школе. Вот малышня его и разбирает.

"Станция Мост", — неожиданно подумал Яр.

Никакой станции здесь не было. И мост, разумеется, был совсем не тот. Но Яр заволновался, с трудом дождался, когда кончится бритьё, отказался от одеколона и шагнул за порог, не взяв сдачу у ошарашенной мастерицы.

Он пошёл по тропке вдоль берега, поросшего большой травой с седыми головками семян. Головки уже высохли, семена распушились и слетали на тёмно-зелёную воду. Новый мост оказался рядом, на нём два парня возились с заглохшим грузовиком, их ругали возчики столпившихся на берегу подвод. Яр обошёл телеги и двинулся дальше, на ребячьи голоса.

За купами деревьев, росших у воды, Яр наконец увидел, что происходило на старом мосту.

Этот мост представлял собой дощатый настил на двух бревенчатых опорах, очень покосившихся. Над настилом была возведена для прочности деревянная решетчатая ферма. На её тонких, кое-где поломанных балках висели, качались

и скакали десятка два полуголых ребятишек. Они весело вопили и расшатывали сооружение с явной целью обрушить его.

По обоим берегам носились похожие на растрёпанных куриц женщины. Они жалобно и сердито кричали, чтобы немедленно прекратить безобразие. Они грозили директором, письмами родителям, исключением и даже, кажется, поркой.

Яр посочувствовал женщинам и подумал, не вмешаться ли, потому что игра в самом деле была опасная. Но тут мальчишки — по одному и стайками — попрыгали кто в воду, кто на берег. То ли возымела действие какая-то угроза, то ли они услышали предупреждающий треск дерева. Они с хохотом сыпались с моста и спешили от него подальше.

Только один пацанёнок — в жёлтых трусиках, загорелый и блестящий на солнце — стоял на верху решетчатой фермы.

Мост начал скрипеть и оседать. Яр отчаянно бросился вперёд, но не успел.

Ближняя опора смялась, превратилась в кучу прогнивших брёвен. Ферма, лопаясь, затрещала, стремительно осела одним краем в воду. С пушечным грохотом полетели лопнувшие балки.

Но большинство балок выдержало. Решетчатая конструкция уцелела. Она только дрожала и покачивалась. А наверху всё так же стоял мальчишка. В небрежной позе сошедшего с коня кавалериста.

Потом он странно вытянулся, неловко прыгнул в воду, выскочил на берег, кинулся к замершему Яру. Подскочил, отчаянно стиснул его мокрыми руками и ногами, уткнулся лицом в плечо. Зашептал со всхлипами:

— Яр… Ты, да? Яр… Ты нашёл меня, да, Яр?

— Алька…

Глава шестая
АЛЬКА

1

Яр так и унёс его, вцепившегося намертво, подальше от моста, за деревья. Опасливо оглянулся: не идёт ли кто следом? Никто не шёл. То ли от растерянности, то ли из-за деликатности.

Яр посадил Альку на траву, тот сразу схватил его за руку. Яр сел рядом.

— Ты меня нашёл, — восхищённым шёпотом сказал Алька. — Ты меня искал, да?

"Какая же я скотина", — подумал Яр и сказал:

— Да… Алька… Алька ты мой, как же ты уцелел в крепости?

Он замотал головой так, что брызги полетели с волос.

— Ой, Яр… Я не знаю. Там всё посыпалось, загремело, поехало куда-то — и сразу темно. Даже придавило чем-то, но я выбрался. А потом нашёл какую-то дыру и какой-то длинный-длинный ход… Потом ничего не помню. Кто-то меня подобрал и сюда привёз.

"Почти как Игнатик", — подумал Яр.

— А Данка, а Чита?

— Яр, я не знаю… — Алька глянул потемневшими глазами.— Ты их разве не нашёл?

— Нет… Пока нет… Значит, тебя завалило одного, без них?

Алька чуть смутился.

— Я там отошёл в закуточек такой… ну, по одному делу… Яр, ты боишься, что они не выбрались?

— Теперь думаю, что выбрались…

— А Тик?

"Вот оно, — подумал Яр. — Как ему сказать?"

— Яр, а Игнатик?.. Яр!

…Алька не стал плакать. Только прижался к Яру, будто озяб, и глаза у него сделались боль-

шущие и почти чёрные. Яр накрыл его своей курткой. Алька молчал долго-долго. Потом сказал медленно:

— Значит, они в самом деле есть, эти л ю д и, к о т о р ы е в е л я т... Я думал, это сказки.

"Может, не стоило ему говорить? — упрекнул себя Яр. — Но тогда как всё объяснить?"

Впрочем, Алька не был испуган. В его голосе прозвучала даже презрительная нотка — при словах "люди, которые велят".

Потом он опять помолчал и наконец проговорил, наморщив лоб:

— Что-то здесь не так...

— Что, Алька?

— Почему он погиб? Он не мог... Он всегда говорил, что мы доживём до ста лет, он верил. У него всегда получалось то, про что он верил.

— Не всё зависит от нас, Алька.

— Я знаю... Но всё равно... Я вот верил, что ты придёшь. Я давно бы мог убежать и домой пробраться. Там, наверно, мама давно вернулась, меня ищет... А я не уходил, тебя ждал.

— А я и не знал, — виновато, прошептал Яр.

— Но ты же всё равно пришёл!

— Ты молодец, что ждал... Вот если бы Игнатик тоже так же... Если бы не ушёл, — с прорвавшейся

горечью сказал Яр.

Алька глянул с удивлением и упрёком.

— Он же не просто так! Он хотел добраться до сухого дерева!

— При чём здесь дерево?

— Разве ты не знаешь? Он решил разыскать нас всех, он хотел точно знать, что мы уцелели. И тогда бы мы опять нашли тебя. И было бы пятеро — и ничего нам не страшно…

— Понимаю… — пробормотал Яр. — Хотя не очень…

Алька терпеливо объяснил:

— На краю нашего города, на пустыре, есть дерево. Мы там играли… Да мы же тебе рассказывали! Помнишь, про свечку? Ну вот. Сначала это было просто дерево, тополь, потом оно засохло, но мы всё равно у него собирались… Это место хоть и далеко от дома, зато наше заветное. Мы так договорились, Яр: если случится что-то важное или если потеряем друг друга — бежать к сухому дереву…

— А почему ты к нему не бежал? Не пускали?

— Я же говорю: тебя ждал. Я знал, что ты найдёшь меня здесь.

— Почему? — краснея, спросил Яр.

— Я догадался, что ты тоже на этом берегу. А тут

перекрёсток дорог и школа. Мимо не пройдешь. Но если бы ты не пришёл, я бы скоро убежал.

— К дереву?

— Ага… И к маме.

Яр осторожно спросил:

— Алька… ты думаешь, дерево уцелело при нашествии?

— А что ему сделается? Оно же всё равно сухое. Ну, может, обгорело, это неважно… Яр, мы всё равно должны туда идти.

Яр молчал. Он опять не знал. Идти ли? А если что-то снова? Как с Игнатиком…

— Яр…

— Ладно, — сказал Яр. Всё равно ничего другого придумать он не мог. Но Алька угадал его неуверенность. Он встревоженно вскинул глаза:

— Яр, ты не уйдёшь один, без меня?

— Нет…

— Тогда чего ещё ждать? — Алька вскочил.

— А тебя отпустят из школы?

— Больно надо нам спрашивать!

— Алька, но неудобно же. Всё-таки школа. Тебя хватятся…

Алька странно усмехнулся:

— Да?.. Ну ладно, может, так лучше будет. Пошли к директору…

Формальности заняли очень мало времени. Яр представился как житель Орехова, сосед Альки по дому. Сказал, что проезжал мимо, узнал мальчика и хочет увезти его домой, потому что мать ищет его и очень волнуется.

Директор — молодой, но лысый человек с костистым лицом — торопливо кивал:

— Конечно, конечно! Раз вы так решили и мальчик тоже просится… Мы ведь посылали запрос в Орехов, но сами понимаете…

Потом он понизил голос и объяснил виновато:

— По правде говоря, мы только рады. Школа так переполнена… К тому же мы хотя и боремся с предрассудками, а к детям с той стороны отношение всё равно не такое…

Он дал Яру расписаться в какой-то разлинованной книге. Потом, глядя в сторону, сказал:

— Вам лучше всего ехать на автобусе. До станции Мост…

— До станции Мост? — вырвалось у Яра.

Директор сделал виноватое движение спиной.

— Ну… это, разумеется, условное понятие… Вы, естественно, можете сойти на берегу, где удобнее. А там уж… Да что я вам объясняю! Раз вы прибыли сюда из Орехова, дорогу знаете сами…

— Разберёмся, — сказал Яр и посмотрел на Аль-

ку. Алька — уже одетый, с курточкой под мышкой, с рюкзачком — нетерпеливо переминался рядом. Он почему-то усмехнулся и спросил директора:

— А когда автобус?

— Через полтора часа… Я пошлю кого-нибудь за билетами, а вы пока пообедайте в школьной столовой.

Они пообедали в гулком, заставленном столами зале. Ребята поглядывали на Альку и на Яра с завистью. Алька был серьёзный и молчаливый. Упитанная тётка в синем халате принесла два жёлтых билета. Яр спросил, где автостанция.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Алька. — Пошли.

— Ты ни с кем не будешь прощаться?

— С кем надо, я попрощался заранее, — серьёзно сказал Алька.

Они прошли вдоль каменной изгороди, окружавшей двухэтажные корпуса школы. Потом оказались на прямой улице, в конце которой был виден дом с башенкой и несколько бело-синих автобусов. Определённо, автостанция. Но Алька дёрнул Яра за рукав и потянул в какую-то дыру в заборе. За ним росли кусты боярышника и начиналась тропинка. Она привела к речке, на берег, ниже старого моста. Здесь было очень

тихо, только потрескивали крыльями стрекозы. Под нависшими ветками старой ольхи Яр увидел привязанный плот с шалашиком. Шалашик сливался с ветками, и разглядеть плот можно было только в двух шагах.

— Вот, — сказал Алька. — Это я приготовил давно, на всякий случай. Прыгай.

Яр послушно прыгнул на связанные брёвна, они захлюпали.

— Алька, а зачем? Ведь билеты же…

— Покажи-ка.

Яр протянул глянцевитые бумажки. Алька не глядя скомкал их и кинул в течение. Сказал досадливо:

— Ты что, совсем глупый?.. Ой, прости. Но ты, честное слово, как дошкольник, Яр…

"Это мне уже говорили", — подумал Яр.

Алька бросил в шалашик рюкзачок и курточку, умело распутал верёвку, толкнулся шестом. Плот вышел на середину речки.

— Главное, выбраться на большую реку, — деловито объяснил Алька. — Присядь, Яр, не торчи… Там, на реке, никто не будет знать, с какой мы стороны, никто и не привяжется. Просто не имеют права.

— Но… — начал Яр и понял, что спрашивать

сейчас — это лишнее. Самое умное — слушаться Альку... И как же хорошо, что Алька здесь! И никак нельзя допустить, чтобы кто-то его отнял...

По обоим берегам сплошным тёмно-зелёным валом тянулись кусты. На воде покачивались кувшинки. Над кустами и кувшинками носились тучи стрекоз, просто безумствовали. Яр смотрел на них без радости: вспоминались свинцовые шмели, и опять подступила к сердцу тревога.

Течение было тихое, Алька подгонял плот, наваливаясь на шест. "Давай, лучше я буду толкать", — хотел сказать Яр. В это время из кустов метрах в десяти позади плота вышла лодка.

В лодке сидели двое. Один — спиной к плоту, он грёб. Второй — на корме — неотрывно смотрел на Яра. Он был тощий, с худым лицом и пышной шевелюрой. Шевелюра была нестерпимо рыжая.

— Остановитесь! — громко сказал рыжий.

Алька отчаянно оглянулся на Яра и налёг на шест.

— Яр, помоги!

Яр подскочил.

— Куда вы увозите мальчика! — крикнул рыжий.

— Не ваше дело! — отозвался Алька. — Яр, толкай!

Яр толкнулся шестом о твёрдое дно, вода сразу забурлила, плот набрал скорость. Но лодка с вёслами шла быстрее.

— Немедленно пристаньте к берегу, — потребовал рыжий официальным голосом.

— Не вздумай, — торопливо сказал Алька. — Яр, не вздумай. Если пристанем — тогда всё…

Яр молча налёг на шест.

— Я предупреждаю вас, — проговорил рыжий. Тот, что с вёслами, сильно и равномерно грёб. Под его курткой ровно ходили лопатки. Лодка приближалась.

Алька повернул к Яру сразу похудевшее лицо. Жёстко проговорил:

— Как подойдут, ты их шестом. Сначала гребца.

— Я сделаю лучше, — сказал Яр и вынул пистолет. — Оставьте нас! — крикнул он рыжему.

— Вы ответите, — сказал рыжий.

Яр поднял пистолет и, когда весло на миг остановилось при взмахе, выстрелил. Шейка весла разлетелась, лопасть поплыла. Рыжий втянул голову. Лодка завертелась, гребец сполз со скамейки на дно.

— Следующая пуля — по вам, — сказал рыжему Яр.

На лодке не знали, что следующей нет. Рыжий что-то закричал, гребец выдернул из уключины уцелевшее весло, начал грести им, не поднимаясь. Лодка неуклюже поползла к берегу, скрылась за кустами.

Яр посмотрел на Альку. Тот сидел на корточках, прижимая к ушам ладони. На лице его были восторженный ужас и восхищение.

— Как ты их, Яр… Вот это да…

"А если бы как на кладбище? Если бы это оказались о н и?" — запоздало подумал Яр. И кинул в шалашик, на рюкзак, бесполезный пистолет.

— Теперь надо нажимать, Алька…

— Теперь не надо… — Алька, блаженно улыбаясь, стянул брезентовые башмаки, сел на краю, опустил в воду исцарапанные в боярышнике ноги. — Больше они не полезут, Яр.

— А кто они такие? Что им надо?

Алька пожал плечами. Потом оглянулся нерешительно:

— Яр… Я хочу спросить…

— Что, Алька? Давай спрашивай.

— Я… нет, потом… Ты садись. Через час нас вынесет на большую реку.

…Так и случилось. Минут через сорок берега стали расходиться, и скоро Яр и Алька увидели

серебристый размах большой воды. По нему двигался в отдалении пароход.

Сзади тянул ветерок. Яр укрепил шест, как мачту, сделал из толстой рейки поперечину, растянул на ней свою и Алькину куртки, и под этим маленьким парусом плот медленно выехал на середину реки.

Здесь течение было быстрее.

Алька что-то прошептал, загибая пальцы. Потом сообщил:

— Завтра до двенадцати будем у дерева.

В шалаше у Альки нашлось маленькое весло. Его привязали к шесту, получился хороший руль для плота. Яр постепенно увёл плот с фарватера к правому берегу, чтобы не мешать пароходам и баржам.

Скоро завечерело. Яр испугался. Он подумал, что над рекой опять распахнётся жёлтый закат и тогда подступит невыносимая жёлтая тоска. Но солнце нырнуло в сизое облако, и сразу пришли сумерки. По берегам и на встречном буксире замигали огоньки.

Алька вытащил пузатый керосиновый фонарь и спички.

— А то кто-нибудь налетит на нас ночью…

— Ты, Алька, просто капитан дальнего пла-

вания, — с удовольствием сказал Яр. — Всё предусмотрел.

— Ага, — серьёзно откликнулся Алька. — Я много про всякие плавания читал… Я даже хотел в Морской лицей поступить. Только его, говорят, уже давно нету…

— Это тот, где случился пожар? — спросил Яр.

— Ну да…— Алька подвесил зажжённый фонарь над входом в шалашик, сел у плетёной стенки. Потянул за руку Яра, чтобы тот сел рядом. — Но пожар — это потом…

— А сначала? Восстание?

— Ага…

— Алька, расскажи. Я ничего про это до сих пор не знаю.

— А никто не знает, — вздохнул Алька. — Про это, Яр, всякое говорят, даже сказки разные. Но я теперь думаю: может, они против тех, кто… ну, в общем, этих… к о т о р ы е в е л я т?

— Может быть. Только против них бесполезно идти с учебными карабинами. Да и с боевыми тоже…

— Ребята же не знали.

— Они все погибли?

— Почему все? Многие ушли в Город.

— В Город? Но лицей и так был в Городе!

Алька по-взрослому сказал:

— Нет, Яр, ты путаешь. Лицей был недалеко от Города, но не в нём. Он стоял ближе к морю… А Город ведь давно пустой.

— Алька, ты что-нибудь знаешь про этот Город?

— Ну… про него тоже говорят всякую путаницу. Никто не может сказать толком, что за люди там жили… Только знаешь, что говорят, Яр? Будто т е, к т о в е л я т, туда не заходят. Боятся.

— Боятся?

— Так говорят. Не знаю… Но обыкновенные люди тоже боятся. Какой-то страх там на всех нападает…

— Чушь, — сказал Яр. — Нет там никакого страха. — И чуть не добавил: "Спроси Игнатика…"

Он помолчал, вспоминая мальчишку на пустой площади с колоннами, — того, что нарисовал знак со стрелой. И ещё одного — на вагонной площадке, когда колёса выбивали марш барабанщиков и так же, как сейчас, качался в сумерках фонарик. И ещё — свой сон про песчаный обрыв и Юрку… Потом он спросил:

— А где ты всё это слышал, Алька? Про Город, про восстание…

— У нас в той школе по вечерам обо всём бол-

тали. Когда уже все лягут и свет погасят. Сказки всякие, ну и такие вот истории… Конечно, если воспитателей близко нет или директора.

— А что, строгие порядки?

Алька посопел и сказал:

— Не очень. Но за разговоры знаешь как влетало… Особенно от директора. Такая свинья…

— Да что ты? А мне он показался деликатным таким, тихим.

— Он тихий. Тихий гад… Никогда не кричит. Заведёт в кабинет, спокойненько так, с улыбочкой, потом как врежет…

— Разве есть такой закон, чтобы бить ребят?

Алька опять посопел.

— Закона-то нет. Зато у него есть скакалка. Ну, шнур такой с ручками, чтобы прыгать через него. Знаешь?.. Резиновая. Как вытянет по ногам…

— И тебя? — тихо спросил Яр.

Алька вздохнул.

Яр искренне сказал:

— Вот в кого надо было всадить последнюю пулю. От тех дураков на лодке отбились бы и шестом.

Алька оживился и весело подтвердил, что, конечно, отбились бы.

— Алька, а всё-таки кто они были?

— Откуда я знаю?

— Но ты же заранее боялся, что будут преследовать. Выходит, знал…

— Я знал, что будут, но не знал, к т о. Яр, я просто чувствовал… А ты разве не чувствовал? Директор за билетами послал, а у самого глаза бегают. Да и вообще… опасно кругом.

— И сейчас? — с тревогой спросил Яр.

Алька беспечно зевнул:

— Не-а… Сейчас пока нет.

Быстро спустилась безлунная ночь. Залила одинаковой чернотой небо и реку. Только звёзды роились вверху, а внизу светились белые и красные огоньки фарватера. Плот со своим круглым фонарём повис посреди большой темноты. Тихо хлюпала невидимая вода. С берегов пахло травами и сырым песком.

— Пойди поспи, — сказал Яр. — Я подежурю.

Алька послушно полез в шалашик, но через несколько минут выбрался опять. Уселся на корточках на прежнем месте, под фонарём. Съёжился так, что побитые коленки торчали рядом с ушами. Яр накрыл его с головой своей курткой. Алька благодарно повздыхал.

Яр для порядка шевельнул веслом и сел рядом с Алькой.

— Мы с тобой, как Джим и Гек Финн…

— Кто? — Алька выставил из-под куртки лицо.

— Джим и Гек Финн. Про них книжка есть. Не читал?

— Не… А про что там?

Яр коротенько рассказал. И добавил:

— Но она длинная. Потом сам почитаешь.

Алька с сожалением проговорил:

— У нас такой книжки, наверно, нет. Это у в а с, на Земле.

— Ну почему? Есть же "Зверобой" Купера. Помнишь, у Читы? В точности такой же, как я в детстве читал… Здесь, Алька, много всего "в точности"…

— Но ещё больше не так, да?

— Да…

— Яр… В нашей спальне один парнишка был, постарше нас. Он много про всё знал и рассказывал. Он один раз такую историю рассказал непонятную. Будто наша Планета раскололась.

— Как это?

— Будто давно была большая война… Ну, она правда была… И люди бросили на один город бомбу. Такую страшную, что сразу всего города не стало и всех людей. И Планета не выдержала, раскололась на несколько планет…

— И что же? Они разлетелись в разные стороны?

— Да нет же! Она не так раскололась… Она осталась, но как будто на одной сразу несколько планет, и жизнь на каждой пошла по-разному… Я это сам не понимаю, но когда он говорил, я понимал… Яр, может, наша Планета и твоя Земля такие вот расколотые?

— Может быть, — подумав, сказал Яр. — По крайней мере, это объяснение не хуже других…

"И может быть, где-то есть ещё Земля или Планета, где люди живут умнее и лучше, чем мы? Н а с т о я щ а я Земля…"

— Алька?

— Что, Яр?

— Слушай, Алька… Про что ты хотел спросить меня? Тогда, днём? А потом раздумал. Или забыл?

— Нет, помню…

— Про что же?

— Ты… Яр, ты, наверно, рассердишься. Или засмеёшься надо мной…

— Нет, Алька, ни за что. Честное слово.

Он повздыхал, повозился под курткой, спрятал лицо и проговорил тихонько:

— Ты совсем точно знаешь, что Игнатик умер?

Яр не ответил. Что он мог ответить? Он положил руку на Алькин затылок, и так они долго плыли молча. Яр провожал глазами огни встречных пароходиков. Потом он сказал:

— Поспал бы ты, Алька.

— Ладно. Только я тут, с тобой.

Он и правда уснул, приткнувшись к Яру. А Яр со страхом понял, что к нему явственно, вплотную, подходит память о прошлом вечере. О свечах, пылающих в сумерках, о колыбельной. Колыбельная зазвучала так, будто совсем рядом пел в темноте слаженный хор.

Тогда Яр сделал усилие и переключил память на другую песню.

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сожжём у берега
Последние корабли…

Тоже грустная песня, но всё же в ней не было такой безнадёжности. Это была песня повстанцев.

Так, под эту песню. Яр и просидел всю ночь. До яркого золотого рассвета.

Утром они позавтракали хлебом и огурцами из Алькиного рюкзачка. И скоро, раньше, чем

ожидал Алька, потянулись по правому берегу предместья Орехова.

— Ой, смотри, вон труба старой пекарни, — шептал Алька. — Только она обугленная, и верхушка обвалилась… А водонапорная башня целая…

Ещё не было видно самого города и обрушенной крепости, они скрывались за поворотом. Но Алька сказал, что туда плыть и не надо. Они пристанут к берегу раньше, сразу за старой баржей.

Потом он вдруг притих, печально съёжился на краю плота.

— Ты что, Алька?

— Я думаю, как там мама…

Как можно бодрее Яр пообещал:

— Всё будет в порядке, не грусти.

Алька, видимо, поверил. Улыбнулся.

Плот прошёл вдоль скользкого от зелени борта полузатопленной баржи. И сразу Яр подогнал его к берегу — к жёлтой песчаной полоске. Алька подхватил рюкзачок, прыгнул на песок и пошёл, нетерпеливо оглядываясь на Яра.

Мимо кривых заборов с колючей проволокой наверху, мимо штабелей старых ящиков, мимо куч железного хлама они вышли на обширную поляну, поросшую сурепкой.

Посреди поляны стоял ствол тополя с расто-

пыренными вверху, обломанными сучьями. Это было сухое дерево.

Под деревом сидел с книжкой Чита.

2

Чита положил в траву книгу. Снял очки. Хотел пойти навстречу спокойно, только не выдержал, побежал. Облапил сразу Яра и Альку. Потом оторвался, сказал немного сердито:

— Ну, наконец-то. Теперь уже четверо. Только Тика нет.

Яр отвёл глаза. Алька своим брезентовым башмаком стал пинать траву.

Чита посмотрел на того, на другого, насупился и объяснил:

— Он ещё не приходил, в дупле нет его записки. Но он всё равно придёт.

Яр сказал через силу:

— Не придёт Игнатик…

Пока Чита слушал про всё, что случилось, у него было странное лицо. Не печальное, а напряжённое: будто он не мог что-то понять. Или что-то вспомнить. Потом он сказал:

— Непонятно это.

— Что, Вадик? — мягко спросил Яр.

— Непонятно, почему он погиб. Тут что-то не увязывается.

— Это всегда не увязывается, Вадик.

Чита обмяк, растерянно завертел очки. Видимо, наконец поверил.

— А у Данки мама погибла. Тогда, при нашествии, — сказал он.

"Сами-то вы как уцелели?" — хотел спросить Яр. И не стал. Потом как-нибудь… Он спросил:

— А что с Данкой?

— Живёт одна теперь. Ничего…

Алька сказал, запинаясь:

— Чита, а моя мама… Ты не слыхал?

— В порядке твоя мама, — грубовато, как-то не по-своему ответил Чита. — Только извелась вся. Ты давай беги к ней.

— Ага, я побегу! Яр…

— Беги, беги…

— Потом приходи к Данке, — сказал Чита. — Хотя постой. Надо оставить в дупле записки, твою и Яра. Что вы тоже пришли.

— Для кого? — спросил Яр. — Мы пришли уже все четверо. Больше некого ждать.

У Читы досадливо шевельнулись брови.

— Всё равно, так надо. У нас такой обычай.

Он достал из нагрудного кармана карандашик

и свернутый листок. Оторвал две бумажные полоски.

— Яр, напиши своё имя. Надо, чтобы ты сам… Алька, напиши… Вот, я книгу подставлю, пишите на ней…

Книга была "Рассказы" какого-то А. Рысина. Яр и Алька на ней, как на столике, приладили бумажки и написали имена. Яру было не по себе. Очень грустно и непонятно: что же будет дальше?

Алька умчался, уже не оглядываясь на Яра. Понятное дело — к маме. Что ему теперь Яр?

Чита поразительно ловко, не помяв отглаженных брюк, забрался по бугристому стволу до первого сука, торчавшего, как одинокая лапа. Сел на него.

— Здесь дупло…

Он, перегнувшись, сунул руку в глубь ствола. И как-то странно замер.

Казалось бы, долгое ли дело положить записки? Но Чита сидел целую минуту, словно что-то нащупывал в дупле. Потом прыгнул с трёхметровой высоты.

— Вот странная штука, — сказал он с напряжённой улыбкой. — Там в дупле внизу мох и труха всякая, и мне всегда казалось, что под ней что-то круглое, только было лень раскапывать. А теперь

раскопал. Смотри…

Он протянул на ладони синий мячик с тремя белыми полосками.

— Вот куда залетел…

"Неужели тот самый?" — подумал Яр.

Мячики так похожи друг на друга. И прошло столько лет.

Яр всё же улыбнулся. Даже сказал:

— Вот здорово…

Чита поднял из травы книгу и надел очки.

— Пошли к Данке, Яр.

Он зашагал впереди, читая и в то же время играя мячиком: стукнет им о натоптанную тропинку и поймает… Яр опять подумал: как много дел может делать Чита, не отрываясь от книги. Да и читает ли он? Может, просто прячет за книжкой то, что думает и чувствует?

— Вон Данка идёт навстречу, — сказал Чита. И Яр увидел на краю пустыря Данку.

Она была подросшая, похудевшая, в каком-то сером печальном платьице. Яр такой и ожидал её увидеть.

Данка заулыбалась навстречу:

— Ой, Яр… Здравствуй, Яр! Наконец-то… Яр, ты один?

— С Алькой. Он к маме побежал… Яр говорит,

что Игнатик погиб, — сразу сказал Чита. Ну и правильно, что сразу.

У Данки погасли глаза.

— Я будто чувствовала…

Она медленно повернулась и пошла по тропинке. Яр и Чита — по сторонам от неё, по шелестящей траве. Так они дошли до переулка с кривыми домиками. Некоторые домики были обугленные, без крыш. Данка молчала.

— Я вот… смотри, — осторожно проговорил Чита. — Мячик наш в дупле нашёл.

Данка посмотрела без интереса.

Чита сник. Даже книгу опустил.

Данка сказала:

— Тут автобусная остановка недалеко. Поехали ко мне, что ли… Я вас покормлю чем-нибудь… Яр, а у меня мама умерла.

— Я знаю, Данка.

"Ну вот и всё", — подумал Яр. Оттого, что всю ночь не спал, голова у него была тяжёлой. Но ещё тяжелее было на душе. Вот он пришёл. И что дальше? Зачем он этим ребятам? Зачем он здесь вообще? Воевать с неведомой силой? Один воевать не может. Дело не в том, что нужны союзники. Дело в том, что вообще нельзя одному, надо, чтобы тебя кто-то любил. Было хорошо,

когда позвали ребята. Но они играли. Теперь игра кончилась, её разбило настоящее, не игрушечное горе. Игнатика не вернуть. Данку не утешить. Алька, не оглянувшись, убежал к маме. Наверно, ему хватило страшных приключений. Чита… Его не поймёшь: чего он хочет, чего ждёт?

Они подошли к остановке — к бетонной площадке с кривым столбиком и ржавой табличкой. Стало пасмурно, ветер гонял по бетону сухую пыль.

"Зачем я здесь? — думал Яр. — Для ребят я только обуза…"

Подошёл обшарпанный валкий автобус. Почти пустой.

— Садись, Яр, иди вперёд, — сказала Данка. — Поедем.

"А куда? Что будет потом?.. Видимо, Тот был прав: надо было тогда, ещё на вокзале, уйти…"

На миг острое сожаление, что он здесь, а не на крейсере, обожгло Яра. Сзади нетерпеливо дышал Чита. Яр машинально шагнул в автобусную дверь. Навалилась давящая темнота. Яр отчаянно мотнул головой. Стало светло. Он оглянулся на захлопнувшуюся дверь автобуса: а ребята?

Автобусной двери не было. Была стальная дверь гермошлюза.

3

Капитан Виктор Сайский сидел в кресле прямо и смотрел мимо Яра. В стёклышках старомодного пенсне Сайского блестели крошечные отражения плафонов. Длинные веснушчатые пальцы Сайский держал на подлокотниках. Когда он говорил, указательный палец правой руки слегка поднимался и опускался — будто отмеряя слова.

— Ярослав Игоревич… При всём уважении и доверии к вам, я вынужден сказать, что вы поставили нас в крайне трудное положение…

— Именно? — спросил Яр. Он всё больше хотел спать.

Капитан беспокойно шевельнулся. Его худое лицо с блестящими залысинами и рыжеватой щёточкой волос на миг потеряло уверенность. И всё же он сказал твёрдо:

— При всей боязни оскорбить вас, должен прямо заявить, что вашу историю мы не можем принять всерьёз.

— Говорите только за себя, капитан! — звонко и дерзко вмешался второй штурман и разведчик Дима Кротов. Он сидел рядом с Сайским, но сейчас дёрнулся, словно хотел придвинуться к Яру.

Старший астронавигатор Олег Борисович Кош-

ка, рыхловатый и нерешительный, возился в кресле, виновато уставившись в пол. Иногда шумно вздыхал.

— Я говорю от себя и от имени вверенного мне экипажа, — сказал Сайский. — Мы на суперкрейсере дальней разведки, а не в студенческом клубе, Кротов. Мы несём службу поиска и должны принимать за истину только доказанные вещи и явления.

— Где же я, по-вашему, был? — отгоняя сонливость и начиная злиться, спросил Яр.

— Я как раз и хотел бы услышать это от вас. Где вы были, когда отсутствовали на борту крейсера в течение сорока трёх минут?

— Это смешно, в конце концов… На кой чёрт мне развлекать вас сказками?

— Понятия не имею, — сухо, но искренне произнёс Сайский. — Очевидно, есть причины, о которых мы не догадываемся… Я, как капитан, настаиваю чтобы вы их изложили… или привели доказательства, что ваш рассказ — правда.

— Я привёл. Вот фотография…

Олег Борисович Кошка нерешительно поднял голову.

— Яр, голубчик, это же несерьёзно… Обыкновенные дети… Милые такие, весёлые, живые.

Абсолютно земные ребятишки…

"И одного из них нет", — подумал Яр. И сказал:

— Они и есть земные.

— Вот видите, — отозвался Сайский.

— Я не в том смысле… Просто они такие же.

— Все это противоречит современным космологическим концепциям, — сказал Сайский.

— А мне плевать, что противоречит, — безнадёжно сказал Яр.

Сайский взял со стола снимок, долго разглядывал. Потом спросил:

— Почему же не сработал сигнал тревоги? Он реагирует на малейшее изменение нормальной обстановки. Вы говорите — пришёл мальчик. Сигнал должен был отозваться на появление постороннего лица.

— Игнатик не хотел шума, — сказал Яр не Сайскому, а себе.

Сайский помолчал. Яр взял со столика и снова бросил на него четырёхкопеечную монетку.

— Это — тоже обычная вещь? Таких никогда не было на Земле.

Веснушчатый палец Сайского забарабанил по твёрдому подлокотнику невпопад словам.

— Ярослав Игоревич… Я скорее готов предположить, что и монеты, и ваш костюм, и снимок,

и даже пистолет системы "викинг" изготовлены специально... для такой вот инсценировки... чем поверить в существование вашей Планеты.

— Да зачем нужна Яру инсценировка?! — подскочил в кресле Дима Кротов. — Подумайте, капитан! З а ч е м?

Сайский снисходительно сказал:

— Не знаю. Может быть, для розыгрыша. Может быть, для сенсации. Или для создания какой-то своей научной версии. Может быть... В конце концов, я не могу прочитать мысли Ярослава Игоревича. Но мне легче заподозрить любого человека в любом умысле, чем поверить столь фантастическим объяснениям.

— Значит, — медленно проговорил Яр, — все эти вещи я приготовил заранее, а потом прятался в укромном уголке, чтобы создать "эффект отсутствия"?

— Это всё же правдоподобнее, чем...

— А сигнал?! — крикнул Дима. — Если бы Яр не ушёл с корабля, а просто спрятался, аварийный сигнал не включился бы!

— Вот и странно, — пробормотал Олег Борисович. — Пришёл мальчик — сигнал не включился. Исчез Яр — сигнал сработал.

— Значит, я перестроил и схему сигнала, —

усмехнулся Яр. — В запломбированном отсеке… Да-да, это всё же правдоподобнее, ч е м… Знаете, Сайский, вы зря стали капитаном. По двум причинам: во-первых, ваша логика не в состоянии перешагнуть установленные рамки. Во-вторых, вы не верите людям.

— Как можно не верить честному слову скадермена? — воскликнул Дима.

Сайский не взглянул на иму. Он стиснул подлокотники и тихо сказал Яру:

— Могу ответить вам тем же: вы плохой скадермен… Если верить вам, вы ушли с корабля вслед за незнакомым мальчиком. Таким образом, вы без разрешения оставили корабль во время вахты. Покинули экипаж в рейсе, не обеспечив замены, и тем самым…

— Вы не учитываете обстоятельств! — вспыхнул Яр.

— И вахты не было, был автоматический режим, — вмешался Дима.

— Я учитываю обстоятельства, — жёстко проговорил Сайский. — Увидев, что мальчик действительно уводит вас с корабля, вы обязаны были остаться в отсеке, не переступать порог… И теперь требуете, чтобы я верил вам.

— Мне, собственно, всё равно, — устало сказал

Яр. — Можете не верить.

— Странно, что вам всё равно. Если я поверю, то вынужден буду отстранить вас от обязанностей и подвергнуть аресту за дезертирство.

— Меня? — сказал Яр и встал. "Надо же, — подумал он. — Я и не знал, что ещё могу так злиться. А ну, спокойнее".

— Вы не сделаете этого по трём причинам, капитан Сайский, — очень-очень вежливо проговорил он. — Арестовать может лишь равный по званию или тот, чьё звание выше. Я же, если сравнивать с боевыми рангами старого флота, имею звание, подобное вице-адмиральскому. На моём парадном мундире (а они до сих пор не отменены) на два шеврона больше, чем у вас. Это первое… Во-вторых, устав СКДР не предусматривает наказаний за дезертирство во время рейса — хотя бы потому, что оно не представляется возможным. И в-третьих, я просто не уверен, что позволил бы вам арестовать меня. Тем более что вы не встретили бы поддержки у некоторых членов экипажа. — Он мельком взглянул на Диму.

Сайский, откинувшись в кресле, снизу вверх смотрел на Яра. На веснушчатом лице капитана мелькнула тень улыбки.

— Меня остановило бы, пожалуй, только второе

соображение. В самом деле, устав не предусматривает… А можно задать неофициальный вопрос, Ярослав Игоревич?

— Валяйте, — нервно сказал Яр и сел.

— Если то, что вы говорите, было… тогда… вас не смущала мысль, что вы бросили крейсер, бросили своё дело?

— Не смущала… Я думал об этом. Но я оставил крейсер без умысла. А дело, которое пришлось мне делать т а м, важнее того, что здесь. Я охранял детей, которые позвали меня для защиты… Я делал это плохо. Отвратительно. Я был нерешителен, глуп и беспомощен. И это сейчас мучит меня больше всего… И хватит об этом.

— И всё же… — Сайский снял пенсне. (И Яр вспомнил, как Чита снимал очки, но у Читы глаза оставались острыми, а у Сайского стали растерянными.) — И всё же… Вы ради этого оставили главное дело жизни. Которое было вашим долгом.

— Какое?

— Открывать новые планеты.

— Я открыл свою планету, — сказал Яр. — Жаль, что не судьба…

— Но вы утверждаете, что это не новая планета, а та же Земля…

— Землю иногда тоже надо открывать заново… Когда-нибудь вы убедитесь в этом. Увидите, что мы слишком забыли про неё… И не скажут ли потом, что все мы дезертиры?

— Смелое утверждение…

— Печальное утверждение.

— Собственно, кто дезертиры? Мы, скадермены?

— "Скадермены", — усмехнулся Яр. — Элита человечества, космическое дворянство… Нет, я имею в виду всех жителей Земли.

— За что же вы их так? Люди сделали нашу планету цветущей.

— Планета — не клумба… Вам не кажется, что люди разучились любить?

— Это неправда, Яр! — воскликнул Кротов.

Яр улыбнулся:

— Я не имел в виду вас, Дима… И я не про ту любовь. Я про ту, где тревога и боль друг за друга…

— Если люди счастливы, зачем боль-то? — нерешительно сказал Олег Борисович. — Яр, голубчик, ты что-то не то…

— Да, пожалуй, — согласился Яр. — Только всегда ли они счастливы? А что, если однажды мы вернёмся, и… Впрочем, такие дискуссии не предусмотрены уставом СКДР…

Сайский встал.

— Олег Борисович, прошу вас, ещё раз проверьте систему для выхода из режима. Дмитрий Васильевич, вас прошу быть в рубке на вахте.

— Но ведь до выхода ещё семнадцать часов! — строптиво сказал Дима.

— Это сейчас не имеет значения. Мы возвращаемся на Землю. В силу чрезвычайных обстоятельств.

— Что чрезвычайного вы усмотрели? — утомлённо спросил Яр. — Почему нельзя продолжать экспедицию?

— Это позвольте решать мне, Ярослав Игоревич. А вас я попросил бы незамедлительно написать подробный рапорт о случившемся. Надеюсь, вас это не затруднит?

— Затруднит, — сумрачно сказал Яр. — Я не могу… сейчас.

— Что ж, отдохните… Только прошу: если у вас возникнет намерение вновь покинуть крейсер, не делайте этого без предупреждения.

— Вам угодно иронизировать?

— Отнюдь…

— У меня не возникнет такого намерения, — с трудом сказал Яр. — Потому что мальчик, который приходил за мной… он уже не придёт. Я вам

говорил… — У Яра перехватило горло. — И вы, капитан… и поэтому… я сейчас не могу писать рапорт. И подите вы к чёрту…

Сайский опустил глаза.

— Извините, Ярослав Игоревич…

— Простите нас, Яр, — сказал Дима Кротов и ушёл из кают-компании в рубку.

— Яр, ты… правда, отдохнул бы, — пробормотал Олег Борисович и, оглядываясь, побрёл к выходу. Сайский опять сел.

Яр отошёл к иллюминатору. За стеклом была панорама, изображающая берёзовый перелесок. Пластиковые листики вздрагивали от струи вентилятора. Пластмассовая божья коровка сидела на блестящих лепестках очень ровной ромашки. Яр закрыл глаза и уперся кулаками в тёплое стекло.

— Яр! — громко и странно позвал его Дима. — Ярослав Игоревич!

Яр оглянулся.. Дима — бледный, с какой-то неловкой улыбкой — стоял в дверном проёме рубки.

— Яр, там… к вам…

Дима шарахнулся от метнувшегося в рубку Яра.

В рубке смешались электрический и солнеч-

ный свет. У отодвинутой двери гермошлюза переминался с ноги на ногу сумрачный Алька.

Глава седьмая
БУРАН

1

Снова было похоже на июнь. Вокруг голубятни лежал ковёр цветущих одуванчиков. Дальше цвела сурепка и ещё какие-то солнечные цветы. От них весь пустырь казался ярко-жёлтым. Одуванчики качались под тёплым ветром. И квадратная тень голубятни шевелилась на них, как живая.

По одну сторону тени стоял Яр. По другую Алька. Друг на друга они не смотрели. Яр поправлял под курткой ремень блика. Алька расковыривал дырку на своей трикотажной фуфайке. Потом он быстро глянул из-под ресниц и жалобно попросил:

— Яр… ну, прости, а?

Яр сопел, дёргая пряжку — её заело.

— Ну, Яр…

— Ага, теперь "прости", — пропыхтел Яр. — Надо было думать…

— Я больше не буду, — по-настоящему виновато

сказал Алька. Почти по-настоящему.

— Ага, "не буду"... За твои слова знаешь что? Драть надо как следует...

Алька опять стрельнул глазами из-под пшеничных ресниц, совсем понурился и вздохнул:

— Ну... ладно. А потом простишь?

— Видно будет. Иди сюда, — деревянным голосом сказал Яр.

Алька, загребая башмаками одуванчики, побрел через тень голубятни. Остановился перед Яром. Полная покорность и раскаяние.

Яр хмыкнул, взял в пятерню отросшие Алькины волосы, качнул туда-сюда покаянную голову, подхватил Альку, взметнул над собой.

— Вот заброшу балбеса на голубятню...

Алька радостно заверещал, задрыгал ногами, роняя, как всегда, башмаки. Сказал с высоты:

— Не-а! Не забросишь.

— Это почему?

— Потому что ты уже не злишься.

— Злюсь! — рявкнул Яр.

— Не!..

— Откуда ты это взял?

— Ну... потому что ты же понимаешь... что сам виноват... — И Алька испуганно заморгал.

Яр опустил его в одуванчики.

— Ах, значит, я виноват?

— То есть я… Но ты тоже… немножко.

— Тьфу на тебя… Тоже мне психоаналитик, — проворчал Яр.

Алька смотрел преданно, весело и бесстрашно. Яр ничего не мог ему возразить. Потому что он и в самом деле был виноват. По крайней мере, с точки зрения Альки. Недаром Алька так заорал. Тогда, в крейсере…

Ой-ёй-ёй! Яр никогда не думал, что весёлый и ласковый Алька может так яростно и беспощадно орать.

Когда прошла первая радость, когда Яр выпустил Алькины плечи и с усмешкой оглянулся на обалдевших членов экипажа, Алька сказал коротко:

— Почему ты сбежал? Пойдём.

Яр понял, что надо решать. Немедленно и навсегда. И… начал глупо и жалобно говорить, что он там, наверно, лишний и лучше будет, если…

Вот тут Алька и взорвался.

— Ты что! — закричал он, исходя яростью и слезами. — Сперва наобещал, а теперь… Какое ты имеешь право?! Врал, что никогда не уйдёшь, а сам!.. Пошли сейчас же!!

— Но, Алька…

— Не пойдёшь?! — бешено крикнул Алька. — Тогда... Тогда ты самый паршивый дезертир, вот кто!!

Стало тихо. Лишь в Альке клокотало гневное, смешанное со слезами дыхание. И в этой тишине случилось неожиданное. Капитан Сайский начал ржать. Интеллигентный, безукоризненный Сайский уронил золочёное пенсне, бухнулся в кресло и стал не смеяться, а непотребно ржать: как загулявший рыбак в баре у Чёрного Якова, услышавший какой-нибудь пудовый анекдот.

Сквозь сумятицу мыслей, сквозь обиду, растерянность и досаду на себя, сквозь щемящую нежность к негодующему Альке и радость оттого, что он пришёл, сквозь злость на идиота Сайского до Яра смутно дошёл комизм положения.

Сайский, всхлипывая, сказал:

— Клянусь субпространством, такого не было в космосе за всю историю полётов... Ярослав Игоревич, вдумайтесь: вы в любом случае оказываетесь дезертиром. Так что уж идите с мальчиком. На Земле вас, по крайней мере, хоть как-то оправдают.

"Бред какой-то, честное слово", — беспомощно подумал Яр. Но отозвался сухо:

— Позволено мне будет взять кое-что из лично-

го имущества?

"Боже мой, что это я говорю? И что опять делается?"

— Почему же нет? — отозвался Сайский. — Даже и не из личного... Возьмите блик. Судя по всему, он не будет для вас лишним.

— Но... — Яр иронически взглянул на капитана. — Не выглядит ли это как "вооружённое вторжение на планету с неизвестной цивилизацией"?

— Откуда я знаю? — серьёзно сказал Сайский. — Здесь явно непредусмотренная ситуация. Будем решать на свой страх и риск... Только давайте, Ярослав Игоревич, составим подробную запись в вахтенном журнале. Своего рода акт о вашем уходе. — Сайский оставался Сайским.

— И ещё вот что... — добавил он. — Пусть Кротов сделает фотоснимок всех нас вместе с... нашим гостем. Это лучше, чем четырёхкопеечная монета. Я говорю о доказательстве случившегося, на тот случай, если...

— На тот случай, если я не вернусь, — усмехнулся Яр. Он был уверен, что не вернётся.

И теперь они стояли под голубятней. И хитрый негодный Алька, почуяв слабинку в Яре, выговаривал:

— Ушёл — и крышка. А как мы без тебя, подумал?

— Неужели ты, балда, решил, что я ушёл нарочно? — огрызнулся Яр.

— А откуда мы знали?.. Чита даже читать перестал, ходит, как варёная макарона. Данка ревёт целыми днями…

— Как… целыми днями? Сколько же времени прошло?

— Как сколько? Ты сам не знаешь? Почти три месяца.

Яр присвистнул. "Побеседовали в кают-компании… Хотя, конечно, так и должно быть…"

— То-то, я смотрю, ты подрос…

Алька в самом деле стал повыше. Старенький трикотажный костюм сделался короток: штаны до щиколоток, из-под фуфайки смешно выглядывает голый живот — загорелый и расцарапанный, видно, Алька лазил на дерево.

Яр посмотрел на ствол высохшего тополя. Его могучие сучья были опилены на одном уровне. На них-то, как на растопыренных пальцах, и стояла теперь голубятня.

— Как она здесь оказалась? — спросил Яр.

— Это другая. Та сгорела. Мы набрали досок и построили новую, почти такую же… Здесь лучше,

спокойнее. Людей меньше.

Яр присел на чемоданчик. Поставил Альку перед собой. Посмотрел снизу вверх в его потемневшие распахнутые глаза — неспокойные и требовательные.

— Алька… А как ты сумел до меня добраться?

Он смущённо и чуточку гордо улыбнулся:

— Я старался… Я очень хотел… И ребята просили…

— Раньше это мог только Игнатик…

Алька серьёзно сказал:

— Я теперь многое умею то, что раньше Игнатик… Только свечку зажечь не могу.

— Ну, Игнатик тоже не мог, если не было пятерых.

Алька досадливо мотнул головой.

— Не в этом дело… Я н и к о г д а не смогу. И никто не сможет. Это один Игнатик мог, это его… Яр, смотри, Данка идёт и Чита!

Они подошли спокойно, будто заранее договорились о встрече. Данка вертела в пальцах ветку цветущей сирени. Чита был без книги. С мячиком в руках.

— Ага, появился, — сказал Чита радостно и всё же с тенью упрёка.

— Здравствуй, Яр, — улыбнулась Данка.

— Вы подросли, — сказал Яр.

— За лето всегда подрастают, — согласилась Данка.

— А я не успел даже выспаться, — виновато проговорил Яр. — У нас всего два часа прошло.

Данка не удивилась.

— Здесь уже осень, — сказала она. — В этом году такая замечательная осень. Обычно в это время уже снег идёт, а сейчас будто вторая весна. Одуванчики… И сирень снова зацвела… Смотрите, ребята, сколько в ней цветков с пятью лепестками. Прямо сплошь…

— У нас это считалось, что к счастью, — вспомнил Яр.

— А у нас говорят, что к беде, — сердито усмехнулся Чита.

— Но это неправда, — вмешался Алька.

— Конечно, неправда, — мягко сказала Данка. — На самом деле хорошо, если пять… Будто Игнатик знак подаёт…

Тоска по Игнатику опять резанула Яра. Он отвернулся, чтобы скрыть от ребят лицо. У них-то минуло три месяца, а для него и двух суток не прошло с той ночи на кладбище…

Но и ребята запечалились. И чтобы встряхнуть их и встряхнуться самому. Яр громко спросил:

— Ну, похитители скадерменов, что будем делать дальше?

— Как что? Жить, — сказала Данка.

— Просто жить?

— Не просто, — тихо и удивительно жёстко сказал Чита. — Будем учиться. Будем спокойно и подробно всё узнавать про этих гадов. Кто они и зачем они. И какое против них есть оружие.

"Вы же дети", — чуть не возразил Яр. И не возразил, потому что не было смысла — они решили.

— Наверно, это придётся делать долго, — сказал Яр.

— Ничего. Зато потом… — сказал Алька и незнакомо сузил глаза.

"А как быть с пятым? Нужен нам кто-нибудь?" — чуть не спросил Яр. И не решился. Он спросил о другом:

— А всё-таки… что делать мне? Ни крыши, ни работы… Я здесь никто.

— Крыша есть, — отозвался Чита, — а работы в городе сколько хочешь. Например, можешь стать учителем. Хочешь?

— Каким же учителем? Я не знаю ни истории здешней, ни географии…

— Можешь быть учителем физкультуры, — предложил Алька. — У тебя вон какие мускулы.

Яр вздохнул.

— Мускулы… А меня возьмут?

Данка серьёзно сказала:

— Сразу. Сейчас в школах так не хватает мужчин…

— Я смотрю, вы всё обдумали.

— Ага, — сказал Алька.

Неожиданно потемнело. Солнце укрылось в сером облачке с косматыми краями. Следом за этим облачком тянулись ещё, а ближе к горизонту вырастала хмурая туча. Сразу стало зябко.

— Снежные тучки-то, — озабоченно проговорила Данка. — Пошли, а?

Яр подхватил чемоданчик.

Над пустырём прошёлся резкий ветер и принёс издалека, от тучи, первые снежинки. Алька съёжился и взял себя за плечи. Он один был одет по-летнему, остальные в куртках.

— Давайте к автобусу, — скомандовал Чита.

Они торопливо зашагали через пустырь. Цветы оставались яркими, солнечными, хотя стало совсем пасмурно и снег летел всё гуще.

Ветер принёс льдистый холодок. Алька запрыгал, как козлёнок.

— Вадид, возьми чемодан, — сказал Яр. Подхватил Альку на руки, прикрыл его широкой полой

куртки. ускорил шаги.

— Ну чего, я сам… — для порядка буркнул Алька.

— Не дёргайся… Давайте, ребята, скорее… Вадик!

Но Чита стоял в непонятной позе: замер, согнувшись и подняв к самым глазам чемоданчик Яра.

— Смотрите…

Яр и Данка встревоженно подошли.

— Снежинки, — сказал Чита. — Как цветки на сирени…

У снежинок был чёткий узорчатый рисунок. Сказочные шестиконечные звёздочки, как на новогодних открытках. Но… не только шестиконечные. Яр увидел, как на чёрную искусственную кожу села звёздочка с пятью концами. Потом ещё, ещё…

— Видите! — с непонятным торжеством сказал Чита. Что-то пошептал над снежинками, сдул их, махнул чемоданом и торопливо зашагал впереди всех. Потом весело обернулся.

— Данка, ты держи Яра перед автобусом! Чтобы он опять не пропал…

2

Шмели пронеслись над городом полосами. Они обуглили землю, деревья и здания. Деревянные дома стояли обгорелые, а каменные были словно изъедены кислотой или миллионами червей. Их стены превратились в сизый ноздреватый шлак. Но многие кварталы оказались не задеты нашествием, жизнь в них шла самая обычная.

От старой голубятни остались только обугленные столбы. Забор вокруг большого двора тоже сгорел. Кирпичное здание переплётных мастерских чернело пустыми окнами. Но двухэтажный деревянный дом уцелел. И, как в июне, двор пестрел одуванчиками. Только сейчас на них сыпался снег.

Данка жила на первом этаже. В маленькой двухкомнатной квартире, похожей на ту, в которой жил когда-то Валерка Дымов. Яр даже увидел на стене коврик с оленями — такой же, какой висел над кроватью Валеркиной мамы…

Яр бухнул Альку на кровать, накрыл курткой и сказал Данке:

— Грей чай. Надо оттаивать этого обормота.

— Вадик, поставь чайник, — распорядилась Данка. И когда Чита ушёл, она сказала Яру: — Вот

в этой комнате ты будешь жить.

— Я? В этой?

— Да… Раньше это мамина комната была. Теперь будет твоя… Ой, а если тебе не нравится, можешь в той…

— Мне нравится, — неловко проговорил Яр. — Но… это ничего, что я… у тебя?..

— Конечно, ничего! Ой, Яр, да мне всё равно кого-нибудь подселили бы. Сколько домов сгорело, а я одна в двух комнатах.

Яр вздохнул и сказал прямо:

— Данка, я не об этом. Ты вон какая… уже почти взрослая. Скажут: поселился у девушки, в женихи метит старый хрыч.

Данка улыбнулась, поправила платьице, чуть порозовела. Но ответила спокойно:

— Никто не скажет. Я уже всем объяснила, что ко мне дядя приезжает, мамин брат.

— Ну и ладно, — решительно сказал Яр. — Тем более что деваться мне всё равно больше некуда.

Он повесил на спинку стула блик. Стул скрипнул, тяжёлый аппарат закачался у пола на длинном ремне. Вошёл Чита. Сразу спросил:

— Это что? Электродрель?

— Сам ты дрель, — сказал с кровати закутанный Алька. Он был немного в курсе. — Не трогай

эту штуку. С ходу разнесёшь полгорода в пыль…

Очки у Читы блеснули.

— Правда?

— Неправда, — сказал Яр. — Полгорода не разнесёшь. У этой штуки направленный удар. Старая система: боевой линейный излучатель Кузнецова.

Чита заложил руки за спину и присел перед бликом на корточки.

Яр достал из кармана помятую фотографию, поставил на стол. Прислонил к вазочке с веткой сирени. Чита поднялся. Все смотрели на снимок. Алька сказал:

— Тётка Игнатика куда-то уехала из города, навсегда. Если бы он… был… он бы, наверно, остался жить с нами. Вот здесь…

Они помолчали. Чита сходил на кухню и вернулся с чайником. Данка достала чашки.

— Садитесь…

Они долго сидели и разговаривали. Сначала у стола, потом на кровати, где опять устроили закутанного в куртку Альку (он всё ещё зябко вздрагивал). Сначала рассказывал Яр — про всё, что с ним было после обвала. Потом ребята — как жили без Яра. Потом опять Яр. Потому что Чита попросил:

— Расскажи ещё раз про этого… который Т о т.

Когда Яр снова, с подробностями, поведал о встрече на вокзале (про кладбище повторять не стал), Чита сказал хмуро и пренебрежительно:

— Глиняные болваны.

— Не болваны, — вздохнул Яр. — И далеко не глиняные.

— Всё равно глиняные болваны, — упрямо повторил Чита. — У них логика глиняная… И хотят, идиоты, чтобы получилась мыслящая галактика с глиняными мозгами.

— Откуда они всё-таки взялись?.. — вздохнула Данка.

— А я знаю, — сказал Алька. — То есть… Ну, мне так представилось… Вот стоит город, живут в нём люди, всё нормально, и вдруг взрыв! Тот большой взрыв, бомба, которая расколола планету…

— Знаешь, Алька, если планета раскололась, то гораздо раньше этого взрыва, — перебил Яр. — Ещё в очень давние времена…

— Ну, может быть. Я не про то… Вот взрыв! И люди все погибли, а вот эти… они были просто манекены в магазинах… они ожили от атомных лучей. И решили, что теперь наступила их пора хозяйничать. Наверно, подумали: раз люди такие бестолковые, что сами себя сжигают…

— Как же эти манекены сделались такие сильные и ничего не боятся? — возразила Данка.

— Они боятся, — сказал Чита. — Цифры пять почему-то боятся. Яра боятся, Игнатика… боялись… И ещё многого, только мы не знаем.

— Боятся заходить в Город, — вспомнил Яр.

— Говорят, после большой войны была ещё одна: между левым и правым берегом, — сказала Данка. — Вот с той поры люди и не любят переходить реку, хотя давно никаких войн…

— А при чём здесь Город? — не понял Яр.

— Город тогда очень долго сопротивлялся осаде. Все люди в нём погибли, но взять его чужие солдаты так и не смогли. Не знаю почему… Но опустел он не тогда, а позже.

— Не совсем опустел, — сказал Яр. — Всё-таки он живой.

— А не уйти ли нам всем туда? — спросила Данка вполне серьёзно.

— А мама? — сказал Алька. Покраснел и испуганно посмотрел на Данку. Она слабо улыбнулась.

— Про Город есть сказка, — заговорил Чита. — Будто в него ушли барабанщики. Мальчишки вроде нас. Когда лицей горел и повстанцы отступали, барабанщики остались их прикрывать…

— Кто же оставил их, самых маленьких? — спросил Яр.

— А кого они спрашивали?.. Они стояли шеренгой и барабанили все марши, которые знали. И враг этих маршей боялся и не мог подойти…

— Какой враг?

— Не знаю… Но он боялся. А когда марши у ребят кончились, налетел сильный ветер, просто ураган, и всё окутал пылью. И барабанщики исчезли в этом вихре. Говорят, они сами превратились в ветерки и живут теперь в Городе… Яр, ты их не встречал?

— Встречал, пожалуй, — сказал Яр.

Алька вздохнул, закутался в куртку по уши и тихо проговорил:

— А может, Игнатик тоже стал ветерком? Улетел от т е х и стал…

— Ну и что хорошего? — печально спросила Данка.

А Чита сказал:

— Ветерки, они хорошие. Только что они могут?

— Многое могут, — как бы заступаясь за Игнатика, сказал Яр. — Корабли гонять, пожар раздуть. А если вместе, они — ураган.

— Раздуть пожар могут, — тихо проговорил

Чита. — А маленькую свечку зажечь не смогут. Это может только живой Игнатик… Яр, ты уверен, что Тик умер?

Яр вздохнул. Он знал, что ребята не верят. Точнее, не совсем верят. Но надо было отвечать честно.

Яр сказал:

— Я был на его могиле.

И снова тоской сдавило сердце: "Игнатик Яр…" За окнами темнело и шелестел ветер. Снег не кончался.

Данка поднялась и сказала, что надо думать об ужине. Как народ отнесётся к макаронам с консервами?

Народ отнесся положительно.

— Вот и отлично. Потому что всё равно больше ничего нет. Даже хлеба… Вадик, ты сходишь в булочную?

— Мы сходим с Яром, — сказал Чита.

— И я! — подскочил Алька.

— А ты разденешься и залезешь под одеяло. И никуда не сунешься до завтра. Смотри, всё ещё трясёшься…

— А мама что скажет?

— Я зайду, предупрежу её, — пообещал Чита.

— Сговорились… — пробурчал Алька. Но по-

слушно отдал Яру куртку.

Чита сказал Данке:

— В ближней булочной хлеба наверняка нет. Мы пойдём на Тополиный спуск, но там, конечно, очередь. Не волнуйтесь, если мы задержимся.

— Лучше идите на Южную. Это дальше, зато там народу меньше.

— Пожалуй, — согласился Чита и глазами показал Яру на блик.

Яр понял. Приладил тяжёлый излучатель под курткой.

— Зачем это? — забеспокоилась Данка.

— На всякий случай, — беспечно разъяснил Чита. — И для того, чтобы здесь к этой штуке никто не лез и ничего не нажимал.

— Я что, ненормальный? — обиделся Алька.

— Пошли, Яр, — сказал Чита.

3

Вечер был серый, и полосы летящего снега тоже были серые. Теперь ветер гнал не снежинки, а хлопья.

Чита поднял воротник у курточки и сказал:

— Яр, у меня к вам важный вопрос.

— Я чувствую…

— Вы ведь разбираетесь в радиоаппаратуре?

— Думаю, что да…

— У меня родители одно время работали на городском почтамте. Я часто приходил к ним, меня везде пускали… Яр, там на верхнем этаже есть аварийная радиостанция. Сейчас почтамт пустой и электричества, конечно, нет. Но у станции автономное питание, аккумуляторы. Может быть, они сохранились…

— Ну… допустим, сохранились, — осторожно сказал Яр и ощутил тяжесть блика. — И зачем же нам станция, Вадик?

Он поморщился и жалобно попросил:

— Не называйте меня Вадиком. Чита я и есть Чита…

— Данка же называет, — улыбнулся Яр.

— Это Данка…

— Ладно. А ты перестань говорить мне "вы". Сколько можно?

— Хорошо… Яр, вы… ты как видел Игнатика в тот раз… когда хоронили? Близко?

"Опять", — подумал Яр и неохотно сказал:

— Издалека.

— Ты его узнал?

— Я же говорю: было далеко… Неужели ты думаешь, что тысяча людей устроила для меня спектакль? Зачем?

— Не люди, а т е… Люди не знали, а т е м не трудно устроить обман. Они обманывают всю Планету.

— Но зачем бы они стали обманывать меня?

— Как зачем? Чтобы вы… чтобы ты убрался с Планеты.

— Ты надеешься, — горько сказал Яр, — что Игнатика они где-нибудь спрятали, а похоронили куклу?

— Почему бы и нет? — сердито отозвался Чита. — Они сами куклы. Что им стоит?

Чтобы задавить в себе бесполезную надежду. Яр проговорил беспощадно:

— Нет. Им проще было сделать, чтобы он погиб. Раз и навсегда.

— Яр… Ты же сам говорил, что они не могут это сделать, если нас пятеро.

— Но Игнатик не знал, что вы живы…

— Зато т е знали. К тому же Игнатик догадывался…

— Кроме того, это был несчастный случай.

— Подстроенный случай — тоже убийство… Яр…

— Что?

— Яр, а вдруг Тик живой и они держат его где-нибудь взаперти? А он и не старается вырваться,

потому что они сказали, будто ты ушёл с Планеты… Совсем ушёл…

— Он доверчивый, — сказал Яр. — Но этому он бы не поверил.

— Яр, ты не обижайся… но ты же по правде ушёл.

— Это получилось, потому что Игнатика нет, — через силу сказал Яр.

Чита опустил голову, долго шёл молча. Хлюпал ботинками по раскисшему на асфальте снегу. Потом хмуро спросил:

— Почему ты боишься надеяться?

— Потому что… — глухо сказал Яр, — надежда погибнет, и будет ещё страшнее.

Чита удивленно вскинул голову и снял очки.

— Страшнее? — звонко спросил он. — Что может быть страшнее для Игнатика, если он погиб? Или вы боитесь за себя, Яр?

— Дурак! — крикнул Яр. Жалобно, зло и с непонятным облегчением. — Чего я боюсь?! Я…

— Вот почтамт, — сказал Чита.

…Почтамт был знаком по Нейску. Три этажа, полукруглые окна, башня с квадратными часами. Левое крыло здания было изъедено огнём и шмелями, камень превратился в сизую губку. Правая часть и центр с башней уцелели, только на башне

покосилась решетчатая антенна. Окна выбиты, нигде ни огонька.

— Почтамт. Ну и что? — насупленно сказал Яр.

Чита переглотнул. Прищуренно посмотрел на антенну.

— Если станция цела, можно дать сигнал… Яр, сразу по всем каналам! "Тик, мы живы, мы тебя ждём!" Нас попытаются заглушить, но сразу не успеют.

— Чита, но если он… если ты говоришь, его держат взаперти, разве он услышит радио?

— Он всё равно узнает. Вся Планета будет знать, узнает и он… Яр, он услышит. Он даже траву умеет слушать, даже снег…

"Он говорит у м е е т, а не у м е л", — подумал Яр. У него редко и глухо стало толкаться рядом с бликом сердце.

Чита смотрел на Яра требовательными глазами стрелка. И сказал:

— Даже если это самый маленький шанс…

Сумрачный вечерний свет входил в громадные разбитые окна, и в залах стояли серые полусумерки. Чугунные лестницы плавными разворотами вели с этажа на этаж. Ступени гудели под ботинками, эхо тоже гудело в пустой громаде здания — от подвала до башни. Кафельные полы были

усыпаны бумагами. Сквозняки шевелили их.

Чита сказал на ходу:

— Может быть, это смешно… Знаешь, Яр, я попросил снежинок-пятилистников рассказать про нас Игнатику. Если ветры донесут их к нему. Но радио, конечно, надёжнее…

Яр промолчал.

На верхнем этаже Яр и Чита прошли несколько больших комнат, заставленных телеграфными аппаратами. Шелестели бумажные ленты, катались под ногами наполовину сгоревшие свечи. Такие же свечи стояли у аппаратов и на подоконниках, посреди лужиц застывшего стеарина.

— Смотри-ка, — уважительным полушёпотом произнёс Чита. — Электричества уже не было, а люди всё равно дежурили. При свечах…

Здесь, наверху, было как-то уютнее. Почти все окна оказались целыми, не гуляли сквозняки. В одной из комнат, за панелью громадного коммутатора трещал неизвестно как выживший сверчок. Казалось, коммутатор включен и ждёт вызова, хотя из панели торчали оборванные провода.

Чита привёл Яра к обитой жестью двери.

— Вот здесь…

Дверь была закрыта. У скважины замка висела

на проволочке пломба.

Яр оглянулся на Читу, пожал плечами и оборвал пломбу. Надавил на дверь плечом. Сильнее, сильнее… Что-то пружинисто лопнуло, дверь отошла…

В полукруглой комнате была стеклянная крыша. За стёклами (видимо, очень крепкими и потому уцелевшими) беззвучно летели тёмные сгустки снега. Начинался настоящий буран. Но серого света всё же хватило, чтобы различить на чёрном пульте клавиши и тумблеры.

— Разберёшься? — прошептал Чита.

— Как-нибудь ,— отозвался Яр. Слева от пульта, в пыльном закутке он отыскал рубильник аварийного питания. Чита обрадованно ойкнул: на панели зажглись разноцветные стеклянные капельки. Тонко пропищал непонятный сигнал.

Яр шагнул к пульту. Чита стоял в двух шагах и напряжённо смотрел на Яра. На тонком лице у Читы лежали цветные отблески огоньков. С волос капал растаявший снег.

Яр медленно нажал клавишу общей трансляции. Из панели выдвинулся на изогнутой лапе решетчатый микрофон: говори.

Что говорить?

"Игнатик… Игнатик Яр! Если ты жив, знай, что

и мы живы. Игнатик, мы тебя ждём…"

Яр представил, как невидимые волны несут над Планетой этот беспомощный зов. Над тихой, раз и навсегда испуганной, потерявшей себя Планетой. Над заросшими рельсами, заброшенным вокзалом, рыбачьим посёлком с людьми, которые боятся рассказывать. Ещё над тысячами таких же посёлков и городов. Над опустевшим Городом, который не сдался, но и не победил. Над тёмным кладбищем у моря…

В этом было какое-то кощунство. Игнатик лежит, зарытый в холодную почву Планеты, а крик, обращённый к нему, сейчас полетит в эфир, заставит вздрогнуть пыльные репродукторы и скрипучие приёмники…

Но… Чита смотрел жёстко и упрямо. Как, наверно, смотрели те барабанщики-повстанцы, когда играли последний марш. И он был прав: нельзя упускать ни малейшего шанса. Потому что… да, капелька надежды опять дрожит где-то на самом дне души.

— Игнатик… — хрипло сказал Яр микрофону.

Вверху, под стеклянной крышей вспыхнули белые лампы. Цветные капельки на пульте погасли. Высокая чёрная панель радиостанции треснула от пола до верха, разошлась, как ворота.

Из широкой щели с дымящимися катушками и обрывками кабелей шагнул к отшатнувшемуся Яру Т о т.

Яр швырнул Читу к двери и отскочил сам.

Т о т, растопырив руки, деревянно двинулся к Яру и Чите.

Впрочем, это был не Т о т. Другой это был. Яр узнал его. Узнал неподвижные злые глаза, бессмысленную улыбку, трещину на глазированной щеке. Пёстрый альпинистский костюм.

Наблюдатель поднял скрюченные руки до плеч, будто хотел обнять Яра и Читу. Медленно шагнул, к ним, вынося негнущиеся ноги в стороны. Он не торопился, он был уверен, что никто от него не уйдёт. Яр вспомнил, как Тот резал из трубы колечки и комкал чугунную батарею. И как беспомощно падали в снег пули.

Ладно, сейчас не пули…

— Зажми уши и зажмурься, — сказал Яр Чите.

Он передёрнул на ремне блик. Откинул на прикладе опорную площадку и прижал её к груди. Припал на колено, чтобы стрелять снизу вверх — иначе луч, уходя в пространство, превратит в ничто верхние этажи уцелевших домов.

Наблюдатель шёл и тупо улыбался. Яр положил большой палец на кнопку. Она была вогнутая,

удобная. Наблюдатель сделал ещё шаг. Яр нажал.

Режущий свист и белая вспышка ударила в стену. Лампы погасли.

В панели станции появилась метровая пробоина. Сквозь зелёные пятна в глазах Яр увидел на светлом фоне пробоины силуэт Наблюдателя. Наблюдатель постоял и сделал шаг к Яру.

Яр выстрелил опять. Будто в ответ на это, снова загорелись лампы. Сверху сыпались стёкла. Края пробоины в панели дымились.

У Наблюдателя с поцарапанной щеки слетело несколько чешуек глазировки. Он, улыбаясь, шагнул к Яру.

— Уходи! — крикнул Яр Чите. Оглохший Чита покачал головой. Яр выкинул его за порог. Выскочил сам. Захлопнул тяжёлую дверь, хотя это было совершенно глупо.

— Пошли отсюда! — крикнул Яр снова.

Чита странно улыбался. Он громко спросил:

— Почему ты больше не стрелял?

— Это бесполезно!

— Нет! — сказал Чита. — Стреляй.

Наблюдатель не открывал дверь. Он аккуратно резал её. Сначала тонкие щели прошили толстую жесть крест-накрест, потом разделили дверь на квадраты. На квадратики. Квадратики посы-

пались на пол. Наблюдатель шагнул в дверной проём.

Яр опять встал на колено и выстрелил. Белый луч унёс в пространство всё, что встретил на пути. Стены ахнули. А Наблюдатель стоял.

Постоял и снова шагнул.

Яр перевёл кнопку на постоянное излучение. Огненный рёв потряс пустой почтамт. Это было похоже на запуск стартовых ракет. Стена впереди исчезла. Сыпались камни и штукатурка.

Потом стало тихо. Яр увидел вдали круглый глаз чистого неба: луч высверлил в облаках туннель. Буран втягивался в этот туннель спиральными вихрями. Чистое небо стремительно заплывало снежной мутью.

Наблюдатель постоял, словно ожидая, когда Яр придёт в себя. Потом шевельнулся и опять пошёл к Яру.

Яр сорвал с ремня горячий блик и бросил его в Наблюдателя, как бомбу. Попал. Наблюдатель качнулся и пошёл скорее.

Яр дёрнул за руку Читу, и они побежали. По залам, по чугунным лестницам, по узким тёмным коридорам. Влетели в какую-то комнату с низким потолком и полукруглым окном.

— Чёрт, заблудились, — со всхлипом сказал Чи-

та. И сел на подоконник. Он часто дышал сквозь сжатые зубы.

— Отдохни, — сказал Яр.

— Зачем ты бросил оружие? — резко спросил Чита.

— Это теперь не оружие. Оно разряжено полностью, на Планете его не зарядить.

— Тогда уходим, — сказал Чита и прыгнул с подоконника.

— Отдышимся немного. Он нас не догонит так быстро…

В это время рассыпалась на квадратики часть стены и Наблюдатель возник в провале.

Яр и Чита опять бросились к двери. Они долго бежали по бетонному коридору. В конце коридора включилась лампочка. Под ней стоял Наблюдатель.

Всё тот же. С улыбкой, с отскочившей глазировкой на щеке, со скрюченными руками.

Яр и Чита метнулись вверх по лестнице. Она привела их на застеклённую площадку. Наблюдатель стоял посреди площадки.

— К выходу, вниз! — крикнул Чита.

Но внизу, у дверей центральной арки, снова стоял Наблюдатель.

Яр больше не мог бежать. Чита, видимо, тоже.

Они пошли опять вверх. Наблюдатель шёл за ними, под его ногами рассыпались чугунные ступени.

Потом шаги Наблюдателя стихли. Яр и Чита оказались в комнате с телеграфными аппаратами, но не в разрушенной, а в другой, поменьше. Чита сел на пол и прислонился плечом к ножке стола.

— Кажется, этот гад нас не выпустит, — сказал он довольно спокойно. Что будем делать, Яр?

— Он преследует меня одного, — тяжело дыша, ответил Яр. — Ты ему не нужен. Ты уходи, а я задержу…

— Неправда, — сказал Чита.

— Что неправда?

— Что он преследует тебя одного. Т о т говорил, что с тобой они ничего не могут сделать.

— Это когда я был пришельцем из космоса. А теперь я просто житель Планеты.

— Это хорошо, — заметил Чита.

"Уж куда лучше", — подумал Яр и сказал:

— Уходи.

— Идите вы, Яр, знаете куда… — вежливо сказал Чита.

— Я старший, я приказываю.

— Глупо ты приказываешь, — отозвался Чита

и встал. — Здесь только один выход. И он занят. Слышишь?

Яр услышал шаги Наблюдателя.

— Я отвлеку его, а ты выскочишь в дверь, — сказал Яр.

Чита промолчал. Снял с телеграфного аппарата тяжёлую катушку и взвесил в руке.

Наблюдатель возник в двери. Постоял и пошёл к Яру. В пасмурном свете полукруглых окон Яр с трудом различал его неподвижное лицо.

— Убирайся, — злым шёпотом приказал Яр Чите.

Чита метнул в Наблюдателя катушку. Она с жестяным звоном ударилась о твёрдый лоб манекена и отлетела. Наблюдатель опять остановился, будто раздумывая. И вновь зашагал.

Чита подобрал с пола и швырнул в него несколько свечей.

"Глупо как... — подумал Яр. — Глупый конец". Он не боялся, но было обидно. Сдохнуть, как мышонку, в лапах глиняного кота.

"Ничего не успел, — подумал Яр. — Ничего не узнал, никому не помог... Даже не знаю, кто мой враг. Всё зря..."

Сейчас этот гад подойдёт, сдавит клешнями... Лишь бы не видел Чита... Надо отвлечь Наблюда-

теля и выкинуть Читу за дверь…

Чита шарил по карманам. Выхватил связку ключей, швырнул в манекена. Потом в руке у него оказалось что-то круглое. Яблоко? Мячик.

Наблюдатель стоял на фоне окна. Чита сильно взмахнул рукой.

Яр решил, что Чита промахнулся. Мячик ударился в оконный переплёт, отпрыгнул на середину комнаты и покатился к ногам Яра.

Чита рассмеялся — коротко и зло. Наблюдатель стоял в прежней позе. Но в груди у него была ровная круглая дыра. Чита попал. И резиновый мячик с тремя белыми полосками, как на матросском воротнике, без задержки прошёл сквозь тело несокрушимого врага.

Наблюдатель покачнулся и упал с кирпичным стуком. У него отскочила и откатилась голова.

— Вот так, — устало сказал Чита.

Он поднял мячик, и они с Яром отошли к окну. Яр не испытывал ни удивления, ни радости. Только усталость.

Чита погладил мячик, словно котёнка.

— Вот какой ты. Недаром из пятой лунки…

Яр, глядя на отбитую голову Наблюдателя, медленно сказал:

— Старый знакомый… Откуда же он про нас

узнал?

— Значит, они шпионят за нами, — отозвался Чита.

— Но зачем?

— Вот и я думаю: зачем? Они же говорили, что если нас четверо, мы им не страшны… Ведь говорили, Яр?

— Да… Только не верю я во всю эту числовую дребедень… Четверо, пятеро… Учи как следует историю, узнаешь тогда, что для войны с угнетателями нужим миллионы…

— У нас в школах давно не учат историю, — вздохнул Чита. — И в цифру пять я тоже не очень верю… Яр, но о н и верят и боятся её. И сейчас они чего-то боялись… Яр, зачем бы они боялись, если Игнатика нет?

Яр промолчал. Он думал о том же, что и Чита. И думать об этом боялся. И хотел думать. И не смел. И надежда вырастала несмотря ни на что…

"Игнатик…" — успел сказать он в микрофон. И если это слово пробилось? Если его услышал… тот, кто должен был услышать?

— Завтра пойдём к дереву, — сказал Чита. И старательно затолкал мячик в брючный карман. Потом воскликнул: — Ой, смотри, Яр, здесь книга!

На мраморном подоконнике, рядом с оплывшим свечным огарком валялся вверх переплётом раскрытый томик.

— Такая же, как та, — удивлённо и ласково сказал Чита. — "Зверобой". Кто-то из дежурных читал и оставил… Яр, а я тогда её не дочитал, всего десять страниц осталось. Её там засыпало, в крепости…

Он лихо насадил на переносицу очки, схватил книгу, залистал, нагнулся над подоконником.

— Забирай книгу и пошли отсюда, — сказал Яр.

— Сейчас… Как же я могу забрать? Она не моя. Вдруг за ней придут? — Чита поставил на подоконник локти и навис над книгой.

Ну что за парень, чёрт побери! У Яра возникло желание вытянуть его по тощему оттопыренному заду.

— Ну-ка пошли! А то явятся сюда его дружки, — Яр кивнул на останки Наблюдателя. — Думаешь, всех мячиком закидаем?

— Не явятся, — уверенно заявил Чита. — Понимают, что себе дороже.

У Яра не было сил ни спорить, ни возмущаться. Он только сказал с досадой:

— Надо же, как тебе приспичило читать… Между прочим, мы за хлебом опоздаем. Данка нам

покажет…

Чита отозвался, не оборачиваясь:

— Всё равно опоздали… Зайдём к Алькиной маме, у неё попросим.

— Вот и надо идти. Она волнуется: где Алька?..

— Надо переждать буран. Смотри, как несёт. Нас снегом заплюёт. Подождём…

— Конца бурана?

— Ну… вообще.

Яр тихо плюнул и отошёл к стене. Упёрся ладонями. Стена была очень холодная. Мысли тоже были холодные. Даже чудо с мячиком не принесло радости. Хорошо, что есть мячик, но как же этого мало! И надо думать не о чуде, а о простых вещах. О том, как жить. О работе, например. Не сидеть же на шее у Данки. Да мало ли впереди забот.

Если бы рядом был Игнатик, заботы эти оказались бы нестрашными, весёлыми, согретыми радостью. Но пришло воспоминание о тёмном кладбище над обрывом, о надписи на отёсанном столбике и снова погасило надежду.

Чите хорошо, он спокоен, он прочно надеется. Он даже снежинок попросил разыскать Игнатика. Яр представил, как снежинки кружат у столбика над могилой.

"Мальчик мой..." Яр прижался к стене горячим лбом. К ледяной стене. Нельзя даже всхлипнуть. Надо держаться. Ребята позвали — он пришёл. Раз пришёл, надо быть до конца...

— Яр... — сказал Чита.

— Что?

— Яр, ты успокойся...

— Я спокоен, — хрипло соврал Яр и переглотнул. — А ты... перестань читать. Совсем глаза испортишь... ночь на дворе...

— Не испорчу, — странно, очень ровно сказал Чита.

Яр обернулся. Чита по-прежнему стоял, согнувшись над подоконником. У него золотились завитки волос и край щеки.

— Что... Что там?! — крикнул Яр.

— Ничего такого... Свечка зажглась.

ПРАЗДНИК ЛЕТА В СТАРОГОРСКЕ
Первая часть
ДЕНЬ ЗНАКОМСТВ
Я БЕГУ, Я ТОРОПЛЮСЬ…

Опять я опаздывал. И всё из-за неё, из-за тёти Вики.

— Никуда не пойдёшь, пока не доешь морковку! Я эту тёртую морковку со сметаной ненавижу каждым кончиком нервов. У меня от неё судороги в горле. Но тетя Вика знает одно: ребёнку нужны витамины.

— Да не могу-у я-а-а…

— Не капризничай. Ты что обещал маме, когда она уезжала?

Что я обещал! Слушаться тётю Вику и бабушку. Но это же не значит, что можно издеваться над человеком!

— У меня не глотается!

— Ты дольше споришь. Давно бы уже доел и гулял.

Я остановил дыхание, зажмурился и сглотал морковь тремя судорожными рывками. И метнулся из-за стола. Следом крик:

— Геля, постой! Куда ты побежал! Не смей купаться у моста, там глубоко! Почему у тебя сандалии на босую ногу, это неприлично! Надень носочки! Во сколько ты вернёшься? Гелий, остановись!

Но я только добавил скорости. Потом скажу, что на бегу этих возгласов не слышал…

Я знал: сейчас тётя Вика высунется в окно, чтобы криком остановить меня у калитки. Поэтому с крыльца кинулся к забору. Там сложены дрова для старого нашего камина и стоит будка Дуплекса. Я на будку, на поленницу, на кромку забора, а оттуда — у-ух! — вниз, в лопухи Коленчатого переулка.

Тётушка поторчит в окне, пожмёт плечами и по трескучей от старости лестнице поднимется в бабушкину комнату.

— У меня опускаются руки. Вера Матвеевна. Это не мальчик, а сплошная аномалия. Как хотите, но я уверена, что от слов пора переходить к решительным мерам.

— Я с вами совершенно согласна, Виктория Георгиевна. Игорь ни о чём не думает, кроме этой своей скважины, и совершенно забывает о сыне. А мать потакает Гелию во всём.

Потом они сдержанно вздохнут, закурят

длинные сигареты "Леда", от которых воняет жидкостью для ванных комнат, и будут долго разговаривать о моём воспитании… Они в чём-то, очень похожи друг на друга — моя бабушка (папина мама) и тётушка (папина двоюродная сестра). Обе ужасно воспитанные, даже друг друга называют по имени и отчеству, будто не родственники, а дамы в гостях. Только бабушка старая, а тётя Вика… ну, ещё не очень. Даже замужем не была…

Обо всём этом я думал машинально, а ноги работали на полную скорость. На бегу я вскинул к носу руку с часами. Часики были старые, ещё папа носил их, когда был студентом. Бледные электронные цифры еле мерцали на чёрном экранчике. Но я разглядел, что до девяти осталось шесть минут.

Я кинулся вниз по Старогорскому переулку, по булыжникам, которыми была вымощена дорога ещё в давние докосмические времена. Но тут же пришлось затормозить: навстречу, занимая всю ширину переулка, полз автобус. Он был похож на оклеенный рекламами дирижабль. В таких приезжают экскурсанты осматривать монастырь и другие древности. Я нырнул в щель между монастырской стеной и забором, над которым

висели крупные, почти созревшие яблоки.

Придётся шпарить через сад. Если увидят хозяева и накапают тётушке, будет ещё один разговор о моём поведении. Но это — вечером. А Юрка-то ждёт уже сейчас.

Я пустился вдоль забора к знакомой лазейке… А, ч-чёрт! Дыру закрывали новые жёлтые доски.

Теперь оставалось одно: по спуску до болотистой речки Пестрянки. Через неё переброшены жерди. Хорошо, если мальчишки с Библиотечной улицы не дёрнули их на свой берег. Когда у них игра в индейцев, они убирают переправу…

Ура, переправа на месте! Я влетел на тонкие жерди со всего хода, без всякого страха — лишь бы скорее! — а они, подлые, запружинили под ногами, запрыгали и разъехались. Хорошо, что уже у того берега.

Ноги ушли по щиколотку в ил и по колено в воду. Но я рванулся и через осоку выбрался на сухое место.

И снова вперёд! Начался подъём. По склону холма вилась тропинка, но я кинулся напрямик — через траву-лебеду и "бабкины бусы". Это такое растение, вроде бурьяна. К середине лета оно подсыхает, и на верхушках появляются семена, похожие на сморщенные чёрные бусины. Очень

твёрдые. Когда бежишь в зарослях "бабкиных бус", кажется, что по ногам стреляют сушёными ягодами. Будто сто человек спрятались в кустах и лупят по тебе из стеклянных трубок. Это, конечно, если быстро бежишь.

Я так и бежал сперва. Сандалии разбухли и стали скользкие внутри, но я мчался вверх, будто вниз. Однако скоро закололо в боку. Воздух стал пролетать мимо рта — не вдохнёшь. Я перешёл на шаг. Выбрался на тропинку. И по ней уже добрался до плоской макушки холма.

Здесь я остановился, чтобы чуточку передохнуть. Но и… по правде говоря, не только для этого. Когда я оказываюсь на этом холме, то всегда на минутку останавливаюсь. Даже если очень тороплюсь. Потому что мне нравится смотреть на город.

Он совсем небольшой, наш городок. Ну и что? Я за это его и люблю. Нисколечко не хотел бы жить в столицах или в Поясе городов. Это тётушка Вика постоянно стонет: "Ах, как там чудесно! Ах, гостиные со встроенными стереовизорами! Ах, кухни с окном линии заказов! Ах, монорельсовое сообщение…"

Зато ни у кого там нет камина с настоящим огнём. И таких откосов над рекой там нет, и пу-

стырей, где можно играть, как в диких джунглях, и разводить костры. И нет в этих громадных городах никаких загадок и тайн, только причёсанные парки да стеклянные домища. А у нас один монастырь чего стоит! Сейчас там музей. а раньше, говорят, жили монахи. Специальные такие люди, чтобы молиться богу. Но они этим занимались в мирное время, а если кто-нибудь нападал, монастырь превращался в крепость и монахи сражались, как обыкновенные солдаты. Для этого у них было много всякого оружия, а под стенами подземные ходы, чтобы делать вылазки на врагов.

Мы лазили по дальним закоулкам монастыря и видели остатки этих засыпанных ходов. А в прошлом году мальчишки из нашего класса откопали у стены старинную пушку с непонятными буквами и узорами на стволе.

Вот так… А монорельсовая дорога нам тоже ни к чему. Город можно от края до края пробежать за пол-часа. Вот он, почти весь виден отсюда. Со старинными колокольнями, со сверкающими зеркалами энергокомплекса, с разноцветными крышами, с зелёными тучами садов. С белыми куполами обсерватории, где когда-то работал мой дедушка. Высокие дома Западного микрорайона

сверкают на солнце, как ледяной барьер Антарктиды. Между прочим, дома эти ничуть не хуже, чем в Поясе…

А большая река — то серебряная, то тёмно-синяя — плавно огибает холмы, на которых лежит город. Говорят, миллионы лет назад холмы были настоящими горами, но потом осели, состарились. Может, из-за этого нашему городку и дали такое имя — Старогорск. Раньше он назывался ещё понятнее — Старые Горы. У станции и сейчас такое название.

Вот она, станция, близко. Двухэтажный жёлтый домик, башенка с часами, красно-синий поезд у перрона. А дальше пустые запасные пути, и на самом дальнем — наш с Юркой вагон…

Ой, а ведь Юрка-то ждёт!

Я кинулся вниз по склону — опять сквозь стреляющие "бабкины бусы". И тут вдруг: "Пи-и-и, пи-и-и, пик!" Два длинных сигнала и короткий! Это из репродуктора на станционной башне.

Что? Ровно девять?

Я ошарашенно глянул на часики. Там — 08.57.

Вот какая же я балда! За неделю не собрался положить часы на солнце, подзарядить. Конечно, теперь отстают…

Юрка презрительно дрогнет щекой и скажет:

"Ну что, Копейкин, не можешь без э т о г о..."

— Эй, Копейкин! Ну-ка подойди!

Я завертел головой: откуда этот жестяной голос?

Позади, на голой макушке холма — решетчатая вышка ретранслятора. Слева уходят вниз окраинные заросли городского парка. Справа — заросший могучим репейником пустырь. На нём заброшенные сарайчики. Такие приземистые, что над репейником видны только прогнившие крыши.

— Копейкин! Тебе говорю!

На ближнем сарайчике лежал Ерёма. Он распахнул на животе мятые железные створки, выдвинул из себя и раскинул веером блестящие элементы солнечной батареи. Заряжался. А квадратную башку повернул ко мне и смотрел зелёными, как у кошки, глазами.

— Чего? — боязливо спросил я.

— Ну, подойди. Разговор есть...

Ерёма был беглый и беспризорный. Лет пять назад он удрал с городской выставки юных техников.

Говорят, его сделали в каком-то кружке электроники из всяких отходов. Запихали в голову несколько старых калькуляторов, а промежутки

между ними забили микроячейками памяти от списанной диспетчерской машины "Кристалл-М". Сбежал Ерёма не сразу. Сперва он вёл себя как обычный послушный экспонат: здоровался, решал первоклассникам задачки и раздавал посетителям открытки. Но однажды вечером, когда посетители разошлись и Ерёма смирно сидел в уголке, уборщица уронила ему на голову тяжёлый таз. В Ерёме включилась какая-то музыка, потом он заскрипел, примолк и вдруг сказал уборщице слова, какие порядочный робот не только говорить, но и знать не должен.

Уборщица пожаловалась директору выставки. Тот пригрозил Ерёме, что в наказание отключит его от сети. Ерёма сказал, что больше не будет. А ночью он вмонтировал в себя аккумуляторы и солнечные элементы, выпилил дверной замок и ушёл. И начал вольную жизнь.

В Старогорске Ерёма сразу прославился как хулиган. Он ходил с самодельной жестяной гитарой и хрипло пел пиратские песни из фильма "Галеон идёт из Картахены". За Ерёмой толпой ходили ребята. По их просьбе он танцевал и пускал из ушей маленькие молнии. Но это не самое главное. Сторожа в парке заметили, что по ночам Ерёма разбивает гипсовые статуи. Всяких

там физкультурников, купальщиц и стариков с золотыми рыбками. Тут уж Ерёмой занялась милиция. Хотели его размонтировать. Ерёма не дался. Сказал, что не имеют права: он живое мыслящее существо. Ему объяснили, что мыслящие существа так себя не ведут. Ерёма опять пообещал, что больше не будет.

После этого он исчез на год или два. Одни говорили, что он уехал в Нейск и работает экскурсоводом в Техническом музее. Другие, что он тайно живёт в подвале городской библиотеки и по ночам глотает книжную премудрость.

Когда Ерёма снова появился на улицах Старогорска, он вёл себя не так нахально. Но родители и бабушки всё равно запрещали ребятам с ним водиться. Мальчишек, если они грубили и не слушались, называли "ерёмами".

Ерёма не бездельничал. Зимой вместе с дворниками (живыми и автоматическими) он убирал с улиц снег, а летом сидел у входа в парк и чистил всем желающим обувь. Дворникам он помогал бесплатно, а за чистку башмаков требовал мелкие деньги. На эти деньги он покупал всякие радиодетали. Для своих внутренностей. А ещё он покупал табак.

Да, представьте себе, Ерёма курил! Он объяснял,

что этим способом прогревает себе нюхательный аппарат. Иначе говоря, блок обоняния.

Мальчишкам, которые с ним знакомились несмотря на запреты, Ерёма дарил механических мышей (чтобы дразнить кошек) и электронные пищалки. Отливал из олова маленьких рыцарей и пистолетики. Но к себе домой Ерёма никого не приглашал. Говорили, что живёт он за городом, на большой железной свалке.

Я с Ерёмой не был знаком. Наверно, потому, что я не очень решительный. Другие подбегут: "Ерёма, привет! Ерёма, как дела? Ерёма, сделай мыш***а***!" А я только издалека поглядывал.

Но Ерёма-то, оказывается, меня знал!

Я неуверенно подошёл. Ерёма втянул в брюхо солнечную батарею, захлопнул дверцы и запер их на проволочный крючок. Потом сел. Свесил с крыши ноги. Ноги были из железных толстых трубок, с резиновыми гармошками на коленях. На одной ноге старый валенок, на другой большущая футбольная бутса. Руки — тоже из трубок с гармошками на сгибах, а ладони и пальцы — из чёрной пластмассы. Туловище похоже на шкаф из некрашеной жести, а голова — угловатая, как почтовый ящик. Рот широченный, губы из пористой резины. Раздвигал их Ерёма, только чтобы

сунуть мундштук, а говорил он через динамик на груди.

Нос Ерёме сделали из оранжевого мячика с двумя дырками-ноздрями. А точнее — из баллончика детской клизмы, засунутого острым концом внутрь головы. Глазами служили зелёные индикаторы от старинных ламповых приёмников.

Этими индикаторами Ерёма и смотрел на меня. Не поймёшь, как смотрел: то ли по-хорошему, то ли с насмешкой.

— Да ты не бойся, — сказал он с хрипотцой.

— Я и не боюсь, — хмуро сказал я. — Просто удивился: откуда ты меня знаешь?

— Я всех знаю, — ответил Ерёма с горделивой ноткой. — Память-то электронная. — Он похлопал себя по гулкой голове.

— Электронная, а не знаешь, как меня зовут, — сердито отозвался я.

— Ко… пейкин…

— Сам ты Копейкин! Меня зовут Гелька!.. То есть Гелий. Потому что мой дедушка был астроном, он солнце изучал!

Ерёма, видать, смутился. Сморщил резиновый нос, хрюкнул им.

— Я думал, Копейкин — это фамилия…

— А фамилия — Травушкин.

Ерёма нерешительно покачал ногой в бутсе.

— А почему тогда "Копейкин"?

— Потому что дураки придумали, — буркнул я.

Три года назад в летнем лагере была игра "Взятие крепости", и нас, маленьких, старшие ребята записали в разведчики. И всё так хорошо было сначала, я к самой крепости подобрался, но там вдруг меня схватили и вытащили из травы. И хохочут: "Мы ещё издалека видели, как ты ползёшь. Голова-то блестит на солнце, как новая копейка!"

С тех пор и приклеилось: Копейкин да Копейкин.

У меня и правда волосы такие, с медным отливом. Вернее, с латунным. Особенно когда постригусь ёжиком.

Но при чем тут Копейкин! Такое дурацкое прозвище, будто дело не в волосах, а в том, что цена мне одна копейка…

Ерёма прыгнул с крыши в репейник, с треском шагнул ко мне сквозь стебли. Он был с меня ростом, но гораздо шире.

— Ладно, Ко… Травушкин. — Он виновато помигал индикаторами. — Дураки, они… ты на них тьфу. У меня дело к тебе.

— Что за дело? — важно спросил я и обрадо-

вался: теперь у моего опоздания уважительная причина. Скажу Юрке: Ерёму встретил, о делах говорили.

— У тебя случайно нет старого лампового приёмника, — спросил Ерёма и переступил валенком и бутсой. — Тут у меня в потрохах одна лампа сгорела. Теперь оглох на левое ухо и в затылке ломит. Пакостно так…

— Разве ты не на транзисторах? — удивился я.

— Во мне всего хватает. Собирали-то, можно сказать, из утиля. Я в себе кое-что заменяю потихоньку, а для этой лампы никак не отыщу транзисторного эквивалента. Замаялся… Может, найдётся приёмник?

— Ты заранее знал, что найдётся, или наугад? — спросил я.

— Есть?! — обрадовался Ерёма. — Я не знал. Я логически. Думаю, у Ко… у Травушкина дом старинный, на чердаке, наверно, всякого барахла хватает.

Дом у нас правда старый, ещё при дедушкиных родителях построен. Маленький, но двухэтажный, с четырёхскатной крышей, под которой просторный чердак. С высокими берёзами у окошка моей комнаты. Я его люблю, наш дом…

— Так и быть, — вздохнул я. — Поищу тебе

приёмник.

— Милый, — проскрипел Ерёма и часто замигал зелёными глазками. — Я тебя до самой переплавки не забуду…

— Да ладно, — смутился я. — Только ты ко мне за ним не ходи. Понимаешь, тётка у меня… Я сам принесу тебе.

— Вот спасибо! Ты сегодня, как выберешь времечко, принеси в свой вагон, а я вечером приковыляю, заберу.

"И про вагон знает!" — подумал я и даже испугался.

Но Ерёма успокоил:

— Я про что знаю, про то молчу, ты не сомневайся. Во мне, как в сейфе… Значит, что? До вечера?

— Ага. Я побежал. Пока!

— Пока, Ко… ой, Травушкин. Это у меня из-за той лампы сбой в контактах…

ОРДЕН АЛОГО ШИПОВНИКА

Станция Старые Горы совсем заглохшая. Грузовые составы по нашей линии почти не ходят, потому что больших строек поблизости нет. Товары возят фургонами. Пассажирские поезда проскакивают два раза в сутки: утром и в три

часа дня. Да и то почти пустые. Людям больше нравятся рейсовые электробусы или речные экспрессы на воздушных подушках. А на станции тихо. Только воробьи галдят в траве среди нагретых рельсов.

Через рельсы можно бежать без опаски. Разве что дежурный закричит или начальник станции.

...Старенький товарный вагон стоял в тупике за станционной водокачкой. Лебеда и "бабкины бусы" скребли макушками по ржавым колёсам. Это был наш с Юркой вагон. Мы первые догадались, что он не нужен никому, кроме нас.

Здесь мы хранили наше оружие для мушкетёрских игр, фонарики, запас сухарей (на всякий случай), надутые автомобильные камеры, чтобы плавать на них, и всякое другое имущество. И, конечно, удочки. Зачем их таскать домой, если от вагона до реки ближе, чем от дома?

Но сегодня мы собрались не на реку, а на старый затопленный карьер. Юрка узнал от кого-то, что прошлой весной лаборанты из Института рыбоводства выпустили в карьер мальков.

— Просто так, ненужных, — говорил он. — А теперь они вымахали вот в таких карпов. Особая порода.

В рассказы про "вот таких" карпов я не верил, карьер был у чёрта на рогах, тащиться туда мне вовсе не хотелось. Но Юрка и не спрашивал, хочу я или нет, сказал, что пойдём, и точка. Ещё он объяснил, что рыбачить надо, пока на воде лежит тень от обрыва. К полудню она уйдёт, поэтому надо прийти на карьер пораньше. Договорились встретиться у вагона в девять. Теперь я безнадёжно опаздывал. Конечно, у меня уважительная причина, но всё-таки...

А если разобраться, почему я боюсь? Сам не знаю. Эта привычка осталась у меня ещё с той поры, когда Юрка "делал из меня человека".

...С Юркой мы познакомились в прошлом году. В нехороший для меня час. Тогда меня выставили из игры в "три мяча".

Сперва-то всё было хорошо. В нашей команде все хотели быть на перекидке, никто не желал защищать зону, и капитан Вовка Елизаров сказал:

— Что делать? Давай, Копейкин, становись...

На радостях я даже простил ему "Копейкина". Натянул перчатки и приготовился отбивать "выстрелы".

Ну что, не так уж я плохо стоял сначала. И отбивал, и ловил, и прыгал, и падал. Все локти и колени поотшибал. А то, что пропустил два мяча,

так это хоть с кем бывает…

Но потом в переулке появился Юрка. Я тогда ещё не знал, что он Юрка. Незнакомый парнишка, на вид — класса из пятого. В каком-то обвисшем свитере, в мешковатых штанах до пяток, в мятом беретике с хвостиком. Наши противники сразу поставили его в центр нападающей тройки. Видимо, уже знали. Вот этот нападающий и вляпал мне три очка подряд. Буквально за одну минуту.

Первый раз мяч свистнул у земли рядом с дырявым ведром, которое заменяло нам границу зоны. Я и шевельнуться не успел. Та команда радостно завопила, а наши молча смотрели, как я ищу мяч в чертополохе у дальнего забора.

Только я выкинул этот мяч из сектора, как — бэмс! — второй ударил! Издалека и поверху, по самым кончикам пальцев.

Я разве виноват, что не допрыгнул?

Третий мяч я поймал. Но какой толк? Он самый большой из трёх — тугой и тяжёлый, как ядро. Вместе с ним я птичкой влетел в зону…

Вовка Елизаров сказал мне даже не сердито, а так просто:

— Эх, Копейкин ты Копейкин. Не защитник, а дырка. Иди отдохни.

Я сел у палисаднка на лавку. Дышу сквозь зубы,

чтобы не зареветь, Вовку Елизарова ругаю шёпотом: сам бы постоял, когда в тебя так лупят… Ну и на себя злюсь, потому что до четвёртого класса доучился, а всё какой-то беспомощный…

Тут команды сделали перерыв. Счёт пять-два не в нашу пользу. Ребята кто на траву повалился, кто к колонке побежал. На меня и не глядят. Тот, который мне три очка вкатал, тоже прошёл мимо. Потом остановился в двух шагах, снял беретку, отряхнул ею штаны, оглянулся, хмыкнул и говорит мне:

— Когда на защите стоишь, нечего зевать и чесаться…

— Тебе-то какое дело!

А он спокойно так отвечает, даже угрюмо:

— Никакого мне дела… Смотри, локоть содрал. Иди домой, перевяжи…

Что ему надо? Может, виноватым себя чувствует, что из-за него я так треснулся?

— Засохнет без перевязки… Дома всё равно никого нет.

Это я соврал. Тетя Вика и бабушка были дома, но я с утра с ними рассорился.

Он спрашивает:

— Куда все девались? Как это мама оставила птенчика?

— Сам ты птенчик… Она к отцу уехала… — Тут у меня в горле ещё сильнее заскребло.

— А отец… он где?

— В экспедиции, на скважине в Ярксоне. Тебе-то что?

Мальчишка поддёрнул штаны, взял меня за плечо и повёл к колонке. Я не сопротивлялся. Злился на него, но шёл.

Он промыл мне ссадину на локте, вздохнул почему-то, хлопнул меня мокрой ладонью по шее и пообещал:

— Ничего, жив останешься.

— Да уж как-нибудь… Ладно, спасибо.

— Не за что… Ты где живёшь, существо?

Я опять ощетинился:

— Тебе это зачем?

— Провожу, чтобы не упал от потери крови.

Я отвернулся от него и домой пошёл. Он — рядом. И тут, как назло, навстречу тётя Вика.

— Геля! Что за вид! Немедленно домой! Вот я напишу маме…

Глянула сердито на моего попутчика и зашагала впереди, деревянная такая. А он вздохнул и говорит:

— Несчастное ты создание… Сделать, что ли, из тебя человека?

— А я кто, по-твоему?

Он будто не услышал. Подумал и решил:

— Ладно. Завтра и начнём.

И Юрка начал. В шесть утра он явился под моё окно, стукнул в стекло и показал: выходи. Я вышел. Иначе бабушка и тётя Вика проснутся, начнётся допрос: что, да куда, да зачем? Юрка увёл меня на стадиончик за школой, поставил в ворота и давай обучать вратарскому искусству. Своим способом. Мяч, как бомба: бах, бах!

— Не увёртывайся, Копейкин…

— Сам Копейкин! У меня имя есть!

— Научишься мячи ловить, будет тебе имя.

И так повелось каждое утро. Вытащит меня из постели чуть ли не на рассвете и давай дрессировать. То в футбольных воротах обстреливает, а то заставляет на деревянных мечах драться, будто хочет из меня древнеримского гладиатора сделать. То драные боксёрские перчатки принесёт — тогда уж совсем худо. А если увидит, что я испугался, командует:

— Пузом на землю и пятнадцать отжиманий!

Не знаю, почему я ему подчинялся. Насмешек боялся, что ли? Он умел так посмотреть: щекой шевельнёт, усмехнётся и глядит сквозь упавшие волосы, как на прилипшего к смоле кузнечика.

Будто думает: ах ты, букашка бедная, что с тобой делать? Глаза жёлто-серые, ехидные, а волосы тёмные, нестриженые, всё время лезут на брови из-под клоунского беретика.

Но нет, не только в насмешке дело. Если утром Юрка не приходил, я почему-то не радовался, а начинал вертеться от беспокойства: забыл он про меня, что ли?

Случилось как-то, что он не пришёл три утра подряд, и я совсем извёлся. Наконец отыскал его дом. Юрка лежал в постели — несчастный и сердитый. Меня впустила к нему пожилая женщина с рыжими волосами и добрым лицом. Сказала:

— Надо же ухитриться среди лета ангину схватить. Небось купаетесь до посинения… Ох, горе, горе. Ты, мальчик, посиди с ним, а я в аптеку схожу…

— Не надо мне лекарства, — буркнул Юрка.

— Как это не надо? Мать приедет, я ей что скажу?

— Приедет она, жди… — сказал Юрка, глядя в потолок.

— Это кто? — неловко спросил я, когда женщина вышла.

— Да, пожалуй, что никто… Вроде тётки. Мы с тобой одинаково живём: у тётушек.

— А… твоя мама где?

— В Нейске, — сумрачно сказал Юрка. — Личную жизнь устраивает.

Я молчал — смущённо и вопросительно.

— Вышла замуж за одного редактора, — усмехнулся Юрка. — За знаменитого. Передачи "Вести с орбит" смотришь? Его работа… Мамаша ко мне всё с вопросами да с намёками: "Не хочешь ли, Юрик, в интернат?" В интернате, мол, все условия, товарищей много, секции, кружки, эстетическое воспитание… В гробу я видел этот интернат.

— А отец где? — нерешительно выдавил я.

— Понятия не имею. У меня его никогда не было, — откликнулся Юрка почти весело.

— Так не бывает…

— Значит, бывает, — усмехнулся он. — А тот мужик, редактор-то, он ничего. Только я им там зачем? Вот и слинял сюда. Между прочим, это он устроил. Тётушка-то — его сестра…

Юрка вылечился через день. И пошла у нас прежняя жизнь. Иногда хорошая, интересная, а порой такая, что я его ненавидел.

Один раз я не выдержал.

Мы вдвоем купались в бухточке за старой пристанью. Юрка нырял с кормы полузатопленного лихтера и требовал, чтобы я тоже. Но до воды

было метра три, с такой высоты я ещё никогда не прыгал. Я топтался на горячей ржавой палубе и набирался решимости. Набрался бы и прыгнул. Может, не ласточкой, а солдатиком, но прыгнул бы. Только Юрка не дал мне собраться. Подошёл да как отвесит пинка! Я и полетел. Пузом об воду! Забарахтался, захлебнулся, потому что рот не успел закрыть…

По-моему, я чуть-чуть не потонул. А он стоял на корме и смеялся, глядя, как я погибаю. И я не погиб. Видимо, потому, что разозлился до ярости. Я выбрался на берег, потом на лихтер. Юрка что-то говорил с ухмылкой, но я не слышал, у меня в ушах была вода. Слышал только, как гудел пустой лихтер, когда я шёл к Юрке по наклонной палубе. Подошёл и врезал кулаком по ухмыляющейся роже.

Он прижал к лицу ладони. Из-под них потекли по рукам красные струйки, и кровь стала падать с локтей на палубу.

И я вдруг увидел, что Юрка никакой не герой и не силач. Что он только чуточку побольше меня. И такой же ребристый, тонконогий и тонкорукий. Наверно, поэтому он и таскает на себе в любую жару похожий на мешок свитер и старомодные клёши. Специально, чтобы казаться взрослее и

здоровее…

Но он оторвал от лица руки и глянул на меня жёлто-серыми прищуренными глазами. И стало ясно, что это прежний Юрка. И что сейчас он раскатает меня по палубе в тонкий блин.

Он не раскатал. Сказал пренебрежительно:

— Даже стукнуть не можешь как следует. Если бьёшь, бей по зубам. А из носа краску пустить любой младенец может.

Я сразу же опять его возненавидел. И сказал:

— Я тебя убью.

— Ну и дурак, — ответил он и вытер под носом кровь тыльной стороной ладони. — Кто тебя тогда человеком сделает? Даже нырнуть не можешь толком. Смотри, как надо…

И всё пошло, как раньше. Ничего не изменилось.

Изменилось потом, осенью.

Хорошая была осень, будто второе лето. Снова зацвели сирень и шиповник. И по-летнему летали бабочки над зарослями, где мы играли в мушкетёров и гвардейцев. Мы с Юркой и ещё трое мальчишек были гвардейцы. На рубашках, на майках, на Юркином свитере были нашиты белые кресты. А у мушкетёров — голубые. В старину кресты нашивались на форму, чтобы спасти

солдат от пуль и клинков. Но кресты ни от чего не спасали, в этом я убедился. Когда я лежал в кустах у монастырской стены, в засаде, мне на спину, повыше выреза майки, сел тяжёлый шмель.

Я не могу сказать, как я их боюсь, этих шмелей всяких, пчёл и ос. Наверно, у меня в нервах какой-то заскок. Если такая жужжащая тварь летает рядом, я обмираю. А если сядет…

Я вскочил и заорал. То есть… я понял, что сейчас это сделаю. Но на крошечный миг задержался. Потому что в засаде всё же. А в следующую секунду Юрка сказал стальным шёпотом:

— Лежи.

Он сидел надо мной метрах в двух, на кирпичном выступе за чащей сиреневых веток. Своим шёпотом он пришил меня к земле, как шпагой.

И он был прав: нельзя выдавать себя. Где-то рядом носятся на конях-велосипедах мушкетёры.

Но я же не могу! Мамочка… Шмель ходит по мне мохнатыми щекочущими лапами. Он сейчас под майку заползёт!

— Ле-жи. Молчи.

Ой… Гад ты, Юрка! Ты же знаешь, как я их не терплю! Ну, дотянись ты, паразит, своей шпагой, прогони!

Он сжалился. Деревянный клинок чиркнул

меня по спине. Шмель взлетел, и я понял, что такое настоящее счастье.

Но счастье длилось несколько секунд. Я понравился шмелю. Он сделал новый заход и мохнатой градиной упал мне на ногу.

Ой! Ой, ой, ой, ой…

— Лежи, — долетел сверху зловещий приказ.

А мохнатый злодей шёл по ноге. Время от времени он останавливался и, кажется, потирал одну о другую задние лапки. И, видимо, прикидывал, как удобнее воткнуть жало.

Не надо… Юрка, скотина, ну что ты там?! Но Юрка замер — противник близко. Что делать-то? Сильно дёргать ногой нельзя: разведка мушкетёров заметит. А несильно — тогда шмель ужалит!

— Ле-жи. Не двигайся…

Но я сейчас помру. Или ещё что-нибудь хуже… Спасите…

Меня спасли мушкетёры. Они вынеслись прямо к нашей засаде, и я с радостным воем ринулся в бой.

Уж как я махал шпагой! Мушкетёры отлетали, будто мячики. А когда бой кончился, Юрка сорвал с куста шиповника большой цветок. Концом шпаги проковырял дырку на моей майке и воткнул в неё стебелёк цветка. Сказал совсем серьёзно:

— За храбрость и железную выдержку Гелий Травушкин награждается орденом Алого Шиповника.

— Ничего себе "выдержка", — проворчал Витька Соломеин, потирая локоть. — Машется, как бешеная мельница.

— Я не про это, — сказал Юрка.

..."Орден" я спрятал в карман, а дома расправил лепестки и положил цветок в свой "Журнал наблюдений".

А Юрка с того дня стал относиться ко мне иначе. Конечно, всё равно командовал и покрикивал, но уже не воспитывал специально. Ребята Юрку уважали, поэтому и на меня перестали смотреть как на полного размазню и неудачника. Иногда ещё называли Копейкиным, но это по привычке.

В школе Юрка учился на класс старше меня, но после уроков мы всегда играли вместе. И осенью, и зимой, и весной. Маме Юрка нравился, только она почему-то вздыхала, глядя на него. А тётя Вика поднимала брови и поджимала губы, когда Юрка приходил к нам во двор и гладил Дуплекса, поджидая меня. В дом он заходил редко, потому что тётю Вику тоже не жаловал. Впрочем, держался он с ней очень вежливо.

Тетя Вика говорила:

— Странный мальчик. Что-то в нём есть, но этот ужасный вид… В прежние времена таких детей называли беспризорниками. Имей в виду, Геля, раз ты с ним дружишь, значит, должен на него положительно влиять.

Но как я мог влиять на Юрку?

БРОДЯГА

Я с разбега нырнул под вагон и на коленях выбрался с другой стороны, там, где вход. Юрка сидел на штабеле старых полусгнивших шпал (сейчас такие, деревянные, уже не делают).

— Привет, — сказал я и встал с четверенек. — Ну чего ты?.. Я знаешь как бежал!

— Вижу, — усмехнулся он.

Конечно, он всегда всё видит… И сам я увидел себя как бы Юркиными глазами — от растрёпанной рыжей макушки до заляпанных илом сандалий. Ноги в грязи и царапинах от осоки, шорты скособочились — одна штанина задралась, другая съехала до колена, полосатая майка вылезла из-под ремешка, висит спереди, как фартук. Хорошая майка, почти настоящая тельняшка, а храброго вида всё равно не придаёт, это уж я знаю точно. И топчусь вот тут перед Юркой, будто

опоздавший первоклассник перед завучем.

Дурацкая привычка всегда чувствовать себя виноватым!

Я кулаком запихнул майку в штаны и сердито сказал:

— А чего?.. Я не просто так опоздал! Там Ерёма на горке…

Юрка выслушал рассказ про Ерёму без удивления, даже рассеянно. Будто думал о своём. Может, о том, что не начать ли снова делать меня человеком? Ну уж фиг тебе, Юрочка…

Он вздохнул, поцарапал под беретиком затылок и глянул на меня странно. Даже виновато.

— Не до рыбалки сейчас. Тут такое дело… Жилец у нас появился.

Я замигал:

— Где? Какой жилец?

— Пойдём, познакомлю.

В вагоне было светло. Солнце шпарило горячими лучами в два оконца под крышей и в щели, которых было множество. Да и двери оказались раздвинуты на всю ширину. Внутри не осталось тёмных уголков. В том углу, где мы с Юркой устроили наш "кубрик", я и увидел незнакомца.

Это оказался парень с бородкой, похожей на светлый курчавый пух. Худой, белобрысый, в тол-

стых очках. В клетчатой рубашке и узких штанах из рыжего вельвета. Он сидел на пластиковом ящике, который был у нас вместо стола. Когда мы подошли, парень поднялся и оказался очень тощим и длинноруким. Глаза его за стёклами были голубые и нерешительные.

— Вот, — сказал Юрка. — Это мой друг Травушкин. Я говорил…

От этих Юркиных слов я весь потеплел внутри. А парень протянул мне большую лапу и неловко сказал:

— Глеб.

Я тоже сказал:

— Гелька… Гелий. Травушкин.

Глеб кивнул, вздохнул почему-то и опять сел. Растопырил острые колени. Юрка мне объяснил:

— Видишь ли, он тут поселился. Недавно. Думал, что вагон необитаемый… Пускай поживёт, раз такое дело.

— Если никто не против, — смущённо сказал Глеб. И опять посмотрел на меня через толстые стёкла.

Я пожал плечами. Я не знал, против я или нет. Но это не имело значения, они с Юркой всё равно уже договорились.

Я только сказал для порядка:

— Мне не жалко. А вы тут… вы кто?

— Он журналист. В командировке, — торопливо объяснил Юрка.

Я чуть на пол не сел от удивления. Разве журналисты такие? Мало я их, что ли, видел по телевизору! И Юркиного "зампапашу" видел (Юрка так его называл, мужа своей матери). Он недавно приезжал в Старогорск. Тоже журналист, редактор, солидный такой. А этот Глеб… Ему лет двадцать всего, несмотря на бородку. Да и бородка-то так, еле-еле.

Глеб, кажется, понял, про что я думаю. Приподнялся, вытащил из заднего кармана красную книжечку.

— Вот… чтобы, значит, рассеять недоверие.

Это было удостоверение. Фотография (правда, без бородки, но похожая), синяя печать. И слова: "Вяткин Глеб Сергеевич является корреспондентом Колычской районной газеты "Маяк". Главный редактор Д. И. Сомов…" Сверху ещё что-то напечатано, а внизу крючковатая подпись.

Ну ладно… Только разве журналисты живут в дырявых вагонах? Может, этот Глеб от кого-то прячется?

А может, он шпион?

Но вроде бы шпионов сейчас уже не бывает, раз-

ве что где-нибудь в дальней пограничной зоне.

Или журналист решил нарочно стать бродягой, чтобы написать потом про это книжку, как Джек Лондон? Но Лондон-то когда жил и в каких краях!

— А чего же вы не в гостинице? Здесь разве лучше?

Глеб развёл руками, хотел что-то сказать, но Юрка дёрнул меня за майку:

— Я тебе всё объясню. Потом…

— Да я и сам могу, — добродушно сказал Глеб. — Чего уж…

— Тебе, наверно, осточертело, — отозвался Юрка. — Сколько можно одну и ту же историю пересказывать!

— А что делать?.. Главное, что сам разобраться не могу. Даже записывать начал всё по порядку, чтобы всё в систему выстроить, да не получается… Я привык на машинке работать в редакции. В командировках только стенографирую, а потом… — Он пошевелил длинными пальцами, будто застучал по клавишам. И спросил без всякой надежды: — Вы случайно не знаете, где бы раздобыть на пару дней машинку?

Юрка пожал плечами.

Я тоже хотел пожать плечами. И всё было бы

нормально: откуда у четвероклассника пишущая машинка, это же не калькулятор для уроков математики. Но… а если я всё-таки достану?

Тогда Юрка лишний раз увидит, что я не только опаздывать умею. Что Гелька Травушкин — не Копейкин, он кое-чего стоит.

Я небрежно сказал:

— Точно обещать не могу, но попробую…

Глеб обрадовался совсем по-ребячьи:

— Ой, правда? Будь другом! А то я без работы свихнусь окончательно.

А Юрка посмотрел на меня с недоверчивым уважением.

Мы с Глебом распрощались до вечера. Когда шагали через пути. Юрка спросил:

— Где возьмёшь машинку?

— Дедушкина.

Юрка сказал без насмешки, даже с сочувствием:

— Вот тогда тётушка твоя точно перейдёт от слов к делу.

— Если не надолго возьму, никто не узнает… Лишь бы этот Глеб вместе с машинкой не сбежал куда-нибудь.

— Он что, похож на жулика? — заступился Юрка.

Я не знал. Настоящих жуликов я видел только в кино. Но ведь и в кино они не настоящие, а артисты.

— А зачем он тогда в вагоне укрывается?

— Да не укрывается он. Наоборот. По всем начальникам ходил, только они на него как на сумасшедшего смотрят.

— Почему?

— Ты удостоверение видел? Какой там город?

— Кол***ы***ч какой-то… Или К***о***лыч?

— К***о***лыч. А где такой?

Я сердито дёрнул плечом: мало ли на свете разных городов?

— И никто не знает, — хмуро сказал Юрка.

— Как это?

— Вот так… И сам он не знает.

— Тогда он сумасшедший. И ты заодно. А я ещё машинку хотел ему…

Юрка не разозлился. Он сказал серьёзно:

— Тут непонятный случай. Он поехал из своего Колыча очень недалеко. В какую-то Старо-Талицу, писать репортаж про летний лагерь. А вместо этой Старо-Талицы попал сюда.

— Ну и ехал бы обратно, если не туда принесло.

— Куда "обратно"? Нет на линии такой станции

— Колыч. Нет нигде…

Я даже остановился.

— Как это нигде?.. Ну, значит, он не из Колыча! Он врёт!

— А удостоверение?

— Ну… Юрка! Оно, наверно, фальшивое!

Юрка сказал снисходительно:

— Глупенький-глупенький Геля. Кто будет делать фальшивый документ, от которого у всех глаза на лоб? Да и зачем?

"В самом деле", — подумал я. А Юрка глянул на меня сбоку и спросил:

— Ты вот скажи: этот Глеб похож на плохого человека?

Я посоображал. Нет, не похож. Скорее, наоборот. Глаза добрые. И какой-то беззащитный он, хотя и большой.

— Он даже ни одного сухарика нашего не тронул, несмотря на то, что голодный, — сказал Юрка.

— А почему голодный-то?

— Он же из дома совсем ненадолго уехал, денег с собой почти не взял. И теперь — ни в кафе, ни в гостиницу…

— Хлеб-то мог взять в булочной!

— Он не знал, что можно бесплатно.

Я обалдело заморгал.

— Он совсем какой-то… ну, как Робинзон на диком острове, — сказал Юрка. — Надо ему помочь. Ты вот Ерёме помогать взялся, а Глеб — живой человек.

— Ерёма — тоже живой, — заступился я.

ШЁПОТ ЗВЁЗД

Недалеко от дома, когда с Юркой мы уже расстались, я наткнулся на тётю Вику. У неё просто злодейская какая-то особенность-то и дело попадаться мне навстречу.

Она, конечно, воздела к небу руки.

— Геля! Ещё утро, а ты уже похож на чучело! Ступай, приведи себя в порядок! Ты не ребёнок, а сплошная аномалия!

Раньше я думал, что "Аномалия" — это имя какой-то девочки-неряхи, и обижался. А потом узнал, что это просто "ненормальность". Ну, и перестал обижаться.

Я зашагал к дому, а тётушка шла сзади.

— Гелий, ну почему ты не можешь выглядеть как нормальные дети?.. Вот хотя бы как этот мальчик. По— смотри.

Я посмотрел.

"Этот мальчик" шёл по другой стороне улицы…

Такие мальчики, наверно, специально существуют в природе, чтобы радовать тётушек и бабушек. Шагает чистюля, скрипку в футляре тащит, под ноги смотрит, чтобы лаковые башмачки не поцарапать. Причёсанный, в жёлтом костюмчике, на шее даже бантик — тоже ярко-жёлтый, с чёрными горошинами. На брючках стрелочки наглажены…

Я хмыкнул по-юркиному, затолкал кулаки в карманы и зашагал быстрее. Затопал по асфальту. С сандалий посыпались чешуйки высохшего ила.

— Не вздумай в такой чудовищной обуви заходить в комнаты, — сказала тётя Вика.

Я вымыл сандалии на дворе под краном и потащил их сушиться на крышу.

— Опять тебя понесло куда-то. Сломаешь шею, — сказала бабушка из своего окна. Её окно рядом с приставной лестницей, это очень неудобно.

— Не всем на скрипке играть, — буркнул я. И поскорее наверх. Там я поставил сандалии на решётку солнечного энергонакопителя, а сам пролез на чердак. Пол на чердаке был посыпан негорючей пластиковой крошкой, она колола босые ноги. В углу я отодвинул поломанный ку-

хонный автомат и вытащил из старого бочонка приёмник.

Это был совсем старинный приёмник, ламповый "Рекорд". Он когда-то стоял у дедушкиного дедушки, да и в те времена это была устаревшая модель. Я отыскал его здесь прошлой весной. Протянул из своей комнаты удлинитель, думаю: дай включу эту машину. Что будет? Смотрю: лампы засветились. Что-то потрескивать стало, потом даже голос какой-то пробился. Интересно так...

Тогда я и придумал свою звёздную станцию.

Я про неё никому-никому не рассказывал. Потому что засмеются: на Земле и на других планетах такие громадные звёздные зеркала и антенны стоят, супертелескопы на спутниках, скадеры добрались до дальних звёзд, а на крыше двухэтажного домика сидит третьеклассник и пытается услышать космические голоса. С помощью доисторического приёмника и зонтика.

Из чёрного старого зонтика я сделал антенну-зеркало. Его я тоже нашёл на чердаке и оклеил изнутри фольгой от чая и шоколада. Получилось что-то вроде маленького локатора. Я, конечно, не разбирался ни в физике, ни в астрономии, ни в радиотехнике. Но про большие звёздные станции кое-что читал в "Технике юных" и решил, что у

меня будет такая же, только очень маленькая. Если какие-нибудь сигналы от звёзд попадут в мой "отражательный" зонтик, они соберутся в фокусе: как раз на кончике стальной проволоки, которую я приладил к рукоятке зонта. А оттуда — в приёмник. Потому что другой конец проволоки я засунул в гнездо антенны.

Вдруг я однажды услышу что-нибудь такое… загадочное и совсем неожиданное? Нам даже в школе рассказывали, что важные открытия иногда делали не научные работники, а разные любители с помощью нехитрых аппаратов…

И вот я по ночам тихонько забирался на крышу и слушал звёзды. Никто про это не знал, кроме старого Дуплекса. Я был очень осторожен.

Шкала у приёмника оказалась разбитой, настройку заело на одной волне (понятия не имею, на какой). Поэтому я не таскал его на крышу, включал на чердаке и только протянул наверх провод с наушниками. Когда приёмник нагревался, в наушниках начинало шипеть и потрескивать. Я садился у каминной трубы, лёгкий зонтик брал за края и направлял его рукоятку к звёздам. То есть антенну направлял.

Тёплый воздух подымался от земли и уходил вверх с гребня крыши. Обтекал меня. Внизу тре-

щали ночные кузнечики. Вокруг переливались огни Старогорска. Но я смотрел только вверх. Звёзды были большие. Белые и немножко мохнатые от лучей. Между ними искрилась в черноте звёздная пыль. Я переводил острие антенны от одной звезды к другой, и мне казалось, что конец стальной проволоки ходит где-то посреди Вселенной. Шорох в наушниках иногда угасал, иногда нарастал. Словно кто-то шептал недалеко от меня — то в сторонке, то у самого уха. Неразборчиво шептал, но иногда очень настойчиво: будто хотел что-то объяснить, но не знал нашего языка.

Бывало, что и настоящие передачи пробивались: слова, музыка, песни. Одну песенку я слышал несколько раз, и она мне очень нравилась. Но больше всего я любил шорохи и шёпот. Может, это сами звёзды шептали? Или люди с незнакомых планет? Может, жители далёкой Леды, где скадермены отыскали развалины мостов и зданий? Вдруг они летят в пространстве и пытаются рассказать, почему покинули свою родину...

Я так и называл эти шорохи — "шёпот звёзд".

Среди ночи я через окно возвращался в дом и под одеялом, при фонарике, делал запись в "Журнале наблюдений":

"11 июня 209 г. к. э. Сегодня в 00.05 опять слышал шёпот, похожий на считалку про шесть мышей. А ещё что-то потрескивало, будто от звёзд шли электрические искры. Потом была ещё неизвестная колыбельная песенка, я разобрал несколько слов. Небо было чистое и звёзды яркие".

Звёзды всегда были яркие. И они меня прямо завораживали. Хоть я и не понимал ничего в космических науках, но всё-таки, наверно, сказывалось, что я внук астронома Травушкина. Жаль только, что я совсем не помнил дедушку, он умер, когда мне было чуть больше года…

В те ночи, когда я слушал шёпот звёзд, я был до обалдения счастливый. Наверно, не меньше, чем скадермен, который идёт в бросках от звезды к звезде. Но, как любит повторять бабушка, всё проходит, всё меняется.

В середине лета я встретил Юрку, и жизнь пошла другая. Она так меня закрутила, эта жизнь, что стало не до ночных наблюдений. Но приёмник я сберёг: вдруг пригодится ещё!

И вот пригодился. Немножко жалко отдавать, но у меня он без дела, а Ерёме нужен до зарезу. Пусть уж…

Приёмник я спустил с крыши на верёвке, потом спустился сам (не по лестнице, а по стержню

заземления) и спрятал "Рекорд" за будкой Дуплекса.

После этого я проник в комнату дедушки.

Здесь золочёными рядами стояли за стёклами ужасно старые книги. Чернела карта звёздного неба. На большущем глобусе горел яркий солнечный блик. И со щёлканьем качали тяжёлый маятник древние пружинные часы со стрелками.

Машинка стояла на краю зелёного, как стадион, письменного стола. Она была накрыта полированной ореховой коробкой. На коробке блестели бронзовые узорчатые уголки. Машинку никто никогда не открывал (только я иногда поднимал крышку и осторожно давил клавиши).

Я снял коробку и оглянулся на дедушкин портрет. Бородатый дедушка улыбался. Он знал, какое дело я задумал, но, видимо, не сердился. А чего сердиться? Тут машинка стоит просто так, а там она нужна человеку. Для дела! И ничего с ней не случится за два дня.

Так я себя успокаивал. Но всё равно я понимал, что делаю скверную штуку. Вздыхая и казнясь, я убрал машинку со стола, а футляр оставил на месте. Завернул машинку в старую папину куртку из плотной тетраткани — я нашел её на чердаке

и прихватил с собой. Прислушался. В доме стояла тишина: тётя Вика куда-то ушла, бабушка дремала наверху. Я поднял раму. Окно выходило в чащу сиреневых кустов…

Машинку я закидал лопухами рядом с приёмником. Из будки вылез Дуплекс. Это кудлатый пес, большеухий, песочного цвета. Он обитал здесь давным-давно и раньше был дедушкиным любимцем. Дуплекс посмотрел синими водянистыми глазами и ткнул меня в ногу мокрым носом: погладь. Я погладил и признался:

— Плохой я человек, Дуплекс…

Он вздохнул и мотнул головой: "Нет, хороший".

— Для тебя-то я всегда хороший… Ладно… А как я всё это потащу? Придётся идти за Юркой.

Дуплекс кивнул: "Иди".

ЗАСАДА НА СКРИПАЧА

Топал я босиком — сандалии всё ещё сушились на крыше. На углу я запнулся за кромку тротуара, ушиб палец и разозлился на Юрку: он мог бы и сам догадаться, что мне одному не утащить приёмник и машинку. Болтается где-то…

Юрку я увидел, когда свернул на улицу Марка

Твена. Юрка не болтался. Он словно прятался от кого-то.

Улица была горбатая, и на самом верху стоял красный дом с колоннами. В давние времена его построил владелец местной пристани, а теперь здесь была детская поликлиника. От дома спускалась кирпичная стена. Могучая такая и красивая: наверху узорные решётки, а в толще кирпичей полукруглые ниши. В нишах скамеечки сделаны. Тоже старые, прячутся в лопухах и диком укропе. Вот на такой скамеечке и притаился Юрка.

Интересно он себя вёл: вытянет из воротника шею, глянет вверх, вдоль улицы, и опять в тень.

Меня Юрка не заметил: я-то снизу шёл. Подобрался я кошачьим шагом и говорю:

— Руки вверх…

Он чуть вздрогнул, но голову повернул медленно.

— А, пришёл… Садись, не торчи.

Я пролез через укроп, устроился у Юрки под боком. Сказал сердито:

— Это ты торчишь здесь. А я должен, как автоносильщик, весь груз переть к вагону?

— Успеется с грузом. Я тут жду кой-кого.

— Кого?

— Есть тут один… Хочу ему бантик пощупать.

— А, скрипач! — догадался я.

— Встречал?

— Видел. Тётушка мне его в пример ставила…

— Ну вот. Значит, и у тебя к нему счётик есть.

Но у меня никакого счёта к музыканту не было. Пусть живёт себе, как хочет. Я сказал:

— Больно он мне нужен… А тебе он что сделал?

Юрка оттопырил языком щёку, сощурился и плюнул в траву.

— Не люблю трусов. Их надо перевоспитывать, а то человечеству от них один вред.

Надо же, о человечестве забеспокоился. Лишь бы тяжести не таскать! (Палец у меня всё ещё сильно болел.)

— С чего ты взял, что он трус?

— Он вчера от меня драпал, как зайчик… — Юрка усмехнулся. — Я иду через мостик над Пестрянкой, а навстречу это музыкальное произведение. Я остановился, он тоже. И глазища вот такие, будто марсианского ящера увидел…

Я сразу понял, как это было. Стоит Юрочка на мостике, ботинком притопывает, руки сунул в широченные карманы, шевелит щекой и щурит табачные глаза не по-хорошему…

— Ну и что дальше? — сказал я без одобрения.

— Я говорю: "Ну-ка подойди, я посмотрю, что

это за чудо с бантиком..."

Он шаг назад. Я к нему — тоже шаг. А он повернулся да как рванёт вверх по дорожке!

Я поморщился. Мне на музыкантика наплевать, но всё равно неловко за него сделалось. Всякое случается: бывает, что и струсишь, и заревёшь, но драпать вот так, без всякого боя — это позор. Это вам самый смирненький первоклассник объяснит.

Однако Юрке я сказал:

— Ты вон какой, на полкочана его выше...

— Ну и что? Он решил, что я его утоплю или съем?

— Решил, что драться будешь. А он драку небось только в кино видел.

— Вот и надо в жизни опыта набираться... А, вон он шагает! Красавчик Ниня...

— Это по-испански, что ли? Не "ниня", а "ниньа". Значит "девчонка".

— Это не по-испански. Это сокращенно от слова "Паганиня".

— Не Паганиня, а Паганини.

— Кому Паганини, а кому так...

"Ниня" шёл, не чуя засады. Спокойно так шёл — не быстро и не тихо, ровно. Скрипка в футляре словно плыла с ним рядом. Другой бы махал ею,

коленками поддавал, а этот…

— Я навстречу выйду, а ты сзади, — распорядился Юрка.

Не нравилось мне это дело, но с Юркой ссориться не хотелось. Получится, что я ему изменил, если откажусь. Ну и… по правде говоря, стало любопытно: что будет делать этот скрипач, угодивши в ловушку?

Лупить мы его не будем. Не за что, да и нельзя двоим на одного. А пугнуть "образцового мальчика", может, и полезно…

Всё получилось очень ловко. Быстро, как в кино. Юрка скакнул на тротуар и вырос перед Ниней. Тот шарахнулся назад, но там уже я стоял — руки в карманах, ноги на ширине плеч. Ниня отскочил вбок — и очень глупо. Оказался в нише, где мы только что прятались. Буквально в каменном мешке.

— Привет, — сказал Юрка и приподнял за хвостик берет.

Ниня прижимал скрипку к животу и перепуганно махал ресницами. Ресницы жёлтые, как его костюмчик, а глаза серые, налитые страхом, будто две чайные чашки. Потом он перестал мигать и спросил почти шёпотом:

— Я вам что сделал?

— Ты? А что ты можешь сделать? — усмехнулся Юрка.

— Тогда почему вы за мной гоняетесь?

— Гоняемся? — удивился Юрка. Не по-настоящему удивился, а по-клоунски. — Да что ты! За таким бегуном разве угонишься? Вчера вон как чесанул.

Ниня слегка прикусил губу. В его глазах за страхом появилось что-то ещё. Сердитость, что ли… Он вдруг быстро положил скрипку на скамейку, за собой, встал прямее, упёрся сзади ладошками в кирпичи.

— Ну и что? — сказал он тихо. — Я же не знал, чего ты хочешь.

— Вот именно! — обрадовался Юрка. — Не знал и скорей бежать! А мне просто поговорить хотелось.

Ниня посмотрел на Юрку, на меня, потом куда-то между нами. Шевельнул плечом.

— Ну вот… теперь говорите.

Юрка усмехнулся и сплюнул. Я вдруг понял, что не знает он, про что говорить. Я тоже не знал, но я и не собирался.

Юрка лениво сказал:

— Теперь уже неохота. И так видно, что ты за персонаж. Еле стоишь, коленки от страха виб-

рируют.

Ниня глянул на свои жёлтые брючки со стрелками и ответил очень серьёзно:

— Нет. Не вибрируют.

— Всё равно боишься, — хмыкнул Юрка.

Ниня опять посмотрел вниз. Будто раздумывал. Потом глянул на нас честно и спокойно.

— Да, боюсь. Я очень за скрипку боюсь.

Юрка ненатурально засмеялся:

— Ну, вы даёте, маэстро… Не такие уж мы дикари. Бантик могли пощупать, но зачем же трогать скрипку…

— Если в драке, можно ведь случайно. Я всегда за неё дрожу.

— Такое сокровище? Страдивариус? — язвительно спросил Юрка. Он иногда умел показать образованность.

— Нет, — сказал мальчик. — Но она всё равно очень хорошая. Она одна такая на свете…

— Надо же, — сказал Юрка.

Скрипач стоял всё так же: упирался ладонями в стену и загораживал скрипку. Я сейчас разглядел его как следует. Лицо загорелое, нос облупленный, а волосы такого цвета, как шерсть у Дуплекса — будто жёлтый песок. Растрепались теперь… Мы встретились глазами. Я замигал от

неловкости, опять разозлился на Юрку и на себя тоже. Чего мы к этому мальчишке привязались?

Чтобы помочь ему, я спросил:

— Значит, что? Если бы без скрипки, ты бы не убежал?

Он подумал секунды три, облизнул губы и сказал негромко:

— Нет. Я бы не убежал.

Глаза его набирали смелость. Не нахальную смелость, а такую, спокойную.

Я дёрнул Юрку за свитер:

— Ладно, пойдём…

— Ага, — охотно откликнулся Юрка. Повернулся, и мы пошли от скрипача. Юрка сказал с усмешкой: — Поговорить можно и потом, когда он будет без скрипки. Как-нибудь встретимся.

Я вдруг мы услышали сзади:

— Если хотите, пожалуйста…

— Что? — Юрка сразу обернулся.

Мальчик не ответил, но глаза не опустил.

— Значит, можно встретиться? — с недоверчивой усмешкой спросил Юрка.

— Ну… пожалуйста, — снова тихо сказал мальчик.

— А когда? — Юрка опять завёлся.

— Хоть когда. Пожалуйста…

— Хоть сегодня?

— Ну… ладно. Раз вам так надо…

— Тогда мы тебя проводим, — деловито сказал Юрка. — Отнесёшь скрипку и выйдешь. Идёт?

Мальчик подумал, кивнул и взял со скамейки футляр. Сказал, будто оправдываясь:

— Я в трёх кварталах живу, на улице Кольцова.

— Посмотрим, где обитает юное дарование, — бормотнул под нос Юрка.

И мы пошли. Скрипач немного впереди, а мы сзади и по бокам. Молча. Я чувствовал себя ужасно по-дурацки. А Юрка вроде бы ничего. Спросил у мальчика:

— Ты откуда взялся? Мы всех в округе знаем.

— Мы из Приморска приехали. Папа будет поликлиникой заведовать, вон той, — мальчик мотнул головой назад..

— Ух ты… — сказал Юрка с насмешливым уважением. — А что, в Приморске все с бантиками ходят?

— Нет, — отозвался мальчик. — Там ходят без бантиков. Просто я сейчас занимаюсь у одного… у дедушкиного друга. Он старый музыкант и любит, чтобы ученики всегда были, как на концерте. Мне это не трудно, а он доволен.

Юркины насмешки как-то усыхали от этих спокойных ответов. И всё же Юрка сказал:

— Не забудь снять, когда пойдёшь обратно.

— Да, сниму.

Он жил в новом двухэтажном доме с полукруглыми окнами. У нас в Старогорске много таких понастроено: разноцветных, небольших, квартир на восемь. Перед каждым — газон с низеньким пластмассовым штакетником.

Мальчик сказал нам:

— Я быстро… — и скрылся за дверью высокого крыльца.

Мы сели на штакетник.

— Глупо, — сказал я.

— Что глупо? — огрызнулся Юрка.

— Сидим здесь без толку, а там Глеб ждёт. И Ерёма, наверно, пришёл.

— Ну и подождут. Надо же опыт до конца довести.

— Какой опыт?

— Психологический. Выйдет Ниня или нет.

По правде говоря, мне тоже было интересно: выйдет ли? И хотелось, чтобы мальчик вышел. Назло Юрке…

Распахнулась дверь. Я обрадованно привстал. Но это был не скрипач. Вышла женщина в крас-

ном платье и соломенной шляпе. Оглянулась на нас.

— Мальчики, вы, наверно, моего сына поджидаете?

Самое время было сыграть отбой. Я уже прикинул: кувырок назад, а там через траву и в переулок. Но она сказала:

— Он просил подождать две минутки. У нас вешалка в коридоре сорвалась, он прибивает.

Женщина, улыбаясь, подошла к нам. Юрка незаметно саданул меня локтем в бок: встань, дубина. Когда надо, он умел себя вести. Мы поднялись. Я виновато затоптался, захотелось куда-нибудь спрятать босые ноги. Мать скрипача посмотрела на них, улыбнулась и объяснила :

— Он сказал: "Там два моих товарища сидят, пусть не уходят..." А почему вы не зашли в дом?

— В другой раз, — вежливо отозвался Юрка. — Спасибо.

Она опять улыбнулась нам и пошла вдоль газона. Красивая такая, молодая. Вроде моей мамы. Юрка опустил голову и досадливо шевелил щекой.

И в эту минуту появился наш музыкант.

Конечно, уже без бантика. И вообще без концертного наряда. В синей майке, в мятых шорти-

ках от летней школьной формы, в потрёпанных кедах. Встал перед нами, опустил руки и сказал:

— Ну вот… — И посмотрел хмуро. — Куда пойдём?

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? "Разговаривать".

— Можно и здесь, — неловко проговорил Юрка. — Ты скажи вот что… С чего ты нас в товарищи записал? Матери сказал…

— А что я должен был сказать? "Мама, там два мальчика драться со мной пришли, попроси их подождать". Да?

— Да кто с тобой драться собирался?.. — насупленно произнёс Юрка.

— А что, нет? — Он глянул довольно дерзко. — Пожалуйста. Вы же сами хотели.

— У нас двое на одного не нападают, — сказал я.

— Нигде не нападают. Значит, по очереди?

— Да ну тебя, — вздохнул Юрка. — У меня с тобой силы разные. Если хочешь, давай с ним. — Он кивнул на меня.

— С какой стати! — возмутился я.

Юрка вдруг засмеялся. Я сердито посмотрел на него и спросил у мальчика:

— Тебя как зовут?

Он шевельнул губами, будто улыбнуться хотел и раздумал. Опустил глаза и сказал:

— Янка.

Честное слово, за полсекунды до этого я уже знал, что он — Янка. Сам не понимаю почему. Будто шепнул кто-то. А может, незаметно шевельнулось воспоминание про книжку, которую я когда-то читал? Старая такая книжка, называется "Янка-музыкант". Или Янко? Не помню… О крепостном мальчишке, которого забил до смерти помещик.

Конечно, этот Янка был непохож на крепостного. Но тоже скрипач. И такой беззащитный на вид. У меня почти никакой мускулатуры, а у него даже по сравнению со мной руки как спички. А ещё драться хотел…

— Ян-ка… — машинально повторил я. Шёпотом.

А Юрка сказал с заминкой:

— Имя какое-то… не здешнее.

— Меня дедушка так назвал, — объяснил мальчик и зацарапал кедом тротуар. — Дедушка с Балтийского моря родом, ну и вот… Полное имя Ян. А Янка — это так, пока…

Я подумал про своего деда и спросил Янку:

— А твой дедушка кем был? Скрипичным ма-

стером?

— Почему "был"? Он и сейчас есть, он врач. Ну и мастер тоже… Он скрипки всю жизнь делает. Ему даже Лев Сайский скрипку заказывал.

Я понятия не имел, кто такой Лев Сайский. Но Юрка поднял брови, будто сказал про себя: "Ого!" И спросил:

— А твою скрипку он специально для тебя делал?

— Да… Сразу, как я родился.

— А ты давно учишься играть?

Янка улыбнулся:

— Ну… наверно, да. Всю жизнь.

— Значит, тебя не заставляют? Ты сам? — поинтересовался я.

— Кто меня может заставлять? — Глаза у Янки распахнулись от удивления.

Я вспомнил, как три года назад тётя Вика и бабушка пытались записать меня в музыкальную школу. Рёву было…

— Я сам… — сказал Янка. — Я если долго не играю, то просто… ну, как будто не живу.

Юрка посопел и проговорил нерешительно:

— Тогда конечно… А сегодня ты много играл?

— Я не знаю… Наверно, да.

— А ещё можешь? — совсем тихо спросил Юр-

ка.

Янка обрадованно вскинул глаза:

— Я хоть сколько могу! Пошли ко мне! Вы хотите?

Я не знал, хочу ли. Но Юрка почему-то хотел. И сам Янка весь прямо засветился.

Но Юрка вдруг насупился:

— Да ладно, потом. Дела у нас.

Я понял, что он стесняется своего балахонистого наряда. И подумал, что и сам не гожусь для гостей.

Янка сказал быстро:

— У нас дома никого нет. Пойдём!

Бабушка говорит, что я ничего не понимаю в музыке. Потому что когда по радио играют сонату Бетховена, я могу свистеть разбойничьи куплеты из фильма "Замок на Чёрном острове" (свистеть вообще неприлично, а при Бетховене… О, этот ребёнок!). Ну, не понимаю, и не надо. Что теперь делать?

То, что играл Янка, я тоже не понял и не запомнил. Сперва мне понравилось, как струны пропели: та-а… та-та-а… Будто и не струны, а трубач в летнем лагере. Но дальше музыка взвилась, закружилась — не уследишь, не разберёшь. И я от неё отключился. Но всё равно мне очень

понравилось, как играет Янка. Смотреть на него нравилось.

Мы сидели на пустой веранде с разноцветными окнами. У стены, прямо на полу, сидели. А Янка стоял посредине. То есть он не стоял, а будто летел вместе со своей музыкой. Солнце косо било в жёлтые и красные стёклышки, и мимо Янки словно неслись на быстром ветру яркие осенние листья. Чёрный смычок рвал воздух над блестящей скрипкой, пальцы летали над грифом, волосы у Янки растрепались, пряжка на пояске съехала набок, майка сбилась выше живота, но это было не смешно нисколечко…

Мне вдруг показалось, что Янка мчится, стоя на спине золотистой лошади…

В музыке опять прозвучали те ноты, с которых началась мелодия. Как сигнал. И Янка опустил смычок. Откинул волосы. У него на лбу и на горле блестели крошечные капельки.

Юрка сидел, скорчившись. Поставил на колени кулаки, на кулаки положил подбородок. Глядел на Янку из-под волос.

— Вот… — тихонько выдохнул Янка.

— Это что было? — спросил Юрка, не шевелясь. — Тадеуш Левский?

Янка чуть улыбнулся:

— Нет… Это дедушка написал. И я немножко. Мы вместе…

— Вот я и смотрю: что-то совсем незнакомое, — полушёпотом сказал Юрка. Я удивлённо покосился на него.

Янка поправил майку, почесал смычком ногу, облизнул губы. Вскинул голову:

— Ещё?

И спохватился:

— Ой, вам же надо идти. Да?

Юрка лопатками оттолкнулся от стены и вскочил.

— Да, — сказал он. — Хочешь с нами?

Янка не спросил: куда? Не спросил: зачем? Сразу ответил:

— Хочу.

Мы вышли на крыльцо. Уже совсем вечерело. Солнце делалось кирпичным и проваливалось в гущу тополей на станции. Я сказал Янке:

— Мы домой поздно вернемся. Тебе не попадёт?

(Про себя-то я точно знал, что попадёт.)

Янка удивился:

— Почему? Мне хоть до какого часа бегать разрешают, я человек вольный… Только я дедушке записку оставлю, ладно?

Он опять убежал в дом. Юрка задумчиво сказал ему вслед:

— Вот это игра у парня.

— Не знал, что ты такой любитель музыки…

— Ты много не знал, — усмехнулся Юрка. — В Нейске из меня делали всесторонне развитого ребёнка.

— Поэтому ты и сбежал?

— Ты же знаешь, что не поэтому, — ответил он сумрачно.

Я прикусил язык. Потом примирительно спросил:

— А что, Янка в самом деле здорово играет? Я ведь не разбираюсь…

— Дело даже не в том, что здорово…

— А в чём?

— Никогда не думал, что в скрипке могут так звучать трубы и барабаны. Вот тебе и… Ниня.

Что-то шевельнулось во мне. Беспокойство какое-то.

— Юрка, зачем ты его позвал с нами? Будешь делать из него человека?

— Из него-то? Он и так человек, дай Бог каждому.

Я промолчал. Тревога во мне осталась. Пока ещё маленькая, непонятная…

Вторая часть
ОТЕЛЬ "КУРЯТНИК НА КОЛЁСАХ"
НАША КОМПАНИЯ

Это Глеб назвал так наш вагон: отель "Курятник на колёсах". Вагон был покосившийся, щелястый, будто и в самом деле старый курятник. Но мы его любили.

С двух сторон у вагона были широкие раздвижные двери. Те, что смотрели в сторону станции, оставались закрытыми: их наглухо заклинило. А те, что выходили на пустырь за тупиком, нормально раздвигались и задвигались. В торцевых стенках вагона тоже находились двери. Они вели на узенькие крытые площадки, вроде балкончиков. Наверно, раньше здесь размещались те, кто караулил ценные грузы…

Глеба мы устроили неплохо. Принесли ему (а заодно и себе) надувные матрацы, несколько старых одеял. Я нашёл на чердаке круглый фонарь типа "Сатурн". Днём он заряжается от солнца, а ночью сам светит, как солнце. Юрка раскопал где-то старенький карманный телевизор, которые сейчас уже не делают. Экран часто мигал и

путал краски, но Глеб всё равно радовался.

В вагоне сохранились широкие полки — вроде двухэтажных нар. Можно спать хоть внизу, хоть наверху. Мою машинку Глеб поставил на пластиковый ящик, который служил столом.

Всё получилось хорошо, только щели в стенах заткнуть мы не смогли. Слишком их было много.

— Да ладно, — сказал Глеб. — Погода у вас тёплая, до осени и так протяну.

— Дело не в погоде, — озабоченно разъяснил Юрка. — На станции увидят, что вечером щели светятся, и начальник попрёт нас.

— Да не попрёт он, — отозвался Глеб. — Он знает, что я здесь поселился.

— И не ругается? — удивился я.

— Нет. Он хороший дядька.

Юрка шевельнул щекой. "Хороший дядька" часто орал на мальчишек и обещал оторвать уши за то, что бегают не через мост, а прямо по путям.

— Он понял, что мне деваться некуда, — вздохнул Глеб.

И мы опять задумались над его странной историей.

Где этот город Колыч? Почему никто о нём не слыхал, если ехать от него до нас два часа? И вообще, когда Глеб рассказывал про себя, мы узнали

много странного.

Глеб с семи лет жил в интернате, потому что родители его разбились в авиалайнере (как может разбиться лайнер?). Школа у них была громадная — несколько зданий по четыре этажа (хотя все знают, что интернаты и школы выше двух этажей строить запрещено). Рядом с интернатом стоял механический завод, и старшие ребята проходили там практику (это, конечно, здорово, но как завод может стоять рядом со школой? Куда смотрели врачи?).

Но Глебу мы верили. Было видно, что он не придумывает. Он оказался хорошим парнем, добрым таким, и ни чуточки не показывал, что старше нас. Только в те моменты, когда Глеб брился, мы вспоминали, что ему больше двадцати.

Глеб разводил в чашечке мыльную пену, мазал этой пеной светлую щетинку на худом лице и со скрипом скоблил щёки страшной складной бритвой. Пух на подбородке он оставлял. Мы держали перед Глебом зеркальце и смотрели, развесив губы. Такое допотопное бритьё мы раньше видели только в кино.

— Учитесь, учитесь, молодёжь, — говорил Глеб, махая тонким лезвием. — Бритьё — истинно мужское дело.

Однажды, взбивая пену, Глеб научил нас выдувать из неё и пускать по ветру большущие радужные пузыри. Мы с Янкой просто выли от восторга, да и Юрка радовался. Никто в Старогорске до этого не знал такой игры. А Глеб удивлялся: что за город, простых вещей не знают!

Но те простые вещи и дела, которые были в Старогорске, его тоже удивляли. Например, что хлеб в булочных бесплатный, что пообедать можно тоже без денег, если не в ресторане, где танцы и стереотеатр, а в простой столовой. И что в автоматической прачечной платить не надо (он туда носил свою рубашку).

— А сигареты стоят бешеных денег! — возмущался Глеб.

Но сигаретами его снабжал Ерёма.

Ерёма вставил в свои потроха лампу из моего приёмника, и боли в затылке у него прекратились. Он долго благодарил меня и подарил литой пистолет (такой тяжёлый, что чуть не свалились штаны, когда я положил его в карман). Вагон Ерёме понравился, да и наша компания тоже. Он стал заходить в гости. Играл с Янкой в магнитные шашки, курил с Глебом на вагонной площадке, сидел вместе с нами, когда мы разговаривали о всяких своих делах или обсуждали таинственную

Глебову историю.

Мы потрошили эту историю снова и снова. Глеб никогда не отказывался от таких разговоров. Но порой лицо его делалось грустным. Он снимал очки и рассеянно чесал ими в затылке.

Однажды Янка осторожно спросил его:

— Скучаешь?

— А... Да, — Глеб неловко заулыбался. — Там меня работа ждёт, а я здесь торчу, как курортник. Неизвестно, кто я и зачем... С другой стороны, хочется во всём разобраться до конца. Иначе я не журналист, а дырявый чайник... Вот хожу, смотрю, потом сижу, пишу. Пытаюсь выводы сделать. Хорошо, что машинка есть, спасибо Гельке... А с третьей стороны...

— Разве в логике есть такое понятие — "третья сторона"? — придирчиво спросил Ерёма.

— Есть... С третьей стороны, пора бы всё-таки домой, но куда и как? С четвёртой — что делать дальше-то? Там люди ждут, волнуются...

— Друзья? — спросил Янка.

— Ну... и друзья. И редактор...

Меня дёрнуло за язык:

— И невеста?

Глеб серьёзно сказал:

— Невесты пока нету.

— А ты влюблялся? — нахально спросил Юрка.

— Бывало, — засмеялся Глеб. — Но в основном неудачно.

— А зачем влюбляются? — спросил Ерёма.

— Ни за чем. Это бывает само собой, — сказал Глеб.

— Необъяснимое отклонение от логики. Чисто человеческое свойство, — скрипуче подвёл итог Ерёма и сморщил нос.

— А у тебя всегда всё объяснимое? — поддел Юрка. — Скажи, ты зачем статуи в парке громил?

— Это объяснимо. Я думал, они шпионы.

— Кто?! — хором спросили Юрка, Янка и я.

— Шпи-оны. Не все, а некоторые. Я не знал, какие. Бил все. Некоторые не бились.

— Да чьи шпионы-то?

— Я не знаю. Мне казалось.

— А потом не стало казаться? — хихикнул Юрка.

— Нет, потом тоже. Но я не стал. Гражданин милицейский начальник объяснил…

— Что объяснил? Что тебя по голове тазиком стукнули? — со смехом спросил Юрка.

— Он сказал: "Ерёма, если они шпионы, они люди. Нехорошие, но всё равно люди. А робот не имеет права делать вред людям. Никаким".

Я не стал.

— Но ведь они не люди, а просто гипсовые куклы! — крикнул я.

— Разберёмся, — сказал Ерёма. Потом спросил немного другим голосом: — А чего ржёте?

Мы смутились. Разве Ерёма виноват, что не всё знает. Никто же ему не объяснял, что шпионов у нас не бывает.

Вообще-то Ерёма был очень умный. Математику и физику он знал, наверно, лучше наших учителей. И электронную технику. Он изучил эти науки в подвале библиотеки. Но историю он совсем не изучал. В живой природе тоже не разбирался. И писал безграмотно. Такими корявыми буквами, что порой и не разберёшь. Наверно, поэтому он очень интересовался машинкой и любил тыкать в клавиши твёрдым пластмассовым пальцем. Палец часто застревал между клавишами. Ерёма скрипучим шё— потом ругался.

Ерёма был недоволен своей системой. Он рассказывал, что делали его тяп-ляп, чтобы успеть к выставке. От случайного удара голова его перестроилась и поумнела, но конструкция-то лучше не стала. Один раз он долго ворчал, что на корпусе не сделали карманы. Тогда я подарил ему куртку, в которой принёс машинку. Ерёма целый вечер

был как именинник.

Скоро Ерёма совсем переселился в "Курятник". Он притащил старый сундук и сказал:

— На свалке старухи совсем заели. Можно здесь устроиться?

Мы не поняли, что за старухи, но Ерёме были рады. Особенно Глеб. Он говорил:

— Хороший мужик, хотя и железный, умница. Оригинал. Откуда у вас такие берутся?

Мы объяснили, что не "такие", а "такой". Потому что Ерёма — единственный в своём роде. Автоматические дворники и контролёры в кино не в счёт. Они практически совершенно безмозглые.

Ерёма со своим сундуком устроился в дальнем углу "Курятника". За сундуком он, как за столом, читал или что-то царапал на бумаге. На сундуке спал: сядет на него, сложит калачом ноги в бутсе и валенке, привалится к стенке и выключится. Только внутри за жестяными дверцами тикает реле времени.

Сейчас Ерёма был не такой, как в недавней молодости. Песен не горланил, разговаривал сдержанно. Бывало, правда, что раздражался, но редко. Если уж очень сильно Юрка начинал донимать его ехидными вопросами.

Юрке почему-то нравилось поддевать Ерёму.

Начинал он спокойно, невинно так. Например, говорит:

— Ерёма, а почему у тебя такое имя? Несовременное...

— Так получилось, — отвечает Ерёма и поскрипывает внутри.

— Как получилось?

— Сначала было ЭР-м "А". Электронный робот, модель А. Сокращенно — Эрема. Переделали в Ерёму. Постепенно.

— А что такое "модель А"?

— Значит, начальная. А — первая буква в алфавите.

— А что, собирались строить на все буквы?! — радуется Юрка. — Тридцать три братца-богатыря! Самый умный на букву Ы!

Ерёма опускает голову на ребристой резиновой шее. Потом говорит негромко, будто не Юрке, а себе:

— Мне хватило бы и одного...

Нам почему-то не по себе. Даже Юрке.

— Ладно, старик, ты не обижайся.

— Электронные системы не обижаются, — сухо отвечает Ерёма. И, видимо, это неправда.

Я с досадой гляжу на Юрку и говорю:

— Ерёма, дай ему валенком по копчику, чтобы

не болтал!

— Не могу, — объясняет Ерёма с явным сожалением. — Робот не может наносить вред человеку.

— Какой же это вред? Это ему только на пользу!

Ерёма поднимает голову и, кажется, всерьёз обдумывает задачу: вред или польза?

— Но-но, — говорит Юрка и на всякий случай лезет на верхние нары. Туда тяжёлому Ерёме не забраться.

— Вопрос отпадает, — подводит итог Ерёма.

Мы смеёмся. Даже Ерёма весело похрюкивает резиновым носом. И опять нам хорошо вместе.

В "Курятнике" мы собирались обычно по вечерам. Днём у каждого хватало своих дел. У меня, у Юрки и Янки — известно, какие дела: каникулы на дворе. Янка, кроме того, каждый день ходил на музыкальные занятия. Ерёма чистил башмаки прохожим или копался в своём электронном нутре, паял там что-то. Глеб тоже был занят. Начальник станции взял его на временную работу: разбирать старые документы и оформлять стенгазету для пассажиров (которых почти не было). За это Глебу кое-что платили. Он купил себе пару новых башмаков и рубашку.

А ещё он купил несколько пачек бумаги, ко-

пирку и каждый день щёлкал на моей машинке. Быстро-быстро! Многие листы рвал, а уцелевшие складывал в стопку.

Один раз я прибежал раньше Юрки и Янки, а Глеб сидит над машинкой сгорбившись, чешет за ухом снятыми очками. Повернулся ко мне — лицо без очков незнакомое и ужасно печальное.

— Не получается ничего, Гелька… Думал, напишу по порядку, тогда во всём разберусь. Мыслишки приведу в порядок. А ничего не выходит. Белиберда, каша…

Я переминался перед ним, не знал, как помочь. Глеб широченной ладонью провёл по моему ёжику.

— Пойду покурю…

Я остался у машинки. Две стопки напечатанных листов лежали на краю стола. Но лежали они вниз текстом — буквы еле просвечивали через бумагу.

Любопытный чёрт подтолкнул меня. Знал ведь я, что свинство это — совать нос в чужие бумаги, а рука сама приподняла листок…

Прочитать я не успел ни слова. Глеб кашлянул за спиной. Когда он вернулся?

Тут бы и провалиться мне сквозь дощатый пол, сквозь шпалы, сквозь кору Земли. Глубже Ярк-

сонской скважины, на которой работает отец. Не провалился. Только башка опустилась, а шею и уши будто капроновой мочалкой надрали.

А Глеб сказал, словно ничего не случилось:

— Да ничего там хорошего, путаница всякая. До сути я ещё и не добрался… Почитай, если хочешь.

Лучше бы взял за шиворот да выставил из "Курятника".

— Я нечаянно… — глупо пробормотал я.

— Да? — вздохнул он. — А я думал, тебе интересно.

— Мне… интересно, — выдавил я, не поднимая головы.

— Ну и возьми. Можешь забрать домой и почитать. У меня два экземпляра на всякий случай…

Я понемногу перестал краснеть и отдышался. И хотел взяться за чтение прямо сейчас. Но пришли Юрка с Янкой, а за ними грустный Ерёма.

Ерёма взгромоздился на сундук, запахнул куртку и мрачно проскрежетал:

— Выключиться, что ли?..

— Ты чего кислый? — спросил Глеб, забираясь на верхнюю полку и прихватывая машинку.

— Меланхолия, — сказал Ерёма. — Всё пар-ршиво. Один на свете.

— Как это один? — осторожно сказал Глеб. — А мы?

— Вы — хорошо. Но это недолго. Будет осень, все разойдутся, "Курятник" будет пустой. Это с одной стороны…

— Всё равно мы тебя не бросим, — сказал я.

— Понимаю. Это тоже хорошо. С другой стороны. А с третьей стороны, всё равно я один такой.

— Тогда обзаведись детьми, — посоветовал Юрка. — Построишь домик, будешь сидеть с ними у камина и рассказывать, как развлекался в молодости… Только не оставляй их на тётушек.

— Откуда у Ерёмы тётушки, — сказал Янка.

— Да, — согласился Ерёма. — И где взять детей?

— В самом деле… — заметил Глеб.

— Откуда вы вообще берётесь? — сухо спросил Ерёма.

Юрка хмыкнул. Глеб завозился на верхней полке и сказал:

— М-м… да. Видишь ли, Ерёма, человеческий опыт всё равно тебе не пригодится.

— Я не для опыта. Для информации. Я эту проблему ещё не изучал.

Юрка захихикал. Янка лежал на нижней полке, закинув руки, и внимательно рассматривал над собой доски. Я оглядел всю компанию и бодро

заговорил:

— Видишь ли, Ерёма, это большая волокита. Прежде всего нужны два человека — папа и мама. Они договариваются, какой должен быть ребёнок. Потом они идут… в это… в магазин "Детский мир", в самый малышовый отдел, подают заявление… Да, ещё документы нужны, что они именно папа и мама. От других родственников и от посторонних заявки не принимают… Ну, а потом приезжает почтовый фургон, приносят заказ: розовое дитя в коробочке. Воспитывайте… Иногда, правда, перепутывают. У меня мама и папа хотели девочку, а получили рыжего бестолкового мальчишку.

— Почему же обратно не сдали? — спросил Глеб.

— Обратно не принимают. За какого расписались, такого и воспитывайте.

Янка задумчиво сказал:

— А со мной не так было. Мама и папа никого не ждали, а в окошко влетел ветер. Маленький такой ветерок, закрутил по комнате всякие бумажки, лепестки с букета. А когда вылетел — пожалуйста. Я лежу на кровати… Мне дедушка рассказывал.

Я покосился на Ерёму и спросил придирчиво:

— Но документы у мамы с папой всё-таки были?

— Конечно!

Юрка зевнул и сказал:

— А обо мне предания молчат. Думаю, обошлось без документов. Ты, Ерёма, не верь этим бюрократам.

— Балбесы, — отчётливо произнес Ерёма. — Вы не поняли вопроса. Я спрашивал, как получаются дети т а к и е, к а к в ы. Бестолковые и вредные.

Глеб обрадованно захохотал. Но потом спохватился:

— Ерёма! Это сложный научный вопрос. Они же все разные. Вот Янка, например, он вместе со скрипкой на свет появился. Почему?

— Нет, — сказал Янка. — Скрипку дед сделал. Сразу, как я ро… как ветер принёс.

Глеб сказал:

— Принёс бы ты ещё разок скрипку, поиграл бы…

— Ну, пожалуйста.

Янка не стал ждать другого раза. Сказал, что принесёт скрипку сейчас. Это же мигом: туда и обратно — полчаса.

— Я с тобой, — подхватился Юрка.

Они теперь всё время так: если куда один, туда

и другой. А меня когда позовут, а когда и забудут.

Сейчас забыли. И я стал такой же скучный и одинокий, как Ерёма. И полчаса бродил вокруг вагона, сшибая палкой "бабкины бусы". Хотя нет, не полчаса. Они прибежали раньше.

Когда Янка начал играть, я перестал дуться. Просто забыл. Он так здорово играл! Даже Ерёма слушал, подперев башку пластмассовой ладонью.

Янка и раньше устраивал концерты в вагоне. Его хлебом не корми — дай поиграть, а нам нравилось слушать. Я не всегда вникал в мелодию, но любил смотреть, как летает над скрипкой смычок и как мечется по стене Янкина тень. Как он качается на тонких ногах, будто улететь хочет, и как разлетаются у него волосы… Всегда хорошо смотреть на человека, если он что-то делает от души…

В этот раз он играл особенно долго. То песни — знакомые и простые, то что-то запутанное, быстрое. А потом… потом я услышал ту музыку, что играл Янка в день знакомства. Там, на разноцветной веранде.

Оказывается, я эту музыку помнил!

В ней и правда было что-то такое… Ну, не трубы и барабаны, как сказал тогда Юрка, однако что-то

тревожное. Негромкий сдержанный марш. А ещё — плавная и хорошая такая мелодия, которую вдруг что-то ломает, и будто звучат резкие шаги. А затем — тише, тише, тише… И вдруг снова тревожный марш. И сигнал трубы. И конец…

— Это что за вещь? — спросил Глеб, когда Янка опустил скрипку.

— Её Янка с дедом сочинил, — быстро сказал Юрка.

— Да? А что это такое?

— Это… ну, вроде музыкальной пьесы, — застеснявшись, проговорил Янка. — Называется "Восстание".

— Похоже, — сказал Юрка.

И я подумал, что похоже.

Янка сел, положил скрипку на колени и объяснил:

— Это так случилось… Я ещё в первом классе был, и дедушка рассказал мне про одно давнее восстание. Там была баррикада, и на ней отбивались от врагов взрослые и ребята… Мы про это и стали придумывать музыку. Ну и вот…

— А они победили? — спросил я. — Те, кто на баррикаде.

Янка покачал головой:

— Нет, они просто отбились и ушли. Те, кто

не погиб.

— Такие восстания редко побеждали, — сказал Глеб.

— Почему? — удивился я.

— Подумай сам, на баррикаде много ли навоюешь? Враги лезут и лезут, а у тебя патроны кончаются, хлеба и воды тоже нет. Вот и остаётся погибнуть или уйти куда-нибудь. Если не хочешь сдаться.

— Нет, они не сдались, — тихо сказал Янка.

Когда мы шли домой, за тополями светил закат, а над головой уже появились звёзды. Было хорошо, и я забыл все грустные мысли. У меня в голове толкалась музыка Янкиного "Восстания". Потихоньку я стал насвистывать марш.

Юрка вдруг сказал:

— Гелька, помнишь, ты просил у меня арабскую монетку?

Я помнил. В прошлом году Юрка где-то раздобыл медную денежку с заковыристыми буквами и с круглой дыркой посредине. Появилась тогда у мальчишек мода — носить старинные монетки на шее, на шнурке. Будто амулет штурмана Кареева из фильма про скадерменов. Но я-то не для этого её просил, а для коллекции. Юрка не давал.

— Ну и что? — удивился я. — Это же когда бы-

ло…

— А сейчас? Хочешь?

— Ну… хочу.

— Только уговор…

— Какой?

— Не свисти, ладно? У тебя слух, как у больной курицы.

Я сбил шаг. Будто снежком в лицо вляпали. За что? Но… я ничего. Пошёл дальше. Всё сделалось по-другому, но я шёл.

Янке, видно, стало не очень-то хорошо.

— Юр… — проговорил он.

— А что? Я правду говорю.

Конечно, он правду говорит… Я сказал:

— Ну давай.

— Что?

— Монетку. Я же перестал свистеть.

Юрка хмыкнул, зашарил в необъятных карманах. Положил мне в ладонь монетку. Я размахнулся и бросил её вдоль улицы.

И сразу я быстро пошёл вперёд, оторвался от Юрки и Янки. Было тихо. Только стучали по камню мои шаги, да шелестели на груди листы Глеба — я сунул их под майку.

О ЧЁМ ПИСАЛ ГЛЕБ

Дома я был такой насупленный и так мне было всё равно, что даже с тётей Викой я не спорил. Послушно умылся, послушно съел морковь со сметаной, послушно пошёл спать.

Но не заснул, обида грызла. На Юрку. После того, как появился Янка, Юрка стал со мной совсем не таким. Будто надоел я ему, будто я опять "Копейкин"…

На Янку я ни капельки не злился. Если бы нам втроём одинаково дружить, я бы только радовался. Но теперь я в сторонке. Всё время я это чувствую. Иногда просто до слёз чувствую…

А что, если Юрка станет уже не друг, а… просто как все мальчишки? Тогда мне как жить? У меня же… если честно говорить, у меня кто есть на свете? Мама, папа да Юрка. Он-то этого не знает, про такие вещи не говорят никому. Но себе можно сказать. Если не вслух, а мыслями. Если ночью, когда рядом никого нет…

Я лежал, выбросив подушку и запрокинув голову. Смотрел на розовую луну в бледном небе. Быстро темнело, и луна становилась всё ярче. И расплывалась, расплывалась в глазах. Я со злостью моргнул, перевернулся на живот.

Ладно, Юрочка, живи как хочешь, я набиваться в друзья больше не буду. В конце концов, и без

тебя хватает на свете хороших людей. Вот Глеб… Между прочим, не тебе и не Янке, а мне одному он дал почитать свои записки.

Я включил фонарик и взял с подоконника листы…

"Я должен всё написать по порядку. Мне сейчас не до красоты стиля. Главное — чтобы точно. Чтобы разобраться в этой истории. Я был бы уверен, что всё это сон, если бы не мальчишки. Очень уж они живые. В том смысле, что настоящие…

Да, я же хотел по порядку. Вот так.

Я, Глеб Сергеевич Вяткин, корреспондент районной газеты "Маяк" в городе Колыче. В этот город я приехал три месяца назад, когда перешёл на заочное отделение и попросил заведующего кафедрой печати подыскать мне какую-нибудь должность в газете. Меня долго не хотели отпускать с факультета: "Зачем тебе это надо, четвёртый курс, куда-то ехать из Москвы, ты так и застрянешь в районке, какая глупость…"

Каждому своё. Москвы за три года мне хватило. По крайней мере, пока. Районка? Ну и хорошо. Я всю жизнь (кроме армии и университета) прожил в районном Ново-Вятске, я люблю маленькие города. Я хотел работать и писать первую в жизни книгу. Сам ещё толком не знаю, о чём эта книга.

Но, чтобы её писать, надо работать, надо делать дело…

Мне двадцать четыре года. До семи лет я жил с родителями. Потом случилась катастрофа. Они первый раз в жизни отправили меня в лагерь, а сами полетели отдыхать к морю, и самолёт разбился при посадке… Меня определили в интернат. Я хорошо помню этот чёрный год: и застывшее внутри меня, как ледяной ком, горе, и сны, когда мама и папа снова живые, и тоску… К интернату я привыкал медленно. Два раза убегал в лес, чтобы построить дом и жить в одиночку. Потом всё же привык. Только мечта о собственном доме (или просто о комнатке, о каюте, где ты один) с той поры у меня была всегда.

С семи лет и до приезда в Колыч у меня не было своего угла. Сначала большие спальни в интернате, потом общежитие в строительном ПТУ. Затем казарма в военном городке. Из-за слабого зрения в строй меня не взяли. Был писарем в штабе, потом перевели в дивизионную многотиражку. Когда закончилась служба, военное начальство дало мне характеристику для поступления в университет: в газете я печатал кое-какие рассказики и репортажи.

Без большого труда я поступил на факультет

журналистики (и опять общежитие, вернее, комнатка на двоих).

Всё шло хорошо в смысле зачётов, экзаменов и курсовых работ. Но написать ничего дельного не мог. Начал повесть об армейской жизни — не вышло. Пробовал писать про детские годы — тоже не смог. В интернате хватило всего — и горького, и хорошего, но вечное ощущение сиротливости проступало в памяти и сквозь радости. Я не хотел об этом.

Я хотел что-то найти. Своё.

Как в одном детском сне: стою посреди пустой улицы в громадном незнакомом городе и чего-то жду. Улица — прямая, длинная, уходит неизвестно куда. И я знаю — можно по ней шагать и шагать, и она поведёт из города через леса и степи, вокруг Земли. И будет много-много интересного, незнакомого. Может быть, — опасного и страшного. Я не боюсь, но что-то не даёт мне сделать первый шаг. Будто должен кто-то подойти и что-то сказать. И вдруг я думаю: "Чего я жду? Здесь у меня никого и ничего. А впереди обязательно что-то есть!" И я шагаю... и просыпаюсь...

В общем, я перешёл на заочное отделение и приехал в Колыч. Редактор в "Маяке" оказался неплохой дядька, но он, видимо, решил: чем

больше взваливать на молодого сотрудника дел и заданий, тем скорее он станет "газетным волком". И пошло: я метался по району, писал репортажи о механизаторах и отчёты с совещаний передовиков, зарисовки о жизни местного ПТУ и корреспонденции о заводе "Богатырь". Я не отказывался ни от какой работы, не спорил. Лишь два раза я сцепился с ответственным секретарём газеты, когда он вычёркивал у меня самые интересные абзацы. Мы долго орали друг на друга, но оба раза секретарь уступал. Он был крикливый, но не злой старик.

Кстати, этот наш ответственный секретарь и пожалел меня, когда увидел, что я совсем вымотался. Он сказал редактору:

— Митя, ты совсем загонял парня. Пускай Глебушка съездит на три дня в пионерский лагерь. Напишет, как загорают наши ребятишки, и сам заодно позагорает, по лесу побродит, подышит полной грудью и от нас, от старых склеротиков, отдохнёт...

Редактор "Митя" сперва заскрипел, что все, мол, хотят дышать, а писать о заготовке кормов должен, значит, Николай Васильевич Гоголь, но глянул на меня и махнул рукой:

— Сегодня четверг. Мотай и дыши до поне-

дельника.

Я подхватил сумку и махнул на вокзал.

До Старо-Талицы, рядом с которой лагерь, ехать два часа на поезде. По закону вечного свинства нужная электричка уже ушла, следующий поезд только вечером. Я вышел на платформу и стал подумывать о попутном товарняке. Но не было ничего подходящего. Стоял один состав, но без тепловоза — неизвестно, когда и куда двинется. Промчался другой, но на полной скорости и сплошь одни цистерны…

Когда цистерны перестали мелькать, я на самом дальнем пути заметил зелёный поезд. Старенькие вагоны с площадками и крутыми крышами. Прямо музейный экспонат под открытым небом. Конечно, это был какой-то пригородный поезд, такую рухлядь не станут посылать на дальние расстояния. Я взлетел на виадук, промчался над путями и оказался как раз у поезда. В этот момент он тронулся. В ту сторону, куда мне надо. На проходящих вагонах я заметил таблички:

Ст. Мост — ст. Мост

"Кольцевой, что ли? — подумал я. — И что за станция Мост?" Но дальше думать было некогда. Я вскочил на площадку последнего вагона. В

конце концов, куда бы этот древний поезд ни ехал, мимо Старо-Талицы не провезёт, линия здесь одна. Билета не было, но я решил, что покажу редакционное удостоверение и отговорюсь срочной командировкой. В крайнем случае суну проводнице рубль.

Однако в вагоне никого не оказалось. Ни проводницы, ни пассажиров. Только сквозняки влетали в открытые окна и крутили среди облезлых скамеек мусор.

Я сел у открытого окна, достал блокнот и начал мусолить первую фразу новеллы, которую собирался написать про картину неизвестного художника в Колычской галерее:

"Под вечер солнце косо падает в крайнее окно и освещает нижний угол тяжёлой рамы..." Мне мешали эти дурацкие навязчивые буквы "ж" в стоящих рядом словах:...ниж-жний... тяж-жёлой... Я стал перестраивать фразу и на те места, мимо которых ехал, совсем не смотрел.

И теперь я не могу точно сказать, когда эти места исчезли. Куда сгинули.

Сильно тряхнуло, я поднял голову. И ничего не смог понять (и сейчас не могу). Мы ехали не в ту сторону. Я не помнил, чтобы поезд тормозил и менял направление, но ехали мы явно назад. И

главное — неизвестно где.

Поезд проскочил мостик над оврагом и пошёл вдоль широкой реки. Я увидел на холмах городок со множеством колоколен, какие-то белые купола. Хороший такой городок. По реке, не отставая от поезда, мчался теплоход невиданной формы. Вернее, не по реке, а над рекой — видимо, на воздушной подушке.

Я мотал головой, как ошалевший телёнок. Потому что во всей округе у нас не было большой реки. И города, кроме Колыча, не было. Я исколесил район и знал его досконально.

Легче всего было предположить, что я сплю. Но вагон снова тряхнуло, и я треснулся затылком о трубу воздушного тормоза. Достаточно крепко, чтобы проснуться..."

На этом кончился очередной лист, а дальше страницы шли не по порядку. Они оказались без номеров и, видимо, были перепутаны. Я читал уже отдельные отрывки.

"...станции Старые Горы в нашем расписании нет.

Он говорит:

— А в нашем нет никакого Колыча. Посмотрите внимательно сквозь ваши очки, чёрт возьми! Где

я вам возьму станцию, которой нет на свете?!

Я разозлился совсем по-глупому:

— Это ваших Старых Гор нет на свете!

— Вот и прекрасно! Тогда отправляйтесь на ту станцию, которая есть, а мне не мешайте работать.

Я говорю:

— Дайте схему путей вашего участка.

— Может, вам всю документацию развернуть? Может, вы ревизор? Так я вам заранее скажу: она в полном беспорядке, эта документация! Можете увольнять! У меня нет должности делопроизводителя, чтобы чистить архивы !

— Мне архивы не нужны! Схему дайте! Я журналист, вы обязаны!

— Надо ещё разобраться, что вы за журналист… Да вон она, схема, на стене висит! Все дороги нашего управления !

Я больше часа торчал перед картой, всё пытался понять, что это такое. Колыча не было. Старо-Талицы тоже не было. Ничего, что знакомо…

У меня за спиной кто-то закашлял. Я оглянулся — пожилой милиционер.

— Здравия желаю, — говорит. — Документы ваши позвольте полюбопытствовать.

Я дал ему удостоверение. Он почитал, пожал

плечами.

— Издалека, видать…

Начальник станции тут же сунулся:

— Пассажир утверждает, что ехал не больше двух часов.

— Бывает, — сказал милиционер. — А вы случайно… я, конечно, извиняюсь… когда в вагон садились, немножко не того?

— Нет, "не того". Я вообще никогда "не того"!

— Похвально, конечно… — Он отдал мне удостоверение, на начальника станции поглядел, руками развёл.

— Разбирайтесь, — говорит, — сами…"

"… — А эта станция Мост, она-то где?

— Да нет же, нет такой станции! — заорал он.

Вообще-то он, по-моему, неплохой человек, добродушный на вид. На нашего ответственного секретаря похож — тоже лысоватый, кругленький. Если и сердится, то не всерьёз. Но тут я его просто до бешенства довёл. А что мне было делать?

— На поезде же написано, чёрт побери! "Эс, тэ, Мост"!

— Где? Где он, поезд?! Покажите мне его!

— Да там он стоял! На крайнем пути! Вы начальник станции или парикмахер? Не знаете,

какие поезда у вас проходят?

Мы вышли на перрон.

— Где? На каком пути? — стонет он, бедняга.

— Вон на том, за водокачкой!

— Господи! Да там же тупик! Видите, там старый вагон! Он там сто лет стоит!

Я плюнул и пошёл через рельсы.

Подхожу — правда, тупик. Правда, вагон..."

"Буфетчица и говорит:

— Странный у вас рубль какой-то...

— Почему странный?

— Да вот... цифра не с того краю. Цвет какой-то...

— Всю жизнь получаю зарплату такими рублями, — сказал я. А сам думаю: "Пора уносить ноги. Так я и в фальшивомонетчики угожу". Однако она рубль взяла, дала гривенник сдачи...

И пошёл я снова на вокзал. Думаю — вдруг чудо? Вдруг там стоит этот самый поезд? Нет, всё тот же тупик, всё тот же старый вагон. Я постоял, подумал и забрался внутрь..."

"...этот дурак в "Вечернем Старогорске". Тоже мне — коллега! "У нас, — говорит, — в последнее время просто наплыв авторов-фантастов. Один рассказывает сказку про гипсовых пришельцев

из другой галактики, второй историю вроде вашей, третий про машину времени в виде трёхколёсного велосипеда. Такие вещи надо печатать в столицах, там специальные журналы. А у нас городская газета, местные новости..."

"...если бы не эти мальчишки. Особенно Гелька.

Мне показалось, что в этом городке, таком ласковом и хорошем, все должны быть весёлыми. А у Гельки то и дело тревожные глаза. И почему-то он очень часто ощетинивается обидой, как шипастым щитом. Я такой был — это понятно. А он-то с чего? Живёт нормально, никаких забот... Никаких? Откуда я знаю?

Господи, что я вообще знаю об этом мире? Какой он? Как меня сюда занесло? В этот непонятный край, где вечером передают по телевизору новости о разведчиках Марса, а с мальчишками дружит скрипучий робот-меланхолик...

А может быть, Дмитрий Афанасьевич, начальник станции, прав? Мы пили чай у него в кабинете, и он сказал :

— Глеб... А если тебе просто привиделся твой Колыч? Ты не обижайся, бывают иногда такие заскоки, особенно у писателей.

Я подумал: а что, если правда?

Но удостоверение…

Нет, я совсем какую-то ерунду пишу.

Дмитрий Афанасьевич предложил:

— Давай устрою в гостиницу.

— Нет, я в вагоне. Пока тепло… Как-то привычнее.

Дело, конечно, не в том, что привычнее. Просто я боюсь уходить со станции. Всё надеюсь: вдруг опять появится тот поезд…

— Ну, живи, не жалко. Только смотри, чтобы пацаны твои не баловались…

— Нет, они спокойные ребята…"

"…одиночество. Какая-то грустная законо-мерность. Сошлись те, кому дома чего-то не хватает. У Гельки отец на Севере, и мать снова уехала к нему. Юрка — сумрачный и будто на ключик запертый — сам уехал от матери. Янка… у него вроде бы всё хорошо, но… не знаю. Почему он всё "дедушка" да "дедушка", а о родителях ни слова? И в музыку свою уходит, будто спасается от чего-то. Как я спасался, придумывая книжки, которые когда-нибудь напишу…"

"Опять не получается по порядку.

Вспоминаю мою комнатку в Колыче. Я по ней скучаю. По редакции тоже скучаю. И по прокля-

той своей работе! Я там нужен был людям! А здесь я кто?

По комнатке — какая-то особая грусть. Ведь это первая в моей жизни м о я комната. Я оклеил её не обоями, а географическими картами — от пола до потолка. Полку для книг прибил. Печку побелил. Батареи тоже есть, но когда в печке огонь горит, как-то веселее. Купил в рассрочку "Электронику". Экранчик маленький, но мне такой и нравится…

До сих пор люблю детские передачи. В Колыче всегда смотрел "Вечернюю сказку" местной студии. Она начиналась с той же песенки, что в Ново-Вятске, в давние времена. В интернате у нас эти вечерние тридцать минут были лучшим временем. Соберёмся у телевизора в кучку, будто дома, в семье… На экране — сказочный городок, часы на башне, и начинается песенка. Мне особенно нравилось:

И если были слёзы в этот день,
Придёт другой — теплей и веселее.
Ты сказку за руку возьми —
назло беде.
И улыбнись.
Она тебя согреет…"

Я беспокойно завозился под одеялом. Но дочитал страницу до конца:

"Здесь тоже по вечерам детские передачи. Но песенка другая, незнакомая.

Юрка притащил мне маленький, меньше моей "Электроники", телевизор. Он часто барахлит, зато цветной. Когда нет ребят, я его включаю и смотрю всё подряд. Некоторые передачи просто не пойму. Или это цикл "Очерки из будущего", или..."

Я выбрался из постели. Вытащил из шкафа спрятанный за книжками свой "Журнал наблюдений Звёздной станции Гелия Травушкина". Открыл наугад и увидел сразу:

"16 нюня 209 г.к.э.

Сегодня были громкие шелестящие звуки, а потом опять пробилась колыбельная песенка, я слышу её уже третий раз. Разобрал в ней слова: "И если были слёзы в этот день, придёт другой — теплей и веселее..." Хорошо, что придёт. У меня самого сегодня были слёзы. Один раз из-за Юрки, а другой раз из-за тёти Вики. Но с Юркой я помирился. А с тётушкой не буду".

Я спрятал журнал за книги. Листы Глеба — тоже.

...Глеб, откуда ты, а?

ОГНЕННЫЙ РЕЦЕПТ

С Юркой я назавтра помирился. А что ещё было делать?

Жизнь в "Курятнике на колёсах" пошла по-прежнему.

Ерёма повесил в своем углу вырезанную из журнала фотографию: портрет мальчишки. Мальчишка небольшой — класса из первого или из второго. И весёлый такой! Голову запрокинул и хохочет. На носу конопушки, а в глазах два солнышка.

Глеб подошёл, присел, упёршись в колени, долго разглядывал портрет. Потом сказал:

— Славный парнишка... Кто это, Ерёма? Знакомый, что ли?

Ерёма что-то царапал на бумаге. Он проскрипел неохотно:

— Знакомый, незнакомый, какая разница? Ваську такого буду делать...

Тут мы все подошли. Что он задумал?

— Какого Ваську?

— Говорю: вот такого... — Он кивнул на снимок.

— В точности? — удивился Янка.

— Не в точности, — разъяснил Ерёма, не отрываясь от бумаги. — По характеру похожего. А с виду будет вроде меня. Только маленький. Роботёнок-ребятёнок. Васька… Я ему буду папа и мама.

— Да-а… — задумчиво сказал Глеб и почему-то вздохнул.

Ерёма поднял голову и обвёл нас зелёными индикаторами.

— А чего одному век вековать? Будет Васька, будем вдвоём…

Путешествовать пойдём по дорогам, белый свет глядеть…

— Меня с собой возьмите, — сказал Юрка, не то дурачась, не то всерьёз.

— Только потом возвращайтесь, — попросил Янка.

Ерёмина идея нам понравилась. С роботёнкам-ребятёнком жить ему станет веселее. И вообще здорово, если появится на свете маленький железный Васька с таким вот неунывающим характером. Будет нам товарищем. Можно попросить, чтобы в школу записали. Если способности окажутся, как у Ерёмы, сразу отличником сделается.

Ерёма увидел, что мы радуемся, и настроение у него подскочило. Он замурлыкал музыку и объяснил:

— Руки-ноги из дюралевых трубок составлю, чтобы легче было бегать-играть. Пацанёнок ведь... Для туловища ферропластовую канистру нашёл, непробиваемую. Голову, наверно, из чайника сделаю. Чтоб веселее. Пускай с поднятым носом ходит.

— Голову лучше как у тебя, — возразил Янка. — Чтобы похож был на родителя.

— Подумаем, — согласился Ерёма.

Юрка с ехидцей спросил:

— А внутри-то что будет, в голове?

Ерёма сказал небрежно:

— Что в голове, это не вопрос. Мозги я ему давно рассчитал. У меня суперблоков памяти полсундука припасено... Другое худо: не знаю, как наладить Ваське питание.

— А в чём сложность? — удивился Глеб. — Делай по своему образцу.

— Ну да, по своему, — обиженно заскрипел Ерёма. — Я-то вон какой шкаф, а он маленький. Как ребятёнок будет в себе таскать пудовые аккумуляторы?.. А с подзарядкой какая морока... Был бы двигатель типа "В"! Самое подходящее

для пацана.

— Что за тип "В"? — спросил я. — С вентилятором, что ли?

Ерёма слегка рассердился:

— Голова у тебя с вентилятором. "В" — значит вечный.

Глеб тихо свистнул. Юрка сказал:

— Ты, Ерёма, зациклился малость. Дошкольники и те знают, что вечный двигатель — бред сивой кобылы.

— А что такое кобыла? Робот?

Мы чуть не померли от хохота.

В динамике у Ерёмы прорезались нехорошие нотки:

— Дошкольники, конечно, всё знают. И школьники тоже. И академики... А если не знают, сразу говорят: "Так не бывает, потому что мы не проходили". Недаром колесо Шишкина никому не показали.

Мы пристали к нему: что за колесо? Ерёма покапризничал, но потом рассказал такую историю.

Пять лет назад на выставку детского технического творчества (ту самую, с которой Ерёма сбежал) восьмиклассник Шишкин принёс колесо. Простенькое, деревянное, размер, как у детского велосипеда. Колесо держалось на оси,

а ось лежала концами на подставках. У колеса были широкие спицы с желобками, в желобках перекатывались железные шарики. Они словно подталкивали своей тяжестью обод колеса, и оно вертелось…

Янка засмеялся и сказал:

— Это же шутка! Её ещё древние механики придумали, чтобы простаков обманывать. Такой двигатель не может работать!

Ерёма покивал:

— Не может. Все так и сказали. Но он работал…

Двигатель работал. Колесо останавливали, но через минуту оно принималось вертеться опять. Вертелось днём и ночью. И модель спрятали в кабинете директора. Потому что она безобразным образом нарушала все законы физики, механики и многих других наук… А Шишкину, кажется, попало.

Глеб покачал головой и сказал:

— Всё равно там была какая-то хитрость.

— Была, — снисходительно согласился Ерёма. — Шарики в колесе катались просто для вида. Колесо и без них могло вертеться. Шишкин мне потом рассказал один на один, в чём там дело. Он просверлил у колеса ось и спрятал в неё искорку.

— Что за искорку? — спросили мы хором.

— Живую негаснущую искорку. В ней энергия. Тип "В".

— Сдвинулся ты на этом типе, — сказал Юрка. — Не бывает таких искорок.

— Колесо-то вертелось, — возразил Ерёма. — Думаешь, из-за шариков? Значит, у тебя самого шарики не там.

— Ну, тогда сделай такую искорку, — посоветовал Юрка.

Ерёма сразу помрачнел.

— Не могу.

— Шишкин-то смог, — поддел Юрка. — Разве ты глупее?

— Не глупее, — сообщил Ерёма. — Шишкин человек, я робот. Человек может, робот нет. Такой рецепт.

— Что за рецепт? — спросил Глеб.

Ерёма наклонился над своим чертежом и не ответил.

— Ерёма, что за рецепт? — повторил Глеб..

— Ну… как её зажечь, — недовольно проскрипел Ерёма.

— Эту живую негаснущую искорку?

— Ну…

— А что в этом рецепте? — быстро спросил Янка.

— Забыл.

— Ерёма, врать нехорошо, — сказал Юрка. — Ты сам говорил, что электронные системы ничего не забывают.

Ерёма яростно скрёб толстым карандашом по бумаге.

— Ну чего ты молчишь?! — не выдержал я. — Может, мы сумеем сделать искорку для твоего Васьки!

— Потому и молчу, — хмуро отозвался Ерёма.

— Сам же хотел двигатель типа "В", — напомнил Глеб.

— Хотел. Потом понял: вам делать нельзя. Будет вред. Из-за меня. Робот не может делать человеку вред.

— От чего вред? От искорки? — не поверил я.

— Нет. Вред, когда делают.

— Шишкин же сделал… — напомнил я.

— Это его дело, — проскрипел Ерёма. — Ему не робот давал рецепт. Он его узнал от ржавых ведьм.

Юрка хохотнул:

— От кого?

— Повторяю отчётливо: от ржавых ведьм.

Мы навалились на бедного Ерёму с вопросами: что за ведьмы? И Ерёма подробно, неторопливо

(наверно, чтобы мы забыли про рецепт) стал рассказывать, что на большой железной свалке за городом живут костлявые растрёпанные старухи в перемазанных ржавчиной платьях. Они не роботы, но и не совсем люди. Ведьмы. По ночам, когда круглая лупа, они выползают из жестяных шалашей и пляшут на пустых железных бочках. Что они ещё делают, Ерёма не знает, хотя он жил на свалке долгое время. Знает только, что есть старухи ничего, не злые, а есть н ужасно вредные (они Ерёму и выжили со свалки). Все эти ведьмы — очень умные. Разбираются в науках и в колдовстве, особенно когда дело касается металлов.

— А Шишкин-то здесь при чём? — напомнил я.

Ерёма с досадой лязгнул пол курткой дверцами живота и сообщил, что Шишкин познакомился с ведьмами, когда искал на свалке какие-то детали. Он был вежливый, образованный и ведьмам понравился.

Юрка сказал, что у Ерёмы явный сдвиг в мозгах: помехи и электромагнитный бред, старухи какие-то, бочки, луна…

— Не веришь, сам сходи на свалку и посмотри, — разозлился Ерёма. — Лучше всего ночью. Сейчас как раз полнолуние.

— А мы все вместе сходим, — хитро сказал

Глеб. — Верно, ребята? Повстречаем бабушек, выспросим рецептнк. Мы тоже вежливые и образованные. Не хуже Шишкина…

Мы с Янкой завопили, что ура, конечно, так и сделаем. Юрка хмыкнул. А Глеб задумчиво произнёс:

— Только обдерутся ребята среди ржавого железа, исцарапаются. Заразу какую-нибудь подхватят… Вот это будет вред! Имей в виду, Ерёма, из-за тебя.

Ерёма сложил на груди руки и упрямо сказал:

— Пусть. Это меньший вред, чем делать искорку.

— Да кто тебе сказал, что мы будем её делать? — воскликнул Глеб и подмигнул мне. — Нам просто хочется узнать, что за рецепт. Любопытно, вот и всё! Верно, ребята ?

Мы дружно закивали. Даже Юрка.

— У меня такое свойство характера, — объяснил Глеб. — Болезненное любопытство. Если что-то мне начали рассказывать, а до конца не объяснили, начинаются головные боли и бессонница.

Мы с Янкой в один голос заявили, что у нас от любопытства такие же страдания.

— Плюс расстройство желудка, — добавил Юрка то ли про себя, то ли про нас.

— Видишь, Ерёма, сколько людей будут мучиться! — закончил Глеб. — Снова получается, что из-за тебя вред. Как ни поверни…

— Врёте вы всё, — уныло сказал Ерёма.

Мы заорали, что не врём, а Ерёма нас бессовестно мучит.

— Чёрт с вами, — сказал Ерёма и встал.— Я скажу… Нет, я говорить не буду ни словечка, я лучше на машинке настучу. А потом, если что не так, я не отвечаю…

Мы ему наперебой поклялись, что всю ответственность берём на себя. Ерёма сердито проковылял к машинке, заправил в неё лист и застукал по клавишам. Мы стали заглядывать через плечо, но он пригрозил:

— Будете соваться, не стану печатать.

Стукал он минут пять, мы прямо извелись. Наконец он отошёл от машинки. Мы кинулись к листу. На бумаге была какая-то дребедень:

трик Ап Лик РОВин Адавзя
ть четыреил ипять
Пат ом…

И так далее. Несколько строчек.

— Бедный Ерёма, — сказал Юрка.

Но Глеб выдернул лист из машинки, поднёс

к очкам.

— Постойте, постойте… Дайте-ка, я… Тут нужна небольшая редактура.

Он опять вставил бумагу и начал быстро печатать пониже загадочных Ерёминых строчек. И через минуту мы прочитали:

Три капли крови надо взять,
Четыре или пять.
Потом с движеньем их смешать,
С полётом их смешать.
Надёжной прочности туда
Добавить хорошо —
И кровь исчезнет без следа,
И в пузырьке у вас тогда
Заблещет порошок.
Его, дождавшись заката дня,
Зажги ты от праздничного огня.
У искр улетающих жизнь коротка.
Останется только одна на века.

— М-да, — сказал Глеб. — Не очень вразумительно. И с точки зрения поэзии, прямо скажем, на троечку.

— Поэзия — это фиг с ней, — вмешался Юр-

ка. — Ведьмы сочиняли, а не Пушкин. А как тут разобраться: с каким полётом смешивать? А может, с помётом?.. Ерёма!

— Что знал, то написал, — буркнул Ерёма. — Технологию не знаю. Шишкин делал.

— Ты будто не хочешь, чтобы у твоего Васьки живая искорка была, — с досадой сказал Янка.

Ерёма топнул валенком так, что подскочила машинка.

— Я же не имею пр-рава! От этого вред будет! Всем! Порошок же надо на крови замешивать!

— Подумаешь, вред, — хмыкнул Юрка. — Тут по одной капельке надо. Всё равно что для анализа, из пальца.

— Это не для анализа, — глухо сказал Ерёма. — Для колдовства. Эти капельки человеческую жизнь сокращают. Доказано.

Мы помолчали. Переглянулись. Янка тихо спросил:

— Намного сокращают?

— Не знаю… — отозвался Ерёма. — Наверно, не намного. Капелька — на капельку. Но всё равно…

Мы опять посмотрели друг на друга. Глеб, Янка, Юрка, я… И, видимо, каждый подумал, как я: "Ну что одна капелька?.." Наша жизнь вся была

впереди, до глубокой старости.

Янка погладил Ерёмино плечо и сказал:

— Зато будет живой Васька. А от этого у нас будет радость. Она сильнее вреда. Вред капельный, а радость большая.

— И радость продлевает человеческую жизнь, — добавил я.

— Это доказано, — подтвердил Глеб.

А Юрка сказал:

— Так что давай уж, Ерёма, раскалывайся до конца. Ради Васьки.

Ерёма поскрежетал, внутри у него потрещало, будто помехи в телевизоре. Мы ждали.

— Ну ладно, сказал он. — Только я ни при чём… Это должен быть металлический порошок. Мелкие опилки. Если "движение" — надо наскрести их от какого-нибудь колеса…

— Хоть от нашего? — спросил я. — От вагонного?

— Вполне, — согласился Ерёма.

— Значит… если "полёт", надо что? От самолёта опилки? — воскликнул Янка.

— Выходит, так, — согласился Ерёма.

— Где же самолёт-то взять? — озабоченно сказал Глеб.

— Да в парке, — вспомнил Юрка.

В самом деле! В городском парке стоял на площадке четырёхмоторный лайнер прошлого века. В нём был теперь маленький детский кинотеатр. Долго ли забраться под крыло да наточить опилок с дюралевой заклёпки?..

— А вот что такое прочная надежность? — недовольно поинтересовался Юрка. — Ерёма…

— Клянусь всеми транзисторами, не знаю. Шишкин говорил, но я не понял.

Глеб почесал за ухом снятыми очками.

— Вообще-то… если рассуждать логично, колёса и крылья — это символ движения в двух стихиях. На земле и в небе. Значит, нужна и третья стихия — вода.

— Корабль, что ли, скрести? — сказал Юрка.

— Не корабль, а, наверно, якорь. Якорь всегда был символом надёжности. От якоря зависит безопасность судна…

— Это не я, это вы сами догадались, — опасливо сказал Ерёма.

— Сами, сами, — засмеялся Глеб. — А где добыть якорь, братцы?

В самом деле, где? Наш город от моря далеко. По реке, правда, ходят грузовые и пассажирские суда, но как до них доберёшься?

Все заскребли затылки. Потому что… вот ведь

как вышло! Сперва никто этой истории про искорку не верил. Просто так болтали. Ерёму поддразнивали. А потом незаметно получилось, что всё это всерьёз. И очень хочется зажечь живую искорку, в которой хранится вечная энергия.

Сказка?

А кто знает, где сказка, где наука? Про снежных людей тоже говорили — сказка. И про говорящих дельфинов, и про живые кристаллы... Может, и ржавые ведьмы есть. А искорка... Вдруг это сгусток неизвестных науке энергетических полей? Мало ли что... А теперь дело может провалиться, потому что никто не знает, где взять якорь.

Но я уже знал, я вспомнил!

— Якорь есть!

— Где? — обрадовался Янка.

— На складе ёлочных игрушек!

Все, даже Ерёма, посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Юрка плюнул и сказал:

— Всю жизнь у тебя, Копейкин, заскоки. Люди о деле говорят, а ты со своим юмором... Янка, давай махнём на "Стреле" до вашего Приморска. Туда и обратно — не больше суток. Там на разных памятниках якорей сколько хочешь. Тебя пустят?

Вот как! Опять "Янка, давай"! А я — Копейкин. Хорошо Ерёме — у него глаза всегда сухие, а

нервы из никелевых сплавов. А я-то человек! Я выпрыгнул из вагона и пошёл через лебеду.

Они кричали мне вслед: "Гелька, ты чего? Ну, сам же виноват! Гелька, да вернись ты! Гель..."

А я шёл...

ЛУННАЯ ПЕСНЯ

Дома ждала меня новая беда. Бабушка деревянным голосом сказала с антресолей:

— Подымись ко мне, Гелий.

Я поднялся с нехорошим предчувствием.

— Гелий, где дедушкина машинка?

У меня сразу — брык — голова ниже плеч. Дурацкий такой характер: если я в чём-то виноват, ни спорить, ни отпираться не могу. Стою носом вниз, краснею и молчу.

— Гелий, ты будешь отвечать?

Отвечать, конечно, придётся. Надо только переждать, когда перестанут противно слабеть ноги и растает в животе холод, который туда наливается от страха.

— Ну? — сказала бабушка.

— Ну? — сказала тётя Вика. Она сидела здесь же, в бабушкиной комнате.

Я переглотнул и прошептал:

— Я её дал на два денёчка…

(Ничего себе, два денёчка! Две недели уже Глеб на ней стучит. А я не решаюсь сказать, что хватит. Работает человек…)

— О-о… — простонала бабушка и села.

— Кому дал? — деловито поинтересовалась тётя Вика.

— Одному… журналисту. Знакомому… Он попросил…

— Что ты сочиняешь! — воскликнула тетя Вика. — Какому журналисту? Кто он такой? У журналиста нет своей машинки? Ему понадобилась эта, старинная, без электронного блока?

— Реликвия… — вставила бабушка.

— Так получилось, — пробормотал я. — Очень было надо.

Тётя Вика с горечью покачала головой.

— И ты не мог попросить разрешения? Почему?

— Вы бы не дали…

— Именно! — сказала бабушка. — И ты пошёл на обман. На чудовищное вероломство. Тайком взял не принадлежащую тебе вещь и с трусливой хитростью оставил футляр! Чтобы скрыть следы! О, если бы ты мог осознать всю глубину…

— Всю глубину он осознает потом, — пообе-

щала тётя Вика. — Сначала машинка. Где она? Надеюсь, она цела?

Я поднял глаза.

— Цела! Конечно! Я сейчас…

Я бросился в дедушкину комнату, схватил футляр, крикнул уже из прихожей:

— Сейчас принесу!

Может, если сразу принести, не будут сильно воспитывать?

Я мчался к станции, а футляр колотил меня по ноге и царапал бронзовым уголком. Я не обращал внимания. Но перед вагоном я отдышался. Заправил майку. Принял спокойный и независимый вид. В "Курятнике" всё было по-прежнему. Ерёма чертил, Янка и Юрка о чём-то разговаривали. Они посмотрели на меня виновато.

Глеб настраивал карманный телевизор. Я небрежно сказал Глебу:

— Дома ворчат: почему долго машинку не несу. Придётся забрать…

— Конечно, бери! Мне Ерёма на свалке нашёл какую-то, скоро наладит.

— Завтра налажу, — отозвался Ерёма.

Глеб озабоченно спросил:

— Гель… А тебе не попало? Может, мне пойти с тобой, объяснить?

— Да вот ещё… Привыкать мне, что ли?

С тяжёлой машинкой я спустился с подножки. Глеб, Юрка и Янка стояли в раздвинутых дверях "Курятника". Между Глебом и Юркой просунул голову Ерёма. Глебу и Ерёме я сказал:

— Пока.

И пошёл.

Почти сразу сзади затопали. Это догнали меня Юрка и Янка.

— Гелька, ну ты чего? — сказал Янка. — Не обижайся.

— Ты здесь ни при чём, — ответил я.

— Гелька всегда так, — хмыкнул Юрка, но я уловил в его словах виноватость. — Сам наплетёт что-нибудь, а потом дуется на всех.

— Наплетёт?! Что я наплёл?

— А про склад? Мы о деле говорили, а ты шуточки начал дурацкие…

— Шуточки? Там на самом деле якорь! Настоящий!

— Ну… тогда объясни толком.

— Ага, теперь "объясни"…

С минуту мы шли молча. Они — виноватые, я насупленный. Наконец Юрка сказал:

— Давай я коробку за ту ручку понесу. Вдвоём легче. Я дал. Помолчал ещё немного, а потом

рассказал про якорь.

Зимой, перед каникулами, меня выставили с урока танцев, и я болтался в коридоре. Там наткнулась на меня наша директорша Клара Егоровна. Ругать не стала, а сказала :

— Гелюшка, выручи. Столько дел, народу не хватает, съезди с нашим Сан-Дымычем на склад за игрушками для ёлки. Он один не управится.

Я обрадовался. Завхоз Александр Вадимович нас, мальчишек, любил. Он был старенький, мы его звали Сан-Дымыч и всегда ему помогали. Сан-Дымыч вызвал с автостанции фургончик, и мы покатили.

Склад ёлочных игрушек находился в старой церкви.

Внутри горели тусклые лампы и было холодно, изо рта шёл пар. Пока Сан-Дымыч с начальником склада выбирали коробки, я оглядывался. За штабелем ящиков я увидел наклонный столб с кольцом и тяжёлой цепью. Полез туда. И оказалось, что столб и кольцо — верхняя часть могучего трёхметрового якоря!

Якорь стоял в кирпичной нише. Даже не стоял, а был прислонён к боковой стенке. Под ним темнела чугунная плита с выпуклыми буквами. Я сел на корточки и с трудом прочитал:

Флота Капитанъ и Кавалеръ
fедоръ Осиповичъ
Ратмановъ
1 іюля 1753 года — 2 августа 1832 года
-
Онъ трижды плавалъ во кругъ
свhта
и много разъ могъ погибнуть
въ морh,
но судьба уготовила ему
послhдний пріютъ въ родномъ
городh.
Миръ праху твоему,
Капитанъ и Командиръ

Я потрогал буквы: они были очень холодные, над ними таял пар от моего дыхания. Потом я погладил холодный якорь. Может быть, его взяли с корабля, на котором в давние времена ходил в плавания Флота Капитан Ратманов. Мне стало жаль капитана Ратманова, хотя жизнь он прожил долгую и, конечно, интересную…

Дома я рассказал про старинную могилу бабушке и тёте Вике. И они впервые поссорились при мне. Бабушка сказала, что это безобразие — превращать в склады памятники старины. Тётя Вика работала как раз в Городской комиссии по

наблюдению за культурными ценностями. Она стала быстро объяснять, что склад — это временно. Все исторические здания взяты на контроль, надёжно законсервированы и со временем будут реставрированы. Просто пока не хватает времени и средств. Бабушка заявила, что поменьше надо тратить денег на всяческие колоссальные авантюры вроде сверхглубокой скважины или проекта СКДР. Планету ковыряем насквозь, к звёздам летаем, а в обычной жизни порядка нет, не было и не будет… Тётушка сказала, что планету она не ковыряет и никуда не летает. Даже в отпуск. Потому что те, кто занимаются всеми этими сверхглубокими бурениями, имеют привычку вызывать к себе жён, а детей оставлять родственникам: воспитывайте…

Тут они спохватились и погнали меня спать.

А старую церковь с могилой я с тех пор называл про себя Капитанской.

Когда я кончил рассказывать, мы были уже совсем помирившиеся. Юрка сказал:

— Значит, завтра в десять, в парке у самолёта. Я прихвачу напильник.

— Ага! Приду! — кивнул я.

И ошибся. Назавтра меня ожидало совсем другое.

Только я вернулся с машинкой, как на меня упало новое несчастье. Тётка Вика поставила меня перед собой и долго смотрела суровыми и печальными глазами. В ушах у неё качались подвески из фальшивых марсианских кристаллов. Тётка Вика сказала:

— Были времена, когда провинившихся мальчишек воспитывали не так. Тратили гораздо меньше слов… Я пока не стану применять старые способы, но и разговоров с меня довольно. Сейчас ты отправишься в свою комнату и в течение трёх дней будешь размышлять о себе и своих поступках. А уж потом побеседуем… В эти дни из комнаты никуда!.. Кроме туалета.

Я посмотрел на бабушку. Она поджала губы и развела руками: допрыгался, мол. И я отправился на "отсидку". Оправдываться я не умел. Каяться и просить прощенья не умел тоже.

Утром я с горькими мыслями сидел на подоконнике. И с надеждой. Думал: Юрка с Янкой увидят, что я не пришёл, и прибегут ко мне сами. Может, хотя бы посочувствуют.

Они пришли, но только после обеда. Появились у меня под окном. Юрка сказал как ни в чём не бывало:

— Проспал, а теперь торчишь в окошечке, как

красна девица?

— Дубина ты. Тётка не пускает. За машинку.

Юрка свистнул. Потом предложил:

— Сбеги.

Нет, на это я не решался. И дело не в том, что после будет ещё хуже. Просто… ну, не мог я. Всё-таки тётя Вика — она тётя Вика, она меня с младенчества воспитывала, я привык её слушаться. То есть я часто не слушался по мелочам, спорил, но нарушить вот такой приказ — это будто в себе что-то сломать.

Я покачал головой.

— Ты что, честное слово дал не удирать? — с пониманием спросил Янка.

— Не давал, но… — я пожал плечами.

— А мы уже от колеса и от крыла наточили порошка, — сказал Янка. — Вот… — Он достал из кармашка бумажный пакетик, развернул. Я увидел горсточку серебристой пыли.

"Конечно, — подумал я. — Они и без меня справятся. Юрка даже рад, что под ногами не путаюсь".

— Ну и молодцы, — мрачно сказал я.

Юрка беззаботно зевнул:

— Мы же не виноваты, что тебя посадили… А вечером пойдёшь? Надо якорь точить.

— Тётушка, наверно, не пустит…

— Попробуй как-нибудь. А то в церкви мы без тебя заплутаем.

— Разве нельзя подождать три дня?

Юрка объяснил:

— Мы там на разведке были. Смотрели, как пробраться. Дверь, конечно, заперта, но в одном окне решётка отогнута и стёкол нет. Это сегодня. А завтра вдруг заметят и починят? Надо использовать момент… В общем, если сможешь — в одиннадцать у церкви.

Они убежали.

А я прямо заметался.

Ну, не мог я так жить, не мог без Юрки!

Я позвал тётю Вику и скрутил в себе гордость. Стал упрашивать, чтобы отпустила. Она слушала внимательно, однако была непреклонна. Тогда я пошёл на жуткое унижение. Зажмурился, задержал дыхание и выдавил:

— Прости, пожалуйста. Я больше не буду.

Не помогло!

— Больше и не надо, — сухо сообщила тётя Вика. — Достаточно того, что ты натворил. Сиди. И обдумывай свою вину.

Я стиснул зубы и стал обдумывать.

Виноват я? Виноват. Стащил машинку без

спросу.

Но почему без спросу? Потому что просить было бесполезно. Ах, это память о дедушке!

О дедушке, кроме машинки, памяти полно: и портрет, и книги, и дипломы на стене, и шкаф с письмами учеников. Целая комната памяти. Это во-первых! Во-вторых, дедушка был общий. Значит, и мой тоже. А почему же мне запрещается брать его вещи?

Этими мыслями я себя немного оправдал. Конечно, если бы я высказал их тёте Вике и бабушке, они сразу бы доказали, что я всё равно виноват. Но бабушка не заходила, а тётя Вика зашла на несколько секунд — молча поставила на стол мой ужин.

"Ладно! — подумал я. — Если так, ладно..."

Без пятнадцати одиннадцать я поднял в окне раму и прыгнул во двор. Скользнул к забору. Дуплекс в будке лениво застучал хвостом. Я вытащил его за ошейник, быстро обнял.

— Дуплекс, ты меня прости...

Потом я махнул через забор.

Я бежал и думал, что ребята уже у церкви и что они совсем не ждут меня. Ладно, а я вот он... А потом пускай хоть что будет!

На Зелёном спуске я услышал впереди себя ча-

стый топот. В свете окон мелькнула синяя майка и светлые волосы.

— Янка! Постой!

— Гелька!

Мы побежали рядом. Янка смеялся:

— А я играл, играл, потом смотрю — времени-то уже ой-ёй! Выскочил, даже смычок не положил…

Он размахивал на бегу длинным смычком, как шпагой.

Я подумал — чего мы так несёмся? Теперь-то Юрка нас подождёт.

Капитанская церковь стояла у маленького пруда, на плоском берегу. Вода подходила вплотную к одной из стен. Стены, колокольня и купола были обшарпанные, забор из кирпичных столбов с решёткой покосился и поломался, у фундамента росли метровые сорняки. Но сейчас, при свете яркой луны, церковь была таинственной и красивой. Тянул ветерок, бежала к берегу маленькая рябь, и казалось, что церковь плывёт над водой.

Мы посидели в кустах сирени, огляделись. Кругом не было ни души. Только ночные кузнечики трещали с такой же силой, с какой светила луна. Просто уши чесались от их сухого трезвона.

Мне что-то не очень хотелось в тёмную внутренность церкви, где могила. Конечно, сейчас

не времена Тома Сойера и никто не верит в привидения и гуляющих мертвецов. Но всё-таки… Ерёма вот про каких-то ведьм рассказывал. Может, и тут…

Но гораздо страшнее будет, если о таких моих мыслях догадается Юрка. Поэтому, когда он прошептал "пошли", я лихо бросился к теневой стороне церкви. Здесь было нужное нам окно.

У стены мне сразу стало не до страха. Юрка, конечно же, выбрал окно, под которым самый колючий татарник и самая жгучая крапива. Я свечкой взвился из сорняков, вцепился в высокий подоконник и зацарапал по штукатурке сандалиями и коленями. Они скользили. Стена оказалась покрыта тонкой пластиковой плёнкой. Вот про какую консервацию говорила тётушка! Плёнка защищает от дождей и ветра кирпичи и штукатурку старых зданий.

Я царапался на стене, пока Юрка не подтолкнул меня в пятки. Я вцепился в решётку и оказался на подоконнике. Юрка подхватил и буквально кинул ко мне Янку. Протянул мне напильник.

— Смычок… — сказал Янка.

— Пускай в траве полежит, что ему сделается…

— Нет, — сказал Янка. — Нельзя так.

Юрка молча протянул смычок. Легко забрался

к нам.

— Гелька, давай первый. Ты там всё знаешь.

А что я знал? Заходил один раз на несколько минут, ничего толком не запомнил… Ну, ладно.

Я стал протискиваться между квадратными прутьями решётки. Сорвал на рубашке пуговицы и слегка ободрал живот. Наконец пролез, посветил на каменный пол и прыгнул — в холод пустого кирпичного помещения. Плиты крепко стукнули по подошвам. Сразу же рядом легко скакнул Янка. А Юрка, видимо, застрял: сопел и возился в окне.

Жёлтые круги от моего и Янкиного фонариков заметались по церкви. Но и без фонариков было светло. В решетчатые окна светили сразу две луны. Одна с высоты, другая из пруда — отражённая. От настоящей луны упирались в пол и стены снопы тонких лучей. А отражение бросало снизу вверх рассеянный дрожащий свет, который поднимался к самому куполу. Под куполом тоже светились окна — узкие, как щели…

Юрка наконец прыгнул рядом с нами — так, что под куполом загудело. Мы даже присели и притаились на полминуты. Выключили фонарики. Потом Юрка недовольно прошептал:

— Ну, где тут…

Я помнил, что могила, кажется, налево от входа. А где вход-то? Ага, вон там…

Мы пошли вдоль стены. Она была заставлена двухметровыми штабелями ящиков и картонных коробок. Но штабеля были не сплошные и не везде примыкали к стене. Между стеной и ящиками оставались проходы. Мы ёжились от холода и пробирались по этим проходам. Светили фонариками в щели. И вот луч нащупал наклонный брус, тяжёлое кольцо и цепь с перемычками в звеньях.

— Здесь…

— Тут не повернёшься, — пробормотал Юрка.

Мы стали хватать и складывать в стороне коробки, они были очень лёгкие, только одна оказалась увесистой. Скоро ниша открылась. Плита и трёхметровый якорь оказались на виду. Свет фонарика будто вылепил на плите выпуклые буквы.

Янка сел на корточки и провёл по буквам ладошкой. Оглянулся на нас. Глаза у него блестели от фонариков. Он сказал вполне серьёзно:

— А если капитану это не понравится?

Я думал, Юрка сейчас огрызнётся: мы не суеверные бабки. Но он ответил так же серьёзно:

— Мы же только чуть-чуть поскребём. Жалко

ему, что ли, для хорошего дела…

Конечно, это же не я спросил, а Янка!

Янка встал. Юрка сказал мне:

— Дай напильник. А то вы только чешетесь…

(Мы с Янкой то и дело почёсывали искусанные в сорняке ноги и локти.)

Под треугольную лапу якоря Юрка подстелил чистый бумажный лист. Начал скрести лапу напильником. Так громко! Эхо в церкви будто замахало большущими крыльями. Мы с Янкой съёжились. Но Юрка скрёб как ни в чём не бывало. Сперва посыпалась ржавчина. Юрка сдул её с листа. Потом стал падать на бумагу тёмный тяжёлый порошок.

Скрежет напильника стал ровнее и тише (а может, я привык). Янка светил Юрке, а я выпрямился и огляделся. Теперь уже спокойно, не торопясь.

Лунный свет заполнял пустоту помещения. Отражался от стен, уходил ввысь. Лучи высвечивали ящики и квадратные плиты на полу. Стены были покрыты полустёртыми тёмными картинами, на них проступали смутные фигуры. Вокруг их наклонённых голов слабо светилась позолота. Я взглянул выше. И вздрогнул…

Из-под купола на меня смотрели большие глаза. Живые.

Я чуть не вскрикнул!

Но это были не страшные глаза. Ничуть. Просто печальные. Разглядел я и лицо. Оно было тёмным, но в трепещущем свете лунного отражения можно было различить и его. Худое и грустное лицо. Это была женщина в платке, который плотно охватывал голову. Женщина прижимала к себе ребёнка. Головы ребёнка я не увидел, облупилась штукатурка, но хорошо видны были маленькие руки. Ребёнок обнимал женщину, он положил свои ладони ей на плечи у самой шеи. Ласково так обнимал. А она смотрела, будто очень тревожилась за малыша, боялась, что его отберут.

Я глядел и просто оторваться не мог от этих глаз и ребячьих ладошек. Почему-то грустно сделалось, но это была хорошая грусть. Я про маму стал думать…

Она так давно уехала в Ярксон, месяца три назад. Я уже успел в пятый класс перейти, свои десять лет без неё отпраздновать, и вот уже каникулы перевалили через половину, а я всё без мамы. В прошлом году тоже уезжала. Потому что у папы там "чудовищно трудная работа", его нельзя оставлять одного… Папу я вообще больше года не видел по-настоящему, только на экранах видеофона. Правда, скоро у него отпуск, и они

вместе с мамой приедут в Старогорск. Но "скоро" это когда?

Юрка перестал чиркать напильником. Зашуршал бумагой — свернул пакетик. Я быстро опустил глаза: не хотел, чтобы он заметил, куда я смотрю. Ещё скажет что-нибудь…

— Дело сделано, — сказал он. — Двигаем?

Мы с Янкой стали загораживать коробками нишу. Опять попалась тяжёлая, я ухватил её за картонный клапан, он оторвался. Посыпались какие-то проволочки.

— Бенгальские огни! — обрадовался Юрка.

— Ну и что? — сказал я. — Лучше помоги…

— "Что"! А от какого огня надо зажигать искорку? Там сказано — от праздничного. А это как раз самые праздничные…

— Оставь! Ты рехнулся? Получится, что мы воры.

Юрка зло засопел, огрызнулся:

— Подумаешь, три штучки хотел взять. Они копейки стоят. Я могу полтинник в коробку положить. Вот…

— Не надо, — сказал Янка. — У нас дома есть бенгальские огни. С Нового года в игрушках завалялись.

Мы молча поставили в штабель последние

коробки и пошли к окну. Грудью и плечами пересекли мы лунные лучи — тонкие, прямые и даже какие-то ощутимые. Будто тысячи стеклянных нитей. Мне даже показалось, что они тихонько лопаются перед нами.

Я шёпотом сказал Янке:

— Как струны…

И он сразу понял. Он остановился.

Поднял смычок, осторожно ввёл его в сноп лучей. Смычок заискрился.

— Я загадаю…— сказал Янка.

Юрка, обернувшись, молча смотрел на него. Лицо у него стало тонким, большеглазым, бледным от луны. Будто и не Юрка.

Янка повёл смычком. И лунные струны зазвучали тихо-тихо, но ясно. Я не удивился. Я даже знал, что так и будет.

Янка двигал смычком, и на полу двигалась его вытянувшаяся чёрная тень. А смычок отбрасывал искорки, и звучала мелодия. Еле слышная, но хорошая-хорошая. Ласковая, вроде колыбельной песенки: "И если были слёзы в этот день, придёт другой…" И я опять подумал про маму.

Что-то тёмное мелькнуло за окном, лучи порвались на миг, музыка стихла. Мы вздрогнули и прислушались. Но всё было спокойно. Видимо,

просто мимо окон пролетела ночная птица.

На улице, когда уже прощались, я спросил Янку:

— А что ты загадал? Там, в церкви…

— А… Я подумал: если будет музыка, значит, всё будет. Искорка зажжётся. Ну и вообще всё хорошо…

Я кивнул. Я этого и ждал. Но Юрка мне напомнил:

— Жми домой. Тётушка с бабкой, небось, уже в колокола бьют.

И они с Янкой опять ушли вдвоём.

А я что ж… Я побрёл к дому.

В доме горел свет. Даже больше, чем всегда. Во всех комнатах! И метались тени. Конечно, меня ищут и ждут.

Я поднялся на крыльцо покорный и в то же время упрямый. Пускай делают что хотят. Пускай говорят любые слова, называют меня кем угодно, запирают на семь электронных замков. Пускай… хоть как в старинные времена, как того крепостного Янку-музыканта!.. Потому что настоящий, нынешний Янка и мой лучший друг Юрка даже не проводили меня до дома, чтобы сказать: "Гелька не виноват! Он с нами! Он ничего плохого не сделал!"

Не догадались? Наверно. Потому что Юрку никогда в жизни не запирали дома. Янка тоже вольный человек. Он не знает, как это можно бояться идти домой…

Я с опущенной головой протопал по освещённому коридору. Шагнул в прихожую…

Там такие яркие плафоны! Я зажмурился. Помигал.

На меня смотрела бабушка. Смотрела тётя Вика. И…

— Мама!..

ОГНЕННЫЙ РЕЦЕПТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Конечно, мама сразу простила все мои грехи. И не только потому, что я разревелся.

А разревелся я дважды. Сперва как только увидел маму. Облапил её, ну и… в общем, не выдержал. А второй раз, когда узнал, что отец не приехал и приедет ещё не скоро.

— Ну, почему?! Он же обещал!

— Сейчас ему не до отпуска, Гелик. Там на скважине странные дела. Совсем не те результаты, которых ждали.

Мне было наплевать, какие там результаты, но всё же я сердито спросил:

— Какие?

— Скважина выходит совершенно не туда… Об этом даже не говорят пока. Ох, Гелька, я не разбираюсь в этих делах. Там что-то связано с теорией параллельных пространств. Всех посторонних просили уехать на месяц. Никто не знает, какой там может возникнуть эффект…

"Уже возник, — подумал я. — Папа не приехал, вот какой".

Но мама всё-таки приехала! И теперь всё будет по-другому.

— Ты меня завтра отпустишь к ребятам?

— Ладно уж, бродяга, — улыбнулась мама. — Мы попросим тётю Вику больше не сердиться.

— Меня совершенно незачем просить, — отозвалась тётушка (она всё ещё торчала рядом). — Теперь воспитываете вы. А я… даже не знаю, кто я теперь…

И утром я помчался в вагон.

Мы начали колдовать.

Янка принёс из дома пробирку от детского набора "Чудса химии". Юрка — несколько иголок. Они неприятно блестели. Глеб достал флакон с одеколоном, обмакнул в него иглу и решительно ткнул себе в палец. Чертыхнулся.

Ерёма сердито проскрежетал:

— Не могу я на это смотреть. — И ушёл в свой

угол. Мне захотелось туда же.

Глеб спустил с пальца в пробирку алую тяжёлую каплю. Сказал Ерёме:

— Терпи, старина. Мы будем с твоим Васькой кровными братьями.

Юрка, равнодушно посвистывая, взял другую иглу и сделал всё, как Глеб. Янка весело попросил :

— Ну-ка, проколи мне, я не умею…

— Давай… не бойся, — сказал Юрка.

— Я ничего… пожалуйста…

Я и не заметил, как остался последний в очереди.

Я тоже обмакнул иглу в одеколон, чтобы сдохли микробы. Наставил её на мизинец левой руки. Ткнул. Тихонько ткнул, а больно так, чёрт возьми!.. А если сильнее?.. Никогда не думал, что на пальце такая бегемотова кожа… Ой… Никакого толку.

— Дай кольну, — предложил Юрка.

Ну уж, дудки, это ещё страшнее. Я опять ковырнул иглой мизинец.

— Да не надо, хватит ведь и трёх капель, — вдруг сказал Глеб.

— Да? Шиш вам!.. Ой-я… — С испугу и со злости я всадил иглу так, что сразу закапало.

Мы всыпали в пробирку металлические опил-

ки. Смесь тут же стала тёмно-бурой, неприятной на вид, и Юрка недоверчиво проговорил:

— Ерундой занимаемся. Вот увидите.

Мне тоже так показалось. Но назло Юрко я ответил:

— Чего раньше времени каркать? Высохнет — поглядим.

Пробирку вынесли из вагона и оставили у нагретого колеса — на самом солнцепёке.

Я забрался на штабель гнилых шпал. Пососал проколотый палец и окликнул Глеба. Глеб сел рядом.

— Слушай… посвисти ту песенку, "Вечернюю", — попросил я. — Про которую ты писал…

Глеб не стал спорить. Улыбнулся и просвистел целый куплет. Спросил:

— Значит, прочитал мою писанину?

— Да. Только не до конца ещё… Глеб, а слова помнишь?

— Не все… Начинается она так…

— Подожди. "Когда уснут дома и корабли, и птицы все…"

— "И звери все, и травы…"

— Точно! Глеб, я её слышал.

— Где?!

— У себя на крыше. Давно…

И я рассказал Глебу про шёпот звёзд, про приёмник и зонт.

— Только никому не говори, ладно? А то дразниться будут — звёздная антенна из дырявого зонтика.

— Не скажу, — пообещал Глеб. — Хотя что тут смешного?.. А за песенку спасибо, Гелька. Это же для меня... ну, как весточка. Значит, всё же есть на свете земля, где я жил...

— Есть, конечно, — сказал я.

Глеб снова тихонько засвистел "Вечернюю песенку". Я стал ему подсвистывать, забыв, что слух у меня "как у больной курицы". И Глеб не остановил меня, а придвинул к себе и обнял за плечо.

— Глеб, а Янке ты её не напевал?

— Нет.

— Он вчера играл похоже...

Янка будто услыхал нас. Подбежал.

— Смотрите!

Он разжал кулак и показал пробирку. За тонким стеклом блестел серебристый порошок.

Мы смазали клеем стерженёк бенгальского огня, только головку оставили для запала. Обсыпали клей порошком. Клей быстро закостенел, порошок присох, палочка бенгальского огня сделалась такая же, как раньше. Только чуточку

посветлее.

— Зажигаем? — спросил Янка.

Глеб достал спички. Все замолчали. Я почувствовал внутри замирание. Получится? Бывают на свете чудеса? Янка в Капитанской церкви загадал, и вышло, что бывают. Но вот он тоже стоит, замеров. Подошел Ерёма…

Юрка держал серебристый стержень за проволочный хвостик. Глеб чиркнул, поднес огонёк… Полетели искры, затрещало, но тут же бенгальский огонь зачадил и погас. Никакой искорки не осталось.

Глеб нахмурился, зажёг вторую спичку, но бесполезно. Запал бенгальского огня сгорел, и на этом всё кончилось.

Мы стояли поникшие и уже без всякой надежды. Но Глеб зажигал спичку за спичкой и держал, пока пламя не обжигало пальцы. Тогда он ронял её и каждый раз говорил:

— Ах ты, чёрт, какая досада…

Я мельком подумал, что в конце концов мы спалим вагон. Однако тут кончился коробок.

— Д-да… — уныло сказал Глеб.

— Нелогично, — подал голос Ерёма.

— Что нелогично в твоей башке? — огрызнулся Юрка.

— Огонь — не праздничный.

— Как это не праздничный? Это фейерверк для Нового года и вообще… — возразил Глеб.

Ерёма сказал:

— Нового года сейчас нет. "Вообще" тоже нет. Никакого праздника. Огонь — не праздничный.

— А в самом деле! — обрадовался Янка. — Надо праздника дождаться! Тогда — пожалуйста!

— Нового года ждать? — с досадой спросил Юрка. — Когда ещё бывают всякие фейерверки и огни?

Я сказал:

— А летний карнавал!

Третья часть
КАРНАВАЛ
КОПЬЯ ВОЛШЕБНОЙ СТРАЖИ

Детский праздник лета в Старогорске бывает каждый год. Он открывается в начале августа и тянется целую неделю. Ребята стараются в это время не уезжать из города. А те, кто в летних лагерях и на дачах, к празднику спешат домой.

Ещё в июле на рекламных щитах, на тумбах, а то и просто на заборах появляются разноцветные плакаты:

Девочки и мальчики!
Скоро ваш праздник!
Все, кто хочет помочь
подготовить карнавал, концерты, состязания,
атракционы, праздничные шествия
и весёлые танцы у вечерних костров,
ПРИХОДИТЕ
В ЛЕТНИЙ ПАВИЛЬОНГОРОДСКОГО ПАРКА!
Дело найдётся каждому!
ЖДЁМ!

Вот и сейчас по городу были расклеены такие объявления. С нарисованными клоунами, пёстрыми флагами, звёздами и трубачами. Некоторые плакаты были очень большие, один — даже с пятиэтажный дом. Он и висел на таком доме, на глухой узкой стене, которая выкодила в Почтовый переулок напротив нашей школы. На плакате нарисованы были мальчишки в голубой форме с аксельбантами, серебряными нашивками, с перьями и галунами на беретах. Двое мальчишек били в красные высокие барабаны со шнурами, а третий держал перед собой длинный свиток. На свитке — те же слова: "Приходите,

помогайте, участвуйте..."

— Детский сад... — пробурчал Юрка.

— Никакой не "сад", — сказал я. — Там и старшеклассники участвуют. В прошлом году разве плохо было? А главное, узнаем, где какие будут иллюминации и фейерверки, чтобы зажечь искорку.

Юрка опять что-то пробурчал, но больше не спорил.

Мы пришли в длинный павильон, в котором было много ребят. Они таскали бумажные рулоны, связки флажков и фонариков. Шум стоял, где-то неумело и хрипло вякали фанфары.

Меня сразу узнала Марфа Григорьевна, боевая такая тётенька, она работает в парке много лет.

— А, Геля Травушкин! Какой ты молодец, что пришёл! Ты ведь хорошо рисуешь красками, да?

Я осторожно сказал, что не хорошо, а маленько.

— Ну как же "маленько"! Ты в прошлом году так замечательно разрисовал воздушных змеев! А сейчас надо раскрасить щиты волшебной стражи. Всякие там фигуры и гербы нарисовать... А ты, мальчик, что умеешь делать? — Это она к Янке.

Янка растерялся, пожал плечами. Я сказал:

— Он играет на скрипке. Как артист.

— Правда?! — обрадовалась Марфа Григорьевна. — Какая удача!.. Виталий Гаврилович, сюда! Для вас пополнение, скрипач нашёлся!

Подскочил круглый дядька с весёлыми глазами и с бровями, похожими на чёрные кляксы.

— Что? Скрипач? Кто? Ты? — Он уставился на меня. — А, нет, конечно... Вот ты! — Он прямо затанцевал перед Янкой. — Оч-чень замечательно! Как зовут? Янка! Преч-чудесно! Пойдём-ка, дорогой...

Он поволок оробевшего Янку к столику. Вытащил блокнот, стал что-то записывать, спрашивать. Янка отвечал шёпотом.

Марфа Григорьевна стала мне показывать картинки с рисунками рыцарских щитов и гербов. Я кивал и ничего не понимал. Потому что меня беспокоил Юрка. Он стоял неподалёку, у пластмассовой кадки с большой, но чахлой пальмой. Прищуренно поглядывал на "детсадовскую" суету и шевелил под щекой языком. Вот-вот плюнет и скажет: "Да ну вас вместе с вашими карнавалами". Но пока он молчал и только барабанил пальцами по краю кадки. Она была с землёй, но гудела, как пустая...

Виталий Гаврилович вдруг оставил Ямку. Шагнул к Юрке.

— А ты, друг мой, на чём играешь?

Юрка уперся в него насмешливыми глазами. И я понял: сейчас он вежливо скажет, что играет исключительно на нервах школьных педагогов. И нас вытурят отсюда.

Конечно, Юрка так и сказал. Но Виталий Гаврилович не рассердился:

— На нервах, это само собой. А ещё?

— Всё, — насупленно сказал Юрка.

— Не может быть. И на ударных не играешь?

— Я? — хмыкнул Юрка.

— Но ты же не станешь отрицать, что сейчас выстукивал "Токкату для ударных инструментов" Горнера? Третью часть.

Юрка шевельнул бровями. Приподнял подбородок. И проговорил со спокойной усмешкой:

— Даже и не знал, что в ней три части.

Виталий Гаврилович задумчиво оттянул и отпустил нижнюю губу — она щёлкнула, как резина. Несколько секунд разглядывал Юрку в упор. И решительно сказал:

— Пошли!

— Куда?

— На репетицию, друг мой! Мне нужны барабанщики.

Я глянул на Юрку с завистью и досадой. С

завистью — потому что везёт же людям! В барабанщики мечтают попасть все старогорские мальчишки. С досадой — потому что Юрка откажется. Для него это, конечно, "детские пляски на лужайке". Разве его заставишь нарядиться в штанишки с позументами да в рубашку со шнурами и маршировать с барабаном на глазах у толпы?

Сейчас он ответит этому Виталию Гавриловичу...

Но Юрка странно молчал. Потом спросил, кивнув на Янку:

— А он?

— А он — скрипач. Каждому фрукту своя корзинка... Но вы рядом будете, все музыканты собираются в одном помещении. Пошли! Быстренько!

Что же, в самом деле всякому фрукту своя корзинка. Кому на скрипке играть, кому барабанить, а кому кистями размалёвывать фанеру.

Марфа Григорьевна составила из нас, из "художников", бригаду. В бригаде оказались четверо: тощая молчаливая девчонка Оксана, два брата-близнеца лет восьми, похожие на деловитых мартышек, и я. Мы работали на поляне за павильоном. Ловкие "мартышки" — Петька и Роман — подавали щиты и кисти. Океана с рисунков

переводила на фанеру всяких львов, драконов и королевские лилии, а я их расписывал нитрокрасками. Краски противно пахли, но работа мне нравилась. Только тётя Вика застонет, конечно: "Ах, Геля, где ты себя так разукрасил!"

Наконец, когда мы расписали двенадцать рыцарских щитов, "мартышки" в один голос попросились обедать. Оксана ушла с ними. А я… мне тоже есть хотелось, но я ждал: может, вспомнят про меня Юрка и Янка? Может, заглянут узнать, как я тут?

Я сел в траву у дощатой стены павильона и стал соскребать с себя краску. В штаны и в майку она въелась намертво, но от рук и ног отслаивалась легко, тонюсенькими плёнками. Плёнки были прозрачные, как разноцветный целлофан. Я смотрел сквозь них на солнце. Посмотрю, дуну и пущу по ветру, как бабочку… И вспомнил, как Янка играл на скрипке, а вокруг носились жёлтые и красные солнечные пятна. А Юрка слушал, уперев подбородок в кулаки…

…— Гелька, — сказал Юрка.

Я вздрогнул. Повернулся. И не узнал Юрку.

То есть узнал не сразу.

В новенькой форме барабанщика он стал совсем не такой, как раньше. Тощенький сделался,

даже маленький какой-то. Как в тот раз, когда я разбил ему нос. И лицо казалось незнакомым, непривычно торчали уши. Успели Юрочку аккуратно постричь, и теперь над ушами и на шее у него белела незагорелая кожа.

Я подумал, что Юрка похож на сердитого страусёнка Антона из многосерийного мультика "Слон Буби и его друзья". Такой же тонконогий, тонкошеий и насупленный, готовый огрызнуться. Было видно, что он стесняется своего парадного наряда с блестящими пуговками и с перьями на берете, но в то же время доволен, что попал в барабанщики.

Почему доволен? Может, он, как все мальчишки, тоже об этом мечтал, только скрывал? Или потому, что барабанщик — тоже музыкант, значит, поближе к Янке?

Ну, что ж... Я прищурил один глаз, а другим посмотрел на Юрку через жёлтую плёнку (голубая форма стала зелёной, а серебряные галуны золотыми).

— Ничего, — сказал я небрежно. — Красив...

Юрка сердито пошевелил щекой, сплюнул в траву. Но сейчас это ему не шло. Он сунул руки в карманы, но кармашки были непривычно мелкие, штаны съехали, чуть не упали.

— Тьфу, — ругнулся он. — Обрядили…

— Дали тебе форму, так радуйся, — сказал я. — А то ёжишься, как мышь в холодильнике.

Он зыркнул свирепо, но тут же примирительно сказал:

— Не понимаю, чего ты заводишься.

— Потому что завидно. Тоже хотел в барабанщики.

Пускай гадает, всерьёз я это или дразню его.

Юрка решил, что всерьёз. Неуверенно сказал :

— Я там спрашивал… можно ли тебе. Но все места уже заняты.

— Врёшь, — вздохнул я. — Ты не спрашивал, потому что у меня слух, как у больной курицы.

Юрка мигнул и сжал губы. Я увидел, что светлые полоски вокруг ушей у него порозовели.

— При чём тут слух, это же барабаны… — пробормотал он. — Там правда мест нет… Чего ты…

Он вздохнул и неловко затоптался (ну, в точности, как страусёнок Антон, который пришёл просить прощенья у слона).

Да, здорово я его подцепил… А может, не надо? Я же не хочу ссориться. А если Юрка скажет: ну и катись ты от меня к чертям! Тогда я как?

Я быстро спросил:

— А с ногой-то что?

По правой ноге у Юрки вниз от колена словно кто-то провёл крупной тёркой.

— А! — будто обрадовался он. — Бежал да запнулся на дорожке. Там, где эта дурацкая статуя с веслом. Ка-ак брякнусь.

— До парада заживёт, — утешил я.

— До парада нам надо сделать самое главное, — деловито сказал Юрка. — Придумать план, как зажечь искорку.

— Это запросто, — отозвался я, внутренне гордясь. — Это я беру на себя.

Дело в том, что всех нас, "художников", за нашу работу обещали записать в команду волшебной стражи. Перед началом парада и карнавала мы в серебряных шлемах будем стоять на башне, над разукрашенной аркой. На верхушке башни установят чашу для праздничного огня. Вроде олимпийской. Кто-то из ребят поднимется с факелом и зажжёт огонь. Я к наконечнику своего копья примотаю наш стерженёк с серебристым порошком и поднесу его к пламени. Других "стражников" я тоже подговорю зажечь на копьях бенгальские огни — тогда на меня никто не обратит внимания. Все решат, что так и надо: праздничный салют.

Этот план я и поведал Юрке. С намёком в голо-

се: пока вы там занимались вашей музыкой, я времени не терял.

Юрка сказал с одобрением:

— Голова у тебя работает. Только не промахнись там.

Я ответил, что, если я такой беспомощный растяпа, пускай Юрка сам всё придумывает и делает. Или Янка... Я чуть не брякнул "твой Янка".

Но Юрка сказал миролюбиво:

— Я же ничего, просто предупредил... А Янка... Гелька, он не прибегал?

— Здрасте, я ваша бабушка с Юпитера! Вы же вместе ушли.

— А там нас в разные комнаты развели...

— Никуда он не денется, — сказал я. — Юрка, пошли обедать.

— Без Янки? Мы с ним договорились, что вместе... Пойду посмотрю, где он там...

— А! Ну давай... — сказал я.

И стало мне как-то на всё наплевать. И на искорку, и на праздник, и на то, что кругом лето — самое хорошее в жизни время... А ещё я вдруг подумал: "Почему всё-таки не едет папа? Только из-за работы?"

Но к вечеру настроение у меня наладилось, Мы собрались в "Курятнике" и сидели до звёзд.

Глеб рассказывал, как он с ребятами в интернате строил из дырявой моторки трёхмачтовый фрегат и как они чуть не потонули на пруду, и как им попало. Ерёма что-то мурлыкал своим радиоголосом и при фонарике чертил на мятых листах будущего Ваську. Янка заглядывал ему через плечо и что-то советовал.

Юрка был тихий и непонятно задумчивый…

Потом дни побежали быстро-быстро. Я с "бригадой" мастерил доспехи для сказочных воинов и копья с наконечниками из серебристой пластмассы. Янка с музыкантами репетировал где-то на дальней эстраде в глухом углу парка. Юрка маршировал с барабанщиками. Барабанил он здорово. Я много раз видел, как он шагает на правом фланге второй шеренги, когда строй готовился к параду. Палочки у него просто летали над кожей красного большого барабана. К форме Юрка привык и уже не казался в ней маленьким и хилым. Ловкий он был, гибкий, быстрый такой. В общем, настоящий барабанщик.

Барабанщиков было много — двенадцать шеренг по восемь человек. На аллеях не очень-то развернёшься, и случалось, что барабанный грохот раздавался на улицах. Промаршируют по городу и обратно в парк. И когда они шли по ули-

цам, все радостно вспоминали: скоро праздник!

И наступил праздничный вечер. В сумерках парка взлетели и засверкали разноцветные струи фонтанов.

Мы — "волшебная стража" в шлемах из фольги, с пёстрыми щитами и копьями — стояли на площадке фанерной башни. Вокруг большущего факела. Это был трёхметровый серебристый столб, а на нём — узорчатая чаша из латуни. Размером с хороший таз.

С высоты всё было видно отлично. Всю главную парковую площадь, которую освещали прожекторы; шеренги трубачей в красных плащах; зрителей, которые обступили площадь кольцом. Кольцо только в одном месте было разорвано: там среди деревьев темнел выход из главной аллеи.

И вот оттуда появились барабанщики.

Они красиво шли, ровно. Всё ближе, ближе. Колыхались перья над беретами, разом вскидывались руки над барабанами. И марш их звучал так весело! Потому что это был самый праздничный марш. Его подхватил оркестр, но не очень громко, чтобы не заглушать барабаны.

За шеренгами барабанщиков шла колонна ребят в масках и карнавальных костюмах. Над колонной качались громадные куклы (всякие

сказочные звери, колдуны и клоуны), пестрые флаги и шары. Но я туда не смотрел. Я смотрел только на барабанщиков да ещё на маленького мальчика — он шёл за ними, впереди карнавальной колонны. Мальчик был в красной блестящей рубашке — как огонёк. И в поднятой руке он нёс факел с оранжевым пламенем. Пламя откидывалось назад, как флажок.

Мне зябко стало, и я весь внутри замер. Потому что вот-вот, через минуту, должно решиться: будет у нас живая искорка или нет?

"Вдруг не загорится?"

Марш барабанщиков казался уже не весёлым, а тревожным.

"Ну, не загорится и не надо, — решил я себя успокоить. — Подумаешь, искорка! Ерёма что-нибудь другое изобретёт, а нам она и не нужна".

Но как это не нужна?

Если не загорится, значит, не бывает на свете чудес и сказочных загадок. Значит, лунная песенка Янки — обман!

И ещё... Я верил, что, если добудем искорку, то она сдружит нас троих накрепко — Юрку, меня и Янку. А если нет...

Скорей бы уж!

Барабанщики подходили к воротам, над кото-

рыми возвышалась наша башня. Юрка шёл, как всегда, во второй шеренге справа. Шёл и смотрел вверх, на меня. Словно молча напоминал; "Не прозевай!" Так, с запрокинутым лицом, он и прошагал под башню.

Остальные барабанщики тоже исчезли в воротах — шеренга за шеренгой. Скрылся последний ряд, и перед башней остался мальчик с факелом. Он по лесенке бегом поднялся к нам на площадку — будто огненная бабочка взлетела. Хороший такой мальчишка — маленький, лет семи, но смелый. И весёлый — улыбка во всё лицо, на носу веснушки светятся…

— Привет! — сказал он нам. Подмигнул и поднёс факел к запальному шнуру. Огонь перескочил на шнур и неторопливо побежал вверх. Мальчик сунул факел в приготовленное ведёрко с водой и стоял, глядя на бойкий язычок пламени. И все глядели. Огонь добрался до края чаши, спрятался за ним… и над чашей вспыхнула пламенная корона! Сразу где-то грохнуло, взлетели над чёрными деревьями гроздья ракет, запели фанфары, им отозвались далёкие уже барабаны, а толпа закричала "ура", зашумела…

Пёстрая колонна с флагами, куклами и шарами растеклась по площади, превратилась в карна-

вальный хоровод.

Вот и пришла самая важная минута.

— Давайте, — сказал я ребятам. И мы придвинули к огненному краю чаши наконечники копий. На каждом — стерженёк бенгальского огня.

Что же они не горят? Старые, испортились? Отсырели?

Но вот разом вспыхнули трескучие огоньки у братьев — Петьки и Романа. И у Оксаны. И у других ребят. Ещё, ещё… А у меня?

А у меня тоже горит! Ярче других! На кончике копья — ослепительный шарик, а из него летят гроздья белых звёзд!

Горит, горит… Но ведь это недолго. Всё реже, всё мельче белые звёздочки. А где искорка? Она зажглась? Как её увидеть? В глазах — сплошь зелёные пятна от огней.

Да нет, была бы искорка, я бы её разглядел.

Значит, нет её…

Всё…

— Смотри, у тебя не совсем погасло, — раздался рядом звонкий голос.

Это мальчик-огонёк. Он рядом стоял и смотрел вверх.

— Что? — сказал я. — Где?

Замигал. Сильно-сильно.

— Вон, — сказал мальчик. — Светлячок.

И я увидел на острие копья чуть заметную светлую точку.

Что? Правда?!

Какая маленькая…

Я перестал дышать. Осторожно-осторожно наклонил копьё. Придвинул к лицу обугленный стерженёк. Точка светилась на его верхушке. Но я слишком резко шевельнул копьё, стерженёк дёрнулся в сторону, а искорка повисла в воздухе.

Я, не веря, поднёс к ней палец. Она не обожгла, не кольнула. Я придвинул к ней, маленькой, ладонь, тихонько сжал пальцы. Спрятал искорку в кулак. И ощутил в кулаке чуть заметное щекочущее тепло.

— Поймал светлячка, — шёпотом сказал мальчик.

— Ага… — сказал я тоже шёпотом, потому что осип от счастья.

Остальные не обращали на нас внимания. Лежали животами на перилах и глазели, что делается на площади. Над ней всё ещё вспыхивали взрывы фейерверка. В глазах мальчика горели разноцветные огоньки.

— Спасибо, — сказал я ему.

Он засиял улыбкой. И спросил хитровато:

— А за что?

— Так...

Он вдруг сказал:

— А я тебя знаю. Ты Травушкин из нашей школы. Ты к нам в класс приходил, про сверление Земли рассказывал.

Я, правда, зимой был у первоклассников, делал им доклад про сверхглубокую скважину, на которой работает папа. Такое мне дали задание. Я ужасно волновался, запинался и на ребят почти не смотрел. Ни одного лица не запомнил тогда.

Но лицо Огонька было знакомо. Очень-очень знакомо.

И я вспомнил! Огонёк был в точности как мальчишка с Ерёминого снимка.

Может, всё это не случайно? Я сказал весело:

— Я тебя тоже знаю.

Нахлобучил на Огонька свой серебряный шлем, положил перед ним щит и копьё, а сам побежал вниз.

Искорка в кулаке ласково грела мне ладонь.

ИСКОРКА

С Юркой и Янкой мы ещё днём договорились, где встретимся после парада. На полянке позади

летнего павильона. Полянка была незаметная, укрытая кустами сирени, поросшая высокой травой. Из травы кое-где торчали каменные раскрашенные гномы. Краска с них пооблезла — гномов забыли в этой парковой глуши.

Когда я пробрался на полянку, там ещё никого не было. Стояла тёплая, какая-то пушистая темнота. Лишь один далёкий фонарь мигал сквозь листья. Зато звёзды были громадные…

Я сел в траву, прислонился к твёрдому гному и разжал кулак. Искорка в темноте засияла ярко и радостно. Я осторожно убрал из-под неё ладонь. Искорка повисла в воздухе, не упала, не улетела от меня.

— Хорошая ты моя… — шёпотом сказал я ей.

Зашуршали ветки. Я опять спрятал искорку в кулаке.

— Гелька, ты здесь?

Это появился Янка. С фонариком.

— Выключи фонарик, — сказал я.

Он выключил.

— Смотри, — сказал я. И разжал пальцы.

Янка наклонился близко-близко. Я даже почувствовал на ладони его дыхание.

— Чудо какое… — прошептал Янка. — Не гаснет?

— И не думает.

— Не обжигает?

— Нисколечко… Подержи, если хочешь.

Я оставил искорку в воздухе, потом поднёс к ней Янкину ладошку. Искорка послушно села на неё.

— Тёплая, — сказал Янка.

— Ага.. А теперь попробуй перебросить её мне. Полетит?

— Ну… пожалуйста.

Янка пустил искорку с ладони, будто крошечную бабочку. Она огненной ниткой прочертила воздух и остановилась передо мной. Я посадил её на сустав согнутого мизинца.

— Она никуда от нас не улетит, — уверенно сказал я.

— Потому что наша, — отозвался Янка. — В ней же наша кровь.

Ворча и цепляясь барабаном, выбрался из кустов Юрка. Мы показали ему искорку. Он притих, долго держал её на ладони.

— Смотри, как она слушается нас. Она живая, — сказал Янка. — Ну-ка, пусть она летит ко мне…

Мы долго стояли кружком на тёмной поляне и перебрасывали друг другу искорку. Она летала между нами, будто крошечный светлячок, и садилась то на ладонь, то на кончик пальца.

Наконец Юрка сказал:

— Жалко, что нельзя сейчас испытать её. Никакого колёсика не догадались взять.

— Завтра испытаем, — успокоил Янка. — И так видно, что ома такая… настоящая.

— А у кого она будет до завтра? — ревниво спросил я.

— Ты зажёг, у тебя и будет, — великодушно решил Юрка. — Янка, ты не против?

— Нет, конечно, пожалуйста… Только нельзя её всё время в кулаке носить. Давайте её вот сюда. Я нарочно принёс.

Он показал пробирку — гораздо меньше той, в которой делали порошок. Толщиной в карандаш, длиной со спичку. Скорее ампула, а не пробирка.

— Сюда её посадим, пробкой закроем…

— А если задохнётся под пробкой? — испугался я.

— Мы же не глухую сделаем, а чуть-чуть…

Искорка висела в воздухе. Мы надели на неё ампулу — будто накрыли бабочку стеклянным сачком. Для пробки Янка скатал из травы шарик…

Я не стал откладывать испытания до утра. Дома я выволок чемодан со старыми игрушками, достал из него модель гоночной машины

"Барракуда". Раньше в ней был двигатель с микроэлементами, но я давно его распотрошил. А машину не выбрасывал, мне её папа подарил, когда семь лет исполнилось…

"Барракуда" лежала на полу вверх колёсами, а я ломал голову: как приспособить искорку к оси? Сверлить стальной стержень было нечем… А может, спрятать искорку прямо в колесе? Отвинтить колпачок и вот сюда… Я коснулся ампулой колеса.

Вернее, даже не коснулся.

Я не успел задеть его, как задний мост у машины взревел. Колёса завертелись так, будто к ним подключили мотор от настоящей "Барракуды"!

— Геля! Что за шум! — тут же завелась за дверью тётя Вика. — Давно уже пора спать.

— Да пусть поиграет, — сказала мама.

— Ах да, конечно…

А я сидел на полу и смеялся. Колеса вертелись всё тише, искорка снова была у меня в кулаке.

И почему-то мне представилось: идёт по улице важный Ерёма, а перед ним скачут двое — весёлый роботёнок Васька с задранным носом и мальчик-огонёк в алой рубашке…

КЛОУН

Проснулся я поздно. Сквозь берёзы светило в комнату солнце. Я дотянулся до стула с одеждой, достал из-под майки заткнутую травяным комочком ампулу. Испугался на миг: погасла?

Искорка при свете дня была еле заметна. Можно подумать, что просто крошечный блик в стекле. Но я поднёс ампулу к "Барракуде", и у той бешено рванулись колёса.

Я опять сказал искорке:

— Хорошая ты моя…

Где-то играл оркестр: в городе уже разворачивался новый праздничный день.

Пришли Юрка и Янка. Янка со скрипкой, в своём жёлтом костюмчике с бантиком. Юрка в форме и с барабаном.

— Ну? — нетерпеливо сказал Юрка. — Небось уже пробовал?

Я с удовольствием показал, как вертятся колёса "Барракуды". Юрка расцвёл. Янка тоже заулыбался.

В комнату заглянула тётя Вика.

— Геля! Смотри, мальчики какие красивые. А ты опять…

— Я дам ему белую рубашку со звёздочками, — сказала мама.

Я обрадовался. Не потому, что на плечах блестящие звёздочки, как у смадермена, а потому, что нагрудные кармашки с клапанами. Удобное место для ампулы с искоркой.

Сначала мы прибежали в "Курятник". Надо же обрадовать Ерёму и Глеба! Но вагон оказался пуст. У косяка, на ржавом гвозде, висела записка: "Я ушёл в магазин за бумагой. Будет время — найду вас в парке. Ёрема почему-то не ночевал. Глеб".

Судя по всему, Глеб не очень-то верил, что искорка получится. Вчера в парк не пришёл, отговорился, что надо много чего написать, пока не забыл. Сегодня тоже вот не дождался нас… А куда девался Ерёма?

Гадать было некогда, мы торопились в парк.

…С утра в парке намечались разные состязания и концерт. Юрка должен был барабанить при всяких церемониях на стадионе, а Янка играть. Мы договорились, что встретимся с Юркой в двенадцать на лужайке с гномами, и я пошёл слушать Янку.

Концерт проходил на окружённой высокими клёнами площадке.

Я сел в третьем ряду и около себя занял ещё

два места — раздвинул руки и упёрся в скамью ладонями. Потому что народу полно, а Янке после выступления где-то надо сесть, да и Юрка может прибежать пораньше…

Выступлений было много. Пели хором и поодиночке, стихи читали, фокусы показывали. Один мальчишка даже с дрессированным котом выступал: толстый серый кот кувыркался и ходил по натянутой верёвке. Все веселились.

Но концерт шёл долго, кое-кто утомился, а солнце поднялось выше самых высоких деревьев и крепко жарило плечи и макушки. Зрители начали отвлекаться и галдеть. Я испугался, что Янку слушать не будут.

И правда, когда он вышел на эстраду, над рядами висел гул. Я чуть не заорал: "Да тише вы!" Но Янка не стал дожидаться тишины. Вскинул к подбородку скрипку, и она пропела тревожно и резко "Та-а, та-та!"

И сразу упало молчание.

Янка заиграл всем знакомую песенку:

На планете Сельда
Дни стоят хорошие,
Брызжет, брызжет солнышко
В заводи речные.

На планете Сельда
Жили-были лошади —
Умные и добрые,
Только не ручные…

Скрипка играла так, будто слова выговаривала. Кое-кто даже подпевать начал. Но Янка перешёл на другую песню:

Жёлтый месяц висит
Над уснувшим прудом,
И журчит у плотины вода.
Мы вернулись сюда,
В этот край, в этот дом
Навсегда, навсегда, навсегда…

Эту песню любит мама. Я вспомнил, как мы с мамой и папой сидели у костра. Я был тогда крошечный, пятилетний. Высоко-высоко качались мохнатые головы сосен, и казалось, что звёзды среди них плавают туда-сюда. Костёр стрелял красными угольками, а мама пела. И было это на Юрском полуострове, под Ярксоном, где скважина — мы туда один раз летали с мамой вместе…

Что же всё-таки со скважиной? При чём тут теория параллельных пространств? Она совсем не

про это... Хотя, кто знает, что может случиться на страшной глубине? Я помню, как отец говорил: "К звёздам летаем, а до нутра матушки-планеты нашей добраться до сих пор не сумели. Она нам это припомнит когда-нибудь..."

А может, делано в матушке-планете и не в скважине? Может, отец просто не захотел приехать? И не приедет совсем? Почему тётя Вика сказала тогда маме странные слова: "Я даже не знаю, кто я теперь?.."

Кто? Уже не родственница?

Тьфу, какая чепуха в голову лезет...

А если не чепуха?

Если я буду, как Юрка, без отца...

Юрко легче: он своего отца никогда не знал... Только легче ли? Что значит "легче", если одиночество...

Глеб правильно написал про одиночество.

Вроде бы всё хорошо в жизни, а почему тогда у многих грустные глаза? У мамы, у Юрки, даже у тёти Вики? И у Глеба...

Ну, то, что у Глеба, — это понятно...

Янка, словно вспомнив о Глебе, заиграл "Вечернюю песенку" — он теперь хорошо её знал. И этой песенкой закончил игру.

Все захлопали. Сперва не сильно, а потом гром-

че, громче. И я захлопал. Хотя, по правде говоря, мне больше нравилось, когда он играл в вагоне. Но всё равно, молодец Янка!

Я хлопал и совсем забыл, что надо беречь соседние места. Когда спохватился, с двух сторон уже сидели какие-то девчонки. Я с досады чуть не треснул каждой по шее и стал выбираться из рядов. Вышел на лужайку рядом с эстрадой. Замахал Янке, чтобы он бежал ко мне. Но на эстраду выскочили два клоуна — рыжий и белый, они задержали Янку. Белый клоун затряс над колпачком ладонями и женским голосом закричал:

— Дети! Внимание! Дети!.. Янка играл замечательно! За это ему вручается праздничный почётный диплом! И подарок!

Янка смущённо затоптался. Ему дали блестящий лист и плоскую красную коробку. Наверно, с конфетами. Он быстро наклонил голову, шевельнул губами: видимо, сказал спасибо. И пошёл с эстрады. Я опять замахал ему: давай сюда! Он заметил, кивнул.

Но тут клоун снова закричал:

— Дети! Пока готовятся наши танцоры, мы успеем наградить ещё нескольких ребят! Пусть поднимется на сцену Геля Травушкин!

Кто? Я?

Зачем? Я же не артист…

— Геля!.. Дети, среди вас есть Травушкин?

Знакомых было много. Из рядов закричали клоуну, что "тут он", а мне: "Гелька, давай! Копейкин, жми на сцену!"

Я пожал плечами и пошёл.

Рыжий клоун захлопал растопыренными ладонями, а белый взял меня за руку и радостно объявил:

— Геля Травушкин прекрасно потрудился во время подготовки праздника. Замечательно потрудился! Давайте поблагодарим его за это!..

Зачем это он? Разве я лучше других? Все работали, все ходили перемазанные краской и клеем. Я хотел сказать об этом, но ребята захлопали, зашумели, а клоун закричал:

— Поэтому Геля Травушкин тоже получает диплом и подарок! Диплом — вот он, а подарок очень большой. Пусть Геля пройдёт вон в ту дверь и там получит свою награду!

Я пробормотал "спасибо" и пошёл к дверце в глубине эстрады. Было ужасно неловко, но и любопытно было: что за подарок? И даже мелькнула мысль: "Может, я в самом деле немножко лучше других работал?"

За дверью оказалась фанерная комнатка. Но

подарка мне там не дали. Там переодевались для танца девчонки. Они завизжали и вышибли меня вон. Хорошо, что не на сцену, а в другую дверь — в кусты позади эстрады. Я выбрался из кустов и ошарашенно помотал головой. Вот так подарочек! Что это, карнавальная шутка? Ничего себе шуточки…

Я очень разозлился. Скомкал захрустевший диплом и закинул в кусты. И тогда из кустов появился ещё один клоун. Вышел легко, незаметно как-то, даже веточки не шелохнулись. Он был в жёлто-красном балахоне и в маске. Маска — такая весёлая рожа, губы растянуты в широченную улыбку и похожи на жирный красный полумесяц.

— Это ты Геля Травушкин? — спросил клоун воркующим голосом из-под маски.

— А что вам надо? — ощетинился я. Потому что хватит с меня шуток.

— Тебя надо, голубчик! — обрадовался он. — Пойдём.

— Куда?

— За подарком, конечно!

Он взял меня за локоть красной плюшевой перчаткой. Я вздохнул и пошёл. Стало жаль диплом, но тут же я подумал: "Потом найду и разглажу".

Клоун повёл меня по узенькой заросшей аллейке. Идти по ней вдвоём было тесно, царапались ветки, но я стеснялся сказать "отпустите". Мы пришли к старой кирпичной будке, вроде водокачки. Клоун толкнул дощатую дверь и промурлыкал:

— Входи. Здесь подарочная кладовая.

Окон в будке не было, у потолка сияла белая лампа. Под лампой блестел обитый металлом длинный стол. А на его дальнем краю стояла… Вот это да! Там стояла серебристо-голубая модель марсианского шагающего вездехода "Кентавр-супер"!

Не игрушка, а именно модель. Копия. Большая, в полметра высотой. Я такую видел в Музее Звёзд, когда ездил на экскурсию в Южный Пояс городов.

Клоун подтолкнул меня к столу и шелестящим голосом сказал:

— Она твоя… Она управляется мыслью. Вернее, импульсами желаний. С помощью этих приборов. — И он ловко надел мне на запястья широкие кожаные браслеты. На браслетах оказались чёрные металлические диски размером побольше часов. Тяжёлые…

— Пойдём, Геля Травушкин…

Клоун усадил меня на табурет напротив моде-

ли. Придвинул к самой кромке стола — так, что я упёрся в неё грудью. Руки мои он вытянул вперёд и положил на стол. Диски на браслетах звякнули о металл.

Стол был холодный. На голых руках сразу высыпали пупырышки. Металлический край леденил грудь сквозь рубашку. Я вздрогнул и почему-то оглянулся на дверь. Она была закрыта.

— Слушай, Травушкин….

Клоун стоял рядом с "Кентавром". Маска его улыбалась изо всех сил. Было неприятно видеть широкий неподвижный рот, когда слышишь разговор.

— Сосредоточься, Травушкин.

— Холодно…

— Ничего, ничего. Сосредоточься. Прикажи машине двигаться. И она пойдёт!

Я вздохнул, поёжился и сосредоточился. Приказал "Кентавру": "Иди! Ко мне!" Даже представил, как он идёт.

Но "Кентавр" не двигался.

— Не работает, — сказал я.

— Сейчас, сейчас…

Клоун, подпрыгивая, обежал вокруг стола и опять подскочил к модели. Поднял крышку кожуха.

— А! — сказал он. — Ба!.. Да она без двигателя! Ну… это ничего. Это ведь не беда. Верно, Травушкин? — В прорезях маски странно шевельнулись и заблестели его голубые глазки. Клоун осторожно пошёл ко мне. Встал сбоку. Повторил, воркуя:

— Это не беда, Геля… Ведь у тебя есть и с к о р к а.

Я вздрогнул. Даже дёрнулся назад. Но браслеты прочно держали мои руки на столе. Примагнитились, что ли?

— Пустите! — сказал я.

Клоун прошелестел надо мной:

— Но ведь искорка есть?

— Какое вам дело?! Она не для этого нужна!

— Она совсем не нужна, — возразил Клоун. — Тебе не нужна и твоим приятелям. Подари её нам.

— Кому вам?

— Ну… мне.

— Зачем?! — крикнул я, пытаясь освободить руки.

— Подари… А мы подарим тебе вездеход. Не такой, а настоящий. Ты будешь ездить на нём в школу…

— Нет! — крикнул я и рванулся изо всех сил. Но браслеты держали мёртво.

— Подари… Мы ничего плохого с ней не сделаем. Просто нам нужен образец.

Я напружинил все мускулы. Пятками упёрся в пол. Дернул руки так, что они чуть не вырвались из плеч. Но браслеты не шелохнулись. И так мне жутко сделалось…

— Пустите меня сейчас же! — отчаянно сказал я и стиснул зубы, чтобы не разреветься.

Он приподнял плечи. Сказал с каменистым хрустом в голосе:

— Разве я тебя держу? Иди, Геля Травушкин… Только подари искорку.

Кто он такой? Сумасшедший? Ампула лежала у меня в нагрудном кармане, под клапаном. Этот псих может её просто-напросто отобрать. Или не догадывается? Или не смеет?

Он будто услыхал мои мысли. Сказал опять с шелестом:

— Ты должен подарить её сам. Только с а м.

— Нет, — выдохнул я, дрожа от страха. И от холода. Стол сделался просто ледяным. Я пошёл на хитрость:

— Что вы, сами не можете сделать, что ли? Есть рецепт…

— Не можем, Травушкин, — прошуршал он, будто песок просыпал. — Что-то мешает. Не тот

состав, она же на крови… Геля Травушкин, подари искорку.

— У меня её нет!

— Неправда, Геля. Подари… Это очень просто. Скажи "дарю", и она сама вот сюда… — Клоун протянул мне плюшевую растопыренную лапу. — Одно словечко. Ну?

Он согнулся, наклонился надо мной совсем низко. Я увидел на маске вмятины, царапинки, застывшие подтёки лака. И шевелящиеся глазки — бледно-голубые, с розовыми прожилками на белках. Маска смеялась мёртво и безжалостно.

— Уходите! — заорал я. — Кто вы такой?! Снимите маску!

Он быстро отошёл. Будто испугался.

— Снимите маску! — снова крикнул я.

— Зачем?

— Снимите сейчас же!!

— Это не маска, — сухо сказал клоун. И… я увидел! Угол красного рта у него двинулся. По лаку пробежали трещинки. Нарисованные брови тоже шевельнулись. Или показалось?

Это, наверно, сон!

Клоун протянул руку и с перчатки на стол уронил шмеля.

Я обмер. Я перестал чувствовать холод. Это был

шмель-чудовище. Величиной с грецкий орех. Его покрывала свинцово-серая жирная пыль. Шмель приподнялся на мохнатых лапах и пошёл к моей левой руке. Прямо к руке. Он шёл, и лапы его громко скребли по металлическому листу. И обвисшее брюшко скребло. И за ним тянулся маслянисто-свинцовый след.

Я понял, что отчаянно завизжу. И это будет не просто визг, с ним вырвутся слова: "Не надо! Возьмите её! Дарю! Дарю!" И потому я опять сжал зубы — изо всех сил. Хотел зажмуриться, но не смог. А шмель шёл, шёл…

Ну, за что меня так? Что я сделал? Не надо!

Шмель заполз мне на браслет. Я сквозь толстую кожу почувствовал, какой он тяжёлый. Свинцовый… Сейчас он страшной лапой своей ступит мне прямо на руку…

Такой жути не бывает наяву. Я сейчас проснусь! Скорее!..

И грохнули барабаны.

Они ударили за кирпичными стенами, отдалённо и глухо, но шмель съёжился и тяжёлым орехом скатился с браслета.

Клоун тоже съёжился. Отскочил от стола, сел у стенки на табурет. Согнулся, обхватил себя за колени. Я рванулся…

Я рванулся к барабанщикам! К Юрке! Браслеты не держали. Я отлетел к двери, грохнулся об неё спиной. Дверь зашаталась. Я вскочил, трахнул по доскам ногой, они вылетели, и я вылетел за ними.

На солнце! На свободу!

— Юрка!! — Я помчался через кусты.

— Геля! Что с тобой?

Я увидел Марфу Григорьевну. Она держала большущего надувного слонёнка.

— Геля, мы тебя ищем! Вот подарок…

Я кинулся туда, где мелькали за ветками голубые накидки и грохотали красные барабаны.

— Юрка-а!!

ПИСЬМО ЕРЁМЫ

Я догнал барабанщиков. Они шагали по аллее от стадиона к площади. Путаясь ногами в траве, я побежал по обочине. Увидел Юрку.

Барабанщики били походный марш. Сквозь рокочущие удары Юрка не слышал меня. Я, задыхаясь, пошёл рядом, дернул его за коротенький плащ. Юрка сбился, гневно оглянулся на меня:

— Рехнулся? Не суйся под ноги!

Я чиркнул ребром ладони по горлу: "Ты нужен! До зарезу!"

— Иди на поляну, я сейчас! Иди!

Я отстал. Оглянулся. Марш барабанщиков быстро откатывался за деревья, и стали слышны другие звуки: голоса, музыка. И даже кузнечики в траве. И недалёкие шаги.

"А если это опять клоун?" — подумал я. Но не очень испугался. Теперь казалось, что жуткая встреча с клоуном произошла давным-давно. Потому что слишком уж неестественный был случай. Как страшный сон, от которого просыпаешься среди ночи и минуту лежишь, замеров, а потом... потом страх быстро тает, и всё делается, как всегда. Слышишь: часы пощёлкивают, Дуплекс чешется за открытым окном, в своей будке; бабушка вздыхает и кашляет наверху. Всё настоящее, привычное, и места для страха в этом мире просто нет.

Может, и сейчас был сон? Или чья-то глупая шутка?

Но кто из взрослых будет так шутить? На запястьях до сих пор следы от жёстких браслетов...

А если не взрослый? Если клоун — это мальчишка большого роста: в ширину да в высоту вымахал, а ума не набрался!

А откуда у мальчишки такая модель "Кентавра"?

А магнитные браслеты?

И шмель!..

Я опять задрожал, как от холода, и оглянулся. Но кругом было солнце. Мимо пробегали беззаботные мальчишки и девчонки. Проехал по аллее фанерный автомобильчик на велосипедных колёсах, в нём хохотали трое малышей, одетых поросятами, и щёлкал пластмассовой челюстью косматый волк.

Я потрогал карман: ампула с искоркой была на месте. Я вздохнул, потёр запястья и пошёл на нашу полянку. Там я сел, привалился спиной к каменному гному и стал думать, как всё объясню Юрке.

Юрка пришел очень быстро. Сердитый. У него опять была до крови ободрана нога.

— На том же месте, — зло сказал он. — Заколдованное оно, что ли? Там, где эта дурацкая фигура с веслом стоит… Платок есть?

У меня, к счастью, был: мама утром положила в карман. Я молча протянул платок Юрке. Он стал промокать им кровоточащие царапины. А сам всё оглядывался, прислушивался к рокочущим вдали барабанам. И я понял, что он ещё всей душой там, в блестящем строю барабанщиков, где свой строгий праздник, своя красота, своя жизнь.

И где для меня места нет…

— Ну? — сказал наконец Юрка.

Я неловко завозился на траве и пробормотал:

— Там… какой-то псих. Клоун… Пристал и говорит: "Подари искорку"… Хотел отобрать…

— Но ты не отдал? — вскинулся Юрка.

— Нет, конечно! Только он…

Про что сперва рассказать? Про шмеля? Юрка презрительно дёрнет щекой: "Опять козявки испугался…" Надо всё по порядку. Но Юрка нетерпеливо смотрит назад.

Он сказал недовольно:

— Подумаешь, Клоун! Что ты так его боишься?

Он решил, что я испугался мальчишки с улицы Речного флота! Там есть один такой вредный тип, семиклассник по кличке Клоун.

— Да не тот! Этот гораздо больше!

Юрка сморщил лоб.

— А откуда этот Клоун узнал про искорку? Ты, наверно, болтал направо и налево?

— Ты, наверно, сам болтал! — взвился я. — Вместе с Янкой!

— Чего ты на Янку-то зря… — хмуро сказал Юрка.

— Потому что…

"Потому что Янку ты выслушал бы до конца.

Не дёргался бы от нетерпенья". Но я не стал это говорить. Отвернулся.

— Знаешь что? Давай искорку мне, — предложил Юрка. — А, чёрт... На этой дурацкой форме ни одного нормального кармана.

Он врал: форму дурацкой он не считал, она ему нравилась. Но был он в ней не такой, как в прежние времена. Не тот сердитый, насмешливый, но всё равно лучший друг Юрка. Другой...

— Не дам я тебе искорку. Не ты зажигал, — тихо сказал я.

Юрка не разозлился. Миролюбиво посоветовал :

— Тогда спрячь дома. А к трём часам принеси в вагон. Там во всём и разберёмся.

— Сам знаю, — буркнул я.

— Эх ты, Гелька ты Гелька... — вдруг вздохнул он.

Я вскинул глаза. Потом встал.

— Ты ещё скажи "Копейкин"...

Юрка быстро улыбнулся:

— Не скажу... Ну, до встречи в "Курятнике".

Он положил мятый платок на голову гнома и ушёл с поляны. Я подумал и медленно двинулся следом. Просто не знал, что делать. Шагов через десять я увидел на тропинке барабанную па-

лочку. Поднял её, покачал в руке — лёгонькую, точёную.

Юркина? Потерял? Как же барабанщик без палочки?

Я выскочил на аллею, кинулся вдоль цветников туда, где не умолкали барабаны. Что-то зацепило мою ногу, я полетел и плашмя проехался по мелкому гравию.

Вскочил…

За что я запнулся? Ничего на аллее не было, ровненько всё… Кажется, кто-то хихикнул. Я со злостью огляделся. Но кругом ни души. Только гипсовый гребец-физкультурник стоял на покрашенном белилами постаменте. Он небрежно изогнулся, опираясь на тонкое весло. Смотрел поверх деревьев и — мне так показалось — нахально улыбался белыми губами.

"Ах ты, гад!" Я от досады и от боли просто взбесился. И с размаха швырнул в болвана палочкой.

Палочка пошла странно — петлями, как бумеранг. Но попала! Головкой клюнула гребца в плечо. И… он треснул!

По гребцу разбежались чёрные щели, упало весло с отвалившейся рукой, посыпались куски гипса. Часть шеи вывалилась, и открылся железный стержень.

Я перепуганно мигал несколько секунд, потом рванул через клумбы — подальше от места преступления! Не хватало ещё, чтобы меня поймали за разбивание скульптур! Как Ерёму…

Кто же знал, что этот гипсовый дурак такой хилый?

Я остановился у фонтана с чугунными цветами и каменными лягушками. Сел на край бассейна, вытащил платок с бурыми пятнами, промыл ссадины на левом локте. И подумал, что мне ещё повезло: я пострадал меньше Юрки.

А пробирка не разбилась?

Нет, вот она, целая. Искорка на месте, хотя еле видна при солнце.

Я застегнул карман…

— Травушкин!

Звонкий такой голосок. Я оглянулся. Рядом стоял вчерашний знакомый, мальчик-огонёк. Он был не в алой рубашке, а в синей матроске, но я его сразу узнал. Он улыбался. И я улыбнулся, несмотря на боль от царапин и ушибов. После всех неприятностей было так хорошо увидеть весёлого Огонька.

— Тебе письмо от Ерёмы! — Огонёк протянул свёрнутый в четвертушку лист.— Он меня встретил и говорит: "Знаешь Травушкина? Разыщи его,

дело срочное, а я ковыляю медленно..."

Я сразу понял Ерёмину хитрость: он, бедный, мучится от нетерпенья, хочет скорее узнать, получилась ли искорка. А в парк, где он когда-то нахулиганил, идти не решается.

— Разве ты знаком с Ерёмой? — спросил я.

Огонёк улыбнулся ещё шире:

— Ага... Он мне много раз игрушки делал... Я побежал!

— Ладно. Спасибо...

Что же пишет Ерёма?

Я развернул лист и увидел раздёрганные строчки:

"*Биригитес* их они не люди Приход ити ввагон я расскажу я узнал Эрема".

Я взглянул на Огонька, но тот был уже далеко. Помахал мне рукой.

Я перечитал записку. Почти ничего не понял, но стало опять зябко и неуютно. Ерёма никогда не шутил и никогда не тревожился зря. Что-то случилось.

От парка до станция недалеко. Сначала — на холм, где ретранслятор, а оттуда — вниз.

И я побежал!

Я не успел...

Четвертая часть
ГДЕ СХОДЯТСЯ РЕЛЬСЫ…
ОТКРЫТИЕ

На пустыре за путями, у вросшего в землю бетонного блока мы вырыли яму. Сложили в неё искорёженные обломки. Засыпали, а сверху настелили дёрн.

— Давай пиши, — сумрачно сказал мне Юрка. — Ты кистями работать привык…

Он дал мне кисточку и банку с чёрной несмываемой краской.

— Только не надо, что он был робот… — попросил Янка.

Я вывел на бетоне:

ЕРЁМА
Погиб 6 августа 210 г. к. э.

Вот и всё. Я размахнулся и бросил банку далеко в траву. Отошёл, чтобы ни на кого не смотреть мокрыми глазами. Все молчали. На станции весело играло радио, а в парке оркестр.

— А я-то хотел с ним пойти бродить по белу свету, — сказал сзади Юрка.

Я обернулся. Юрка дёрнул щекой и сказал снова:

— С ним да ещё с Васькой…

— Не будет никакого Васьки, — вздохнул Глеб и стал сердито лохматить волосы.

Янка сидел на корточках у бетонного блока и разглаживал на дёрне травинки.

Ерёма погиб за час до того, как я сюда прибежал.

Он шёл через пути к вагону. По ближней от вагона колее мчался электровозик технической службы. Ерёма остановился метрах в двух от рельсов, чтобы пропустить его. Всё это было у Глеба на глазах. Ерёма стоял спокойно, на электровознк даже не смотрел. Когда машина проносилась мимо Ерёмы, из неё высунулось что-то длинное и тонкое — то ли рельс, то ли грузовая стрела. Концом она ударила Ерёму в спину, и он взлетел высоко в воздух… А падал уже отдельными кусками…

Глеб оттащил обломки с рельсов и с полчаса сидел над ними, ошарашенный и беспомощный. Сделать ничего было нельзя — голова Ерёмы оказалась разбита вдребезги… Глеб вскочил и яростно бросился к начальнику станции. Тот сперва перепугался до немоты. Потом стал орать,

что никаких электровозов на станции не было и быть не могло. Начал куда-то звонить, с кем-то ругаться. А Глеб понял, что всё бесполезно. Кого винить, с кого спрашивать за Ерёмину гибель?

Ведь Ерёма не был человеком. Ни документов у него, ни жилья в городе, ни должности. Если смотреть по закону — он был вообще никто. И даже ничто. Он не мог считаться даже машиной, потому что все машины где-то записаны, имеют номера и технические паспорта. И кому-то принадлежат. Ерёма ничего не имел и принадлежал себе. А так не положено. Значит, Ерё— ма был просто беспризорной кучей электронного хлама. Так начальник и заявил Глебу. Он вообще-то был добрый дядька, но сейчас, видимо, думал только про одно: чтобы не очень попало за происшествие.

Глеб вскипел и сказал, что Ерёма был умнее всех начальников станций вместе взятых. Начальник ответил, что это возможно. По крайней мере, он, начальник станции Старые Горы, действительно лысый дурак: позволил какому-то беспаспортному проходимцу и мальчишкам (за которыми совсем не смотрят родители!) устроить в вагоне ночлежку. А теперь из-за этого неприятности. Шастают по рельсам! Хорошо, что пострадал

железный болван, а не живые люди. Хватит! Если Глеб к утру не очистит вагон, начальник явится туда с патрулём транспортной спецохраны.

Глеб сказал, что спецохрану вместе с начальником он видел в белых тапочках.

Но было ясно, что с вагоном надо прощаться.

Это не очень огорчило нас. По сравнению с Ерёминой гибелью это была такая ерунда.

Ерёма, Ерёма... Кажется, сейчас поднимемся в вагон, а он сидит, скрючившись над сундуком, чертит своего Ваську.

Мы забрались в "Курятник". Не было Ерёмы. Только похожий на Огонька мальчик смеялся на фотоснимке — он-то ничего не знал. Глеб подошёл к снимку, оглянулся на нас. Неловко спросил:

— Можно, я этого пацана себе возьму?

— Бери... — сказал Юрка, не пряча мокрых глаз. Мы с Янкой кивнули.

Глеб убрал снимок в свою обшарпанную сумку. Я сказал ему:

— Ты можешь к нам перебраться, в мою комнату. Я с мамой договорюсь.

— Там видно будет, — откликнулся он. — До утра время есть... — И открыл Ерёмин сундук.

Мы подошли.

В сундуке лежали разные железки, мотки про-

водов, жёлтые пластины с блоками памяти от вычислительных машин, лампы, трубки… Детали будущего Васьки. Глеб вздохнул и хотел опустить крышку. Янка осторожно придержал её.

— Смотрите-ка… Это зачем?

В отдельной картонной коробка лежали блестящие линзы. Разные — величиной от пятака до блюдца.

— Наверно, для Васькиной оптической системы. Для зрения… — неуверенно сказал Глеб.

Янка помолчал и виноватым шёпотом проговорил:

— Я подумал, что… давайте возьмем по стёклышку на память о Ерёме…

Они ведь сейчас всё равно ничьи.

— Давайте, — сказал Глеб.

Мы, не толкаясь, не споря, выбрали по линзе. Я взял очень выпуклую, очень чистую и очень тяжёлую. Размером с донышко большого стакана. Отошёл с ней, сел в дверях "Курятника", опустил наружу ноги, прислонился к тёплому косяку.

Посмотрел через линзу на белый свет.

Белый свет в стекле был маленький и перевёрнутый. Бетонный блок, под которым зарыли Ерёму, выглядел серой точкой.

Я навел стекло на ноготь. Он стал громадный,

как розовая лопата. Засохшая царапинка на большом пальце сделалась похожей на модель горного хребта. Я поводил глазами: что бы ещё увеличить? По доске рядом со мной шла чёрная букашка величиной с точку. А под стеклом оказалось такое рогатое страшилище! Я прямо вдавился в косяк…

Хорошая линза. Я покачал её на ладони. Солнце отразилось в выпуклом стекле крошечной искоркой…

Искорка!

Я торопливо достал ампулу. Отошёл с ней в самый затенённый угол "Курятника". Огненная точка неподвижно сияла. Мне стало жаль её, осиротевшую: не будет для неё веселого роботёнка Васьки. Я погладил ампулку, будто крошечного беспризорного котёнка. Потом поднёс к ней стекло.

Под линзой вспыхнуло огненное пятно. Я двинул стекло туда-сюда, чтобы поймать резкость. И наконец увидел…

Это был светящийся диск чуть больше копейки. Но не ровный, не гладкий. У него оказались размытые края, а пламя и свет разбегались от центра лохматыми завитками. Я смотрел и не верил. Но это было. Мне вдруг показалось, что я не в вагоне,

а в чёрной бесконечной пустоте, лечу куда-то…

Потому что я не раз листал дедушкины атласы и видел на чёрных листах снимки ярких спиральных галактик.

ГАЛАКТИКА

Мы выпустили искорку из ампулы, и она повисла в метре от пола. Никуда не улетала и не двигалась. Мы рассматривали её через линзу со всех сторон: и прямо, чтобы разглядеть спиральные вихри света; и с ребра, когда она делалась похожей на крошечное веретено.

Мы тихо дышали и молчали. Наконец Янка отдал линзу Юрке и прошептал:

— Значит, она галактика…

— Да ну… — с сомнением отозвался Юрка.

Мне стало обидно за искорку.

— Почему "да ну"?

— Такая маленькая…

Янка выпрямился. Сказал негромко, но звонко:

— Почему же маленькая?.. Ребята!.. Для космоса что значит маленький или большой? Космос-то всё равно бесконечный. Верно, Гелька?

Он впервые так обратился ко мне: за поддержкой. Не к Юрке, а ко мне. Я глянул на Юрку

мельком, но с победой.

— Да, — сказал я. — Если в космосе бесконечная бесконечность, как с ней что-то сравнивать? Это просто глупо.

— Ну, конечно! — тут же взъелся Юрка.— Ты один у нас умный, в дедушку профессора.

— Юр… — сказал Янка.

— А чего… Я не сравнивал ничего с вашей дурацкой бесконечностью. Я сказал, что эта искорка крошечная, а галактики… сами знаете, какие.

— Мы же не все их знаем, — возразил я. — Знаем только громадные, которые в телескопы видны. А может, они всякие бывают. Может, вот таких ещё больше на свете.

— Это выходит, мы, как Господь Бог, создали целую галактику ? — насмешливо спросил Юрка. Он забрался на верхнюю полку и теперь сидел, качая ободранной ногой.

Глеб взял стекло, опять посмотрел на искорку.

— Едва ли мы её создали. Наверно, просто открыли для себя. Приблизили к себе. Из пространства…

— Как это? — спросил я.

— Вот уж не знаю, "как это", — улыбнулся Глеб. — Тут сплошное космическое колдовство.

— Мало нам нашей Галактики, — сумрачно

сказал сверху Юрка. — Начали другие выуживать из космоса...

— Ребята... — Янка всех обвёл обеспокоенными глазами. — Я сейчас подумал... А может, она и есть н а ш а...

— Как это? — опять спросил я.

А Глеб возразил:

— Едва ли... Ты хочешь сказать, что получилась маленькая модель, образец?

"Нам нужен образец", — вдруг вспомнил я Клоуна и обжёгся резкой, болезненной тревогой.

— Ребята! Я хочу рассказать...

— Подожди, — поморщился Юрка. — Пусть Янка объяснит. Как это "наша"?

— Не модель, — сказал Янка. — Просто наша Галактика. Та самая, в которой живём. Она вот, вокруг... — он оглядел вагон, словно был среди космоса. — И она вот. Одна и та же...

Юрка сердито качал ногой. Глеб нерешительно улыбался. Я... я начал догадываться, про что говорит Янка. Потому что про это куча всякой фантастики написана. "Легенда о синем шарике", "Солнышко в ладонях", "Звёзды под микроскопом"... Но не только фантастику я читал.

— В "Технике юных" тоже про это писали, — вспомнил я. — Некоторые учёные считают, будто

бесконечно большое и бесконечно маленькое — это одно и то же. Что они где-то в бесконечности сливаются.

— В бесконечности ведь, а не в нашем драном "Курятнике"... — отозвался Юрка.

— Юрик, — сказал Глеб. — Ну, если нам хочется верить, что в наших руках н а ш а Галактика, разве тебе жалко?

Юрка прыгнул с нар. Прямо в лучи вечернего солнца, которое било из-за дальних тополей в раздвинутые двери вагона...

Теперь, когда я думаю про Юрку, я чаще всего вспоминаю его именно таким. Как он стоял тогда в горизонтальных оранжевых лучах. Весь какой-то натянутый, будто каждая жилка в нём звенела, как струны под Янкиным смычком. Он по-прежнему был в форме барабанщика, только без берета, конечно, и без накидки. Блестели галуны и аксельбанты. И глаза Юркины блестели, отражая оранжевое солнце.

— Если это правда о н а, — сказал Юрка незнакомым звенящим голосом, — тогда что? Вы понимаете? Значит, она вся замешана на крови!

Мне на секунду показалось, что лучи стали совсем красными. Даже вздрогнул.

— А разве нет? — тихо спросил Глеб. — Сколько

было войн, восстаний и бед…

— Нет, — встревоженно откликнулся Янка. — Это же только на Земле они были, а не во всей Галактике.

— А что мы знаем про Галактику? — усмехнулся Глеб.

— Но скадермены же не нашли ни одной живой планеты. Люди — только на Земле, — сказал я.

— Скадермены… — сердито бросил Юрка. — Ты мне про скадерменов не рассказывай. Я теперь про них знаю больше всех вас. Что они успели открыть? Несколько шариков, не пригодных для людей. А в Галактике, может, миллионы планет с людьми…

Я посмотрел туда, где в стороне от лучей, в полутёмном углу теплилась наша искорка. Миллионы планет в ней? Люди? И может быть, мы сами?

Янка ласково сказал:

— А что плохого, если на крови? Это же не та кровь, которая от войны, а наша, живая.

— Вот я и думаю… Тогда, значит, вся Галактика живая, — сказал Юрка.

— Ну и что, — сказал я. — Пусть.

— Тогда изо всех сил беречь её надо, вот что!

…Её надо беречь, нашу искорку. Вдруг всё, про что мы говорили, правда?

Глеб оставил искорку у себя. Сказал, что незачем таскать её в кармане по улицам. Правильно, конечно, сказал. Сам он остался в вагонедо утра.

…Когда я брёл по вечерней улице к дому, мне казалось, что возвращаюсь я из далёкого и тяжёлого путешествия. Из такого, в какие уходил когда-то Флота Капитан Ратманов. Потому что столько всего случилось за этот день. Но капитаны, когда возвращаются и сходят на берег, вздыхают с облегчением: всё, что было горького и страшного, теперь позади. А я так вздохнуть не мог.

Потому что опять я думал о Клоуне.

Зря я всё-таки не рассказал про Клоуна Глебу и ребятам.

Я даже головой замотал от досады на себя. Но я не смог, не сумел рассказать.

Конечно, причина не в том, что хмыкал и перебивал Юрка. Ведь, если честно говорить, я даже радовался, что он перебивает. Я не решался рассказывать, потому что до конца ничего не знал. Может, всё-таки это был чей-то глупый розыгрыш, и получится, что я трус. Испугался какого-то шмеля (попробуй докажи, какой он жуткий). И ведь, по правде говоря, я чуть-чуть не отдал искорку. Хорошо, что спасли барабанщики.

А может, я всё-таки не отдал бы? Зубы сцепил

бы как клещи, задохнулся бы от ужаса, но не отдал бы? Не знаю... Но если не знаю, как рассказывать?

А ещё я смутно боялся, что если разболтаю про Клоуна, он и его сообщники нам отомстят. Я мог бы рассказать о чёткой опасности, а как говорить о неясных страхах? "Опять ты сам не знаешь, чего боишься, Копейкин..."

И ещё была причина. Глупая, конечно, даже стыдно вспоминать, но была. Юрка несколько раз перебивал меня, и наконец появилось чувство: "Ладно, Юрочка! Ты не знаешь, а я знаю. У меня есть тайна, о которой вы с Янкой слыхом не слыхивали!" И страшно, и в то же время гордость какая-то...

Но сейчас, по дороге к дому, я отчаянно ругал себя, что не крикнул там в вагоне: "Да послушайте же наконец, что со мной случилось!"

Столько загадок свалилось на меня!

Как эти охотники за искоркой про неё узнали?

Зачем им наша крошечная Галактика? (А может, и не крошечная?)

Кто они? Хулиганы? Космические пираты?

Почему сами не могут сделать искорку? Клоун проговорился: "Не тот состав". Состав чего? Крови?

А может, у них вообще нет крови? Я вспомнил, как шевелилась маска. Вдруг они из каких-нибудь кристаллов, твёрдые и неживые, будто статуи…

Статуи?

На одном и том же месте, у гипсового гребца, запинались и падали я и Юрка…

"Ерёма, зачем ты расшибал скульптуры?"

"Я думал, они шпионы…"

Я отчаянно зашарил по карманам: где Ерёмино письмо? Балда я, балда! Я же совсем про него забыл! Вот оно…

"Берегитесь, они не люди! Приходите в вагон, я расскажу, я узнал…"

Не успел рассказать… Почему не успел? Откуда тот бешеный электровоз?

А если сейчас и на меня вырвется из-за угла сумасшедшая машина?

Солнце село, были очень тёплые сумерки. Никогда ничего я не боялся на нашей ласковой улице, где пахнет диким укропом и травой "бабкины бусы" и так хорошо светятся окна. А теперь мне стало жутко.

Я, оглядываясь, побежал.

Машина с яркими фарами и в самом деле выскочила из-за угла. Свет прямо в глаза! Я вскрикнул, вжался в забор, зажмурился…

— Гелька!

Ох… это же Митя, старший брат Севки Селезнёва с нашей улицы. Вон и сам Севка в машине, и ещё ребята.

— Гелька, поехали на Оленье озеро купаться! К полуночи вернёмся! Смотри, машина новая, "Клипер-два".

Я слабо помотал головой.

— Не могу, домой надо… Гоняете, как сумасшедшие…

Ух, даже спина мокрая стала… Стыдно, Травушкин. Чего ты боишься, кому ты нужен? Никто не знает, что ты догадался про статуи. И живая искорка не у тебя. У Глеба…

Но Глеб-то не знает ничего! А если т е нападут на него?

Я был уже у самого дома. Я вскочил на крыльцо и дёрнул дверь.

— Явился, — вздохнула мама. — Хотела уже искать… А чумазый-то какой. Умывайся, буду кормить.

Но я весь звенел от тревожного нетерпенья.

— Мама! Можно, я пойду к Юрке ночевать? Ну, мам… Я там поем.

Мама печально сказала:

— Неправда, Гелик. Ты собираешься не к Юрме,

а в ваш "Курятник".

Я, видимо, покраснел, как Юркни барабан. По крайней мере, ушам стало горячо. Прошептал с трудом:

— Ты откуда знаешь… про "Курятник"?

— Знаю. И Глеба вашего знаю. Очень славный, только история у него какая-то странная.

— А… кто тебе сказал?

— Да он сам! Он приходил в тот вечер, когда я приехала, волновался, что тебе досталось за машинку. И всё объяснил.

Вот он какой, Глеб… А я его сегодня бросил!

— Мама! Мне очень надо! Честное слово! Последний раз!

— А почему последний?

— Начальник станции не велит, Глеба выселяет. Мама… а можно ему у нас?

— Подумаем, — сказала мама и опять стала печальной.

Я очень спешил к Глебу, но то, что мама очень грустная, остановило меня.

— А ты что… такая? Из-за папы?

Она слабо улыбнулась.

— Ты опять к нему уедешь? — испугался я.

Мама взяла меня за локти.

— Гелик. А если поехать вдвоём? Ведь живут и

там дети. Школа маленькая, но учиться можно.

"Да? — быстро подумал я. — А что… Папа там, ребята новые, никто не скажет "Копейкин". Найду верных друзей. Не будет страшных загадок. Не будет огорчений из-за Юрки… Но и самого Юрки не будет. И Глеба, и Янки…"

— Ма… подумаем, ладно? — осторожно сказал я. — Время-то есть, хотя бы до завтра… Я побегу?

— Беги…

ТЕОРИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Когда я подбегал к вагону, у меня кололо в боках от спешки. Но вот уже совсем близко, вот я вижу: щели светятся. Значит, Глеб там, значит, всё в порядке.

Там был не только Глеб. Рядом с ним сидели на лежанке и беседовали Юрка и Янка. Спокойненько так. Будто и не уходили.

Значит, не успели мы разойтись, как они снова сюда!

Сами отпросились, а меня опять не позвали!

Но Янка сказал:

— Мы как раз хотели за тобой бежать. Спорили, отпустят тебя или нет.

— Да? — обрадовался я. — А я вот он! Мама на всю ночь отпустила.

— Мы хотели, чтобы ты атласы деда прихватил, — объяснил Юрка. — Чтобы по ним проверить: наша эта галактика или другая.

А, значит, не я ему нужен. Атласы нужны…

Я сел на сундук Ерёмы и сказал, глядя на фонарь:

— Это глупо по двум причинам… Даже по трём.

— Первая: то, что тебя опять какая-то курица клюнула, — отозвался Юрка. — Какая?

— Не в курице дело. Просто бабушка эти атласы никому не даёт из дома выносить. Это раз…

— А "два"? — усмехнулся Юрка.

— Ты думаешь, в атласах все галактики и туманности напечатаны? Их миллиарды… А третье — это как раз даже курице ясно, а тебе, Юрочка, нет: откуда в атласах возьмётся н а ш а Галактика? Кто её мог снять со стороны? Люди не выходили за её границы.

— Эскадер-три выходил, — быстро сказал Юрка. Он смотрел прищуренно, как при стрельбе из лука.

— Тройка? Ха! Кто это докажет? Они сами не знали, что с ними было! Может, вынесло из Галактики, а может, им показалось. Фокусы суб-

пространства… Про это ещё в третьем классе объясняют.

— Но не говорят, что они сделали снимок, — возразил Юрка.

— Потому что это научно не доказанный снимок. И в атласах его не печатают…

— Ну и дураки, кто не печатает, — хмуро огрызнулся Юрка. — Если не верить скадерменам, зачем посылать их в пространство?

Янка тихо сказал:

— Наверно, поэтому и не посылают больше. Говорят, что скадеры вообще запретили строить.

Юрка недовольно проговорил:

— Никто не запрещал. Просто они очень дорогие… Всё равно строят помаленьку. Девятку заложили недавно.

— Братцы! — взмолился Глеб. — Может, вы мне объясните? То и дело слышу: скадеры, скадермены! А что это такое?

— Ты и этого не знаешь? — изумился Янка.

— Что же это за дыра твой Колыч? — сказал Юрка.

Глеб жалобно поморщился, и мне стало обидно за него.

— Глеб, скадер — это тип звездолёта. Суперкрейсер дальней разведки. Сокращённо — СКДР.

Их мало строят, потому что спор идёт: нужны они или нет. Многие учёные говорят, что не нужны. Мой дедушка, например, был против…

— Ну и Гелий Травушкин тоже, конечно, против, — поддел Юрка.

Я пожал плечами. Против я или за, меня всё равно не спросят. Но вообще-то я в самом деле не люблю, когда кто-нибудь улетает надолго.

Юрке я сказал:

— Скадер построить — дороже, чем несколько городов. Но дело даже не в этом. Просто есть другая теория, академиков Скальского и Коцебу. Мне наш знакомый рассказывал, дедушкин ученик. Можно разрывать пространство, не покидая свою планету…

— Моментальный разрыв пространства — это, наверно, ещё дороже, чем скадер, — задумчиво сказал Янка.

— Зато быстрее, — возразил я. — Не надо ждать кучу лет, пока крейсер вернётся. Туда и обратно — как на соседнюю улицу.

— А, это всё трёп, — отозвался Юрка. — Это старая теория параллельных пространств.

Я сразу вспомнил скважину в Ярксоне и папу. Что там? Может, правда поехать?

— Параллельные пространства — это совсем

другое, — сказал я Юрке. — Это когда на одной планете может быть несколько разных миров. И они никогда не пересекаются.

— Значит, так в самом деле бывает? — быстро спросил Глеб.

Юрка зевнул:

— Много чего придумают в академиях. Только доказать не могут. Это сказки.

Я опять подумал про скважину.

— Если бы… — сказал я.

— Если бы… — повторил Глеб. — А давайте-ка ложиться, ребята! Завтра на рассвете надо освобождать гостиницу…

Мы погасили "Сатурн" и легли на тугие надувные матрацы. На нижних нарах. Я слева от Глеба, Юрка и Янка справа. Стало тихо, в щели полезла трескотня ночных кузнечиков.

"Пора", — опять подумал я и приготовился заговорить о Клоуне. Наконец-то!

Янка сказал в темноте:

— Всё кажется, что сейчас закряхтит в углу Ерёма…

— Да, — согласился Глеб. — Скажет: пойду покурю на площадке.

— Ладно вам, и так тошно, — проворчал Юрка.

— Если тошно, разве обязательно молчать? —

возразил Янка.

Глеб сказал ему:

— Жаль, что ты не взял сегодня скрипку… Может, было бы легче на душе.

"Вот сейчас расскажу про Клоуна, будет вам легче", — подумал я. И сказал:

— Янка может и без скрипки. Он играл и на лунных лучах…

— Сейчас новолуние, — заметил Юрка.

Мы помолчали. Кузнечики надрывались за стенками вагонов.

— Это неважно… — вдруг сказал Янка.

— Что? — спросил я.

— Что новолуние…

— Но лучей же нет.

— Я могу хоть на чём…

— Янка… это как "хоть на чём"? — осторожно спросил Юрка.

— Ну… на всём, что похоже на струны.

— И на проводах?

Я разозлился: чего Юрка придирается? Ну, ко мне — это понятно, это по привычке. А к Янке-то зачем?

Янка сказал:

— Ну… пожалуйста.

— Разве до них дотянешься? — спросил я.

— Это неважно.

— Смычка нет, — напомнил я.

— Для этого необязательно. Для такой музыки.

Тогда я спросил, будто меня толкнул кто-то:

— Янка… А на рельсах?

— Ну… пожалуйста. Только это будет не такая музыка…

— Какая не такая? — спросил Глеб.

— Не знаю… Не как на скрипке. Наверно, просто музыка рельсов… Нет, не знаю.

Глеб зашевелился.

— Пойду покурю… Янка, а как это — музыка рельсов?

Янка сказал:

— Зажги фонарь.

Свет "Сатурна" ударил по глазам. Янка легко вскочил, пошёл в угол к Ёреминому сундуку, снял с гвоздя куртку (Ерёма был без куртки, когда погиб, она так и осталась в углу). Я удивился: зачем она Янке? Но оказалось, что под курткой висит на гвозде длинная металлическая линейка. Ерёма ею пользовался, когда чертил Ваську. Янка взял линейку и пошёл к выходу на площадку. Мы за ним. Янка попросил Глеба:

— Пожалуйста, возьми фонарь.

Глеб повесил фонарь на крючок под крышей

площадки. Свет разлетелся далеко-далеко, трава у вагона сделалась очень зелёной, на путях — и ближних, и дальних — заискрились рельсы. На рельсах задвигались наши вытянутые тени.

Янка сказал, будто извиняясь:

— Вы, пожалуйста, сядьте. Надо, чтобы только моя тень…

— Лучше сойдём, — предложил Глеб.

Мы спустились в траву. Встали у ржавых буферов. Было очень тихо. Кузнечики молчали, испуганные неожиданным светом. Янка встал на краю площадки, у подножки. Его тень выросла, вытянулась поперёк путей. Взметнула великанскую руку с линейкой. Или со смычком? Тень смычка легла на рельсы длинной полосой, замерла. Потом шевельнулась, прошла по блестящим рельсам, как по струнам…

И это словно добавило тишины.

— Ничего не слышу, — прошептал Юрка.

— Помолчи, — сказал Глеб.

Я тоже ничего не слышал. Кроме тишины. Кроме того, что за горизонтом пропел сигнал локомотива. Красивый такой и печальный. Сигнал растаял в ночи, а ночь будто вздохнула, и вздох отозвался под небом, как внутри громадной гитары. Что-то совсем негромко зазвенело вокруг — в

траве, в дальних тополях, в чёрной высоте надо мной. Зазвенело и запело еле слышно…

Это Янка играл? Или мне показалось? Не знаю. Только мне очень захотелось в дорогу. В дальнюю. Куда-то идти, ехать, лететь. И чтобы не знать, что там впереди…

Может быть, это в самом деле была музыка рельсов?

…Мелодия затихла, и мы молча поднялись в вагон. Повесили фонарь на гвоздь, вбитый в край верхней полки. Сами сели на нижнюю. Рядышком.

— Если так… — медленно проговорил Глеб. — Если есть эта теория, эти параллельные пространства, тогда ясно… я уже думал про такое. Через Старые Горы идёт железнодорожная линия. Через Колыч тоже. Идут себе параллельно, ничего не знают друг про друга. Старогорск и Колыч тоже… живут параллельно и ничего друг про друга не знают. А где-то есть стрелка. Соединение рельсовых линий. Где-то мой поезд эту стрелку проскочил и привёз меня сюда. Всё просто.

— Вовсе даже не просто, — сказал я. — Параллельные пространства нигде не пересекаются. И не соединяются. Параллельные линии тоже. Про это в первом классе учат.

— В бесконечности могут пересекаться, — возразил Глеб. — Это всякий школьник тоже знает.

— В бесконечности! А ты ехал всего два часа.

Янка засмеялся:

— На этот раз бесконечности хватило двух часов.

— Наверно, — сказал Глеб. — А может быть, и в другой раз хватит?

— Скучаешь по Колычу? — спросил Юрик.

— Скучаю?.. Я уже про это говорил: здесь я Робинзон, а там на своём месте.

— Можно и здесь работу найти, — сказал я. Потому что не хотелось, чтобы Глеб куда-то уходил.

— Я, ребята, всю жизнь мечтал книжку написать. А здесь... Я не знаю.

— Значит, хочешь искать стрелку? — спросил Янка.

— Только наизвестно, на каком поезде туда ехать, — усмехнулся Глеб.

Янка встал.

— А зачем поезд? Мы и так на колёсах. — Он запустил пальцы в кармашек на клетчатой рубашке Глеба. Выдернул ампулу с искоркой. Быстро пошёл в конец вагона, сел там на корточки. Оглянулся на нас.

— Ось под полом где-то здесь, да?

Мы подскочили к Янке. Он осторожно вложил ампулу в мелкую выемку на дощатом полу…

И ничего не случилось.

Сначала — ничего. Только я услышал гудение, как в перегретом энергосборнике. Потом "Курятник" задрожал, и под полом раздался скрежет (уже после я сообразил, что это отдирали себя от рельсов приржавевшие колеса). Вагон дёрнулся. Так дёрнулся, что я полетел с ног. Юрка упал на меня. Мы вскочили. Пол встряхивало, фонарь на гвозде сильно качался и разбрасывал тени.

— Едем! — крикнул Янка.

Глеб стоял, расставив ноги, и задумчиво держался за бородку.

— А что? — сказал он. — Может, это действительно выход?

МЫ ЕДЕМ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Может, это действительно выход? — спросил Глеб и обвёл нас блестящими очками. — А, ребята?

— Ничего себе, выход, — сказал я, постукивая зубами от тряски. — Сейчас как хряпнемся…

Рельсы были старые, на гнилых деревянных шпалах. Вагон колотило на частых стыках.

— Сейчас выйдем на основной путь, — сказал Юрка.

— Ага, пока выйдем… — сердито начал я. Но тут под колесами сильно щёлкнуло, тряска сразу кончилась. Рельсы загудели ровно и спокойно. Это вагон проскочил стрелку и пошла главная колея — сплошные рельсовые нити на могучих бетонных шпалах. Сразу выросла скорость. В дверь передней площадки рванулся ветер, у Янки взлетели и разлохматились волосы. Янка засмеялся.

Но мне было что-то не смешно.

— А как обратно? — спросил я.

Янка, не перестав смеяться, ответил:

— Да очень просто! Перенесём искорку к задней оси, она и заведётся на обратный ход.

Я был в этом совершенно не уверен. Я вообще ни в чём не был уверен.

— А куда нас несёт-то?

— Как куда? В бесконечность, — беззаботно отозвался Янка. И Юрка, который всегда с ним соглашался, весело засвистел.

Я сказал с досадой на их глупость:

— Вот врежемся во встречный поезд, тогда уж точно будет бесконечность и вечность…

Янка возразил:

— Встречный пойдёт по левой колее, здесь двойной путь.

— В это время не бывает никаких поездов, — сказал Юрка.

Я не стал с ними больше разговаривать, взглянул на Глеба. У него-то ума больше!

Глеб озабоченно дёргал бородку.

— Ребята, Гелька прав. Нужен какой-то сигнал. Давайте-ка вывесим фонарь.

Он опять понёс на переднюю площадку "Сатурн". Янка и Юрка пошли за ним. Я плюнул с досады и остался посреди вагона. В полумраке. Потом взял с ящика маленький фонарик и включил.

Глеб вернулся.

— Гелька... Ты что? Опять обиделся?

— Нет, — сказал я.

— Тогда что?.. Боишься?

— Еще чего! — сказал я.— То есть да, боюсь. Вдруг не вернёмся к утру? Дома знаешь что будет!

Глеб положил мне на плечо горячую ладонь. Покачал меня туда-сюда.

— Вы вернётесь, Гелька... Если до полуночи никуда не приедем, всё равно двинем назад. До рассвета будете дома.

Эти слова меня слегка успокоили. Правда, я сердито подумал, что если Глебу приспичило отправляться в свою бесконечность, мог бы ехать один. Зачем нас-то с собой тащить? Но это была совсем свинская мысль. Я даже откачнулся, чтобы Глеб её не угадал. Он не виноват, никого он никуда не тащил, это всё Янка придумал. И Янка с Юркой Глеба всё равно не оставили бы. А я… я опять остался бы сам по себе?

Да что я, такой трус, что ли?.. Да ни черта я не боюсь! Если я и спорил, то из упрямства. Потому что поехали, меня не спросили.

Ровно гудит вагон, и в гуденье этом прорезается струнный голос. Как отголосок Янкиной музыки рельсов! Как я мог забыть? Ведь совсем недавно я хотел мчаться в дальние дали, открывать какие-то тайны!..

Вот и хорошо, что едем. И что не знаем, чем это кончится, тоже хорошо! Должны же быть в жизни приключения!

Одно только портит мне радость: Юрка и Янка опять ушли вдвоём, не позвали меня. Но эта горечь — уже несильная и привычная, как боль от разбитого утром локтя.

— Глеб, — сказал я, — ты за меня не тревожься, я сам знаю, что такое дальняя дорога.

Он ещё раз качнул меня за плечо — хорошо так, будто молча сказал спасибо. И в это время зашелестели вокруг листы.

Ветер врывался с передней площадки, мчался через вагон и, закрутив спиральные вихри, улетал в заднюю дверь. Завихрения подняли с ящика и с полки стопки Глебовых бумаг.

Мы кинулись собирать их…

К счастью, не улетел ни один лист.

— Ну, всё, — сказал Глеб, когда была собрана растрёпанная стопа. — Вот… Слушай, Гелька, я тут ещё кое-что понаписал… Может, дать тебе и эти страницы?

— Ты их тоже в двух экземплярах печатал?

— Конечно.

— Тогда дай, — сказал я и подумал, что, может быть, скоро Глеб окажется далеко-далеко. — Обязательно дай. А то… вот укатишь в свой Колыч… на веки веков…

Глеб на секунду прижал меня своей пятернёй к рубашке. Потом взял у меня фонарик и шагнул в угол, где на гвозде шевелилась как живая Ерёмина куртка. Глеб снял её, сунул свёрнутые листы во внутренний карман.

— Вместе с курткой и заберёшь.

— Я сразу, чтобы не забыть…

Куртку я накинул на плечи. Она была большущая — обшитый кожей подол зачиркал по коленям. От куртки пахло Ерёмой — тёплым металлом, смазкой и пластмассовой изоляцией. Я незаметно погладил у куртки отворот. Бедный Ерёма. Не слишком ли быстро мы успокоились после его гибели?

И никто не знает, что погиб он, скорее всего, не случайно!

— Глеб!

— Что, Гелька?

— Нет… ничего.

Поздно, Глебу нельзя говорить про это. Он испугается за нас и не станет искать свой Колыч. Останется без дома. Получится, что я его задержал. А какое я имею, право?

Глеб отошёл от меня. Наверно, подумал: "Гелька загрустил о Ерёме, а грустить лучше в одиночку". Я сел в проёме боковой двери, свесил наружу ноги. Тёплый ветер ударил по ногам, забрался под куртку. Сильно пахло полынью. В той стороне, куда мы ехали, светил слабенький закат, а над головой и северным горизонтом небо стало совсем чёрным. Звёзды были большие и белые. Гораздо ярче огоньков, которые мигали на краю земли.

Недалеко от линии тоже светились огоньки

— фонари и окна какого-то посёлка. И вот что удивительно! Обычно, когда едешь в поезде, близкие огни проносятся назад, а звёзды остаются неподвижными. Здесь же было наоборот: огоньки и фонари будто замерли, а звёзды проплывали над головой, будто небо плавно вращалось. Что за неразбериха? А, я понял! Наверно, вагон делает какой-то хитрый разворот.

И я перестал думать о звёздах.

Потому что подошёл Юрка.

Фонарик лежал рядом со мной и светил вверх, на Юрку. И Юрка стоял в метре от меня и почему-то опять казался похожим на страусёнка Антона из мультфильма.

— Ты чего? — спросил я.

— На площадке сесть негде. А за день-то натопался…

Я подвинулся. Но Юрка не сел. Он рассеянно смотрел в небо и теребил у пояса краешек серебристого галуна. Этот блестящий лампас был пришит вдоль коротенькой штанины, и верхний кончик у него отпоролся. Юрка дёргал, дёргал его, а потом вдруг сильно потянул вниз и с треском оторвал весь галун. Кинул по ветру.

— С ума сошёл? — спросил я.

— Не-а…

— Влетит, — сказал я.

— С чего? Эту форму нам насовсем подарили.

— А завтра как будешь без лампаса?

Юрка оторвал галун с другого бока.

— Никак. Я оттуда ушёл.

Юрка зевнул и сел наконец рядом со мной.

— Почему ушёл? — изумился я.

— А!.. Из-за одной дуры. Сперва у нас нормальный руководитель был, помнишь, толстенький такой, Виталий Гаврилыч… Потом он замотался с концертами, и сегодня к нам пришла эта… Ноги, как оглобли, шея лошадиная, голос, будто сирена на стадионе. Только и знает, что орать команды и ругаться… Я где-то палочку потерял, а она завелась: «Это что за отношение к делу! Таким людям вообще здесь не место!.." Не место? Ну и ладно. Поставил я барабан, положил на него накидку и берет, сверху — палочку, ту, что осталась. И пошёл…

Услыхав про палочку, я, кажется, покраснел. И понял: теперь-то надо начать про всё: про то, как от палочки разлетелся гипсовый гребец; и про то, что, наверно, не случайно мы рядом с тем гребцом падали, и про Клоуна.

— Юрка! Та палочка… тут вот что…

— Да не в палочке дело! Всё не так.

— Что не так?! — в сердцах спросил я. — Будешь ты меня слушать?

— Ну, валяй…

"Валяй? Не скажу я тебе ничего!" И я сказал о другом, с досадой и ехидцей:

— Что-то я не пойму. Стоило ли записываться в барабанщики, чтобы уйти вот так… — Я чуть не сказал "так бесславно".

— А чего ж… — Я заметил, что Юрка улыбнулся. — Там было хорошо. Пока не пришла эта… штурм-бан-дура… Знаешь, Гелька, что-то есть в этих маршах. Когда все вместе… А самое главное в том, что я выяснил один вопрос.

— Какой?

Юрка молчал. А что молчать? Начал, так говори. Янке-то, небось, уже всё рассказал… Кстати, где Янка? А, вон они на площадке с Глебом. О чём-то говорят, бойко так… А тёплый ветер всё летит навстречу, и вагон гудит басовой струной… И я уже думать забыл, как это странно: вагон без тепловоза, мчимся неизвестно куда… Кажется теперь, что в обычном дачном поезде едем. Не страшно нисколько. Разве так ездят в бесконечность?

Только одно удивительно: звёзды продолжают лететь назад, и закат почему-то стал ярче, будто мы догоняем его в пассажирской ракете.

А сколько времени мы едем? Я взглянул на часы. Опять стоят, что ли? Вагон свой путь начал ровно в десять, я заметил, а сейчас десять ноль две… Надо спросить у Глеба или у Янки (у Юрки не хочу).

Я собрался вскочить, но Юрка остановил:

— Подожди. Я же не рассказал про свой вопрос…

И я остался сидеть. Смирно-смирно.

Юрка затеребил на груди аксельбант и начал говорить:

— Я в конце мая в Нейск ездил, к матери. Помнишь?.. Как-то раз вижу: она всякие бумаги и открытки перебирает, на меня не глядит. Вдруг со стола карточка упала. Старый такой снимок, даже не цветной. Я поднял, а мать почему-то испугалась: "Дай сюда!" "На, — говорю, — а что здесь такого? Посмотреть нельзя?" На самом деле, что такого? Двор какой-то снят, девчонка тощая и трое пацанов. Маленько на нас похожие. С палками, с саблями деревянными, вроде как мы тогда в мушкетёров играли. А один с барабаном самодельным. Видно, что из бачка, но всё как надо сделано, шнуры натянуты… Я спрашиваю: "Кто это?" Мать заулыбалась, потом говорит, будто в чем-то признаться решила:

— Это я, — и на девчонку показывает.

Я даже заморгал: забавно так…

— А ребята эти кто?

— Ну, кто… Мальчишки с нашего двора. Уж и не помню, как звали.

Странно, да? Вместе играли — и не помнит… Двое рядом с ней стоят, а тот, что с барабаном, чуть в сторонке. Оглянулся на них, голову повернул — будто окликнуть хочет. Локоть чуть отвёл, ждёт чего-то…

Мать говорит:

— Ну, давай карточку.

— На, — говорю. Повернулся, протянул ей. И себя в зеркале увидел… Знаешь, Гелька, сходства в лице никакого. Но вот голова повёрнута, рука откинута… Я сразу спросил:

— Выходит, ты его с детства знала?

— Кого?!

— Отца.

Ну, сперва шум, крик: "Дурак, что ты выдумал, что за бред!.."

Я опять спрашиваю:

— А что, он в ваших играх был барабанщик?

Она вдруг в слёзы и отвечает так… ну, не то, что со злостью, а будто болит у неё что-то:

— Всю жизнь он был барабанщик…

— А он где?

— Господи, откуда я знаю! Кто на Земле может сказать, г д е о н и ч т о с н и м?..

— А почему не может?

— Отстань! Я тебе раз и навсегда запретила об этом говорить.

— Он же отец.

— Да не отец он! Он даже не знал, что ты есть на свете!

И опять в слёзы… Тут пришёл этот, "зам-папаша". Ну и конец разговору…

Юрка ещё раз дёрнул аксельбант и замолчал.

— Дальше-то что?

— А дальше… Когда в парке меня в барабанщики позвали, я подумал: пойду. Если получится из меня барабанщик, значит, я в отца. Значит, парнишка тот и вправду отец. Ниточка будет…

Я сидел насупившись. Потому что не получился из Юрки барабанщик. Так я и должен ему сказать. Если решусь…

— Я знаю, — сказал Юрка. — Ты думаешь, что я сбежал и бросил ребят.

— Барабанщики не уходят из-за таких пустяков… — пробормотал я.

— Барабанщики не должны подчиняться горластым тёткам.

— Спорил бы! Пусть её прогонят!

Юрка хмыкнул:

— Восстание затевать? Здешние барабанщики не для боя, а для карнавалов… А восстания почти никогда не кончаются победой. Можно только уйти.

— Если вместе. А ты один…

— Я думаю, сегодня вечером ушли многие.

— Откуда ты взял?

— Раз говорю — знаю…

— Всё ты знаешь… А вот про палочку, которую потерял…

— Гелька! Юра! — Это Глеб. Он помахал нам из дверей. — Давайте сюда, скорее!

Мы вышли на переднюю площадку. Здесь ветер был плотнее, он бил в лицо и распахивал на мне куртку. Рельсы блестели от фонаря и мчались под вагон. И закат… он правда приближался! Ясный, розово-жёлтый.

— А левой колеи уже нет! — громко сказал Янка. — Мы мчимся по однопутке!

— Зато справа, — сказал Глеб, — я видел… ребята, честное слово! Я видел огни и газовый факел завода "Богатырь"!

Справа, за чёрными летящими кустами, замелькала и побежала навстречу нам цепочка

жёлтых квадратов. Поезд! Он промчался в сотне метров от нас.

— Значит, там тоже линия! — сказал Юрка.

— Конечно, — радостно отозвался Глеб.

— Я же говорил — доберёмся! — обрадовался Янка.

Я спросил:

— Так что же? Мы едем в бесконечности?

Глеб засмеялся:

— Не знаю.

Я сказал:

— У меня часы встали. Сколько сейчас?

Глеб и Янка разом глянули на циферблаты.

— Десять ноль три.

— Да вы что? Мы едем всего три минуты?

Янка отозвался без всякой тревоги:

— А кто её знает, эту бесконечность…

Закат сиял впереди, а над ним громоздилась резкая темнота, словно вечернюю зарю придавили чёрные тучи. Но это были не тучи, потому что в темноте сияли звёзды. Они всё ещё двигались, но уже тише. Линия, которая шла справа от нас, делалась всё ближе. Вдоль неё изредка мелькали фонарики. Наконец мы увидели, что рельсы этой линии побежали совсем рядом. Вот-вот пересекутся и сольются с нашими.

— Стрелка! — крикнул Янка. Метнулся в вагон и тут же вернулся. Он держал на ладони ампулу с искоркой.

НА СТРЕЛКЕ

Вагон гасил скорость. Правая рельсовая колея, прибежавшая из неведомых далей, где был город Колыч, плавно сошлась с нашей. Мелькнул столбик с фонарём и рычагом. Защёлкало под колёсами. Вагон прошёл ещё метров двадцать и встал, будто упёрся в упругую подушку.

Мы соскочили в траву.

После вагонного шума показалось, что кругом тихо-тихо. Только наше дыхание и шёпот. Было очень тепло, и по-прежнему пахло полынью. Янка вполголоса сказал:

— Пойдёмте к стрелке.

Мы обогнули вагон и по шпалам подошли к фонарю на низком столбике. Фонарь горел неярким жёлтым светом. Это был жестяной ящик с круглым отверстием, в котором светилось ребристое стекло — как у фары старинного автомобиля. Казалось, за стеклом не лампа, а свечка. А может, так и было.

— Ручная стрелка, — тихо усмехнулся Глеб. —

Рычаг для соединения пространств на границе мироздaний… Как я в прошлый раз прозевал этот механизм?

Из-под фонаря торчала метровая рукоять с противовесом. Янка расставил ноги и крепко ухватился за неё. Оглянулся на нас. Его лицо освещал закат, и в глазах блестели светлые точки. Как искорки.

— Переведём стрелку, — сказал он. — Потом проводим Глеба до Колыча. Верно, ребята?

— Подожди, — попросил Глеб.

Он тихонько отодвинул Ямку от рычага. Постоял. Потом пошёл к вагону. Мы двинулись за ним. Глеб вскочил на площадку под "Сатурном", исчез в "Курятнике", но тут же вышел снова с сумкой на плече. Зачем-то выключил фонарь. Сумерки подступили к нам вплотную, а закат сделался ещё ярче. Рельсы под ним засветились. Они были очень прямые и убегали в дальнюю даль. Мы приехали в бесконечность, где соединились параллельные линии от Старогорска и Колыча, а отсюда колея уходила ещё дальше. Ну и правильно. Ведь у бесконечности нет ни конца, ни края! И может быть, эти две стальные нити потом тоже соединяются в одну? И пойдёт сквозь Галактику тонкий сверкающий монорельс…

Я смотрел вдоль убегающей под закат линии, и опять зазвенела в тишине Янкина музыка рельсов. Её слушали головки высокой травы, которые чётко рисовались на жёлто-розовом горизонте. И казалось, что рельсы сливаются не так уж далеко от нас.

Но куда они бегут? Кто их проложил?

Глеб сказал:

— Вот что, ребята. Не будем трогать стрелку… Если разобраться, что мне делать в Колыче? Наверно, уже и не ждёт никто. Пойду-ка я вперёд.

Мы молчали.

Пахнущая полынью бесконечность, в которой начали потрескивать кузнечики, обнимала нас. И то, что сказал Глеб, не показалось мне странным.

Янка напряжённо спросил:

— Ты решил? Ты ведь хотел домой.

— Я хотел делать своё дело… И сейчас хочу. И вот смотрю — эта дорога. Кто-нибудь знает, что там впереди? Нельзя, братцы, идти назад, когда впереди такая дорога. Потом всю жизнь себе этого не простишь… А может, это и есть главное дело — узнать, куда она ведёт. Может, про эту дорогу я напишу свою книжку…

— Если вернёшься, — тихо, но жёстко сказал Юрка.

— Ну… это уж как получится. Зато не надо метаться и выбирать.

— Что выбирать? — спросил я.

— В Старогорске я думал о Колыче. В Колыче грыз бы локти: зачем ушёл из Старогорска… от вас ушёл… А теперь всё ясно — дорога одна.

Я опять посмотрел вдаль, куда собрался шагать Глеб. Закат бледнел, рельсы угасали. Мне показалось, что на горизонте из-за тёмных трав встали какие-то тени, будто очертания странного города. Но, наверно, это поднимался туман.

Глеб сказал:

— Всё нормально, ребята. Одно плохо: надо прощаться с вами…

— Может, ещё увидимся, — прошептал я.

— Может быть, — согласился Глеб. — Ну… давайте ваши лапы.

Мы сложили руки в его огромную пятерню. Он сжал их все разом, тряхнул, выпустил. И сразу стал уходить от нас, шагая быстро и широко — не со шпалы на шпалу, а через одну. Длинный, большерукий, сутулый. Хороший такой наш Глеб…

— Глеб, подожди!

Это крикнул Юрка.

Глеб замер шагах в двадцати. Оглянулся.

— Глеб, я с тобой…

Юрка быстро пошёл к нему. И мы с Янкой, ничего не понимая, поспешили следом.

— Ты что? — сказал я Юрке.

— Всё как надо, — откликнулся он. — Всё получается в самый раз.

"Зачем? — чуть не закричал я. — Неужели тебе плохо с нами? Юрка..."

И сказал:

— Дома будет тарарам. Станут искать.

— Не станут. Тётка решит, что я уехал в Нейск. Пока разберутся...

— Но ведь разберутся же!

— К тому времени, может, и я разберусь.

— В чём?

— Да во всех этих пространствах и бесконечностях... Может, там его и найду...

— Кого? — тупо спросил я.

— Отца... Он же наверняка мотается с экипажем в субпространстве. Где же их искать, если не в бесконечности?

"Дурак ты, Юрка, — отчаянно думал я. — Что ты плетёшь? Что ты выдумал?.." Но сказать это "выдумал" я не мог. Не смел. А Янка? Он-то что молчит?

Янка молчал. Я сказал тогда отчаянно:

— Ну с чего ты взял, что он был скадермен?

— Мать же проговорилась: "Кто на Земле может сказать, где он?" А если не на Земле, тогда где?.. Я пойду.

"А как же я? Юрка! Не уходи! Ну, ладно, будь с Янкой, не обращай на меня внимания, только останься в Старогорске! Юрка-а!! Если хочешь, снова делай меня человеком! Называй меня Копейкиным! Только останься..."

Он шагнул ко мне.

— Гель, ты это... В общем, ты на меня не злись...

— Ну зачем ты идёшь, — прошептал я.

— Надо, — вздохнул он.

— Ну и убирайся! — крикнул я.

Он молчал. Не сердито, а как виноватый страусёнок Антон.

— Чёрт с тобой, — сказал я. — Всё равно через две недели я уеду в Ярксон. К отцу.

Юрка отыскал под курткой и покачал мою повисшую руку, повернулся к Янке:

— Янка, пока... Не забывай, про что говорили, ладно?

— Юр... — нерешительно сказал Глеб. — Я даже не знаю. Я, наверно, не имею права брать тебя...

Юрка коротко засмеялся:

— А ты меня и не берёшь. Я сам иду. С тобой

рядом… Ну, пошли!

Я сел на тёплый рельс и смотрел, как они уходят. Их силуэты уменьшались быстро-быстро. Потом они слились в одну точку. Может быть, там, где слились в одну линию параллельные рельсы. И мы с Янкой остались одни на краю вселенной, в бесконечности, где всё громче трещали ночные кузнечики.

ДВОЕ НА РЕЛЬСАХ

Янка сел рядом со мной.

Юрки и Глеба уже совсем не было видно. Только маковки чёрной травы рисовались на закате, который всё бледнел и стал зеленоватым. Над закатом висел вверх рогами очень большой и очень тонкий месяц.

Не хотелось вставать, не хотелось ничего делать. Но не сидеть же всю ночь. Тем более, что вдруг она в этой бесконечности тоже бесконечная…

— Поедем? — спросил я у Янки.

— Ну… пожалуйста, — сказал он. И встал. Я тоже. Шурша по головкам травы курткой, пошёл к вагону. Вагон громоздился на рельсах, как тёмное чудовище. Янка вдруг сказал:

— Гель… подожди.

Я остановился.

— Вот… — проговорил он неловко. — Возьми это… Юрка велел передать. Ещё давно велел, да я как-то… не получалось. — Он сунул мне в руку что-то маленькое, плоское и твёрдое.

И я сразу понял. Догадался. Это была та арабская монетка.

— Откуда?

— Он её тогда нашёл. Долго лазил по траве… Потом говорит: отдай как-нибудь…

— Да? — сказал я, и захотелось зареветь, как в давнем дошкольном детстве, когда первый раз уезжала мама. — А сам-то… он почему не отдал?

— Ну, он вообще… — вздохнул Янка. — Я ему один раз сказал: "Зачем ты так с Гелькой? Ему же обидно". А он говорит: "Так надо".

— Почему надо? — горько спросил я.

— Он говорит: "Гелька — такое существо… Он привязчивый. Я уйду, а он будет изводиться. Пускай уж лучше злится на меня…"

— Почему? — прошептал я. — Разве он знал, что уйдёт?

— Давно…

— Откуда? Он же только сегодня увидел эти рельсы. Он из-за Глеба…

— Не из-за Глеба, — виновато сказал Янка. — Наверно, из-за меня... Потому что я играл ему "Восстание".

— При чем тут "Восстание"? Ты же не хотел, чтобы он ушёл!

— Не знаю... — шёпотом отозвался Янка. — Теперь всё равно... Гель...

— Что?

— А зря мы не отдали искорку...

— Кому?! — испугался я. Сразу вспомнил о Клоуне.

— Глебу и Юрику. Им она нужнее. Они там одни, впереди неизвестно что... А в ней вон какая энергия.

"И опасность", — подумал я. И боязливо оглянулся. А что если кто-нибудь в темноте скажет сейчас шелестящим голосом: "Геля Травушкин, подари искорку..."

И фонарь не горит, Глеб его зачем-то погасил.

Я прыгнул на площадку вагона, дотянулся до выключателя "Сатурна". Но "Сатурн" не зажёгся, сколько я ни давил кнопку. Я потряс его — никакого результата.

— Теперь не загорится, пока не зарядим на солнце, — сказал снизу Янка.

Мне по-прежнему было страшно. Я соскочил с

площадки и судорожно нащупал свой фонарик — он оттягивал боковой карман куртки и колотил по колену. Без света нельзя. Войдём в тёмный вагон, а там — хлоп — и кожаные браслеты на руках… "Геля, подари искорку…"

— Янка! — сказал я.

— Что?

"Ну, а если расскажу? — подумал я. — Чем он поможет? Легче разве, если будем бояться вдвоём?"

— Янка… чего теперь говорить. Юрку и Глеба всё равно не догнать…

— Не надо их догонять. Сделаем бумажного голубка, искорку — на него. Пустим — и он долетит.

— Он-то долетит. А мы без искорки как доберёмся домой?

— Пешком. Это же недалеко, оглянись.

В той стороне, откуда мы приехали, за вагоном, горели огни Старогорска: ряды окон в многоэтажном квартале, освещённые прожекторами башни монастыря, красные лампы телевышки.

— За час дошагаем, — вздохнул Янка. — Не такая уж длинная оказалась эта бесконечность…

— Да, — сказал я и обрадовался: не хотелось мне в тёмный вагон.

— Значит, пошлём искорку?

Я молчал.

— Неужели жалеешь? — тихо спросил Янка.

— Янка, не жалею. Ты не знаешь…

— Что?

— Сядь.

Он сразу послушался. Мы опять сели на тёплые рельсы. Друг против друга.

И я наконец-то рассказал про всё. И даже про то, почему молчал до сих пор. Наверно, я это очень сбивчиво объяснял, но Янка понял. И не удивился.

— Кажется, я про такие дела уже слышал.

— Да? Янка, где?

— Не помню. Давным-давно. Может, дедушкина сказка…

— Это не сказка, Янка. Опасно посылать искорку. Вдруг эти… Клоун и его дружки начнут охотиться за Юркой и за Глебом, а те даже ничего не знают…

— Можно объяснить им. Написать прямо на голубке… Гель, они искорку сберегут лучше нас. Они сильнее нас, и смелости у них побольше.

Это была правда.

— Ладно, давай! — Я встал. — Бумага для голубка у тебя есть?

— Ой, нет…

Я накинул свою длиннополую куртку на Янку, а сам зашарил по карманам на шортах и на рубашке.

— Да тут в куртке полно каких-то листов, — сказал Янка.

— Это нельзя, это записки Глеба… Вот, я нашёл… Смотри, это письмо Ерёмы!

Янка включил фонарик. Прочитал. Сказал серьёзно:

— В самый раз. Вот его и пошлём. Только напишем ещё…

У Янки в кармане оказался автоматический карандашик. Янка разложил листок на твёрдой шпале. Я светил, а он писал:

Мы посылаем вам искорку. Вам с ней будет лучше. Только охраняйте её от врагов. Не верьте клоунам в масках и берегитесь гипсовых шпионов, они охотятся за искоркой. Вот Ерёмино письмо. Он хотел что-то рассказать, но не успел.

Янка и Гелька.

Мы свернули из письма голубка. Такого, каких пускаем в школе на переменах (а иногда и не на переменах). Выпустили из ампулы искорку. Посадили её на бумажный клюв. Крошечная галактика засветилась ярко-ярко, будто прощалась

с нами.

— Пускать? — спросил Янка.

— Пускай.

Он встал и легонько толкнул голубка — в ту сторону, где всё ещё светлело над горизонтом небо и горел месяц. Голубок пошёл легко и ровно. Последний раз мигнула нам искорка и вместе с голубком растворилась в тёмном воздухе.

— Долетит, — сказал Янка.

Я кивнул. И спросил:

— Пошли домой?

— Да…

Мы не стали заходить в загон. Не потому, что страшно. Теперь-то бояться было нечего. Просто "Курятник" был для нас как дом, а прощаться с опустевшим домом всегда грустно. Лучше уж так… Хорошо, что вагоны не умеют думать и чувствовать. А то ему сейчас тоже было бы тоскливо. Мы уходим, а он смотрит вслед. Что он будет делать один? Стоять бесконечное время на пустых путях…

А почему на пустых? Что мы знаем про эту линию? А если оттуда, из бесконечности, вылетит на полной скорости поезд?

— Янка! А вдруг кто-нибудь врежется в вагон?

Мы быстро оглянулись.

Вагона не было.

Там, где он только что громоздился чёрным неровным кубом, не было ничего. Только рельсы да высокая трава рядом с ними.

— Не врежется… — прошептал Янка.

Я даже не удивился. Мало ли что может быть на границе разных пространств. Просто сделалось горько-горько. Понял я, что всё кончилось.

Кончились вечера в "Курятнике", приключения, сказка про искорку, неуклюжая моя дружба с Юркой, тайна Глеба, опасности… Даже страхи и опасности мне стало жаль.

— Пойдём… — прошептал я.

И мы пошли к недалёким огням Старогорска.

Шагать по шпалам было неудобно. Ступать на каждую — это слишком частый шаг, а через одну — широко. Я встал на рельс и двинулся по нему, как по канату. Ничего, можно идти. Главное, не думать всё время про равновесие, оно само собой появится.

Янка тоже шёл по рельсу.

Звёзды были очень яркие, да и месяц за нашими спинами набирал силу. Можно было различать дорогу и друг друга. Я посмотрел на Янку, он на меня. Ерёмина куртка была теперь на Янке, и он в ней казался похожим на пингвина-канатоходца

из цирка.

Я чуть-чуть улыбнулся. Янка сказал:

— Давай держаться за руки, будет легче идти.

— Давай.

В самом деле стало легче. Не так шатаешься, когда рука в руке. Янкины пальцы были тёплые и очень тонкие. Но они были крепкие…

Так мы шли минут пятнадцать. А впрочем, кто знает? На часы я не смотрел: вдруг там опять какая-нибудь путаница. Тяжёлая куртка часто сползала с Янкиного плеча, он её поддёргивал.

Я сказал:

— Мешает? Давай понесу.

— Да ничего… Она какая-то вся бумагой набитая. Все карманы.

— Я же говорю, это Глеб мне оставил.

— Гель… А дашь почитать?

Я усмехнулся:

— Ну… пожалуйста.

— А давай сейчас посмотрим…

— Зачем? — удивился я. — Не успеешь, что ли?

— Ну… так. Давай немножко глянем, а? Мне всегда было интересно, что он пишет, а спросить боялся. Там стихи?

— Да с чего ты взял?

Мы остановились. Я включил фонарик.

— Доставай.

Янка вытащил мятые свернутые листы. Серые, исчёрканные.

— Да не то, — сказал я. — Это старые какие-то. В другом кармане возьми.

Но Янка придвинул мою руку с фонариком.

— Гель, смотри… Это Ерёмины чертежи. Это же Васька!

Я увидел какие-то линии, квадраты, а среди них — начерченную фигуру тонконогого роботёнка. А потом, на других листах, его улыбающуюся квадратную голову с носом, похожим на рожок чайника. Руки, туловище…

— Гелька! — радостно сказал Янка. — Раз есть чертежи, можно сделать Ваську!

— Мы же не умеем.

— Научимся! Главное, что есть чертежи!

— А искорка? Её-то нет.

— Гель… Разве мы не можем сделать вторую?

"А ведь правда же! — подумал я. — Мы же помним рецепт!"

Но тогда опять… Опять надо жить с оглядкой, бояться всяких клоунов и других непонятных врагов.

Но если прятаться от них, так и не поймёшь, кто они такие! Не поймёшь, зачем им нужна

искорка и почему так легко разлетелся от удара барабанной палочки гипсовый дурак с веслом…

А он хорошо разлетелся!

Я засмеялся, вспомнив это. А потом честно сказал Янке:

— Страшновато.

— Из-за Клоуна?

— Из-за пальца. Я знаешь как боялся иголкой тыкать. А теперь опять…

— Я ещё больше боялся.

— Ты?!

— Конечно. Ты всё же сам проткнул, а я струсил… Ну, ничего.

— Как-нибудь, — согласился я.

— Зато будет Васька.

— Будет, — сказал я. И подумал, что ничего ещё не кончено.

Мы затолкали чертежи в карман и опять пошли по рельсам. Каждый по своему. В одной руке я держал Янкину руку, а в другой сжимал Юркину монетку. И всё время помнил, что где-то далеко от нас так же шагают Юрка и Глеб. И, наверно, держат в ладонях голубка с искоркой. И помнят про нас.

— Гелька! — вдруг встревоженно сказал Янка. — А ведь нас всего двое!

— Ну и что?

— А капелек надо не меньше трёх. Кто ещё даст?

Я даже не задумался. Сразу мелькнула в памяти огненная рубашка и весёлое лицо.

— Даст, — сказал я.

— Надо, чтобы надёжный человек.

— Он надёжный. Тот мальчик, что принёс от Ерёмы письмо.

— А, ясно, — откликнулся Янка, и я понял, что он улыбнулся.

Но тут же он печально сказал:

— Нет, Гелька, ничего не получится.

— Почему?

— Ты же скоро уедешь в Ярксон.

Я не сразу ответил. Не так-то легко было ответить. Я вспомнил печальные мамины глаза и ещё многое вспомнил. И отца, и свои тревоги. А Янка ждал, а понимал, что он ждёт. Почему-то мне вспомнилось, как он при первой встрече загораживал скрипку и какое у него было лицо.

И мне показалось, что теперь у него в темноте такое же лицо.

— Нет, Янка, — сказал я. — Не уеду.

Он задышал так, будто сбросил в траву со спины тяжеленный рюкзак. И заговорил быстро и

весело:

— Конечно! Нам же столько сделать надо! И узнать про многое надо!

— Про Клоуна…

— Конечно. А когда будет полнолуние, надо пробраться на свалку. Есть на самом деле ржавые ведьмы или нет?

— По-моему, Ерёма не врал, — сказал я.

Справа, от тёмного горизонта потянул ветерок. Сильно зашелестела трава, ночные кузнечики опять примолкли. Ветерок был зябкий, и я вздрогнул, дёрнул плечом. И задел им плечо Янки. И только сейчас понял, что мы идём вплотную друг к другу. Не вытягиваем руки, чтобы держаться, а касаемся локтями.

— Янка, ты разве не по рельсу идёшь?

— По рельсу.

Рельсы — Янкин и мой — стали ближе. Может быть, бесконечность искала ещё одну точку, где параллельные линии могут сойтись?

Снова потянул свежий ветер. Видимо, предрассветный. Янка распахнул куртку. Она была широченная, как плащ. Янка накинул её на нас двоих. Это нетрудно, если идёшь совсем рядом.

МАЛЬЧИК И ЯЩЕРКА
АРСЕНАЛ

1

Форт стоял на мысу у впадения Большой реки в море. В старые времена он защищал левый берег, если к устью подходили вражеские корабли. Даже и сейчас в нескольких казематах сохранились изъеденные ржавчиной и покрытые окалиной чугунные орудия.

Мыс был плоский, полукруглый, и форт повторял его очертания. Его форма напоминала подкову. По выпуклой, обращённой к морю стороне тянулся тройной ряд амбразур (теперь большей частью застеклённых). На концах "подковы" поднимались широкие квадратные башни — тоже с амбразурами. Верхние амбразуры были узкие и маленькие — рассчитанные на ружейную стрельбу.

Между башнями стояло трёхэтажное здание. Оно называлось "горжа" (откуда такое слово, ребята не знали). Построили горжу не так давно, перед самой войной Берегов. Но стены здания были сложены из того же серовато-жёлтого креп-

кого камня, что и форт, поэтому оно казалось частью крепости…

На ступенчатое крыльцо горжи вышел мальчик лет девяти. Запрокинул лицо и сощурился от солнца. На лице светились редкие веснушки — золотистые, как шелуха спелого овса. Мальчик поморгал и посмотрел в середину неба. Там носились чайки и бежали маленькие светлые облака. Они быстро бежали, их гнал с моря ровный ветер.

Мальчик прислушался. Снаружи, за внешними обводами крепости, ухали волны. Мальчик знал, что эти волны — синие и гривастые — разбиваются о камни и пена прилипает к стёклам в нижнем ряду амбразур.

Над сигнальной вышкой метался бело-синий клетчатый флаг. Он означал, что в Морском лицее начались занятия. Флаг громко хлопал на ветру. Но в полукруглом просторном дворе, защищённом каменной подковой крепости, стояла солнечная тишина. Ни одна травинка, проросшая среди булыжников и плит, не шевелилась. Двор заполняло сухое тепло. Мальчик взмахнул тонкими, как коричневые ветки, руками и прыгнул в это тепло. Квадратный белый воротник с вышитыми якорями взлетел над его щетинистой

рыжеватой макушкой и вновь упал на ярко-зелёную рубашку.

Мальчик пошёл вдоль горжи к правой башне. Он был босиком и ступал неслышно. Никто не следил за мальчиком, но он сам с собой немножко играл в разведчика. Потому что у него была тайна.

У фундамента башни росли среди камней пыльные плоские подорожники. Валялся обрывок ржавой цепи, один конец которого был вмурован в стену в полуметре от земли. Пониже этого места из фундамента косо выступал отёсанный каменный блок. На его краю грелась на солнце ящерка.

Мальчик тихо присел на корточки.

Ящерка была небольшая, длиной с указательный палец мальчика. Её плоскую головку, спинку и хвост покрывали мельчайшие квадратные чешуйки. Они были серые, и по ним разбегался коричневатый спиральный узор.

Растопыренные лапки ящерки походили на ручки малюсенького человека. И смотрела она, как человечек — разумно и живо. Её крошечные выпуклые глазки обрадованно приглашали: "Давай поиграем".

Мальчик приподнял ладошку, словно хотел накрыть ящерку. Она скользнула с солнцепё-

ка, сбежала по вертикальной стенке камня и спряталась под листом подорожника. Оттуда выжидательно глянула на мальчика. Он опять притворился, что хочет поймать её. Ящерка стрельнула своим тельцем из-под листа и притаилась в расщелине ракушечной плиты.

Такая была у них игра…

Мальчик и ящерка давно знали друг друга и часто играли вдвоём. Он изображал охотника пустыни, а она — хитрого песчаного дракона, которые водятся в горячих дюнах и развалинах брошенных городов. Иногда мальчик ловил ящерку и сажал в плоский нагрудный кармашек. Она притихала там — наверно, слушала, как под рубашкой бьётся упругое и неутомимое сердце мальчика. Но она не пугалась и не обижалась, и потом они снова играли вместе…

Ящерка выскочила из расщелины и побежала по тёплой плите, быстро переставляя лапки-ладошки. Мальчик двинулся за ней на четвереньках. Ящерка хитро метнулась в сторону и скрылась под грудой камней от разломанной сторожевой пристройки.

— Эй, так нечестно, — сказал мальчик, пытаясь заглянуть под камни.

Но ящерка, видимо, считала, что поступает

честно.

"Ладно, — решил мальчик. — Я тебя дождусь и сцапаю".

И в этот момент его окликнули.

На крыльце стояла мама.

— Я еду в посёлок, — сказала мама.— Хочешь со мной? Зайдём на рынок, а потом можем сходить в кино.

Мальчик подумал секунду.

— Нет! — откликнулся он. — Я здесь поиграю!

— Как хочешь… Только не бегай на берег, там сильный прибой.

— Нет, я здесь!

Он опять присел у камней, но теперь не было прежней беззаботности, царапали его неприятные коготки. Он тут же понял, отчего: зря он отмахнулся от мамы. Наверно, ей хотелось поехать вдвоём. Может быть, она даже обиделась.

С полминуты мальчик сидел насупившись и не знал, как быть. Потом оглянулся на проход между башней и горжей, куда ушла мама. Догонять её поздно. Но, пожалуй, можно взбежать на башню и сверху помахать маме.

На башенную площадку вела со двора коленчатая ржавая лестница. Мальчик запрыгал вверх по дребезжащим ступеням. Вообще-то подни-

маться на башни ребятам не разрешалось, но он не учился в Морском лицее, он просто жил здесь с родителями и считал, что для него запреты не очень обязательны. К тому же всё равно никто не видел.

На верхних ступеньках его туго ударил в спину ветер. Вскинул широкий воротник, прижал к затылку и ушам. Когда мальчик поднялся на площадку, ветер совсем сошёл с ума. Рванул на мальчике рубашку, самого его чуть не сбил с ног. По цементу со скрежетом носились высохшие листья, принесённые сюда прошлой осенью.

Площадка окружена была метровыми квадратными зубцами. В промежутках тянулись трубчатые поручни. Ветер подтолкнул мальчика к поручню. Мальчик лёг на него животом и внизу увидел маму. Она садилась в оранжевый автобус, который остановился на обочине Мальчик окликнул маму и замахал рукой. Но мама не заметила его и скрылась в автобусе. Мальчик долго махал ему вслед, и коротенький рукав бился у плеча, как зелёный флажок.

Потом он ещё с полминуты смотрел на пустую, белую от солнца дорогу. На холмы, поросшие орешником. За холмами вставали далёкие синеватые башни Пустого Города, куда запрещалось

ходить. В городе жили страхи и опасности, про это знали все. Мальчик о чём-то вспомнил и усмехнулся.

Наконец, преодолев хлёсткий напор ветра, он вернулся к лестнице и спустился в тёплую тишину двора.

Ему было немного не по себе…

Ящерка ждала мальчика, выглядывая из-за камня.

— Эх ты… — сказал ей мальчик.

Ящерка скользнула на серую плиту и побежала к фундаменту — туда, где к башне примыкало правое крыло форта.

В прошлом веке здесь взорвался чудовищный круглый снаряд, брошенный с вражеского монитора. На фундаменте до сих пор чернели кривые трещины и щели. Когда-то их пытались залатать цементом и замазать известью, но до конца дело не довели. Здесь же, косо прислонённые к стене, стояли плоские каменные блоки. Ящерка хотела юркнуть между блоками и стеной, но мальчик накрыл её ладошкой.

Он подержал её — щекочущую, живую, стучащую крошечным сердечком — и посадил в нагрудный кармашек.

— Вот тебе. Теперь сиди… — пробормотал он.

И хотел встать. Но из-под каменных блоков, что стояли у стены, донеслись смутные голоса. Неразборчивые слова, полушёпот.

Мальчик сунулся под камни. Здесь, в зябкой тени, он разглядел на фундаменте у самой земли щель. Большую. Длина около метра, а ширина такая, что может протиснуться кошка. Мальчик пролез подальше и замер у щели.

В ней ничего не было видно. Лишь на краях лежали неподвижные отблески желтоватого света. Зато стали различимы обрывки фраз:

— …и на той площади, где колокола…

— …кино про мушкетёров…

— …А Илюшка ногой ка-ак двинет и обломил разрядник! А они…

— …Зря они так. Всё-таки на лодке лучше…

Мальчик слушал долго, хотя стоять на четвереньках было неудобно: ныла спина, острые камешки и сухая известковая крошка впивались в коленки и ладони.

— …Если они узнают, мы сами виноваты… — услышал мальчик, и тут его кто-то легонько пнул в босую пятку.

Он вздрогнул, ладошкой прижал кармашек с ящеркой и, пятясь, выбрался из-под камней.

Над ним стояли двое мальчишек лет по две-

надцати. Один — широкоскулый, коротко стриженный, с сердитыми глазами и трещинками на пухлых губах. Второй — тонкоплечий, сильно загорелый, со светлыми волосами, косо лежащими на коричневом лбу, с коленом, замотанным грязной синей тряпицей.

Мальчик знал, что у сердитого прозвище Лётчик. У загорелого прозвища не было, а звали его, кажется, Андрюшка. Оба они были в форме младших воспитанников: сизых флотских блузах навыпуск и коротких полотняных штанах — пыльных и мятых. Андрюшка не то спросил, не то просто сказал:

— Подслушивал, птенчик…

— Нет! — поспешно отпёрся мальчик. — Я случайно…

— Подслушивал случайно, — усмехнулся Лётчик. — Интересно, много ли слышал?

— Почти ничего, — сказал мальчик. — Бормотанье ка кое-то.

Мальчишки загораживали дорогу к дому, бежать было немыслимо, да, по правде говоря, и не хотелось.

Мальчик опять сказал:

— Я не нарочно…

— Что будем делать? — сумрачно спросил Лёт-

чик у Андрюшки.

— Вот это прокольчик, — проговорил Андрюшка печально. Так говорят о большой неприятности, когда не знают, как её исправить. Он поддёрнул подол блузы, сунул руки в карманы на штанах и прошёлся по мальчику взглядом. От босых ступней до медных волосков, торчащих на макушке. И с беспощадной ноткой сказал:

— Придётся тащить в штаб.

Потом деловито предупредил мальчика:

— Попробуй только пикнуть.

— Не буду пищать, — тут же пообещал мальчик.

Он не испугался. Если бы ребята злились по правде, они могли бы накостылять ему прямо здесь. А сейчас была, видимо, игра. Мальчик давно мечтал, чтобы лицейские мальчишки взяли его в свои игры, но просить не решался.

Лётчик недоумённо глянул на Андрюшку:

— А… как?

— Завяжем глаза. Не помрёт.

— Не помру, — согласился мальчик.

Лётчик поморщился и спросил:

— А чем?

Андрюшка стал разматывать на колене синюю тряпицу.

— Маленькая, — сказал Лётчик.

— У меня есть платок, — торопливо сообщил мальчик. Платок ему в карман всегда клала мама, и там он лежал неделями чистый и нетронутый.

— Какой воспитанный ребёнок, — сказал Андрюшка почти без насмешки.

— Можно быть воспитанным, когда мама и папа… — заметил Лётчик. — Давай платок.

Они положили платок мальчику на глаза, а сверху плотно обмотали Андрюшкиным бинтом.

— Не вздумай подглядывать, — очень серьёзно сказал Андрюшка. — Худо будет.

— Не вздумаю. Честное слово.

— Честное слово ты маме давай. А с нами не валяй дурака, — проговорил в наступившей для мальчика темноте Лётчик.

— Я ни разу не нарушал честного слова, — обиженно отозвался мальчик.

— Ну и… пошли, — сказал Андрюшка.

Они взяли мальчика за локти твёрдыми горячими пальцами. Повели сквозь сухую траву, торчащую у стены…

Скоро под ногами оказались крутые ступени из холодного ноздреватого камня. Пахнула навстречу влажная землистая прохлада. С глаз убрали повязку.

2

Подземная комната была похожа на внутренность перевёрнутой ступенчатой пирамиды. Высокие брусчатые ступени уходили вниз и смыкались квадратом вокруг небольшой площадки. Там, на площадке, горел ярким светом круглый корабельный фонарь. Кажется, масляный. Он снизу вверх бросал жёлтые лучи на мальчишек и на камни.

Мальчишек было человек семь. Они сидели на средних ступенях. Сидели, как люди, которые у себя дома. И удивлённо смотрели на мальчика.

— Вот… — произнёс Андрюшка с виноватой ноткой.

— Шпиона привели, — разъяснил Лётчик.

— Я не шпион, — сказал мальчик.

На него смотрели молча.

Среди сидевших только трое были в лицейской форме. Остальные кто в чём. Это и понятно, если говорить по правде. Морской лицей уже не был морским лицеем. Старшие ребята — курсанты в штурманских куртках с якорями — ещё изучали навигацию и морское дело, проходили практику на рыболовных и пассажирских судах, а потом

получали капитанские свидетельства. А младшее отделение давно превратилось в обыкновенный приют. Сюда направляли мальчишек, оставшихся без родителей во время военных стычек между Берегами. Подбирали тех, кто бродили по дорогам беспризорные и голодные. Впрочем, были и такие ребята, которых привезли родители — некоторые отцы и матери думали ещё, что здесь ребята получат профессию и "научатся порядку".

В казематах, переделанных под спальни для четырёх человек, теперь жили по десятку и больше. И вместо полусотни младших воспитанников — подтянутых, знающих устав мальчиков, одетых в блузы с голубыми воротниками, — на крепостной двор каждый день после занятий вываливалась кипящая и пёстрая мальчишечья толпа.

Отец мальчика говорил:

— Рынок, а не школа. Как можно их учить, если даже не помнишь всех по именам? Да многие и не отзываются на имена, привыкли к прозвищам…

Сюда попадали мальчишки с обоих берегов. Они сколачивались в группы наподобие маленьких партизанских отрядов. Между отрядами шла скрытая, но постоянная война. Иногда она вспыхивала короткими кровавыми схватками, в которые боялись вмешаться учителя и

надзиратели. Дрались обычно младшие. Между старшими вражда была сдержанной. Зато у старших случались дуэли — честные и жестокие. Потом курсантское отделение перевели из форта в казармы береговой охраны и дуэльный обычай перешёл к младшим. Однако здесь обошлось без крови, и скоро всякая стрельба прекратилась.

Рассказывали, что Музыкант отказался стрелять в противника и бросил на камни пистолет.

— Трус! — сказали ему и те, кто были за него, и те, кто были против.

— Мы тебе знаешь что сделаем в спальне… — сказали те, с кем он жил в одном каземате.

— Дурачьё, — сказал Музыкант. — Был бы я трус — не отказался бы. Мне в него пулю всадить — дело не хитрое… — Он кивнул на щуплого гордого мальчишку, которым стоял на другом конце площадки, спрятанной в прибрежных скалах. — А умирать легко? Кто-нибудь пробовал? Хоть разок? А? Давайте постреляем друг друга, а они пусть радуются.

— Кто "они"? — спросили его.

— Вот и я хочу знать — кто? Из-за кого вы все здесь? Кто стравливал Берега? Кому это было надо? И зачем? Ведь никто даже не знает, за что воевали…

— Тебе не понять, ты сам не знаешь, с какого ты берега, — сказал старший из мальчишек.

— Я знаю, с какого берега. С хорошего, — сказал Музыкант. — Там у нас…

Но тут все услышали странные звуки, будто кто-то захлёбывался и кашлял. Это на другом конце площадки щуплого мальчишку тошнило от запоздалого страха смерти.

— Сопляки, — сказал Музыкант, хотя многие были старше его. Поднял и бросил в море пистолет. На глубину.

— Пистолет-то не твой, чего кидаешься, — хмуро сказал старший мальчишка.

— Вы же храбрые, достаньте, — презрительно ответил Музыкант. — Прыгните вон оттуда! — Он показал на скалу, напоминавшую шахматного коня. Высота была метров десять. — Ну?..

Он посмотрел на каждого по очереди, сплюнул и полез по каменной "гриве коня". И сверху прыгнул. Прыгнул, не сняв свою странную форму с непонятными нашивками и потрёпанным аксельбантом.

Пистолет он, правда, не нашёл. Но он прыгнул…

Впрочем, кто знает? Может быть, это был просто рассказ. Про Музыканта много чего рассказывали.

Он появился в лицее прошлой весной — сумрачный, молчаливый, ничего не знающий. Не знал даже, с какого он берега, и это было совсем невероятно. А может быть, он что-то скрывал… Был он нелюдимый, но не злой. Часто насвистывал что-то и за это получил своё прозвище. Про свою голубую форму — откуда она и почему такая — он коротко сказал однажды: "Вы же сами говорите, что музыкант. Значит, музыкантская…"

Его пробовали дразнить. Он отбивался коротко и умело. Нашлись такие, кто нападал на него на одного целым скопом. Тогда он завёл друзей — среди тех, кого часто обижали. С ними он был тоже молчалив, но ласков. А их — недавно ещё самых слабых и затюканных — теперь опасались трогать.

Того мальчишку, противника по незаконченной дуэли, он тоже, говорят, взял в свою компанию… Если, конечно, всё это не выдумки, если дуэль и прыжок со скалы были.

Но выдумки это или нет, а с той поры вражда в лицее стала утихать, мальчишки будто устали от неё. Население спален скоро перемешалось, часто в одном каземате сходились теперь ребята с левого и с правого берега.

Это почему-то не нравилось новому директору

по прозвищу Чуф. Но он ничего не мог поделать. Мальчишки не признавались, кто с какой стороны, врали надзирателям. Чуф дёргал кадыком и морщился: он был сторонником чёткой дисциплины, а враньё, несомненно, растлевало воспитанников…

Обо веем этом быстро и сбивчиво вспомнил мальчик, когда увидел среди ребят Музыканта.

— Почему вы решили, что он шпион? — спросил Музыкант и глянул из под тёмных волос.

— Я не шпион, — опять сказал мальчик.

— Помолчи, — одёрнул его Лётчик и доложил: — Он подслушивал у щели.

— Да не подслушивал я! — громко сказал мальчик. Ему стало обидно. — Вовсе я не шпион? Это взрослые бывают шпионы, а мне зачем?

— Он сын учителя, — задумчиво проговорил курчавый мальчишка. — Небось думал заложить нас папаше.

— Ничего подобного! Папа терпеть не может доносчиков!

— Вообще-то правда, — сказал ещё один из мальчишек, остролицый, светленький, в оранжевой майке. — Его отец — ничего дядька… Ладно, ты не бойся.

— А я и не боюсь. Что вы мне сделаете? Отлупи-

те? Если я шпион, это вам не поможет… Замуруете здесь навеки? — Он глянул с насмешкой.

А они смотрели на него серьёзно, без самых маленьких улыбок. Будто что-то решали. Мальчик вздрогнул. Он вдруг ощутил, что сейчас не совсем игра. Вообще не игра. Он знал, что среди лицейских мальчишек есть всякие. Есть и такие, что прошли во время партизанских стычек огонь и воду. Видели, как убивают, и, кто знает, может быть, и сами стреляли в живых людей. Такие могут, наверно, и замуровать…

Нет, эти не могут. Андрюшка не может. Музыкант не может. И вот этот, в оранжевой майке… И вот тот — в жёлтой рубашке и с жёлтыми соломенными волосами. У него хорошее имя — Денёк.

Денёк сказал:

— Говоришь, не подслушивал. Тогда скажи, пожалуйста, что делал у щели?

Ящерка беспокойно шевельнулась в кармане. Может, хотела выручить мальчика? И мальчик решился. Он высадил ящерку на ладошку.

— Вот… Я гонялся за ней. Мы играли…

Ребята повскакали со ступеней. Окружили мальчика. Навалились на плечи друг другу, кто-то поднял над головами фонарь.

— Ух какая… — ласковым шепотом сказал курчавый мальчишка.

— Это геккон, — определил Денёк.

— Сам ты геккон. Это каменка, — возразил мальчишка в оранжевой майке. — У гекконов не такой узор…

— Эй, не мешайте! У неё хвост может отвалиться. У них легко хвосты отрываются.

— Другой вырастет…

— Когда ещё вырастет!

— А это редкая порода?

— Ой уж редкая! У нас в Жёлтых Камнях таких тысячи!

— Зато она ручная, — сказал мальчик, слегка сгибая пальцы, чтобы прикрыть ящерку от желающих её потрогать и погладить.

— Как это — ручная? — спросил мальчишка в оранжевой майке. — Дрессированная?

— Нет. Но она меня знает, мы вместе играем…

— А у нас в Орехове… — начал кто-то. Но Музыкант перебил:

— Поглядели, и хватит. Садитесь.

Все послушно расселись на ступеньках, и Денёк сказал мальчику:

— Садись и ты.

И опять все стали смотреть на него. Правда, уже

не так подозрительно.

Музыкант задумчиво проговорил:

— Ну и что же нам с тобой делать?..

Мальчик понял, что пришла решительная минута. Он зажмурился и отчаянно попросил:

— Возьмите меня к себе!

Они не ответили, только запереглядывались. Курчавый вполголоса сказал:

— Ага… А потом разболтает.

— Я ничего не разболтаю! — клятвенно пообещал мальчик. — Если бы я хотел, я давно бы мог про вас разболтать.

Все насторожились, а Музыкант строго спросил:

— Про нас? А что ты знаешь?

Мальчик понял, что назад пути нет.

— Много знаю. Знаю, где ваша лодка спрятана, чтобы через Реку плавать. Знаю, что вы в Пустой Город ходите. И что вы поклялись никогда не ссориться, если даже с разных берегов… Только не знаю, кто такие ветерки…

Он замолчал, и тишина сделалась такой, что опять страшновато стало. В фонаре потрескивало нагретое железо.

Музыкант спросил — уже не строго, а печально:

— Как ты про это выведал?

— Я не нарочно, — слегка покривил душой мальчик. — Но щелей-то в камнях много. А я тут все закоулки знаю, мы ведь давным-давно здесь живём… — Он осмелел и улыбнулся. — И глаза вы мне зря завязывали, этот погреб я тоже знаю…

Денёк вдруг засмеялся:

— А мы-то думали, что полный секрет…

Мальчик вздохнул:

— А у вас и так полный секрет. Кроме меня, никто не знает, а я не выдам. Если не возьмёте к себе, всё равно не выдам, я не предатель.

— Возьмём, наверно, — серьёзно сказал Музыкант. — Что ж теперь… Вы как думаете? Ты как, Денёк?

— Я? Ну, пожалуйста, я не против. Даже наоборот.

— А другие?

— Да ладно, — усмехнулся Андрюшка. — Только не испугался бы…

— Пусть клятву даст, — сказал Лётчик. — Где листок?

Кто-то зашуршал бумагой. Лётчик вытащил из воротника длинную иглу.

— У нас кровью расписываются. Не боишься?

Мальчику стало неуютно и зябко, но он протя-

нул руку без задержки. И быстро заговорил:

— А правда, что в Пустом Городе само собой кино крутится в пустых кинотеатрах? В нашей школе… ой… в нашей школе ребята говорили, что…

— Правда, правда, — усмехнулся Музыкант. — Пиши.

Мальчик мизинцем с красной капелькой вывел на мятом листе своё имя.

— Кино не само крутится, — сказал Денёк. — Его крутят ветерки.

— А кто они такие? — опять спросил мальчик. Он был теперь полноправным членом мальчишечьего братства, он мог спрашивать про все тайны.

— Слушай… — сказал Денёк.

Оказалось, что ветерки — это маленькие ветры, которые живут в лесах, в скалах и в пустых переулках. Они живые. Некоторым очень много лет — целая тысяча. Но они всё равно как мальчишки. И многие из них умеют превращаться в мальчишек, потому что раньше были настоящими, такими, как нынешние ребята.

Эти ветерки давние, вечные…

А есть и другие. Это обыкновенные мальчишки, которые умеют иногда делаться ветерками.

Умеют превращаться в маленькие спиральные вихри и мчаться куда хочешь — стремительно и неуловимо. Такому мальчишке не страшна любая высота и любые враги. Он и погибнуть по-настоящему не может, в крайнем случае превратится в ветерка навсегда…

— И вы все — ветерки? — с недоверием и восхищением прошептал мальчик.

— Не все пока, — объяснил загорелый Андрюшка. — Кое-кто ещё готовится. Нас тут в лицее много таких… Станем ветерками — никого не будем бояться. Даже т е х, к о т о р ы е в е л я т.

— А разве они есть? — удивился мальчик.

Музыкант усмехнулся.

— А как сделаться ветерком? — спросил мальчик.

— Сначала надо переплыть Реку, — объяснил Денёк. — Хотя бы один раз. Это не просто река, а такая… ну, вроде волшебной границы. Потом надо побывать в Пустом Городе. Там на Башне Ветров написано заклинание ветерков. Его надо выучить…

— И всё?

Это было так просто!

— Не всё, — сказал Музыкант. — Потом самое главное. Надо забраться на высоту и не испугать-

ся — прыгнуть вниз…

— Как ты за пистолетом? — спросил мальчик.

— При чём тут это… — неохотно сказал Музыкант. — Я тогда и не слыхал ещё про ветерков… Надо не бояться и прыгнуть. Тогда станешь невидимкой и полетишь.

Мальчик подумал. Потом спросил нерешительно:

— А если будешь очень бояться, но всё равно прыгнешь? Тогда получится?

— Получится, — сказал Денёк. — Главное, чтобы перебороть страх…

В это время в щель донеслась хриплая игра сигнальных рожков.

3

Воспитанников построили на дворе широким квадратом. Директор Чуф, морщась, оглядывал пёстрые и неровные шеренги. Рядом с ним стояли классные надзиратели. Только они, учителей не было.

Мальчик, разумеется, был не в строю. Он забрался до половины на железную лестницу башни и оттуда всё видел. И всё слышал — каменная подкова крепости отражала и доносила любое слово.

Мальчишки стояли тихо и понуро. Директор Чуф, двигая кадыком, отчётливо говорил:

— Раньше мы были терпеливы. Мы только предупреждали. В крайнем случае наказывали очень мягко. Трое суток в штрафном каземате — самое большее, что получали те, кто плавал через Реку или посещал Пустой Город. Опыт показал, что эти меры не принесли результата. Число нарушителей лицейской дисциплины неуклонно растёт. И посему… — Чуф передохнул и молча подвигал кадыком. — Посему высшее начальство потребовало от меня — и я отчётливо понимаю необходимость этого требования — принять самые решительные меры… — Он кивнул надзирателю Кате — круглому человечку с гладким и белым, как тарелка, лицом.

Надзиратель Катя подскочил и женским голосом пропел:

— Воспитанники Андрей Корда-а… Виктор Липун… Феликс Юма-а… Александр Кулик! Ша-а-а-аг… впрёт!

Загорелый Андрюшка беспомощно оглянулся на ребят и, припадая на забинтованное колено, шагнул из строя. И ещё трое шагнули, незнакомые мальчику. Один — совсем малыш, даже непонятно, как такой оказался в лицее. Он ис-

пуганно вертел круглой стриженой головой с большими ушами.

Ко всем четырём подошли надзиратели, взяли ребят за плечи и вывели на середину двора.

— Эти четверо, — деревянно произнёс Чуф, — будут наказаны первыми. Сейчас их запрут в штрафном каземате, а после необходимых формальностей и воспитательных бесед их направят в трудовую школу на острове Крабий Глаз. Так нам велено, и так будет, а если этот печальный пример не…

— Они не виноваты! — звонко сказали из рядов.

— Ма-а-алчать! — запел Катя.

— А если этот печальный пример…

— Бандюги! Он же совсем малёк, — сказали в строю. Видимо, про ушастенького.

— Ма-а-алчать! — Катя вытянулся на носках. — Имейте в виду! В крайнем случае нам разрешено применять электрощупы!

Строй замер. Но почти сразу опять прорезался голос:

— Какой храбрый с пацанами! Где ты был, когда воевали?

— В отряде умиротворения! — крикнули из задней шеренги.

— В интендантской конторе, ворюга!

— Молчать! — это крикнул уже директор. — Разойдись! По классам! Марш!

Строй стал медленно разваливаться. А четверых повели к приземистой железной дверце.

Страшная мысль ударила мальчика. Так, что он едва удержался на ступеньках. Вдруг ребята решат, что это он выдал мальчишек? Всё вынюхал и донёс!

Эта мысль была такая отчаянная, что мальчик бросился искать Музыканта или кого-нибудь ещё из новых знакомых. Но двор быстро опустел.

Мальчик промучился до вечера — то во дворе, то дома.

— Ты заболел? — тревожилась мама.

— Нет. Просто скучно.

— Ничего. Скоро поедем к дедушке в Чайную Пристань.

— Папа, а что за школа на острове Крабий Глаз? — спросил мальчик, когда вернулся отец.

— Это не школа, а тюрьма.

— А этих ребят… Их правда отправят туда?

— Ох да помолчи ты… — со стоном сказал отец.

Вечером, когда двор был уже в глубокой тени и остывали камни, мальчик увидел у старой пушки Музыканта, Лётчика и Денька. Он подбежал,

остановился и заплакал:

— Вы, наверно, думаете, что это я? Честное слово… Я же клятву давал…

— Что? — удивился Денёк. — Ты о чём? Да перестань ты реветь, пожалуйста! Кто на тебя думает?

— Катя, сволочь, выследил, — сказал Лётчик. — Морда фаянсовая…

Мальчик всхлипнул. И стыдно было за слёзы, и радостно, что верят ему.

— Может, попросить папу, чтобы заступился за ребят? — неуверенно предложил он.

— А что твой папа сделает? — хмуро отозвался Музыкант. — Он кто? Учитель черчения. Он даже не в лицейском совете. Выгонят с работы — и крышка.

— Он говорит, что на Крабьем Глазе тюрьма, — пробормотал мальчик.

— Ребятам ещё до этой тюрьмы достанется, — сказал Денёк и пошевелил плечами. — Воспитательные беседы… Знаешь, что такое электрощуп?

Мальчик кивнул. Электрощупы были у пастухов, которые охраняли табуны в степи под Чайной Пристанью. Мальчик видел, когда был у дедушки. Электрощуп напоминает спиннинг с

коротким удилищем. Круглый разрядник похож на катушку. Конец у щупа гибкий и всегда дрожит… Мальчик помнил, как пастух задел этим концом непослушного жеребёнка. Тот даже не заржал, а вскрикнул по-ребячьи. Опрокинулся на спину и забился…

Неужели так можно? Каменная каморка, некуда деться, те четверо сжались в углу, а эти гибкие жалящие концы всё ближе, ближе…

— Нет… — прошептал мальчик.

— Что "нет"? — зло усмехнулся Лётчик.— Год назад было бы "нет". Они тогда не смели… Я говорил тебе, Музыкант, не надо выбрасывать оружие. Если этот шкет Фелька не выдержит и расскажет про всех, кто был в Городе, завтра что будет?

— А давайте завтра поднимемся все! — Денёк стукнул кулаком по пушке. — Если все разом, мы справимся! И щупы пообломаем, и ребят освободим…

— И через полчаса явится отряд умиротворения, — сказал Лётчик. — Я говорил, не надо выбрасывать пистолеты.

— Выбросили, чтобы не стрелять друг в друга, — ответил Музыкант. — И ничего другого тогда нельзя было сделать.

— "Тогда"… А что делать сейчас?

— Да, — согласился Музыкант. — Сейчас оружие пригодилось бы.

У мальчика сердце билось, как горошина в погремушке. Потому что он понял: пришла пора сказать о своей главной тайне. Это была не детская тайна. Дело пахло не игрой, он это понимал. Но он же поклялся, что будет вместе со всеми. И четверо сжались в каземате, ждут…

— У нас в квартире есть глухая кладовка, — сказал мальчик.

— Ну и что? — сумрачно спросил Лётчик.

— Там в углу, над полками, такая квадратная дыра с решёткой. Вентиляция. Решётку я вынимал, в дыру залазил. Там такой узкий проход. Вернее, пролаз… Я люблю везде лазить.

— Знаем, — буркнул Лётчик.

— Дальше, — попросил Денёк.

— Я ползал по нему. Он длинный такой, и трудно ползти, но я один раз добрался до конца. Там подвал, комната запертая… И в ней карабины.

— Что? — быстро спросил Музыкант.

— Карабины со штыками. И железные ящики с патронами. Раньше старших курсантов учили стрелять.

Музыкант, Лётчик и Денёк быстро оглянулись. Музыкант положил мальчику на плечи твёрдые

ладони. Будто младшему братишке.

— Ты молодчина. Я сразу понял, что ты такой, ты похож…

— На кого?

Музыкант коротко улыбнулся:

— На хорошего человека… А много там карабинов?

— Штук тридцать… Только я боюсь…

— Не бойся, — успокоил Музыкант. — Мы всё сами сделаем, про тебя никто не узнает.

— Да я не этого боюсь. Ход очень кривой. Я прямо замучился, пока полз. — Он улыбнулся: — Извивался, как моя ящерка. А карабины-то прямые, длинные, могут не пролезть.

Мальчишки переглянулись.

— Думайте, — сказал Музыкант.

— Что думать. Пополам не сломаешь, — огрызнулся Лётчик.

Денёк неуверенно спросил:

— А если снять штыки и отвинтить приклады? Может, протащим?

Мальчик подумал.

— Да, — сказал он. — Тогда можно.

МАГИСТР

1

Ёлка была большая, украшали её долго. За окнами давно стемнело. Директор наконец сказал дежурным пятиклассникам, что они могут идти домой. Их учительницу он тоже отпустил. Она в глубине души была довольна, однако суховато спросила:

— Как же так? Дети не кончили работу.

— Ничего. Я останусь, и мы кончим.

Она не удержалась:

— Простите, директор Яр. Вы и… кто ещё?

— Мои ребята.

Учительница поджала губы. То есть она улыбнулась, но мысленно поджала губы. Но даже мысленно она не позволила себе произнести слово "любимчики". Это была пожилая опытная учительница, строгая к другим и к себе. Она гордилась тем, что всегда была справедливой. Другой вопрос, что справедливость эта часто была причиной ребячьих слёз. Зато никто не мог упрекнуть её в необъективном отношении к людям. Вот и сейчас она одёрнула себя: "Вовсе не

любимчики. Просто давние знакомые директора. Он был дружен с этими детьми, когда ещё не работал в школе. (Хотя странно, конечно: как это можно дружить с детьми?) Говорят, они много испытали во время нашествия, спасали друг друга. Естественно, он позволяет им немного больше, чем другим школьникам…"

Впрочем, подумала она, директор и другим позволяет бог знает что. Он разрешил девочкам являться на занятия без лиловых форменных фартуков, заявив, что девочки должны быть похожи на девочек, а не на юных послушниц из монастыря кармелиток. (Кстати, необходимо узнать, кто такие кармелитки.)

Он смотрит сквозь пальцы на то, что дети приносят этих ужасных бормотунчиков и пользуются их подсказками на уроках математики.

Когда учитель естествознания не сдержался и закатил болтливому четвероклассник оплеуху, директор Яр самолично содрал с его форменного сюртука нашивку старшего преподавателя и предложил немедленно покинуть школу. И это на глазах учащихся! Конечно, оплеухи — не лучший и даже запрещённый метод. Но всё-таки учитель был у ч и т е л ь…

В коридорах теперь на переменах вместо чин-

ных прогулок — беготня, гвалт и хохот младших учеников. На школьном дворе до самого снегопада было то же самое. Эти любим… эти юные друзья директора научили третьеклассников и четвероклассников какой-то дикой игре с мячиками. Мячики надо катать через ямки, а потом куда-то швырять. Причём ямок должно быть пять! Один из директорских мальчишек, сумрачный очкастый подросток с непонятным прозвищем — не то Чила, не то Чира — даже организовал в младших классах соревнования по бросанию мячика в цель. Соревнования были командные. Это вообще не одобряется нынешними правилами, а тут ещё каждая команда состояла из пяти человек! Дети, конечно, веселились, а каково педагогам? Никто не спорит, надо бороться с предрассудками, но нельзя же нарушать приличия! Да и что за глупая игра — мячики? Чего с её помощью добились? Порядка? Хороших оценок? Только того, что любой мальчишка теперь попадает мячом с тридцати шагов в открытую форточку…

Впрочем, эти мысли не очень тревожили наставницу пятиклассников. Они были не новыми и потому привычными. Гораздо больше её беспокоили семейные дела. Дома больной муж и взрослая дочь, которая успела выйти замуж и

развестись, а в короткий период супружеской жизни родила учительнице внучку. Это, конечно, радость, но хлопот от такой радости выше головы. Вот и разрываешься между работой, домом и магазинами… Бакалейная лавка на Южной ещё открыта, надо забежать, купить хоть чего-нибудь для новогоднего вечера. Если, конечно, удастся. После нашествия прошло пол-года, а в магазинах всё ещё пусто. Может быть, к празднику подбросят продуктов?.. Праздник! Одно название. Скорее бы уж он миновал. Так хочется думать, что следующий год окажется счастливее минувшего. Кстати, на собрании учителей директор говорил, что так и будет… Он всё-таки ничего директор, хотя и с причудами. Не заставляет заниматься лишней писаниной, добился, чтобы все учителя получали дрова, пока в Орехове не восстановят центральное отопление. Говорят, что не боится никакого начальства. Говорят даже… но это уж не её дело! Мало ли что говорят в учительской женщины! Главное, что директор отпустил её пораньше.

Учительница вышла на школьное крыльцо. Над ним качалась от ветра голая лампочка, но в пяти шагах было уже темно. И вьюжно было, и холодно. Учительница поёжилась: до лавки три

квартала. "Не опоздать бы", — подумала она. И ощутила крайнюю досаду, когда из темноты шагнул заснеженный бородатый человек и сказал:

— Прошу прощения. Не смогли бы вы проводить меня к директору?

Бестолковые пятиклассницы порвали ёлочные бусы. Теперь Данка сидела на ящике из-под игрушек и надевала блестящие шарики и висюльки на новую капроновую нитку. Алька торчал на трёхметровой стремянке. Он развешивал на ветках стеклянные сосульки и звёзды из жёлтой фольги, похожие на подсолнухи. Повесив игрушку, он обязательно спрашивал с высоты:

— Яр, ну как?

— Нормально. Только не загреми, — с беспокойством отзывался Яр и поглядывал на дверцу у сцены. Там была комнатка, в которой ребята готовили гирлянду. Наконец появился Чита. Он сказал:

— Переключатель искрит, надо перепаять. Ничего, это быстро…

Открылась большая дверь, и недовольный голос учительницы произнёс в коридоре:

— Директор Яр, к вам пришли.

В зал шагнул человек в барашковой шапке и заснеженном пальто. Бородатый. Борода была

светлая, подстриженная аккуратным квадратом. Пахнуло холодом.

Пахнуло холодом не из открытых дверей, а словно отовсюду. Яру показалось, что кто-то незаметно и быстро вынул из окон двойные стёкла. У Данки посыпались с нитки бусины (к счастью, не на пол, а в подол). Сверху, от Альки, упал и глухо лопнул на полу серебристый шар.

— Растяпа. Уже четвёртый, — быстро сказала Данка, хотя это был первый разбитый шар.

— Ничего подобного, третий, — отозвался Алька и стал сбивчиво насвистывать.

Яр посмотрел на Читу. Чита коротко зевнул и прислонился к стене у дверцы. Он стоял в небрежной позе и разглядывал ёлочную верхушку. Левую ладонь держал за спиной, правую — у брючного кармана. Карман кругло оттопыривался, будто в нём лежало яблоко.

— Прошу прощения, директор Яр, — хрипловато сказал в бороду незнакомец. — Я не решился бы на это бесцеремонное вторжение, если бы не крайняя нужда.

— Проходите, — сказал Яр, стараясь задавить в себе тоскливое ожидание беды. — Можете раздеться… Можете даже снять бороду, если она вам мешает. На роль Деда Мороза вы всё равно

не тянете.

— Не тяну, — согласился гость. — Но борода натуральная… насколько это возможно.

Он снял шапку, стряхнул с неё капельки. Размотал шарф. Медленно, по-стариковски, стянул пальто. Вешалки в зале не было, он положил одежду на стулья у входа. Выпрямился. Теперь он был похож на пожилого профессора: аккуратная седоватая прическа, отутюженный пиджак, что-то вроде университетского значка на лацкане. Широкая борода наполовину закрывала тёмно-малиновый галстук.

Бледноватое лицо "профессора" было добродушным, голубоглазым и вполне живым. Однако и в лице, и в речи его была та излишняя правильность, которая резанула тревогой Яра и ребят. Даже Данку и Альку, хотя они знали т е х только по рассказам.

— Где мы можем побеседовать, Ярослав Игоревич? — осведомился "профессор".

— Здесь, — сказал Яр.

— Но… — "Профессор" посмотрел на ребят.

— Ничего, — сказал Яр. — Они в курсе. Это те, кто был в крепости.

— А! — произнёс "профессор" с чисто человеческой ноткой. С уважением и сдержанной

грустью. — Это ваши бойцы…

— Да, — сказал Яр. Он шагнул к окну, снял с шахматного столика коробку с ёлочной мишурой, придвинул два стула.

— Садитесь.

— Благодарю… — Гость сел, аккуратно поддёрнув на коленях отглаженные серые брюки. Стало тихо. Чита смотрел на ёлочную верхушку. Алька с очень беззаботным видом укреплял на ветке золотистого петуха. Данка вновь собирала бусы.

"Профессор" наконец сказал:

— Я понимаю, что мой визит слегка портит вам предпраздничное настроение…

— Не скрою, портит, — отозвался Яр. — Но ещё больше удивляет. Не думал, что после того… инцидента на почтамте кто-то из вас решится на прямой контакт с нами.

Гость задумчиво похлопал по столику узкой ладонью.

— Пришлось, Ярослав Игоревич… А почему бы и нет? Мы же не враги. Нас столкнули роковые обстоятельства, но, если разобраться, нам совершенно нечего делить в этом мире. Мы можем жить, не мешая друг другу и даже помогая…

— Да? — ровным голосом сказал Яр.

— Я понимаю… Были горькие эпизоды, были

потери… Но в итоге вы оказались победителями! Ярослав Игоревич! В последнем конфликте вы ликвидировали одного из наших… гм… представителей. Хотя со всех точек зрения он был неуязвим.

— Сам полез, — подал голос Чита.

— Разумеется! — воскликнул "профессор". — Кто же спорит, что ваши действия были логичны и справедливы!

— Мы звали его "Наблюдатель", — без улыбки сказал Яр. — По-моему, он был большой дурак.

— Безусловно! — весело согласился "профессор". — Безнадёжный болван. Это и понятно, всего единица.. Не его жаль, а то, что он так бездарно провалил манёвр. А главное, что не успел проинформировать нас, какое оружие вы применили. Казалось, что такого оружия не существует. Увы, оно есть, и нас это до сих пор озадачивает. Говорю вам это вполне откровенно.

Яр незаметно взглянул на Читу. Чита смотрел на верхушку ёлки. Но губы у него чуть шевельнулись.

Яр с усмешкой спросил:

— А что значит "единица"? Какая-то мера интеллекта?

— В известной степени… Если интересно, я

могу пояснить.

Яр сел поудобнее, давая понять, что ему интересно.

— Видите ли, мы во многом отличаемся от гуманоидных цивилизаций, к которым принадлежите вы, — доброжелательно и чуть печально сказал гость.

— Это заметно, — с ехидцей отозвался Яр. Его тоскливое беспокойство приутихло, и теперь ему было по-настоящему любопытно.

— Я имею в виду не мораль и не цели нашей деятельности, а чисто физическую сущность, — терпеливо разъяснил "профессор". — Наша осознавшая себя общность состоит как бы из атомов разума. Из сгустков энергии мысли... Есть представители, которые, как простейшие молекулы, состоят из одного такого атома. А есть "молекулы", напоминающие колоссальные скопления... Я, конечно, упрощаю, чтобы объяснить доступнее...

— Вы объясняете вполне популярно, — сказал Яр. — А позвольте поинтересоваться: сколько этих самых сгустков разума заключено лично в вас?

"Профессор" улыбнулся, как улыбаются взрослые, когда слышат бестактный вопрос ребёнка.

Но ответил почти без задержки:

— Не вижу смысла скрывать: семьсот двадцать девять.

— Ого, — сказал Яр.

— Чего ж такое неровное число? — высказался наверху Алька. — Хотя бы до семисот тридцати дотянули…

— Число ровное, — вежливо объяснил "профессор". — Просто у нас другая система, не десятичная.

— Тогда ещё вопрос,— жестковато произнес Яр.— Как прикажете вас именовать? Чин у вас, очевидно, не рядовой. Не хотелось бы использовать прозвища или местоимения.

Гость кивнул:

— Зовите меня Магистр. Это в какой-то степени будет отражать истину.

— Тогда к делу, Магистр, — сказал Яр.

2

Пока они говорили, Чита вынул из кармана мячик. Мячик был синий с белыми полосками. Чита рассеянно играл им: легонько бросал об пол у своих ботинок и ловил на уровне пояса. Удары мячика были негромкие: туп… туп… туп… Особенно слышны они были, когда в разговоре

наступала пауза.

— Тогда к делу, Магистр…

Магистр молчал. Собираясь с мыслями, он морщил лоб. Кожа на лбу его была совершенно человечья, не то что на глазированном лице Тота.

Вспомнив про Тота. Яр с усмешкой сказал:

— Надеюсь, вы не собираетесь уговаривать меня вернуться на крейсер…

— Упаси господи! С чего вы взяли?

— Тот уговаривал.

— Тогда были иные обстоятельства… К тому же Тот не отличался гибкостью ума, всего двадцать две единицы. Хотя был исполнителен и точен.

— Был? — сказал Яр.

— Да… Его кончину вы тоже можете отнести к числу ваших побед.

— Что же с ним случилось?

Магистр усмехнулся и шевельнул мохнатыми бровями.

— Бедняге Тоту запала в мозги ваша идея, что каждый человек — это целая галактика. Возможно, для вас это была просто фраза, но он на ней свихнулся. Он не смог опровергнуть эту идею логически, утерял смысл существования и распался… Видите, я от вас ничего не скрываю,

Ярослав Игоревич. И от ваших друзей… И я надеюсь на ответную откровенность.

— Гм… — сказал Яр.

— Что "гм"? — спросил Магистр с чисто человечьей досадой.

— Смотря какая откровенность, —объяснил Яр. — Если вы захотите узнать об оружии, которым грохнули Наблюдателя…

— Да упаси господи! Ярослав Игоревич, я же понимаю!.. Да и зачем нам это? Мы не собираемся воевать с вами, это во-первых…

— А во-вторых?

— Ну… не сочтите за дерзость, но вы же, наверно, догадываетесь: в случае крайней необходимости мы сможем перемешать с космической пылью всю Планету. Вместе со всеми, кто на ней находится, и с вашим оружием…

"Тихо, — сказал себе Яр. — Тихо. Только не горячись…"

Он помолчал и сдержанно улыбнулся.

— Вы в чём-то сильны, — сказал он. — А в чём-то очень опрометчивы и наивны. Почему вы решили, что мы дадим вам перемешивать Планету с пылью? Вы же не знаете наших сил и наших возможностей…

"Ну и нахал я, — ахнул он про себя. — Что я

могу?"

— Но, Ярослав Игоревич... — снисходительно начал Магистр.

— Что "Ярослав Игоревич"? Ярослав Игоревич уже не тот лопоухий новичок на Планете, каким он был летом. Он больше не уповает на семизарядные пистолеты устаревшей системы "викинг". Он уже кое в чём разобрался. И, кстати, успел кое-что посчитать. Ваши фокусы с нашествиями, извержениями и прочими грандиозными мероприятиями повторяются с периодичностью в двенадцать-тринадцать лет. Чтобы сделать очередную гадость, вам надо сперва подкопить энергии. А чтобы размолоть Планету — тем более. Да и размалывать её — себе дороже. Что будет с вашими базами, с производством гипсовых манекенчиков? Один вокзал на побережье чего стоит! Не так ли, Магистр?

Магистр нерешительно мигал, и смотреть на это было приятно.

"Вот сейчас я его неплохо зацепил, — подумал Яр. — Но всё же нельзя так. Пока нельзя..."

Магистр сказал без особой уверенности:

— Вы же не знаете... У нас есть другие способы.

Яр коротко зевнул. Кажется, это получилось нарочито, но Магистр не заметил. Яр заговорил

опять:

— Не будем пугать друг друга. Способы есть и у вас, и у нас. Но, может быть, перейдём к вашему делу?

— Я этого и хочу! — обрадовался Магистр. Потом замялся, оглянулся на Читу. — Простите… Не мог бы мальчик перестать стукать мячиком? Меня это отвлекает.

— Мальчик, не стучи мячиком, — попросил Яр. — Это нервирует гостя.

— Я больш не буду, — сказал Чита голосом, каким обычно говорил провинившийся Алька.

Алька на стремянке неприлично хихикнул. Данка коротко усмехнулась.

— Итак? — проговорил Яр.

Магистр сказал негромко и торжественно:

— У нас к вам, Ярослав Игоревич, очень большая и очень серьёзная просьба. Просьба о помощи.

Сделалось совсем тихо. Даже Данка перестала позванивать бусами.

— Любопытно, — отозвался наконец Яр.

— Ярослав Игоревич, вы не единственный человек, пришедший на Планету из вашего мира. Много лет здесь живёт ваш… одноземлянин. То есть земляк. Так это принято говорить?

— Так, — полушёпотом сказал Яр. И удивился

— как беспорядочно и глухо застучало сердце. "Ну и что? — сказал он себе. — Что такого? Почему бы и нет?.." Но от волнения заболел затылок и перехватило горло.

Магистр постучал пальцами по столику и наконец сказал:

— Мы очень хотим, чтобы вы с ним встретились.

"Я тоже! — подумал Яр. — Я очень-очень хочу!.. Но, конечно, не затем, зачем это надо вам..."

— Какая цель? — не то сказал, не то прокашлял он.

— Цель серьёзная. У вашего земляка с давних пор хранится крошечная модель галактики. Она нам очень нужна.

— Ясно, — сказал Яр, хотя почти ничего не было ясно. — Она нужна вам, а ему тоже нужна. И он её вам не даёт. Так? А отобрать не можете...

— Не можем, — согласился Магистр. — По многим причинам... И договориться не можем. Этот человек ненавидит нас гораздо больше, чем вы. Хотя причин у него гораздо меньше, чем у вас.

"Что вы знаете о моей ненависти", — подумал Яр. И вспомнил, как шлёпались о пальто невозмутимого Тота пули из "викинга". И как сыпалась крепость. И как плакала на могиле

матери Данка…

— Нужны подробности, — сказал Яр.

— Вот подробности. Глеб Сергеевич Вяткин. Появился на Планете около сорока лет назад. Чем занимался до этого и кем был у вас, мы не знаем. Здесь известен под именами Стрелок и Глеб Дикий. Бывший террорист, нынче малоизвестный писатель. Живёт недалеко от Орехова, в посёлке Холмы на улице Лучников в доме номер одиннадцать на втором этаже. Одинок и по характеру нелюдим…

— Почему? Тоскует по Земле? — спросил Яр.

— Не думаю. Насколько известно, он никогда не делал попыток вернуться…

— А что за модель?

— Он очень дорожит ею, хотя практически она ему ни к чему. Видимо, просто память. По некоторым данным, эту модель сделали дети в городе Старогорске. Ещё там… у вас. Сделали для игры и потом подарили… Глебу Сергеевичу. Подробностей не знаю.

— Дети сделали, а вы не можете, — сказал Яр.

— А мы не можем. Мы многого не можем из того. что могут ваши дети. В этом причина целого ряда наших несчастий. И ваших, к сожалению, тоже.

— Это верно, — глухо сказал Яр.

Магистр очень натурально по-стариковски вздохнул.

— Что за модель и зачем она вам? — спросил Яр.

— Ярослав Игоревич… Я могу быть уверен, что сведения, которые вам сообщу, не будут использованы против нас?

— Не знаю. Вам придётся рискнуть.

— Мы рискнём… Ради прекращения вражды и, может быть, ради будущего союза.

— Судя по всему, вам очень нужна модель, — заметил Яр.

— Очень… Дело в том, что это не просто модель. Это… я не могу подобрать нужного термина. У нас есть понятие, которое можно перевести приблизительно как "зеркальный фактор". Но "зеркальный" — это неточно… Вы не знакомы с теорией близнецов?

— Увы… — произнёс Яр.

— Тогда самый простой пример. Два близнеца всегда удивительно похожи. Не только внешне, но и мыслями и чувствами. Бывают случаи: один обожжёт палец, а у другого тоже вскакивает на пальце волдырь… Модель, о которой мы говорим, и настоящая наша Галактика — такие вот близне-

цы. Носители зеркального фактора… Я, кажется, крайне бестолково объясняю.

— Ничего, я улавливаю, — вежливо сказал Яр.

— Собственно, это даже не близнецы, а как бы одно целое, хотя галактика по нашим понятиям колоссальна, а модель — это просто искорка. Её в просторечии так и зовут — "искорка". Но дело не в линейных величинах, здесь вступают в силу иные понятия…

— И, воздействуя на "искорку", вы надеетесь изменить что-то в нашей грешной Галактике?

— Вы уловили суть…

— Уловил… Но не уловил, почему я должен становиться вашим сообщником? Помогать тем, кто принёс Планете столько горя! И уверен, что не только этой планете! Не так ли, Магистр?

Магистр опять побарабанил пальцами по шахматному столику.

— Я понимаю вас… Но никакое развитие, никакая история не обходится без жертв. Их нельзя было избежать. Люди часто гибнут во имя высшей цели…

— Во имя в а ш е й цели н а ш и люди… — Яр кивнул на Данку: — Объясните этой девочке, ради чего во время нашествия погибла её мать.

— Я приношу свои соболезнования, — тихо

сказал Магистр.

Чита стукнул об пол мячиком и спросил:

— От имени всех семисот двадцати девяти единиц интеллекта?

— Да, мальчик, — сказал Магистр.

— Не думаю, что мы договоримся, — сумрачно произнёс Яр.

— Но почему? Ярослав Игоревич! Если у нас будет модель, мы как раз сможем избавить Планету от нашествий, эпидемий и других нежелательных явлений, которые вызывает эксперимент! Мы будем работать не с Галактикой, а только с её моделью!

— Да! И однажды воткнёте в искорку булавку. Ради эксперимента. И в центре Галактики к чёртовой бабушке разлетится ядро с тысячами обитаемых миров…

— Ярослав Игоревич… Извините, но нельзя же мыслить так примитивно.

Яр устало вздохнул:

— Что поделаешь. У меня всего одна единица интеллекта. Она не может понять, почему ради вашей бредовой цели…

— Цель не бредовая, — сухо перебил Магистр. — Вы просто не в состоянии осознать. Мыслящая галактика — это пик развития. Высшее достиже-

ние… Это даёт нам ощущение вечной жизни и полного удовлетворения. В этом мы видим смысл нашего существования.

— Вы — это вы! — бросил Яр. — А другие видят смысл по-своему.

— Вот именно! Каждый из вас по-своему, — с явной насмешкой отозвался Магистр. — Мы, по крайней мере, знаем, зачем живём. А вы, люди?

— Люди живут для счастья, — сказал Яр. — Вы, Магистр, этого не поймёте. Несмотря на семьсот двадцать девять…

— Действительно, не пойму. У вас у каждого своё счастье. Один счастлив, когда женится на любимой девушке, другой — когда на вдовушке с хорошим счётом в банке. Третьему достаточно купить мотоцикл, четвёртый счастлив благодаря солидной зарплате и красивой даче…

— Есть кое-что и помасштабнее…

— Не спорю. Один считает целью жизни выиграть как можно больше сражений, другой посвятил себя тому, чтобы сражений никогда не было. Третий мечтает открыть неизвестную планету…

"Не в планетах дело, — подумал Яр. — Когда-то мне казалось так же, а теперь знаю — не в них дело. Счастье — когда счастливы те, кого любишь.

И когда они есть — те, кого ты любишь… Вот этого ты, глиняная дубина, не поймёшь никогда".

Но Магистр что-то понял. А может быть, просто уловил мысли Яра.

— Ну, что же, — примирительно сказал он, — каждому своё. Смысл человеческих привязанностей для нас действительно неясен… Но раз они так сильны, может быть, именно это заставит вас согласиться?

— То есть? — жёстко сказал Яр и взглянул на Читу. Чита оттолкнулся лопатками от стены и стоял к Яру вполоборота, руку с мячиком держал, слегка отведя от бедра.

Магистр сказал негромко и раздельно:

— Ярослав Игоревич, давайте так: вы достанете нам искорку, а мы возвратим вам мальчика.

Стало опять очень тихо. Сверху снова сорвался шарик, но никто не обратил на это внимания.

Яр встал и медленно спросил:

— Какого мальчика?

— Ну, того… Вашего приёмного сына. Которого звали Игнатик Яр.

Яр молчал.

— Я понимаю, — осторожно сказал Магистр. — Вы видели его могилу. Но он… он не мёртв. По крайней мере, в наших силах вернуть его вам

целым и невредимым.

Яр молчал.

— Так что же? — тихо, но нетерпеливо спросил Магистр.

Тогда Яр громко сказал:

— Тик!

Дверца у сцены открылась. Игнатик шагнул через порог, на шее у него висели провода с цветными фонариками.

— Яр! Я всё перепаял, только надо сменить лампочку…

— Тик, — сказал Яр, — посиди с нами, мы тут беседуем… Итак, я вас слушаю дальше, Магистр…

3

С утра была оттепель, но сейчас холод покрыл подтаявшую дорогу крепкой ледяной коркой. Эту корку заметала сухая мелкая метель. Слой снега был ещё тонким и непрочным, он срывался под колёсами, и стёртые шины скользили на ледяных буграх. А во вмятинах, где намело уже порядочно, колёса увязали, и мотор тогда выл с отчаянием угодившего в яму волка.

Старый школьный "козлик" с фанерными дверцами двигался по окраинной дороге к посёлку Холмы. Яр вертел баранку, стараясь удержать

машину в колеях. Её кидало. Горела только одна фара, и жёлтый конус луча потерянно метался над заледенелыми рытвинами. В луче летела справа налево колючая вьюга.

На заднем сиденье мотались, подпрыгивали и валились друг на друга Игнатик и Алька.

Алька вдруг засмеялся:

— Как у него отвисла челюсть! Будто у настоящего, у живого! От удивленья…

— У кого? — не понял Яр.

— У Магистра! Когда Тик появился…

Яр усмехнулся, вспоминать об этом было приятно. Яр крутнул влево и сказал:

— Хорошо отвисла… Совсем как у меня тогда, в сентябре, когда Тик шагнул из соседней комнаты. Хотя, конечно, чувства у меня и у Магистра были разные…

— А вид похожий, я помню, — хихикнул Алька. — Тик, а как это у тебя получилось?

— Отстань. Я тыщу раз рассказывал.

— Ты рассказывал, когда меня прогоняли спать домой, я подробностей не знаю… Они тебя взаперти держали?

— Конечно… А главное — в полусне. Я просто ничего не хотел: ни есть, ни пить, ни думать. Открою глаза, погляжу на потолок и опять сплю.

Комната какая-то белая, окно под потолком… Я даже не знал, что три месяца прошло. Они сказали, что Яр улетел, что вас тоже нет, и мне было всё равно… А потом ветерки прилетели, принесли снежинки. И тут голос по радио… Ну, ты же сам знаешь!

— Я не совсем знаю… Ты сразу ушёл?

— Сперва сделал чучело под одеялом, будто сплю. Не помню уже, из чего сделал. Потом дёрнул дверь — она заперта. Я тогда говорю : "Сейчас я её открою. И там Яр и ребята. Обязательно так и будет, потому что…" Ну, я знал, что мы все этого хотим. Дёрнул дверь и шагнул. Как тогда, в скадер…

Яр сказал:

— Одно непонятно: как они тебя не хватились до сегодняшнего дня?

— По-моему, понятно, — отозвался Игнатик. — Посмотрят в щёлку, видят — спит человек. Ну и пускай спит, забот меньше.

— С сентября спит…

— Ну и что? Они же меня под гипнозом держали… Ой-ёй!

— Ничего себе "ой-ёй"! — возмутился Алька. — Сам коленом по затылку меня трахнул да ещё ойкает! Дай-ка я тебя так трахну!..

— Надо было дома сидеть, — сказал Яр. — Сами напросились, липучки. Захотелось новогодней сказки и приключений.

— Сказка-то ещё не новогодняя, — падая на Тика, заспорил Алька. — Новый год ещё послезавтра. А ты, Яр, не обзывайся липучками, ты же рад, что мы с тобой поехали.

— Ага, — подтвердил Игнатик.

— Нахалы, — сказал Яр, который в самом деле был рад.

— Конечно, с Читой тебе было бы лучше, — самокритично заметил Игнатик. — Он мячики бросает без промаха.

— Нет уж… — пробормотал Яр, пытаясь укротить вздыбившегося "козлика". — Чита остался с Данкой и правильно сделал. Так спокойнее.

— Кому? — подал голос Алька.

— Данке… И мне…

— Ты боишься, что Магистр сделает какую-нибудь гадость? — спросил Игнатик.

— Не думаю. Это я так…

Яр обманывал. Он боялся. Правда, не столько за оставшихся у него дома Данку и Читу, сколько за незнакомого Глеба Сергеевича Вяткина. Вдруг Магистр что-то срочно предпримет против обладателя таинственной искорки? Поэтому и решил

Яр махнуть в Холмы немедленно… Легко сказать "махнуть". На такой-то колымаге…

Впрочем, колымага всё же двигалась, мотор был приличный. Яр сам перебрал его две недели назад. Другие школы люто завидовали директору Яру — у них никаких автомобилей не было…

— По-моему. Магистр ничего не сделает, он слишком обалдел, — сказал Алька.

— Может быть, — согласился Яр. — Не болтай, не отвлекай меня.

Но Алька заговорил опять:

— А зря ты всё-таки не пустил за Магистром Читу.

Яр вспомнил, как растерявшийся, даже обмякший Магистр встал на шатких ногах и пробормотал: "Я… с вашего позволения, навещу вас ещё раз. Пока я не готов… к дальнейшему разговору…" Он неловко кивнул, напялил пальто и шапку и шагнул за порог. Бесшумный и гибкий Чита сжал в кармане мячик и двинулся за Магистром. Яр в ласковом голосе, как в тройном слое ваты, спрятал сталь приказа: "Чита, пожалуйста, останься…" Чита остановился. Обтянутая чёрным свитером спина его закаменела. "Не надо, Чита", — сказал Яр. Чита шагнул назад. "Зря", — тихо проговорил он. "Не зря, Чита. Мы пока про многое не знаем".

Чита пожал плечами, стукнул мячиком об пол и молча сел…

Яр опять крутнул руль и вслух повторил:

— Мы пока про многое не знаем…

— Ага, — сказал Алька. — Интересно, из чего у него борода? Врёт, что настоящая…

ВЕТЕРАН

1

Яр укрыл мотор старым полушубком, и все вошли в тёмный подъезд. Поднялись по шаткой дощатой лестнице, которая сделала два поворота среди тесных кирпичных стен. От кирпичей несло холодной сыростью. Ступеньки прогибались. Где-то очень высоко светила пыльная лампочка. Ребята и Яр остановились у двери, обитой порванным дерматином. На двери они разглядели тёмную, видимо, медную табличку. Она была туго привинчена по углам и сильно вдавилась в дерматин. Яр пригляделся и различил слова:

ГЛЕБ ДИКИЙ ЛИТЕРАТОР

— Ну что же, всё сходится, — бодро сказал он. И ощутил какое-то сосущее, беспомощное беспо-

койство. Поискал глазами кнопку или рычажок звонка. Не нашёл. Сильно постучал кулаком по косяку. Было тихо. Он снова поднял кулак…

Чёткий, неожиданно близкий голос спросил:

— Кто вам нужен?

Наверно, за дерматином был динамик.

Чувствуя себя ужасно глупо. Яр сказал двери:

— Мне нужен… Глеб Сергеевич…

Прошла ещё очень долгая минута. Игнатик и Алька переминались рядом с Яром. Наконец, голос неприветливо отозвался:

— Входите.

Дверь еле заметно шевельнулась. Яр потянул её, она отошла. За ней оказалась ещё одна дверь, дощатая. Она открылась сама. Яр качнулся вперёд, но Тик и Алька опередили его.

В глаза ударил встречный свет. Яр зажмурился и не сразу разглядел, где он. Комната была длинная и узкая. В дальнем конце за столом с зелёной лампой (она тоже горела) сидел, пригнувшись, человек. Яр увидел блестящие очки и бородку. Руки сидевшего были спрятаны за стопкой книг.

Все довольно долго молчали. Наконец Яр спохватился :

— Здравствуйте…

— Чёрт возьми… Здравствуйте, — сказал хозяин

комнаты высоким, но хрипловатым голосом. — Подойдите сюда… пожалуйста.

Верхний свет плавно угас. Яр, моргая, пошёл к столу. Тик и Алька — по бокам. "Как посольство какое-то. Ужасно глупо", — подумал Яр. Они остановились у стола.

— Меня вы, судя по всему, знаете, — всё тем же высоким, но с хрипотцой голосом произнёс литератор Дикий. — Может быть, представитесь сами?

— Представимся, — ответил Яр и как-то сразу успокоился. — Я директор Ореховской средней школы номер семь. А это мои… мои дети.

Глеб Дикий снял очки, протёр их, абсолютно чистые, уголком белого широкого ворота, надел и со вздохом сказал:

— Ну и манеры у вас, директор… Чёрт возьми… — Левой рукой он выдвинул ящик, а правой убрал из-за книг очень длинный блестящий револьвер.

Тик и Алька вытянули головы.

— Это "м***о***ртон", — сказал Алька.

— Ничего подобного, "форт-капитан", — сказал Тик.

Хозяин комнаты коротко засмеялся и растёр ладонями лицо. Это было лицо очень пожилого, но крепкого человека — худое, с тёмной кожей

и чёткими красивыми морщинами. В бородке блестела проседь.

— Садитесь, — пригласил Глеб Дикий. — Вы поближе, директор, а вы, добры молодцы, вон туда. Кресло большое, влезете вдвоём… Господи, какие вы молодцы, ребята, что вошли первые. Иначе ситуация сейчас могла быть са-авсем иной… Кой леший дёрнул вас, директор, называть меня столь старинным способом? Вы, наверно, знаете, к т о любит так обращаться.

— А как мне было вас называть? — усмехнулся Яр. — Писатель Дикий? Слишком церемонно… Или… — он усмехнулся снова, — может быть, Стрелок?

Хозяин крепким ногтем поцарапал сукно на середине стола.

— Просто Глеб, — сказал он. — Как здесь водится между людьми… А теперь всё-таки признайтесь, директор. Это о н и послали вас ко мне?

— Ну естественно, — охотно отозвался Яр и поудобнее устроился на плетёном скрипучем стуле. — Один тип весьма интеллигентной наружности, именующий себя Магистром. Не знакомы?

Глеб покачал головой. Сказал тихо и без всякой рисовки:

— Знакомых среди этой падали у меня нет. Живых…

— Но ведь пули их не берут, — заинтересованно откликнулся Яр.

— Разные бывают пули, директор, — объяснил Глеб. — Разные… Спросите это у вашего друга Магистра, он подтвердит.

Яр засмеялся:

— Глеб! Ну что за чепуху вы несёте! "Друг"! Магистр явился непрошеный, уговаривал заключить союз, мы его послали подальше… Но всё-таки я ему благодарен: он дал ваш адрес.

— Но почему он пришёл именно к вам?

— Да потому что мы земляки.

— Вы и… Магистр?

— О, ёлки-палки… — сказал Яр. — Вы и я.

Глеб снова помянул чёрта и опять протёр очки. Потом очками этими вопросительно уставился на Яра.

— Я всего два месяца директор школы, — сказал Яр. — А до этого был преподавателем физкультуры и математики. А ещё раньше — диспетчером рыбачьего порта, бродягой, робинзоном. Потому что занесло меня сюда с планеты Земля. И земляки мы с вами весьма близкие. Вы как-то связаны со Старогорском, а я уроженец Нейска,

это недалеко друг от друга… И зовут меня Ярослав Игоревич Родин. Скадермен-разведчик… Ныне — директор Яр.

Глеб крепко сжал и распрямил крепкие пальцы.

— С ума сойти… — проговорил он тихо. — Что-то я… Сейчас… Чаю, что ли, согреть, а?

— Ага, согрейте, — довольно нахально сказал из полутёмного угла Алька. — А то у Игната от холода уши звонкие… Уй-я… — В кресле послышалась возня, оно скрипуче запело.

Глеб откинулся на спинку стула и засмеялся.

2

Стены комнаты были дощатые, некрашеные. Вдоль одной — книжные стеллажи. На другой — не то рисунки, не то гравюры в рамках, а среди них — узкая сумрачная маска из тёмного металла. Очень длинная кровать с резными деревянными спинками, у изголовья — трёхствольное курковое ружьё с тонким прикладом.

Стол был только один — письменный. За ним и пили чай — Глеб убрал на пол груды книг.

— …А почему он сказал, что ты был террористом?

— А я и был им, — спокойно разъяснил Глеб. —

По крайней мере, с точки зрения т е х, к о т о р ы е в е л я т… Я появился здесь, когда война между Берегами формально была окончена, но в окрестностях городов и в лесах было ещё неспокойно. Я был тогда почти мальчишка и, естественно, ввязался в эту кутерьму… Я научился хорошо стрелять, несмотря на очки. Отсюда и прозвище.

— И… в кого же ты стрелял?

— Естественно, в т е х… Они возглавляли "отряды умиротворения". Война им была уже не нужна, и они решили срочно навести порядок на Полуострове. Они сначала стравливали между собой боевые группы с разных берегов, а потом ослабевших после стычки стремительно разоружали. Оружие сжигали, а людей… ну, с людьми было по-всякому. Кого-то отпускали, а тех, кто начинал что-то понимать… в общем, по-всякому. Я насмотрелся. И стал стрелять метко.

— А пули…

— У нас был человек, который умел отливать нужные пули. И заговаривал их… Как в средневековье против нечистой силы, да?.. Но, Яр… Мы стреляли не только в них. В тех, кто им помогал, — тоже. Никуда не денешься…

— А потом?

— Потом… Если есть время, а человек не совсем

дурак, он приходит к какой-нибудь здравой мысли. Вот и я понял: воевать с н и м и бесполезно.

— Почему? — спросил Тик и со стуком поставил чашку. Алька тоже поставил, но бесшумно.

— Сейчас объясню, хлопцы, — ласково сказал Глеб. — Сейчас… Вот представьте, что у вас на кухне завелись тараканы. Их можно давить, морить разными порошками. Можно их на какое-то время вывести. А потом они опять… Надо не тараканов морить, а чтобы на кухне была чистота. А если там грязь и плесень, они разведутся снова… Разве не простая мысль?

— Простая… — сказал Яр. — Но…

— Разве *они* — тараканы? — перебил Алька.

Глеб жёстко сказал:

— Я не знаю, откуда они взялись и какие они в своей природной сущности, хотя бился над этим много лет. Может, пришельцы из других пространств, а может, наша собственная плесень. Только точно знаю: это цивилизация паразитов… Если их можно назвать цивилизацией… Они — тараканы и клопы. Посудите сами. Сколько сил надо положить, чтобы развести пчёл или, скажем, шелкопряда. А клопы лезут из щелей сами — стоит хозяевам только зазеваться или стать ленивыми… Вот и в человеческой жизни:

когда люди становятся равнодушными, ленивыми или слишком сытыми, когда им наплевать на свою планету, появляются *те, которые велят*. И кое-кто из людей — не против: так спокойнее и проще... Яр! В истории вашей Земли разве не случалось такого?

— Да... Почему "вашей"? Нашей, Глеб...

— Конечно, Яр... Земля есть Земля...

— Глеб... И ты перестал стрелять и стал бороться за чистоту "кухни"?

— Как мог...

Яр осторожно спросил:

— А как? Для меня это очень важно...

— По-всякому, Яр... Честно говоря, я делал это неумело и без большого успеха. Одни люди были запуганы, другие закормлены. Те, кто умел бороться, или погибли, или устали... Яр, не было союзников на этой замороченной Планете. То есть очень мало их было. Это страшнее всего.

— И всё же?..

— Я мотался по Планете, кричал, убеждал, получил кличку Дикий. Писал книги... Кстати, выражение "люди, которые велят",— это моё. Так называлась одна моя книга, её очень быстро сожгли...

— Кто? О н и сожгли?

— Нет. Те, кто считали, что и х нет. Вернее, делали вид, что и х нет. Многим так спокойнее и безопаснее жить… Иногда я опять начинал стрелять. Потому что когда чистишь кухню, тараканов тоже надо выметать. Не ждать же, когда они вымрут… Тем более что кусачие тараканчики-то: сколько раз пытались меня прихлопнуть или упрятать за проволоку. Не сами они, конечно… Здесь на всех материках ужасно безалаберная система управления, никаких строгих юридических норм, но всё же меня дважды приговаривали к виселице "общественные штабы по борьбе с эпидемиями"…

— За книги? — спросил Тик.

— Да. И за стихи. Особенно за одну песню… "Пять пальцев в кулаке годятся для удара. Годятся, чтоб держать и молоток, и меч…"

Алька вскинул ресницы — они золотились от лампы. Он звонко спросил:

— Из-за этой песни они и боятся цифры пять?

Глеб засмеялся:

— Спасибо, Алька… за такое допущение. Знаешь, я считал бы себя ужасно счастливым, если бы это было так… Нет, они боятся пятикратности не потому.

— Почему же? — спросил Яр. — Никто не мог

мне до сих пор объяснить.

— Я, наверно, тоже не объясню толком… Но мне кажется, дело здесь в свойствах пятиугольника. В том, что он чем-то похож на круг…

— Пятиугольник? — воскликнул Алька.

— Да. Некоторыми свойствами. Я имею в виду пятиугольник с равными углами и сторонами… Вот такой… — Глеб концом чайной ложки нацарапал на сукне фигуру. На ворсе остался заметный след. Пятиугольник был чётко вписан в окружность.

— Ну и… — с любопытством сказал Яр.

— В конце концов, что такое круг? — увлекаясь, проговорил Глеб. — Тоже равносторонний многоугольник, только с бесконечным числом сторон. Кое в чём они с пятиугольником схожи.

— Движением? — спросил Игнатик.

Глеб вскинул на него очки:

— Ты читаешь мысли?

— Он может… — хмыкнул Алька.

— Я догадался, — сказал Игнатик.

— Да… — Глеб скатал из хлебного мякиша горошину. — Если мы пустим по периметру пятиугольника шарик… Ну, скажем, по желобку с такими вот поворотами, он будет катиться, пока есть инерция… В треугольнике шарик застрянет

в остром углу. В квадрате — отскочит на повороте и пойдёт назад. А здесь — неохотно, со скрипом, но будет продолжать путь. По рикошету…

— Ну и ладно… Ну и что? — озадаченно спросил Яр. — Пусть продолжает. Им-то что, этим манекенам? Жалко, что ли?

— Наверно… — Глеб развёл руками. — Видимо, они боятся всяких построений, которые приближаются к кругу. Боятся, что будут раскрыты или нарушены какие-то законы их развития.

— Но есть многоугольники, которые гораздо больше похожи на круг!

— Да, но у них много вершин, они склонны к дроблению. А пять — это прочный и опасный для манекенов минимум. Пятиугольник вписывается в круг, а потом рвёт его колючими углами… Яр, а как прекрасно в пятигранник врисовывается звезда с пятью лучами? Она всегда была эмблемой тех, кто дрался за свободу…

— Ну… это красивое объяснение, — сказал Яр. — Может быть, не хуже других… Но уж какое-то оно начерченное, бумажное. Как теорема в учебнике для шестого класса. При чём здесь всё-таки манекены, при чём их развитие? При чём круг?

— Но развитие всякой цивилизации, развитие Вселенной идёт не по прямой, это и дети знают…

— Да, но не по кругу же! По спирали!

— Ага! — торжествующе сказал Глеб и кинул в чашку зазвеневшую ложечку. — Вот именно! А наши милые глиняные друзья не прочь замкнуть спираль в круг. Хотя бы какой-то виток! Чтобы всё вертелось бесконечно!

— Зачем?

— Я считаю, что им надо выиграть время. Цель-то у них, прямо скажем, крупномасштабная. А Галактика наша не будет ждать, когда они напичкают её своим разумом, возьмёт да и разовьётся по-своему.

— Она может, — усмехнулся Яр. — Послушай, Глеб… А эта их бредовая идея о разумной галактике… Они в самом деле её как-то осуществляют? Или это просто религия какая-то? Философия?

— В том-то и дело, что осуществляют! Отсюда и все заварухи. Нашествия эти, и прочее…

— Но, может быть, это что-то вроде ритуала? Просто какой-то символ? Жертвоприношения?

— Нет, они уверены, что работают научно…

— Но как?

— Очень примитивно… Ты же сам заметил, что могущество и примитивность у них рядом. К тому же они паразиты. Недаром у них нет даже своей оболочки, они лезут в статуи и манекены.

И в работе своей… Тьфу ты, даже неловко говорить про это "работа"… тут они тоже действуют чужими руками…

— Нашими? Как?

— Теория у них крайне наивная. Мне пришлось беседовать с одним глиняным философом, прежде чем его… — Глеб неловко глянул на ребят. — В общем, такая теория: галактика — это громадный мозг, только пока пустой. Не заполненный информацией. И они эту информацию посылают в пространство самым простым способом — с помощью взрывов.

— То есть?

— Ну, просто взрывов. Начиная от гранат и мин и кончая теми термоядерными взрывами, которые в своё время корёжили Землю…

— Ты считаешь, что эти взрывы — их рук дело? — с сомнением спросил Яр.

— Конечно, нет… Увы, это дело рук человеческих. Но т е очень умело их использовали… Как мы используем, например, энергию рек или ветра… Они, как могли, способствовали войнам. Потом — ядерным испытаниям. А когда люди малость поумнели, отыскали себе этот забытый богом угол Вселенной. И здесь развернулись вовсю. Сами начали организовывать войны,

стравливать города и Берега.

— Но пока без атомных взрывов, — сказал Яр.

— Зато с нашествиями, — неожиданно сказал Игнатик. — И с эпидемиями. Это ведь тоже взрывы. Когда горе у людей взрывается… Это им тоже подходит…

Глеб с полминуты молча смотрел на Игнатика. Тот засмущался и сунул нос в чашку.

— А ведь прав малыш, — сказал Глеб.

— Ещё бы, — с дерзкой ноткой подал голос Алька. — Тик зря не говорит… Можно, я возьму ещё конфетку?

— Куда в тебя лезет, — сказал Яр.

— У меня кишечник спиральный и бесконечный. Как галактика, — объяснил Алька.

— Ещё один теоретик, — усмехнулся Яр. — Вот замкнём тебе кишечник в кольцо, тогда хватит одной конфеты на всю жизнь.

Тик фыркнул в чашку.

Алька сказал:

— Смотрите лучше, чтобы манекенчики не замкнули спираль Галактики. Они могут. Вот тогда повертимся…

— В самом деле… — полусерьёзно сказал Яр.

Глеб опять зацарапал ложкой сукно.

— Меня всегда занимала природа спиральных

явлений, — заметил он. — Их закономерности. От громадной галактики и до улитки. Или до маленького вихря на дороге.

— Это ты про ветерки? — спросил Яр.

— Про ветерков, — тихо поправил Игнатик. — Они живые.

— Мне сначала казалось, что это легенда, — сказал Яр.

— Может быть, и легенда… — отозвался Глеб.

— Да нет же! — сказал Игнатик. — Яр, ты же сам знаешь. Вспомни Город!

— Да, — согласился Яр. — Глеб, а ты слышал про восстание в Морском лицее?

— Да, — насупленно сказал Глеб. — Я знаю… Это было вскоре, как я здесь оказался. Мы даже были потом с отрядом в сгоревшей крепости. Ну… не хочется про это, ребята. Я после этого и начал стрелять без колебаний. И много лет потом не мог разговаривать с мальчишками — будто в чём-то виноват был перед ними.

— В чём? — шёпотом спросил Тик.

— Не знаю. Может быть, в том, что меня там не оказалось, когда они поднялись… У них-то пули были обычные…

— А в Пустом Городе ты бывал? — спросил Яр.

— Нет… Я бывал во многих местах на Планете.

Смотрел, как люди живут… По-всякому живут. Есть громадные города, где жизнь кипит, и никто, кажется, не боится никаких л ю д е й, к о т о р ы е в е л я т… Но это на первый взгляд…

— А в Пустом Городе и вправду не боятся, — вмешался Тик.

— Но он же пустой…

— Нет, Глеб, не совсем, — сказал Яр. — Туда ушли те, кто уцелел в крепости.

— Разве кто-то уцелел? — быстро спросил Глеб.

— Говорят, да…

— "Говорят"… — Глеб грустно посмотрел на мальчишек. — Сказки я слышал и сам. Песню одну написал тогда. Было время, её пели. Даже пластинка была…

— Стоп… — сказал Яр. — Это что? "Когда мы спрячем за пазухи ветрами избитые флаги"?

— Ты слышал? Она же запрещена.

— Ну и что же? Кое-где играют.

Глеб на глазах помолодел. Улыбнулся по-мальчишечьи. Потом серьёзно спросил:

— Яр, тебе не приходило в голову вернуться на Землю и привести сюда десантные отряды? Чтобы вытравить здесь всю нечисть.

— Сначала нет… — медленно сказал Яр. — Потом да… Потом опять нет… Глеб, я понял, что

нужно самому становиться человеком этой Планеты. Пришельцы не смогли бы изменить мир. Взорвать, наверно, смогли бы, а спасти нет… Такая попытка ведь была.

— Ты имеешь в виду сказки про народ, который ушёл на истинный полдень?

— Это не совсем сказки. Племя, которое строило крепости, но никогда не воевало… Крепости-то стоят до сих пор.

Стоят, — согласился Глеб. — Но кто докажет, что их строили пришельцы? Я за сорок лет не смог выяснить, что это было за племя…

— Глеб… — осторожно сказал Яр. — А ты сам пробовал вернуться домой?

— Нет, — быстро ответил Глеб. — Я не пробовал и не хотел. Мне казалось, что я нужен здесь, и этого мне хватило на всю жизнь. Здесь у меня всё… В конце концов, здесь та же самая Земля.

Яр задумчиво поскрёб подбородок.

— Да… В чём-то та же самая. Но до сих пор не могу себе сказать: одна это планета или нет?

— Одна, Яр… Просто разные измерения. Ты слышал, наверно, о теории параллельных пространств.

— Ну, Глеб… это же наивная теория. Старый сюжетный крючок для детских фантастических

рассказов. И потом — это именно теория, не больше…

— А собственно, почему наивная? Посуди сам: если могут быть параллельные линии и параллельные плоскости, почему не может быть параллельных трёхмерных пространств?

Яр покачал головой:

— Чёрт его знает… Я себе это объяснял как-то по-другому.

— Я тоже пытался объяснить по-всякому. Но всё равно в голове застревает детская картинка: понимаешь, пространства вроде прозрачных кубиков, плотно прижатых друг к другу… И вот наши друзья-манекены своими взрывами и экспериментами что-то сдвинули, нарушили в этой кристаллической решётке. Кубики сдвинулись, проломили друг друга, по ним пошли трещины… В одну такую трещину и занесло сюда по рельсовой колее начинающего журналиста Глеба Вяткина…

Яр кивнул на Альку:

— Вот от этого теоретика я слышал что-то подобное. Во время летнего плавания на плоту…

— Можно, мы посмотрим ружьё? — кротко спросил Алька и показал на стену.

— Ещё чего! — сказал Яр.

— Мы осторожненько, — пообещал Тик.

— Пусть, — сказал Глеб.

— Но, Глеб! Ты же знаешь: если ружьё висит на стене, оно когда-нибудь выстрелит. А эти пираты…

— Оно вообще не стреляет, — успокоил Глеб. — Оно без пружины. Это так, музейный экспонат…

Тик и Алька двинулись к стене.

— Кр-ромешная некр-ритичность! Не ходите по кр-ромке до пяти р-раз! — прозвучал механический и очень знакомый Яру голос.

Яр вскочил. Снял с лампы зелёный абажур. В углу, у потолка, вцепилось в натянутую верёвку маленькое смешное существо: тугой мешочек с проволочными ручками и ножками. Ножки весело дёргались. На мешочке улыбалась нарисованная белилами рожица.

— Бормотунчик! — весело удивился Яр.

— Яр-р! Привет! — сказал бормотунчик. — Как дела, скадермен? Всё ещё карабкаешься по песчаному обрыву?

У Яра коротко и сильно, как чужой холодной пятернёй, сжало сердце.

— Ты… — переглотнув, сказал он. — И оглянулся на Глеба. — Глеб, можно его спросить? Он не разрядится?

— Я не р-разряжусь!! — радостно завопил бормотунчик. — Задавай хоть тр-риллион вопросов! Во мне вечная энергия!

— Заткнись, болтун! — виновато сказал Глеб. — Яр, не обращай на него внимания. Он то и дело несёт всякую чепуху. Он живёт у меня уже девять лет и до сих пор не поумнел.

— Это ты не поумнел! — ответствовал бормотунчик. — У тебя в жизни только одно умное дело: запихал в меня искорку!

— Это правда? — спросил Яр у Глеба.

Глеб засмеялся и кивнул:

— Да, она там. Самое надёжное место… И, кстати, Магистр зря домогался, чтобы я отдал искорку. Теперь она принадлежит этому субъекту, а он с ней никогда не расстанется.

— Никогда! — подтвердил бормотунчик. — И пока она во мне, меня ни р-распороть, ни р-рассыпать!

— И не заставить замолчать, — грустно сказал Глеб. — Такое трепло… Правда, иногда он подаёт дельные советы.

— Я помню, как однажды… — начал Яр. И в комнате грохнуло!

Грохнуло так, что лампа подпрыгнула на полметра, бормотунчик сорвался на пол, а чашки

полетели со стола. По глазам ударил тугой синий дым. Из этого дыма, из гулкой звенящей тишины донёсся виноватый голос Игнатика:

— А говорили, не стреляет…

— Кар-раул! — завопил из-под стола бормотунчик. — Грандиозный скандал! Пр-редставление!

Глеб рванулся к мальчишкам, выхватил у них ружьё. Кашляя, он закричал:

— Это же чёрт знает что! В нём же ни патронов, ни замка! Как это?!

— Это Тик, — самодовольно сказал Алька. — Он ещё и не такое может.

— Глеб, у тебя найдётся чем их выпороть? — печально спросил Яр.

— Пр-рекратить безобразие! — заверещал бормотунчик и, цепляясь за трещинки в досках, полез в свой угол у потолка. — Сами дали детям игр-рушку, а тепер-рь…

— Из той же компании, — сказал Яр.

— Мы исправимся, — невинным голосом пообещал Алька.

Глеб упал в кресло, вскинув худые колени, и начал хохотать…

3

Открыли форточку, но дымный запах не выветривался.

— Душегубы, — сказал Яр Альке и Тику. Они виновато сопели. Почти всерьёз.

— Чёрт, чёрт и чёрт, — проворчал Глеб. — Я хотел оставить вас ночевать у себя. Надо ещё про столько разного поговорить… Мне-то к пороховому дыму не привыкать, а вы, наверно, задохнётесь…

— Нам нельзя оставаться, — объяснил Яр. — Данка и Чита будут беспокоиться.

— И мама, — торопливо сказал Алька.

— А знаешь что, Глеб? Поехали к нам! — предложил Яр. — Младенцев уложим, а сами можем говорить до утра.

— Мы не хотим спать, — подал голос Алька. — Я только маме позвоню и тоже…

— Молчи, террорист… Поехали, Глеб!

— Ну… если это можно… — Глеб снял очки и почесал ими затылок.— Как-то всё неожиданно… И не хочется так сразу расставаться.

— Ура… — шёпотом сказали Алька и Тик.

— А я?! — завопил бормотунчик. — Бросаете одного, да?!

Машина опять рыскала и ныряла, а снег летел в жёлтом луче. Глеб сидел рядом с Яром. Тик и Алька мотались сзади. Бормотунчик устроился между ними. Он ворчал, когда на ухабах мальчишки валились друг на друга и прижимали его.

— У меня теперь квартира при школе, — рассказывал Яр. — Вполне приличная… Правда, её оккупировали вот эти пираты. Но мы запрём их в комнате, а сами засядем на кухне. У меня есть бутылочка "Вероны", очень подходящая для встречи земляков.

— "Верона" — это вещь, — серьёзно согласился Глеб. — Только вот что, Яр… Хочу уточнить сразу. Мы с тобой всё-таки не земляки. Не совсем земляки.

— То есть… — озадаченно сказал Яр. — Ты же рассказывал про Старогорск.

— Я жил там, правда. Не очень долго… Я не больше месяца был на в а ш е й Земле. Моя Земля — другая. Они в чём-то беспокойнее, неустроеннее и, наверно, моложе… Впрочем, теперь это не имеет значения. Потом я расскажу всё подробно…

— А всё-таки… Что же случилось?

— Поезд. Странный поезд, идущий до станции Мост…

— Опять эта станция Мост…

— Слышал?

— Да… Значит, этот поезд бежит через все пространства? Интересно, зачем?..

— О господи, — сказал Глеб. — Если бы это было единственное "зачем"… Кстати, мы тридцать пять лет назад пытались найти этот Мост и взорвать его.

— Для чего?

— Трудно объяснить. Мы знали, что он для чего-то очень нужен и м, значит, вреден людям… Найти не смогли. А во время стычки на рельсовых путях погибла моя жена.

— У тебя была жена?.. Ох, прости за глупый вопрос.

— Была… Недолго.

— А… дети? — осторожно спросил Яр.

— Нет… Знаешь, Яр, я до сих пор жалею, что не отговорил своего попутчика, когда он решил вернуться. Понимаю, что правильно сделал, а всё равно жаль.

— Какого попутчика?

— Юрку… Это был мальчик двенадцати лет. Мы вместе ушли из Старогорска… искать неведомое. Но через час он вернулся. У него в городе остались друзья. Он сперва шёл со мной, а потом вдруг го-

ворит: "Нет, не могу оставить Гельку..." Это когда нас догнал бумажный голубок с искоркой...

Яр сказал немного виновато:

— Знаешь, я ничего не понимаю.

— Конечно. Я потом расскажу все детали.

— Я не про детали... Я про главное: что за мальчик? Тоже с т в о е й Земли?

— Нет. Он-то как раз был бы твой настоящий земляк.

— А почему он пошёл с тобой?

— Долгая история. И странная... Он рос без отца и ничего про него не знал. А потом вдруг решил, что отец у него был звездолётчиком. И говорит: "Где же его искать, как не в этой путанице пространства и времени". Я не точно его слова передаю, но мысль такая... В чём-то он был прав. По крайней мере, здесь, на Планете, есть один скадермен... Яр! А у тебя были дети?

Яр крутнул баранку, объезжая снежный бархан. И вдруг почувствовал, как прилипли к пластмассе вспотевшие ладони.

— Нет... — медленно сказал он. — Нет. Т а м не было. — Он спиной почувствовал взгляды Игнатика и Альки.

Глеб задумчиво проговорил:

— Хороший был Юрка. Только немного сумрач-

ный…

— А откуда он узнал, что его отец — скадермен?

— Да ничего он не узнал. Это была его фантазия. Мать как-то сказала сгоряча: "Никто на Земле не знает, где этот барабанщик…"

— Яр-р, осторожнее! — сказал сзади бормотунчик. — Не дёргай руль.

Яр с трудом вывернул машину с обочины в заснеженную колею.

— Почему барабанщик? — тихо спросил он.

— Юрка увидел у матери фотографию. Там были ребята. В одном Юрка угадал отца. Уловил сходство с собой…

— Глеб… Ты видел фотографию?

— Нет. Но Юрка рассказывал… Старый двор, девочка, а по бокам от неё мальчишки с деревянными саблями. И ещё один, чуть в стороне…

Яр усилием воли растолкал почти остановившееся сердце. Тогда оно взорвалось отчаянным ритмом.

— С барабаном? — сипло спросил Яр.

— Да… Яр, значит, мы встретились не зря?

— А барабан… он из старой кастрюли?

— Да.

СНЕЖНАЯ ПОЛЯНА

1

После вьюжной ночи утро было тихое, только воздух позванивал от колючего морозца. Да ещё шуршали и поскрипывали лыжи. Ярко горело солнце.

На старые, покрытые льдистой корочкой пласты лёг свежий снег. Он был сухой и мелкий. На солнце он казался ярко-жёлтым, а в нетронутых лучами ложбинах лежала густая синева. От разбросанных по склонам сосёнок и пней тянулись лиловые тени. Яр часто мигал от блеска — снежинки, будто крошечные зеркальца, били по глазам голубыми, малиновыми и белыми вспышками.

Путь лежал среди пологих, покрытых редколесьем холмов. По неглубокому свежему слою лыжи скользили отлично. Данка, Чита и Алька убежали вперёд и мелькали разноцветными пятнышками на краю широкой вырубки. Яр, Глеб и Тик неторопливо шли по их следам. Яр и Глеб — рядом, Игнатик чуть позади. После бессонной ночи у Яра чуть кружилась голова. Но дышал

он легко, и усталости не было. Только и радости он не чувствовал. Вчерашняя резкая печаль слегка улеглась, но осталось ощущение потери и тревожной неизвестности. И желание скорее эту неизвестность разорвать, и понимание, что сделать это едва ли удастся…

У Глеба ярко блестела седина, он шёл без шапки. В школьной кладовой ему подобрали лыжи и ботинки, Яр дал свой свитер. Глеб был похож на бодрого и сильного пенсионера, у которого в прошлом немало спортивных побед. Яр подумал, что у него красивое лицо: обветренное, узкое, с чётким узором глубоких морщин. Решительное лицо. Только глаза, смотревшие сквозь толстые стекла, казались немного неуверенными. Но, скорее всего, это лишь сегодня.

Глеб улыбнулся и сказал:

— Целый век не вставал на лыжи, а вот помню ещё кое-что.

— Ты отлично держишься, — сказал Яр. — Глеб…

— Что?

— Глеб… А какой он был?

— Юрик?

— Да… Хотя ты, наверно, не очень помнишь. Сорок лет…

— Нет, я помню, Яр… Тощенький такой парнишка, темноволосый. Немножко сумрачный. Иногда казалось, что обижает своего друга Гельку… но вот вернулся же к нему… Яр, было в нём какое-то одиночество, я про это уже говорил. Правда, в последнее время он стал веселее. Был в Старогорске детский праздник, Юрика взяли в барабанщики, он ходил в голубой форме с галунами и аксельбантами. Ладненький такой стал, гибкий и какой-то… ну, будто решил для себя важное.

— Решил… — медленно сказал Яр. — Сперва решил идти с тобой, потом вдруг вернулся…

— Ну что же… Это ведь тоже надо было решить. Если трезво подумать, не было у него никакой надежды отыскать тебя. А там оставались друзья… Яр, я хорошо помню, как он уходил от меня, ему закат светил в спину, а он шёл по рельсу, как по воздуху, и только один раз посмотрел назад…

— Всё-таки посмотрел…

— Посмотрел и помахал рукой… Когда я эту песню писал… ну, о барабанщике… — я почему-то всё время думал о Юрке. Хотя он никакого отношения не имел к восстанию…

— Спасибо, Глеб, — сказал Яр.

— За что?

— Так… — вздохнул Яр и услышал сзади:

— Яр, подожди…

Он тут же оглянулся. Игнатик стоял, упираясь подбородком в палки, и лицо у него было… Яр знал, когда у Тика такое лицо. Он очень хорошо знал. Когда рядом беда. И не просто беда, а такая, которая грозит расставанием. "Этого ещё не хватало", — тоскливо подумал Яр. И все другие тревоги тут же затерялись в страхе за Игнатика. Яр глазами сказал Глебу: "Иди вперёд", и тот понял, сразу понял, умница Глеб. Яр круто развернулся, и они с Игнатиком съехались вплотную — так, что лыжи одного прошли между лыжами другого.

Яр увидел у Игнатика слезинки и сел перед ним на корточки.

— Ну? Тик, что случилось? — Он крепко взял его за маленькие красные варежки. — Тик… Не молчи.

Игнатик посмотрел в сторону, часто замигал и сказал полушёпотом:

— Яр, я тебя вчера обманул.

Вчера, на дороге. Яр на минуту остановил машину. Руки ослабели, даже стыдно было. Он торопливо проговорил:

— Сейчас, ребята, сейчас…

— Давай, сяду за руль, — сказал Глеб.

— Да нет, что ты... Я только спросить хотел... — Он быстро обернулся: — Тик, можно пробить пространство? Чтобы побывать *там* ! Тик, ты же умеешь! А?

"Я веду себя, как слезливый растерявшийся ребёнок", — подумал он. Однако это было неважно. Важно было, что скажет Игнатик.

Игнатик сказал:

— Яр, я не знаю... я не могу. Я мог прийти на крейсер, мог от манекенов уйти... Ну, потому что я знал, куда. Потому что к тебе... А как теперь...

Яр стиснул руль, глубоко вздохнул, посидел секунд пять и включил скорость.

— Ладно... — пробормотал он. — Ничего...

Это случилось, от этого не уйдёшь. Яр не думал, что когда-нибудь его потянет в родные места, потому что родным местом стала Планета, здесь было всё, и он верил, что так будет до конца жизни, но вот теперь...

— Яр, ему сейчас уже за пятьдесят, — осторожно напомнил Глеб.

— Не всё ли равно...

— Мы попробуем что-нибудь придумать... — неуверенно сказал Глеб.

— Что? — горько усмехнулся Яр. — Распотрошить бормотунчика, отдать манекенам искорку

и взамен попросить помощи?

— К счастью, это невозможно, — серьёзно сказал Глеб.

— К счастью для миров и цивилизаций, — опять усмехнулся Яр. — Ах ты, чёрт бы побрал все эти миры и пространства… Юрка. Как я и мечтал… Если бы хоть что-нибудь узнать про него…

— Ве-тер-ки! — вдруг механическим голосом сказал сзади бормотунчик.

— Что? — разом спросили Яр и Глеб.

— Ве-тер-ки. Они летают везде. Они знают всё. Это совет.

— Где их найдёшь, ветерков? — недовольно спросил Глеб. — Тоже мне совет.

— Что знал, то сказал. Это совет, — повторил бормотунчик и глухо выключился.

— Я знаю где, — хмуро и решительно сказал Яр. — В Пустом Городе. Будут каникулы, мы туда съездим, верно, Тик?

— А я?! — подскочил Алька.

Игнатик долго молчал. Машину сильно кидало, и жёлтый луч метался среди летучего снега.

Игнатик наконец проговорил:

— Не надо в Город. Ветерки есть ближе. Я провожу.

…Уже дома, когда грелись у трескучей уютной

печки, Игнатик как-то виновато рассказал, что ветерки под Новый год собираются на лесных полянах и на короткое время превращаются в обыкновенных мальчишек. Они для этого и слетаются — чтобы снова почувствовать себя ребятами, поиграть, подурачиться, повидаться с друзьями. Они же, хоть и ветерки, но остались мальчишками в душе. Причём навсегда…

— И ты знаешь эти поляны? — недоверчиво спросил Глеб.

Игнатик кивнул:

— Одна совсем недалеко. У Чёрного озера. Это километров восемь…

— А откуда ты всё это знаешь? — снова спросил Глеб. — Нет, я верю, конечно, только… Я вот сорок лет здесь, а…

— Глеб, не спрашивайте, — мягко сказала Данка. — Тик про многое знает и много всего умеет. А объяснять про это не умеет…

— Например, как выстрелило ружьё… — подал голосок Алька.

— Кое-кто у меня дотанцует, — сказал в пространство Яр.

— Душе-раздир-рающе выстрелило! — отозвался бормотунчик. Он висел наверху у печки, вцепившись в кольцо выдвинутой вьюшки.

Чита поднял глаза от книги и посмотрел на бормотунчика. Тот, кажется, смутился, засучил ножками, замурлыкал, как приглушённое радио. Тик молчал, он сидел на охапке поленьев и стягивал шерстяные носки. Глеб присел с ним рядом.

— Люди, — сказал Глеб. — Мне с вами хорошо… Так хорошо мне не было целую космическую вечность. Ей-богу… Но я же ещё мало про вас знаю. Люди, если я что-нибудь не так скажу или не то спрошу, вы не сердитесь. И не прогоняйте меня, ладно?

— Куда же на ночь-то… — снисходительно откликнулся Алька. — Ой! Простите, это меня нечаянно в язык ужалило.

Глеб засмеялся.

Яр пообещал:

— Кое-кто за свой язык сейчас отправится ночевать домой.

— Я больше не буду.

Игнатик вдруг сказал:

— А что такого? Я могу рассказать про ветерков. Они ко мне прилетали, когда я у манекенов сидел. Это ведь они мне рассказали, что Яр вернулся. И снежинки принесли пятиконечные. Они хорошие ребята, завтра сами увидите…

И вот теперь он признался:

— Яр… Я тебя вчера обманул.

— Что? Как обманул? — потерянно пробормотал Яр. — Значит, нет поляны с ветерками?

— Да нет, поляна есть… Я про другое обманул. Что не могу пройти через пространство…

— Значит… можешь?

Тик помотал головой, и блестящие слезинки слетели с ресниц.

— Не могу… Но я тогда ещё не знал, что не могу, ещё сам не понял, а сказал сразу.

— Тик… почему?

Он молчал и опять смотрел вбок. В сторону синей ложбины.

— Тик, ну ты чего… — очень-очень бережно, будто вывинчивая взрыватель, сказал Яр. — Тик, ну разве у человека не могут быть два сына?

— Да я понимаю… — прошептал Тик. — Я ведь поэтому и повёл к ветеркам.

— Тик, ты, наверно, не совсем понимаешь… Ты повёл, но… ты всё равно что-то думал, я знаю. Да?

Он прошептал ещё тише:

— Я думал, может, мне остаться с ними?

— С кем?

— С ветерками… У меня получится.

Яр в душе задохнулся от страха. "А ну-ка, ти-

хо, — сказал он себе. — Ну-ка, спокойно!"

— Игнатик, — всё с той же осторожностью начал он. — Ты где-то доверчивый, а где-то… просто досада берёт. Ты один раз уже не поверил мне и ушёл… И что получилось? Кому было хорошо?

Игнатик стоял с опущенной головой. Смотрел уже не в сторону, а вниз.

— Если бы ты знал… — с отчаянием сказал Яр и встал. — Если бы можно было передать, ч т о человек чувствует. Не словами, а так вот, из мозга в мозг. Чтобы ты понял, к а к мне было тогда ночью… Когда я увидел на столбике "Игнатик Яр"…

Тик поднял мокрые глаза.

— Ну ладно, Яр. Я же не уйду…

— Ага, это сейчас "не уйду"! А потом опять что-нибудь тебя взбрыкнёт…

— Нет, Яр. Теперь никогда.

Яр тяжело сопел и смотрел поверх деревьев.

— Ну, я глупый был, — пробормотал Игнатик.

— Свинья ты всё-таки, — сказал Яр. Взрыватель был вывинчен, и можно было отвести душу. — Нет, в самом деле, свинство какое…

Игнатик облапил красными варежками брезентовую штормовку Яра.

— Просто слов нет, какая морока с тобой, — сердито и беспомощно проговорил Яр. — И дёрнул

Игнатика за шерстяной шарик на синей вязаной шапке. — Придумал! "Уйду"!.. А я? А Данка, Алька, Чита? Подумал?

— Ага… Я про это и подумал, Яр, если отыщется твой сын, тогда ведь нас уже будет шестеро. А так ведь нельзя…

— Ох, как мне надоела эта идиотская математика! Почему, леший всё раздери, нельзя?

Тик виновато объяснил:

— Ну, будет же это… неустойчивый многоугольник.

Яр часто задышал.

— Ты что? — испугался Тик.

— Я считаю до ста. Чтобы сдержаться… Многоугольники, пятиугольники… Да главное, чтобы держаться крепко друг за друга! Ясно?.. И, кстати, нас уже и так шестеро. Куда от нас теперь денется Глеб?

Они оба посмотрели на Глеба. Он стоял в полусотне шагов. Стоял спиной, но часто оглядывался на Игнатика и Яра. Тик слабо улыбнулся и помахал ему варежкой. Глеб радостно замахал палками.

— Он хороший, — сказал Игнатик. Яр придвинул его к себе вплотную.

— А мой Юрка… — сказал Яр. — Он ведь сейчас,

наверно, такой же, как Глеб. Ну, разве что чуть помоложе… Тик, вы же с ним очень разные…

"И вам, таким разным, не пришлось бы ссориться и ревновать друг друга, если бы встретились. Нечего и бояться", — добавил он про себя.

Игнатик его понял. И недовольно ответил:

— Что хорошего, если разные? Наоборот… Был бы он мальчишка, другое дело. Одинаковым братьям легче договориться…

С ближнего склона мчались Алька, Чита и Данка.

— Ну что за копуши! — кричала Данка. — А ещё мужчины!..

2

Дальше они двигались вшестером.

Впереди встала густая рощица — смесь ёлок, берёзок и осин. Яр хотел обойти её, но Игнатик обогнал всех и въехал под заснеженные ветви. Минуты две лыжники пробирались среди трескучих сучьев и мохнатых зелёных лап, затем вышли на просеку.

— Ой… — негромко сказала Данка. — Это что?

Просеку наискось пересекали следы. Человеческие следы. Кто-то маленький, лёгкий, почти не проваливаясь, пробежал здесь по свежему снегу.

Босиком.

Просека полого уходила вниз по склону, солнце светило вдоль неё, и лучи накрывали снег неярким скользящим светом. Зато в следах солнце как бы застревало. Они ярко золотились на мерцающем снегу. Это было очень красиво. Но Данка передёрнула плечами и сказала:

— Они же поморозятся…

— Они холода не чувствуют, — насупленно ответил Игнатик. И попросил: — Пошли. Только без шума.

Лыжники пересекли просеку рядом со следами и опять оказались в чаще. Но почти сразу чаща поредела. И слышны стали голоса. Весёлые тонкие голоса, вскрики и смех. Как на школьном дворе во время перемены.

Ёлки расступились, и открылась овальная поляна.

На поляне бегали, догоняли друг друга, кувыркались и боролись десятка два одетых по-летнему мальчишек.

Яр передёрнул плечами. Было что-то резко тревожное, ненастоящее и даже пугающее в этом полёте растрёпанных ребячьих волос, в мельканьи смуглых ног и рук, взметающих гейзеры снега. Но мальчишки играли по-настоящему.

И сами они были настоящие. Снег мелкими капельками таял на их загорелой коже. И когда Яр издалека разглядел эти капельки, ему стало легче.

Младшим было лет восемь-девять, старшим где-то около тринадцати. Они оказались давно не стриженные и все очень загорелые — будто после смены в летнем лагере у моря. Многие бегали босиком. Приглядевшись, Яр заметил, что их майки, рубашки, матроски — выцветшие и залатанные. Но, если не приглядываться, мальчишечья компания казалась очень пёстрой и даже нарядной. Будто швырнули на снег охапку разноцветных ёлочных флажков и теперь их носит ветер.

Посреди поляны, провалившись тонкими ногами в снег почти по колено, стоял и швырялся снежками мальчишка ростом с Игнатика. А другие ребята кидали в него. Мальчишка смеялся, откидывая голову. Рубашка у него была жёлтая, и волосы — жёлтые, солнечные. Они горели на ярком свету. Снежки — совсем не липкие, сухие — не долетали до ребят, рассыпались в воздухе в мелкую сверкающую пыль. В клубах этой пыли и на жёлтом снегу метались тонкорукие синие тени…

И вдруг пыль осела, тени замерли, смех и го-

лоса стихли. Оказалось, что мальчишки стоят неподвижно. И смотрят на незваных лыжников.

— Стойте здесь, — быстро сказал спутникам Игнатик. Сильно толкнулся палками, оставил их в снегу, выехал вперед и замахал над головой красными варежками.

Мальчик с жёлтыми волосами улыбнулся.

— Это Тик, — сказал он негромко, но было хорошо слышно в холодной тишине. — Всё в порядке, ребята.

Он выдернул ноги из снега и, почти не касаясь его, побежал к Игнатику. И другие побежали. Обступили со смехом, снова поднялся шум. Яру показалось, что сейчас мальчишки подбросят Игнатика в воздух и станут качать, как победителя лыжной гонки. Но нет, они только смеялись и шумели. Потом чуть поутихли, и звонкий голос отчётливо сказал:

— А чего же! Конечно!

Из толпы высунулся щуплый темноволосый пацанёнок в синей майке — один из самых маленьких. Сложил рупором ладошки и крикнул тоненько:

— Вы чего там стоите? Идите к нам!

— Пошли, — решительно сказал Чита.

Мальчишки обступили гостей. Их любопытные

глаза напомнили Яру осеннее утро, когда он впервые пришёл учителем в Ореховскую школу номер семь. Ребята так же обступили, так же смотрели. Впрочем, не совсем так. У тех, у школьников, кроме любопытства мелькала порой и озабоченность: какой ты? Не злой ли? Не будешь ли обижать? А здесь все смотрели без недоверия. Кто весело, кто задумчиво, а кто чуточку хитровато.

Яр всё-таки сказал с неловкой улыбкой:

— Вы нас не бойтесь…

Те, кто стоял поближе, засмеялись. Не обидно, и всё же с ощущением превосходства. Так ребята смеются над взрослыми, когда те пытаются играть с ними в детскую игру и не умеют. Курчавый мальчик в клетчатой рубашке — пухлогубый и с очень синими глазами — снисходительно разъяснил:

— Чего же нам бояться? Если что, мы взлетели — и нет нас.

— Вы — ветерки? — в упор спросил Алька.

Они опять засмеялись. Мальчик с жёлтыми волосами сказал :

— А кто же ещё.

Худощавый, похожий на Читу паренёк (только без очков) обратился к Яру:

— Тик сказал, что вы его друзья. Значит, всё в

порядке… Хорошо, что пришли. Ребята иногда скучают по людям.

— Это наш командир, — весело сунулся к Яру темноволосый малыш в синей майке.— На этой поляне командир.

Данка сняла варежку и взяла малыша за поцарапанное плечо.

— Тебя как зовут?

Он улыбнулся большим щербатым ртом:

— Вовчик зовут… А иногда — Стручок. А тебя как?

Данка нагнулась к нему.

Чита спросил у Командира:

— Вы не станете возражать, если мы разожжём костёр?

— Нет, конечно. Мы и сами… — Он оглянулся на ветерков. — Эй, ребята! Давайте костёр!

Пока собирали сучья, пока вытаптывали площадку, пока Глеб устраивал вокруг неё сиденья из валежин, Яр думал об одном: "Это же просто мальчишки. Неужели они что-то могут? Неужели сумеют помочь?"

Потом он возразил себе:

"Игнатик — тоже мальчишка. А сколько он сумел в своё время!"

Он оглянулся на Игнатика. Тот не собирал

дрова. И ещё несколько ветерков не собирали — желтоволосый мальчишка, Командир, курчавый пацанёнок… Всего человек семь. Тесной кучкой они стояли на краю поляны. Не слухом, а скорее натянутыми нервами, Яр услышал обрывки их разговора.

— Это же не каждый сможет…

— Надо, чтобы смог и чтобы хотел…

— Я… — сказал желтоволосый.

— Ты, Денёк?

Желтоволосый Денёк опустил голову. И, видимо, опять сказал: "Да".

— Сперва-то хорошо, — проговорил Командир. — А когда пройдут двенадцать лет… Я знаю, я пробовал.

— Я понимаю, — сказал Денёк.— Но ведь всё равно кому-то надо…

Игнатик недоверчиво спросил:

— А разве так может быть?

— Если очень постараться… Только не у каждого получается, — вздохнул курчавый. — Я вот никак не могу. А Денёк может…

Тик незнакомым голосом сказал:

— Это было бы такое… Нет, даже не верится.

— А сам-то… — улыбнулся Денёк.

— Но я же не сквозь время…

— Это не самое трудное. Самое трудное — расставаться, — сказал Командир.

— Но ведь надо, — отозвался Денёк.

Кажется, Игнатик сказал:

— Очень надо…

Денёк пожал плечами:

— Тогда что говорить? Я могу. Пожалуйста…

Шумящая толпа заслонила Игнатика и тех, с кем он говорил. Мальчишки тащили охапки хвороста. Яр поймал себя на том, что ветерки в своих легких рубашонках и майках уже не кажутся странными, не вызывают беспокойства. Будто всё так и надо, будто здесь летняя лужайка. Странно и неуклюже выглядели Данка, Алька и Чита в своих тёплых куртках и вязаных шапках. Впрочем, Алькина зелёная шапка уже мелькала на ком-то из ветерков, а куртка на Альке была распахнута…

Яр увидел, как Вовчик-Стручок подбежал к Данке. Он протянул ей стебелёк с красными бусинками брусники.

— На! Это я под снегом раскопал!

— Ой, спасибо, Вовчик…

— Ага… Я тебе ещё найду!

3

Все сидели у костра. На солнце огонь казался густо-оранжевым и неярким. Он с хрустом пережёвывал сучья. И ветерки притихли, как притихают все на свете мальчишки у всех на свете костров. Стручок сидел на коленях у Данки и что-то шептал ей в ухо, под шапку. Она быстро кивала.

Игнатик сзади подошёл к Яру. Положил ему на плечи варежки, тихо проговорил:

— Ты ни о чём не тревожься, я им всё рассказал. Они обещали сделать всё, что можно.

— Да. Я уже понял, Тик.

— Всё-всё, что можно, — повторил Игнатик.

— Спасибо, Тик. — Яр взял его руки и сложил их у себя на груди, как концы воротника. Игнатик постоял так, потом тепло сказал Яру в ухо:

— Они надёжные, они меня уже не раз выручали… Яр, я пойду посижу с ними, а то недолго осталось.

Тревога Яра утихла. Мысли о Юрке стали спокойными, он верил теперь, что ветерки помогут. А может быть, просто пришла усталость…

Глеб сидел между Читой и Командиром, они о чём-то тихо говорили. Огонь стал спокойнее,

негромко потрескивал, и с этими звуками смешивался ещё один треск: крепкие ребячьи зубы хрустели кусками колотого сахара. Это Алька распотрошил рюкзак с продуктами и всем раздал угощение. Алька знал, конечно, что не нужна ветеркам никакая еда, но догадался: сладкое ветерки всё равно любят. Что они, не мальчишки, что ли?

Рядом с Яром присел на жерди тонколицый светло-русый мальчик в оранжевой майке и вытертых джинсовых шортиках, разлохмаченных по нижней кромке. Поднял серые знакомые глаза, сказал неловко:

— А я вас помню…

И Яр мгновенно вспомнил. И обрадовался:

— В поезде! Да?

Мальчик быстро кивнул:

— Ага. Вот…— он положил Яру на колени коричневую руку. На ней пониже острого локтя был тёмный рубец.

— Помните, вы порохом присыпали, чтобы скорее зажило? И правда, быстро зажило, только порох въелся под кожу.

Яр коротко вздохнул от горячего толчка ласковости к этому одинокому и беззащитному на вид пацанёнку. Распахнул куртку, придвинул маль-

чика к себе, накрыл его плечи косматой полой. И тот сразу доверчиво прижался к Яру.

Помолчал немного, глянул на Яра, подняв острый подбородок, спросил полушёпотом:

— Значит, нашли того мальчика, за которым ехали?

— Нашёл…

— Я посижу тут немножко с вами, ладно?

Яр прижал его ещё плотнее. Он ощутил сквозь рубашку его тепло, гибкую твёрдость мальчишечьих рёбер, а за ними частое и упругое биение сердца.

"Они же настоящие! — ахнул про себя Яр. — Они живые, как мы! В точности! Как они могут исчезнуть, улететь?"

Мальчик пошевелился и опять посмотрел на Яра. Может быть, ему хотелось поговорить, но он не знал, о чём? Яр сказал осторожно и ласково:

— Значит, вы собираетесь вместе не только под Новый год? Тогда, летом, ты тоже спешил с кем-то встретиться…

— Конечно! — охотно откликнулся мальчик. — Тогда был большой летний сбор ветерков. Мы хотели договориться, как остановить тучу, если снова будет нашествие…

— Договорились? — быстро спросил Яр.

— У нас не хватает сил. Даже если мы все-все соберёмся, мы не можем остановить никакое облако… А большие ветры нас не слушают, им всё равно. Они ведь никогда не были людьми…

"Значит, всё это сказки, что ветерки могут соединяться в ураган", — печально подумал Яр. И, чтобы грустью не задеть мальчика, заговорил о другом:

— А весной и осенью у вас бывают сборы?

— Да. Тоже большие. И маленькие сборы бывают, когда мы тоже… превращаемся в людей. Но это не надолго…

— А когда вы… когда ветерки, то как живёте?

Он улыбнулся — и озорно, и с грустинкой:

— Ну, как… Летаем. Листьями шелестим, форточками хлопаем, балуемся… Иногда змеи воздушные помогаем ребятам запускать или кораблики гоняем по лужам, это ведь тоже работа… А я могу хоть каждый день в человека превращаться, только не на много времени, минутки на две… Многие могут.

— И превращаются? — нерешительно спросил Яр.

— Не часто. Потому что какой толк? Побегаешь две минуты, поиграешь, а потом опять лети…

— А много вас, ветерков, на свете?

— Наверно… Нас же никто не считал, — засмеялся мальчик. — По лесам, по морским берегам, в полях…

— И в Пустом Городе. Да? — сказал Яр.

— Да. Там больше всего тех, кто стал ветерками после восстания…

— А ты? Я думал, ты тоже… после…

— И я, — кивнул мальчик. — И Денёк. И Косматик… ну, тот, курчавый. Только нам в лесу больше нравится, чем в городе. Но мы туда часто летаем. Кино смотрим и просто так…

"Кем же ты был, малыш, до восстания? Как жил? Кто твои отец и мать, помнишь ли их? — думал Яр. — Спросить бы про это… И про само восстание. Что же там было?" Но он не посмел. Только сказал, будто был в чём-то виноват:

— Жаль, что мы не можем встречаться почаще… Но мы ещё, наверно, встретимся, да?

Мальчик опять зашевелился под курткой. Прошептал:

— Наверно. А вы хотите?

— Ещё бы…

— Я тоже… А сейчас уже недолго осталось. Часы подходят.

— Какие часы?

— Солнечные… Хотите посмотреть? — Он вдруг

вскочил (и куртка разлетелась). Взял Яра за руку маленькими горячими пальцами. — Пойдёмте.

Он повёл Яра от костра на дальний край поляны. Здесь сохранился незатоптанный участок снега — размером с большой ковёр. В центре его была воткнута сосновая жердь (к ней не вело ни единого следа). Вокруг жерди кто-то начертил широкое кольцо и разделил его двенадцатью короткими линиями.

К самой большой черте (она смотрела прямо на север) подбиралась тонкая фиолетовая тень.

"Ещё минут десять", — подумал Яр.

— Как коснётся — всё. Полетим, — тихо сказал мальчик. — Ничего не поделаешь...

В этом "ничего не поделаешь" была привычно сжатая печаль и в то же время как бы желание утешить — и себя, и Яра. Яр даже зажмурился от резкого ощущения вины перед этим мальчишкой. А в чём он был виноват? И что он мог сделать для ветерков? Он опять ощутил себя заброшенным новичком на Планете, где были чужие законы и непонятные силы.

Надо было что-то сказать мальчику, и Яр проговорил скомканно и неуверенно:

— Но, когда вы летаете ветерками, вы же, наверно, по-прежнему вместе?

— Когда вместе, а когда поодиночке. Это всё равно не так, как здесь, на поляне, — отозвался мальчик неохотно. — Здесь-то мы совсем живые, а там…

Он замолчал, и они пошли по краю поляны. Мальчик еле касался снега стоптанными полуботинками. Всё-таки и сейчас он был в чём-то ветерок.

У разлапистой ёлочки стояли Глеб и Командир. Яр остановился: не знал, подойти или свернуть. И, пока думал, невольно услышал разговор.

— Извините меня, — очень серьёзно говорил Глеб. — Извините заранее. Сейчас я задам вам вопрос, который, может быть, вас опечалит или обидит. Но у меня такая профессия, приходится задавать людям вопросы и всегда — о главном…

— Я вас слушаю, — сказал босой Командир и наклонил набок голову.

— Скажите, вам никогда не хотелось вернуться? Стать обыкновенными? Как все ребята…

Мальчик-командир с полминуты молчал. Вскинул лицо, посмотрел мимо Глеба.

— Какой смысл в таком вопросе? Всё равно это невозможно.

— Я понимаю. И всё-таки?

Командир проговорил коротко и сухо:

— Не знаю. Кто как. Я бы не хотел.

— А почему?

Он свёл брови, потом усмехнулся:

— А зачем? Мы живем вечно, нет для нас ни расстояний, ни времени. Ничего не надо бояться. И свобода…

— Да, конечно… — пробормотал Глеб. И ещё раз сказал: — Извините.

— Ничего, Стрелок. Вы спросили — я ответил.

Глеб кивнул ему, зашагал к костру и увидел Яра. Подошёл. Неловко проговорил:

— Кажется, я всё-таки обидел его…

— Нет, — сказал мальчик в оранжевой майке, — он не обиделся. Но он соврал.

— Соврал? — быстро спросил Глеб.

— Конечно. Всем хочется быть настоящими. Иногда так хочется, что просто слёзы…

— Значит, и ветерки плачут, — вздохнул Яр.

— Бывает, — сказал мальчик.

— И командир? — спросил Яр.

— Бывает, — сказал мальчик. — Хотя он очень смелый.

Яр подавил нерешительность и задал ещё вопрос:

— А он тоже был с вами, когда восстание?

— Нет. Он был юнгой на "Атлете". "Атлет" взо-

рвался у Стеклянных скал… А знаете, он ведь правильно сказал…

— Что правильно? — не понял Глеб.

— Если бы мы вернулись… Ну вдруг такое чудо! А что дальше? У нас ни дома, ни родных. Кому мы нужны?

Яр хотел возразить живо и горячо, но тут же испугался: "Надо ли?" А в следующую секунду подошёл Командир. Теперь он улыбался. Сказал Глебу и Яру:

— Вы извините, но вам пора. Пять минут осталось, а нам ещё надо костёр погасить. А то, если полетим, погасить уже не сможем, только раздуем до пожара… Вы идите.

— Мы вам поможем, — сказал Яр.

Командир засмеялся:

— Вы уж идите. С вами Данка. Вы же знаете, как мальчишки гасят костры…

Тогда засмеялись все. Чтобы показать, что не так уж грустно.

Денёк на прощанье что-то быстро сказал Игнатику. Стручок повис у Данки на шее, потом отскочил и отвернулся. Все ветерки быстро замахали уходящим лыжникам. Только мальчик в оранжевой майке сказал Яру:

— Я вас провожу.

Впереди всех он пробрался через окружавшие поляну заросли. Потом — поцарапанный, с мелкими веточками в волосах — пошёл рядом с Яром. Ничуть не проваливаясь в снег. Тихонько попросил:

— Вы не обижайтесь на меня, ладно?

— Господи, за что? — выдохнул Яр.

— Я же понимаю. Вам надо было узнать про восстание. А я молчал.

— Ну и правильно молчал, раз не хотел про это…

— Я не потому, что не хотел. Просто я почти ничего не помню… Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели. Падали в пыль, будто орехи. Так обидно…

— Это я знаю, — сказал Яр.

— Хорошо, что ударил барабан. Барабан их остановил. Но огонь-то не остановишь…

Он замолчал, и все молчали. Только лыжи скрипели…

— Но никто не боялся, — вдруг проговорил мальчик. Негромко, но звонко: — Никто. Даже те, кто не успели…

— Что не успели? — встревоженно спросил Яр.

Но мальчик вдруг отскочил, коротко улыбнул-

ся, вскинул руку и пропал. Сразу. Как в кино, когда на экране тот же кадр, а человека в нём уже нет. Лишь по лыжному следу назад к зарослям убежал чуть заметный снежный вихорёк…

Они долго смотрели вслед вихорьку.

— С ума сойти, какой же я был идиот, — со стоном проговорил Глеб.

Никто не стал утешать его, хотя никто и не понял: за что он так себя?

Яр виновато сказал:

— Даже имя спросить не успел…

Чита быстро подъехал к Данке:

— Ты что?

— Ничего… — Она отвернулась. — А я успела одно имя спросить. Помните, маленький такой?

— Ещё бы. Он на тебе висел, — ревниво заметил Алька. — Ну, ты чего, Игнат? Я же так просто…

Игнатик подъехал к Яру.

— Денёк сказал, что пробьётся. Теперь надо ждать.

— Будем ждать, Тик… — Яр сильно упёрся палками и вскинул голову: — Пора домой, братцы-путешественники! В четыре часа ёлка… Глеб. а что если мы поручим тебе роль Деда Мороза?

ОСЕНЬ В СТАРОГОРСКЕ

Осень была очень похожа на позднее лето. Лишь больше стало в воздухе пушистых семян белоцвета, напоминающих летучих паучков. Да чаще слетали с клёнов ярко-жёлтые листья.

И ещё один признак был — кончились каникулы.

Только первого сентября Гелька узнал, что они с Янкой будут учиться в разных классах. Гелька в пятом, а Янка в шестом.

Янка сказал немножко виновато:

— Мне ведь почти двенадцать. Только ростом я такой, не очень...

— Значит, Юрка с тобой учился бы... — вдруг сказал Гелька. То есть не вдруг. Про Юрку они с Янкой думали постоянно. Только говорили о нём не часто, будто молчаливо условились не будить лишний раз тревогу. Но теперь Гелька сказал, не выдержал. И в простых его словах смещалось множество вопросов: "Где он? Что с ним? Куда привела рельсовая дорога? Нашёл ли? Вернётся ли? Когда?"

Янка сказал:

— Ничего. Он же не один...

— Сегодня директорша про него спрашивала, — насупленно проговорил Гелька. — "Не знаешь, куда подевался Юра?" Я говорю: "Кажется, в Нейск уехал..." — "Почему же не взял документы?" Я говорю: "Не знаю..." А что ещё сказать?

— Будет заваруха, — озабоченно сказал Янка.

Но несколько дней прошли спокойно. По крайней мере, Гельку и Янку вопросами никто не тревожил.

...Из школы они ходили мимо детской поликлиники, вдоль старой стены, где в нишах прятались заросшие лавочки. И каждый раз молча вспоминали, как летом познакомились здесь. Как Янка попал в засаду. Но не говорили про это. Янка молча улыбался. Гелька сердито поддавал коленками тяжёлый портфель с бронзовой ящеркой на крышке. Ящерка — это был такой значок, длиной со спичку. Однажды Гелька расцарапал им ногу, снял с крышки и прицепил под воротник.

— Зачем прячешь-то? — удивился Янка. — Носил бы на рубашке.

— Да ну, на рубашке... Скажут: как девчоночья брошка.

— Ничего не девчоночья, просто значок... Хорошая какая ящерка. Как живая... Откуда она у тебя?

— Я разве не рассказывал? Папа её в лесу нашёл, в траве, недалеко от скважины. Спрашивал там: чья, кто потерял? Говорят: не знаем. Ну вот он мне и привёз… Смотри, Янка, друзья-приятели топают!

Впереди, шагах в тридцати, шли Васька и Алёшка Листов. Гелька звал про себя Алёшку "Огонёк", но другие звали его "Листик". Алёшка был в новенькой зелёной форме второклассника. Васька блестел на солнце.

— Во, прогульщики, — обрадованно сказал Гелька.

— Почему? — возразил Янка. — Может быть, как мы…

У Гельки почему-то отменили урок географии, а Янку отпустили с физкультуры, потому что у него на шведской стенке вдруг закружилась голова.

— Нет, у них сейчас математика, я знаю… Эй. Ог… Листик! Васька! А ну, стоп! Лодыря гоняем, да?

Алёшка обернулся, а Васька замер. Потом, не шевельнув туловищем, Васька развернул на сто восемьдесят градусов квадратную голову (тихонько заскрипела ребристая шея). Резиновые губы растянулись в улыбке, коротенькая макушечная антенна весело изогнулась. Но тут же

Васька насупился и сказал:

— А чё… Она сама…

— Нас прогнали, — деловито сообщил Листик. — Вернее, его. А меня заодно…

— Как это вы достукались? — весело удивился Янка.

Листик бросил на Ваську косой взгляд:

— Да ну его… Сам виноват. Всё время подсказывает на уроке…

— Да?! А если они сосчитать не могут! — взвинтился Васька. Затанцевал на тонких дюралевых ногах и привёл голову и туловище в нормальное положение. — Такие задачки смехотворные, а они…

— Не у всех ведь мозги электронные, — сказал Гелька. — Ты, Василий, смотри. Будешь своими способностями хвастаться, тебя ребята выскочкой задразнят.

— Ребята ничего не говорят, они только рады. Это Настюшка придирается… Настасья Фёдоровна. Она меня терпеть не может.

— Ну уж… — осторожно не поверил Гелька.

— Да! Она вчера меня стукнула…

— Как это? — изумился Янка.

— Вот так! Пластмассовым треугольником.— Васька потёр сзади нижнюю часть выпуклой

ферропластовой канистры, из которой было сделано его туловище.

— Тебе же не больно. Вон какая броня, — утешил Гелька.

— Да?! — Васька сверкнул фиолетовыми фотоглазами. — Если железный, думаешь, не обидно?

Гелька и Янка вопросительно глянули на Листика.

Тот неловко объяснил:

— Она у нас ещё молоденькая, только из института. Сама ещё как девчонка…

— Всё равно это свинство, — сурово сказал Янка.

Листик смутился. Настасья Фёдоровна, видимо, ему нравилась. Листик наклонился и стал поправлять шнурки на кроссовках. Не разгибаясь, напомнил Ваське:

— Она же сразу извинилась.

— Ха! Извинилась! А потом опять придирается: "Почему ты голый в школу являешься?" Я говорю: "Я же робот, у меня и так шкура прочная". А она: "Не робот ты, а обыкновенный хулиган. И нечего приходить в школу без штанов!"

— Правда, придирается, — заметил Янка.

— Я ему свой матросский костюм дам, — примирительно сказал Листик.

Гелька представил роботёнка Ваську в матросском костюмчике — большелапого, с квадратной головой, с ногами-трубками — и зажал улыбку. Серьёзно сказал:

— Лучше комбинезон какой-нибудь. Я у себя поищу.

— В такую-то жару! — капризно отозвался Васька.

— Тебе какая разница? — удивился Гелька.

— Да, разница. Я терморецепторы в себя вставил. — Васька резиновой перчаткой хлопнул но блестящему животу с выпуклым клеймом "Промнефтегаз".

— Опять на свалку таскался за деталями, — строго сказал Гелька.

— Я ему на детали деньги давал, он их в "Юном конструкторе" купил, — заступился Листик.

— Но на свалку наш Васенька всё равно таскался, — проницательно заметил Гелька.

— Его там ржавые бабки приваживают, — сказал Янка.

— Не бабки! — огрызнулся Васька. — Я хотел посмотреть, где папа Ерёма жил.

— Папа Ерёма жил в "Курятнике", — сухо напомнил Гелька.

— "Курятник" же разломали! А сперва он жил

на свалке… пока с бабками не поругался. Они его теперь вспоминают и жалеют… А вы тоже на свалку ходили, я знаю!

Гелька и Янка быстро переглянулись.

— Мы — по делу, — сурово сказал Гелька. — А тебе туда соваться нечего. И нечего спорить, когда старшие говорят…

— Подумаешь! — роботёнок дерзко мотнул антенной.

— Ничего не "подумаешь", — поддержал Гельку Янка. — Ты, Васька, не вредничай, мы тебе всё равно что родственники. Мы из-за тебя пальцы кололи. У меня потом два дня болел, я играть не мог.

— Я тоже колол, — напомнил Алёшка Листик.

— И Листика слушайся, — дипломатично сказал Гелька. — А то у него будут неприятности в школе.

— Уже, — вздохнул Листик.

Васька засопел носом, сделанным из рожка от чайника, и сказал:

— Все на одного. Воспитатели…

Васька жил у Листика.

— Пошли, — сказал Листик. — Попрошу бабушку подогнать на тебя костюм.

Васька был маленький — Алёшке по плечо.

Глядя им вслед, Янка усмехнулся:

— А мы правда как воспитатели.

Гелька кивнул:

— Ага… Пока Васьки не было, никогда не думал, что могу такие речи говорить. Про послушание… Как тётя Вика!

— А всё-таки он ничего роботёнок, — сказал Янка. — Хорошего парнишку мы склепали.

— "Мы", — засмеялся Гелька. — Если бы не твой дедушка…

— Ну, я и говорю, мы все: дедушка, ты, я, Листик…

— Я думал, твой дедушка только скрипичный мастер, а он на все руки…

— Да не так уж и трудно было. По готовым-то чертежам… И главное — все материалы на месте оказались!

— Вот это — самое большое чудо… — вздохнул Гелька.

— Что — чудо?

— Что вагон оказался на месте. Приходим, а он будто никуда не уезжал. Даже колёса к рельсам, как раньше, приржавелые…

Янка задумчиво сказал:

— Я бы, наверно, решил, что всё приснилось, если бы не вторая куртка. Одна на мне, а другая

— в вагоне на гвоздике. Будто не снимали. Я даже испугался. Помнишь?

— Нет, я не помню, что ты испугался. У меня у самого тогда мозги набок… Но я обрадовался. Думаю: вот хорошо, что Ерёмины чертежи теперь в двух экземплярах.

Янка тихо улыбнулся:

— И дневник Глеба. Как будто нам подарок: и тебе, и мне — пожалуйста… Гелька, ты все листы прочитал?

— Конечно. Не один раз…

— Я тоже. А стихи даже наизусть помню… Гелька, а ты говорил, что он стихов не писал…

— Я же тогда не знал ещё… Да это и не его стихи, Янка. Он же просто вспоминает старую песню.

— Не вспоминает, а придумывает. Ты прочитай внимательно.

— Я внимательно…

— Ну, ещё раз. Давай я тебе покажу.

— У меня же его дневник не с собой…

— У меня с собой. Пожалуйста! — Янка вытащил из сумки пачку потрёпанных листов. — Давай сядем… — Он продрался сквозь дикий укроп к лавочке в кирпичной нише. Гелька за ним.

В укропе прятался похожий на колючие рыбьи плавники зуболист. Гелька чертыхнулся и

вскинул ноги на скамью. Янка тоже. Теперь они сидели друг к другу лицом, прислоняясь лопатками к боковым стенкам ниши. Ниша была узкая, сидеть пришлось в такой тесноте, что Гелька увидел у своего носа Янкино коричневое колено с розовыми проплешинками на месте отвалившихся коросточек. На колено упал откуда-то красный жук-пожарник. На его спинке чернел узор, похожий на человечье лицо. Вернее, на маску. Гелька сердито сдул жука, он вспомнил неподвижную маску Клоуна.

"Геля Травушкин, подари искорку..."

Янка вдруг сказал с улыбкой:

— Мы тут похожи на двух заговорщиков...

— Ага... Или на узников, которых сейчас замуруют в стене, — хмуро сказал Гелька. Кирпичи были прохладные, и он передёрнул плечами.

Янка серьёзно возразил:

— Мы не дадимся.

— Янка... А если Клоун всё ещё охотится? Если отберёт у Васьки искорку?

— Как же отберёт? Он не может без согласия.

— Ну, выманит.

— У Васьки-то? Васька не дурак.

— Да, пожалуй, — согласился Гелька.

Васька в самом деле был не дурак. За две недели

жизни он прочитал кучу книжек и все учебники для первого класса. Выучил английский язык и физику по программе радиотехникума. Недаром директорша Клара Егоровна разрешила ему ходить сразу во второй класс. Но по натуре он оказался не слишком воспитанным и к тому же чересчур самостоятельным для своего возраста. Было в нём что-то от папы Ерёмы в молодости.

"Но это и хорошо. Искорку он не отдаст", — подумал Гелька. И сказал Янке:

— Я вот что придумал: надо найти ту барабанную палочку, от которой развалился Гребец. Наверно, она там и лежит в кустах. Пускай Васька носит её с собой.

— Найдём, конечно, — согласился Янка. — Сейчас и сходим. Только сперва я тебе прочитаю Глеба... Вот слушай.

Глеб писал:

"...А больше всего я люблю вспоминать летний поход после четвёртого класса. Даже не сам поход, а привал на поляне в берёзовом лесу. Были уже сумерки, и стволы в них светились, как обмазанные фосфором.

Я помню круг брезентовых палаток, а в центре круга трескучий костёрчик. И песню, которая появилась неизвестно откуда. Хорошая такая,

немного печальная песня. Мотив я хорошо запомнил, навсегда, а слова — еле-еле. Только несколько строчек. Но не хочется мне, чтобы песня исчезла из памяти, и вот я понемногу придумал свои слова..."

Янка прочитал это негромко и раздельно. Глянул из-за листа на Гельку. Гелька виновато сказал:

— Да... А я как-то не обратил внимания. Думал, просто песня... А правда, хорошая?

Янка кивнул. И зашевелил губами. Он читал еле слышно, для себя, но в Гельке слова песни всё равно отдавались со звоном. Он знал их наизусть:

Звёздной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На будёновке серой —
Голубая звезда.
Голубые петлицы —
В них клинки скрещены.
Рвется синяя птица
В небо гневной войны.

Верный конь меня знает —
Не уронит с седла.

Жаль, что шашка стальная
Мне пока тяжела.
Но нагану я верю —
Не изменит в огне.
...Барабан в револьвере.
Барабан на коне...

Наши парни хохочут —
Блеск по белым зубам:
"Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде.
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей..."

Янка перестал двигать губами, и Гелька понял, что он думает о барабанщике Юрке. Гелька сказал:

— Сегодня полезем на крышу? Вдруг будет сигнал...

Янка облизнул губы и как-то жалобно шевельнул бровями. Промолчал.

— Янка...

— А? — будто очнулся он. — Полезем, конеч-

но…

— Янка… А что такое будёновка?

— Шапка такая военная…

— Я знаю, что шапка. А какая?

— Ну, вроде старинного шлема. Глеб же рассказывал… Не помнишь разве?

"Не помню, — вздохнул про себя Гелька. — Это, наверно, без меня. Когда я обиделся и ушёл…"

Янка понял. Он торопливо сказал:

— Сейчас нарисую.

Он зашарил по нагрудным карманам. На разноцветных форменных рубашках — жёлтой у Янки и сиреневой у Гельки — карманы делились продольными швами на узкие чехольчики. Как газыри на старинных черкесках. Это была новая школьная мода. В трубчатые футлярчики удобно было совать карандашики, ручки, круглые микрокалькуляторы. А также палочки-леденцы в блестящих фантиках и стеклянные трубочки для стрельбы сухими ягодами… Янка нащупал синий фломастер, пристроил на коленях пачку бумаги и на обороте печатного листа сделал быстрый рисунок. Показал Гельке. На картинке была остроконечная шапка с козырьком и длинными ушами. С большой звездой, затушёванной синими штрихами.

— Ну, я так и думал, — сказал Гелька. — Я вспомнил…

Дома Гелька взял с полки растрёпанные листы с записями Глеба,. Устроился на подоконнике и снова прочитал про поход и про костёр на привале. А потом и песню. Это была даже не песня, а целая поэма или баллада. Конечно, Глеб сочинил её длиннее той, что пели у костра.

…Наши парни хохочут
Блеск по белым зубам:
"Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде.
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей".

Усмехаются парни,
И слова их верны:
Гулкий топот конармии
Пульс гражданской войны.
Только мне после боя,
У ночного костра.

Снится небо иное
И другая пора:

Дремлет летнее поле.
Тонко птица звенит.
Позабыты все боли.
Чист и ясен зенит.
В этом ясном затишье
Ласков солнечный свет.
…И выходят мальчишки.
Вдаль идут по траве.

Над лугами, над лесом
Тишина, тишина.
Лишь из песен известно.
Что бывала война.
От невзгод отгороженно
Можно жить не спеша.
…Почему же тревожен
Их мальчишечий шаг?

Что подняло их рано?
Чей далёкий призыв?
Может, в их барабанах

Эхо дальней грозы?
Пальцы палочки сжали,
Как сжимают наган.
Травы бьют по изжаленным
Загорелым ногам...

Вам никто не расскажет.
Что разбило их сон.
Эти мальчики стража
На границах времен.
Они струнками-нервами
Чуют зло тишины:
"Нет, ребята, не верим мы
В слишком тихие сны.

Что-то стали на свете
Дни беспечно легки.
На уснувшей планете
Прорастут сорняки.
Чья-то совесть задремлет.
Чья-то злоба взойдёт,
И засохнут деревья,
И моря сдавит лёд..."

Солнце плечи им трогает,
Ветер спутал вихры.
И, быть может, тревога их —
Что-то вроде игры.
Но скользит тёмным крылышком
Тень по сжатым губам.
...Я вот этим мальчишкам
Свой отдам барабан...

"Это будто про Юрку, — уже не первый раз подумал Гелька. — Это Глеб уже, наверно, здесь написал, в Старогорске..."

За окном, в траве под берёзами, скандалили воробьи. На них сипло и лениво гавкал от своей будки Дуплекс. Листья берёз золотились от осени и от солнца. Сквозь листья — на подоконник, на Гельку, на бумагу — падали тонкие лучи. Янка, если бы захотел, смог бы сыграть на них, как на струнах, "Осеннюю песню"... Нет, не осеннюю. Пусть придумает музыку к этой, про Юрку!

Гелька ещё раз перечитал последние строчки. Между ними проступали бледно-голубые линии. Гелька перевернул лист. На обороте был рисунок будёновки.

Гелька сжал губы, обхватил себя за покрытый

колючими волосками затылок и минуты две сидел неподвижно. Потом выдернул из кармашка тонкий фломастер и написал на краю листа:

Янка

— Ну и что? — сказал Янка, словно успокаивая Гельку. — Это и понятно. Если разобраться, это же один и тот же лист. Только… только как бы в двойном существовании…

Гелька всё ещё загнанно дышал от стремительного бега. Они сидели у Янки, на пустой веранде с разноцветными стеклами. На некрашеных половицах перед ними лежали два совершенно одинаковых листа из дневника Глеба. На изнанке листов было два абсолютно одинаковых рисунка: синяя будёновка с большой звездой. И две одинаковых надписи: "Янка"…

— У них природа совершенно одна и та же. Это фактически один лист, — снова сказал Янка.

— Всё-таки непонятно, — вздохнул Гелька.

— Ну и что? — откликнулся Янка. — Разве мало случалось непонятного с той поры, как мы познакомились? А искорка — это понятно?

Гелька не ответил. А что отвечать, Янка правильно говорил.

— На свете вообще столько непонятного, — про-

должал Янка. — Что такое музыка — это понятно? А электричество? Учёные до сих пор не знают, что это такое. А люди пользуются им давным-давно. А если бы люди боялись непонятного, что было бы на свете?

— Иногда боятся, — сумрачно сказал Гелька. — Скважину вот закрыли. Папа целый месяц в столице живёт, всё добивается, чтобы разрешили исследование, а толку никакого.

— А почему?

— Не разрешают, и всё. Говорят, есть решение… — Гелька нудным голосом будто прочитал: — "Ввиду неясности результатов и возможности проявления непредвиденных последствий бурение сверхглубокой скважины приостановить на срок, необходимый для разработки новой программы и теории "Два Ц"…"

— А что за теория?

— Толком никто не знает… И какой срок, никто не знает. Наверно, не маленький, если вход зацементировали…

— Гелька, а что в этой скважине обнаружили? Ты ничего толкового так и не рассказывал.

— А я ничего толкового и не знаю… Бур не пошёл, будто в броню упёрся. Спустили микроробота с телеглазом, а он показывает на экране

звёзды…

— Будто землю насквозь прокопали и небо увидели?

— Да нет. Небо-то увидели то самое, которое у них над головами. Те же созвездия. Дело было ночью… А потом всё погасло и робот не вернулся. Послали ещё одного, а на экране что-то непонятное…

— Что?

— Папа не стал говорить… Янка, у них же есть правило: пока открытие не выяснилось, это секрет… Да и вообще папа приехал какой-то хмурый. На себя не похожий…

— Может, эта скважина — прямой тоннель в другие галактики, — сказал Янка. — Или в другие пространства…

— Как те рельсы…

Янка кивнул. И они долго молчали, думая про Юрку и Глеба, которые ушли за стрелку таинственного рельсового пути. Гелька прислонился к стенке и положил один листок с будёновкой себе на колени. Смотрел на рисунок.

— Нам теперь и телефона не надо, — улыбнулся Янка. — Можем на этих листах переписываться — самая быстрая и тайная связь.

— Ага… А то тётушка вечно локаторы настора-

живает, когда я по телефону говорю…

Дома Гелька сразу попробовал новый вид связи. Написал:

"Янка, приходи, как договорились. В 21.00".

И под этой строчкой невидимый красный фломастер вывел :

"Ладно".

Гельке показалось, что слово неуверенно дрогнуло.

"Янка, может быть, ты не хочешь?"

"Я хочу. Только…"

"Что?"

"…Ты не смейся, я сейчас объясню".

"Я не буду смеяться!" — торпливо написал Гелька и очень встревожился.

"Я почему-то стал бояться высоты. В прошлый раз полезли на крышу, и я весь обмер. А сегодня на шведской стенке опять".

"Янка! Тогда не надо!"

"Нет, я приду. Это надо перебороть".

"Янка, а ты не заболел? Я, когда лежал с вирусом 7-ж, всё видел во сне, что лезу на колокольню Капитанской церкви, а потом падаю, падаю. Тоже было страшно".

"Нет, Гелька, тут что-то другое. Ты не бойся, я приду"…

Янка поднялся на крышу быстро, без остановки, но там сразу сел у кожуха энергосборника и прижался к нему поплотнее. Неловко сказал:

— Что же со мной такое? Сроду не боялся… В Приморске на такие скалы лазил…

— Может, пройдёт… — утешил Гелька.

— Может быть… А если не пройдёт, я всё равно себя переборю… Открывай зонт…

…Почти каждый вечер они забирались на Гелькину крышу и раскрывали зонт, оклеенный изнутри шелестящей фольгой. Это был маленький самодельный локатор. Провод шёл от него к микроприёмнику "Турист", подключённому к двум парам наушников. Локатор шарил по звёздам и горизонту. В наушниках трещало и попискивало, иногда пробивались обрывки передач. А Гелька и Янка ждали: не проклюнется ли какой-нибудь сигнал от Юрки и Глеба. Слова какие-нибудь или песенка знакомая…

Ни о каких сигналах они с Юркой и Глебом не договаривались. Как их можно послать, никто не знал. Но пока зонтик-локатор выхватывал из эфира непонятные звуки, была хоть какая-то надежда.

Очень крошечная, но всё-таки надежда…

Вот и сейчас Гелька медленно водил по небу

ручкой зонта, на котором тонким штыком торчала антенна. Янка, уже отдышавшийся от страха, наугад крутил ручку настройки. Вякала в наушниках музыка, перемешивались разные языки, потом наступала шелестящая космическая тишина…

Наконец Гелька отложил зонт, снял наушники. Посмотрел вверх.

Сентябрьскийпоздний вечер был чёрным, звёзды в зените казались громадными и раскидывали голубые лучи.

— Янка, а почему Глеб написал, что на будёновке голубая звезда? Звёзды же всегда были красные.

— Конечно, красные. Они были блестящие такие, эмалевые. А под них нашивались ещё звёзды — большие, их из сукна вырезали. У каждого рода войск — звезда своего цвета. У пехоты — малиновая, у артиллерии — чёрная, у конников — голубая… Конники в те времена были самой быстрой армией.

— Я два года назад ездил в лагерь "Ласточка", там жили две лошади. Одна настоящая и одна робот. Мы на них катались, только не быстро, конечно…

Янка улыбнулся в темноте:

— Может, нам на Ваське покататься?

— На нём покатаешься. Так лягнёт, что не захочешь… Интересно, почему они с Листиком не пришли? Раньше каждый вечер прибегали…

— Может, костюм Ваське перешивают…

— Или обоих дома засадили за школьные приключения.

Янка сказал:

— Васька вчера опять у меня выпытывал: какой был папа Ерёма, и как мы жили раньше, и какой был "Курятник"… Для него, для Васьки, это такая давняя давность…

— Мне тоже иногда кажется, будто всё давно-давно было, — признался Гелька. — И иногда наоборот: будто вообще ничего по было.

— Ага! Кажется, что прибежишь на станцию, а там "Курятник", а в нём Ерёма, Глеб, Юрка…

— Зря начальник велел сломать вагон, — сказал Гелька. — Знаешь, Янка, я иногда думаю… Это, конечно, чушь, но бывает такая мысль: если бы "Курятник" остался, Юрка и Глеб скоро вернулись бы… По крайней мере, Юрка…

Гелька не знал, конечно, что Юрка хотел вернуться и не смог.

Когда тоска по Гельке, по Янке, по Старогорску вдруг сжала его и не пустила дальше, он вино-

вато и быстро попрощался с Глебом. Скомканно сказал:

— Гелька думает, что я его бросил. Наверно, так нельзя…

И он пошёл назад.

Он шёл долго, но огни Старогорска, которые казались близкими, вдруг растаяли, и впереди, над пустым степным горизонтом, встал быстрый рассвет. Юрка оглянулся. Глеба сзади, конечно, не было. А впереди… Что было впереди?

Юрка постоял на шпалах. На прямом рельсовом пути посреди поля, где в траве начинали посвистывать птицы. Он был один и вполне мог заплакать от этого одиночества и от неизвестности. Но он не стал.

— Раньше надо было думать, — сказал он себе. — Теперь шагай.

Он поднял сухой стебель сорняка и, щёлкая им по рельсу, пошёл навстречу утреннему ветерку. И даже тихонько засвистел сквозь зубы. Он шагал быстро, и плетёный аксельбант барабанщика хлопал его по форменной рубашке…

ВТОРОЙ ВИЗИТ МАГИСТРА

В конце марта на теневых сторонах улиц ещё лежал грязный комковатый снег, а на солнечных пробивались у заборов зелёные кулачки лопухов и цвела мать-и-мачеха. И время от времени мелькали коричневые бабочки. Это, конечно, если погода была солнечная и безветренная.

Но сегодня солнца не было. С ночи небо затянули скучные облака. Они были серенькие, невзрачные, но от них веяло такой безысходностью, что хотелось лечь и закутаться с головой.

Занятия в классах шли кое-как, а после второго урока Яр велел распустить ребят. Он объявил, что весенние каникулы начинаются на два дня раньше. В другое время школа содрогнулась бы от радостных воплей, а нынче ребята разошлись тихие и насупленные — будто у каждого не меньше трёх двоек за четверть. Нет, кое-кто шутил, конечно, и баловался по дороге домой, но как-то нехотя, через силу…

Чита не подчинился директорскому приказу. Он не пустил домой подшефных третьеклассников. Он собрал их в спортзале, устроил им крепкую разминку с прыжками и упражнения-

ми, а потом затеял состязания метателей мячика. Самая трудная задача была попасть сразу в три качающихся кольца…

Яр прислушивался к смеху и топоту третьеклассников со смесью удовольствия и тревоги. Чита, конечно, молодец. Но что будет дальше?

Неизвестность выматывает. Чувствуешь, как злые силы готовят удар, а какой он будет и как от него защититься — не имеешь понятия. К тому же эта сегодняшняя неизвестность смешивалась с другой — давней и постоянной: почти три месяца от ветерков не было вестей. Тик отводил глаза, будто он виноват. Яр тоже отводил глаза. Словно тоже был виноват — тем, что мучил Игнатика невысказанным вопросом: "Не вернулся ли Денёк?"

Впрочем, беспокойство беспокойством, а хлопотная директорская жизнь затягивала Яра с головой: планы занятий, совещание ореховских учителей и выборы единого школьного совета (наконец хоть какая-то власть!), грипп в первых классах, ремонт отопления. Да ещё уроки математики у шестиклассников и семиклассников…

Яр, хмурясь и тревожась, прошёл в левое крыло школьного здания — здесь было его жильё. Данка на кухне звякала тарелками, хотя он тысячу раз

просил не соваться в его хозяйство. Во-первых, сам справится, не инвалид. Во-вторых, тётушки-учительницы и так шепчутся чёрт знает про что…

— Дарья, ну сколько раз я говорил…

— Помолчи уж, — отозвалась Данка. — Вечно сидите с Глебом до ночи, а стаканы вымыть не можете. — В последнее время она стала спокойно-дерзкой и очень независимой. "Ах, как быстро взрослеет девочка", — сказал однажды Глеб.

В комнате торчал, конечно, Алька. Он сидел у подоконника и смотрел на небо. Оглянулся на Яра. Тоскливо сказал:

— Гадость какая. Просто не могу…

— Что?

Алька кивнул на облака.

— Переживём, — сказал Яр.

Алька слабо улыбнулся, потом сообщил:

— Глеб приехал.

Глеб оказался в крошечной комнатушке, где стояла кровать Яра и громоздились по стенам книжные полки. Он сидел на кровати и меланхолично вставлял в барабан блестящего револьвера длинные, как сигареты, патроны.

— Ну что? — спросил Глеб, не поднимая головы.

— Что? — спросил Яр.

— Сволочная погода, — сказал Глеб. — Что-то они замышляют…

— Я распустил ребят, — сказал Яр. Подумал и добавил: — Чита мобилизовал своих пацанов.

— Чита — уникум, — веско проговорил Глеб. — Мне бы его в отряд сорок лет назад. Мы бы обязательно взорвали станцию Мост.

— Ты же отказался от терроризма, — напомнил Яр.

— Мы взорвали бы прежде, чем я отказался… Кстати, при чём здесь терроризм?

— Это я так… — Яр помотал головой. — Чёрт возьми, до чего же тошно… И Тик провалился куда-то. Пошёл провожать одноклассников, сказал, на пять минут, а сам…

— Я здесь, Яр, — сказал Игнатик. Он стоял в дверях.

— Уф… — Яр сел рядом с Глебом и откинулся к стене с картой Полуострова. — Что в городе, Тик?

— Пока ничего, — сказал Игнатик.

— Не нравится мне это "пока"…

— Мне тоже, — серьёзно ответил Игнатик. — Потихоньку собираются добровольные отряды милиции и спасатели. А что в них проку, если ими командуют т е, к о т о р ы е в е л я т…

— Ты уверен?

— Да, Яр, — сказал Игнатик.

У него из-под руки сунулся в комнату Алька. Печально спросил:

— Глеб, ты можешь выстрелить из форточки в небо?

— Естественно. А смысл?

— Может, в облаках появится дырка и пробьётся солнышко…

— Это идея, — сказал Глеб. Повернул барабан и с отчётливым щёлканьем взвёл курок.

— Не валяйте дурака, — озабоченно сказал Яр.

— Однако… — начал Глеб.

По тут, раздвинув Игнатика и Альку, шагнула в комнату Данка. Она сообщила с непривычной для неё насмешкой:

— По коридору движутся их высокоучёная светлость Магистр.

И все вздохнули с облегчением. Пускай всё что угодно, лишь бы не тоскливость и томительность.

Магистра встретили в большой комнате. Он был на сей раз в кожаном пальто и модной шляпчонке — тоже кожаной. Этакий уверенный в себе учёный деятель, который привык следить за своей внешностью. Борода была образец ак-

куратности.

— Здравствуйте, директор Яр, здравствуйте, молодые люди… — Магистр снял шляпу и небрежно положил на край стола. Сел без приглашения. Если бы он был человек, можно было бы подумать, что он слегка выпил для храбрости. Магистр поправил полы расстёгнутого пальто, закинул ногу за ногу и повернулся к Глебу: — Здравствуйте… Глеб Сергеевич. Если не ошибаюсь, мы с вами уже встречались.

Глеб уселся напротив.

— Не припоминаю, — сказал он, прищурив за очками веки. — Наверно, это было очень давно… Как же вы уцелели?

— Вы тогда промахнулись.

— Должен заметить, Магистр, что это не так, — вежливо поправил Глеб. — Я всегда стреляю точно. Видимо, у меня в тот момент кончились патроны. К сожалению…

— Как вы понимаете, я об этом не сожалею, — улыбнулся Магистр.

— У нас по многим вопросам разные мнения, — сказал Глеб.

Яр тоже сел к столу, с третьей стороны. Ребята неслышно разошлись по углам. Алька посапывал, у него была лёгкая простуда.

Магистр коротко пробарабанил по столовой клеёнке блестящими твёрдыми пальцами.

— Очень хотелось бы, — произнёс он, — хотя бы раз прийти с вами к одному мнению. Честное слово, это в наших общих интересах.

— Искорка недоступна, — сказал Яр. — Бормотунчики — упрямые существа.

— Но можно сделать другую, — глядя в упор на Глеба, проговорил Магистр. — Вы ведь не забыли рецепт, Стрелок?

— Не забыл… Нынешняя погода — ваших рук дело? — рассеянно сказал Глеб.

— Наших, — сказал Магистр.

— Зачем? — спросил Яр.

Магистр погладил бороду и объяснил с нагловатой ленцой:

— Пока так просто. Чтобы оказать психологическое давление… Потом посмотрим.

Тем же тоном Глеб ответил ему:

— Не будет вам искорки.

— Жаль. Вы даже не представляете, как жаль… Да перестаньте вы, Стрелок, трогать под курткой ваш допотопный "форт-капитан". Мы давно изменили структуру, никакие пули нас не берут. Даже т е с а м ы е… Давайте лучше поговорим.

Яр посмотрел на часы.

— Алька и Данка, — сказал Яр. — Пожалуйста… — он незаметно надавил на это "пожалуйста", — смените Читу в спортзале, он занимается с ребятами третий час.

Алька засопел сильнее, но безропотно пошёл к двери. Данка за ним.

— Хотите чаю, Магистр? — добродушно спросил Яр.

Магистр озадаченно мигнул.

— Вообще-то… Вы понимаете, что это не в наших обычаях. Но если необходим такой ритуал… для заключения союза… Я готов.

— Ради ритуала не надо, Магистр, — вздохнул Яр. (В это время появился Чита и неслышно встал у двери.) — Не будем переводить заварку и сахар, с продуктами у нас неважно. А союза всё равно не получится.

— Но, Ярослав Игоревич! Подумайте…

— Мы думали, Магистр. Хотите совета? И совет, и наш последний ответ. Уходите. Найдите себе какую-нибудь завалящую галактику, где нет разумной жизни, и устраивайте там свои фокусы сколько угодно… Боже мой, Магистр, неужели вы все настолько тупы? Неужели не понимаете, что здесь вы всё равно обречены? Вы столкнулись пока с самым началом сопротивления, с самыми

крошечными его зародышами. А что будет, когда за вас возьмутся люди многих планет? И не таких замороченных, как эта, а сильных, дружных…

— Ничего не будет, — холодно сказал Магистр. — Ни планет, ни людей. Стоит нам шевельнуть пальцем…

— Что-то вы не очень им шевелите, — усмехнулся Глеб. — "Не будет людей"! А за чей счёт будете существовать вы? Магистр, вы же паразиты.

— Тем более, — непроницаемо отозвался Магистр. — Тем более мы не можем воспользоваться советом. Для нас бесполезны галактики, где нет жизни. Да и галактик таких нет.

— Но и здесь вам делать нечего, — сказал от двери Чита.

Магистр оглянулся.

— Ты не прав, мальчик. У нас есть цель…

— И у нас, — жёстко произнёс Чита.

— Чита… — сказал Яр.

— Подожди, Яр! — У Читы зазвенел голос. — Я хочу быть честным. Пусть Магистр знает, что они рискуют.

— Да, Магистр, — сказал Яр с ощущением собственного отчаянного риска. — Игры в цифру пять кончились. Сейчас другая математика. Мы можем вписать в ваш круг такой многоугольник,

что круг разлетится в клочки…

Магистр довольно долго молчал. Кажется, все семьсот двадцать девять его мозгов обдумывали слова Яра. Потом он отозвался с усталой ноткой:

— Ничего вы не можете. Думаете, тот глупый случай на почтамте напугал нас? Даже вспоминать смешно… И не надейтесь закидать нас барабанными палочками.

— Какими палочками? — искренне удивился Яр.

— А! Вы не знаете… Ну, тем лучше.

— Узнаем и это, — пообещал Яр. — А то, что вы боитесь барабанщиков, давно известно. Недаром не могли с ними справиться во время восстания.

— Какого ещё восстания? — пренебрежительно спросил Магистр.

— В Морском лицее.

Магистр воскликнул тонко и раздражённо, как скандальный старик в очереди за макаронами:

— Да ерунда какая! Враньё это! Не было никакого восстания! Была хулиганская выходка мальчишек, их пришлось… призвать к порядку.

— Это так у них называется. "Призвать к порядку", — сказал Глеб.

— Именно так. — Магистр успокоился. — А потом кто-то сочинил легенду. Не было никаких

барабанщиков.

— Были, — сказал от двери Чита.

— Не было. Я могу доказать. И показать, как это было.

— Как показать? — спросил Яр.

— Очень просто. Мнемофильм.

— Что?

— Запись памяти. Я видел такие трюки, — объяснил Глеб.

— Именно запись памяти. Точная и объективная. — Магистр оглядел комнату. — У вас найдётся какой-нибудь металлический лист?

— Поднос годится? — спросила Данка.

— Вполне, — сказал Магистр.

Яр оглянулся на Данку. И она, и Алька стояли рядом с Читой.

— А как же ребята? — нахмурился Яр.

— Они там сами занимаются, — быстро объяснил Алька.

— Они разнесут спортзал.

— Не разнесут, — успокоил Чита.— С ними Яшка Звонок. Он человек надёжный, командир первой пятёрки.

Магистр пренебрежительно усмехнулся.

Данка принесла поднос — чёрный, с намалёванным букетом.

— Ничего, что с рисунком?

— Абсолютно безразлично, — сказал Магистр.

Поднос прислонили на столе к стопке учебников. Тик, Алька, Данка и Чита встали за спиной у Яра. Глеб придвинулся к столу и положил растрёпанную бородку на кулаки.

— Минутку. Я сосредоточусь, — вежливо сказал Магистр.

Чёрнй лак и букет на подносе исчезли. Растаяли в открывшейся глубине. Возникло окно, сохранившее волнисто-овальную форму подноса…

Это было похоже на передачу в хорошем стереовизоре. Только без звука. Стали видны край каменного дома и башня с зубцами. Между башней и домом был проход, из него выбегали и выходили, оглядываясь, мальчишки.

— Видите? — сказал Магистр. — Это те, кто не захотел участвовать в скандальном эпизоде. Их никто не задерживал.

— Это ушли самые маленькие, — сказал Игнатик. — И те, кому не хватило оружия.

Изображение качнулось, и стал виден мощёный крепостной двор. Очень отчётливо. Даже почувствовалось, какие нагретые солнцем каменные плиты. На плитах, привалившись к фундаменту башни, сидел длинный человек в

чёрном. Его стало видно крупно, во весь экран. Человек закрыл глаза и держался за плечо. На худом его подбородке была кровь.

— Это директор Морского лицея. Вот что сделали с ним юные "повстанцы", которых поэт Глеб Дикий опоэтизировал в своих песнях, — сказал Магистр.

— А что директор держит? — спросил Алька.

В левой руке директор сжимал что-то вроде короткого спиннинга. Удилище лежало поперёк его длинных раскинутых ног. Оно было сломано. Магистр не ответил.

Директора не стало видно, и появилась двойная шеренга ребят. Они стояли, держа приставленные к ногам карабины. Карабины были с плоскими штыками, и на остриях горели искры солнца.

Шеренги колыхнулись и опять замерли. Мальчик с перевязанным синей тряпицей коленом шагнул вперёд, вскинул правую руку и что-то крикнул. Будто прямо зрителям. Но, конечно, не им. Потом он опять вскинул руку и опять крикнул. Видимо, его не послушали. Мальчик пожал плечами, обернулся и что-то сказал ребятам. В первой шеренге каждый опустился на колено, оба ряда взяли карабины наизготовку. Прямо на зрителей был направлен теперь двойной ряд

ощетинившихся штыков. Лиц мальчишек нельзя было разглядеть, но чётко виднелись чёрные глазки ружейных стволов.

Потом эти глазки беззвучно вспыхнули бледными огоньками. Яр на секунду зажмурился. Ребята передёрнули затворы и снова подняли приклады к плечам. Сделали шаг назад и снова ударили неслышным залпом.

— В кого же они так? — стараясь быть очень спокойным, спросил Яр.

— В нас, — ответил Магистр.

Мальчишки выстрелили снова. Перед ними, шагах в трёх, поднялся над плитами ряд пыльных столбиков. Будто бросили на камни тяжёлые железные шарики. Чита за спиной у Яра тихонько скрипнул зубами.

— Не было меня там… — сказал Глеб.

— Не было, — согласился Магистр. — И хорошо. Зачем лишние жертвы…

— Да вы просто гуманист, — заметил Яр. — А нельзя ли посмотреть, что там делали ваши коллеги? До которых не долетали пули…

— К сожалению, нет. Я был в атакующем ряду и на своих не смотрел. Смотрел вперёд.

— Судя по всему, атака была доблестная, — сказал Глеб.

— Может быть, мне выключить запись?

— Отчего же? — сказал Яр. — Досмотрим до конца. Вы нам пока ещё ничего не доказали.

Он пытался найти в мальчишечьих шеренгах кого-нибудь из знакомых. Но издалека не разглядеть было, где там Денёк и курчавый Косматик, и тот… в оранжевой майке.

"Я посижу тут немножко с вами, ладно?.."

"Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели"…

"Но никто не боялся. Никто. Даже те, кто не успели…"

Что — не успели?

Стена летучего пламени колыхнулась перед ребятами и на миг закрыла их от зрителей. Яр вздрогнул. Мальчишки скомкали шеренги, смешались, но продолжали стрелять. Они быстро отходили к каменному выступу, по которому тянулась железная лестница. Яр понял, что это угол башни.

Опять полыхнул огонь…

Мальчишки стали по одному взбегать по ступенькам. За часто взлетающими крыльями огня их стало видно совсем плохо.

Потом Яр увидел зубчатый верх башни. Уви-

дел как бы снизу, со двора. Ребята на башне уже не стреляли. Они отомкнули штыки и теперь били ими по стволам. Ударяли ритмично, враз — отбивали резкую мелодию какого-то марша. Среди них мелькнула жёлтая рубашка и жёлтые летучие волосы. "Денёк!.." Но огонь поднялся клубящимся валом, взвился к башенным зубцам и словно смахнул несколько мальчишек. Они взлетели, исчезли, и огонь на их месте скрутился на миг в спиральные языки.

"Как я могу на это смотреть?" — леденея внутри, подумал Яр. Но смотрел. И другие смотрели.

Магистр небрежно произнёс:

— Видите, никаких барабанщиков. Просто лихорадочный звон и шум перепуганных ребятишек.

— Однако вы боялись подойти, — глухо сказал Глеб.

— Да… Они случайно выбрали ритм из пяти тактов. Это нас задержало на время. Но это совсем не барабанщики из песни. Не правда ли, Глеб Сергеевич?

— Неправда! — звонко сказал Алька. — А вон тот! Он же с барабаном!

У обугленного зубца стоял темноволосый мальчишка и вскидывал руки с тонкими палочками.

— А, этот… Он же всего один, — отозвался Магистр. — Всего-навсего. Да и барабан у него не настоящий. Смотрите…

Мальчишка придвинулся. Будто оказался здесь, в комнате. И было странно, что не слышно ударов. Он бил грубо оструганными палочками не то в кожу, не то в клеёнку, туго натянутую на круглый походный котелок. На его грязной голубой рубашке мотался измочаленный аксельбант.

Глеб резко подался вперёд.

Полыхнул жёлтый огонь. Мальчик медленно повернул большеглазое тёмное лицо с закушенной губой. Взглянул на всех отчаянно и упрямо.

Глеб сдавленно сказал:

— Юрка…

ОСОБАЯ ЦЕЛЬ

1

Гелька и Янка шли из школы. Лениво брели и молчали.

Сентябрь кончался, но дни стояли по-прежнему тёплые. Было совсем безветренно. Пушистые семена белоцвета висели в воздухе неподвижно. На пустырях цвели мелкие городские ромашки,

и над ними летали поздние бабочки. Солнце ещё грело сквозь рубашки плечи, но не сильно — словно осторожно трогало на прощанье тёплой ладошкой. У Гельки в такие дни было спокойное тихое настроение. Даже тревога за Юрку почти угасала, и казалось, что скоро всё объяснится и всё будет хорошо…

Гелька сказал:

— Пойдём к реке, Янка…

— Зачем? — Янка оторвался от своих мыслей. Что это были за мысли, Гелька не знал. Но, видимо, не такие спокойные, как Гелькины.

— Просто так, — сказал Гелька.

— Вода уже холодная… — Янка смотрел как-то озабоченно.

— Да не купаться же. Посидим на обрыве. Вон какой хороший денёк..

— Что? — Янка остановился. Не то испугался, не то сильно удивился. Или обиделся?

Гелька тоже испуганно остановился.

— С тобой что? Янка…

Янка сморщил лицо, тряхнул головой.

— Ты скажи… Ты что сейчас сказал?

Гелька ошеломлённо пробормотал:

— А что такого… Сказал: хороший денёк…

— Сейчас… — Янка опять поморщился. Уронил

с плеча сумку, быстро сел на край каменного тротуара, обхватил колени, съёжил плечи — на них горбились мягкие погончики школьной рубашки.

Гелька торопливо сел рядом. Тихое настроение пропало, и опять пришла тревога — она стала такой привычной в дни августа и сентября. Гелька ничего не спросил. Он ждал, что скажет Янка.

Янка медленно посмотрел из-за поднятого плеча. Горько прошептал:

— Теперь ясно, почему она кружилась…

— Что?

— Голова… Помнишь, как я стал бояться высоты?

— Ну… не так уж ты боялся. Это хоть с кем бывает, — осторожно сказал Гелька. — Это случайно.

Янка уткнулся носом в колени. Сказал опять шёпотом :

— Не случайно… Это всегда так бывает перед тем, как начинаешь летать. Очень боишься высоты, и этот страх надо пересилить… Теперь-то я всё вспомнил.

— Янка…

— Гелька, я не Янка.

Гелька, не показывая испуга, сказал очень бережно:

— Пойдём домой потихонечку. Ты, наверно, немного заболел. Тогда вечером продрогли на свалке…

— Гелька, я правда не Янка…

— А кто?

— Меня звали знаешь как? Да-ни-ил. Данила, Данилка… Данька… Мама звала Денёк. Потом и все так звали…

— Ну, хорошо. Пойдём к маме…

— Да я не про эту маму. Той мамы нет… — тихо сказал Янка.

— Ну… смотри. Листик и Васька идут. Давай мы тебя домой проводим. А?

Янка быстро встал. Накинул на плечо белый ремень сумки. Отбросил назад волосы. И сделался какой-то непривычный: сразу подросший, строгий, незнакомый. Сказал негромко, но решительно:

— Лучше пойдём к тебе, Гелик. На крышу. Все вместе. Там никто не мешает, я про всё расскажу.

Они проговорили до вечера.

В сентябре сумерки приходят рано. Они зябкие, осенние. Но у нагретого кожуха энергосборника на крыше было тепло.

Над головами зажглись первые звёзды. Янка

грустно сказал:

— Я с самого начала чувствовал, что Юрка уйдёт. И что я должен ему помочь. Это была особая цель. Думаете, я тогда случайно вагон с искоркой разогнал? Я понимал, что так надо. Только не знал, зачем…

Всё случилось раньше времени, потому что появился Глеб. Мы с ребятами не рассчитали… Ну, кто мог подумать, что в Старогорске неизвестно откуда появится какой-то Глеб? Из-за него всё и сорвалось…

— Может, всё-таки не сорвалось? — робко спросил Листик. Они с Васькой почти всё время молчали, но теперь Листик подал голос.

— Как же не сорвалось? — с беспощадной досадой сказал Янка. — Я должен был увести Юрку к отцу вот сейчас, в сентябре, когда всё вспомню… Отец просил хотя бы узнать про Юрку, весточку от него принести, а все ветерки решили: это не выход. Решили, что надо вытащить Юрку туда вот такого, пока он не вырос, рвануть его на сорок лет вперёд. Через все эти чёртовы пространства и временные поля, напролом… А я это дело провалил.

— Но ты же не виноват, — сказал Гелька.

— Какая разница, виноват я или нет? Юрка-то с

отцом никогда не встретятся.

— А может, всё-таки встретятся? — робко проговорил Листик. — Может, Юрик отца сам найдёт?

Янка трахнул кулаком по энергосборнику и сказал почти со слезами:

— Ну как вы не понимаете? Он его н е н а ш ё л. Раз он был с нами во время восстания. Теперь-то я знаю, что Музыкант — это Юрка… А восстание было за сорок лет до того, как на Планете появился Яр…

— Да как это может быть? — беспомощно спросил Гелька. — Юрка ушёл от нас полтора месяца назад. А эскадер-"девятка" ещё не построен… Так не бывает.

Он говорил это уже не первый раз.

— Значит, бывает… — уныло ответил Янка. — Значит, о н и замкнули время в кольцо.

— Эти… которые клоуны? — прошептал Листик и придвинулся к Гельке.

— Ну да…

— А как это "в кольцо"? Мы ещё не проходили…

— Этого никто не проходил и никто не понимает, — со вздохом сказал Янка-Денёк. — Но они замкнули. Вот и пошла карусель.

— Янка… — Гелька морщился, будто решал

головоломку. — Но если ты вернёшься… Когда ты вернёшься т у д а, ты же можешь встретить Яра и объяснить, что Юрка стал ветерком. Что он теперь в Пустом Городе. Они же смогут увидеться. Ну… хоть ненадолго…

— Да не вернусь я туда, — устало проговорил Янка. — Время-то в кольце. Меня принесёт к самому началу, и всё опять… Опять перестрелка Берегов, пароход тонет, на котором мама и я. Меня воздушной волной в воду… Потом лицей, восстание… Потом мы — ветерки, летаем, летаем столько лет. Наконец — поляна, Яр, я лечу сюда. Делаюсь совсем крошечный, живу в Приморске, потом здесь… И снова круг. И мне кажется, так было уже тысячу раз…

Прозвучало в тихом Янкином рассказе такое отчаяние, что Гелька передёрнул плечами и плотнее прижался к тёплому кожуху.

Листик недоумённо спросил:

— А зачем делаться крошечным? Нельзя разве сразу?

— Сразу… нет, нельзя, — вздохнул Янка. — Если ветерок хочет надолго превратиться в человека, он это может, но надо с самого начала. Будто бы только родился… Это совсем даже не плохо, я так и хотел. Хорошо ведь, когда ты снова настоящий и

у тебя есть дом и родные… — Янка виновато улыбнулся. — Это называется "идти в подкидыши". Другие ветерки тоже так делают. Некоторые…

— А почему не все? — шёпотом спросил Гелька.

— Кое-кто не умеет. А многие боятся…

— Разве это опасно?

— Это не опасно… Ветеркам вообще ничего не опасно. Только в конце очень тяжело… Ну, когда приходит время улетать. Когда знаешь, что надо прощаться навсегда…

— А разве обязательно улетать? — спросил Листик.

— Такой закон природы у нас. Если ты подкидыш и если исполняется тебе столько лет, сколько было раньше… ну, когда ты навеки сделался ветерком, тогда ты всё вспоминаешь и тебя уносит обратно…

Гелька через силу проговорил:

— А тебе… когда?

— Мне в день восстания было ровно двенадцать. А сейчас будет через неделю…

— А дома… ты расскажешь?

— Я маме и папе ничего не буду говорить… Может, они и не станут так горевать, они же знают, что я не родной, а приёмный…

"Всё равно будут", — подумал Гелька.

— А дедушке я всё рассказал. Он меня больше всех любил… любит.

— Когда же ты успел? — спросил Гелька.

— Сегодня. Когда ты обедал, а я сумку домой относил.

"Обедал…" — горько усмехнулся про себя Гелька, вспомнив, как кусок не лез в горло, а тётя Вика сердито кудахтала рядом. И спросил:

— А он что… дедушка-то?

Янка лег на кровельный пластик, положил лицо на согнутые руки. Глухо ответил:

— Он такое сказал… Обнял меня и говорит: "Я это давно чувствовал… Ничего. Скоро я умру, а ты летай, мой ветерок. Пока не порвётся кольцо…"

— Разве оно порвётся? — быстро спросил Гелька.

— Когда? — печально отозвался Янка. — Кто его порвёт?

Раздался скрежет. Это по ребристому пластику съехал на твёрдом заду с гребня крыши Васька. До сих пор он сидел выше всех и не говорил ни слова. Теперь он включил фиолетовые глаза и сказал:

— А почему бы и нет?

— Что? — хмуро спросил Гелька.

— Почему бы его не порвать? Это кольцо.

— Васька, ты, конечно, умный, — печально сказал Гелька. — Но ты ещё... ты мало в физике разбираешься. Это не простое кольцо, а время. Где оно, как ты за него схватишься?

— За него и не надо, — металлическим голосом ответил Васька. Таким голосом он говорил, когда капризничал или хвастался. — Должна быть модель.

Янка быстро поднялся.

— Что?

Васька встал и включил на верхушке энергосборника лампочку. Засунул резиновые ладони в тесные кармашки матросского костюмчика.

— Физику я знаю теперь в пятьсот раз лучше вас, — небрежно сообщил он. — Позавчера я прочитал семитомник доктора физических наук Лаптева, а вчера "Общую теорию пространства" профессора Окаямы... — Он прошёлся вокруг кожуха. Штаны его от езды по крыше были сзади изодраны в клочья. Но это Ваську ничуть не смущало.

— Я долго вас тут слушал, — заявил он.— Я специально выключил блок чувствительности, чтобы не переживать вместе с вами. Когда все расстраиваются и хнычут, хоть один кто-то должен оставаться с ясной головой.

— Перестань топать, — попросил Гелька. — Говори толком.

— Говорю толком. Эти существа, название которых точно не определено, — "клоуны", "манекены", "люди, которые велят", — они не могут работать без модели. Им нужна была искорка, чтобы работать с галактикой. Это модель. Без неё у них пока ничего не получается. Они замкнули время, это у них получилось. Значит, где-то замкнули модель, кольцо. Разомкнётся кольцо модели — разомкнётся время.

— Где она, эта модель? В каком космосе её найдёшь?.. — сказал Янка.

— Думать надо, — ответил Васька с ноткой самодовольства.

— Ты думал? — быстро спросил Гелька.

— Думал. Поезд, который идёт на станцию Мост.

Сначала все молчали. Потом Листик удивлённо спросил:

— Какой мост?

— Подожди, Огонёк, — сказал Гелька.

Они стояли на крыше тесной кучкой, Васька — посередине. Он был тёплый, как походная печка.

— Этот поезд идёт через три пространства, — медленно проговорил Янка. — А может быть,

и больше… И всегда в одну сторону… Да, это кольцо.

— Разве он не идёт обратно, когда приходит на станцию Мост? — спросил Гелька.

Янка помотал головой.

— Нет станции Мост. Никто её не видел.

— Есть, — важно сказал Васька. — Только она растянута по всему кольцу. Вся рельсовая дорога — это станция Мост. Дело не в поезде, а в самом рельсовом пути. Он и есть кольцо.

— Значит, что? — Янка-Денёк выпрямился по-боевому. И Гельке показалось, что где-то заиграла музыка "Восстание". — Будем рвать рельсы?

— Где? — спросил Гелька.

Васька сказал:

— Станция растянута, по Мост всё-таки есть.

— Ой… — прошептал Листик-Огонёк. — Это, значит, тот, где свалка?

2

Первый раз они увидели Мост в августе. Был вечер с яркой круглой луной. Пришло уже время отправляться домой — до этого они долго лазили среди старых автомашин, сломанных холодильников, стереовизоров, ржавых труб и батарей отопления. Нашли много интересных непонят-

ных штук и разных деталей для Васьки, который ещё не был готов. Листик сильно расцарапал руку, и Гелька сказал, что надо зайти к старухам: промыть и перевязать. Они, конечно, будут ворчать, но ничего не поделаешь.

Старухи жили в жестяных кибитках на краю свалки. Жили тесно, в пыли и ржавчине, поэтому их, наверно, и звали ржавыми ведьмами. А может, и потому, что они вправду были немного колдуньи.

Высокая седая ведьма с замотанным горлом — Эльвира Галактионовна — в самом деле заворчала на ребят. Но ворчала недолго. Смазала чем-то холодным и шипучим царапины Листика, и они тут же затянулись. Потом она сердито сунула Листику, Янке и Гельке по горсти слипшихся леденцов и прохрипела:

— Теперь, молодые люди, гуляйте-ка домой. У нас тута свои дела, неча на наши старушечьи забавы глядеть. Полнолуние нонче, бабки танцевать будут, так что оревуар…

— Спасибо, до свиданья, — по очереди сказали все трое. Но когда вышли из ведьминого жилища, Гелька прошептал :

— Посмотрим?

Они ещё никогда не видели, как танцуют ржа-

вые ведьмы, только слышали об этом от робота Ерёмы, Васькиного отца.

Прячась за грудами лома, они пробрались к "танцевальной площадке". Это был пустырь на южном краю свалки. Он зарос татарником и белоцветом. Там и тут среди сорняков торчали бочки из-под смазки и бензина.

Ребята притаились. Ведьмы ковыляли к бочкам. Подолы широких цыганских юбок цеплялись за татарник и белоцвет. Под луной тускло искрились пластмассовые бусы. Ведьм было шестеро. Каждая, подойдя к бочке, замирала, странно вытягивалась, потом, будто её подбрасывали снизу, подлетала и вскакивала на круглое железное дно. Бочка отвечала гулким ударом.

— Что это они? — прошептал маленький Листик. Он был на свалке первый раз и немного боялся.

Гелька тихо ответил:

— Не бойся… Ничего такого, они же ведьмы.

…Никто не знал, откуда ржавые ведьмы взялись и зачем живут на свете. Ходили слухи, что давным-давно на месте свалки был цыганский табор и старухи остались здесь с тех незапамятных времён. Была также сказка, что когда-то свалкой правил, как король, тощий ржавый старик — то

ли колдун, то ли сумасшедший. Он говорил, что со временем весь мир превратится в свалку ржавого железа и ему, старику, придёт пора править этим миром. А ведьмы станут ржавыми придворными дамами… Рассказы эти, скорее всего, были сплошные фантазии…

"А может быть, старик был из *тех*?" — подумал Гелька, прячась за мятой автомобильной дверцей. Ему тоже стало жутковато. Но тут же он вспомнил, что старухи никогда не делали зла мальчишкам (если не считать ворчанья)…

Старухи замерли на бочках. На фоне лунного неба они казались статуями из заброшенного парка. Вдруг одна ударила каблуком. Ей ответила другая. За ними топнули сразу несколько. Ещё, ещё… Удары каблуков по гудящему железу перешли в рассыпчатый грохот, но тут же в грохоте пробился чёткий ритм. Рубленая мелодия какого-то быстрого и дерзкого танца. Ведьмы запрокидывали разлохмаченные головы, угловато выбрасывали руки, ломались в талии, юбки метались вокруг них, а железный ритм гремел над пустырём…

— Во рубят, — прошептал Янка. — На три четверти…

Танец ржавых ведьм гулко стучал, рокотал

и рассыпался под зелёным лунным небом. Постепенно он стал казаться не таким громким. Зато узор его ритма сделался сложнее, красивее. Сквозь гулкие удары пробивалась россыпь мелких тактов, они переплетались, обгоняя друг друга… Потом в танец проник посторонний, пришедший издалека гул.

Это был нарастающий шум поезда. Старого поезда, какие до сих пор бегают на дачных линиях. Они мчатся по рельсам с деревянными шпалами и гремят колёсами на стыках. Откуда он мог взяться? Поблизости не было рельсовых путей.

Гелька, Янка и Листик запереглядывались. В это время за пустырём, в сотне метров от пляшущих ведьм, возник в светлом от луны воздухе чёрный мост. Громадный, похожий на великанские ворота. Это был мост без начала и без конца. Его края терялись, таяли в воздухе — неясные и размытые. И вот на одном таком краю возникла голова поезда — допотопный локомотив с прожектором впереди и клочкастым шлейфом дыма над топкой. Паровоз выскочил на мост из ничего и потянул из этого ничего чёрные вагоны — с площадками сзади и спереди, с неяркой цепочкой оконных огоньков…

Это был не мираж. В земле отдался дробный гул

колёс, прилетел запах угольной гари.

А танец ржавых ведьм гудел и рокотал, будто ничего не случилось.

...Взрослые, когда сталкиваются с непонятным, порою пугаются и делают вид, что ничего не произошло. Ничего, мол, такого нет. Нет — вот и всё. Гелька, Янка и Листик так не могли. На следующий вечер они устроили засаду на южном краю пустыря, в зарослях бурьяна и "бабкиных бус". И опять плясали ржавые ведьмы, и опять возник мост. На этот раз совсем рядом с ребятами.

— Бежим! — скомандовал Гелька, хотя было страшно. И они помчались к мосту, и, как всегда, сухие ягоды "бабкиных бус" хлёстко лупили их по ногам.

Опоры моста были сложены из бугристых глыб — чешуйки слюды в граните искрились от луны. Гелька потрогал камень. Гранит был влажный и холодный. В щели между глыбами были вбиты ржавые скобы — они лесенкой уходили вверх, к огороженному тонкими перилами полотну. Высота была большущая — метров тридцать. И на этой высоте с нарастающим и угасающим гулом снова прошёл поезд.

— Ещё одна загадка Старогорска, — сумрачно сказал Гелька. — Что-то они мне уже надоели.

А ведьмы плясали.

Прошло полминуты, и мост исчез — мгновенно, без колыхания воздуха, без единого звука. Прямо тут, рядом, только что был и сгинул. И казалось невероятным, что он сию минуту поднимался над головами — громадный, прочный…

…На следующий день Гелька спросил Эльвиру Галактионовну. Небрежно так спросил, будто о пустяке.

— А что это за мост появляется по вечерам? Да ещё с поездом…

— Подглядывали небось за нами? — неласково отозвалась Эльвира.

— Да нет. Просто когда шли со свалки, посмотрели назад, а там мост…

— Подглядывали, подглядывали! — сказала другая ведьма — толстая и довольно добродушная Таисья. — Всё им знать охота… Да и пущай. Мост как мост, мы и сами не поймём зачем… Как большая луна да как мы пляшем, он и выскакивает не поймёшь откудова. Ну и ладно, нам-то что…

— Может, какое-то явление резонанса? — прошептал Гельке Янка.

— Чего-чего? — подозрительно спросила Эльвира. — А ну, брысь отсюда…

Разорвать кольцо — это значит разрушить

Мост. Это они понимали. И они верили, что, если кольцо порвётся, Юрка найдёт отца. Янка-Денёк не будет больше сгорать в пожаре крепости, отыщется Глеб, встретятся друзья, рассыплются или сбегут куда-нибудь "клоуны" и "манекены". И, наверно, случится ещё много хорошего. Что именно — пока неясно, да и неважно. Главное — взорвать Мост.

Но чем?

— Чтобы такую махину грохнуть, атомная бомба нужна, — безнадёжно сказал Гелька.

Васька снисходительно разъяснил:

— Не надо грохать махину. Главное, чтобы лопнули рельсы. И бомба нужна совсем небольшая.

Все хмыкнули — невесело и сердито. Листик сказал Ваське:

— Их что, в "Детском мире" продают?

— Это предоставьте мне, — солидно ответил Васька.

Назавтра, после школы, Васька притащил во двор к Гельке шар величиной с небольшой арбуз. Шар был покрыт косматой ржавчиной и весил, наверно, не меньше двух пудов. Васькины дюралевые ножки гнулись и подламывались, когда он, откинувшись назад, тащил эту тяжесть. У будки Дуплекса Васька уронил шар в траву. Земля ухну-

ла, будка подскочила. Старый Дуплекс выбрался из будки, обнюхал незнакомую вещь и лизнул Ваську в брюхо с клеймом "Промнефтегаза". Он любил роботёнка.

Гелька подозрительно спросил:

— Это что за грузило?

— Им стреляли из пушки, — сообщил Васька. — В старые времена, когда ещё нас не было и даже папы Ерёмы…

— И ты хочешь им рельсы рвануть! — понял Гелька. — Балда же ты, Васька, хоть и с искоркой. Это же не бомба, а ядро без начинки.

Васька не ответил. Всем своим видом презирая Гельку, он счистил с ядра ржавчину. Взял пластиковую миску Дуплекса, начисто вытер её остатками изодранной матроски. Бухнул в миску ядро.

— Зачем? — спросил Гелька.

— Жёрнов, — сухо сообщил Васька. — Собери семена белоцвета.

— Зачем?

— Меньше спрашивай, больше делай, — приказал Васька. Но смилостивился и объяснил: — Из них будет взрывчатый состав.

— Сколько мегатонн? — печально поинтересовался Гелька. Было ясно, что в голове у Васьки

замкнулись контакты.

— Не умничай, — сказал Васька. — Я у ржавых бабок стащил и прочитал старинную книгу. Там рецепты. В семенах белоцвета взрывчатая сила земли.

Гелька вдруг вспомнил: возьмёшь созревшую коробочку белоцвета, согреешь в кулаке, и она — чпок! — лопается там. И мягкая упругая сила сама расталкивает пальцы. Разожмёшь их — и на ладони целый ком белого пуха. Маленькое облако. Оно растёт, шевелится, от него начинают отрываться летучие семена, окружённые, как лучами, невесомыми волосками.

Гелька обрадованно и пристыженно кинулся к забору, где белоцвета было полным-полно и семена ещё не все облетели. Прибежали Янка и Листик. Узнали, в чём дело, начали помогать.

Васька ворочал в миске ядро, оно истирало семена в светлую пыль. Дуплекс, наклонив голову, наблюдал за работой. Иногда он чихал от мелкого пуха, который летал над самодельной мельницей.

Васька показал ржавый напёрсток. Объяснил, что это мерка на один заряд. Предки ржавых ведьм рвали такими зарядами толстые цепи, когда убегали из пещеры железного дракона.

— То цепи, а то кольцо. Надо пять зарядов, — серьёзно сказал Янка.

— С чего ты взял? — обиделся Васька.

— Знаю. Они боятся цифры пять.

— Тогда тащите ещё семян.

К вечеру мука из белоцвета была готова. Её замешали на соке из "бабкиных бус". Васька сказал, что так полагается по рецепту. Давить сок из сухих ягод было делом каторжным. Но ядро помогло справиться и с этим.

"Всё-таки это лучше, чем замешивать на крови", — подумал Гелька, вспомнив искорку.

Было уже поздно, тётя Вика занудно кричала из окна, что пора ужинать.

Пахнувшую травяным соком кашицу вмазали в шашки. Это были обыкновенные шашки для игры. Пустые. Перевернёшь — и она как чашечка. Но само их название напоминало старинные рассказы про войну: там были толовые шашки для взрыва мостов.

Васька сказал, что смесь должна сохнуть трое суток.

— А полнолуние не кончится? — встревожился Гелька.

— Успеем, — сказал Янка. И вздохнул. У него оставалось пять дней.

3

Эти последние дни с Янкой показались Гельке длинными-длинными.

Ветерок Денёк, если глядеть со стороны, был прежним Янкой. Даже в школу ходил как обычно. На переменах гонял с одноклассниками мячик во дворе, рисовал в классе стенгазету, отвечал на уроках. И никто, кроме Гельки и Янкиного деда, не знал, какая у него, у Янки, в душе печаль. Даже Листик и Васька этого толком не понимали. Для Листика всё это, наверно, было похоже на игру, а Васька предусмотрительно отключил блок чувствительности…

Погода всё ещё стояла тёплая и тихая, и в этой тишине таилась особая замедленность, растянутость времени. Теперь каждая встреча с Янкой была для Гельки событием. Каждый шаг имел особый смысл. Каждый разговор делался большим куском жизни.

Впрочем, потом Гельке казалось, что разговор в эти дни был один, только тянулся долго-долго.

…После уроков Гелька, смущаясь, даже мучаясь, попросил:

— Янка, сыграй "Восстание"…

"Ты ведь понимаешь, что потом его мне никто

не сыграет", — добавил он мысленно. И Янка понял.

— Только не дома, — сказал он. — А то дедушка ещё сильнее загорюет...

Янка прихватил скрипку, и они ушли за станцию, на пустырь с рельсовым тупиком, где ещё недавно стоял вагон "Курятник" и где под бетонным блоком были зарыты обломки робота Ерёмы. От "Курятника" теперь не осталось и следа, вагон разобрали по приказу начальника станции.

Янка встал между рельсов и заиграл. И Гельке снова показалось, что вокруг Янки носит разноцветные листья быстрый ветер...

Янка опустил смычок и слабо улыбнулся:

— Я боялся, что разучусь... Нет, это навсегда, наверно.

Гелька отцепил от воротника бронзовую ящерку.

— Янка, вот... Будешь улетать, держи крепче. Пусть будет тебе на память. И как талисман.

Янка вскинул глаза.

— Талисман?

— Ну... это мне так просто в голову пришло. Папа эту ящерку на бетоне отпечатал, там, на скважине. Как будто заклинание сделал: пускай бетон прочный, а ящерка всё равно пробьёт-

ся… Может, и мы ещё пробьёмся друг к другу. Возьми.

— Хорошо. Только не сейчас, Гелька. Потом, когда уж совсем… полечу.

— Янка… А как это — лететь т у д а? Долго?

Янка-Денёк тихо сказал:

— Это не поймёшь, долго ли. Просто серая пустота, без времени… Только страшно…

— Почему? Ты же говорил, что ветеркам ничего не опасно.

— Да я не про опасность. Боюсь, что опять окажусь в самом начале. Опять война, восстание, и опять я ничего не помню… Если бы вернуться прямо на поляну, к нашим! Полететь бы в Пустой Город, отыскать Юрку, привести к отцу. Пускай хоть на несколько минут.

Оба понимали, что это возможно, если только порвётся кольцо.

Ну и что же? Оно порвётся! Очень скоро! Недаром же в тайнике под будкой Дуплекса набирает силу волшебный состав из непокорной травы белоцвета…

А пока они шли по рельсам, и Гелька держал ящерку на ладони, а Янка гладил её мизинцем. Он сказал:

— В крепости, где был Морской лицей, води-

лись ящерки-каменки. У одного мальчика даже была ручная…

— Разве их можно приручить?

— У него получилось. Он был добрый… Немножко на тебя похожий, только поменьше.

— Он тоже стал ветерком?

— Нет, он хотел, но не успел.

— А что с ним сделалось?

— Я не знаю, Гелька. В том огне трудно было всё запомнить. Наверно, Юрка отослал его с другими ребятами из крепости.

— А почему он отослал ребят?

— Юрка сразу понимал, что мы долго не продержимся. Главное было — освободить тех четверых. А потом уходить. Поэтому он велел остаться только ветеркам.

— А тех четверых освободили?

— Да, они успели уйти. А мы уже не успели. Появились э т и… Мы говорим: пропустите нас и мы уйдём без боя. А они наступают… А ведь с нами были не только ветерки.

— А кто ещё?

— Многие. Те, кому достались карабины, не хотели их отдавать и не ушли, когда еще было время. Ни один. Сказали: если надо, будем драться…

— А что с ними стало? — прошептал Гелька.

Янка промолчал. Гелька спросил:

— Янка… Денёк! А как стать ветерком? Ну, не навсегда, а так, чтобы летать?

Янка-Денёк медленно шагал по сгнившим шпалам, цеплял сандалетами головки осенних ромашек, что росли между рельсов.

— Секрет, что ли? — тихо спросил Гелька.

— Не секрет… Надо, во-первых, перейти или переплыть Реку. Во-вторых, надо знать заклинание. Оно написано на чёрной плите, на Башне Ветров. Есть такая башня в Пустом Городе. А потом, когда будет решительный момент, надо преодолеть страх и прыгнуть с высоты…

Гелька вспомнил, как в прошлом году они с Юркой ныряли со вздыбленной кормы старого лихтера.

— У меня, наверно, получится… — прошептал он. — А реку я уже два раза переплывал.

— Гелька! — встревоженно сказал Янка. — Это ведь не та река. И ты не знаешь заклинания.

— Разве ты мне его не скажешь?

— Я… конечно, я скажу…

И он сказал вполголоса пять слов — таких простых и лёгких, что Гелька даже засмеялся:

— И это всё?

— Да. Но, Гелька… По-моему, каждый должен прочитать их сам. Там, на башне… И там же переплыть Реку…

— Разве она шире нашей?

— Да нет, не шире…

— Тогда какая разница?

— Не знаю… Гелька, ты всё-таки не рискуй.

— Ладно… — рассеянно отозвался Гелька. А для себя кое-что прочно решил. Пускай только закончится эта история с Мостом.

Они всё рассчитали до секунды.

Мост появлялся каждый вечер, когда светила полная луна и рокотал над пустырём железный танец. В двадцать один час двадцать три минуты Мост вырастал из воздуха — громадный и чёрный, — а ещё через две минуты по нему проскакивал поезд. Потом пробегали ещё пятьдесят две секунды — и Мост пропадал. Терялся где-то в других пространствах и временах. Наверно, в тех, где по замкнутому кольцу мчалась жизнь Юрки, Глеба, скадермена Ярослава Родина, ветерков. Жизнь целой Планеты. И может быть, ещё многих планет…

За две минуты забраться по скобам на тридцатиметровый мост — это можно. Две секунды на метр. Главное, не бояться. Потом, когда промчит-

ся поезд, надо приложить к рельсу волшебные шашки, завёрнутые в неволшебную фольгу. К одной из шашек будет подключён длинный провод электровзрывателя (взрыватель должен смастерить Васька). Затем быстро-быстро спуститься, залечь в рытвине и включить батарейку.

Поезд будет уже далеко, те, кто едут в нём, не пострадают.

— Но спускаться надо очень быстро, — сказал Гелька. — А то Мост пропадёт — и привет…

— Не пропадёт, я успею, — насупленно сказал Янка.

— А почему ты? — осторожно спросил Гелька.

— А кто?

— Я думал, что на Мост полезу я…

— Нет уж, можно лучше я? — сказал Янка ласково и очень настойчиво. — Ну пожалуйста. Ладно?

— Янка… Ты же говорил, что голова кружится…

— Теперь я не боюсь, это прошло. Ну и ещё… Раз не вышло с Юркой, я должен взорвать Мост. Понимаешь, Гелька, это моя особая цель.

Гелька вздохнул с тайной радостью. Было ему стыдно за эту радость, и всё же он почувствовал облегчение. Карабкаться на Мост он отчаянно

боялся. Это ведь не на крышу…

Они вдвоём разговаривали на краю свалки, за сутки до взрыва. Уже появился и пропал Мост, и танец ведьм затихал над пустырём. Луна была ужасно яркая.

— Ты не бойся, я обязательно успею, — повторил Янка. — Я ведь могу даже и не спускаться.

— Как это? — испугался Гелька.

— А зачем? Всё равно улетать. Так даже будет лучше. Без долгих прощаний.

Янка медленно посмотрел на Гельку глазами, в которых горели две маленьких луны. И Гелька опять почувствовал, что все эти дни для Янки — затянувшееся прощание.

— Нет, ты всё-таки спустись, — попросил Гелька. — Пожалуйста. — И подумал, что, если порвётся кольцо, Янке, может быть, и не придётся улетать.

— Ну хорошо… — покорно сказал Янка.

Они двинулись к дому. Был еле заметный тёплый ветерок, и семена белоцвета тихо плыли в лунном воздухе. Они казались живыми и осторожно трогали щёки.

— Завтра в школу не пойду, — сказал Янка и улыбнулся. — Всё равно отругать уже не успеют.

— Я тоже, — отозвался Гелька.

— Тебе-то влетит.

— Подумаешь… Зато с тобой…

— Нет, ты иди, — тихонько попросил Янка. — Понимаешь, мне хочется с дедом побыть.

— Янка… ты извини. Я дурак такой.

— Ну что ты!.. Гелька, ты потом к деду заходи иногда, ладно?

— Ладно, Янка… А родители знают?

— Нет. Дед потом скажет.

— Сегодня директорша опять про Юрку спрашивала. Тётка его вернулась из Нейска, говорит, его там нет…

— Ох, Гелька, теперь тебя возьмут в оборот!

— А я сам всё расскажу. Рванём кольцо, тогда расскажу. А что такого? Мы же ни в чём не виноваты… Янка!

— Что?

— Ты завтра утром напиши что-нибудь, ладно?

— Обязательно.

Ни один учёный не смог бы изобрести такую моментальную почту!

Гелька что-нибудь писал на обороте Глебовых листов — и это письмо тут же появлялось у Янки. Писал Янка — и сию секунду читал это Гелька. У них стало обычным делом так переписываться. Правда, потом спохватились: бумагу надо беречь.

Стали писать мельче, экономнее, уже не баловались рисунками. Каждый вечер они вешали на гвоздик у кровати листы с одинаковым номером, чистой изнанкой наружу. Утром смотришь — вдруг начинают бежать по бумаге торопливые строчки:

"Гелька, привет! О Юрке ничего не слыхать? Я его сейчас видел во сне. И Глеба… Гелька, прихвати в школу элементы для вычислителя, у меня сели. И ручку для Васьки, а то он растерял свои, и Алёшкины, и мои…"

Такие письма были в прежние дни. А что напишет Янка сейчас?

С этой мыслью Гелька открыл глаза. Было ещё рано. Утро за окном начиналось бледное, серенькое. Гелька поёжился. В открытое окошко тянуло холодом. Настоящая осень пришла?

Лист чётко белел на узорчатых обоях. Он был чистый. Гелька натянул до носа одеяло и невесело ждал. когда на листе появятся слова. Появятся же. Янка обещал…

И вот потянулась цепочка букв. Гелька сел. Тёмнокрасные строчки бежали коряво, торопливо:

"Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали

искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви..."

Гелька всхлипнул и рванулся к столу за фломастером.

ВЕТЕРКИ

1

... — Юрка, — сдавленно сказал Глеб.

Яр каждым нервом ощутил это слово, и прошла по каждому нерву резкая электрическая боль. Он остался неподвижным. Но мысленно он рванулся вперёд — чтобы увидеть вплотную, разглядеть до последней чёрточки живое лицо сына. Юрка встретился с ним влажными, полными беды и упрямства глазами, медленно отвернул лицо, вскинул палочки выше прежнего и пропал за жёлтым языком огня.

Яр почувствовал, как Глеб сказал — одними губами, но уже твёрдо:

— Тихо, Яр. Всё — потом.

Да. Всё потом. Когда не будет Магистра. Чтобы Магистр ничего не понял, ничего не узнал. Врагу нельзя давать лишнюю ниточку. Сиди и молчи...

Изображение опять качнулось, мелькнули

фигуры в коричневых шлемах, похожих на каски строителей. Стал виден фундамент башни, береговые камни, прибой над ними. С башни быстрыми тенями срывались тонкие мальчишечьи тела, не долетали до земли и пропадали, косо рванувшись в сторону. Теперь всё это виделось нечётко, раздёрганно. Картинка металась: то камни на ней, то волны, то мелькающий полёт мальчишечьих силуэтов. То очень синее небо с белым облаком — таким спокойным и ласковым.

Яр отчаянно хотел увидеть Юрку ещё раз. Сначала просто увидеть. А потом уже что-нибудь понять. Он даже не пытался разобраться в сумятице мыслей, они рвались на клочки: "Где?.. Как это случилось?.. Что с ним?.. Он — ветерок?.. Почему Глеб говорил: он вернулся?.. Какое странное лицо! Нет, не странное, знакомое… А это правда Юрка?.. Я же знаю, что Юрка!"

Фильм кончился, и было странно, даже дико видеть вместо живых мелькающих картин лаковый чёрный поднос и намалёванные на нём цветы.

— А дальше? — бесцветным голосом спросил Яр.

— Это всё, — сказал Магистр.

Яр ощутил маленькую и твёрдую ладонь Игнатика. Пальцы Игнатика слегка надавили ему на

плечо сквозь толстое сукно пиджака: "Держись, Яр. Мы здесь, Яр". Яр чуть заметно шевельнул мускулами плеча: "Да, Тик. Я держусь".

Чита неожиданно резким голосом спросил:

— И зачем же вы нам это показали, Магистр?

— Вы сами хотели, — отозвался Магистр и вежливо повернул к Чите аккуратную профессорскую голову. — Это была иллюстрация.

— Иллюстрация ч е г о ? — спросил Чита.

— Какие же вы сволочи, — тихонько сказала Магистру Данка.

Магистр приподнял седые брови.

Глеб откинулся на стуле и сухо задал вопрос:

— Вы что же, хотели нас напугать?

— Пожалуй, нет, — с доброжелательной задумчивостью ответил Магистр. — Я просто пытался быть предельно откровенным. Откровенность — залог будущего союза.

— Вы всё ещё надеетесь на союз? — очень серьёзно спросил Глеб.

— Да, Глеб Сергеевич.

— После того, что показали?

— А что я показал? То, что было. В конце концов, мальчики сами виноваты, и это была необходимая акция. Взрослых можно убедить, можно напугать, а дети… это же категория, не поддаю-

щаяся логическим схемам.

— В а ш и м схемам, — глухо сказал Яр и опять ощутил пальцы Тика. — И поэтому вы решили их сжечь. Неподдающихся.

— Ну что вы, в самом деле, Ярослав Игоревич! Никто же из них не погиб! Улетели. Превратились в этих… в ветерков. Тоже форма существования разумной жизни.

— Не все превратились, — сказал Игнатик. — Не врите.

"Не все! — ахнул про себя Яр. — А Юрка?"

— Я не вру, мальчик, — терпеливо сказал Магистр. — Вы видели сами.

— Повторите фильм! — жёстко потребовал Игнатик. Яр никогда не слышал у него такого голоса. — Повторите! Самый конец.

— Это невозможно.

— Повторите, Магистр, — сказал Глеб.

— Но это невозможно, уверяю вас. Я очень устал.

— Он врёт, — сказал Игнатик. — Ладно, я запомнил. Я повторю.

— Не смейте! — тонко сказал Магистр и попытался встать. Яр быстро оглянулся на Игнатика. Тот резко побледнел, как бледнеет человек от борьбы с очень сильной болью. На верхней губе

у него высыпали крошечные капельки. Металлический поднос тонко задребезжал. Яр метнулся к нему взглядом.

Он снова увидел основание башни, каменистый берег, взлетающую пену прибоя. Только сейчас пенные языки взлетали очень медленно. Так бывает, когда плёнку с записью прокручивают с тихой скоростью. И мальчишки падали с башни медленно. Видно было, как у самых камней силуэты их тают, а воздух на этом месте скручивается в прозрачную спираль.

Но не со всеми так случилось. Несколько ребят долетели до земли…

— Что вы делаете… — не то простонал, не то прокричал Магистр. — Я не могу…

…При замедленном движении фильма было видно, как сила удара вдавливает ребячьи тела в мелкую гальку среди камней, потом подбрасывает их на полметра, и мальчишки вытягиваются — уже неподвижные. Кто навзничь, кто ничком.

Яр заледенел, готовясь увидеть среди упавших Юрку. А движение фильма всё замедлялось, и наконец кадр застыл совсем. Потом берег и камни стремительно придвинулись.

Между глыб жёлтого ракушечника лежал мальчик. Он лежал, прильнув щекой к гальке и

разметав избитые в кровь ноги. Он сжимал круглые камешки в пальцах выброшенных вперёд рук. На нём была порванная зелёная рубашка с квадратным белым воротником, похожим на матросский. Ветер кинул воротник на голову мальчику, и можно было разглядеть лишь рыжеватую ребячью макушку с торчащим пучком волос. Из-под руки мальчика выбралась ящерка — маленькая и проворная. По складкам рукава она взбежала к нему на плечо. И замерла там. Только глазки блестели — живые и умные, как у крошечного человечка.

Глеб с коротким стоном подался вперёд.

… — Это те, кто не успели стать ветерками, — шёпотом сказал Игнатик. И шёпот странно, очень громко прозвучал в мёртвой, какой-то чёрной тишине. Изображение погасло, и поднос с коротким звоном упал. Игнатик, часто дыша, лёг головой Яру на плечо.

Магистр негромко хрипел. Он полулежал на стуле, и руки его обвисли почти до пола. Лицо его затвердело, левая бровь наполовину отклеилась и висела над веком грязно-белым клочком.

Магистр заговорил, и голос его теперь напоминал шум от просыпавшихся гвоздей.

— Это нечестно… — сказал Магистр.

— Что? — тихо спросил Глеб. Тихо и страшно.

Магистр, ломаясь в суставах, поднялся. Шлепком ладони приклеил бровь. Приоткрыл твёрдые губы, стеклянно взглянул на Игнатика. Сказал с той же металлической рассыпчатостью:

— Я теперь вижу, что была ошибка. Мы зря пощадили этого мальчишку.

Игнатик поднял голову над плечом Яра.

— Вы — пощадили? — негромко проговорил он. — Иди-ка ты отсюда… глина.

Чита коротко и деревянно засмеялся.

— Я пойду. Разумеется, — сказал Магистр. — Но… Ярослав Игоревич… Я всё же надеюсь ещё на одну встречу. Деловую. — Он, не дождавшись ответа, медленно и деревянно вышел за дверь.

Чита, гибкий и бесшумный, двинулся за ним.

"Стой", — в первый миг хотел сказать Яр. И тут же подумал: "Нет, ты сам — стой. Решись на удар хоть раз!"

"А потом? — быстро спросил он себя. — Какой будет ответ?"

"Страхом не выиграешь бой".

"А ребята? Если что-то случится с ними?"

"Уже случалось. И не раз".

"А если будет ещё хуже?"

"Что — хуже? Боя всё равно не миновать. Из-за

твоей нерешительности и так хватило бед... Решись хотя бы сейчас. Это совсем легко, ничего не надо делать. Только сидеть и молчать".

Он сидел и молчал. Чита исчез за дверью.

Алька вдруг звонко сказал:

— А на улице солнышко.

Все посмотрели в окно. Серые облака поредели. В разрывах между ними ещё была пасмурная дымка, но сквозь неё светило мохнатое солнце, похожее на громадный цветок мать-и-мачехи.

Тик сказал:

— Яр. Там на берегу Юрика не было... Ну, среди тех, кто упал.

Яр закусил губу. Ему было стыдно за свою радость. Юрка сумел улететь, но боль тех, кто разбился, отчаяние их отцов и матерей от этого не стали меньше... Но Юрка улетел. Значит, он ветерок? На какой-то поляне, на площади Города, на морском берегу можно встретить его, прижать к себе хотя бы на минуту... А потом?

А потом он опять улетит — живой и не живой, настоящий и призрачный. И неизвестно, есть у тебя сын или есть только одна печаль по нему. Ты будешь стариться, и наконец тебя не станет, а он будет летать над Планетой вечно — всегда маленький, всегда одинокий. И не сможет доделать

то, что начал делать отец. Он останется навсегда двенадцатилетним Юркой. Беззащитным. Ему не страшны ни время, ни боль, ни холод, ни огонь. Но кто защитит его от тоски?

А кто защитит их всех, ветерков?

Яр думал об этом, и были в нем страх, берущая за горло тревога и боль, но в то же время его нервы были настроены на звуки в коридоре.

Там, в отдалении, стучали ребячьи подошвы, слышался смех, несколько раз хлопнула дверь. И наконец поверх этих звуков обозначились лёгкие знакомые шаги. И Яр как бы увидел Читу — спокойного, гибкого, даже красивого в своём чёрном спортивном костюме, — шагающего между облупленных коридорных стен.

Чита вошёл.

Чита вошёл очень спокойный, глянул через очки поверх голов. Только на щеках у него был резкий треугольный румянец. Чита отрывисто сказал:

— С Магистром произошла неприятность. Он шёл мимо спортзала. Там играли ребята. Они попали мячиком в Магистра.

— И что? — так же отрывисто спросил Глеб.

Чита заложил руки за спину и прислонился к косяку.

— Ничего… Сначала они испугались. Но я им сказал, что это был фокус. Шутка. Что старшеклассники сделали движущийся манекен, а он оказался непрочным… Ну вот… Осколков много, ребята их таскают в мусорный ящик. Странно, что даже пальто превратилось в гипсовую корку…

Чита вдруг прижался к косяку лбом, будто хотел заплакать. Но сказал жёстко и пренебрежительно:

— Семьсот двадцать девять единиц интеллекта, а всё равно. Хватило одного мячика.

Данка подошла к нему и стала гладить по узкой спине с торчащими под чёрным трикотажем лопатками.

Алька сказал от окна:

— Это Тик измотал Магистра. Тот еле живой сделался. Мячик его добил.

"А если сейчас их явится сотня или тысяча? — подумал Яр. — Не полуживых, а сильных и беспощадных! Как те, в береговой крепости!" Он подумал это без страха, но с напряжением. Пришло обычное состояние скадермена перед лицом опасных и неведомых сил.

— Чита… — быстро начал Яр. Но его перебил Алька:

— Ух ты! — Он смотрел в окно, прижимаясь

ладонями к стеклу.

— Что? — обернулся Яр.

— Они мчатся сюда целой толпой!

Чита по-кошачьи скользнул за дверь. Глеб выдернул револьвер — видимо, машинально.

— Кто? — спросил Яр.

Алька весело сказал:

— Ветерки!

2

Нарастающий гул — голоса, топот башмаков, шлёпанье босых ног — подкатился к двери, и она распахнулась. Первым влетел в комнату Денёк. Его впихнул в неё, как поршнем, напор двадцати или тридцати мальчишек.

Яр сразу увидел, что это Денёк, хотя он выглядел не так, как на снежной поляне. На нём была новая рубашка с погончиками, с нашивкой на коротеньком рукаве и с торчащими из нагрудных карманов карандашиками. Сбоку — сумка на широком белом ремне, под мышкой — скрипичный футляр. Денёк был похож на школьника, который тёплым утром сбежал с урока музыки и неожиданно попал под холодный удар непогоды. В жёлтых волосах его блестели капли. Глаза были озорные и виноватые. Он зябко передёрнул пле-

чами, согнулся и стал растирать исчирканные косыми царапинами ноги.

— Янка! — сказал Глеб.

Денёк, не разгибаясь, поднял глаза. Улыбнулся:

— Здравствуй. А ты… а вы постарели, Глеб. Немножко…

— Янка… Чёрт возьми. Я ещё зимой, на поляне, подумал: как Денёк похож на Янку! Как это вышло, Янка?..

Разговор этот — суетливый и быстрый — шёл среди тесноты, беспорядочного шума и других торопливых разговоров. Данка сорвала через голову свитер и натягивала на дрожащего Стручка. У того испуганно и радостно блестели глаза.

Командир, опустив голову, объяснял Яру:

— Мы сами не понимаем. Три дня назад вернулся Денёк. Мы обрадовались, стали созывать всех на весенний сбор. Сегодня мы слетелись на поляне. Денёк начал рассказывать. И вдруг чувствуем, что холодно. Ну, просто трясёт. Как… как раньше. Ну, когда мы были ещё настоящие и боялись холода… Сразу все задрожали. Ведь в лесу-то ещё снег. И Денёк говорит: "Помчались! В ту школу, к ребятам!" И мы через лес, бегом! Маленьких на руки… Лететь не смогли…

Яр скрутил в себе желание спросить: с чем

вернулся Денёк? Были другие, более срочные вопросы. Стремительные дела. Скадермен Ярослав Родин сказал:

— Данка, завхоз в школе? Чёрт с ним, взломайте дверь склада. Из двух классов долой парты, поставить раскладушки от летнего лагеря. По два одеяла. Одеяла — сюда, закутать ребят. Алька, раздуй титан! Чита, из кладовки в спортзале тащите все лыжные костюмы!

— Уже, — сказал Чита.

— Чита, охрану к дверям и окнам.

— Да, — сказал Чита.

В это время Глеб спрашивал:

— А Гелька? Янка, что с Гелькой?!

— Я не знаю… — Денёк скинул с плеча ремень сумки. — Я только… вот…

— Подожди! Он был во время восстания?

— Он? Откуда? Он же там, в Старогорске. Он же…

Глеб шумно и коротко вздохнул:

— Ладно. А мне показалось…

Яр спросил Командира:

— Почему же это случилось?

— Мы не знаем. Совсем не знаем. Сразу перестали быть ветерками. Теперь мы опять…

— Но мы ещё сможем летать, хоть немножко…

— подал голос один из мальчишек.

— Но чтобы стать вот такими, настоящими, вы должны были это захотеть. Не так ли? — настойчиво сказал Яр.

Командир опустил голову.

— А мы всегда хотели. Если по правде…

— Это случилось только с вами? На вашей поляне? Или со всеми ветерками? — допытывался Яр.

Командир виновато сказал:

— Не знаю. Не могу понять…

— Яр! — громко окликнул Глеб. — Это, наверно, со всеми. Потому что Гелька порвал кольцо.

— Что?

— Смотри!

Глеб и Денёк держали какие-то истрёпанные листы. Яр шагнул поближе. Он увидел на бумаге торопливые красные строчки:

"Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви…"

И ниже — крупные зелёные буквы:

"Янка, не бойся! Мы его разорвём!"

— Эти слова появились уже здесь, — объяснил

Денёк. — Потом я писал Гельке, но ответа нет… Порвалось кольцо.

— Ничего не понял, — сказал Яр.

— Это неважно. — Глеб торопливо свернул листы. — Важно, что сейчас в лесах и на берегах оказались тысячи раздетых и голодных мальчишек.

— Они, все пойдут в Пустой Город, — сказал Игнатик. — Там хватит места.

— Но там ни отопления, ни хлеба, — нервно сказал Глеб. — Ах ты Гелька, Гелька…

— Гелька — молодец, — возразил Денёк.

— Он молодец. А нам-то что делать?

Ярослав сказал:

— Глеб, вы возьмёте школьную машину. Посмотрите, чтобы машина была заправлена. Возьмёте с собой… Командира. Да, его. Мчитесь в Город. Нет, сначала в рыбацкий посёлок, в сорока километрах от Города. Поднимите береговую охрану. Это здесь единственная организация, которая на что-то способна. Пусть дадут сообщение о ребятах по всем станциям. Еду, одежду, дрова — на рыбачьи сейнеры и катера. Начальника охраны зовут Шериф. Там есть диспетчер Феликс, он тоже будет ваш помощник. Скажите, что вы от меня, передайте ему вот это. — Яр достал из

внутреннего кармана потёртый семизарядный "викинг".

Была страшная теснота и толкотня, мальчишки натягивали лыжные костюмы.

Глеб нашёл глазами Командира.

— Поедете со мной.

— Да, капитан, — сказал командир ветерков.

Яр окликнул Читу:

— Третьеклассников — в цепь вокруг школы. Пусть окликают любого взрослого, кто идёт сюда. Пусть говорят, что карантин. Если всё равно идёт, пусть лупят мячами. На всякий случай. Потом скажем: была военная игра.

— Яр, это, пожалуй, ни к чему, — тихонько сказал Игнатик. — Ребята порвали кольцо. Теперь т е долго не сунутся.

— На всякий случай, — повторил Яр. И встретился глазами с мальчишкой, у которого из-под лыжной куртки выглядывала оранжевая майка. На несколько секунд Яр перестал быть скадерменом и командиром, напряжение отпустило его. Стало тепло и тихо.

— Это ты… — улыбнулся Яр. — Иди сюда. Скажи наконец: как тебя зовут?

Мальчик улыбнулся — и нерешительно, и обрадованно:

— Яська…

— Что? — изумлённо спросил Яр.

— Яська. Ярослав…

— Ну… и прекрасно, — засмеялся Яр. В конце концов, что здесь было удивительного?

Протолкалась Данка с закутанным в свитер Стручком.

— Яр, Вовчика я заберу к себе. И ещё трёх человек.

— Яська пойдёт ко мне, — ревниво сказал Алька. — И ещё вот он. — Алька кивнул на косматого большеротого пацанёнка с глазами-смородинами. — Это Люк…

— Хорошо.

Яр вдруг заметил, что в комнате стало просторнее и спокойнее. Кое-кто сидел по углам, других уже не было здесь — видимо, таскали кровати. Денёк, Игнатик и Яська о чём-то быстро шептались у окна.

"Боже мой, сколько теперь работы!" — подумал Яр.

— Глеб, машина готова?

— Да, Яр.

— Глеб… — Яр наконец разрешил себе сказать то, своё. Очень важное. — Глеб, если увидишь Юрку…

— Конечно, увижу. Куда он теперь денется, — быстро сказал Глеб.

"Куда? — подумал Яр. — Всё что угодно может быть с живым мальчишкой. Если в лесу, раздетый, без хлеба. Может заплутать, сорваться со скалы, ухнуть в болото, замёрзнуть… Да и в Городе тоже…"

"Это может случиться не только с Юркой", — перебил он себя. Но спокойнее, разумеется, не стало.

— Давай, Глеб. Не теряйте минут!Глеб и Командир шагнули к двери. Но там, у порога, возникла суета. Денёк, Яська и Тик вталкивали в комнату кого-то четвёртого. Игнатик весело и сердито говорил:

— Ну чего ты боишься? Вот балда! Иди…

Они расступились наконец, и перед Яром оказался темноволосый сумрачный мальчишка с низко опущенной головой. Несмотря на мешковатый лыжный костюм, он был похож на виноватого страусёнка из мультфильма, который Яр видел в детстве.

Яр услышал оглушительно звенящую тишину.

Мальчишка засопел, неловко провёл рукой под носом, чуть поднял лицо, сказал сипловато:

— Это, что ли, ты… папа…

СТАНЦИЯ МОСТ

Гелька удивлялся, что не чувствует большой печали после Янкиного исчезновения. В первый миг, правда, слёзы появились, а потом… Потом Гелька даже поймал себя на мысли, что так лучше: раз уж Денёк должен был улететь, хорошо, что улетел неожиданно, без тоскливого прощания… Жаль только, что не успел взять ящерку.

Правда, придётся теперь Гельке самому карабкаться на Мост… Но тут Гелька сжимал зубы и прогонял мысли о страхе. Надо — так надо. Это особая цель. И он сделает всё, как полагается. Что он, хуже Янки, хуже Юрки? Хуже тех, кто сражался в приморской крепости?

Ну, пусть хуже. Слабее, боязливее. Но он всё равно порвёт кольцо. И тогда будет такой же, как они…

В школу Гелька не пошёл. Попадёт за это лишь завтра. А кто знает, что будет завтра? Может быть, взрыв кольца разнесёт в клочки вообще все на свете страхи, все несчастья… Может быть, станет веселее мама, добрее тётя Вика, снова сделается здоровой бабушка. Может быть, папе и его друзьям разрешат продолжить изучение

сверхглубокой скважины в Ярксоне и они откроют все тайны параллельных пространств… И может быть, все ещё встретятся: Юрка, Глеб, Янка, Гелька…

И вдруг тоска по Янке сдавила Гельку неожиданно и крепко.

Не только сам Янка ушёл. С ним ушли загадки и тайны недавнего лета и словно порвалась ниточка, которая соединяла Гельку с другими планетами и мирами. С теми, где жили ветерки, шла опасная война, восставали крепости… Ниточка, что связывала его с Юркой и Глебом…

Гелька ушёл на речные обрывы и долго сидел там, глядя на теплоходы. День разгулялся, опять пришло летнее тепло. Гелька пошёл бродить по улицам. В канавах на окраине Старогорска он нарвал поздних пыльных одуванчиков — они робко желтели среди подсыхающей травы. Отнёс их к бетонному блоку с надписью про Ерёму. Без особой печали, просто так. Потом подумал, что вот принёс он одуванчики Ерёме, а на дедушкиной могиле не был с прошлой весны.

Кладбище было старое. Гелька перелез через каменный забор, продрался через татарник и "бабкины бусы". Могилу отыскал не сразу, потому что шёл не по дорожкам, а напрямик.

Ещё по пути сюда Гелька увидел куст сирени, который несмело, по-осеннему, зацвёл второй раз. Гелька отломил ветку и теперь положил её на серую плиту, которая накрывала могилу. На плите были вырезаны старинные знаки зодиака и косматая спираль галактики. "Как искорка, если смотреть через линзу", — вспомнил Гелька.

На камне, что поднимался над плитой, было выбито: "Матней Васильевич Травушкин. Директор Старогорской обсерватории. Ты прокладывал дороги открывателям звёзд. Спасибо, Капитан".

Гелька вспомнил другую могилу — в старой церкви, где был похоронен Флота Капитан Ратманов, трижды обошедший вокруг света.

"Может, и я буду капитаном, — спокойно подумал Гелька. — Но сначала надо порвать кольцо".

Вечером он сидел на подоконнике и ждал Ваську и Листика. Луна уже висела среди берёз, но пока была неяркая, тускло-розовая. И уже чуть-чуть похудевшая на правую щёку.

— Гелий, кажется, опять собирается умчаться на ночь глядя, — проницательно заметила тётя Вика.

— Пусть побегает, пока тёплые вечера, — заступилась мама. — Я когда маленькая была, мы тоже любили играть при луне. Просто сказка…

Она погладила Гельку по рыжеватому ёжику волос. Он тронул щекой её локоть. Знала бы мама, что за "сказка "...

Листик прибежал один. Озабоченно прошептал:

— Ваську мама отшлёпала и заперла в чулане. И не выпускает.

— За что?

— Потому что случай такой...

— Какой случай? — Гелька встревоженно глянул на часы.

— Такой... У нас напротив дома газон, помнишь? Там сейчас дядьки новые кусты вкопали, а потом привезли каменного старика с рыбкой, ну, вроде как с золотой, из сказки, и поставили среди кустов. Это, говорят, называется благоустройство. Васька посмотрел на такое благоустройство, вытащил из-за ремешка барабанную палочку да ка-ак треснет по старику! А тот на кусочки. Ну, сразу крик такой: "Хулиган, весь в папу!"

У Гельки нехорошо засосало под сердцем.

— Ясно, — сказал он. — Алёшка, а где взрыватель?

— Да в том-то и дело! Васька не успел его допаять!

Гелька отвернулся от Листика и съёжился на

подоконнике. Не было смысла возмущаться, охать, расспрашивать, кричать "что же делать". До намеченного взрыва оставался час. По календарю был последний день полнолуния. Следующее начнется через три недели. Скорее всего, небо тогда будет пасмурным, осенним и неизвестно, появится ли Мост. И вообще ничего не известно.

Как делать взрыватель, Гелька знал. Но нужен паяльник, провода, лампочка от фонарика. И главное — время.

Ах ты Васька, балда несчастная!.. Хотя за что его ругать? Нет, есть за что. За то, что провозился с запалом да последнего дня... Но откуда же он мог знать, что перед домом появится такой старик?

— Хоть бы фитиль какой-нибудь раздобыть! — отчаянно сказал Гелька. — Самый простой, вроде старинного. Они назывались "бикфордов шнур".

— Это вроде той верёвки, на празднике? Когда карнавальный огонь зажигали?

Гелька быстро взглянул на Листика. На Алёшку Огонька. Он сразу вспомнил, как Алёёшка в алой рубашке шагает с факелом впереди барабанщиков, потом взбегает на башню и поджигает белый шнур. И неторопливый огонёк бежит по шнуру к узорчатой чаше. И вспыхивает огненная корона!

— У тебя есть, Огонёк?

— Я тогда прихватил на память вот столько… — Алёшка изо всех сил растянул в стороны руки. — Я этим куском рубашку подпоясывал. Гелька, но он ведь недолго будет гореть. Секунд пять.

Гелька подумал. Тоже секунд пять. И прыгнул с подоконника.

— Это ничего, Огонёк, этого хватит.

— Ты же не успеешь спуститься!

"Я ведь могу даже и не спускаться", — сказал вчера Янка.

"Я тоже могу… Я подожгу фитиль и укроюсь под каменным карнизом. А когда грохнет, можно вниз…"

Всё это Гелька объяснил Огоньку уже на улице. Когда бежали за фитилём.

— Ой, Гелька… — сказал на бегу Алёшка.

— Да ничего не "ой". Взрыв будет не сильный. Рельсы лопнут, вот и всё…

Взбираться было труднее, чем он думал. Сперва-то ничего, а потом ноги загудели от резкой усталости. Ладони грызло ржавое железо. От каменной опоры несло такой зябкой сыростью, что Гелька то и дело вздрагивал. А может быть, он и от страха вздрагивал. Куда от него денешься, от проклятого расслабляющего страха? Земля оста-

лась далеко внизу, там остался Огонёк, верный помощник и единственный свидетель. Больше никому не было дела до Гельки… Равнодушно грохотал неподалёку танец ржавых ведьм.

Главное, не смотреть вниз. Очень уж далеко земля (такая прочная, тёплая, с ласковым пухом белоцвета). Луна — и та кажется ближе. Но верхний край моста близким не кажется. А ноги совсем ватные, и руки ломит в плечах.

Успеть бы…

Он успел. Подтянулся из последних сил над узким карнизом, ухватился за железо жиденьких перилец, перевалился через них, бросился ничком рядом с рельсами — грохочущая чёрная громада с ослепляющим прожектором вылетела из пустоты. Рядом, сотрясая железо и Гельку, загремели колеса. Гелька вцепился в перила, чтобы не затянуло в этот смертельный вихрь.

Грохот продолжался долго. Просто чудовищно долго. Просто бесконечно. Но Гелька вытерпел и это. И когда грохот неожиданно и стремительно стих, Гелька не потерял ни секунды.

Он вскочил!

Выхватил из кармана самодельный заряд с примотанным проволокой магнитом!

С размаху прилепил магнит к рельсу!

Размотал на поясе шнур!

Стал разрывать ногтями край пакета, чтобы вставить фитиль. Ногти скользили по плотной фольге, не могли зацепить.

И вот тут-то секунды стали убегать…

Гелька, ломая застёжку, рванул из-под воротника ящерку, её бронзовым хвостом пробил в пакете отверстие. (Пригодилась ящерка! Может, и хорошо, что Янка не успел взять её!)

Гелька воткнул в отверстие конец фитиля, вытянул шнур вдоль рельса, выхватил из кармана похожую на карандаш зажигалку, щёлкнул…

Аккуратный жёлтый огонёк побежал по шнуру неторопливо, но уверенно.

Гелька метнулся через перила, нащупал сандалиями верхнюю скобу. Всё в порядке! Теперь вниз! Целых пять секунд — вниз! Пока горит фитиль.

Один…

Два…

Три…

Четыре…

Пять!

Он прижался к бугристым холодным камням.

Ну, что же? Почему тихо? Погас огонь?

Гелька отчаянно посмотрел вверх. Над камен-

ным краем Моста полыхнуло голубоватое пламя. Звука не было. Как при взрыве руды на Луне, где нет атмосферы. Камни сильно тряхнуло, и Гелька вцепился в скобу из самых яростных сил. В светлом небе взвился и скрутился чёрными спиралями лопнувший рельс.

"А ты молодец, Гелька! Ты сумел! Даже Юрка скажет, что молодец… А теперь вниз!"

Вниз — не вверх. Это быстро, сейчас… И ноги уже не гудят, послушные стали. И руки не болят. Только рубашка мешает: выбилась из-под ремешка и цепляется за острые уголки и края скоб. Вот опять! Ух ты, вреднюга! Гелька рванул её… Нет, нельзя рвать. Зацепится карман, а в нём ящерка, она может потеряться…

Может быть, именно это задержало Гельку. А может быть, ему не хватило тех же двух клочков времени, которых не хватило Янке. Скоба растворилась в Гелькиных пальцах. И под ногами исчезла опора. И не стало перед глазами тёмных камней. Гельку охватила громадная пустота, и эта пустота стремительно засвистела в ушах, когда он понёсся к земле.

Гелька не испугался. То есть он испугался самого падения, от которого ожгло сердце. Но он не думал, что разобьётся.

"Я полечу! — сказал он себе. — Я ветерок! Сейчас..."

Он раскинул руки, и упругий воздух ударил ему в ладони. Гельке показалось даже, что падение стало медленней.

"Я полечу! Надо только сказать слова!"

Надо было прошептать короткое заклинание, которое написано на Башне Ветров в далёком и сказочном городе.

"Сейчас... Я..."

Он вдруг понял, что не помнит этих слов. Совсем не помнит! Вместо них в свистящем воздухе словно кто-то прошептал другие слова:

Ясной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На будёновке серой —
Голубая звезда...

Свист нарастал, встречный воздух рвал волосы и рубашку.

"Сейчас! Сейчас... Ясной ночью осенней улечу из гнезда!.. Ясной ночью осенней... Яс... Янка..."

Листик зажмурился и ощутил, как легко толкнулась земля. И стало тихо-тихо. Не гремели железные бочки. Не шепталась трава. Весь мир

притих и, казалось, ждал, что над головками белоцвета сейчас взовьётся и умчится прочь крутящийся ветерок. Но ничего не было. Только тишина. И только далеко-далеко, на краю Вселенной, вспыхнула и стремительно развернулась в ночи новая спиральная галактика.

* * *

В этой галактике, далеко от её центра, у неяркой жёлтой звезды совершали свой облёт планеты. На одной планете — зелёной от лесов, песочной от пустынь и влажно-синей от океанов — на полуострове между устьем большой реки и морем была середина лета. Было утро.

С каменного крыльца во двор старинной крепости сбежал мальчик в зелёной матроске с белым широким воротником. Во дворе было тихо, но над зубцами башен, на сигнальных мачтах, трепетали и хлопали от морского ветра пёстрые сигнальные флаги. Наверно, сто флагов или больше.

Мальчик посмотрел на флаги, прочитал сигналы, улыбнулся и побежал к серой глыбе ракушечника на краю двора.

На глыбе, растопырив лапки, похожие на ручки крошечного человека, грелась на солнышке

ящерка. Она не испугалась, когда мальчик накрыл её ладонью.

Он посадил её — живую, щекочущую — в карман матроски и по железной лесенке умело докарабкался на верхнюю площадку башни.

Здесь за него сразу взялся весёлый и шумный ветер. Пригнул на темени жёсткий рыжеватый хохолок, захлопал воротником, усыпал одежду и кожу колючей водяной пылью, которую принёс от скал, с пенных верхушек прибоя. Мальчик облизал солёные губы и посмотрел на море. Волны были ярко-синие с белой оторочкой гребней. Над гребнями неслись очень круглые разноцветные паруса — спинакеры. Они были похожи на стаю праздничных воздушных шариков, которые кто-то отпустил над морем.

Мальчик достал ящерку, посадил её на плоский верх башенного зубца.

— Смотри, как красиво… — И долго смотрел сам.

Потом он взглянул с высоты на двор. На крыльце стояла мама.

— Я здесь! — мальчик перегнулся через поручень между зубцами. Замахал рукой, похожей на коричневую ветку. — Мы здесь!

— Поедем в Город! — крикнула мама. — Скоро

начало праздника!

— Мама, я с ребятами! Мы придём прямо на площадь!

— Хорошо! Я тебя обязательно там увижу!

Мама обошла дом и села в оранжевый автобус, который остановился рядом с фортом у заросшей белоцветом обочины. Мальчик помахал вслед автобусу и посмотрел на Город.

Город был вдалеке, его башни, летучие мосты и стеклянные крыши поднимались из-за пологого лесистого холма. Башни были белые и разноцветные. Мосты — кружевные. Крыши — блестящие. Ветер качал над крышами стаи воздушных змеев и пёстрых аэростатов. Город сверкал, он был радостным — таким, какими должны быть все города во всех галактиках. Всегда. А особенно в такой день, когда приходит Всеобщий Праздник Межгалактических Туннелей и Мостов.

По дороге и просто по траве бежали к старой крепости ребята. Они заполнили солнечный двор, где между каменных плит густо росли одуванчики. Среди одуванчиков стояли четыре столба, и на них поднималась фанерная кособокая будка с проволочным балкончиком — старая голубятня. Из голубятни прыгали на плиты мальчишки с большими разноцветными барабанами.

Они были весёлые, голосистые, в ярких, похожих на сигнальные флаги рубашках. Раскатилась над плитами двора озорная дробь барабанов. Мальчик услышал перекличку барабанщиков, которые выстроились у ярко-жёлтой от солнца стены:

— Юрик Родин!
— Я!
— Валька Бегунов!
— Я!
— Василёк Снегирёв!
— Здесь!
— Митька Кошкарёв!
— Кто?
— Грозный Митька по кличке Маус!
— Вот он я!
— Василёк Иту Дэн!
— Здесь!
— Стеклянный барабанщик Тилька!
— Сами вы стеклянные!.. Здесь я!
— Барабанщики Серой Стены!
— Здесь!
— Все шестеро?
— Да!
— Барабанщики Утреннего Поля!
— Здесь! Здесь! Здесь!

— Данилка Вострецов!
— Я!
— Королевский барабанщик Туги!
— Оваи!
— Барабанщик Даниэль Дегар!
— Я, господа!
— Барабанщик Ванюшка! То есть Жан!
— Я!
— Барабанщики "Каравеллы"!
— Это же из другой галактики...
— Всё равно! Здесь мы!
— Командир барабанщиков Володька!
— Я!
— А новичок? Где наш новичок с ящеркой?
— Я здесь! — закричал мальчик с высоты. — Мы оба здесь! Мы сейчас!

Он взял в левую ладонь ящерку, а правой замахал ребятам.

Они стояли, запрокинув головы, и тоже махали ему. И смеялись беззаботно и смело, как должны смеяться мальчишки во всей Вселенной.

СЕРЕБРИСТОЕ ДЕРЕВО С ПОЮЩИМ КОТОМ

ВСТУПЛЕНИЕ
Кап

На ночь Кап устроился в зарослях опушки. На лесной паутине. Он прилёг на скрещение двух упругих шёлковых ниток и сразу уснул — как в чёрную воронку упал. Но и тогда он продолжал тихонько вздрагивать от всех дневных огорчений и, главное, от одиночества, которое ощущалось даже сквозь беспамятный сон…

А утром стало легче. Лучше. Очнулся Кап от ласкового щекотания. Оказалось, что здешнее Лау-ццоло (очень похожее на то, что дома у Капа) просунуло сквозь листья жёлто-белый луч. Потрогало им прозрачное тельце Капа. Может быть, хотело поиграть с малышом. Кап обрадовался. Живая искорка в нём благодарно разгорелась в ответ. Кап решил, что нет никакого резона унывать раньше времени. Просто случилось приключение. В приключениях всегда так: сперва неприятности и опасности, а потом всё кончается хорошо. И, конечно, его найдут. Вернутся домой, заметят, что одного путешественника нет, и тут же бросятся назад, на поиски… Да, разумеется,

такие поиски — дело непростое. Очень даже непростое: кое-кому покажется даже, что совсем безнадёжное. Но сам Кап вовсе так не думает…

А есть ещё и другая надежда! Кап сам отыщет разумных существ и попросит о помощи. Правда, пока он их не видел. Но ведь он здесь всего сутки. Не может быть, чтобы на такой громадной и красивой планете не нашлось никого, кому известны законы движения в Пространстве… Да, конечно, старая ворчливая тули-ббуба утверждает, что разумная жизнь во Вселенной крайне редка. Но ясно же: эти слова, для того, чтобы маленькие капли не шастали без спросу где не надо…

Шёлковые нитки закачались. Кап увидел, что к нему подбирается существо. Страшилище! С мохнатым телом, на восьми кривых ногах, со множеством свирепых глаз на безобразной голове. Ну и создание!.. Но кто его знает? Может, по здешним меркам это красавец. Кап на всякий случай послал навстречу существу осторожный магнитный импульс:

— Здравствуй. Ты разумный?

Существо не ответило и продолжало подбираться. Кап не испугался. Страшилище ничего не могло ему сделать. Впрочем, и он страшилищу тоже. Разве что кольнуть его насмешливым лу-

чом своей искорки, слегка подразнить. Кап так и сделал. Потом нащупал тельцем силовую линию здешнего магнитного поля и скользнул по ней с паутины. На простор, на свет!

Мир, открывшийся Капу, был зелёным и голубым. Приветливым. Веял ветерок. Вот и прекрасно! Кап растянул прозрачное тельце в прозрачную плёнку, сомкнул её в невесомый пузырёк, вобрал внутрь пузырька тепло утренних лучей. Воздух в нём нагрелся. Летучий искрящийся шарик, поднимаясь всё выше, поплыл в мягком воздушном потоке.

С высоты здешняя планета была похожа на Ллиму-зину. Только зелень посветлее и не такая густая. И в реке (Кап чуял это издалека), кроме воды, было много каких-то незнакомых смесей. Но голубое небо отражалось в реке ярко и весело. Знакомо… Кап оглядел небо. Оно было почти пустое, только напротив яркого Лау-ццоло, у горизонта, желтело небольшое облако. Кап слегка похолодел от грусти: нет, он больше не обманется. Вчера он с надеждой и радостью кинулся в гущу облаков, но не встретил там никого. Ни одна — понимаете, ни одна! — из миллионов капелек не отозвалась на его зов. И не потому, что они не понимали языка. Нет, они вообще были какие-

то… или наглухо уснувшие, или ненастоящие. Страшно сказать — неживые…

И Кап — он, хотя ещё не взрослый и не очень-то образованный — но всё же сообразил (вернее, почувствовал), что в облаках никого он не найдёт. Грустно и непонятно, да что поделаешь. Видимо, здесь свои законы, своя жизнь…

Воздушный поток нёс Капа вдоль речного русла. Кап отдался теплу и полёту бездумно, лениво. Тревога его растаяла. Он был словно в полудрёме. И сперва не обратил внимания, что по берегам всё чаще стали возникать громадные сооружения. Наконец их стало гораздо больше, чем зелени. Тогда Кап встряхнулся и стал соображать: куда его принесло?

Сооружения безусловно были жилищами. Кап и вчера видел такие, только издалека. В жилищах обитали великаны, которые двигались на двух конечностях. Такие водились и на поверхности Ллиму-зины, они назывались уу-гы. Правда, там жилища уу-гы были гораздо меньше — из древесной коры и веток. И ещё различие: на Ллиму-зине великаны поросли шерстью, а на здешних шкуры были явно искусственные. Но это, конечно, ничего не меняло. Никакого контакта между летучими каплями и жителями планетной по-

верхности быть не могло. Это два совершенно разных мира, два совсем непохожих разума. Если вообще можно допустить, что двуногие обладают разумом. Скорее всего — нет. Известно, что они и охотятся на других существ и друг на друга, нечувствительны к голосам магнитосферы и не в состоянии подняться даже до нижнего облачного слоя… Короче говоря, пользы и помощи от этих существ не могло быть ни малейшей.

Кап хотел поскорей покинуть это неприятное место. Но вдруг уловил в хаотическом дрожании здешнего магнитного поля что-то необычное. Какую-то стройность и осмысленность!

Ничего он, конечно, не понял в услышанных сигналах, но это были именно *сигналы.* Их посылали друг другу явно разумные существа!

Кап так заволновался, что забыл о температурном режиме. Воздух внутри шарика резко нагрелся и разнёс оболочку на мельчайшие брызги! Но центральная магнитная точка тут же собрала водяную пыль обратно в каплю. Кап, обмерев на секунду, начал падать в реку. Однако тут же пришёл в себя. Опять нащупал одну из линий планетного силового поля и помчался по ней к жилищам двуногих великанов: в то место, откуда доносился особенно явный сигнал.

Сквозь прямоугольный проем Кап влетел в громадное помещение, замкнутое квадратными плоскостями. Здесь было много непонятного. Но Кап не стал оглядываться. Главное — сам обитатель жилища. Он сидел перед каким-то блестящим предметом, от которого как раз и шли сигналы. Перед глазами великана блестели две круглые пластины — словно линзы из неживой затвердевшей воды. Такой же материал покрывал слегка выпуклую переднюю стенку той штуки, с которой великан общался. Над этой штукой торчал металлический стержень, на которой горела искра от Лау-ццоло (или как оно тут называется).

Конечно, Кап не умел рассуждать логично, как взрослая капля. Но инстинкты и способность к догадкам — они ведь от рождения. И чутьё подсказало Капу, что, если он сядет на шарик стержня и пошлет великану магнитный импульс посильнее, этот житель здешнего мира услышит его, Капа. И может быть, даже поймёт.

И Кап сел — словно на шарике зажглась ещё одна искорка. Сгустил внутри себя заряд помощнее и бросил его наружу невидимым лучом:

— Здравствуй. Ты — разумный?

«Профессор Тачкин уже вторую неделю нала-

живал свой контакт с "Аликом". "Алик" — это "Анализатор лингвистических структур с полным профилем саморегулирующихся блоков". Короче говоря, компьютер, предназначенный для разбора всяких загадок и хитростей, связанных с языками — современными и древними, земными и (на всякий случай) инопланетными. Машина была, конечно, гениальная, но характер имела вредный, с чисто человеческими капризами. Когда пришлось расшифровывать надписи на глиняных табличках, найденных недавно в одной пещере у Красного моря, "Алик" разделался с этим шутя. Но когда профессор задал ему какой-то пустяковый вопрос, тот выдал в ответ светящуюся строчку:

"Сам-то не можешь мозгами пошевелить, что ли?"

Сегодня утром профессор ввёл в "Алика" программу, необходимую для разгадки древнего колдовского заклинания жрецов племени Юго-туго. Сперва "Алик" добросовестно замигал цветными лампочками, но потом вдруг выдал на дисплей какие-то загогулины. А следом — весьма обидную фразу:

"Здравствуй. Ты — разумный?"

— Ну, знаешь ли!.. — возмутился профессор

Тачкин. — Я-то разумный, а ты ведёшь себя совершенно несерьёзно. Неинтеллигентно даже…

Тогда "Алик" включил акустический блок и сообщил механическим, но с капризной ноткой, голоском:

— А при чём тут я? Это какой-то тип сел на внешний вывод и лезет со своим излучением…

— Что ты городишь! — рассердился Тачкин.

— Сам посмотри! Вверх, на антенну!

Профессор посмотрел и ничего не увидел. Только горели на хромированном шарике две солнечные искры.

— Ты меня неумно разыгрываешь, — с упреком сказал профессор.

— Очки надень!

Очки были на профессоре. Он поправил их и пригляделся. Одна из искорок странно вибрировала. Она дрожала внутри крошечной капли. Словно в росинке.

— Н-ну и что? — произнёс профессор Тачкин.

Капелька вдруг снялась с шарика и стала описывать вокруг него кольца, как спутник вокруг планеты. Потом нарисовала в воздухе несколько сложных фигур. В её поведении определенно угадывался какой-то смысл.

Профессор был широко образованный человек.

Он никогда не сомневался, что формы жизни во Вселенной могут быть самыми разными. Поэтому не очень удивился. Но всё-таки заволновался.

— Простите… С кем имею честь?

Капелька опять опустилась на шарик. А по экрану побежали зелёные буквы:

“Я — Кап… Мы с классом полетели на экскурсию в Широкое пространство и на минуту присели у вас… Я увидел что-то разноцветное; оно летело. Я полетел за ним. Наверно, никто не заметил, что меня нет, капсула ушла… А я здесь… Ты можешь мне помочь?”

— Э-э… простите, но как?

“Ты же разумный! Нужен магнитный транслятор с автоматическим определителем координат… А то ипу-ннани и ипу-ддули там совсем высохнут от страха за меня…”

И профессору показалось, что кто-то всхлипнул. То ли “Алик”, то ли кто-то ещё…»

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Вице-президент

Прошлой весной в городе Ново-Калошине случалось много необычного. Такого, что в газетах называется аномальными явлениями. То выпадут на асфальт разноцветные дождики, то прокатится слух, что над стадионом зависла летающая тарелка; то летающие тарелки и сковородки объявятся у кого-нибудь в доме. Подобное случилось, например, у домохозяйки бабки Кручининой на улице Малой Колодезной. В комнате ожили давно не работавшие часы с кукушкой, а кухонная и столовая посуда принялась носиться кругами по воздуху. При этом большая сковородка зацепила голову участкового милиционера Кутузова, который пришёл наводить порядок. Младший лейтенант Кутузов два дня ходил с бинтом под фуражкой и скромно гордился ранением, полученным при исполнении. Правда, порядка он так и не навёл, но чашки-миски успокоились вскоре сами по себе (а часы продолжали идти и тикают до сих пор).

В середине мая на окраинных переулках вы-

махали необычного размера лопухи. Будто в тропиках! Среди них свободно прятались шелудивые окрестные козы.

В местной роще дважды видели снежного человека (хотя, конечно, название “снежный” в такое время года звучит не совсем оправданно).

Но эти события были интересные и неопасные (за исключением ссадины на лбу младшего лейтенанта). А случились и другие — весьма пакостные.

На городских помойках, на пустырях и в скверах появились большущие вороны — раза в два крупнее обычных. Видимо, мутанты. Орали они препогано, причем в их карканье отчётливо слышались человечьи слова — в основном ругательные. Вели себя эти птицы по-бандитски. Случалось, что выхватывали из рук у женщин блестящие сумочки, срывали с прохожих шапки, устраивали налёты на рыночные прилавки. А первоклассников, которые спешили по утрам на уроки, порой просто сбивали с ног… Но скоро житель Ново-Калошина по имени Маркони нашёл на пернатых разбойников управу. Оказалось, они ужасно боятся обыкновенных пищалок. Надо взять катушку от ниток, натянуть на отверстие резиновую ленточку и дуть посильнее. От такого

звука вороны-мутанты (в отличие от обыкновенных) с воплями разлетаются кто куда. Поэтому каждое утро, когда школьный народ топал на занятия, весенние улицы наполнялись стонущим, берущим за душу гуденьем… И в середине мая пернатые злодеи не выдержали: собрались в многотысячную стаю и тучей улетели в неизвестные края.

Но, к сожалению, никакого сладу не было с другими мутантами. На ближних ново-калошинских болотах вывелись в первые тёплые дни необычные комары. По комариным понятиям — тоже великаны. Размером с кузнечика. Маркони прозвал их супер-кулексами. Потому что “кулекс” — это название обыкновенного комара. По латыни.

И до чего же хитрые паразиты были эти супер-кулексы! Летали в одиночку и, несмотря на свои размеры, садились на человека незаметно. И жало вгоняли безболезненно, причем, прямо сквозь одежду. И в одну секунду накачивали себе в брюхо целый наперсток крови. Увидишь на себе такую жуть, бах с размаху, а из-под руки — брызги, как из переспелой клюквы. Бр-р… А на майке или на рубашке– пятно, будто в тебя выпалили из ковбойского смит-вессона. Сперва

место укуса не болело и не чесалось, но через несколько часов, обычно среди ночи, появлялось зудящее жжение. Вертишься во сне и царапаешь себя, будто оказался в муравейнике.

И никакие мази, никакие жидкости от супер-кулексов не защищали. В какой-то мере помогало только заклинание:

Егер-маркер,
Пустота,
Восемь кошек,
Три хвоста.
Шиш на мыло,
Кукуруза.
Не садись, комар,
На пузо!

Но годилось оно только для отпугивания подлетающих комаров. А уж если уселся и укусил, ничем не спасёшься от чесания…

Хорошо хоть, что пиратничали супер-кулексы не круглосуточно, а главным образом по вечерам, когда солнце съезжало к самым крышам и в городе становилось прохладнее.

Днём зато мучила новокалошинцев небывалая жара. Её тоже следовало признать аномальным

явлением. Всем известен закон природы: зацвела черёмуха — жди майского холода. А здесь черёмуха цвела (и цвела бурно!), когда термометры в тени показывали тридцать один градус, а на солнце вообще была Сахара.

…Но жара жарой, а традиции клуба “Рагал” (“Радиус Галактики”) были незыблемы. На все заседания члены клуба приходили в отутюженных костюмах и строгих платьях. Мужчины — при галстуках. “Рагал” был литературным клубом любителей фантастики.

Только недалёкие люди считают, что любовь к фантастике и её изучение — дело несерьёзное. Рагальцы же были уверены, что всё наоборот. И официальностью облика подчёркивали важность своих собраний.

А сегодня собрание было важным вдвойне. Во-первых — последнее перед летними каникулами. Во-вторых — стоял вопрос о приеме одного из членов “Рагала” в секцию высшей ступени.

Ступеней (и секций) было три. Низшая называлась “Любители”. Следующая — “Знатоки”. А самая высокая — “Авторы”. В неё принимали тех, кто не только читает и знает фантастические книги, но и сам сочиняет рассказы и повести. Причем сочинять полагалось хорошо, интересно. Лучшие

произведения Авторов печатались в клубном альманахе “Звёздное копыто”, а некоторые даже в городской газете “Вечерний Ново-Калошин”.

Ну и понятно, что принимали в “Авторы” после строгого экзамена. Кандидат читал новый рассказ или отрывок из повести, а потом их (и текст, и его автора) обсуждали. И голосовали. И если голосование было положительным, счастливчику вручали значок: чёрный квадратик с золотой спиралью Галактики и белой буквой А. Их по особому заказу изготовили для “Рагала” в артели “Эмаль”…

На этот раз принимали Егора Николаевича Телегу. Это был человек известный, профессор. Он преподавал в местном университете лингвистику. Несмотря на относительно молодой возраст, имел степень доктора филологических наук, то есть занимался всякими науками о языках. Его докторская диссертация наделала много шуму в академических кругах. Называлась она “Прямое и опосредованное воздействие фольклорно-ритуальных лингвистических построений на явления и события материального мира”. Непонятно, да? Ну, если попроще, то работа эта рассказывала о всяких заклинаниях, заговорах и ворожбе. В ней доказывалось, что все эти нашёптывания,

скороговорки и четверостишия придуманы в народе не просто так, а действительно могут иногда быть полезны. Если они составлены верно и произносятся вовремя…

Студенты и знакомые за глаза называли иногда Егора Николаевича Телегой. Но сам профессор утверждал, что фамилия его произносится с ударением на первом слоге — Телега. И сдержанно обижался, если ударение путали.

Был профессор Телега, моложав, строен, лицо имел худое и очень интеллигентное. Острый подбородок его, пожалуй, чересчур выдавался вперёд (как у сказочного месяца), но это лишь придавало профессору особую симпатичность. Так же как и привычка почесывать подбородок в ответственные минуты.

Ещё следует сказать, что характером профессор Телега был стеснителен и добр, хотя порой и ставил “неуды” особо ленивым питомцам филологического факультета.

Теперь же профессору выпало не принимать, а сдавать экзамен. Он волновался не меньше, чем на защите диссертации. Когда стал читать начало своей повести о приключениях маленького Капа, голос у него дрожал и несколько раз прерывался. А когда чтение закончилось, бедный

Телега, несмотря на жару, ощутил озноб. Потому что в жаре этой висело строгое безмолвие.

Клуб заседал в читальном зале районной библиотеки имени Братьев Карамазовых. Основной состав потел на стульях, расставленных вдоль стен, а члены секции “Авторы” сидели за старинным овальным столом, на котором белела гипсовая статуэтка Аэлиты. А Егор Николаевич Телега маялся смущением за маленькой деревянной кафедрой.

Всего было человек тридцать. И все молчали. Никто не спешил: торопливой и необдуманной фразой можно было подпортить свой авторитет.

— Ну, что же… — начал наконец один из Авторов — Сергей Сергеевич Будкин, заместитель директора кинотеатра “Солнышко”. — В какой-то степени это… конечно… может быть…

— Но с другой стороны… — подала голос Анна Эдуардовна Кнопп, работница исполкома. В решительные моменты она обязательно говорила эту фразу, которая всегда звучала весомо и кстати…

Бухгалтер ново-калошинского химкомбината “Красная резина” Борис Борисович Боб высказался определённее:

— Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, здесь

в наличии определенный рост литературного мастерства…

На него посмотрели по-разному: кто вопросительно, кто строго, и он сказал:

— Хотя, конечно, я могу ошибаться, тогда пусть коллеги меня поправят…

Слово взял студент-пятикурсник Женя Красавцев из секции “Знатоки”. В прошлом году он получил у профессора “незачет”, но теперь у него уже не учился. Поэтому сказал вежливо и мстительно:

— Мне кажется, коллега Телега… э, простите, коллега Телега несколько поторопился вынести на суд уважаемых слушателей своё творение. Всякий литературный труд можно оценивать, когда он завершен. А пока мы видим лишь попытку завязать традиционный сюжет, не выходящий, на мой взгляд, за рамки любительского уровня…

— Но с другой стороны… — возгласила Анна Эдуардовна Кнопп.

И затем высказывания посыпались без перерыва. Кто-то хвалил профессора. Кто-то поддерживал студента Красавцева. Кто-то с ними спорил. Несмотря на солидность собрания, в споре начал ощущаться накал. Настолько, что председатель — лысый, с седыми буклями, Климентий Олего-

вич Мумин-Ковальский, бывший заведующий городским загсом, а ныне заслуженный пенсионер, — постучал о стол своей курительной трубкой (разумеется, незажжённой).

— Коллеги, коллеги! Мы же не на съезде депутатов. В любом случае следует сохранять выдержку и уважать разные мнения. Их, кстати, высказано достаточно. Почему бы нам не послушать наконец уважаемого вице-президента?

И наступило почтительное молчание,

Вице-президент был главным. И все понимали, что его слово — решающее.

Конечно, имелся в “Рагале” и президент. Но он был почетным, потому что жил в столице. Это известный автор космических романов Никодим Лопушанцев. По причине большой занятости появлялся он в клубе нечасто. Всеми делами клуба заправлял общественный директор Ким Львович Пограничный, подполковник в отставке. Но он ведал именно делами: хозяйством, библиотекой, собраниями и выступлениями. А в литературной области неоспоримым авторитетом был вице-президент.

Кстати, он и сейчас был “на высоте положения”. Сидел не за столом, а на верхней ступеньке раздвижной лестницы, которая стояла у стеллажа с

фантастической литературой. Он устроился там с легкостью залётной пичуги и качал покрытой весенним загаром ногой с пятнышками-зелёнками и расчёсами укушенных супер-кулексами мест. На ноге свободно болтался и грозил упасть зашнурованный лишь до половины растоптанный кед. Значок Автора у вице-президента был приколот не к строгому пиджаку, а к жёлто-зелёной клетчатой рубашке с подвёрнутыми рукавами. Внизу у лестницы валялся потёртый, явно не академического вида, портфель. Чтобы успеть к началу заседания, вице-президент отпросился с последнего урока и появился в клубе запыхавшийся и встрёпанный. Эта встрёпанность до сих пор сохранялась в его соломенной прическе… Короче говоря, вице-президент внешностью своей весьма отличался от коллег.

Было вице-президенту одиннадцать лет, и он справедливо полагал, что истинный талант всегда должен оставаться самим собой — и внутри, и снаружи.

А то, что пятиклассник Сеня Персиков — талант, было установлено давно и не подлежало сомнению.

Дело вот в чём. Рассказы и повести всех, даже самых известных Авторов “Рагала” начинались

примерно так: “Звездолёт “Тайфун” (или “Радуга”, или “Циклон”, или “303-Х-Эталон-бенц” и т. д.) после долгого перелёта опустился на незнакомую планету. “Роботы взяли пробу, — сказал командир. — Здешний воздух годен для дыхания. Выходим, друзья…” Далее речь шла о контакте с местными обитателями. Конец мог быть хороший или трагический, но так или иначе торжествовала идея космического братства, единства гуманных ценностей и любви ко всему живому. И ничего плохого тут, конечно, не было, только очень уж… как-то одно и то же. Сами Авторы признавали это со стыдливой самокритичностью.

На фоне общего “рагальского” творчества рассказы вице-президента производили ошарашивающий эффект. Вот, например, начало одного:

“Тихий шестилунный вечер лёг на планету Каррамба-Нуэрва. Ласково мерцали обсидиановые площади Кренкас-саты. Профессор Оо Утри Кауп устало влетел к себе домой, на четырнадцатый этаж уютного жилого дупла в стволе тысячелетнего белого кочебапа. Двенадцать хвостов он сразу отстегнул и положил в холодильник, чтобы хранившаяся в них мудрость не растаяла

до завтрашнего утра. Тринадцатый хвост, с разумом домашнего уровня, профессор оставил на себе. Это необходимо было, чтобы разобраться с младшим сыном по поводу его школьных дел.

Младший сын, Оо Каврунги по прозвищу Зелёная Пуба, ходил во второй класс, и у него было всего два хвоста, причем оба коротенькие. И тем не менее на всякие фокусы ума у негодника хватало. А вот на учёбу…

— А ну, иди сюда, шишкабула, двоечник несчастный, — сказал профессор нехорошим стереофоническим ультразвуком. — Иди, иди…

Зелёная Пуба на всякий случай сразу заревел:

— Ага, “двоечник”. А как быть семёрочником, если всего два хвоста? Сколько прошу, купи ещё…

— В наше время, — сказал профессор, — мы не клянчили деньги на хвосты у родителей. Каждый хвост мы выращивали сами…”

Или вот ещё:

«Машину времени бабка Анюта сделала сама, из дребезжащих часов-ходиков. Ей не так уж и хотелось в прошлое, но цены в магазинах и на рынке в наше время сделались такие, что полетишь хоть куда: хоть в средневековье, хоть в “донашу эру”. Но далеко бабка не собиралась,

только в тыща девятьсот тринадцатый год, с которым у нас любят всё сравнивать… Однако у главной шестерёнки отломился один зуб, и машина приземлилась не где-нибудь, а прямёхонько на палубе флибустьерской каракки “Ла Медуза”, в шестнадцатом веке. Пёстрая толпа одноногих и одноглазых злодеев тут же окружила бабку.

— Добро пожаловать, мадам, — с хихиканьем раскланялся крючконосый капитан в драном колете и рыжих ботфортах. — В нашей компании так не хватает красавиц.

— Я те дам “мадам”, мафия недорезанная! — рявкнула бабка Анюта и клюкой пробила гнилую палубную доску. — Он тут ишшо комплименты разводить будет! А ну, стать по росту в одну шеренгу!..

Пираты не знали, что раньше бабка была уборщицей в сто тринадцатой средней школе…»

Были у Сени Персикова и лирические произведения. Больше всех нравился читателям рассказ “На рассвете”. В нём говорилось, как мальчик летом жил у бабушки и однажды ночью, когда спал на сеновале, проснулся от непонятного чувства. От ожидания, что очень скоро случится что-то чудесное.

“В щели сочился странный свет: ни луна, ни

заря, а что-то совсем непривычное. Мальчик выскользнул с сеновала. Над ближней рощей поднимались несколько разноцветных лучей. Мальчик пошёл туда по холодной, усыпанной предутренней росою траве…

Пройдя опушку, он увидел на поляне… какое-то сооружение. Нет, не летающую тарелку, не звёздный корабль, а что-то похожее на круглый терем. Разноцветные лучи били с крыши. Светились в тереме окошки. На поляне было светло.

По траве ходила рыжая девочка и собирала ромашки.

Девочку окликнули из открытой двери. Она оглянулась и что-то ответила на непонятном языке. Видимо, была недовольна. Её окликнули снова. Девочка взбежала на крыльцо, и мальчик очень опечалился, что больше не увидит её. Но девочка скоро вышла опять. Посмотрела в ту сторону, где в кустах прятался мальчик (заметила или нет?).

Потом она что-то развесила на отдельно растущей мохнатой сосенке. Как на новогодней ёлочке. И вбежала в терем.

Лучи и окошки погасли. И он… он расплылся, стал туманным и поднялся в небо, как тёмное облако.

Мальчик подошёл к сосенке. На ветках висели бубенчики из тонкой листовой меди. Они были похожи на цветы купавки.

Мальчик задел ветку, бубенчики тихо и доверчиво зазвенели.

Долго мальчик стоял и слушал этот звон. И ему казалось, что вот-вот опять появится на поляне девочка с медными волосами. Уже солнце пробилось через листья, заискрилась роса, а в бубенчиках зажглись жёлтые огоньки.

Мальчик не стал трогать все бубенчики, но два из них снял и унёс с собой. Чтобы потом не казалось, что всё случившееся — сон.

Иногда по ночам бубенчики начинают звонить сами по себе, тихо-тихо, так, что слышно лишь мальчику. Словно кто-то подаёт издалека непонятный сигнал…”

Рассказ “На рассвете” был напечатан в “Вечернем Ново-Калошине” под рубрикой “Творчество наших фантастов”. Согласитесь, что не каждого удостаивают подобной известности… Понятно, что в “Рагале” творчество Сени Персикова ценилось по высшей категории. Потому он, как безусловный литературный лидер, и был избран вице-президентом. Правда, почтительное отношение к нему было смешано с ласковостью. Всех

тут называли по имени-отчеству или коллегой с прибавлением фамилии. А вице-президента — Сенечкой. В более же официальных случаях — “коллега Сенечка”; Но в самые ответственные моменты обращались как подобает: “Уважаемый вице-президент”.

… — Почему бы нам не послушать нашего уважаемого вице-президента?

И все взоры обратились вверх.

Коллега Сенечка перестал качать изжаленной ногой. Пригладил солому причёски. Задумчиво покусал нижнюю губу. “Рагал” притих и потел (а профессор Телега зябко вздрагивал) в томительном ожидании.

— Ну что же, — наконец произнёс коллега Сенечка. — По-моему, ничего. По-моему, вполне… Ну и что же, что это лишь начало? Если начало хорошее, почему конец должен быть хуже? Егор Николаевич и раньше писал неплохо, мы все знаем. По-моему, мы должны доверять человеку…

“Радиус Галактики” облегченно зашевелился, раздались голоса. В том смысле, что да, конечно, какое же литературное творчество может быть без доверия к товарищам по перу. Судьба профессора Телеги была быстро и счастливо решена открытым голосованием. Почти единогласно,

только студент Женя Красавцев насупленно воздержался.

Клим Львович Пограничный, общественный директор, вручил Егору Николаевичу значок Автора, а строгая Анна Эдуардовна Кнопп — алую гвоздику. Все похлопали, и клуб “Рагал” распустился на каникулы.

Ново-Калошин получил название от резиновой фабрики. Её до революции поставил на реке Лосихе местный заводчик Тимофей Помидорников. Ближние деревни разрослись вокруг фабрики, вот и образовали город. Никакого другого Калошина в здешних местах никогда не было — ни простого, ни со словом “Старо”. А приставка “Ново” приклеилась к названию оттого, что очень уж блестящие новенькие калоши выпускало предприятие Помидорникова.

Но всё это было в давние-давние времена. С той поры фабрика выросла в большущий комбинат, который отравил немало воды в Лосихе и природы в окрестностях. Появились и другие комбинаты и заводы. И Ново-Калошин сделался крупным промышленным центром. В нём даже метро начали строить, но затем незаметно оставили эту затею, денег не хватило. (Кстати, ещё об аномальных явлениях: пошёл слух, что в недо-

строенных туннелях появились кровожадные существа, похожие на исполинских муравьев, поросших рыжей шерстью. Метровые! Не от слова “метро”, а от такого роста.)

Разумеется, выросло в городе много высоких современных зданий, целые районы. Однако и старых кварталов сохранилось немало — с уютными улицами, столетними берёзами и густыми клёнами, с одноэтажными и двухэтажными пожилыми домами… На одной из таких улиц — на Гончарной — жили недалеко друг от друга пятиклассник Персиков и профессор Е. Н. Телега.

…Домой они пошли вместе. Солнце палило, асфальт размяк, и листья обвисли от жары. Егор Николаевич страдал в своём наряде. Вертел тонкой шеей в твёрдом воротничке и галстуке.

— Да снимите вы пиджак, — пожалел его Сеня. — А то сваритесь…

— Что?.. А-а… Нет, ничего, — Егор Николаевич стеснённо заулыбался. — Жарковато, но зато вот… — Он коснулся ногтем значка с буквой А. — Понимаю, что это несколько детское тщеславие, но всё равно… Для меня сегодня крайне знаменательный день. Пожалуй, такой же, как при защите диссертации… Ох, на вас комар, Сенечка!

Сеня согнал с плеча невесть откуда взявшегося

супер-кулекса.

— Вот псих! Все к вечеру на охоту вылетают, а этот…

— Не укусил? — заботливо поинтересовался профессор.

— Не успел… Егор Николаевич, а вы ведь обещали проверить на своём “Алике” заклинание. Ну, то самое, против комаров, “Егер-маркер…” А то оно почти не действует.

— Да-да! Очевидно, в нём какая-то неточность. Я займусь безотлагательно. Обещаю, что раньше, чем сяду за своего “Капа”… Кстати, коллега Сенечка, я крайне благодарен вам за поддержку. За высказанную вами уверенность, что продолжение повести будет не менее удачным, чем начало. Хотя сам я, по правде говоря…

Вице-президент Персиков искоса, но со значением глянул на профессора Телегу. Потом пнул на ходу портфель и, глядя на свои пыльные кеды, сказал увесисто:

— Вот о продолжении я как раз и хотел поговорить.

— Да? Я… конечно… У вас есть какие-то советы?

— У меня есть вопрос, — ответствовал коллега Сенечка с угрюмой ноткой.

— И прекрасно! Я готов! Спрашивайте прямо, не стесняйтесь!

Коллега Сенечка воткнул в собеседника строгий синий взгляд:

— Спрашиваю прямо. *Где он* ?

Профессор Телега был высок и тонок телом, но от вопроса коллеги он словно похудел ещё в два раза. Костюм обвис на нём, шея вытянулась, подбородок устремился вперёд, словно корабельный бушприт.

— Э-э… коллега Сенечка… Вы не могли бы сформулировать вопрос несколько конкретнее?

Вице-президент обогнул профессора на шаг. Остановился, расставил запятнанные выцветшей зелёнкой ноги, наклонил к плечу растрёпанно-соломенную голову. И сформулировал вопрос вполне конкретно:

— Я спрашиваю: где вы прячете Капа?

— Но… видите ли… Вы же разумный человек, Сенечка, и должны понимать, что такое авторский вымысел… — Егор Николаевич неловко затоптался на мягком асфальте. — Вы же сами прекрасно владеете фантазией и…

— Я — это я, — снисходительно отозвался вице-президент. — А вы, Егор Николаевич, — это вы… Не обижайтесь, пожалуйста, но я же знаю

уровень ваших возможностей.

Подбородок профессора задергался самолюбиво и беспомощно.

— Что вы имеете в виду, коллега?

— То, что придумать *такое* вы не могли. Списать с натуры — другое дело…

— Я всегда, Сенечка, считал вас воспитанным человеком, — жалобно сказал Егор Николаевич. — Да… И вдруг… Право, не ожидал… — Он осторожно обошёл вице-президента и двинулся прочь, отгородившись обидой. Но Сеня не отстал. Шагая в ногу с профессором, он повторил упрямо и в такт шагам:

— Где он?

— Я… конечно, счастлив, что моё сочинение убедило вас, так сказать, в полной реальности событий, но…

— Значит, будете отпираться? — тихо, но с нехорошей ноткой сказал Сеня.

— Но, коллега… Извините, однако продолжать беседу в таком тоне…

— Хорошо, — печально отозвался вице-президент Персиков. — Тогда я на первом же заседании официально потребую пересмотра. Чтобы вас из “Авторов” обратно…

Профессор Телега дёрнулся на ходу:

— Простите, на каком основании?

— А на таком! В “Авторы” принимают за фантастические рассказы, а у вас — про то, что по правде было! Значит, не имеете права!

— Это, молодой человек, надо ещё доказать!

— Докажу, — горько и упрямо пообещал коллега Сенечка. — На основе… как его… ли-те-ра-ту-ро-вед-че-ско-го анализа! Всё равно вас разоблачат! И насчёт рассказа, и насчёт Капа!

— Это… знаете, Сенечка, как называется? Шантаж! Никогда не ожидал от вас такого… такой, простите, непорядочности! Неужели вы сами не понимаете, как это неблагородно?!

— Понимаю, — вздохнул Сеня и повесил соломенную голову. — Только у меня нет выхода. Потому что Капа жалко… А вы, что ли, благородно поступаете? Спрятали его! — Он опять воткнул в профессора возмущённый взгляд.

Егор Николаевич сказал весьма неуверенно:

— Это… просто неприлично. Извините, но если бы я был ваш родственник, я бы… дал вам подзатыльник. Или даже два…

— Ну, хоть три, — отозвался Сеня опять с грустью. — Только не прячьте Капа…

— Знаете, Арсений, у меня даже слов нет…

— Вы даже и права такого не имеете! — воз-

высил Сеня голос. — Да! Прятать пришельца с другой планеты от контактов с землянами!

— А если он сам не желает никаких контактов?

— Вот видите! Вы и признались!

— Ничего я не признался! Я это… чисто теоретически!

— А я практически! Он же ещё совсем пацан! По родителям скучает! Вы себя маленького совсем, что ли, забыли? Вот представьте, что вы пятиклассник и оказались где-то один-одинёшенек. Ревели бы небось в три ручья…

— Но… даже если допустить, что Кап действительно существует… Всё равно ведь нет никаких средств ему помочь. Земная цивилизация не нашла ещё способа межзвёздных перемещений. И, к сожалению, никто не может…

Сеня перебил снисходительно:

— Да бросьте вы. Маркони всё может.

— Ну, знаете ли… Я весьма ценю способности этого молодого человека, он очень помог мне в наладке “Алика”, нетрадиционность его методов достойна удивления и всякой похвалы, но…

— Он много раз уже запускал в космос всякие предметы, — сообщил Сеня. — Хоть на какое расстояние. Только возвращать их ещё не может. Но

сейчас ведь и не надо, чтобы обратно. Главное, чтобы Кап оказался дома… Егор Николаевич, я в прошлом году из лагеря возвращался, и у нас на полдня автобус застрял, дак знаете какая паника дома была? Маму валокордином отпаивали. А Кап ведь не за тридцать километров, а, наверно, за тыщу световых лет… от мамы…

Профессор Телега на ходу смотрел себе под ноги и чесал длинный подбородок.

Сеня сказал негромко:

— Вы меня простите, что я наговорил вам всякого… Ну, про новое заседание, чтобы вас из “Авторов”… Но ведь Кап… Егор Николаевич, а его правда зовут Капом?

ГЛАВА ВТОРАЯ
Институт Маркони

Капу снилась родная планета. Влажные проблески Лау-ццоло. Радуги среди лиловых туч, вспышки мокрой зелени далеко внизу… И как он с ипу-ннани и с ипу-ддули весело мчится по прямой магнитной линии, чтобы зажечь и свою искорку в новой многоцветной дуге. И смеётся, смеётся…

А когда сон уже начал таять, смех этот перешёл в горькое безутешное вздрагивание. Потому что нет своей планеты и радуг, нет рядом ипу-ддули и ипу-ннани…

Но проснувшись окончательно, Кап решительным толчком прогнал от себя тоску. Потому что вспомнил: есть друзья. И есть надежда.

Кап уже десять суток обитал в прозрачном круглом жилище, которое на здешнем языке называется “поллитровая банка”. Жилище стояло не под открытым небом. Оно располагалось в другом помещении, которое больше пол-литровой банки во много-много-много раз. Это был “Институт Маркони”. Иначе он именовался “чердак”.

Кап удивлялся свойствам здешнего языка. Одно и то же слово могло означать совсем разные понятия. Например, чердаком называлось не только верхнее пространство жилища, но и то место, где у человеков (то есть у “лю-дей”) располагался аппарат разума. Если аппарат работал хорошо, про человека говорили: “Чердак у него варит”…

Без сомнения, лучше всех чердак варил у Маркони. И это — несмотря на юный возраст. Маркони существовал в этом мире всего двенадцать оборотов, которые планета делает вокруг здешнего Лау-ццоло. По местным понятиями — совсем немного. Если бы можно было сравнивать лю-дей с капельками, директор чердачного института оказался бы лишь чуть постарше Капа.

Кап уже знал, что полное имя директора института — Марк Афанасьевич Шило. А сокращённое — Марик. Но все звали Марика не иначе как Маркони, потому что такое же имя в давние времена носил известный учёный муж. Он был один из тех, кто придумал для планеты Земля способ электромагнитных переговоров. Марик Шило разбирался в электромагнитных делах не хуже того Маркони. А может, и получше, потому что времена теперь были другие: научных знаний накопилась уйма.

Впрочем, нельзя сказать, что нынешний Маркони впитал в себя знания всех наук. Зато смелых идей у него рождалось множество. А способы, как осуществлять эти идеи, он придумывал такие, что академики попадали бы в обморок, если бы узнали. Но они про Маркони не знали. А он чаще всего не знал про них. И работал самостоятельно, на свой страх и риск. И порой помогало ему именно *незнание.* Судите сами. Если бы дошкольнику Марику было в своё время известно, что вечный двигатель невозможен, никогда бы он и не взялся за его строительство. Но Марик по малолетству в законах механики не разбирался и соорудил нехитрый механизм из колеса от детского велосипеда, нескольких шарикоподшипников и маятника. Не исключено, конечно, что этот двигатель не совсем вечный, но построен он был семь лет назад, а маятник плавно качается и колесо потихоньку вертится до сих пор…

Если бы наш Маркони, по примеру других учёных, верил, что скорость света преодолеть нельзя, он, конечно, не придумал бы МПП-транслятор (МПП — мгновенный прокалыватель пространства). Но Маркони отмахнулся от формул Эйнштейна, как от надоедливых замечаний классной руководительницы, и соорудил модель

транслятора за две недели. Причем главная трудность была в том, чтобы достать хорошие, с очень гладкими стёклами зеркала… С помощью этой модели Маркони молниеносно переправил в открытый космос дневник второклассника Пеки Тонколука. Дело в том, что Пеке ужасно не хотелось показывать этот дневник своей тётушке. А на расстоянии ближе трёх парсеков тётушка дневник всё равно отыскала бы…

Но нельзя сказать, что Маркони совсем не признавал научные законы и открытия. Наоборот. Он отлично разбирался в радиотехнике, астрономии и во многих других областях знаний. Кстати, Капу казалось даже, что многие проблемы Маркони понимает лучше, чем профессор Телега, у которого он, Кап, жил до того дня, когда приятель Маркони по имени Абрикос (иначе — Сеня Персиков) переселил его сюда, в институт.

Кап ничего не имел против профессора Телеги. Даже наоборот, он к нему привязался. Профессор многому научил Капа и дал ему массу знаний про планету Земля и про всю здешнюю звёздную систему. Но одного Егор Николаевич дать не мог — надежды, что Кап когда-нибудь возвратится домой. Он горестно разводил руками: “Увы, малыш, но наша цивилизация пока не достигла нужного

уровня. И едва ли достигнет скоро…”

А с теми землянами, которые назывались “ребята”, было гораздо проще. Во-первых, Кап сам был “ребята” (на капельном языке — “лито-длиндо”). Во-вторых, насчёт возвращения домой Маркони сразу сказал: “Раз плюнуть”. И объяснил, что самое сложное — это определить точные координаты звёзды Лау-ццоло и той планеты, откуда явился Кап.

Кап координат не знал и виновато печалился.

Маркони решил:

— Тогда нужны звёздные карты нашего трёхмерного Космоса.

Эти карты Маркони и составлял до нынешнего дня. Он работал добросовестно и вдохновенно.

Ребята иногда переговаривались шёпотом:

— Пусть вкалывает. Может, забудет эту дуру…

— И что он в ней нашёл? Такая лошадь…

— Да ну, “лошадь”. Она красивая, ничего не скажешь.

— Но она же старуха! Семнадцатый год…

— Сердцу не прикажешь, — понимающе вздыхала курносая белобрысая девочка Варя.

О безнадёжной любви Маркони знали все. Даже Кап. Хотя понять полностью, что такое земная любовь, он ещё не мог. Здесь выявлялось

противоречие: с одной стороны, это вроде бы радость, а с другой — страдание. В любви Маркони страдания было гораздо больше. Впрочем, была и польза. Душевную боль Маркони старался глушить неистовой работой, а это приближало возвращение Капа домой.

Клочковатые тёмные волосы Маркони стояли торчком. Круглые очки на остром носу сверкали и, кажется, даже раскалялись. Большой компьютер “Проныра” (собственной Марконинои конструкции) тоже раскалялся и несколько раз даже дымил. Потому что Маркони заставлял его тайными путями подключаться к магнитным архивам разных обсерваторий, а потом решать задачи по созданию пространственных межзвёздных структур.

Капу же был выделен маленький компьютер “Сверчок”. С его помощью Кап и беседовал с ребятами. Банку ставили в фокусе специальной вогнуто-решётчатой антенны. Кап садился на стеклянный край и старательно излучал мысли, которые буквами печатались на экране. Это сначала. Вскоре же Маркони научил “Сверчок” произносить мысли Капа тонким кукольным голоском. И всем уже казалось, что это разговаривает сам Кап.

А речь собеседников Кап быстро научился воспринимать на слух.

Компания собеседников всегда была одна и та же. Во-первых, сам Маркони. Но его можно было назвать собеседником лишь с натяжкой. Чаще всего он молча сопел над своим гудящим и дымящим “Пронырой”. Потом — Сеня Абрикос, Матвей-с-гитарой, Варя Ромашкина и три второклассника — Пека, Андрюша и Олик. (Что такое “второ– классник”, было Капу уже понятно; он даже уточнил про себя, что правильнее называть их “третьеклассники”, ведь во втором-то они уже кончили учиться.)

Матвей-с-гитарой был старший, его все слушались (кроме Маркони, разумеется). Он был спокойный, рассудительыый и умел извлекать из гитарных струн такую вибрацию, которую можно назвать звуковой радугой. Варя тоже была сдержанным и рассудительным человеком. Второклассники — они все разные, но в общем-то одинаково непоседливые: то прибегут, то умчатся. Они вели свою беспокойную жизнь.

А Сеня Абрикос… Он был непонятный. То весёлый и любопытный, то вдруг сядет неподвижно и отключится, как перегруженный компьютер. И глаза странные. Словно он, Абрикос, вдруг

оказался где-то далеко и потерялся так же, как маленький Кап…

Иногда к этой компании прибавлялся совсем юный представитель человечества — Никита Персиков, Сенин брат. От роду ему было– год и восемь месяцев. В ясли Никита не ходил, воспитывали его дома. Этим занималась бабушка. Но она уехала на неделю в деревню, и все воспитательные задачи перешли на эти дни к Сене. Родители-то на работе. Вот Сеня и таскал братца с собой.

Братец не был чересчур капризным, но по малолетству требовал постоянного внимания. Он всё время чего-нибудь хотел: “Х ***о*** чу пить… Х ***о*** чу на учки” (на ручки то есть; а тяжеленный ведь, потаскай такого!), “Хочу писать…” Хорошо ещё, если это “хочу” вовремя, а чаще бывало, когда уже штаны мокрые.

— Наказанье ты моё, — постанывал Сеня. Но сильно брата не ругал: что возьмешь с малыша? Хоть и бестолковый, а родной.

В “институте” Никите нравилось. То и дело он требовал:

— Х ***о*** чу гхушку… — игрушку то есть.

“Гхушек” было полным-полно. На полках и столах всякие приборы, блестящие штучки, катушки

с проволокой, трансформаторы, конденсаторы, генераторы… Сеня, спросив предварительно Маркони, давал брату какую-нибудь безопасную штучку, и тот на время притихал.

Но однажды Никита самостоятельно стянул с полки заряженный электролит. Этакую серебристую баночку с двумя штырьками. Все тихо беседовали, а Матвей звякал струнами и покачивал ступней в отвисшей босоножке. Никита с “гхушкой” подобрался к музыканту и коснулся штырьками его голой пятки. Матвей уронил гитару и с воплем взлетел под крышу.

Минут пять все, даже Маркони, вповалку лежали от хохота. А Матвей по-обезьяньи висел на верхней балке и плачущим голосом рассказывал, каким уголовником станет Никита, когда вырастет.

Кап ничего не понял в этой истории. Когда успокоились, он спросил через “Сверчок”:

— Матвей, тебе неприятно?

— Ещё бы!

— “Ещё бы” это значит “да”?

— Вот именно!

— Тогда почему все обрадовались?

Народ на чердаке притих. Как объяснить инопланетянину странности человеческой психики?

Наконец Матвей хмуро растолковал:

— Потому что могло быть ещё хуже: если бы это чучело ткнуло не меня, а себя…

Сеня виновато засопел и запоздало дал Никите воспитательного шлепка.

— Хочу гхушку, — сказал неисправимый Никита.

Сеня сунул брату бобину от магнитофона, а сам задумался. Присел на чурбак и стал смотреть перед собой — словно в какое-то ему одному видное пространство.

“Может быть, у него тоже любовь? — подумал Кап. — Ему грустно”.

Кап уже умел читать человеческие настроения по глазам, хотя у него самого глаз не было.

Порой, чтобы хоть немного походить на здешних жителей, Кап вытягивал из себя пять отростков: круглый — голову и четыре длинных — ручки и ножки. И в таком виде сидел на краю банки. Но этого не замечали. Как им, людям, разглядеть в подробностях такую кроху? Искорка горит — вот и всё…

А Кап настолько привык жить среди ребят, что иногда у него в сознании менялись масштабы. Казалось, что чердак не так уж велик, а ребята — почти одного роста с ним, с Капом. Особенно

когда завязывалась беспорядочная, прыгучая такая беседа, которая называлась “трёп”. Вот как сегодня, например:

— Кап, а вам двойки ставят, если урок не знаете?

Капу было известно, что такое “двойка”.

— Не-а, не ставят. В угол могут поставить…

— Откуда у вас там углы, в тучах-то?

— Ну, не в такой угол, как здесь, а в магнитный. Из него никуда не денешься, пока не выучишь… Торчишь там, а тули-ббуба висит над душой и долбит: “Учи, учи, а то вырастешь и никакой пользы от тебя…”

— А много предметов в вашей школе?

— Ага. Куча.

— А какой самый главный?

— Главный… Я не знаю, как одним словом сказать.

— Ну, скажи несколькими.

— Это… взаимодействие сбалансированной системы живой капли с магнитно-силовой структурой планетарного и космического пространства…

— Ну-у, Кап, ты даёшь!

— Помудрёней, чем Маркони…

— Не урок, а диссертация…

— Ой, подождите!. — Кап взбрыкнул прозрачными ножками. — Можно проще: “Как жить в окружающем мире”!

— Кап, а в дальний космос вы часто летаете на экскурсии?

— Каждый год. Это по программе… Такого понятия “дальний космос” у нас нет. Что дальний, что ближний — это всё равно. Пространство прокалывается в один миг…

— Вашей тули-ббубе, наверно, здорово попадёт за то, что ты потерялся…

Кап сразу начал печалиться:

— Дело не в том, что попадёт. Она ведь переживает ужасно… Видимо, хватились меня слишком поздно, а координаты Земли тули-ббуба не отметила в памяти. Мы ведь залетели сюда на минутку, случайно… Теперь, небось, ищут по всей Галактике…

— Ты, Кап, не унывай, — сказал Матвей. — Скоро Маркони отыщет ваше Лау-ццоло, и полетишь домой. Только нас там не забывай…

— Нет, я никогда… Матвей… А ты уже сочинил песенку про мою планету?

— Не совсем…

— Ну, спой хоть “не совсем”.

Матвей начал наигрывать, потом запел ти-

хонько:

Почему-то этим летом
Я грущу невыразимо.
Снится, снится мне планета
Под названьем Ллиму-зина
(Вы не путайте с машиной).
К небу подниму лицо я —
Вижу радуги и тучи.
Светит, светит Лау-ццоло
Среди дождиков летучих
(И они там все живые)…

Он был вообще-то даже хмуроватый на вид, семиклассник Матвей Шапников. Но песни умел сочинять хорошие, улыбчивые…

Матвей прихлопнул струны, слегка насупился.

— Вот… А дальше ещё не придумал… Маркони, сколько ты ещё будешь возиться со своими картами? Кап уже извёлся от нетерпения, да и мы тоже.

Маркони буднично сказал:

— Всё готово. Остальное от тебя зависит, Кап. Ближайшие-то окрестности вокруг Лау-ццоло помнишь? Я буду участок за участком показывать, а ты смотри внимательно, узнавай…

“Участков” в нашей Галактике великое множество. Все понимали, что скорого открытия ждать не приходится. Надежда разве что на счастливый случай да на великое везение, которое не оставляло Маркони в его научных делах.

На экране в густой черноте появились искры звёзд. Медленно поплыли. Замигали, изменили свой рисунок. Ещё, ещё… Все молча сопели. Даже “Сверчок” сопел, отражая волнение Капа. Потом подал голос Никита:

— Х ***о*** чу какать…

— О-о, несчастье ты моё! — Сеня поволок братца на двор…

А когда он вернулся, в институте Маркони царило бурное ликование.

— Вот оно, Лау-ццоло! — верещал “Сверчок”. — Вот она, моя планета! Ллиму-зина!

Везение не оставило Маркони и на этот раз.

На экране алмазным шариком переливалась крупная звезда, по сторонам от неё светились капельки-планеты. Одна из них сияла изумрудным светом. В нижнем углу дисплея громоздились значки и цифры галактических координат.

Маркони, однако, поубавил веселье:

— Хорошо, конечно, что нашлась она, эта Ллиму-зина. Только поглядите. Она теперь на

обратной стороне, Лау-ццоло закрывает её от Земли. Луч транслятора через звезду не пойдёт. А если и пойдёт, Кап там испарится, как простая капля на сковородке… Можно стартовать, когда Ллиму-зина окажется сбоку от своего солнца. А это через два месяца, не раньше…

— Ну так и что? — беззаботно отозвался Пека. — Кап на каникулах с нами поживёт! Верно, Кап?

— Ещё шестьдесят суток, — вздохнул Кап почти по-человечески. — С ума сойти…

— Ну, потерпи уж, — виновато сказала Варя. — Зато у тебя сейчас полная уверенность, что вернёшься.

— А это обязательно-обязательно, что вернусь?

— Само собой, — успокоил Маркони. — За это время мы транслятор так отладим, что двести процентов гарантии.

— Ты путаешь. Двести процентов не бывает, — опасливо, сказал Кап.

— Это юмор, — объяснил Матвей. — Чисто земное понятие. Вроде как с электролитом… — Он пошевелил пяткой. — Поживёшь с нами и сам поймёшь.

— А юмор делу не мешает? — неуверенно спросил Кап. Его заверили, что юмор всячески способствует любому успеху.

— Тогда ладно… — утешился Кап. — Только пусть мультики по телевизору будут каждый день.

Капу наперебой пообещали, что программа его пребывания на Земле будет насыщена интересными делами и зрелищами до предела.

— И чтобы взрослые про меня не узнали. Кроме Егора Николаевича, конечно… А то замучают исследованиями.

— Да что ты! Ни одна живая душа! — воскликнула Варя.

Сеня сказал:

— Взрослым сейчас не до того. Даже ученые политикой занялись, до космических пришельцев никому дела нет. В Старо-Каменке три тарелки садились, зелёные человечки, вроде гномов, из них вылезали. Ну и что? Написали про это в районной газете и забыли через день…

— Егор Николаевич вчера меня повстречал, про Капа интересовался, — вспомнил Сеня. — Спрашивал: можно ли зайти навестить.

— Кто ему не даёт… — грустно отозвался Маркони. Отыскав Ллиму-зину, он, кажется, опять вспомнил о своей безответной любви.

Кап весело сказал:

— Конечно, пусть приходит! Я его недавно во

сне видел!

— Разве вы видите сны, Кап? — вежливо удивился второклассник Олик.

— Разумеется! Каждую ночь. Чаще всего мультики снятся. А иногда, как я дома… — Он опять пригорюнился, но тут же встряхнулся. Вспомнил: — А ещё я знаете что видел? Будто я — как вы! Вместе с вами. Бегаю и катаюсь на этом… на вело-си-пе-де…

Все как-то странно примолкли. Второклассник Андрюша неосторожно спросил:

— А тебе хотелось бы так?

Транзисторный “Сверчок” опять по-человечески вздохнул. И отозвался:

— Это же за пределами реальных возможностей…

Сеня Абрикос грустно пошутил:

— А может, у Егора Николаевича найдётся заклинание, чтобы Капа превратить в человека? Не во взрослого, а вроде нас…

Или… не совсем пошутил?

Маркони отвлекся от любовных страданий.

— Зачем тут профессор-то? Десять метров экранированного кабеля — и никаких проблем.

Второклассники Пека, Андрюша и Олик выжидательно приоткрыли рты (у Олика он был как

красная буква О).

Матвей спросил:

— По правде, что ли?

— А чего! Преобразователь — это самая простая система. Перестройка структуры биополя, вот и всё.

— Ой, Маркошенька! — обрадовалась Варя. — Сделай такой подарок Капу!.. Кап, ты представляешь? Проведёшь каникулы в виде земного жителя! Будешь потом всю жизнь у себя на Ллиму-зине рассказывать!.. — Она очень радовалась. Во-первых, за Капа. Во-вторых, потому, что новая работа отвлечет Маркони от мыслей о красавице Глории, которую Варя в душе терпеть не могла. Она тайно мечтала, что когда-нибудь Маркони поймёт всю пустоту и сердечную жестокость Глории. И тогда он, может быть, взглянет на неё, на Варю, повнимательнее. Не как на давнего приятеля из мальчишечьей компании, а чуточку иначе…

Кап запрыгал ни краю банки:

— Я и не знал, что ваша наука может такое!

— Это смотря какая наука, — сказал Сеня с гордостью. — Маркони всё может. Он работает на творческом вдохновении.

Маркони сосредоточенно заметил, что вдохно-

вения мало. Главное — кабель.

— Это условие номер один. А где его взять? На свалку теперь не сунешься, там с весны сторожа завели. С берданкой…

— Может, через Пим-Копытыча попробовать? — посоветовал Матвей.

Маркони согласился, что это, пожалуй, самый верный путь.

— К Пим-Копытычу пойдём мы! — заявил Пека. Если что-то разведать или раздобыть, он был всегда готов. Андрюша же — всегда с Пекой. А Олик — следом за ними.

— Отнесите Пим-Копытычу молока и хлеба, — сказала Варя. — Ох и бессовестные мы, столько времени не навещали старика… Подождите, я соберу пакет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Ямской пустырь

Пека, Андрюша и Олик шли хлопотать насчёт кабеля и разговаривали. Вернее, разговаривал Олик. Он совсем недавно переехал на Гончарную улицу, случайно познакомился с Пекой и Андрюшей и теперь вслух радовался:

— Вы даже не представляете, как я счастлив, что вы решили со мной подружиться! Правда-правда! Я даже ночью иногда просыпаюсь и просто таю от счастья…

— Постель не промокает? — буркнул Пека. Он был суров снаружи и даже внутри.

Олик не расслышал вопроса и продолжал:

— Дело в том, что я всегда знал: настоящая дружба — это самая большая ценность на свете. Вы ведь согласны, не так ли? — Худой и вдохновенный, как уменьшенный в размерах Дон Кихот, на тонких длинных ногах, с растрёпанными рыжими локонами, Олик по-журавлиному шагал между приятелями, иногда обгонял их, чуть сутулился и заглядывал им в лица.

Пека смотрел перед собой.

Андрюша смотрел под ноги.

Олик не умолкал:

— Теперь я даже не представляю, как сумел прожить девять лет без единого настоящего друга. Должен признаться, что с друзьями мне до сих пор фатально не везло…

— Как не везло? — спросил Пека с сумрачным интересом.

— Фатально, — вздохнул Андрюша. — То есть судьба такая. — Он был начитанный мальчик и с пониманием относился к людям. Можно сказать, философски.

— Раз судьба, тогда понятно, — пожалел Пека Олика. Потому что в глубине души Пека был добрый. Только очень в глубине.

Сначала Пека не хотел близко знакомиться с Оликом. С какой стати? Ну, подумаешь, не хватило однажды человека для игры в “качалу-вышибалу”, вот и кликнули рыжего новичка, который топтался у своей калитки. А он с той поры: “Можно, я снова с вами поиграю?.. Вы не будете возражать, если я с вами покачаюсь на досках?.. А давайте сделаем вместе воздушного змея…” Пека дулся и морщился. Но не врубишь ведь в упор человеку: “А ну катись давай подальше”. Неловко всё-таки. К тому же Андрюша сказал

однажды:

— Ну что поделаешь, раз он такой? Пусть бегает с нами, если хочет.

Пека возразил, что этот Олик прилипала и неженка.

— С чего ты взял, что неженка?

— Вежливый и незагорелый.

— Чего же плохого, если вежливый, — рассудил Андрюша. — А незагорелый потому, что к таким загар всегда плохо пристает. У кого волосы такого цвета…

— Имя какое-то девчоночье…

— А полное знаешь какое? Ольгерд! Он говорит, что родители так его назвали в честь предка. Тот был какой-то князь. Давным-давно.

— Пфы, князь… Вермишелина.

— Зато у него фамилия для нас подходящая. Будет третий Ук.

Дело в том, что Андрюша был Сухорук, а Пека — Тонколук. Оба они ценили такое сходство: “Мы — два Ука”.

— А у этого князя какая фамилия?

— Ковальчук.

— Ха! “Ковальчук” же на “юк” оканчивается!

— Ох, Пека-Пека… — пожалел его Андрюша за безграмотность.

Пека слегка смутился и сказал:

— Ну и фиг с ним…

С той поры Олик с утра до вечера был с друзьями. И не уставал радоваться. Вот и сейчас:

— Нет, в самом деле! Я знаете что думаю? Нам обязательно-обязательно надо сделать так, чтобы…

— Стоп, — велел Пека. Встал перед Оликом. Деловито выдернул у него из-под модных белых штанишек голубую матроску и майку. Приглядел ся к животу.

— Это… зачем? — оробел Олик.

— Смотрю, нет ли у тебя на пупу регулятора. Чтобы убавить громкость. И длинность речи…

— Ну чего ты, — тихонько сказал Андрюша Пеке. — Он же не виноват, что такой…

А Олик наконец спохватился:

— Ой… Я опять разболтался, да? Не обижайтесь, пожалуйста, я постараюсь следить за собой.

— Ты тоже не обижайся, — попросил Андрюша. И помог Олику заправить матроску. А на Пеку посмотрел выразительно.

Олик вроде бы даже обрадовался:

— Что вы! И не думаю обижаться! На дружескую критику не может быть никакой досады, это было бы несправедливо. А тем более среди тех, у кого

даже фамилии похожие… Так вот, я продолжаю свою мысль. Нам обязательно надо придумать свою эмблему! Например, такую: серебряный рыцарский щит, на нём голубые буквы “у” и “ка”, а наверху полное название нашей организации.

— Какой ещё организации? — сказал Пека.

— Это мы должны придумать! Например, “Три мушкетёра”. Или “Три танкиста” — есть такая песня старинная, очень хорошая: “Три танкиста, три весёлых друга…” В общем, что-нибудь литературное, чтобы всем было ясно…

— “Три толстяка”, — усмехнулся Андрюша.

— Ха-ха-ха! — с готовностью развеселился Олик. — Мы такие толстяки! Особенно я!

— Тогда “Три поросёнка”, — мрачновато пошутил Пека.

Андрюша посмотрел на него.

— Поросёнок, по-моему, один…

Пека всегда выглядел так, словно он вылез из печной трубы, слегка почистился, но до конца это дело не довёл. Чёрные волосы его торчали сосульками, на круглых щеках — тёмные разводы, обтрёпанные джинсы и майка — в чём-то вроде графитовой пыли. При всем при этом Пека ухитрялся сохранять деловой, сосредоточенный вид.

На дружескую критику Пека не обиделся. По-

чти. Только скользнул угольными глазами по Андрюше (тот был в новых синих трусиках и чистой голубой майке) и по очень аккуратному Олику.

— Ничего, побываем на пустыре — все сделаемся одинаковые.

Олик спросил с опаской:

— А что там, на этом пустыре?

— Придёшь — увидишь. Трущобы…

— А… это далеко?

— Близко, не бойся…

Ямской пустырь лежал, на месте старой Ямской улицы. Улицу и окрестные переулки с ветхими домами срыли, а строить новые здания не спешили. Вот и раскинулось пространство с грудами битого кирпича „ гнилыми брёвнами и ржавым кровельным железом. Кое-где вокруг старых фундаментов кустились рябины и черёмуха. Пустырь зарос репейными джунглями, татарником и местной разновидностью крапивы, которую Маркони называл по-научному: “Уртика каннабина”. Возможно, в названии была отражена её каннибальская суть.

На пустыре жили вороны (не мутанты, а обычные, добродушные), воробьи, полевые мыши, бездомные коты и Пим-Копытыч.

— А почему его так зовут? — спросил Олик. Он понял, что разговор о рыцарском названии не находит поддержки, и сменил тему. — Какое-то не совсем обычное имя и отчество.

— Это не имя-отчество, а просто имя, — пробурчал Пека.

— Точнее, прозвище, — разъяснил Андрюша. — Произносится и пишется через чёрточку.

— А он кто? Сторож?

Пека хмыкнул:

— Чего там сторожить-то…

— А зачем он там живёт? Разве может человек жить в трущобах?

— Во-первых, может, — вздохнул умудрённый жизнью Пека. — Во-вторых, он даже и не человек.

— А кто?

— Он, видимо, бывший домовой, — стал объяснять Андрюша. — А теперь бомж…

— Кто?

— Ну, личность без определенного места жительства… Раньше жил в доме у какой-то старушки, в другом районе, но старушка умерла, а дом снесли. Он поселился на старом стадионе под трибуной, но трибуна потом сгорела. Вот он и перебрался на пустырь. Отыскал подполье под

развалинами, там и прописался…

— Разве у домовых бывает прописка?

— Ох, ну это просто так говорится. В общем, живёт, и дело с концом… Мы с ним в прошлом году познакомились, когда там в сыщики-разбойники играли…

— Никогда не видел домовых, — осторожно сказал Олик. — Даже не думал, что они существуют в действительности… А как он выглядит?

— Придёшь — увидишь, — отозвался Пека.

— Неужели он самая настоящая нечистая сила?

— Не вздумай так при нём выразиться, — предупредил Андрюша.

— Разумеется, не вздумаю! Да я же ведь и не в обидном смысле…

— Ни в каком не вздумай, — насупленно произнёс Пека. — И смотри не болтай про него никому. Пим-Копытыч лишних знакомств не любит, особенно со взрослыми…

— Клянусь, что никому ни полсловечка!

Пека сердито махнул полиэтиленовым пакетом.

— “Клянусь”, “клянусь”. А сам всё время языком молотишь… Я вот боюсь, как бы ты про Капа никому постороннему не сболтнул.

Олик прижал к матроске ладони.

— Да что ты! Я же прекрасно понимаю всю ответственность.

— Если и сболтнёт, никто не поверит, — рассудил Андрюша.

— Я никогда в жизни не выдал ни одной тайны, — с печальной гордостью сообщил Олик. Он, кажется, наконец обиделся.

— Мы же на всякий случай предупреждаем, — смягчился Пека. — Ну вот, пришли…

Они миновали последний дом в Полесском переулке и оказались перед стеной сорняковых зарослей.

Стали пробираться еле заметной тропинкой. Олик сразу мужественно зашипел сквозь зубы.

— Скажи заклинашку, — пожалел его Андрюша.

Бамбур-гамбур, бутерброд,

Нынче всё наоборот.
Не кусай меня, крапива,
Дам бутылку из-под пива,
Ты бутылку сдай скорей
И получишь пять рублей…

Олик сбивчиво забормотал. И перестал шипеть.

Некоторое время шли по плечи в мягких лопухах — пыльных, зато не кусачих. Обогнули кучу кирпича и сгоревший сарайчик, пролезли сквозь буйные заросли сирени и оказались на лужайке с клевером и подорожниками. Здесь подымались над травой края солидного фундамента из гранитных брусков. Рядом с фундаментом сохранилось каменное крылечко.

Из-под этого крылечка и вылез навстречу трём Укам Пим-Копытыч.

Теперь самое время описать Пим-Копытыча.

Представьте себе футбольный мяч, обросший серой клочковатой бородой и такими же волосами и снабжённый носом, похожим на маленький лапоть. Кроме того, мяч украшали два голубых стариковских глаза. Впрочем, они почти терялись под клочкастыми бровями. Терялись в густой растительности также уши и рот. Вот такой была у Пим-Копытыча голова. И она, голова эта, сидела не на туловище, а на сером растоптанном валенке. Сверху в голенище валенка были сделаны прорези — из них высовывались руки. Тонкие, покрытые рыжей курчавой шерстью, с большими коричневыми ладонями и узловатыми пальцами. Чтобы передвигаться, Пим-Копытыч упирался ладонями в землю и ловко переносил

валенок вперёд или назад…

— Здрасте, Пим-Копытыч, — разом сказали Пека и Андрюша. И Олик у них за спиной тоже пискнул “Здрасте”.

Глазки Пим-Копытыча радостно заблестели.

— Здравствуйте, мои хорошие. Навестить пришли старичка? Оно и славно. Я тут уж заскучал без компании-то…

— Мы тебе молока принесли и хлебушка, — Пека протянул пакет.

— Ой как ладненько! Покушаю теперь. А то цельную неделю травой да корешками питался, будто коза шелудивая…

— У тебя же картошка в подполе, — напомнил Пека.

— Ну, что картошка… — смутился Пим-Копытыч. — Там уж, можно сказать, ничего не осталось. Да и погнила…

— А от гнили у вас заклинашка есть, — напомнил Андрюша.

— Ну, что там заклинашка, если картошка прошлогодняя…

— Ох, Пим-Копытыч, опять, наверно, пустил запас на самогон, — проницательно сказал Пека.

— Ну, какой там самогон… Маленько. Капельку для душевной радости. А то всё один да один… Да

вы садитесь, гости желанные. А я вашим приношением угощусь…

Уки сели на фундамент. Пека и Андрюша сразу, а Олик сначала сорвал большой лопух и постелил на камень.

Пим-Копытыч ловко сдёрнул зубами крышку с молочной бутылки, запрокинул голову. Буль-буль-буль… Белая струя побежала в гущу бороды. Пим-Копытыч отряхнул капли, откусил от горбушки…

— Уф… славненько так… внутренняя благость. Спасибо вам.

— На здоровье, — сказал хитрый Пека. — А почему, Пим-Копытыч, ты говоришь, что всё один да один? Раньше ты, бывало, в гости ходил на свалку, к старым друзьям.

— Далеко свалка-то, а я хворый стал, добираться трудно. Да и не осталось там уже почти никого..,

— Из-за сторожа? — с пониманием спросил Андрюша.

— Не-е… Со сторожем-то можно в конце концов договориться. Из-за участкового, младшего лейтенанта…

— А, из-за Кутузкина! — сообразил Пека.

Вообще-то фамилия участкового была Кутузов. Но такая громкая, фельдмаршальская, она явно

не годилась для младшего лейтенанта. Он был молод и бестолков (не в обиду для остальной милиции будь сказано). Часто ему виделись всякие нарушения, где их не было. И любил участковый раздавать обещания “оформить дело для посадки на пятнадцать суток”. Потому и стал среди местных жителей Кутузкиным.

— Всех грозит разогнать со свалки. Даже тех, кто там с самого её начала обитает. Грех да и только…

— Лучше бы за Лошаткиным следил, — сказал Андрюша. — Этот жулик знаете, что делает? Уговаривает ребят скупать мороженое и приносить ему. Даёт двадцать копеек. Потом заворачивает его в свою бумагу, на которой заграничные наклейки, и продаёт, будто иностранное, за тройную цену. А картинки сам печатает…

Пим-Копытыч покивал. Про коммерсанта Лошаткина он был наслышан от ребят. У того на улице Стекольной имелся магазин с крупной вывеской, сделанной под старину: “Къ Вашимъ услугамъ. С. С. Лошаткинъ”. Хозяин гордился своей фамилией и оскорблялся, если её ошибочно писали через “д” (гораздо сильнее, чем профессор Телега, когда путали ударение). Но как ни пиши, а все ребята в округе знали, что он скупердяй и ма-

хинатор. Чтобы покупать мороженое, Лошаткину приходилось вербовать мальчишек с дальних, нездешних улиц…

— Пим-Копытыч, а на свалке хоть кто-нибудь из ваших знакомых остался? — с тревогой спросил Андрюша.

— Разве что Фома-Лоханка да Груздь-Лукошич. У них там хибара в самой глубине… А вам что до свалки? Али нужда какая?

— Нужда, — признался Пека. — Маркони одну штуку опять придумал, кабель нужен. Экранированный.

— Это в специальной металлической оплётке, — вставил Олик. Он сомневался, что Пим-Копытыч силен в электротехнике. Пека и Андрюша строго на него посмотрели.

— Ясненько! Какой диаметр-то?

— Маркони говорит: чем толще, тем лучше, — разъяснил Андрюша. — Но вообще-то любой сойдёт. Кроме как на свалке, его нигде не найти…

Пим-Копытыч дожевал горбушку, отставил бутылку. Покивал. Полез на руках под крыльцо, волоча за собой валенок. И скрылся.

Олик шёпотом спросил:

— А что у него в валенке? Ну… какое у него

туловище?

— Никто не знает, — сказал Андрюша. — Он никогда не вылазит. Наверно, стесняется.

Пим-Копытыч выбрался из-под крыльца. Он тянул за собой старинный чёрный телефон с проводом. Поставил аппарат в траву, снял трубку, дунул в неё. Послушал, обрадовался:

— Лукошич, ты? Здравствуй, милый! Как вы там? Существуете ещё? Ну и ладушки… Ладно, ладно, загляну как-нибудь, гостинец принесу. Специально бутылку припас. Вот новая порция отстоится… кхе… — Он смущённо оглянулся на Уков. Обрёл деловой тон: — Вот что, Груздь, у меня проблема. Тут ребятишки пришли, спрашивают, не сыщется ли у вас кусок экранированного кабеля. Чем толще… Что? Сколь метров? — Пим-Копытыч опять оглянулся на мальчишек. Пека поднял руки с растопыренными пальцами. — Говорят, метров десять… Вишь, новое у них изобретение… Ты уж постарайся, за мной не постоит… Вот и чудненько, Груздик! Ай, какая ты добрая душа!.. Скажу, скажу…

Пим-Копытыч положил трубку, повздыхал, поулыбался сквозь клочья бороды. Сообщил:

— К вечеру обещал доставить. На это место, по своим, значит, каналам. А вы приходите с тележ-

кой, а то ведь тяжесть такая…

— Ура! — сказали Андрюша и Пека. А Олик добавил вполголоса:

— Большое спасибо.

Пим-Копытыч опять покивал и покряхтел. Потом спросил:

— А Егор-то Николаича встречаете? Как он там? Чего-то не заглядывает ко мне. Раньше-то, когда диссертацию писал, то чуть не каждый день ходил советоваться. Как, мол, Пим-Копытыч, подскажите, правильно ли у меня данный заговор записан? Я ему тогда много чего надиктовал из того, что помню…

— Недавно он заклинашку от комаров составил, — сказал Андрюша, — От супер-кулексов. Только она плохо помогает.

— Не надо было ему хорошую отметку ставить за эту… за дис-сер-тацию, — сказал Пека.

— А я знаю, в чём дело! — оживился Пим-Копытыч. — Он сам виноват! Зачем-то вставил слово “кукуруза” вместо другого, научного. Побоялся лишней сложности. Надо-то вот так:

Егор-маркер,
Пустота,
Восемь кошек,
Три хвоста.

Шиш на мышь,
Гипотенуза,
Не садись, комар,
На пузо.

А у него: “Шиш на мыло, кукуруза…” Сразу такое… диссонанс между лингвистической структурой и магик-полем. А кулексам того и надо… Я эту ошибку только вчера открыл. Вы её вставьте на место, “гипотенузу”-то…

— Вставим! Спасибо, вам, Пим-Копытыч! — Андрюша обрадованно дрыгнул покусанными ногами. — Всем расскажем!

— Ага… Ну, мы пойдём, — решил Пека. — Значит, до вечера…

— До свидания, — почтительным шёпотом сказал Олик.

Пим-Копытыч заметно опечалился:

— Уходите, значит… Опять мне одному тут. Поговорить не с кем…

— Мы ещё придём, — виновато пообещал Андрюша.

— Оно конечно. Придёте, а потом опять домой… Эх, мне бы сюда какого-нибудь постоянного жителя. Всё думаю, котёночка бы где найти. Он бы мурлыкал под боком, а я бы его гладил…

— Тут вроде бы котов хватает, — неуверенно

заметил Пека.

— Да они все большие, самостоятельные. И характер бродячий, разбойный. А мне надо маленького, чтобы ласкать да заботиться…

— Мы поищем, — пообещал Андрюша. — Поспрашиваем у соседей. Вам какого надо? Рыжего, серого или ещё какого-нибудь?

— Да всё равно. Лишь бы ласковый…

Когда шли обратно, Олик сперва молчал, потом стал что-то бормотать и напевать. Кажется, песенку “Жили у бабуси…” Но скоро он запел громче, и оказалось, что слова другие:

Жили мы у Кука,
Три весёлых Ука!
Один серый, другой белый,
Третий из бамбука.

— Почему это “у Кука”? — поинтересовался Андрюша.

— Так придумалось. Ну будто на островах Кука в Тихом океане.

— Серый и белый — это ещё ладно. А кто из бамбука-то? — подозрительно спросил Пека.

— Разумеется, я! Мама говорит, что я тощий, как бамбуковая удочка!

“И голова у тебя бамбуковая”, — подумал Пека. Но не сердито уже, а почти добродушно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Антошка

Оказалось, что преобразователь конструкции Маркони устроен совсем не сложно.

Со двора заволокли на чердак деревянную, бочку, выбили у неё дно. Опоясали бочку ровными витками кабеля в свинцовой оплётке. Кабель в свою очередь обвит был тонким ленточным проводом. Провод Маркони подключил к “Проныре”, а концы кабеля вывел к щитку с рубильником. И объяснил:

— Главное-то не в этой системе. Главное в программе.

Он был сегодня сумрачен. Судя по всему, любовь к безжалостной Глории снова съедала его душу. Это было опасно: угнетённое состояние могло сказаться на результате эксперимента. Чтобы отвлечь Маркони от сердечных мук, все наперебой кинулись расспрашивать: что за программа и как она составляется?

Маркони отвлёкся:

— Что значит “какая программа”! Сами не соображаете? Кап должен превратиться в челове-

ческого ребёнка, а не в крокодила какого-нибудь. Значит, нужна обобщённая схема личности лет десяти. По-моему, ему примерно столько по человеческим понятиям.

— А по-моему, он чуть постарше, — заметил Сеня. Ему хотелось, чтобы Кап оказался ровесником.

— А мне кажется, что, наоборот, помладше, — сказала Варя.

— Возьмем среднее. А там сработает автоматическая коррекция.

— Чего? — спросил Пека.

— Влияние схемы индивидуума на сконцентрированное биополе с закодированными данными.

— А-а, — сказал Пека с удовлетворением.

Матвей-с-гитарой перестал дергать струны и спросил озабоченно:

— Долго её составлять, программу-то?

— Чего там долго. Я же по готовым образцам… Ты, Матвей, не бренчи, сидите все тихо. Я начинаю… Это уловитель информации… — Маркони взял со стола фанерную коробку с жестяной воронкой. От воронки тянулся к “Проныре” красный провод. Маркони навёл воронку на Сеню. Экран замигал, на нём появились круглые пятнышки.

— Это что? — поежился Сеня. — Он, значит, все

мои данные отпечатывает?

— Не все, а основные параметры… Потом перенесу на перфокарту… Можешь, Абрикос, быть свободен.

— Хочу тоже, — заявил находившийся тут же Никита. Сеня сказал:

— Ты ещё маленький. Из-за тебя Кап получится таким мелким. И приставучим.

— С меня тоже не надо записывать, — предупредил Матвей и укрылся за гитарой. — Я уже чересчур… Перерос, в общем.

— Потом сниму данные с Уков, и всё сбалансируется…

Уки начали приглаживать волосы, как перед фотосъемкой.

Варя сказала:

— Пеку не надо, он неряха. Зачем программировать такую обормотистость?

— Я запишу и Олика, — объяснил Маркони. —Получится среднее арифметическое.

— Вроде меня, да? — с пониманием вставил Андрюша. Пека мстительно сказал:

— А с Варвары ничего писать не надо. Схема развалится.

— Это почему?! — возмутилась та.

— Потому что ты девчонка. А Кап — он же

пацан!

— А с чего ты это взял?

— Как это “с чего”? Ребята, она в своём уме?

— Нет, это, наверно, вы не в своём, — заявила Варя. — Почему вы все решили, что Кап — мальчик? Потому что имя такое? Но оно ведь даже и не его собственное, это Егор Николаевич придумал…

И тут все растерянно запереглядывались. А Маркони заскрёб в затылке.

— Ёлочки-сосеночки… Вопрос-то и правда невыясненный.

— Да ладно, — беспечно сказал Матвей. — Автоматическая коррекция сама, небось, это дело решит…

— Ну да, “решит”. Расхлёбывай потом… Кап!

По правде говоря, про самого-то Капа в перепалке забыли. Он сидел, как обычно, на краю банки, мерцал, болтал прозрачными ножками, но сказать ничего не мог — “Сверчок” был выключен. Маркони торопливо нажал клавишу. Из сверчка послышался кукольный голосок:

— Привет! Вы что это тут громоздите?

— Привет, Кап! Это преобразователь, тот самый, — бодро объяснил Маркони и слегка засмущался. — Слушай, тут такой вопрос. Невы-

ясненный… Ты мальчик или девочка?

— Как это?

— Ну… разве у вас нет разделения на мужской и женский род?

— Я что-то не врубаюсь…

— Вот бал… то есть напряги соображение. У тебя сколько родителей? Два?

— Два! Ипу-ннани и ипу-ддули.

— А кто из них папа и кто мама? — вмешалась Варя.

— Я не врубаюсь…

— А ты врубись, елки-палки! — начал раздражаться Маркони. Но сдержался. — Они разве совсем одинаковые?

— Нет, что ты! Ипу-ддули заботится об энергии, и доставляет её ипу-ннани и мне. Он любит путешествовать… А ипу-ннани чаше всего рядом со мной. Воспитывает меня и жалеет… — Голосок в “Сверчке” заметно дрогнул.

— Всё ясно, — сказала Варя.

— Ничего не ясно, — нахмурился Маркони. — Может, у них-это… матриархат… Кап, а кто тебя на свет родил? Или как там у вас? — Он покосился на Варю.

— У нас это очень просто! Когда две капли хотят, чтобы появилась третья, ипу-ддули сплющивает-

ся в линзу. И направляет на ипу-ннани тоненький лучик от Лау-ццоло. Появляется искорка, и от ипу-ннани отделяется живая капелька. Только она сперва беспомощная…

— Ясно, — вздохнул Маркони. — Хотя опять ничего. не ясно. Ты когда вырастешь, кем станешь? Ипу-ннани или ипу-ддули?

— Я ещё не знаю… Но ипу-ннани говорит, что я весь в ипу-ддули, такой же непоседа.

— Конечно, мальчишка, — разочарованно сказала Варя. — Сразу было понятно. Девочка ни за что не отстала бы от экскурсии.

— Полной уверенности всё же нет, — строго возразил Маркони. — Вот что, Варвара, ты принеси на всякий случай какой-нибудь сарафан и всё что полагается. А ты. Абрикос, мальчишечьи шмотки. Он ведь… или она… появится в чём ипу-ннани родила. \'

— Можно шорты и майку, — решила Варя. — Годится на любой случай. Я сейчас принесу! — И умчалась. Жила она в соседнем доме.

Все молча ждали. Один раз только Кап нетерпеливо спросил через “Сверчок”:

— Уже скоро, да?

— Как только, так сразу… — бормотнул Маркони. Кап затих, стараясь переварить в сознании

неизвестную на Ллиму-зине поговорку.

Маркони поглядывал на экран “Проныры”, где светился узор из жёлтых чешуек, и шилом прокалывал дырки в картонном квадратике.

— А! Вы делаете перфокарту! — вежливо догадался Олик.

Маркони сунул перфокарту в щель на корпусе “Проныры”. На экране зажглось:

“Готовность № 2”

Все вытянули шеи. Кап слегка взлетел над банкой.

— От винта… — хмуро. приказал Маркони. Во время опытов он делался строг и немногословен. Все попятились. Прибежала Варя со свёртком.

— Вот… Я только насчёт обуви не знаю, какой у него размер. Но я босоножки взяла, их можно регулировать…

— Гляньте, нет ли в воздухе каких насекомых, — велел Маркони.

Варя повертела головой.

— Вроде бы нет…

— Не “вроде бы”, а смотрите как следует! — рассердился Маркони. — Какой-нибудь супер-кулекс пролетит через преобразователь, и будет этакое дитя с комариным умом и замашками вампира. А я отвечай… Вы вообще-то хоть соображаете?

Никто ещё такого эксперимента не ставил…

— Ой, Маричек,– заволновалась Варя, — а с Капом ничего плохого не случится?

— Это уж моя забота…

— А ты уверен, что он превратится? — спросил Матвей. — Он ведь не земного происхождения. И даже не гуманоид:

— Не имеет значения, — сухо ответствовал Маркони. — Важно не то, кто на входе, а какая программа на выходе… Постелите у бочки вон тот половик, чтобы помягче было. А то новорожденный выкатится на твёрдый пол…

Разумный второклассник Андрюша предложил:

— Может быть, сперва на ком-нибудь другом попробовать? Котёнка поймать и туда…

Маркони насмешливо блеснул очками:

— А потом загонять обратно обалделого мальчишку, который шипит и царапается… И вообще не вякайте мне под руку… Абрикос, оттащи Никиту, а то не успеешь оглянуться, как повзрослеет в шесть раз.

— Ну и хорошо! Меньше забот.

— Ха, меньше! Будет безграмотный болван. Ростом с тебя, а в штаны пускает…

— Ой… — Сеня оттащил Никиту.

— Кап, — смазал Маркони помягче. — В общем-то всё уже готово. Тебе надо будет пролететь через бочку. И главное — не испугайся, когда превратишься в человека. С непривычки может показаться, что это неприятно…

Кап с готовностью подлетел к бочке. Ко входу в преобразователь. Смело и быстро. То ли на планете Ллиму-зине был неведом страх перед экспериментами, то ли нетерпение у Капа было пуще боязни.

— Стоп, стоп… Полетишь по моей команде… — Маркони включил на стене рубильник с красным шариком на рукоятке. Преобразователь тихонько загудел.

Сеня ощутил в груди холодок. Такой же, какой появлялся у него, когда он думал о бесконечности и загадках Космоса.

На экране появилось: “Готовность № I”.

— Отойдите все подальше, — распорядился Маркони. — Или вот что! Катитесь-ка на двор.

— У-у… — дружно протянула компания.

— Ничего не “у”. Думаете, Капу приятно будет выкатываться из бочки на глазах у всех в натуральном виде?

С Маркони не поспоришь. Сеня подхватил Никиту и первый двинулся к лестнице. Остальные

за ним. Маркони сказал вслед:

— Да не орите там со двора: “Скоро ли? Скоро ли?” Минут пятнадцать ещё на отладку уйдёт.

Варя оглянулась и нерешительно спросила:

— Марик, а вдруг всё-таки девочка? Тебе неудобно будет…

— Переживу. Я отвечаю за результат, в науке не до церемоний.

Потом выяснилось, что про отладку Маркони сказал нарочно: чтобы зря не нервничали.

Не устели все рассесться на крыльце и на поленнице, как Маркони высунулся из слухового окна. Очки его перекосились пуще прежнего, а на лице была непривычная, размягченная улыбка.

— Ну, всё! Слава Богу, пацан… Стойте, куда вы ломитесь! Дайте человеку в себя прийти, он же только на свет появился!

Приходил в себя Кап недолго. Минут через десять все увидели, что Маркони спускается по приставной лестнице вместе с незнакомым мальчишкой. Тот двигался неуверенно, Маркони помогал ему.

Мальчишка ступил на траву. Поглядел на каждого. Неуверенно растянул в улыбке губы:

— Здра… сте…

Был он ростом с Олика — самого высокого из

Уков. И чуть пониже Сени. Щуплый, с тонкой шеей и перепутанными волосами, про которые говорят “каштановые”. С острым подбородком, носом-клювиком и быстрыми тёмно-карими глазами. Робости в глазах не было, только любопытство. Но улыбался он стеснительно. А может, ещё просто неумело. Переводил глаза с одного на другого.

Никита пососал палец и задумчиво сказал:

— Майчик… — Это, конечно, означало “мальчик”.

Мальчик как мальчик. Будто приехал жить на эту улицу и пришёл знакомиться со здешними ребятами.

Сеня даже подумал: “А, может, Маркони дурачит нас? Подговорил незнакомого мальчишку и пудрит нам мозги…”

Но подозрение мелькнуло и пропало. Маркони — серьёзный человек. И перед ребятами стоял без сомнения Кап. Этому сразу поверили все.

Капа не стали тормошить, хлопать по плечу, орать: “Привет! С днём рождения!” Просто заулыбались в ответ, кто-то шёпотом сказал: “Здравствуй…”

Он повертел головой, пошевелил пальцами в растоптанных босоножках, посмотрел на них.

Старательно выговорил:

— Вот. Я пре-вра-тил-ся.

— Ты молодец, Капушка, — осторожно похвалила его Варя.

Пека деловито спросил:

— Ну и как ты себя чувствуешь в этом виде?

— По-моему… хо-ро-шо. Только я… такой большой…

— Ты нормальный. Привыкнешь, — пообещал Матвей.

— Да… Ой… Это что? Ве-ло-си-пед?

К поленнице был прислонен старенький “Орленок”, на котором прикатил сюда вместе с Никитой Сеня.

Кап не очень умело, почти не сгибая ног, подошёл к “Орленку”. Взялся за руль. Поставил ногу на педаль.

— Кап, ты ведь не умеешь, — встревожился Маркони. — Смотри, дров наломаешь.

— Я умею. Я ка-тал-ся во сне…

Он довольно лихо оттолкнулся, перекинул ногу через седло. Но тренировки во сне оказалось явно недостаточно. Ступни сорвались с педалей, Кап испуганно растопырил ноги. Велосипед понесло к забору, где он и грянулся передним колесом о доски…

— Мальчик бах, — сказал Никита. Капа в десять рук подняли из травы.

— Живой? Куда тебя понесло без спросу! Мы же за тебя перед Галактикой отвечаем! — Это Маркони.

— Ой, Капушка, я сейчас йод принесу… — Это, конечно, Варя.

— Ни фига страшного, научится… — Это Пека.

Кап стоял и виновато улыбался. Теперь он ещё больше походил на местного пацана, потому что был украшен первыми в своей земной жизни мальчишечьими знаками отличия: на колене — ссадина, на лбу — жёлто-синий желвак. Кап смотрел на велосипед.

— Сло-мался?

— Да ничего с ним не сделается, — отмахнулся Сеня. — Ты-то как? Целый?

Кап тронул мизинцем лоб.

— Шиш-ка…

И тогда все расхохотались. И Кап расхохотался. Тряхнул плечами, словно сбросил невидимые веревки. С этой минуты двигался он свободно и говорил без запинки. Наверно, велосипедная авария встряхнула в нём и окончательно поставила на место каждый атом.

— Сейчас мы тебя научим, — пообещал Мат-

вей. — Ну-ка садись опять…

— Ага! — Кап с готовностью ухватился за руль. И вдруг стал задумчивым. — Ой… что-то не так.

Все, конечно, опять перепугались:

— Болит что-то?

— Голова кружится?

— Вот здесь… — Кап осторожно прижал растопыренную ладонь к белой майке. Пониже рисунка со старинным автомобилем и надписью “FORD”.

— Возможно, он отбил брюшной пресс, — прошептал Олик.

— Да бросьте вы! Он просто лопать хочет! — догадался Пека.

— Да… лопать, — Кап снова заулыбался. — Там пусто…

Олик обрадовался:

— Правильно! Это как Буратино. Он тоже сразу кушать захотел, когда на свет появился.

Деликатный Андрюша дёрнул Олика за матроску: инопланетянин Кап мог обидеться, что его сравнивают с деревянным человечком.

Но Кап не обиделся:

— Ага! Как в мультике “Золотой ключик”!

Прибежала Варя с коричневым стеклянным пузырьком и ватой. Сеня сказал ей:

— Ты лучше молока принеси. И булку. Человек ни крошки ещё в рот не брал с той поры, как родился.

— Ой, верно… А может, сосиски или яичницу приготовить?

— Для начала хватит и молока, — решил Маркони. — Мало ли что…

Первый день человеческой жизни Капа Маркони назвал “периодом начальной адаптации”.

Адаптировался Кап быстро. Через час он уже бултыхался на отмели в пруду, и Матвей учил его плавать. Потом гуляли по Ново-Калошину. Капу всё нравилось: и дома, и люди, и машины, и карусели в городском парке. Лишь однажды он сморщил свой воробьиный нос и сказал с сомнением:

— Как-то не так… Чужой запах…

— Это опять “Красная резина” всякую гадость в атмосферу выпустила, — сердито объяснил Сеня. А понятливый Никита выразился короче: “Кака”. Никиту все, кроме Вари, по очереди таскали на плечах. Даже Кап попробовал. Никита ему нравился:

— Какой хороший маленький человек… У нас бывают маленькие капли, тоже очень хорошие… Ой, а почему у него так?

— Что? — испугался Сеня.

— Влажно…

Сеня сдёрнул Никиту на землю.

— Опять! Ты когда научишься проситься вовремя, земноводное? Не ребёнок, а водопровод. Позор на всю Вселенную…

Наскребли по карманам несколько рублей, купили мороженое.

— А паразит Лошаткин такое же по червонцу продаёт, — вспомнил Пека.

— Кто такой паразит? — спросил Кап. — Совсем плохой человек?

— Вот именно, — вздохнула Варя.

— А почему бывают плохие человеки… люди?

— Разве у вас на Ллиму-зине все капли хорошие? — сказал Пека.

— Всякие… Но не паразиты… Я знаете чего боюсь? Если уу-гы, которые внизу живут, сильно разовьются, они тоже построят эти… хим-ком-бинаты. Тогда нам придётся плохо.

— Может, они будут умнее нашего человечества, — понадеялся Матвей.

— Не знаю… У них, по-моему, есть паразиты. Некоторые даже… лопают друг друга…

— Тогда им до химкомбинатов ещё далеко, — решил Маркони.

— Ты думаешь? — сказал Матвей.

Маркони открыл рот, чтобы ввязаться в спор, и тут же захлопнул губы. Навстречу ребятам шла по Гоголевскому бульвару девица в белом платье с синими горошинами и в белых туфельках. Помахивала белой сумочкой. Маркони опустил голову. Очки у него съехали на кончик носа, а уши стали как буро-малиновая майка Пеки.

В дружной компании возникло тяжёлое молчание. А девица лучезарно улыбнулась на ходу:

— Привет, детки! Привет, Маркони! Как твои научные открытия?.. — И порхнула мимо, как облачко косметики.

— У, мымра… — бормотнул в сердцах Сеня.

— Мымра Глория? — понимающим шёпотом спросил Кап.

— Она… Опять Маркони вылетел из колеи. На несколько дней.

— Но она красивая мымра, — сказал Кап, отдавая дань истине.

— Подумаешь, красивая… — фыркнул Сеня. Варя шла рядом, и у неё сделалось деревянное лицо. Безразличным тоном она подтвердила:

— Глория в самом деле красавица.

— Да брось ты? — шумным шёпотом возмутился Сеня. — Как журнальная манекенша! Ты,

Варька, если хочешь знать, гораздо обаятельнее.

Варя хмыкнула со всевозможной насмешливостью и недоверием. Но на душу ей пролилось что-то вроде сиропа.

В другое время Сеня не посмел бы сказать Варе такие слова, но сейчас было можно. Это ведь не сердечное признание, а как бы заступничество.

— Точно! — продолжил Сеня. — А Маркони дурень. Когда-нибудь он поймёт и у него откроются глаза…

На самом деле Сеня этого не хотел. Пускай уж лучше мается из-за глупой Глории, чем у него откроются глаза на Варю. Лучше бы у Вари открылись пошире глаза на него, Сеню Персикова. Как-никак вице-президент и автор газетных публикаций…

Уки в это время шагали впереди всех, а Маркони и Матвей (с Никитой на закорках) топали сзади. И Матвей шёпотом воспитывал Маркони:

— Тебе о трансляторе надо думать, понял?! А не об этой кукле! Вот отправим Капа домой, тогда влюбляйся по уши, хоть свадьбу играй. А пока — во… — И к носу Маркони был поднесён кулак.

Маркони равнодушно отвернулся. Кулак был неубедителен. Музыкальные пальцы Матвея-с-гитарой мало годились для такой воспитательной

демонстрации.

— Всё с транслятором будет в норме, — похоронным тоном отозвался Маркони. И в голосе его слышалось: “Разве же это самая главная проблема? Как избавиться от сердечных мук — вот задача…”

В разговор вмешался Никита. С Матвеевых плеч он узрел, с каким аппетитом Уки лижут по очереди брикет мороженого.

— Х ***о*** чу…

— Что ты хочешь опять, горе моё? — застонал Сеня.

— Это…

— Это маленьким нельзя. Будет ангина, придёт тётя с уколом…

— Маленьких нельзя пугать врачом, — сказала Варя.

Кап спросил:

— Кто такая тётя с уколом? Как Глория?

— Вроде… — вздохнул Сеня. — Только тётя делает уколы ниже спины, а Глория бедному Маркони прямо в сердце…

— Х ***о*** чу! — это было уже на грани рева.

— А фигу не хочешь?!

— Х ***о*** чу фигу…

Ему дали полизать сладкую обертку.

— Хороший, Никита, — опять сказал Кап. — Хочешь ко мне?

Никита хотел.

— Не вздумай только опять сырость пустить, — предупредил Сеня.– Запасных штанов больше нет. —Он заглянул в спортивную сумку, которую таскал на ремне через плечо. — Точно нет… Кран, а не младший брат.

Кап ловко усадил Никиту на плечи.

— Скажи: спасибо, Кап, — велел Сеня.

— Кап… — с удовольствием сказал Никита.

Матвей озабоченно потёр лоб:

— А знаете что? Надо Капу дать человеческое имя. А то начнут удивляться, когда с кем-нибудь знакомиться будет…

— А это чем не человеческое? — заспорила Варя. — Можно объяснить, что сокращенно от “Капитона”. Пека, облизываясь, оглянулся на ходу:

— А если Капитон — значит Тошка. Капитошка — Тошка….

“А если Тошка — значит, Антошка”, — прыгнуло в голове у Сени.

— Ан-тошка… Хочешь, Кап, стать Антошкой?

— Ага!.. Хочу Антошку! — И он весело глянул Сене в глаза. Весело, но и… будто с каким-то во-

просом. Или с желанием что-то сказать. Уже не всем, а одному только Сене. И он правда сказал:

— Сеня, спасибо.

— За что? — почему-то смутился Сеня.

— За то, что ты взял меня от Егора Николаевича. Если бы не взял… не было бы как сейчас… никогда…

— Но всё равно он хороший, — пробормотал Сеня. — Мог ведь и не отдать.

— Он хороший, — согласился Кап-Антошка. — Мы его увидим?

— Конечно!

ГЛАВА ПЯТАЯ
План профессора Телеги

Решили навестить профессора Телегу завтра. А в этот день до вечера гуляли и развлекались. Ещё раз искупались, смотрели на чердаке программу диснеевских мультиков, ходили друг к другу в гости. Взрослым объяснили, что Антошка приехал из другого города на каникулы к родственникам.

Взрослые иногда спрашивали: откуда?

— С планеты Ллиму-зина! — честно и весело говорил мальчик Антошка. Взрослые смеялись. Играют мальчишки, чему тут удивляться. Если и удивлялись, то большой красивой шишке на лбу у гостя. Впрочем, шишка уже не болела, а понятливый Антошка к вечеру вполне освоил велосипед.

В самом конце дня, на закате, все (кроме Никиты, который отправился спать) навестили Пим-Копытыча. Тот обрадовался. Слазил в свой подвал, вынес каждому по крупному свежему помидору. Откуда они такие? Ведь ещё не сезон. Явное колдовство…

Антошка с удовольствием вцепился в помидор

зубами и от неумения закапал белую майку.

— Ой… — он виновато глянул на Варю. Майка-то её. Антошку успокоили. А Пим-Копытычу объяснили:

— У него земного опыта ещё маловато. Он ведь инопланетянин.

Пим-Копытыч покивал: бывает, мол… Он был сегодня оживлён и весел. Честно говоря, от него попахивало самогоном. Самую малость. Что поделаешь, старого домового не перевоспитать.

Маркони, который к вечеру одолел любовную тоску, деловито спросил:

— Пим-Копытыч, можно будет у тебя тут раскинуть один агрегат? На лужайке — пусковую площадку, а в подвале — пульт. На дворе неудобно, ходят, мешают… Понимаешь, нужна эта машина, чтобы Антошку запустить обратно домой…

— А чего ж! — обрадовался Пим-Копытыч. — Работайте! Мне веселее будет, когда компания!

— Электропитание-то есть?

— Как же, как же! Имеется в подвале щиток… А ты, Антоша, значит, у нас тут на каникулах?

— Вроде… — вздохнул Антошка.

— Хорошее дело, на матушке Земле есть что посмотреть. Хотя, конечно, уже не то, что прежде…

Пека, а как насчёт котёночка-то, а? Не нашли?

— Ищем! — отозвался Пека с ненастоящей бодростью. Уки виновато запереглядывались. Про котёнка для Пим-Копытыча они среди последних событий совсем забыли.

— Надо ведь не первого попавшего, а чтобы посимпатичнее,—сказал Андрюша.

— Да мне хоть какого, лишь бы от меня никуда…

С пустыря отправились гурьбой в институт Маркони. И там, на глазах у всех, не сбрасывая одежду, Антошка в один миг превратился в Капа. Тихо нырнул в бочку с одной стороны, а с другой вылетел искрящейся капелькой. Только лампочки мигнули на “Проныре”.

Затем, ради опыта и тренировки, он опять появился из преобразователя мальчишкой. Прежним Антошкой. Только не было уже на колене засохшей ссадины, а шишка на лбу стала почти незаметной.

— Реставрация биосистемы, — сказал Маркони. — Программа держит стабильность заданных параметров…

Тут все обратили внимание, что на майке нет уже следов помидорного сока, а надпись под рисунком теперь не “FORD” а “Руссобалтъ”, И

старенькие пыльные шорты из серых стали голубыми.

— Шмотки в программу не вложены, — разъяснил Маркони. — Тут, видимо, дело Антошкиной фантазии… Ладно, мотайте спать.

Антошка снова превратился в Капа и устроился в банке, на искусственной паутине из капроновой лески. Включенный “Сверчок” пропищал:

— Ой, какой я маленький… Спокойной ночи.

Все разноголосо пожелали спокойной ночи Капу, а Варя спросила:

— Почему бы ему не ночевать в виде мальчика? Привыкал бы…

— Не всё сразу, — буркнул Маркони. — Перегрузки — дело опасное… Ну, шагайте…

Сам он остался спать здесь, ни раскладушке. Он всегда охранял Капа.

Утром собрались на дворе у Маркони. Бодрый, умытый Антошка (в голубой майке с белым корабликом) ревниво спросил у Сени:

— А где Никита?

— Слава Богу, это сокровище дома. Бабушка приехала.

— Жалко, — огорчился Антошка.

— Если хочешь, зайдём ко мне, увидишь эту радость. Только позже, а то он ещё дрыхнет.

— А сейчас куда?

— К Егору Николаевичу. Вчера ведь договорились, — напомнил Матвей.

— Я на велосипеде! Можно?

Конечно, ему сказали, что можно.

Егор Николаевич оказался дома, потому что был в отпуске. Он встретил компанию на своём дворе и не очень удивился гостям. Кое-кого знал он и раньше: Маркони помогал ему налаживать “Алика”, Матвей и Маша иногда забредали попросить интересную книгу из домашней библиотеки. Пеку Егор Николаевич прошлой осенью вытащил из дыры в заборе, где тот застрял при попытке проникнуть в профессорский сад. А про знакомство с вице-президентом и говорить нечего.

И всё же профессор Телега был слегка обескуражен многочисленностью компании.

— Какая неожиданность!.. Весьма, весьма рад… Мама, придётся ставить самовар, чайником тут не обойтись!

Егор Николаевич жил в старом родительском доме с мамой Ольгой Никифоровной. Имелась раньше у профессора и жена, да что-то, видать, не получилось у них в жизни. И детей у него не было. Может, поэтому на чужих ребятишек профессор смотрел с улыбчивой печалью и скрытой

завистью.

После взаимных приветствий Варя взяла за плечи смущённого Антошку и поставила перед профессором.

— Егор Николаевич, угадайте, кто это?

— М-м… Я, право, не помню. Мы когда-то встречались?

— Встречались, встречались! — запрыгали все. Даже солидный Матвей и воспитанный Олик. Только Маркони улыбался сдержанно.

Егор Николаевич пригляделся. Мальчик был совершенно незнакомый. Тощенький пацаненок лет десяти, в котором угадывается что-то птичье. Этакий чибисенок.

— Н-нет… Виноват, конечно, однако.,.

— А вы угадайте! — сказала Варя.

— Но ведь гадать я буду до бесконечности. Вариантов неограниченное множество…

— Этот вариант за пределами всякой неограниченности, — объяснил Сеня солидно, хотя и весело.

— Тем более, тем более…

Сеня с торжеством сообщил:

— Это — Кап!

— Что?.. Кто?.. Ах, Кап! Ну да, понимаю… То есть в каком смысле?

— В самом-самом смысле! — Сеня оглянулся на Маркони, который скромно потупился. — Вот он сделал преобразователь. Была капелька — стал мальчик.

— Ах, вот что! — развеселился профессор. — Вы решили меня разыграть! Ценю, ценю юмор.

Тогда незнакомый мальчик взял Егора Николаевича за рукав и потянул в сторону. Профессор послушался. Отошли шагов на пять. Мальчик встал на цыпочки, пригнул Егора Николаевича за плечо и что-то зашептал ему в ухо…

Что он шептал, ребята никогда не узнали. Видимо, что-то известное только двоим — профессору и Капу. Может быть, Антошка напомнил разговоры, которые профессор и капелька-инопланетянин вели в первые дни знакомства.

Лицо профессора стало растерянным и неулыбчивым. Он выпрямился, поскреб подбородок. Антошка стоял рядом и колупал сандалией траву.

— Не может быть… — выговорил Егор Николаевич. — То есть, конечно, да… Но я не поверю, пока не увижу сам… Нет, я знаю о необычных талантах Марика, я сам не раз убеждался, но чтобы такое…

Егора Николаевича шумной толпой повели в

институт Маркони. И там, на чердаке, прорезанном солнечными лучами, профессор Телега стал свидетелем чуда. А точнее — ещё одного достижения человеческой науки.

— Непостижимо, — бормотал он, держась за длинный подбородок и покачиваясь…

Впрочем, скоро профессор успокоился. Ведь сам он тоже работал в той области науки, которая граничила с чудесами.

Егор Николаевич нерешительно погладил Антошку по спутанным волосам и напомнил всем, что Ольга Никифоровна поставила самовар.

Пошли обратно.

По дороге Пека вспомнил:

— Егор Николаевич! В заговоре против кулексов неточность! Пим-Копытыч вчера сказал. Надо не “шиш на мыло, кукуруза”, а “шиш на мышь, гипотенуза”…

— Не может быть! Я проверял на компьютере по семи лингвошифрам… Коллега Пим-Копытыч очень эрудированный специалист, но в этом случае… Не знаю, не знаю…

— Нет, Егор Николаевич, правда, — поддержал Пеку Сеня. — Мы вчера по-новому заклинание прочитали, и ни один кулекс не сунулся. — Он попрыгал на правой ноге, а левой повертел в

воздухе. — Видите, ни одного нового укуса…

— Поразительно. Передайте коллеге Пим-Копытычу мои поздравления.

Потом в прохладной деревянной комнате пили чай со всякими вареньями, которые выставила Ольга Никифоровна. Это была седенькая, но бодрая старушка. Она ничего не знала про Антошкино “инопланетянство”, но, кажется, что-то чувствовала. С особым вниманием следила, чтобы “мальчик кушал как следует, а то вон какой, все косточки торчат”. Антошка с вареньем и пирожками управлялся без смущения, но сделался задумчивым. Кто знает, может, вспомнил своих ипу-ннани и ипу-ддули. Он сидел рядом с Егором Николаевичем, и тот пару раз опять незаметно погладил его по голове.

Вдруг в соседней комнате раздался шум и звон. Ольга Никифоровна всплеснула руками:

— Ох, это Муркино потомство резвится, опять разбили что-то!

Варя обрадовалась:

— У Мурки котята?

— Трое! Не знаем, куда девать.

— Нам! Нам! Нам!– закричали Уки. Сразу вспомнили о Пим-Копытыче.

Котята были полутора месяцев от роду. Серые,

полосатые, резвые и в меру упитанные. Варя выбрала себе кошечку с белым пятном на груди. Уки взяли кота-мальчишку с чёрным, будто в тушь обмакнутым кончиком хвоста. Третий котёнок остался пока с Муркой.

— Чтобы не скучала, — понимающе сказал Антошка.

Он сидел на корточках и гладил Мурку, развалившуюся на солнечных половицах. Та млела…

Стали прощаться. Матвей сказал:

— У нас программа насыщенная. Надо Капа как следует познакомить с земной жизнью.

— Да-да, разумеется. Жаль, что не могу присоединиться…

Вежливый Олик сказал:

— Почему же не можете? Гуляйте с нами, пожалуйста.

— Я был бы крайне рад! Но должен ехать в столицу. А потом у меня путевка: две недели на теплоходе. От Москвы до Петербурга и обратно… Друзья мои! А что если… Только не говорите сразу “нет”!

— Что именно! — подозрительно спросил Маркони.

— Ведь у Капа… то есть у Антоши, ещё два месяца каникул. Что если ему на две недели поехать со

мной? И тогда его знания о нашей цивилизации расширятся во много раз… Путевка для мальчика не обязательна, если он со взрослым… А перед ним откроется столько всего! Согласитесь, что это нелогично, если представитель другой планеты ограничивает свои знания о Земле одним Ново-Калошином.

Это в самом деле было нелогично. Однако и расставаться с Антошкой никому не хотелось.

— Пусть он сам решает, — вздохнул Матвей.

Антошка посмотрел по очереди на каждого из друзей. На профессора. В пол. Посопел. Сказал тихонько:

— А когда ехать-то?

— Через трое суток.

Ну, тогда… Ребята, можно?

Все обрадовались. Потому что это ведь не завтра. Трое суток будут вместе с Антошкой! А потом пусть едет! В самом деле, надо же посмотреть на Землю жителю Ллиму-зины!

Профессор тоже обрадовался:

— А я в свою очередь проведу кое-какие наблюдения, порасспрашиваю Антошу о его планете и образе жизни. Сделаю записи. Это ведь крайне важно для науки.

— Но только вы никому ни слова, кто он та-

кой, — насупленно предупредил Маркони.

— Что вы, что вы! Я прекрасно сознаю, что наша цивилизация ещё не готова к подобным контактам. Особенно если пришелец — ребёнок. Он просто не выдержит нагрузки. А данные эти — для будущего… — профессор вдруг улыбнулся и сказал с заметной грустью: — А если бы я и захотел открыть кому-то тайну, кто поверил бы?

— Ну и… в общем, берегите его. Чтобы ничего там не случилось такого, — тем же тоном продолжал Маркони.

Егор Николаевич торжественно поднял ладонь.

— Обещаю: всё будет в порядке… Хотите, расписку напишу? — И не дожидаясь ответа, он взял со стола авторучку и свой профессорский бланк. На листке сверху было напечатано:

Доктор филологических наук, профессор ТЕЛЕГА Егор Николаевич

Размашисто и крупно профессор начертал:

“Даю обязательство, что через две недели, т. е. к 24 июня о года, доставлю инопланетянина Капа по имени Антон обратно его друзьям в полном благополучии”.

Поставил дату и расписался. Все прочитали, вежливо поулыбались: понимали, что это напо-

ловину шутка. Даже больше чем наполовину. Потому что, если что-то доказывать, кто же примет эту бумагу всерьёз? Бред какой-то, фантастика. Черновик рассказа из клуба “Рагал”… А кроме того, Егору Николаевичу верили и без документа. Поэтому расписка осталась на столе. И лишь когда уходили, про неё вспомнил Пека. Вернулся и на всякий случай сунул бумагу в карман.

Профессор проводил гостей до калитки. Когда все вышли со двора, Сеня вдруг дёрнулся назад. Словно что-то забыл.

— Егор Николаевич…

— Слушаю вас, коллега Сенечка.

— Егор Николаевич… Вы, наверно, всё ещё обижаетесь на меня…

— Бог с вами, Сенечка! За что?

— Ну… как я тогда на вас наезжал из-за Капа. Обещал, что… поставлю вопрос на заседании…

— Да нет, что вы… В конце концов вы руководствовались справедливой целью, а я проявлял недостойную эгоистичность. И хорошо, что всё кончилось именно так.

Сеня повздыхал, сказал совсем тихо:

— Вы только не подумайте, что я правда стал бы что-то говорить в клубе и выдавать вас…

— Я понимаю…

— Дело в том, что я и сам виноват…

— В чём же?

— Ну… в том, что у меня тоже… не всё фантастика… — Сеня вздохнул ещё раз, глубоко и решительно. Выдернул из кармана кулак. Что-то вложил профессору в ладонь. — Вот! Это вам на память.

В руке Егора Николаевича оказался крошечный бубенчик из тонкой сверкающей меди.

— Что это… Неужели? Из вашего рассказа?

Сеня кивнул.

— Значит… это было на самом деле?

— Да, — сказал Сеня. И бросился догонять ребят.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Нужен большой транслятор

Пим-Копытыч очень обрадовался котёнку. Назвал его Потапом. Посадил себе на валенок и осторожно гладил узловатыми коричневыми пальцами.

— Ух ты мой ласковый, мой славненький…

Котёнку новый хозяин тоже понравился. Серый пушистый Потап урчал, как электромотор, иногда горбил спину и тёрся о валенок боком.

— Только вот с молочком будет забота, — беспокоился Пим-Копытыч. — Ну, ничего, ничего, управимся. Верно, Потапушка?

Матвей сказал:

— Мы будем приносить. Мы теперь тут часто будем появляться, Маркони начнет большой транслятор монтировать, а мы помогать.

— Зачем он, большой-то? — не понял Пека, — Мой дневник Маркони с маленького запустил в бесконечность. А Кап ведь меньше дневника, когда он капелька.

Маркони разъяснил неразумному Пеке, что дневнику было всё равно куда лететь, лишь бы

подальше от Пекиной тётушки, которая его, Пеку, воспитывает (хотя и без видимого результата). А Капа надо доставить точно на Ллиму-зину. Для этого нужна “точнейшая корректировка межпространственного канала” и, значит, куча всяких приспособлений.

— Ежели какие детали необходимы, то я поспособствую, свяжусь с нашими на свалке, — пообещал Пим-Копытыч.

— Зеркала необходимы, — разъяснил Маркони. — С гладкими стеклами. Таких на свалке не сыщешь. И платы для нового компьютера. “Проныру” ведь сюда не потащишь, он для преобразователя нужен.

Вплотную занялись транслятором, когда проводили в поездку профессора Телегу и Антошку. Антошка радовался путешествию. Но всё же при прощании была в его глазах грустинка. Все его пообнимали, похлопали по спине, наговорили кучу советов и наставлений. Антошка улыбался, смущался и кивал. Потом, распростившись уже со всеми, опять взял за руку Сеню:

— Ну, пока… Никитке привет.

— Ладно! Он вчера вспоминал: “Хочу Тошку…”

Тут пассажиров заторопила проводница: “Идите в вагон, отправляемся”. И укатил Антошка в

дальние края. А вся компания пошла готовить стартовую площадку.

Прежде всего они с Пим-Копытычем обошли лужайку на пустыре со всех сторон. Пим-Копытыч особым образом поплевал на траву, а Уки хором прочитали заклинание:

Бунтер-гюнтер, крокодил,
Я свой двор загородил.
Крепкие засовы
Караулят совы.
Кто найдёт сюда пролаз,
Совы клюнут в левый глаз.

Это было сделано, чтобы не совались посторонние.

Затем недалеко от каменного крыльца уложили большущий лист кровельного железа. Маркони велел счистить с него ржавчину. Её добросовестно счистили и потом ходили с бурыми от въевшейся железной окиси коленками и ладонями. А Маркони давал уже новое задание: вкопать с четырёх сторон столбики. На них он приспособил карманные фотоштативы, чтобы зажать зеркала. Эти зеркала, поставленные под нужным углом, должны были направить в центр металлической площадки солнечные лучи. А лучи, заряженные особой программой с пульта

управления, пробьют в космосе коридор, который Маркони называл “межпространственным каналом”. По его словам, в таком канале не бывает ни расстояний, ни времени. Потому Кап моментально окажется на Ллиму-зине…

Ну, конечно, железной пластины и зеркал было недостаточно для такого дела. Под железом спрятал Маркони электромагнитные катушки. Каждой требовалось напряжение, особо рассчитанное на компьютере. И для каждой был необходим отдельный трансформатор. А ещё нужен был особый прибор-навигатор, который считывал бы со звёздных стереокарт координаты Ллиму-зины и направлял межпространственный канал в нужную точку. И полагался пульт для управления всем этим хозяйством.

Понятно, что такую аппаратуру под открытое небо не выставишь. И Пим-Колытыч показал Маркони заросший люк, ведущий в подземную комнатку — рядом со своим собственным жилищем. Раньше там было хранилище для картошки.

От Пим-Копытыча Маркони провёл в свой бункер электричество и начал оборудовать пульт. Как на космодроме.

Увлекшись важной работой, красавицу Глорию

вспоминал Маркони лишь временами. Но всё-таки вспоминал. И бывало, что несправедливо рычал на своих помощников. Те не обижались, понимали причину.

Скоро, привыкли собираться на площадке каждый день и порой засиживались до вечера. Разжигали костерок из сухого бурьяна и щепок — этого топлива тут хватало. Пекли прошлогоднюю картошку. Пим-Копытыч присаживался вместе с ребятами. Точнее, не присаживался (валенок-то не гнулся), а укладывался на бочок, подперев кулаком щёку.

Пушистый малыш Потап устраивался на валенке и уютно урчал, когда Пим-Копытыч гладил его.

Иногда Пим-Копытыч рассказывал истории из прошлого быта домовых. Из тех времен, когда всё было не так: и жизнь спокойнее, и люди добрее, и никто “слыхом не слыхивал про всякую там экологию, когда от этой сажи да вони лошади дохнут, а не то что мы, грешные: гномы, суседки да барабашки”.

— …Раньше-то нашего народу было в сто раз больше, не в пример нынешним временам. Только на нашей Малой Мельничной улице в каждом подполе да в каждой кладовке кто-нибудь оби-

тал… И было, значит, у нас любимое местечко, на задах огорода лавочника Ознобишина, у старого колодца… Лавочник, надо сказать, хороший был мужик, не то что ваш Лошаткин… (Компания бурно возмущалась: “Какой же он наш?!” Пим-Копытыч объяснял, что имел в виду не симпатии, а эпоху.) — Ну дак, значит, соберемся у колодца, и тут кто-нибудь и говорит: “А что, братцы и сестрицы, не поиграть ли нам в “барабашки — лунные пятнашки”?” Потому как дело-то всегда случалось при полнолунии… Ну и почему не поиграть? Молодые тогда все были, заводные… И была среди нас косолапая Катька-Топотуха. Наполовину ведьмочка,, наполовину кикимора. И вот однажды…

Историю о том, как эта Катька-Топотуха до полусмерти напугала околоточного надзирателя Плюхина, первый раз выслушали с большим интересом. Второй раз — тоже ничего… Но Пим-Копытыч забывался и начинал рассказывать снова. Особенно после того, как даст кому-нибудь подержать Потапа, сползает, шебурша валенком, себе под крыльцо и вернётся повеселевший. Тогда ему говорили:

— Слышали, Пим-Копытыч, ты уже про это рассказывал. Сыграй лучше да спой.

Пим-Копытыч не обижался. Брал у Матвея гитару, клал её на носок валенка, ударял по струнам.

Играл Пим-Копытыч совсем неплохо для домового.

— Вообще-то у нас в ходу больше были балалайки. Но мой дружок Яша-Верти-Нос на гитаре очень даже чувствительно исполнял разные мелодии. И меня кой-чему научил… Помер он уже давно, превратился в деревяшку, а я как закрою глаза, так его и вижу — будто наяву… — И Пим-Копытыч пускал со струн сложный цыганский перебор. А потом начинал петь:

Я встретил ва-а-ас, и всё было-ое…

Или:

Бе-е-лой акации гр-о-оздья душистые…

Любил он старые романсы. Говорил назидательно:

— Классика… Всякие там роки-буги-вуги пройдут и сгинут, а это останется навсегда. Потому как берёт за самые чувствительные струны души…

Тут с Пим-Копытычем не спорили. Из вежливости. Впрочем, романсы и правда были неплохие. Особенно Варе нравились. Маркони притихал: снимет очки, щурится на костёр и вздыхает.

Пим-Копытыч пел надтреснутым голоском, в котором слышалось шипение, как на древней

граммофонной пластинке. Но в этом была даже своя прелесть. Будто и правда в траве завели старинный граммофон с жестяным узорчатым рупором…

А иногда гитару брал Матвей. У него было немало придумано песенок. И весёлых, и грустных. Про туристов, заблудившихся в комнате среди фикусов; про луну, которая загляделась на своё отражение и упала в лужу; про таинственные маяки, которые не приближаются, сколько к ним ни плыви; про мальчишку-ветра, который влюбился в девчонку и унёс её пёстрый зонтик, а она не поняла и плакала… Впрочем, здесь эту песенку Матвей не пел, чтобы не напоминать Маркони о любви.

Зато дружными голосами пели про Антошкину планету. Матвей уже придумал эту песню до конца:

Ллиму-зина-зина-зина —
Непонятная загадка.
Дайте, дайте мне резину,
Чтобы сделал я рогатку
(Словно два торчащих пальца).
И меня рогаткой этой
Вы пульните, будто крошку.
Полечу я на планету,

Где живёт наш друг Антошка
(С ипу-ннани, с ипу-ддули).
Полечу по биссектрисе,
Лихо дрыгая ногою,
Превращуся в каплю-бисер,
Стану радугой-дугою.
(Это пре-у-ве-ли-ченье!)
Там меня Антошка встретит
И покажет всю планету.
Хорошо нам жить на свете,
Если расстояний нету
(В межпространственных каналах)…

Песенка была вроде бы весёлая, но все вспоминали Антошку и призадумывались: где он там ездит-плавает? Как ему там с профессором? Не забыл ли друзей с улицы Гончарной? Но это была не главная грусть. За ней пряталась другая, посерьёзнее. Потому что из этой-то поездки Кап, конечно, вернётся. Но ведь потом — улетит насовсем… Эх ты, батюшка-космос, зачем ты такой большой?

Но, хотя и подкрадывалась порой печаль, всё равно было хорошо у костра. Пощёлкивал огонь, мурлыкал Потап, тихонько дышали рядом друзья-приятели. Уютно пахло тёплой травой и совсем не пахло химкомбинатом. И супер-кулек-

сы, испуганные заклинанием с “гипотенузой”, близко не подлетали. Возникали на фоне закатного неба, но к костру не совались.

И не было никого посторонних и любопытных. Не шастали даже бродячие коты, которые дурным поведением могли подать нехороший пример Потапу…

Только появлялся дважды участковый милиционер Кутузов. Он слегка портил настроение.

Первый раз младший лейтенант бесшумно, как настоящий работник розыска, возник из-за репейников, сказал “здравия желаю”, взял под козырек и поинтересовался, почему здесь нарушают.

— А чего это мы такое нарушаем, Константин Артёмыч? — не испугался Пим-Копытыч.

— Разведение костра в неположенном месте…

— Отчего в “неположенном”? На огородах мусор жгут? Жгут! А здесь почему же лишнего сору не поубавить? Жилых построек поблизости в наличии не наблюдается…

— Опять же дети, — не сдавался Кутузкин. — А если будет какое озорство? И к тому же тем, кто до шестнадцати лет, после двадцати трёх часов находиться на улице без взрослых не положено…

Вся компания бурно возмутилась: до двадцати

трёх ещё целый час!

— А кроме того и я с ними, — заметил Пим-Копытыч. — А что я взрослый, никакого сомнения у вас, Константин Артёмыч, быть не может, потому что я вас знал ещё с вашего малолетства, когда вы на стадион лазали через забор по причине отсутствия билета и я вас самолично укрывал под трибуной от контролера…

— Дак я что… — сбавил тон младший лейтенант. — Я к вам, Пим-Копытыч, со всем уважением, но только вы, извините, лицо не совсем человеческой природы и не можете нести юридической ответственности, поскольку без паспорта, а насчёт несовершеннолетних есть инструкция… А я ведь и так на многое смотрю сквозь пальцы. В частности, на ваше, Пим-Копытыч, проживание без прописки на этом участке…

— А нам она сроду не положена!

— Ну да, ну да… Костёрчик потом всё же погасите поаккуратнее и чтобы домой до двадцати трёх…

Когда он ушёл. Варя досадливо удивилась:

— Как он пробрался-то? Неужели на милицию “бунтер-гюнтер” не действует?

Пим-Копытыч покряхтел:

— На её никакие заклинания не действуют.

Это и Егор Николаич в своей докторской работе отмечал…

Но кое-какое действие всё же, видимо, сказалось. По крайней мере когда Кутузкин появился второй раз, на левом глазу у него сидел крупный ячмень.

— Это вас сова в глаз клюнула? — участливо спросила Варя.

— Не знаю, кто клюнул. Болит, окаянный, нету сил. А на больничный не уйдёшь, обстановка на участке неблагополучная. Вот, может, слышали: неизвестные подростки на углу Элеваторной и Февральской революции опрокинули киоск и подожгли…

— Это не мы, — дурашливо сказал Матвей. — Мы только тут, на полянке, огонёк разводим, а киосков поблизости нет…

— Я пока не говорю, *кто,* — со значением ответствовал Кутузкин. — Я сообщаю факт. Виновных же установит следствие… А у вас тут без нарушений? Признаться, меня тревожит репертуар, который вы здесь исполняете. Нет ли чего такого…

— Ничего *такого* нет! — обиделась Варя. — Пим-Копытыч классику поёт. А ещё… Матвей, спой про влюбленные машины.

И Матвей исполнил песенку о девушке-милиционере на посту. Она красиво машет жезлом, а “москвичи” и “жигуленки” все как один косят в её сторону фарами и норовят поубавить скорость… Кутузкин песню одобрил, хотя и усмотрел некоторое несоответствие правилам ГАИ.

— Но это, как я понимаю, поэтическое произведение, не всегда с инструкцией совместимое. Это ничего… А домой вам не пора?

И тогда Олик сказал с вежливой отвагой:

— Вы, товарищ младший лейтенант, совершенно напрасно за нас волнуетесь, раз мамы и папы разрешают нам здесь собираться. Вы лучше бы обратили внимание на кооператора Лошаткина, который эксплуатирует детей на скупке дешевых товаров. И эти товары потом продаёт как заграничные.

Младший лейтенант Кутузов посмотрел на Олика со всей высоты роста. Но ответил мягко:

— Вот ты, мальчик, хотя и выглядишь культурно, а рассуждаешь неправильно. Во-первых, ты не в том ещё гражданском состоянии, чтобы учить сотрудников милиции. А во-вторых, гражданин Лошаткин занимается бизнесом, сейчас это разрешено. А если допустит нарушения, то и меры будут приняты надлежащие… — Он вдруг

за вздыхал, затоптался и спросил совсем другим уже голосом: — От ячменя никакого средства не знаете? Ну, мочи нет, как дергает…

Средство знали: не соваться на эту площадку без приглашения. Но сказать такое никто, разумеется, не решился. Утешили, что “скоро и так пройдёт”…

Разумеется, наша компания занималась не только транслятором и сидением у костра. Хватало других дел и других развлечений. Дела — это понятно, какие. Жили-то все в старых домах, при которых всякие сады-огороды, а значит, и работа. А кроме того, то пошлют на рынок, то в магазин… А развлечения были разные: и купанье, и велосипеды, и всякие спортивные дела.

Во дворе у Маркони устроили аттракцион “Космический перелёт”. Рядом с домом стоял сарай-дровяник.. Расстояние — метра полтора. И вот придумали с крыши дома перепрыгивать на сарай.

При этом опирались на длинный шест. Расстояние, конечно, небольшое, но всё же душа замирала во время короткого перелёта. Если сорвешься — загремишь с высоты четыре метра в проход, где битые кирпичи, колючий татарник и всякий хлам. Поэтому Укам летать сперва не

разрешали. Но храбрый Пека дерзко нарушил запрет. За ним — хладнокровный Андрюша. А Олик прыгать не стал.

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что я боюсь. Просто я чувствую себя физически недостаточно подготовленным.

Такое объяснение приняли с пониманием.

Два раза играли в футбол с командой из Берёзового переулка. Там был капитаном Валерка Ухов по прозвищу Штанга, одноклассник Матвея. У него команда была большая, у наших же друзей народу не хватало. Приходилось играть даже Варе, и приглашали пацанов из соседних кварталов. Один раз проиграли, другой выиграли…

Потом наступило полнолуние, и появилась ещё одна игра. Ночная. “Душезамирательная”, как сказала Варя.

Перед отъездом профессор Телега открыл друзьям заклинание для летающих тарелок. Точнее — для тазов.

Судя по всему, автор “Мойдодыра” слышал какие-то его отголоски, — сказал Егор Николаевич. — Помните? “Он ударил в медный таз и сказал “кара-барас”… Но это было неточно, поэтому полетел не таз, а всякие щетки-мочалки и получилась полная неразбериха… А надо так:

Раз-два-три, кара-барас,
Я сажуся в медный таз.
Резус-капус, электрон,
Я сажуся как на трон.
Сосчитаю до пяти,
И тогда, мои таз, лети!

После этого садитесь в таз, крутнитесь вместе с ним пять раз, посмотрите на луну через левое плечо и скажите:

Сивки-бурки, все коняшки,
Лунный свет в моей упряжке!

И тогда полетите… Только будьте осторожны, высоко не поднимайтесь и скорость держите умеренную…

Затем Егор Николаевич предупредил, что заклинание действует лишь в ночное время и при самой полной луне. К тому же таз должен быть обязательно медный, старинный — такой, в каких в прежние времена хозяйки варили варенье.

Такой таз нашёлся у Пеки. Пека стащил его из кладовки, тайком от родителей и тётушки.

И начались ночные приключения. Кто-то отпрашивался: “Мама, я пойду ночевать к Маркони, мы там страшные, истории рассказываем”. Кто-то просто удирал из дома через окно. И скорей на пустырь, к Пим-Копытычу. Здесь была взлётная

площадка.

Бормотали: “Раз-два-три, кара-барас….”, садились в таз, хватались за края, растопыривали ноги. Появлялось в груди волшебное замирание. От таза пахло кислой медью. Он почти что сам собой поворачивался пять раз вокруг оси. При этом сильно остывал, и кромка его резко холодила под коленками кожу. Теперь — взгляд на луну, что розовым шаром висела над Ново-Калошином в светло-лиловом небе июньской ночи. “Сивки-бурки, все коняшки…” И… таз приподнимал седока. Начинал скользить над землей, шурша медным дном по верхушкам сорняков.

Сперва трудно было управлять. Таз не слушался, кренился, ехал то вбок, то назад. И не хотел подниматься выше чем на метр. Но скоро дело пошло на лад. Особенно когда Пим-Копытыч разъяснил, что надо говорить не “резус-капус, электрон”, а “густер-бустер, гравитон”…

Выше трёх метров таз всё равно не взлетал. Зато сделался послушным в управлении. На нём лихо носились над Ямским пустырем и по ночным переулкам, пугая запоздавших прохожих и влюбленные парочки. Разумеется, опять пошли слухи об НЛО и пришельцах, но подобными явлениями никого уже было не удивить.

— Плохо только, что Антошки с нами нет, — жалел Сеня. Ему возражали: после космических путешествий *что* для Капа обычный летающий таз! Сеня только вздыхал: не понимают. Одно дело — в нечувствительной межпространственной пустоте, а другое — вот так, под розовой таинственной луной, среди тёплых сумерек, которые пахнут согретыми за день травами. Правда, пахнет ещё и резиновой гарью, но это не обязательно, не каждую ночь.

Кончились полёты неожиданно. Нахальный и склонный к приключениям Пека примчался в тазу к своему дому, лихо влетел в одно открытое окошко и вылетел в другое. При этом он пронёсся над столом, за которым при свете розового абажура раскладывала карты тётушка Золя…

Полное имя тётушки было Изольда, а от роду она имела тридцать лет. Однажды неудачно вышла замуж, разошлась окончила педагогическое училище, но работала “по иному профилю” — была частной портнихой. Поскольку заказов было не очень много и выполняла их тётушка дома, то и домашние дела родители Пеки препоручили ей. Сами они были люди очень занятые, работали в кинотеатре “Кентавр”, отец — киномехаником, а мама — администратором. Одним из главных

домашних дел тёти Золи было воспитание Пеки. Но именно с этой задачей справлялась она хуже всего. Пека был неуправляем, как медный таз в первую ночь полётов. И тётушка не раз уже обещала “окончательно потерять терпение и прибегнуть к методам зелёной педагогики”.

…В тот вечер тётушка засиделась допоздна. Она гадала на картах: не подбросит ли ей судьба нового жениха? Стремительное медное тело с разлохмаченной головой и растопыренными конечностями сперва её, конечно, напугало. Но в следующий миг Изольда сообразила, что к чему: она слишком хорошо знала любимого племянника. И вслед улетающему Пеке понеслись из окна всякие обещания. Пусть он только вернётся!

До зелёной педагогики в тот раз, правда, дело не дошло, но таз был отобран и заперт. Впрочем, полнолуние всё равно уже кончалось…

Из всей компании только Маркони остался равнодушным к ночным полётам в медном тазу. Две случайные встречи с Глорией и вид полной луны вызвали у него новые приливы любовной тоски. Ночью он сумрачно и бессонно сидел на крыше своего института и смотрел на раздутое розовое светило. А днём всё у него валилось из рук. Транслятор не налаживался. То ли из-за

сердечных страданий конструктора, то ли по каким-то техническим причинам.

Вообще-то транслятор действовал, Маркони уже отправил с кровельного листа в пространство несколько кирпичей, дырявый волейбольный мяч и даже старую автомобильную шину. Но межпространственный канал принимал “посланцев” лишь тогда, когда направлен был в космос широким конусом. Когда же Маркони превращал его в тонкий луч и нацеливал в заранее вычисленную точку, действие прекращалось. Даже такие легкие предметы, как дохлый супер-кулекс или семя одуванчика, оставались на стартовой площадке при самом полном напряжении транслятора.

Народ роптал. Ты, мол, сперва обеспечь Антошкин отлёт на Ллиму-зину, а потом уже растрачивай нервную энергию на Глорию. А Пека даже так разозлился, что пообещал “отправить эту дуру в другую галактику без всяких трансляторов”.

Тогда разозлился и Маркони. Сорвал очки и тонко закричал, что он не египетский раб, чтобы вкалывать день и ночь, не имея права на личную жизнь. И что он не виноват, если этот проклятый канал не хочет действовать направленно. Тут нужна ещё тысяча всяких. доработок и уточнений! А для них в блоке управления необходима

куча дополнительных деталей и компьютерных плат! А у него уже не осталось никаких материалов! А делать из пустоты он ещё не научился! А на толкучке это стоит бешеных денег! Тысяч пять, не меньше! А где их взять?!

Все смущённо примолкли. До той поры Маркони обходился своими запасами или деталями, добытыми на свалке. Друзья привыкли, что он всегда находит выход из всяких сложных положений. А теперь вот, значит, как…

Оставили похожего на рассердившуюся ворону Маркони, сели на поленнице, стали советоваться.

— Если даже все скинемся, сотни не наберем, — сказал Матвей.

— Может, попросить у Егора Николаевича, когда приедет? — предложил Сеня. — Объясним, что для Антошки, он не откажет.

— После отпуска он будет, наверно, без денег, — заметил рассудительный Андрюша.

— Маркони пошевелит мозгами и как-нибудь выкрутится, — решила Варя. — Лишь бы Глория ему больше не попадалась на глаза…

Матвей с сомнением покачал головой: Глория Глорией, а финансовый дефицит всё равно никуда не денется.

Разошлись, так ничего и не решив.

Уки втроем шагали по Гончарной.

— Не бывает так, чтобы никакого выхода! — взволнованно вскрикивал Олик. — Мы должны этот выход найти!

— Я найду, — вдруг пообещал Пека и сдвинул брови.

Андрюша посмотрел на него молча и с тревогой. Он-то Пеку знал давно.

— Как?! — обрадовался Олик.

— Не скажу. Это я один…

Олик обиделся:

— Но мы же обещали друг другу, что все всегда будем делать вместе! Мы же друзья!

Пека ответил с печальной гордостью:

— Друзей нельзя подвергать напрасному риску.

— Пека, не валяй дурака, — попросил Андрюша. — Тётя Золя тебе покажет риск…

Пека молчал, как человек, решивший в одиночку обезвредить хитрую мину.

— Ох, Пека, смотри… — опять предупредил Андрюша.

Пека сказал задумчиво:

— А Глорию эту… может, её похитить и спрятать где-нибудь? На время… — Этим он увёл разговор

в сторону.

День этот был какой-то неудачный. Поэтому на лужайке у Пим-Копытыча не собирались, каждый провёл вечер сам по себе.

Зато утром случилась радость! К Сене примчался Андрюша и завопил под окном:

— Абрикос! Егор Николаевич вернулся с Антошкой!

Сперва все встревожились: почему раньше срока? Прошло всего восемь дней, а не две недели!. Толпой помчались к профессору.

Оказалось, что оба путешественника живы-здоровы, Антошка только улыбался как-то стеснительно. Они встретили ребят на дворе. Конечно, был весёлый шум и восклицания: “Молодец, что приехал!” А Егор Николаевич объяснил:

— Так уж получилось. Заскучал наш турист. Сперва всё ему было интересно, а потом смотрю, что-то нос повесил. И говорит: “Хочу к ребятам…” — Он оглянулся на Антошку, сказал со вздохом: — Признаться, пару раз всплакнул даже. Вот и пришлось вернуться самолётом из Санкт-Петербурга.

На несколько секунд все примолкли, а потом наперебой заговорили опять: правильно, мол, что прилетел. А то им всем без Антошки тоже

было скучно.

— Жаль только, что ты не успел полетать в тазу, — высказался Олик. — Но это ещё не совсем потеряно. Ведь новое полнолуние ты ещё застанешь на Земле, а таз Пека обещал раздобыть снова…

— А где он, ваш героический Пека? — спросил Егор Николаевич. — Почему Уки не в полном составе?

Андрюша, пряча тревогу, сообщил, что не застал Пеку дома. Непонятное дело, куда он отправился один…

Кстати, не было и Маркони. На Андрюшин стук никто на чердаке не отозвался. Но это ребят не удивило: скорее всего Маркони отсыпался после ночной научной работы или горестных терзаний. А что Пека подевался куда-то, было странно.

Антошка тихонько взял за локоть Сеню. Отошли в сторонку. Помолчали, глядя друг другу на сандалии.

— Как там Никитка-то? — спросил Антошка.

— Нормально. И в штаны больше не пускает, поумнел…

Антошка сказал шёпотом:

— Я там тебя чаще, чем других, вспоминал…

— Я тоже… про тебя думал каждый день… Хотя

и другие всё время думали.

Опять помолчали.

Сеня вдруг предложил:

— Приходи сегодня ночевать ко мне. Я на веранде сплю, там две раскладушки. Будем ночью лежать и разговаривать про всякое…

— Ладно.

В этот момент сзади раздались строевые шаги. От калитки двигался младший лейтенант Кутузов.

Сделавши под козырек, младший лейтенант официально произнёс:

— Гражданин Телега?

Профессор посмотрел на него с интересом.

— А вы, если не ошибаюсь, младший лейтенант Кутузкин?

— Кутузов.

— А я Телега.

— Егор Николаевич?

— Совершенно справедливо.

— Гражданин Телега Егор Николаевич! Я вынужден задержать вас для выяснения ряда обстоятельств.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Конец “Космического мстителя”

Длинное лицо профессора Телеги вытянулось ещё сильнее. Он пошевелил бровями и потрогал подбородок. Оглядел перепуганных ребят. И отозвался довольно спокойно:

— А позвольте полюбопытствовать, какие именно обстоятельства служат причиной столь непонятной для меня акции?

— Узнаете при составлении протокола.

— Удивительное дело! Человек приезжает из аэропорта и не успевает оглянуться, как его берут под стражу! Без объяснения! А как быть с Декларацией о правах человека?

— Что вы делали в аэропорту?

— Как что? Два часа назад приземлился на самолёте Ил-62, рейсом из Петербурга.

— Значит, вы утверждаете, что вчера вечером были в Санкт-Петербурге?

— Утверждаю… А что, разве это противоречит Уголовному кодексу?

— П-понятно… Значит, у вас есть здесь сообщники…

Если бы Егор Николаевич не подхватил подбородок, тот, наверно, отвалился бы совсем. Но, захлопнувши рот, профессор воспылал, наконец, справедливым негодованием:

— Что такое в конце концов?! Я сяду здесь на крыльце и не двинусь с места. Или тащите меня силой, или объясните, чёрт возьми, в чём вы меня обвиняете!

— Не обвиняю, а пока подозреваю. В попытке рэкета.

— В чё-о-о-ом?! — Егор Николаевич и правда сел на ступень.

— У меня документальные доказательства. Ознакомьтесь… Нет, нет, из моих рук… — И участковый развернул перед изумленным профессором серую бумагу.

Конечно, все кинулись посмотреть на доказательство. На листе были наклеены вырезанные печатные буквы. Они складывались в строчки:

Э с л и в ы з а в т р а в 1 2 ч а с о в н е п а л о ж и Т е 5 т Ы с р у Б п о Д к а м и н ь н а б и р и г у П и т у х о в к и В а с ж д ё т у ж а с н а я г и б и л ь и р а з о р е н и Е ! К а м и н Ь с с е р ц е м г д е б и с е т к а в н и з у д ы р а . П а л а ж и т е и с р а з у и д и т е п р о ч . К а с м и ч е с к и й м с т и т и л Ь .

— Вчера перед полуночью это письмо было

брошено в окно кооператору Лошаткину. Вместе с камнем, — пояснил Кутузкин.

Кто-то неуверенно хихикнул. Профессор Телега странно помычал, словно загонял внутрь неуместный в этой ситуации смех.

— Гражданин младший лейтенант Кутузкин… виноват, Кутузов. Понимаю ваше похвальное стремление разоблачить опасного злоумышленника и оставить след в героических летописях органов внутренних дел. Не понимаю другого. Какая связь между этой бредятиной и мною?

— Прямая, гражданин Телега! Вы не станете отрицать, что две буквы в слове “паложите” вырезаны из вашего личного бланка? Я сверил! Образцы всех бланков у меня имеются!

Профессор пригляделся.

— Ну и что?! Мало ли кто мог таким бланком воспользоваться!

— Но это же не газета и широкого распространения не имеет!

— Да я постоянно на этих листках записки пишу!

— Разберемся, — сказал младший лейтенант. — Пройдёмте…

— Я, лейтенант Кутузов, на таком же бланке напишу вашему начальству жалобу, что вы меня

оскорбили…

Младший лейтенант Кутузов не хотел жалоб. Он вообще не хотел, чтобы начальство знало об этом деле заранее. Он мечтал раскрыть преступление сам и повысить свои авторитет в славных милицейских рядах (профессор догадался правильно). Поэтому Кутузкин сказал менее решительно:

— Не передергивайте факты, уважаемый Егор Николаевич. Я вас никак не оскорблял.

— Да?! Ну, то, что вы подозреваете профессора университета в рэкете, это ладно. Встречаются жулики и не с такими чинами. Но как можно заподозрить доктора филологических наук в такой чудовищной безграмотности! Вот этого я оставлять не намерен!

— Однако же, — заявил участковый, — эта безграмотность могла быть намеренной. Для отвода подозрений.

— Даже намеренно я не в состоянии написать “прочь” без мягкого знака, а “мститель” через “и” после второго “тэ”. Даже под угрозой пистолета! Это противно всей моей сущности!.. Я этого так не оставлю…

Во время шумного объяснения Андрюша и Олик смотрели друг на друга сперва с испуганной

догадкой, потом с грустным пониманием. Наконец Олик протянул тихонько и жалобно:

— Ох и дура-ак…

В этот миг после слов профессора случился как раз перерыв, и тонкий голосок Олика прозвенел в напряженной тишине.

— Кто дурак? — разом подобрался Кутузкин.

— Да не вы, не вы! — испугалась догадливая Варя. — Он хотел сказать… это…

— Что он хотел сказать?

— Постойте-ка! — Профессор ухватил письмо. — Да-да-да! Уважаемые Уки! Не ваш ли хитроумный товарищ взял в прошлый раз со стола мою расписку?

Беспощадный ужас проткнул несчастного Олика ледяными иглами. Какой кошмар! Он, Ольгерд Ковальчук, своим неудержимым языком предал своего товарища Ука! Не нарочно, конечно, но Пеке-то не легче от этого! Что теперь будет? И с Пекой, и с ним, с Оликом?!

Отчаяние помогло работе мысли. Спасительная догадка мгновенно озарила мозг. Олик выхватил у Кутузкина письмо, сжал в тугой комок, запихал в рот. Пожевал, выпучил глаза, мучительно глотнул. Зловещий документ ушёл в живот, который дёрнулся под отглаженной матроской.

Никто не успел опомниться. Лишь через несколько секунд профессор встал со ступеньки, взял Олика за плечи. Слегка тряхнул. Может быть, хотел услышать шелест бумаги в пищеводе? Потом он громко сказал в открытую дверь:

— Мама! Принеси, пожалуйста, касторку!

— Не поможет, — печально подвёл итог младший лейтенант. — Документ уже не будет иметь надлежащего вида.

Профессор пожал плечами:

— Зачем он вам теперь-то? Неужели не ясно, что это просто детская шалость?

— Шалость! — взвился участковый. — Видели бы вчера Лошаткина, когда он прибежал ко мне среди ночи!.. И сегодня он пойдёт класть под камень “куклу”. То есть пакет, изображающий пачку ассигнаций.

— Вот там и ловили бы рэкетира. А зачем сюда-то явились? — неласково поинтересовался профессор.

— Одно другому не мешает. Я подозревал, что брать добычу вы пойдете не сами, а пошлёте сообщника.

Егор Николаевич вздохнул. В долгом этом вздохе явно прочитывалась оценка детективных способностей участкового. Но вслух профессор

сказал:

— Надеюсь, теперь вы снимаете с меня подозрения?

— Да, извините. Накладочка вышла…

— Тогда у меня предложение. Брать рэкетира пойдём вдвоём. Если там всё же и правда настоящий злоумышленник, то… я когда-то занимался в секции самбо. А если Пека… — И. Егор Николаевич оглядел ребят.

Они его поняли. Профессор явно хотел прикрыть дурня от лишних неприятностей.

Время как раз приближалось к полудню.

Профессор и младший лейтенант велели ребятам, чтобы со двора ни шагу, а сами двинулись на операцию. Но послушался их только Олик. После всего случившегося (и после касторки) он был печальный и покорный. Как герой, совершивший свой главный в жизни подвиг и теперь готовый на любую казнь. Он остался в доме под присмотром заботливой Ольги Никифоровны, а Матвей, Сеня, Антошка, Варя и Андрюша тайно двинулись следом за профессором и милиционером.

Сеня виновато прошептал Антошке:

— Не успел ты приехать и сразу в такую заваруху…

— Лишь бы Пеку не посадили в тюрьму, — ото-

звался Антошка. — Это самое ужасное, когда хочешь домой, а нельзя…

— Таких маленьких балбесов не сажают. Самое страшное для него — это тётя Золя.

— Зелёная педагогика? — спросил Антошка, уже поднаторевший в земных обычаях.

— Ох… — горестно отозвался Сеня.

Злополучный камень с “дырою” под ним и с полустёршимся рисунком проткнутого стрелой сердца лежал в неухоженном сквере на берегу речки Петуховки, что протекала среди старых улиц, и недалеко от Ямского пустыря. Это был высокий гранитный валун, он темнел среди травы рядом с полуразвалившейся беседкой. Под ним была похожая на неглубокую нору выемка. Мальчишки, когда играли, часто пользовались им как тайником.

Профессор взял с собой бинокль.

Матвей забежал домой и тоже прихватил оптику: трубу “Турист” с двадцатикратным увеличением.

Далее события развивались так.

Профессор и участковый укрылись метрах в ста от камня, за изгородью. Ближе было нельзя, чтобы не спугнуть рэкетира.

А ребята нашли убежище под мостиком, в ку-

стах ольхи. Отсюда берег с беседкой и камнем просматривался тоже хорошо.

Тянулось время, журчали в осоке струи Петуховки. Матвей поглядывал на часы.

И вот, когда было без двух минут двенадцать, на берегу возник Степан Степаныч Лошаткин. Вся его тучная фигура изображала страх и покорность судьбе. Оглядываясь, Лошаткин присел у камня, что-то сунул в нору. Затем выпрямился и, не глядя по сторонам, торопливо зашагал прочь. Как и предписывалось в зловещем письме.

Минут через пять появился Пека. Все смотрели в трубу, хватая её друг у друга.

Пека шёл и подбрасывал красный мячик. Посторонние должны были убедиться: славный весёлый мальчик вышел погулять и поиграть. Никакого злого умысла.

Мячик (совершенно случайно!) упал и подкатился к камню. Мальчик подбежал, нагнулся и (тоже совершенно случайно, из простого любопытства) сунул руку в дыру. Нащупал и вытащил свёрток. Пакет был небольшой. Мальчик сунул его под майку. И вприпрыжку, всё так же подкидывая, мячик, двинулся к изгороди. Как раз туда, где была засада.

— Ох и дураки мы, — запоздало простонал Ан-

дрюша. — Надо же было предупредить, чтобы он не совался, не брал…

— Тогда бы Кутузкин по-прежнему думал на Егора Николаевича, — сказала Варя.

— И вообще… пусть расхлёбывает, что заварил, до конца, — проворчал Матвей. Но как-то неуверенно.

— Может, крикнуть, чтобы бежал? — дёрнулся Антошка.

— Поздно, — вздохнул Сеня.

Уже почти не скрываясь, вся компания кинулась за Пекой. Но драматический момент захвата успели они увидеть лишь издалека.

А происходило это так.

Младший лейтенант Кутузов поднялся из кустов и сурово скомандовал:

— Руки вверх.

Пека обмер и руки бессильно уронил. Мячик покатился в траву.

— Руки вверх, — повторил участковый. Пека обмяк и поднял над плечами ладони. А голову обреченно опустил.

Появился профессор.

— Будьте свидетелем, — сказал младший лейтенант. И выдернул Пекину майку из джинсов. Газетный сверток упал Пеке на кеды.

— С таких-то лет, — горестно проговорил Кутузкин. — Ай-яй-яй… Пройдёмте, гражданин Тонколук.

Если бы Пека Тонколук был более опытным рэкетиром и если бы знал к тому же, что письмо его проглочено, он мог бы отпереться. Ничего, мол, не знаю, шёл, кидал мячик, случайно заглянул под камень, там что-то лежало. Ухватил, не глядя, и пошёл. Даже не знаю, что там… Но Пека вышел на дело первый раз, нервы его были, разумеется, натянуты. Появление милиционера грянуло по этим нервам, как поварёшка по гитарным струнам. Всё внутри оборвалось, и Пека понял, что погиб.

— Я больше не буду, — убито сказал он и заревел.

— Пройдёмте, — непреклонно повторил младший лейтенант. — Для составления протокола и дальнейших соответствующих мер.

— Товарищ Кутузов, позвольте внести предложение, — официально обратился профессор Телега. — Может быть, есть смысл на первый раз обойтись без протокола и ограничиться профилактической беседой? Я как педагог, непосредственно работающий с молодежью, беру на себя обязательство провести необходимую воспи-

тательную работу и взять провинившегося под личное наблюдение. Так сказать, на поруки.

Младший лейтенант Кутузов уже понимал, что данная операция не принесёт ему славы. Надрать же Пеке Тонколуку уши мешало присутствие профессора. И он согласился.

— Так и запишем: под вашу ответственность. Но я со своей стороны сейчас всё же позвоню его родственникам. Мне известно, что у Тонколуков есть телефон, поскольку моя жена заказывала Изольде Евгеньевне бархатное платье. Думаю, Изольда Евгеньевна тоже проведёт воспитательную работу.

Кутузкин откозырял профессору, внушительно погрозил пальцем Пеке и направился в своё милицейское отделение для несения дальнейшей службы.

Пека, почуяв, что ни крытой машины с решётками, ни наручников не предвидится, вытер трикотажным рукавом нос и глаза и приободрился. Выжидательно глянул на Егора Николаевича.

— Провожу тебя домой, — сообщил тот. — Чтобы ты не ударился в бега и не выкинул ещё что-нибудь робингудовское.

— Не надо домой, — понуро сказал Пека.

— Увы, мой друг, от судьбы не уйдёшь. А моё

присутствие, возможно, послужит для твоей тёти сдерживающим фактором…

Подбежали ребята.

— Ну что, “Космический мститель”, — сказал Матвей. — Как добыча?

— Не надо, — попросил Андрюша. — Ему и так плохо…

— И он же не для себя старался! — звонко сказал Антошка.

Пека стрельнул мокрыми глазами, обрадовался. И тому, что здесь вдруг оказался Антошка, и тому, что он заступается. Но радость Пека спрятал и набычившись объяснил: — Этот Лошаткин всё равно жулик…

— И ты решил таким же стать жуликом! — возмутилась Варя. — Нашёлся помощник для Маркони! Ты что думаешь, он взял бы эти деньги?

— Да они ему и не нужны, — хмыкнул Матвей. — Про пять тысяч он просто брякнул, чтобы отвязались. Он потом признался мне. Сказал, что всё наладит и так… Наверно, всю ночь сидел, потому и спит.

Все двинулись на Гончарную улицу. Понурый Пека и профессор впереди, остальные за ними, гурьбой.

— Это хорошо, что его не посадят, — шёпотом сказал Антошка.

В квартале от Пекиного дома Егор Николаевич попросил:

— Вот что, друзья, дальнейшее сопровождение не нужно. Я там как-нибудь сам…

Компания остановилась. Как раз у калитки Маркони. А двое двинулись дальше: высокий профессор в элегантном костюме и приунывший “космический мститель” в обвисшей майке, пыльных мешковатых штанах и с повисшей головой.

Судя по всему, их ждали. У Пекиного дома открылась калитка, и в ней возникла Изольда Евгеньевна в ярком платье и клеёнчатом переднике. Её прямая фигура была сама неумолимость и правосудие. “Я знала, что *этим* всё кончится”, — говорил весь её вид.

Слов не было слышно, и видели только, как тётушка пропустила беспутного племянника и профессора в калитку, а затем скрылась сама. Когда Изольда Евгеньевна уходя повернулась, зоркие глаза ребят смогли различить, что за спиной она держит что-то длинное и зелёное.

— Уртика каннабина, — сообщил Матвей, который смотрел в трубу.

— Тогда ничего, — успокоил Андрюша. — От неё Пека знает заклинашку.

— Жаль, — сурово заключил Матвей.

— А мне его жаль, — печально сообщил Антошка. — Он всё равно хороший.

И Сеня был с ним согласен.

— Вот провалил бы всё дело этот хороший, тогда бы узнали, что почём, — проворчал Матвей. — Если бы ниточка потянулась, могли бы про всё пронюхать те, кому не надо. И про транслятор, и про Антошку. И не видать бы ему никакой Ллиму-зины, затаскали бы по академиям да институтам…

Изольда Евгеньевна ежесекундно менялась на глазах. Глядючи на Пеку, принимала самый безжалостный вид. А когда оборачивалась к Егору Николаевичу, лицо её озарялось светской улыбкой и делалось даже симпатичным.

— Извините, профессор! Столько хлопот из-за этого разбойника! Ну ничего, на сей раз терпение моё истощилось. Проходите, пожалуйста, в дом, я быстренько разберусь с этим юным уголовником и запру его до прихода родителей. А вас угощу чаем с клубникой. Или кофе?

— Благодарствую, — столь же светски отвечал Егор Николаевич Телега. — Не стоит беспокоить-

ся. А что касается разбора с вашим славным, хотя и чересчур предприимчивым, племянником, то я хотел бы подметить одно огорчившее меня обстоятельство…

— Только одно?! — Тётушка Золя всплеснула руками, причем Пека наконец увидел, *что* она держала за спиной. И перепуганно понял, что из-за всех переживаний забыл спасительное заклинание.

— Только одно?! — патетически повторила Изольда Евгеньевна. — Да это чудовище сплошь состоит из огорчительных обстоятельств!.. Марш в дом, рецидивист, и имей в виду, что сейчас ты уже не отвертишься. Будет тебе не только за сегодняшнее, но и за ночные приключения, и за таз, и за весенние двойки, и за немытую шею, и за всё-всё-всё…

Пека побрёл и скрылся за дверью. Видимо, понял, что теперь и правда от судьбы не уйдёшь. А профессор отметил про себя, что брызжущие негодованием глаза Пекиной тётушки блестят вполне молодо и есть в них немалая женская привлекательность…

— Гм, я не знаю вашего племянника так всесторонне, чтобы судить безошибочно, однако полагаю, что он не лишён многих положитель-

ных качеств. Но грамотность его… вернее, всякое отсутствие таковой произвело на меня гнетущее впечатление. А поскольку я за него поручился и в какой-то мере взял ответственность за его воспитание, то прошу позволения заняться с ним грамматикой. Уверяю вас, несколько уроков по часу в день заметно повысят в мальчике чувство языка. Я располагаю методикой, которая…

— О, профессор! Это настолько неожиданно и чудесно, что я не смею верить… Но для вас это столько хлопот!

— Ни в малейшей степени. Наоборот, я испытаю новый метод ускоренного обучения, что полезно для моей работы…

— Благодарю вас! — расцвела Изольда Евгеньевна. — Однако полагаю, что вначале следует применить мой метод, поскольку уже обещано. Не правда ли?

— Ни в коем случае. Это повлияет на усидчивость ученика. Лучше где-нибудь через час пришлите его ко мне для первого занятия.

Вскоре профессор шагал домой, крайне довольный исходом дела. Во-первых, он спас непутёвого мальчишку от излишне ретивого Кутузкина. Во-вторых, избавил его от тётушкиной воспитательной процедуры. В-третьих, есть возможность

совершить ещё одно доброе дело: научить Пеку Тонколука грамоте, поскольку школа на это, видимо, совершенно не способна. И в-четвёртых (а если честно говорить, то это как раз “во-первых”). У него состоялось приятное знакомство, которое благодаря Пеке будет продолжено.

Спасибо юному инопланетянину Антошке, который заставил Егора Николаевича вернуться домой раньше срока!

…А через час той же дорогой шагал Пека. Он был умытый, причёсанный и такой отглаженно-нарядный, что перещеголял бы теперь даже Олика. Но лицо у Пеки было мрачнее тучи. Процесс превращения в “нормального хотя бы снаружи мальчика” оказался не менее мучителен, чем отменённая зелёная педагогика. А кроме того, необходимость заниматься учёбой в каникулы угнетала Пекину душу. Но куда денешься, если ты теперь под надзором милиции? Лучше уж корпеть над тетрадью, чем отправиться за решётку.

Корпеть, однако, не пришлось. Профессор обрадовался Пеке как старому другу, одобрил его “до ужаса цивилизованный вид” и усадил за компьютер с кнопками и экраном.

— Наберите-ка, любезный коллега, слово “обязательный”. Вот клавиши, в буквах разбирайтесь

сами…

Пека неуверенно стал тыкать в кнопки. На экране зажглось:

а б и з а т и л н ы й

— Я так и думал! — обрадовался Егор Николаевич. — Четыре ошибки! Не пугайтесь, бывает хуже. Начнем с буквы “и”, которую вы зачем-то поставили после “б”. Почему? Вы ведь говорите “обязанность”, а не “обизанность”. Увы, вас не учили смотреть в корень. Ничего! Сейчас мы попросим “Алика” дать нам несколько корней, и вы убедитесь, какая увлекательная вещь– словообразование…

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Что такое любовь

Матвей, Антошка, Сеня, Андрюша и Варя опять пришли во двор Маркони. Заглянули на чердак. Маркони отсутствовал. Решили, что он на пустыре с утра возится с транслятором. Посидели, поругали немного бестолкового Пеку, из-за которого столько неприятностей. Но поругали несильно, вперемешку с хихиканьем, а потом опять пожалели. Только Андрюша не ругал и не хихикал. Философски морщил лоб и размышлял о случившемся со всей серьёзностью. Иногда говорил тихонько:

— Ну что поделаешь, если он такой…

Поскольку Маркони не появлялся, надумали сами идти на площадку и помочь ему, если не прогонит. Но тут появился Олик.

— О-о, — сказал Матвей. — Главный герой. Ну, как желудок? Освободился от архивов тайной канцелярии?

Олик был несчастный и ещё более худой, чем обычно. Он встал перед сидевшими на поленьях приятелями, как перед трибуналом. Вытянул

руки по швам, вскинул измученные глаза и отчаянным тонким голосом произнёс:

— Простите меня, пожалуйста!

— За что? — удивился Антошка. Ему, видимо, сразу стало жаль Олика.

— Вы не понимаете, да? Вы, наверно, издеваетесь. И совершенно справедливо… — Олик уронил голову, и рыжие локоны его траурно повисли.

— Народ, что это с ним? — удивился Матвей. Впрочем, не совсем по-настоящему.

— Конечно, теперь получается, что я предатель! Из-за своего болтливого языка. И Пека будет меня презирать… Но я же не нарочно! Просто вырвалось! Я же не хотел…

— Оличек, да ты что! — всполошилась Варя. — Никто ничего плохого не думает! Ты, наоборот, очень находчиво… Как схватил, как проглотил! Я бы за полчаса такую бумажищу не сжевала. Да ещё с клеем… — Сперва она говорила очень серьёзно, а потом стала кусать губы. А на последнем слове вдруг фыркнула. Тогда засмеялись Матвей и Сеня. И даже Андрюша слабо улыбнулся.

— Вы, наверно, думаете, что я совершенно никуда не годный человек, — убито выговорил Олик. — Болтун и трус…

— Ну а трус-то почему? — спросил Сеня.

— Потому что одно к другому… Тогда с шестом прыгать не стал…

— Ну и правильно не стал, — рассудил Матвей. — А то собирали бы тебя по частям…

— Вот видите! Вы меня совершенно не воспринимаете всерьёз!

— Мы тебя хорошо воспринимаем, — заверил его Андрюша. Но глаза Олика уже сверкали слезами и решительностью.

— Хорошо! Я докажу! Сейчас! Вот возьму и прыгну!..

— Шеста нет, — предупредил Сеня. — Марконин папа спрятал, чтобы мы шеи не посворачивали.

— И не надо! Я и без шеста прыгну! С разбега! — Олик бросился к лестнице и вмиг оказался на плоской крыше пристройки дома.

— Держите олуха, а то он и правда прыгнет, — сумрачно приказал Матвей. Антошка и Сеня кинулись на крышу. Они успели чудом. Только потому, что Олик, яростно разбежавшись, в последний миг притормозил перед разверзшейся пропастью. Потерявши скорость, он обязательно бы угодил в эту пропасть, но Антошка и Сеня четырьмя руками ухватили его за матроску. И Олик повис, вскрикивая, взбалтывая ногами и теряя сандалии.

Он был совсем легонький, держать его не составляло труда. И, прежде чем вернуть незадачливого прыгуна на твёрдую поверхность, Сеня оглядел с высоты окрестности. И… чуть не задохнулся от негодования.

— Маркони! Вы смотрите, что он делает!

Маркони делал возмутительное! Вместо того чтобы работать над транслятором, он — непривычно отутюженный и причесанный, в костюме и белой рубашечке — стоял в квартале от дома, на углу Гончарной и Лесной, и держал букетик. С крыши это было видно отлично.

— Глорию ждет, тунеядец!

— Где? — Антошка вертел головой.

— Да вон же! — Сеня отцепился левой рукой от Олика и вытянул палец. Он не ждал, что и Антошка освободит одну руку. А тот опять сказал “где” и поднял ко лбу козырек ладони. Для двух рук даже легонький Олик оказался грузом чрезмерным. Его матроска вырвалась из Антошкиных и Сениных пальцев. С криком раненой чайки Олик ухнул в глубину. Всё это случилось в один миг.

К счастью, бедняга не угодил ни на кирпичи, ни в колючки. И пролетел мимо Андрюши, который внизу пытался подхватить и спасти друга от гибели. У бревенчатой стены стояла бочка с

цветущей от старости дождевой водой…

Когда Олика вытащили, он был похож на размокшую папиросу. Икал, вздрагивал и молчал. Матвей деловито ощупал его и пришёл к выводу:

— Цел…

Антошка оглядел всех и прочувствованно сказал Олику:

— Какой ты молодец. Я бы ни за что не решился прыгнуть в бочку с такой высоты.

Олик снова икнул. С него текло. Сеня скомандовал:

— Андрюшка, раздевай его и суши! Остальные за мной!

И уже на бегу он разъяснил, в чём дело. Теперь была задача поймать Маркони на месте преступления, прочистить ему мозги и заставить вновь заняться транслятором.

Но когда они примчались на перекресток, Маркони уже не было.

— Может, вам показалось? — усомнился Матвей. Антошка признался:

— Я почти не разглядел. Не успел.

Но Сеня сказал:

— Я точно видел! Стоит с цветочками! С голубыми… Пойдём его искать!

— Не надо, — тихонько попросила Варя. — Сейчас он всё равно не в том настроении. Не будет заниматься транслятором…

— Не будет! — чересчур шумно возмутился Сеня. — А если старт сорвётся? Что, Антошке так и загорать на Земле до конца дней?

— А разве транслятор не готов? — удивился Антошка. Он-то ничего не знал о технических трудностях. Тут все смутились. Сеня скованно объяснил:

— Вообще-то он готов. Но, понимаешь, нужна ещё кое-какая отладка. И ежедневное наблюдение, чтобы держать наготове…

Матвей находчиво поддержал его:

— Мы заставляем Маркони работать, чтобы он поменьше о своей дурацкой любви думал.

— А почему его любовь — дурацкая? — спросил Антошка. Все переглянулись и задумались. В самом деле, почему?

— Потому что делу мешает, — буркнул Матвей.

— И потому что безнадежная… — грустно сказала Варя.

Антошка помолчал и спросил опять:

— А то, что безнадежное, всегда дурацкое?

Матвей повертел головой.

— Спроси чего попроще…

— Ладно, — покладисто отозвался Антошка. — Что такое любовь?

Матвей присвистнул.

— Ты когда-то про это уже спрашивал, — напомнил Сеня.

— Но я так и не понял.

— И не надо, — утешил Матвей. — Здоровее будешь.

Варя подавила очередной вздох:

— Этого никто не понимает…

Тогда Антошка задал новый вопрос:

— А что лучше: любовь или дружба?

Стараясь не смотреть на Варю, Сеня бодро объяснил:

— Конечно, дружба! Она надежнее. И лучше. От любви люди голову теряют, а от дружбы никогда.

— Иногда теряют, — возразил Антошка. — Олик вон чего учудил, когда испугался, что у него друзей не станет.

Все опять хихикнули, но как-то неуверенно. Антошка же на ходу взял себя за локти, съежил плечи, по-птичьи глянул на друзей, опустил голову. И проговорил тихо:

— А я тоже… Теперь не знаю, как быть. И домой хочется ужасно, и как подумаю, что отсюда уле-

тать… прямо хоть плачь опять…

Снова все притихли. Потом Матвей неловко утешил:

— Это ведь ещё не скоро. Через полтора месяца, даже больше…

— Я знаю. Но всё равно…

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Космос и морковка

Сеня не ошибся. Маркони в самом деле стоял на углу и ждал Глорию. И дождался. Но свидание получилось таким коротким, что ребята просто не успели.

…Глория жила на Лесной, в середине ближнего квартала. И Маркони прекрасно знал, когда она выходит из дома, чтобы отправиться к своей подруге Анастасии. Вдвоём они готовились поступать в театральное училище. Раньше Маркони не решался поджидать Глорию на улице, но сейчас любовная тоска взяла верх над робостью, да к тому же был и повод: Маркони узнал, что на днях даме его сердца исполняется семнадцать лет.

С букетиком васильков, купленным у торговки на автобусной стоянке, и с замиранием в душе Маркони ждал. И вот Глория появилась. Но только не из калитки, а из-за угла. Что-то изменилось в её распорядке. Она шла не от дома, а домой — видимо, с рынка. Помахивала сумкой, из которой торчали хвосты зелёного лука и морковная ботва. Но даже с этой базарной сумкой и в домашнем

клетчатом платьице Глория была прекрасна, как фея. Маркони часто задышал, суетливо поправил очки, зажмурился и шагнул навстречу с тем же чувством, с каким шагают с парашютной вышки.

Потом он открыл глаза.

Глория стояла перед ним и светилась.

— Здравствуй, Глория, — сказал Маркони, удивляясь писклявости своего голоса.

— Маркошечка-а! — радостно протянула она. — Какой ты весь элегантный! Ты куда собрался?

Зная, какие сейчас у него красные, полупрозрачные на солнце уши, Маркони выговорил с отчаянием:

— У тебя скоро день рождения… и… вот… — Он деревянным движением сунул ей букетик.

— Ах, какая прелесть! Спасибо, моё золотце!

Глория ухватила васильки, крутнула их перед носом и затолкала в сумку, словно пучок укропа. А оттуда выдернула красивую алую морковку с ботвой.

— Это тебе! За цветочки! Будь здоров, ненаглядный! — Наманикюренными пальцами взъерошила она Марконину шевелюру и стук-стук-стук босоножками по асфальту. Не оглянулась.

Маркони постоял с видом студента, провалив-

шегося на экзамене. Потом зашагал куда глаза глядят. Рухнули все его надежды. Она не только не сказала “приходи ко мне на день рожденья” (а Маркони так мечтал об этом), но даже не взглянула всерьёз. Жизнь после этого не имела уже никакой цены. И на белом свете Маркони удерживала последняя ниточка: чувство долга. Надо было всё-таки довести до ума этот проклятый аппарат и отправить Антона на его Ллиму-зину, будь она неладна. Чтобы потом, вспоминая о Маркони, друзья не смогли ни в чём упрекнуть его…

Маркони тряхнул головой и побрел на пустырь. По дороге он машинально вымыл у колонки морковку, машинально откусил…

И машинально стал думать: что же мешает сконцентрированному лучу транслятора (будь он трижды проклят) набрать необходимую мощность?

На этот вопрос не мог ответить даже хитроумный всезнающий “Проныра”. На экране зажигался совершенно бесполезный ответ: “Необходим дополнительный стимулятор”. “Какой?!” — в отчаянии вопил Маркони. “Один из неисчислимого множества вариантов”, — уклончиво сообщал “Проныра”, за что удостаивался от хозяина самых оскорбительных выражений…

Но Маркони понимал, что “Проныра” ни при чём. Дело было новое, опыта никакого, а настройка тончайшая, повлиять мог любой пустяк. Любая мелочь могла оказаться тем самым стимулятором, последней каплей, которая заставит транслятор действовать в заданном режиме. Всё, что угодно: тень от супер-кулекса, чихание Пим-Копытыча, колебания в притяжении Луны, шевеление какого-нибудь контакта в компьютере, отголоски извержения Этны, перепад напряжения в одной из катушек или даже соответствующее заклинание… Знать бы, какое!

Маркони пришёл к пустырю. Терзая в репейниках костюм, пробрался на площадку. Угрюмо сказал в пространство:

— Добрый день, Пим-Копытыч.

Пим-Копытыча не было, отправился куда-то по своим делам. Лишь котёнок Потап скакал в траве, играл в тигра.

Маркони спустился в свой “командный пункт”, включил напряжение. Выбрался опять на свет, установил на столбиках как надо зеркала. В центре железного квадрата засветилось горячее солнечное пятно. Кровельный лист еле слышно загудел.

Маркони положил на железо “опытный запус-

каемый объект” — рваный ботинок. Поддёрнул на коленях брюки и сел на лежавший в траве чурбак. Взял в ладонь маленький пульт — вроде такого, каким на расстоянии включают телевизоры. Покрутил регулятор концентрации луча. До отказа. Нажал кнопку стартового импульса. Старый башмак не дрогнул.

Маркони чертыхнулся, поставил кнопку на автоматический пуск, положил пульт в траву и стал смотреть на башмак: “Ну что тебе ещё надо-то? Почему ты, холера, не исчезаешь?” При этом он продолжал изредка кусать морковку, которую по-прежнему держал в правой руке. Машинально кусал, машинально жевал…

Было тихо и жарко. Пахло созревающими плодами паслена (из которых Пим-Копытыч иногда гнал самогон). Было пусто на душе. И ничего уже не хотелось.

Из травы крадучись вышел Потап. Он шевелил ушами, а кончик хвоста у него вздрагивал. Вдруг Потап замер, напружинился и прыгнул на край железного листа. Принюхался. Пошёл, поджимая лапы. Наверно, тихая вибрация щекотала ему пятки-подушечки.

— Ступай прочь… — уныло сказал Маркони. Потап никак не отреагировал. Он приблизился

к солнечному пятну в середине железной площадки и потрогал его. Отдёрнул лапу: видимо, было горячо.

— Марш оттуда, балда, — опять сказал Маркони. Потап муркнул и, греясь на солнышке, улегся на спину. Поиграл своим хвостом, пожевал его кончик и дремотно растянулся на тёплом железе.

Маркони такое поведение четвероногого показалось обидным.

— Брысь! — рявкнул он и запустил в нахала остатком морковки.

Качнулся над железом воздух. Пискнул в траве включенный пульт. Ботинок исчез. Потап тоже исчез. Лежал на железе только морковный огрызок.

Когда друзья появились на площадке у транслятора, Маркони был похож на кочегара, осатанело швыряющего в топку уголь во время гонки пароходов по Миссисипи. Он кидал на железный лист всё, что попадало под руку: охапки травы, палки, берёзовые чурбаки (служившие до этого момента сиденьями), ржавые консервные банки, камни и даже откуда-то взявшегося плюшевого медведя без головы. Всё это послушно, за один миг, исчезало, уносясь в глубокий космос. Стимулятор в виде обгрызенной морковки действовал безот-

казно. Если бы не ребята, Маркони замусорил бы немалый участок мирового пространства. Он был всклокоченный и возбуждённый. Обернулся к друзьям:

— Видите?! Заработала ж-жестянка…

— Ура! — гаркнула компания.

Но в глазах Маркони была сумрачность и виноватость. Он вытер о костюмные брюки ладони и сказал, глядя в сторону:

— Только Потап… тоже улетел. Сунуло его в самый тот момент. Когда эта штука сработала…

Радость сразу поубавилась. Даже совсем пропала. В конце концов то, что “жестянка” рано или поздно заработает, все знали. А бедного пушистого малыша Потапа теперь не вернешь…

Помятый, но уже высохший Олик горестно прошептал:

— Там ведь никакой атмосферы. И абсолютный нуль в градусах…

Варя передёрнула плечами.

— Он превратился в ледяшку в один миг. — И впервые посмотрела на Маркони неласково. Он слабо огрызнулся:

— Кто его звал на площадку?.. А я знал, что ли, что именно морковь так сработает?..

— Никто тебе ничего и не говорит, — заметил

Матвей. — А только на фига было включенный пульт на землю бросать. Мог и сам случайно вознестись…

— Ну и… — бормотнул Маркони. Было ясно, что вознестись от такой жизни он не боится.

Андрюша озабоченно сказал:

— Пим-Копытычу не надо говорить. Пусть лучше думает, что Потап случайно потерялся. А то будет переживать, когда узнает, что он погиб…

Антошка подумал, обвёл всех глазами. Сказал негромко, но уверенно:

— Не думаю, что Потап погиб. Когда кто-то мчится по межпространственному каналу, вокруг него появляется… ну, вроде такого магнитного кокона. Как защита.

— Какая там защита, если нет воздуха и смертельный холод, — печально возразил Сеня. — Он и двух секунд не выдержит.

— А там и нет никаких секунд! — объяснил Антошка. — В магнитном коконе время останавливается! Потап таким и будет, как в тот миг, когда взлетел! Пока не прилетит куда-нибудь!

— Ну и что хорошего? — не утешился Сеня. — Прилетит на какую-нибудь огнедышащую звезду. Или будет мотаться в коконе целую бесконечность… Луч-то был направлен наугад.

— Может быть, кто-нибудь его выловит? — робко предположила Варя.

— Главное, что всё-таки не совсем погиб, — заметил Андрюша.

— А если и погибнет, значит, он жертва науки, — сказал Олик с печальной гордостью и поправил галстук матроски. — Посудите сами! Если бы он не полез на железо, Марик не кинул бы морковку! И ничего бы не было.

Это длинное рассуждение всем показалось вполне справедливым. И Антошка посмотрел на Олика с благодарностью.

— Он как собака Лайка, которая первой из живых существ полетела в космос, — добавил Олик, довольный, что его слушают со вниманием…

Неожиданно появился Пека. Примчался сюда прямо от профессора — нарядный и непривычный.

— Вы чего такие… похоронные?;

Андрюша и Олик рассказали ему про все события. Пека опечалился, он, как и все, любил Потапа. Погоревал и вдруг предложил:

— Знаете что? Надо ему памятник сделать.

Эта идея всем пришлась по душе.

— Только не здесь, чтобы Пим-Копытыч ничего не узнал, — распорядился Матвей,

Место для памятника выбрали на берегу Петуховки, примерно в километре от злополучного камня с проколотым сердцем. Здесь из берегового откоса торчал угол старого кирпичного фундамента. Кирпичи расчистили и на них зубилом выбили силуэт усатого и хвостатого котёнка. И надпись: ПОТАП.

Варя сплела венок из мелких ромашек и повесила на воткнутую между кирпичей щепку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Ожидание

Итак, транслятор был налажен. Оставалось дождаться старта. Но он, по утверждению Маркони, мог состояться не раньше десятого августа.

Антошка жил как все. Разве что на ночь иногда превращался в Капа. Но делал это он всё реже. Чаще ночевал у друзей или у Егора Николаевича. Все в округе уже знали, что этот резвый быстроглазый мальчишка — племянник профессора Телеги, приехавший на каникулы.

И бежали ребячьи летние дни. И ночи. Про ночи сказать надо отдельно. Особенно про те, когда Антошка оставался у Сени.

Первый раз это случилось после того бурного дня, когда Антошка и профессор вернулись из поездки и когда скандально провалился со своими рэкетирскими планами Пека, а Потап улетел в космос. Родители не удивились, что Сеня привёл приятеля. Дело обыкновенное: летом мальчишки то и дело ночевали друг у друга, чтобы допоздна поболтать о всякой всячине, а то и подурачиться, кидая друг в друга подушками.

В распоряжении Сени была застеклённая веранда с двумя раскладными дачными койками. Так что болтайте, друзья, на здоровье хоть всю ночь, никому не мешаете.

Но сначала, конечно, Антошка вдоволь наигрался с Никитой. Того еле утащили спать. Потом ещё пили чай с маминым печеньем, смотрели по второй программе третью серию “Мушкетёров” и улеглись только к полуночи.

Сдвинули раскладушки.

В жидком сумраке летней ночи темнели за стеклами кусты сирени. Постукивал вдали поезд. Где-то тренькала гитара.

Антошка откинул одеяло, лёг на живот, положил подбородок на согнутые локти. Сеня тоже. Помолчали. И Сеня вдруг заново поразился тому, что происходит. Что удивительнее всех его фантастических выдумок. Ведь *на самом деле* он лежал рядом с жителем планеты, которая, по словам Маркони, в ста четырнадцати парсеках от Земли!

Днём-то почти забывалось, что Антошка не здешний, не земной. Потому что был он совершенно обыкновенный мальчишка.

Но сейчас перед Сеней со всей ясностью встала необычность событий, связанных с Капом. Даже

страшно сделалось: будто в пугающей громадности распахнулось мировое пространство. Сеня дёрнул спиной от озноба.

Антошка придвинулся ещё ближе — так, что горячим своим плечом тронул Сенино плечо. И Сеня опять вздрогнул: его коснулся *инопланетянин.* Однако нервный ток пробежал по жилкам и растаял. Сене подумалось, что нынешний-то Антошка — совершенно земной. Ведь он слеплен из здешних атомов. А от Ллиму-зины в нём лишь капелька с живой искрой-памятью.

И тогда Сеня шевельнулся и обрадованно положил руку на острые и тёплые Антошкины лопатки. А тот будто прочитал Сенины мысли. Сказал шёпотом:

— Никаких бесконечных расстояний нет. Это обманчивые фокусы природы. На самом деле всё рядом, если знаешь секрет.

Сеня не очень его понял, но согласился:

— Ага…

Потом Антошка долго молчал, и Сеня спросил, чтобы начать разговор:

— Интересно было на теплоходе?

— Очень! Я столько всего узнал!.. Теперь кажется, будто всегда на Земле жил… Но потом стало как-то слишком много всего, я устал… А сейчас

будто домой вернулся…

— На Ллиму-зину?

— Нет, будто я земной мальчик и оказался дома после долгой поездки.

— Ты ведь и есть земной мальчик, — сказал Сеня. С неуверенностью сказал, с нерешительной шуткой и словно бы с просьбой.

— Да… — вздохнул Антошка. — Иногда кажется, что Ллиму-зина мне просто приснилась… Но иногда — наоборот: будто всё здешнее — сон. И тогда как резанет по сердцу… хотя у капель и не бывает сердца… Непонятно, да? Сердце человечье, а боль как на другой планете…

— Значит, капли тоже чувствуют боль? — прошептал Сеня. И почему-то ощутил виноватость.

— Ну… если точно говорить, то это нельзя назвать словом “боль”. Но тоже плохо. Тоскливое чувство… И мама с папой, наверно, сейчас там это испытывают. Всё время…

Он так и сказал — “мама с папой”. И Сеня устыдился своих недавних мыслей. Тайной своей надежды, что, может быть, транслятор никогда не сработает, и Антошка останется рядом навсегда и они подружатся на веки вечные.

Антошка шевельнул спиной под Сениной ладонью и признался еле слышно:

— Искорка сжимается, когда очень плохо… иногда может сжаться так, что капля становится неживой. На очень долгое время.

— Но не навсегда? — испуганно спросил Сеня.

— Навсегда не бывает. Искорки ведь не умирают. Ничьи. Ни в ком…

— Ты думаешь, и в людях?

— Конечно! Искорка — это ведь душа, она всегда бессмертная… Живые капли и разумные люди потому и похожи друг на друга, что в каждом душа-искорка…

Сеня вспомнил искрящегося крошечного Капа и не сдержал вздоха: “Всё-таки различия очень большие…”

Антошка угадал и эту мысль.

— Не такая уж большая между нами разница, если я так быстро научился быть человеком… Знаешь, я ведь всякие-всякие человеческие привычки в себя моментально вобрал. Даже… притворяться сумел.

— Как это? В чём?

— Ты думаешь, сразу всё так хорошо было, когда я стал человеком? Я сперва… ну, просто обмер: какой я громадный! И какое всё кругом… не такое, как раньше. Даже показалось, что краски совсем другие. И будто земля вот-вот перевернётся и

упадет на меня сверху. И жуть такая… Но я себя пересилил. Потому что иначе все бы огорчились и испугались…

— Ты молодец.

— Когда я с велосипеда брякнулся, стало легче, но всё равно не так, как сейчас… А я себе говорил: “Ты мальчик, мальчик, мальчик. Привыкай, привыкай, привыкай…” Знаешь, когда сделалось совсем хорошо? Когда стал играть с Никиткой…

— А потом… тебе тоже приходилось притворяться? — осторожно спросил Сеня.

— Иногда. На теплоходе. Бывало, что станет грустно, а надо казаться весёлым, чтобы Егор Николаевич не тревожился… Только уж когда я совсем заскучал, притворяться не смог.

— Это тоже совсем по-человечески…

— У Егора Николаевича из-за меня поездка скомкалась. Но он вовсе не рассердился. Он хороший… Сеня, я заметил, что хорошие люди гораздо больше похожи на нас, на капель, чем на уу-гы. Хотя уу-гы по своему виду почти как люди, только волосатые…

Сеня смущённо сказал:

— На Земле среди людей тоже есть уу-гы. Много. Хотя и не в шкурах, а в нормальной одежде. Видел ведь сам сегодня по телевизору, что на южной

границе делается. Разве это люди? В маленьких стреляют, сволочи. Даже в таких, как Никитка…

— Да, я знаю! — одними губами отозвался Антошка. — Диких уу-гы на Земле много. Но и хороших людей много . И я теперь Землю буду любить всегда…

— Кап… А у вас на Ллиму-зине все хорошие? Ну, среди капель…

— Всякие есть. Особенно среди взрослых. Есть которые не любят маленьких. А есть… даже такие, которые хотят встроить чёрные радуги. Иногда у них получается…

— А зачем… чёрные радуги?

Антошка опять шевельнул спиной.

— Трудно понять… А зачем химкомбинат, который травит воздух и траву? И ещё тысячи таких же? Вроде бы каждому ясно, что один вред, а всё равно…

“Значит, и у вас там не сплошная радость”, — подумал Сеня. И спросил:

— А кем ты хочешь сделаться, когда станешь большой? Чем будешь заниматься?

— Не знаю ещё… Может, буду строить магнитные капсулы — такие, чтобы в них за один миг на край Галактики и обратно… Или с маленькими каплями возиться. С ними интересно. Они на

Никитку похожи… А вообще-то…

— Что?

Антошка рывком повернулся набок. Взял Сенину ладонь в горячие пальцы. Признался:

— Есть самое-самое желание… Оно ведь у каждого есть, в ком искорка… Да?

— Наверно… У тебя оно какое, Кап?

— У нас, у капель, главное дело — строить над планетой радуги. Чтобы все смотрели и радовались. Потому что радость — это самое основное в жизни… Но радуги долго не бывают — они ведь из капель. Разлетелись капли по своим делам, и радуги нет… А я хочу, чтобы радуга оставалась надолго. Вот построили мы её, сами отлетели в сторону, а она — на месте…

— Разве так может быть?

Антошка вздохнул:

— Большие капли говорят, что не может… Но вот Маркони же научился делать такое, во что взрослые не верят. Может, и у меня получится. И тогда…

— Что? — нетерпеливо сказал Сеня.

— Я построил бы над Ллиму-зиной громадную радугу. Не дугу, а полный круг. А в нём — ещё и ещё. И в каждом по сорок цветов…

— В радуге же только семь!

— Это человеческий глаз видит семь. А вообще-то спектр бесконечен… А этот главный круг пересекался бы с другими кольцами и дугами. Они соединялись бы друг с другом как мостами. Целый разноцветный город… И он бы не исчезал, а только время от времени изменял свои краски и узоры…

Сеня промолчал, позавидовал тихонько и сказал уверенно:

— У тебя, Кап, это обязательно получится. Ты всё так здорово придумал… А у меня вот в голове полная каша. Не знаю, что из меня выйдет.

— Из тебя выйдет писатель, — уверенно заявил Антошка. — У тебя замечательные рассказы. Егор Николаевич на теплоходе давал мне читать ваш клубный альманах, твои рассказы лучше всех.

— Чушь, — сказал Сеня искренне и грустно. — Это и не рассказы даже, а так… упражнения фантазии.

— Ну, что ты! Я читал и хохотал. О профессоре с тринадцатью хвостами…

— Вот именно что хохотал… Думаешь, это трудно придумать? Тринадцать хвостов, бабка на электронной метле или змей-горыныч, который вздумал участвовать в шахматном турнире… Про такое сколько угодно можно насочинять. А

зачем?.. Вот если бы написать что-то, чего люди никогда не читали… И что-то разгадать… Ну, про бесконечность и про Вселенную: зачем она на свете? И зачем мы?.. Кап, а может, мы затем, чтобы во всей Вселенной построить громадную радугу?

— Может быть… — откликнулся Антошка. — Но, Сеня… Когда люди твои рассказы читают, они ведь смеются и радуются. Правда! Значит, ты сделал капельку радости. А общая радуга — она ведь из множества капелек и состоит. Значат, ты не зря…

— Не знаю, — сказал Сеня, — та ли эта капелька…

Сеня Персиков ничуть не притворялся, когда говорил Антошке о своих печальных сомнениях. С недавних пор он и правда разлюбил свои рассказы. Он понимал, что научился сочинять их умело, так, чтобы взрослые члены клуба “Рагал” аплодировали. и восхищались. Ну а дальше-то что? Не этого Сене хотелось. Он мечтал написать такое, что хоть на миг заставило бы людей забыть о ежедневных заботах и понять что-то большое, главное… Но что? Этого главного Сеня пока и сам разгадать не мог. Ощущал только, что оно есть. Громадное, тревожное, хранящее все разгадки

жизни… Он это чувствовал, но словами объяснить не мог. Ни Антошке, ни даже себе.

Поэтому с мая Сеня не брался за тетрадку и карандаш. Просто жил, как вся компания друзей с улицы Гончарной. Тем более что случилось чудо, отвлекающее от печальных мыслей, — появился среди друзей Антошка…

Кстати, может показаться странным, что компания сложилась такая пёстрая по возрасту и характерам. Скажем, что общего между семиклассником Матвеем и Уками (не говоря уже, что сами-то Уки совсем разные)? Или между Сеней Персиковым и Маркони? И как затесалась в это мальчишечье общество Варя?

Но тут всё дело в обстоятельствах. Во-первых, все жили недалеко друг от друга, в одном квартале. Были знакомы с младенческих пор. Матвей и Маркони даже ходили в одну группу детсада, хотя Маркони был на год старше Сени. Варя и Сеня учились в одном классе. Андрюша был Варин двоюродный брат, и ей приходилось за ним присматривать, пока не подрос. А он подрос, но по-прежнему любил ходить за Варей по пятам, так и оказался на Марконином чердаке. За ним и Пека с Оликом. А Варя познакомилась с Маркони поближе, когда взрослые мастера отказались

чинить сгоревший телевизор и ребята посоветовали Варе обратиться к известному на всю округу юному технику. Варя как восхитилась в тот день талантами Маркони, так это восхищение и носила в душе. И наверно, не догадывалась, что с некоторых пор такое же восхищение, только ещё более сдержанное и тайное, носит в себе Сеня. Восхищение Варей, а не Маркони…

Варя была не то чтобы красивая, но очень милая. Именно это слово повторял Сеня про себя. Особенно когда Варя одевалась не по-мальчишечьи, а приходила в красном с белыми горошинами платье, в красных же туфельках и с вишневыми шариками-сережками… Жаль, что одевалась она так совсем не ради одноклассника Персикова… И кажется, не читала его рассказов.

Кстати, литературная слава вице-президента Сенечки ни для кого в компании друзей не играла никакой роли. Подумаешь, рассказы! Матвей сочинял, например, песни и не раз выступал уже на школьных концертах. Варя умела лепить глиняную народную игрушку, и её работы были на районной выставке. Двоюродный братец Андрюша считался весьма способным учеником в художественной школе. Таланты других Уков не проявлялись пока столь ярко, но всё было впере-

ди. А про Маркони и говорить нечего.

Так что Сеня был здесь “на общем уровне”. Ну и слава Богу, он и не хотел иного. И ничуть не обиделся на прозвище Абрикос, которое получил от Матвея при первом знакомстве. Варя тогда сказала, что в классе зовут Сеню Персиком, а Матвей заметил:

— Мелковат ты для персика. Абрикос — другое дело. Он той же породы, но помельче.

Все посмеялись, а Варя разболтала об этом в школе. С той поры Сеня и там сделался Абрикосом. Варе он пообещал намылить шею, но это так, для порядка. Потому что уже тогда поглядывал на неё с тайной нежностью…

Сеня думал, что никто про его чувства не догадывается. Но сейчас оказалось, что Антошка понимает всё.

Антошка повозился на ржаво-скрипучей раскладушке и спросил прямо, но ласково:

— Варя — она хорошая, верно?

Тепло прошло по Сене. И он не стал отпираться, только смущённо посопел.

— А Маркони глупый, — продолжал Антошка. — То есть он вообще-то умный, но насчёт Вари — наоборот…

Сеня засопел сильнее. Антошка же сделался

совсем откровенным:

— Но это ведь и хорошо, верно?

— Что… хорошо? — выдавил Сеня.

— Что Маркони ничего не понимает. Варе это надоест, и она… разберётся наконец…

— В чём?..

— В том, что ты самый лучший из её друзей.

Сеня грустно хмыкнул. В том смысле, что, во-первых, вовсе она не разберётся, а во-вторых, разве он самый лучший? Откуда Антошка это взял? Чтобы увести в сторону совсем уж неловкий разговор, Сеня пробормотал:

— Самый лучший у нас знаешь кто? Андрюшка Сухорук. Он маленький, незаметный, но он добрее всех. Всегда всё понимает и надежный…

— Я знаю. Но я ведь не об этом, ты не притворяйся, будто не догадываешься…

— Сдаюсь, — сказал Сеня. — Ты не обижайся… Я ведь человек, а… притворятельство — это типичная человеческая привычка, ты сам говорил.

— Да… Я и по себе вижу. Сегодня днём тоже дурака валял.

— Когда?

— Ну, когда спрашивал: что такое любовь? Будто не понимаю…

— Значит, понимаешь?

— Конечно. Это когда люди… или капли… оказываются как бы на соседних вершинах кристалла и между ними прямая грань — самое короткое расстояние. И ясный резонанс одинаковых магнитных потенциалов…

— Ох, Кап… ты загнул! Может, это по-вашему, а…

— Это по-всякому!

— При чём тут кристалл?

— Потому что Вселенная вся устроена как кристалл. Мы это ещё в первом классе проходили. И законы кристалла диктуют живым существам свои правила.

— Никогда не слыхал про такое. Ни в школе и нигде… Кристалл — он же твёрдый. Решётка из атомов. А во Вселенной столько всего, разного… Ну, вот вы сами — капли. Разве капли похожи на твёрдые хрусталики?

— Бывают ведь и жидкие кристаллы… И к тому же нельзя всё понимать буквально, —сказал Антошка похоже на профессора Телегу. — Имеются в виду общие принципы…

— Кристаллическая природа любви, — усмехнулся Сеня. Антошка в ответ шутить не стал, объяснил серьёзно:

— Да… Только она очень разная, эта природа.

Любовь потому что разная…

— Я смотрю, Кап, ты во всех земных делах разобрался, — сказал Сеня. Без насмешки, даже с уважением.

— Но ведь в самом деле! Во-первых, бывает любовь к девочке…

Сеня даже испугался:

— У тебя, что ли, тоже?

— Нет… Но если бы не улетать мне так скоро… и если бы не ты… я бы не был такой глупый, как Маркони.

“Этого ещё не хватало!” — подумал Сеня. Без ревности, а только со страхом за Антошку. Мало, что ли, ему и без того переживаний?

Антошка сказал:

— А бывает ведь любовь и к родителям, к сестрам и братьям. И к друзьям… По-моему, дружба — это как любовь к брату.

— Может быть… — подумав, согласился Сеня. — Если настоящая…

— Ты счастливый, что у тебя есть брат.

— А у капель бывают?

— Да. Но у меня нет…

Сеня опять протянул руку, положил на птичье Антошкино плечо: “Хочешь, я буду?”

Антошка положил свою ладонь на Сенину руку.

Молча сказал: “Да”.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
Сыскное бюро “Лошаткин и К°”

Владелец магазина “К Вашим услугам” Степан Степаныч Лошаткин жил неспокойно. Ежедневно, ежечасно испытывал он два чувства. Одно — это жажда предпринимательства и прибыли. Другое — страх. Потому что Степан Степаныч был уверен: получать хорошую прибыль и не нарушать законы в нашей жизни невозможно. А нарушать законы и при этом не бояться Степан Степаныч не умел.

Фокусы с мороженым, которое Лошаткин продавал под маркой заграничного, — это была мелочь. В конце концов съеденное мороженое не оставляет следов и поди докажи, где его сделали: в Мельбурне или в Нижне-Индюшанске? Но Лошаткин боялся покупателей: они могли устроить скандал, когда обнаружат, что он при продаже выдал фаянс Переплюйской артели за китайский фарфор, а шапку из искусственного меха за бобровую. Боялся налоговой инспекции, которая могла пронюхать о неучтённой валюте. Боялся, милиции, которая могла поинтересоваться:

“А что это за ящики сгрузили ночью у вашего магазина с неизвестной машины неизвестные молодые люди? И почему парижский коньяк “Маршал Мюрат” ощутимо отдаёт местной новокалошинской резиной?”

Иногда Лошаткину делалось так страшно, что он подумывал: не продать ли магазин и не купить ли домик и участок в дачном кооперативе, чтобы заняться безобидным садоводством? Но тут же иное чувство — азарт и желание дохода, делалось ощутимее и пересиливали боязнь.

И ещё одна причина не позволяла коммерсанту Лошаткину оставить своё дело. Больше милиции, налоговой инспекции, прокуратуры, судей и разгневанных покупателей Степан Степаныч боялся своей супруги Венеры Евсеевны. А супруга требовала однозначно: “Торгуй, Стёпа!” И держала дела мужа под неусыпным контролем. Это было её главным занятием. Заботы о воспитании детей её не обременяли, поскольку супруги Лошаткины были бездетны. Степан Степаныч и Венера Евсеевна верили картам, цыганкам, гороскопам и всяким другим предсказаниям. Во всех без исключения предсказаниях почему-то утверждалось, что дети принесут Лошаткиным кучу неприятностей и помешают делам. Те же го-

роскопы, кстати, обещали, что на определенном отрезке жизненного пути Степана Степаныча ожидает неожиданное путешествие, а за ним — “исполнение желаний и яркий звёздный час”.

Ожидание звёздного часа радовало. Но дальнее путешествие пугало. Почему оно — неожиданное? И куда? Уж не туда ли, где поселяют бизнесменов, которые чересчур смело обращались с законами о торговле и налогах?

Единственно, чего не боялся Степан Степаныч Лошаткин, так это рэкетиров. Потому что он исправно платил дань компании некоего Бори Хряка, а Хряк в свою очередь гарантировал подшефному коммерсанту защиту от других вымогателей.

Поэтому Степан Степаныч был крайне смущён и встревожен влетевшим в окно письмом с наклеенными буквами. Он тут же отправился к Боре Хряку, но тот прочитал бумагу с легкомысленной усмешкой, покрутил у виска пальцем, зевнул и сказал, что хочет спать. А Стёпа пусть идёт домой, глотнет “Мюрата” (ещё не разбавленного водой из реки Лосихи) и тоже ложится.

Борин совет не успокоил Степана Степаныча. А Венера Евсеевна добавила тревоги. Она высказала мнение, что трусливый Хряк просто не

хочет связываться с опасным конкурентом. Скорее всего это какая-то новая и уверенная в себе банда. Ей палец в рот не клади. Сперва требуют пять тысяч, потом захотят пятьдесят, дальше — полмиллиона…

— Иди-ка ты, голубчик, к Кутузкину! Он — законная власть, обязан охранять и защищать!

Как ни боялся Лошаткин милиции, но жены он боялся больше и ослушаться не посмел.

Чем кончилась эта история, мы знаем. Но надо сказать, что такой конец Лошаткина не обрадовал. Степан Степаныч просто не поверил участковому, будто всё это детское баловство. Детское — это возможно. А вот баловство ли? Гороскопы недаром предупреждали об опасности со стороны деток. Не возникла ли в окрестностях группа малолетних злоумышленников, которая нацелилась на магазин “К Вашим услугам” и на его хозяина? Нынешнее молодое поколение — оно такое. Не успеешь оглянуться, как съедят с потрохами, личным счётом и недвижимым имуществом…

После недолгих, но мучительных размышлений Степан Степаныч сделал единственно правильный вывод. Защищать себя он должен сам. Никому не доверяясь, ни на кого не рас-

считывая. Поэтому он создал “Сыскное бюро “Лошаткин и К°”.

Никакого “К°” на самом деле не было. Бюро состояло исключительно из самого Степана Степаныча. Название же он придумал из соображений романтики. Это доказывает, что даже в озабоченном жизнью, грузном и полысевшем коммерсанте сорока с лишним лет могут сохраниться какие-то неосознанные искорки памяти о детских играх.

Наша дружная компания на Гончарной и не подозревала, что с некоторых пор находится под пристальным враждебным наблюдением. Наблюдение, это “Лошаткин и К°” вёл по всем правилам: приникал к щелям забора, когда друзья собирались во дворе; крадучись шёл следом, когда ребята направлялись куда-нибудь по своим делам; подглядывал издалека в старинную подзорную трубу, которая нашлась в магазине.

Единственное, чего не сумел сделать Лошаткин, это проникнуть на лужайку с транслятором. Милицейской властью он не обладал, заклинание “Бунтер-гюнтер, крокодил…” действовало против него безотказно. Поплутавши в густом репейнике, Степан Степаныч возвращался ни с чем.

Зато вскоре ему повезло со шпионской тех-

никой. Какой-то отставной полковник сдал в комиссионный магазин “К Вашим услугам” наблюдательный прибор фирмы “Наси-васи Фига”. Эта штука состояла из большущего бинокля и звукоуловителя с наушниками. Можно было издалека не только видеть, кого тебе надо, но и слышать, о чём говорят. Смотришь с двух километров, а наблюдаемые объекты со всей их беседой — будто в двух шагах.

На беду для Антошки и его друзей, жил Степан Степаныч в двухэтажном доме, и со второго этажа улица Гончарная видна была на очень большом участке. А широкое окно института Маркони было обращено как раз к дому Лошаткина, стоявшему за пять кварталов. И Степан Степаныч мог вести наблюдение прямо из своей спальни.

Он многое узнал и понял, поскольку был неглуп от природы. Правда, инопланетную сущность Антошки он так и не разгадал, но стало ему ясно вот что. На просторном чердаке, где полно всякой аппаратуры, мальчишки занимаются какими-то опытами. Довольно хитроумными и наверняка незаконными. В результате таких опытов один из них — щуплый, на тонконогого птенца похожий пацаненок — научился влезать в лежащую на боку бочку и пропадать там. Вернее, не совсем

пропадать, а превращаться в искру, которая иногда поселялась в стеклянной банке.

Дело это, конечно, удивительное. Но Степана Степаныча встревожила не сама по себе необычность опыта, а возможные последствия. Искра, без сомнений, оставалась живой. И при своей крошечности и незаметности всегда могла проникнуть в самые тайные уголки торгового предприятия “К Вашим услугам”, чтобы выведать сокровенную информацию. Ай-яй-яй… Степан Степаныч теперь вздрагивал даже тогда, когда перед глазами искрилась на солнце случайная пылинка. И, конечно, в любую свободную минуту продолжал наблюдение.

Надо сказать, что чердачное окно располагалось в торце помещения, поэтому весь институт Маркони просматривался в него насквозь. Порой мешали, правда, блики стекла. Но в то утро, с которого начались новые приключения Лошаткина, окно оказалось распахнуто. Несколько дней стояла дождливая зябкая погода, но сейчас опять вернулось горячее безоблачное лето, и Маркони, проснувшись, раскрыл створки.

Кап в ту ночь спал в банке. Он поступал так время от времени, чтобы не отвыкнуть совсем от своего ллиму-зинского состояния.

Ещё не совсем прогнавши сон, Кап магнитным импульсом, издалека, включил преобразователь. Этот способ придумал Маркони, чтобы Кап мог сам пускать прибор в ход, когда пожелает. Бочка-биокамера привычно загудела от напряжения. Кап взлетел с упругой капроновой лески, описал круг по чердаку и на полной скорости промчался сквозь бочку. Лихо выкатился на пол Антошкой.

— Привет, Маркони!

Следует заметить, что Антошка давно уже научился появляться в той одежде, которая требовалась по погоде. Поэтому с гардеробом его не было никаких проблем. Сейчас он оказался в джинсах, ботинках и серой поролоновой куртке с капюшоном и блестящими кнопками.

— Привет, — сказал Маркони. — Ты чего так вырядился? Гляди, какое утро, жара будет…

Антошка подбежал к окну. Ещё пахло вчерашним дождем, но солнце сверкало и грело изо всех сил. Антошка засмеялся, сдёрнул и откинул куртку на табурет. Высунулся из окна, повертел под лучами головой. Потом прыгнул в биокамеру, превратился на миг в Капа и снова вылетел Антошкой — уже в красных трикотажных шортиках, в оранжевой майке с чёрным змей-горынычем на пузе и в сандалиях на босу ногу.

А куртка так и осталась на табурете.

На неё-то и смотрел с замиранием Степан Степаныч, наблюдавший эту сцену.

Чтобы полностью понять всё волнение коммерсанта Лошаткина, постарайтесь хоть на миг представить себя на его месте.

На табурете лежал *товар*. Товар, который между делом, прямо из воздуха сотворил похожий на юркого чибисенка мальчишка.

Куртка, судя по всему, была импортная. И этот птенец, ныряя в бочку то с одной, то с другой стороны, мог, видимо, понаделать таких курток и всякого другого товара видимо-невидимо! Без всяких затрат! Играючи! О-о-о, как сладко заныло сердце Степана Степаныча, как застучало потом! Какие мысли взвихрились в его голове, какие распахнулись перед ним светлые горизонты!

Вмиг он позабыл все обиды на этих мальчишек! Вмиг простил все свои прежние страхи и отбросил подозрения. Он любил теперь обитателей чердака всей душой!

Лишь бы только договориться с ними! Лишь бы убедить, что совместное предприятие принесёт им всем небывалый успех и процветание! Они производят — он продаёт!

Он убедит! Они же славные дети, разумные

дети, не враги своему счастью. Надо только спешить, чтобы кто-нибудь его, Степана Степаныча, не опередил!

Первым, кого Лошаткин увидел на улице, был рэкетир Пека Тонколук. Но и к нему Степан Степаныч испытывал сейчас самые нежные чувства. Тем более что нынешний Пека ничуть не походил на злодея.

Пека шёл на занятия к профессору Телеге. Уже прошли те дни, когда занятия эти казались Пеке подневольным делом. С многомудрым “Аликом” и с самим Егором Николаевичем Пека сделался приятелем. Упражнения со словами оказались увлекательнейшим делом, и тайны русского языка Пека открывал для себя, словно смотрел многосерийный мультик с приключениями, пиратами и кладами. Каждый день он шёл теперь к профессору как на праздник. И выглядел поэтому соответственно (благодаря тёте Золе, разумеется). Волосы его были расчесаны, уши сияли розовой чистотой, а на отмытых коленках и на носу горели солнечные зайчики. Сиял и отложной белый воротничок — особая забота тётушки.

Короче говоря, если это и был юный рэкетир, то явно перевоспитавшийся. И Степан Степаныч окликнул его с самой дружелюбной улыбкою:

— Мальчик! Эй, мальчик!.. Можно тебя на минуточку?!

Пека, разумеется, узнал коммерсанта Лошаткина. Однако ни робости, ни смущения не проявил. Остановился и сказал:

— Чего надо?

— Надо, надо, мальчик! Очень надо! Поговорить! По-хорошему, по-ласковому! Как договоримся, всем нам будет сплошное удовольствие. Хе-хе… Ты не бойся…

Пека движением плеч и оттопыренной губы изобразил презрение: с какой стати он должен бояться? С тем письмом дело прошлое, а у Лошаткина совесть всё равно нечиста, пускай он и вздрагивает.

— Мы, мальчик, давай-ка сядем. А? Посидим, побеседуем по-разумному. Хе-хе… А потом и с дружками твоими всё обсудим, как дело требует…

Пеке стало любопытно. И малость беспокойно: что этот жулик надумал? Со снисходительным видом сел Пека на лавочку у ближних ворот. Пожалуйста, мол, поговорим, ежели вам так приспичило.

Под Лошаткиным лавочка заскрипела и прогнулась. Степан Степаныч задышал рядом с Пекой,

словно котел с подымающимся давлением. Из пиджачного кармана достал хрустящую бумажную деньгу. Пека скосил глаза. Надо же!

Целая тысяча!

— Оно, конечно, не пять тысяч, как ты хотел… хе-хе-хе… Но вот, значит, пока задаточек. Для начала. Бери…

Наученный горьким опытом Пека не взял.

— Для чего задаточек-то? Сперва объясните.

— Объясню, объясню. Ты меня сведёшь со своим дружочком, который умеет через бочку туда-сюда… А мы, значит, о деле с ним поговорим… Да ты не думай, я никому ни полсловечка, обещание моё железное…

Неуютно стало Пеке. И досадно: пронюхал, гад пузатый! Что же теперь делать-то? Но при этом Пека сохранил присутствие духа. Он спросил самым обыкновенным тоном:

— А вы можете эту бумажку свернуть в трубочку? Чтобы с одного конца острая…

— Ну а чего ж… Конечно! Вот… А зачем?

— Спасибо… — И Пека таинственно поманил Степана Степаныча поближе. Тот обрадованно нагнулся. И тогда Пека доверительным шёпотом сказал на ухо коммерсанту Лошаткину, куда тот должен вставить бумажную трубку острым

концом.

— А другой конец можете поджечь…

У Лошаткина было одно, для самого него очень неудобное свойство. При неожиданной обиде и приступе злости начинал Степан Степаныч раздуваться, словно в него накачивали горячий воздух. Будучи и без того крупных объемов, тут он вообще приобретал форму небольшого аэростата. И чтобы вернуться в нормальное состояние, необходимо было открыть клапан. Путем излияния своей ярости на обидчика. Правда, изливать ярость на представителей власти и на свою супругу Степан Степаныч не смел и потому часто страдал. Но здесь-то рядом сидел всего-навсего нахальный сопливый пацан!

— Ах ты вша нераздавленная! Да я тебя…

А Пека уже мчался к институту Маркони. Предупредить друзей!

Выпустив первую порции злости, Лошаткин будто очнулся: “Ах я чурка дубовая! Так всё дело испорчу!..”

— Эй, мальчик! Постой! Пошутил я! Ха-ха-ха! Хе-хе-хе! Да не убегай! Давай поговорим!

Всё это Степан Степаныч вопил уже на бегу, устремляясь за Пекой. Весь горячий воздух негодования выпустить он не успел, и это помогало

мчаться за мальчишкой. Так тугая накачка придаёт прыгучесть хорошему мячу.

Пека нёсся напрямик: в проходах между заборами, через чей-то огород, через мелководную Петуховку. Затем через репейные джунгли заброшенной стройплощадки, где вмиг превратил свой нарядный, василькового цвета костюмчик из парадного в походно-полевой…

Если вслед легонькому Пеке кусты и сорняки лишь махали верхушками, то за Лошаткиным оставался след, как за бронетранспортёром. Дважды, не вписавшись в узкие щели, он вышибал в заборах доски. Потому что, несмотря на воздушную накачанность, был Степан Степаныч тяжел и на скорости больше напоминал не звонкий мяч, а пущенную из старинной корабельной пушки круглую бомбу. И — вот что самое скверное — он не отставал!

Время от времени Лошаткин снова вопил:

— Ну, подожди же ты, окаянный! Ну, постой, мой хороший! Давай договоримся!

Пека, не отвечая, устремился к дому Маркони. На первый взгляд, это может показаться неразумным. Но Пека действовал так вовсе не с перепугу. Он успел сообразить, что справиться с Лошаткиным возможно лишь общими силами.

Значит, его следовало к этим силам заманить. Или прямо на чердак, или в сарай, где, навалившись на противника, можно взять его в плен и поставить свои условия. А прятаться бессмысленно, поскольку пронырливый торговец и так уже многое разнюхал…

Пека с размаха влетел во двор Маркони. Лошаткин за ним. Ребят во дворе не было. Пека — по приставной лестнице на чердак. Лошаткин и здесь не отстал, хотя лестница под ним опасно зашаталась и застонала. Пека ввалился в институт Маркони через распахнутое окно. И только тут понял, как он просчитался!

На чердаке был один лишь Антошка. Как стало известно позднее, ребята ещё не успели собраться, а Маркони в этот час отправился на пустырь: по утрам он всегда проверял, в порядке ли транслятор. Антошка же остался один, ему не терпелось дочитать страшную повесть про собаку Баскервилей. Такая увлекательная жуть! На Ллиму-зине о подобных сочинениях и не слыхивали…

И вот когда Антошка дошёл до самой страшной сцены на болоте, в окно встрепанной курицей влетел Пека.

— Где наши?!

Антошка ответить не успел. Солнце закрыла

выпуклая фигура Степана Степаныча.

Антошка в первый миг решил, что это наяву возникла собака Баскервилей. Пискнул и уронил книгу. Пека, упав на пол, мигал и ничего больше не мог выговорить. Лошаткин шумно дышал, при каждом вдохе на треть увеличиваясь в объеме.

Потом Лошаткин заулыбался.

— Ну, вот и прекрасненько. Вот и добренько. Здравствуй, мой хороший, тебя-то мне и надо… — Потому что всё случилось так, что лучше не придумаешь. Вот он, прямо перед ним, этот птенчик, умеющий творить вещи из пустоты! Уж сейчас-то они договорятся!

— Мальчик, ты меня не бойся… Иди сюда…

В крайнем случае можно ухватить мальчишку в охапку, закутать в пиджак, унести в подвал магазина, а там уже не спеша побеседовать обо всем по порядку. Где-то пообещать всякие выгоды и радости, а где-то и припугнуть. Этот мальчик не то что нахальный и дерзкий Пека, долго не поспорит. Вон как вытаращился с перепугу и дрожит, будто прутик на ветру.

— Иди сюда, дитятко, — сказал Степан Степаныч совсем уже сиропным голосом.

Он ошибся. Антошка испугался лишь на секунду. Разглядев, что это не баскервильская собака,

а всем известный Лошаткин, Антошка мигом пришёл в себя. И кое-что понял. Если не всё, то многое. А поскольку был он по характеру уже вполне ново-калошинский мальчишка, то отозвался соответственно:

— Сам иди, если надо. Врывается без спросу да ещё командует!

Степан Степаныч не командовал, а сладко просил. Но сейчас ощутил, как негодование вновь раздувает его. До треска в швах. Он попробовал сдержаться:

— Ай как некрасиво ты говоришь со взрослым… Я же с тобой по-хорошему… Ну иди ко мне.

Но скверный мальчишка в оранжевой майке с чудовищем не внял доброму тону. Он высунул трубкой язык, а затем сказал:

— Шиш на масле.

Степан Степаныч, тяжело дыша, стянул пиджак и взял его наизготовку. Как для ловли сбежавшего цыплёнка или мыши.

Маленький нахал не дрогнул, только слегка напружинил ноги. А растопыренными пальцами рук бессовестно показал дяде нос. Дядя взвыл и кинулся…

Степан Степаныч не учел в этот миг коварства другого скверного мальчишки. Пека успел

подставить ногу, и Лошаткин полетел головой вперёд.

Это было похоже на удар чугунной груши, которой ломают старые дома. Степан Степаныч врезался в стеллаж со всякой аппаратурой, и на него посыпались доски, банки, ящики, приборы и мотки проволоки… Потом выяснилось, что ценные вещи не пострадали, но в этот момент звона и грохота было много.

Степан Степаныч, однако, сидел на полу не больше трёх секунд. Вскочил и вновь кинулся за Антошкой. Теперь Лошаткиным владели уже не коммерческие планы, а безоглядная злость. Поймать и р-разорвать на клочки!..

Антошка же наоборот — совсем пришёл в себя. Он проскочил мимо Пеки и крикнул на ходу:

— Рубильник!

Рубильник был выключен. Значит, его следовало включить! Держась за ушибленную Лошаткиным ногу, Пека на другой ноге допрыгал до щитка. Он понял: Антошка решил превратиться в капельку и ускользнуть в ближайшую щель! Пусть тогда Лошаткин совсем лопнет от ярости! И Пека толкнул вверх рукоятку с красным шариком.

На чердаке в это время творилось невообрази-

мое! В вихрях пыли, мусора и обломков метался по кругу, вдоль стен, Антошка, а за ним — потерявший голову коммерсант. Антошка набирал скорость. Чтобы в решительный момент Лошаткин не успел ничего сообразить и “надавить на тормоза”. Потому что Антошка вовсе не собирался превращаться в Капа! Разве мог он оставить на разгром взбесившемуся врагу любимый чердак и не менее любимого Пеку?

Антошка сделал ещё один виток и с размаха влетел в преобразователь. Но не с того конца, с которого влетал, чтобы стать Капом. С другого! Поскольку был он уже мальчишкой, ничего ему, конечно, не грозило. Как ворвался в биокамеру Антошкой, так Антошкой и вылетел с другой стороны.

Степан Степаныч, полный неудержимого стремления догнать обидчика, ринулся следом. И вошёл в бочку, как поршень входит в трубу. Точно по калибру. Он мог бы даже застрять, но…

Ощутив обморочную легкость в теле и путаясь в непонятно обвисшей одежде, Степан Степаныч Лошаткин вылетел из бочки и обалдело встал на четвереньки.

Антошка рванул рубильник. Затем на всякий случай выхватил из “Проныры” картонку с про-

граммой и сунул под майку.

И не стало обратного пути для Степана Степаныча, который отныне сделался просто Стёпой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Злоключения Стёпки Лошаткина по прозвищу Буца

О горькой судьбе Степана Степаныча, окунувшегося в детство, можно было бы написать отдельную книгу. О его ощущениях, переживаниях, приключениях и сложных отношениях с супругой Венерой Евсеевной. Но он всё-таки не главный герой этой повести, и потому ограничимся самыми основными событиями.

…Конечно, сперва Степан Степаныч ничего не понял.

Подхватил упавшие брюки и яростно засопел. И увидел, как два отвратительных мальчишки (которым место в спецшколе для юных преступников) нагло хихикают. И даже откровенно смеются. Он шагнул к негодяям, но запутался в обвисшем костюме. Грозно сказал:

— Я с вами разделаюсь!.. — Но получилось испуганно. и… почему-то очень тонкоголосо. Что такое?.. И вдруг до Степана Степаныча дошло! Разом, как удар по затылку! Какая ужасная с ним перемена!

Разве так бывает? Ай…

— Прекратите немедленно! — потребовал он. Тон был грозный, но голос — испуганного пятиклассника. — Прекратите сейчас же! Я… в милицию…

А эти двое уже совсем бессовестно: ха-ха-ха!

— Чтобы сию же минуту… назад! — пропищал бывший Степан Степаныч. И сообразил: в самом деле надо назад! В своё прежнее состояние! И суетливо полез в бочку.

Но преобразователь-то был, разумеется, выключен, и Лошаткин вывалился из биокамеры всё в том же виде. Если не считать, что в бочке он окончательно потерял брюки и теперь стоял в мешковатом пиджаке до колен, под которыми виднелись обвисшие полосатые трусы. Толстый перепуганный пацан;

— Хватит. Я не хочу… — сказал он и вдруг заревел. Это было так неожиданно, что Антошка и Пека даже испугались. И стало им жаль этого Стёпу. Но тут с шумом влезла на чердак вся компания во главе с Маркони.

Долго объяснять не пришлось. Суть событий все ухватили сразу. И рассудительный Андрюша сказал ревущему Стёпе:

— Вы же сами виноваты.

Тот пыхтел и размазывал слёзы по пухлым щекам.

— В чём я виноват-то? Предупреждать надо было…

— Про что предупреждать? — не сдержал ехидства Сеня. — Что нельзя совать нос в чужие дела?

— Я не совал, а поговорить хотел… А они… сами довели человека, а теперь… — способность рассуждать по-взрослому явно покинула юного Лошаткина. Он опять в голос заревел.

— Чего теперь выть, — пряча смущение, сказал Матвей. — Раньше надо было думать.

— Сделайте обратно-о-о…

— Какой он хитрый, да? — сказал Олик. А Маркони проговорил задумчиво:

— Насчёт обратно надо крепко подумать. Айда, люди, на двор, посоветуемся. А вы… а ты, Стёпа, сиди здесь и ни-че-го не касайся. Если что сломаешь, никакое “обратно” не получится совсем.

На дворе много не спорили, единодушно решили: превращать Стёпу в Степана Степаныча нет сейчас никакого резона. Он может очень навредить и сорвать Антошкин старт. А с пацаном справиться легче. В случае чего можно и по шее…

Так Стёпе и заявили, когда вернулись. Он попробовал зареветь снова. Матвей сказал:

— Постыдился бы. Здоровый парень, толще всех, а слёзы льешь как дошкольник.

— Да-а… А как я буду… такой-то…

— Потерпишь, пока Антона не отправим. А там посмотрим на твое поведение.

— Каких-то четыре недели, — утешил Андрюша.

— Целый месяц! У меня же магазин, дело!.. А что я жене скажу! Да она меня и в дом не пустит…

Стёпе сказали, что жена — это его личная проблема.

— Я… я в милицию пойду! И всё про вас…

Стёпе наперебой объяснили, какой он дурак. Преобразователь без программы не действует, а она взрослым неизвестна. Кто поверит мальчишке, что его превратили из большого дядьки с помощью старой бочки, опутанной проводами? Решат, что удрал из дома, и для начала отправят в детприёмник. Или ещё хуже — на проверку мозгов.

— Так что, Стёпа, веди себя хорошо и не возникай, — подвёл итог Матвей.

Стёпа произнёс уже безнадежно:

— Но куда же я такой… Я так не умею…

— А как мы живём?! — возмутился Пека. — Всю жизнь мальчишки и то ничего, терпим, а он один месяц не может!

— Я уже отвык…

— Привыкнешь, — сказал Маркони. — Вот Антошка раньше вообще никогда не был человеческим ребёнком, и то привык… — Скрывать все эти дела не имело смысла. Всё равно слова Лошаткина никто не принял бы всерьёз, сколько он ни выдавай ребячьи секреты.

Стёпа посопел, поморгал, подумал. И прежний Степан Степаныч зашевелился в нём снова. Лошаткин запахнул пиджак, сел на топчан и заговорил уже иначе. Солидно:

— Только я вот чего не понимаю. Зачем вам от своего счастья-то отказываться?

И поведал свои планы.

Его, Лошаткина, пусть опять превратят во взрослого. Затем все они объединятся в одну торговую компанию. Антошка будет производить товар, а магазин “К Вашим услугам” товар этот станет продавать. За месяц без больших трудов станут все миллионерами.

— И не думайте, что обману. У меня в коммерции слово железное… А если надумаете заняться торговлей без меня, ничего у вас не выйдет. Нету

у вас ни опыта, ни магазина…

Нельзя сказать, что все сразу и единодушно отвергли предложение. По правде сказать, было в нём немало соблазнительного. Антошка, сообразивший наконец, какими он обладает выгодными способностями, осторожно сказал:

— А что… Если вы хотите, можно попробовать. Мне это нетрудно…

Задумались, запереглядывались. Но без радости, со смущением. И наконец нарушил молчание Андрюша:

— Это хорошо… только почему-то противно.

— Почему?! — искренне удивился Стёпа Лошаткин. — Всё же будет честно!

Сеня возмутился наконец:

— Кап к нам за сто четырнадцать парсеков прилетел, а мы из него дойную корову сделаем, да?! Антошка, не выдумывай!.. Что про нас тогда во всей Галактике скажут!

— Скажут, что умные, — убежденно ответил за Антошку Стёпа. Антошка же тихо повторил:

— Мне ведь и правда нетрудно. Если это надо… Вы хотите?

— Мы не хотим, потому что получится, будто мы все такие, как Степан Степаныч, — подал голос Олик.

Он, Олик стал теперь увереннее в себе. Пека ничуть не обижался на его случайную обмолвку при Кутузкине. Наоборот, он оценил храбрый поступок со съеденным письмом. И даже гордился, что у него такой самоотверженный друг. И другие, поразмыслив, поняли, что Олик — человек нетрусливый и преданный. К словам его относились с уважением.

— Точно сказано, — одобрил Матвей. А Варя добавила:

— Получится, будто мы на уровне этих самых… уу-гы…

Стёпа Лошаткин понятия не имел, кто такие уу-гы, и хотел опять заспорить. Но вмешался Маркони. И разом снял все сомнения:

— Никаких товаров! Ещё неизвестно, как скажется на организме Капа частое болтание через биокамеру. Может, это нарушит стабильность биополя. Какое мы имеем право рисковать!

И все облегченно вздохнули. Хорошо, когда сложный вопрос отпадает сам собой… Матвей подвёл итог:

— Вот так-то, Стёпушка. Побудешь пока в нашей шкуре…

Кстати, о “шкуре”. Сообразили, что нужна одежда. Не идти же Лошаткину домой в таком виде.

Варя сбегала к себе, отыскала тренировочный костюм старшего брата (брат из него уже вырос). Костюм оказался длинноват и тесен, и всё же Стёпа влез в него: трикотаж — он ведь растягивается. И получился совсем обыкновенный мальчишка лет двенадцати: чересчур полный, но в общем-то даже симпатичный. Только с зарёванным лицом.

— Глядите, как славно вышло, — бодро сказал Матвей. — Ты Стёпа, привыкнешь и сам не захочешь обратно.

Стёпа сопел и вздыхал.

С этими вздохами он и отправился домой, выпросив обещание, что “обратно” вернут его обязательно и при первой возможности. Уже ничем не грозил. Видать, покорился неизбежному.

А под вечер Стёпа опять появился на дворе у Маркони.

Там шла работа.

Уки из четырёх автомобильных камер и двух досок строили корабль, чтобы плавать в мелководном ближнем водоёме с громким названием “Ямской пруд”. Корабль назывался “Триука”. Придумал это, конечно, Олик. Он сказал, что такое имя, во-первых, отражает суть, а во-вторых, похоже на греческое слово “трирема” — тип ста-

ринного судна.

Матвей, Сеня, Варя и Маркони клеили из газеты “Вечерний Ново-Калошин” воздушного змея. Решили показать Антошке, что это за штука и как её запускают с крыши.

Антошка ходил от “змеестроителей” к Укам и обратно, смотрел и старался помогать: ему всё было интересно. Он-то первый и увидел Стёпу Лошаткина. Тот вошёл через калитку и робко сел рядом с ней на дровяные козлы. Антошка сказал Сене:

— Смотри…

Посмотрел Сеня, посмотрели остальные.

Стёпа Лошаткин сидел и поглядывал исподлобья. Этакий новичок, не знающий, примут ли в ребячью компанию. Он был в просторных заграничных шортах и пёстрой майке — тоже, видимо, импортной. Судя по всему, бывший Степан Степаныч выбрал одежду в собственном магазине.

Увидев, что на него смотрят, Лошаткин отвернулся, вытер под носом пухлым кулаком и зябко погладил похожие на боксёрские перчатки колени.

— Ну, чего сидишь-то, — сказал Матвей. — Иди сюда, раз пришёл.

Стёпа приблизился. Стал смотреть на змей. Все

неловко помолчали. Наконец Матвей спросил:

— Ну, как дома-то?

— Да ничего, — вздохнул Стёпа.

— Узнала жена-то?

— Узнала… — он усмехнулся. — Она меня в любом обличье признает, никуда не денется. Только крику было — ужас…

— А как ты ей объяснил-то? — нерешительно поинтересовался Сеня.

— Сказал, что сам не знаю… Сел, говорю, в саду на лавочку, размечтался малость, вспомнил, как мальчишкой был, задремал. А когда проснулся — вот уже такой, как есть. Может, говорю, действие каких-то неизвестных науке сил и магнитных полей. Или шуточки космических пришельцев. У нас в городе много чего странного…

— Ты, Стёпа, парень с головой, — похвалил Маркони.

— И она поверила? — спросил Матвей.

— А куда она денется, — опять сказал Стёпа.

— И к врачу не погнала?

— Нет пока… Только велела доверенность подписать, что все права на магазин я ей передаю. Подпись-то у меня прежняя, а сам я куда гожусь такой для бизнеса… — Он вдруг заулыбался, крутнулся на пятке. И тогда все с облегчением

рассмеялись. Даже Уки у своего корабля. Потому что увидели: Стёпа Лошаткин не в таком уж отчаянии. Кажется, привыкает.

Лошаткин и в самом деле ощущал непривычную легкость. Конечно, было и огорчение, и ужасная неловкость от того, что он маленький и бесправный. Но в то же время словно тяжкий груз свалился. Это *исчез страх.* Потому что сейчас ничего со Стёпой не могли сделать ни налоговая инспекция, ни городской прокурор. Что возьмешь с мальчишки? Никто и не докажет, что этот упитанный школьник — владелец магазина "К Вашим услугам".

С этими-то чувствами Стёпа и ускользнул от грозной Венеры Евсеевны. Удрал, как пташка из клетки. И… отправился к своим недругам, превратившим его в пацана.

А куда ему было идти? Уж коли суждено тебе снова сделаться мальчишкой, нужны приятели.. А кроме нашей компании, никого Стёпа не знал.

Смену настроения у Лошаткина ребята учуяли сразу. И Варя ему сказала:

— Это, Степан Степаныч, будет вам вроде отпуска и курорта. Отдохнете от забот.

Он махнул рукой:

— Какой я теперь Степан Степаныч… Небось

останусь дитём до конца дней…

Его опять уверили, что это на четыре недели.

— Да я бы и дольше непрочь. Только супруга грозится, что, если до этого обратно не превращусь, в школу отправит…

Стёпе хором пообещали, что такого кошмара в его жизни они не допустят.

Он заулыбался с облегчением и благодарностью. И вдруг сказал:

— А змей вы неправильно делаете. Надо прогиб побольше, а сюда вот, на нитку, — трещотку… И веревочный хвост — это муть. В наше время хвосты из мочалы делали, она стабилизирует змей в полёте…

— Уки, раздобудьте мочалу, — велел Матвей. — Ну-ка, Стёпа, покажи, как тут с изгибом-то…

Так же как Антошка, Стёпа Лошаткин считался теперь племянником, который приехал в Ново-Калошин на каникулы. Только, разумеется, не племянником профессора, а своим собственным, то есть Степана Степаныча Лошаткина. А сам Степан Степаныч, по словам его супруги, якобы пребывал в длительном отъезде по коммерческим делам.

К новому родственнику Венера Евсеевна относилась со всей строгостью. Ежедневно гоняла его

на рынок за овощами, велела поливать огород и делать уборку в доме и в магазине. Порой за излишнюю медлительность или возражения награждала подзатыльниками.

— А вчера выпороть обещала, — горько признался однажды Стёпа приятелям. — За то, что поздно домой пришёл. Говорит, что в следующий раз обязательно…

— Ну и правильно, — злорадно отозвался Пека. — А ты небось думал, что детство — это сплошная радость, да? Ха-ха…

Он один продолжал относиться к Лошаткину непримиримо. Говорил, что не верит ему "даже на огуречный хвост". Впрочем, на открытую ссору не лез. Вообще Пека стал более сдержанным и воспитанным. Это, без сомнения, сказывалось влияние профессора Телеги, с которым Пека подружился.

Егор Николаевич в свою очередь подружился с Пекиной тётушкой. Он повадился провожать Пеку после занятий домой (говорил, что для разминки), заходил в гости и всё чаще засиживался у Изольды Евгеньевны. Пека был рад. Увлеченная этим знакомством, тётя Золя почти забыла о своих педагогических обязанностях и настолько раздобрилась, что сама отдала Пеке медный таз.

Приближалось новое полнолуние.

А Стёпа Лошаткин к концу июля сделался уже привычным человеком в ребячьей компании. И, несмотря на опасения Пеки, оказался вполне нормальным пацаном. Ну, были у него, конечно, кой-какие загибы. Жульничал иногда при игре в “мяч-вышибалу” и в “банки-шарики”, боялся сперва плавать в пруду (хотя там всего “по пуп”), часто хвастался, что в “наше старое время” игры были интереснее. Ну да кто без недостатков? И к тому же, когда Стёпе лунным вечером дали покататься в тазу, хвастаться он перестал. В его детстве такого не было.

Пека сперва не хотел давать Стёпе таз, говорил, что «посудина не потянет такого чемпиона по штанге”. Но после двукратного заклинания таз Стёпу поднял. И тот был счастлив, хотя и вздыхал, что “опять придёт домой поздно, а там сами понимаете…”

На пустыре у огонька собирались по-прежнему. Правда, теперь болтали и пели реже, а молчали чаще. Может, потому, что недалёк уже был день Антошкиного отлёта. А может, потому, что вечера стали темнее. И потому, что Пим-Копытыч продолжал грустить о Потапе, хотя и скрывал это. Всё чаще было заметно, что он прикладывается

к напитку, который готовит у себя в подвале из паслёна и остатков прошлогодней картошки. Впрочем, заметно было несильно. Непрочной казалась теперь и судьба самого Ямского пустыря. Ходили слухи, что осенью начнут его расчищать и разобьют на этом месте детский парк. С качелями, каруселями и прочими радостями… Что же, парк — дело хорошее, но пустырь с его таинственными джунглями, подвалами и низкой розовой луной над кустами было жаль.

— Надо Пим-Копытычу новое жильё подыскать, — озабоченно сказала однажды Варя. — Может, поближе к институту Маркони. У нас во дворе старый погреб есть…

Пим-Копытыч отмахнулся:

— Чего наперед загадывать. Может, и помру к осени-то. Совсем уже хворый стал, силушек нету…

Конечно, все заговорили, чтобы он не выдумывал глупостей. Тем более что силушка у Пим-Копытыча ещё оставалась. Днём он тренировал футболистов. В том числе и Лошаткина. Лошаткин оказался в футбольных делах очень кстати. Из него получился могучий нападающий. “Работали” они в паре с Андрюшей. Могучий Стёпа пробивался к чужим воротам, словно пущенный

с горы валун, и, когда все противники бросались на его укрощение, подавал мяч Андрюше. И тот — маленький, незаметный — откуда-нибудь сбоку всаживал мяч в ворота, мимо остолбеневшего вратаря…

Да, в футбольном нападении Лошаткин был грозен и прекрасен. Матвей сказал однажды:

— Несётся как Буцефал.

Стёпа сперва обиделся. Но ему объяснили, что Буцефалом звали могучего коня Александра Македонского. (“Что, в ваше время историю не учили?”) Тогда Стёпе прозвище понравилось, хотя “Буцефала” сразу превратили в “Буцу”. Это короче, и к тому же буцами называются футбольные ботинки (хотя правильно говорить и писать следует “бутсы” — это придирчиво заметил Пека).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Печаль

Давно уже стало получаться так, что Антошка и Сеня постоянно оказывались рядом. Во всех играх и делах. Это было не очень заметно и не обидно для других, не назойливо. Даже как бы случайно. Однако всё время. И ночевал Антошка у Сени чаще, чем у остальных. Веранда была просторная, удобная.

Когда укладывались, заходила к ним Сенина мама, говорила “не болтайте до утра” и “спокойной ночи” и каждого гладила по взъерошенной голове. Антошку — так же, как Сеню. Понимала, что приехавший издалека профессорский племянник скучает по своей маме. И Антошка однажды взял в свои очень тёплые пальцы руку Сениной мамы и молча держал несколько секунд. И мама руку не убирала…

Однажды сидели на кухне за ужином. Никита уже спал, а Сенин отец всё ещё не вернулся с работы, хотя давно ему было пора. Мама незаметно нервничала. И Сеня. И Антошка это чувствовал и нервничал тоже…

Наконец Сенин папа пришёл. Сказал, что у них в Управлении городского хозяйства было совещание. Скандальное. Директор ново-калошинского химкомбината “Красная резина” требовал, чтобы ему дали дополнительную территорию для новых складов и для этого оттяпали землю у Зареченского парка. На складах будут храниться усовершенствованные противогазы — перед тем, как их отправят для продажи гражданскому населению.

— А зачем гражданскому населению противогазы? — удивился Антошка.

— Ты у нас зимой не бывал, — вздохнул Сенин папа. — В ту пору постоянные западные ветры, и бывает, что в городе от резиновой вони не продохнуть. А когда начнут эту новую продукцию выпускать, вони будет ещё больше. И противогазы станут пользоваться большим спросом…

Антошка поглядел на Сеню, на папу: нет ли здесь шутки?

— Но ведь… если не делать противогазы, тогда и вони не прибавится. Зачем это всё?

— Так спрашивали многие, — опять вздохнул отец, — но директор сказал, что мы рассуждаем по-детски. Противогазы очень выгодная продукция, население будет расхватывать их за любую

цену. Значит, комбинату прибыль. А иначе пришлось бы остановить несколько цехов и оставить рабочих без зарплаты.

— А нельзя разве выпускать что-нибудь другое? — спросил Антошка. — Полезное и не такое вонючее?

— Можно, — вздохнул Сенин папа. — Например, соски для малышей, этой мелочи никогда нет в продаже, мы с мамой замучились, пока Никитка не подрос… Но соски дешевые, их делать невыгодно. И пришлось бы для этого налаживать новую производственную линию, а такая наладка — сплошной убыток. Противогазы же скоро понадобятся всем… Правда, землю под склады пока не дали, но директор комбината — человек упрямый…

Легли в этот вечер пораньше. За стеклами было темно и зябко, шуршал в листьях дождь.

— Сеня, — сказал Антошка, — а нельзя ли придумать заклинание, чтобы этот комбинат не дымил, не отравлял, не пакостил?

— Нельзя, — печально отозвался Сеня. Уже все думали: и профессор, и Маркони, и Пим-Копытыч. Ничего не получается. Профессорский “Алик” и Марконин “Проныра” отвечают одинаково: комбинат — это результат человеческих безмозг-

лых планов, а против глупости заклинаний не существует.

— Директор комбината, видимо, самый настоящий уу-гы…

— Самый настоящий, хотя с виду нормальный человек…

— По внешности ничего нельзя определить, — рассудил Антошка. — Вот, например, Пим-Копытыч. Не человек, не капля, а искорка-душа в нём настоящая…

— Он, бедный, всё ещё о Потапе горюет, — сказал Сеня.

…Пим-Копытыч очень грустил, что Потап куда-то исчез. Пропал, бедняга. То ли заблудился где, то ли украл его кто-то. Сперва Пим-Копытыч расспрашивал всех знакомых в округе: не встречался ли им серый котёнок с чёрным кончиком хвоста? Потом спрашивать перестал: может быть, что-то понял. От других котят он решительно отказывался, хотя предлагали ему всяких: серых, рыжих, белых, пёстрых и чёрных с белой грудкой. Красивых и ласковых. Погладит, вздохнёт и скажет:

— Спасибо, да только я к Потапу привык. Другого уж не надо…

Ребята прятали глаза, а Маркони старался во-

обще пореже видеть Пим-Копытыча. Придёт на пустырь — и скорее в свой “бункер”: проверить аппаратуру.

Транслятор, кстати, действовал безотказно, когда применяли морковку. Её купили на рынке целых три кило, хотя и дорогая была. Выбрали лучший сорт — “Коротель”.

Матвей сказал, что со временем, когда человечество узнает про изобретение Маркони, люди станут звать морковку “марковкой” — в память о Марке Афанасьевиче Шило…

Но Пим-Копытычу от всего от этого было, конечно, не легче.

— Трудно ему без Потапа, — прошептал в темноте Антошка. — Для него ведь… ну, прямо целый смысл жизни в этом котёнке был…

— Ну уж… — неуверенно возразил Сеня. Потому что котёнка было, конечно, очень жаль, но чтобы в нём смысл целой жизни… Так, наверно, всё-таки не бывает. Хотя кто его знает…

— Может, его вообще нет на свете, этого смысла, — насупленно сказал Сеня. Потому что на душе было пасмурно: не придумывался новый рассказ.

— По-моему, бывает, — отозвался Антошка. Тихо и без обиды.

— В чём?

— Ну… чтобы все разумные существа чаще радовались, а те, кто любит друг друга, никогда не расставались.

— Так не бывает…

— Тогда… чтобы расставались как можно реже, а потом обязательно встречались опять.

— Хорошо бы…

Поговорили ещё о смысле жизни и о всяких других важных вещах. И уснули.

А среди ночи Сеня проснулся будто от толчка. И услышал, что Антошка плачет.

Сеня не удивился. Он даже чувствовал и ожидал, что рано или поздно случится что-нибудь *такое.* Придвинулся, спросил шёпотом:

— Ты… отчего это?

— Не знаю, — всхлипнул Антошка.

— А всё-таки…

— Правда не знаю…

— Домой хочется?

— Конечно… Только и улетать не хочется. Просто хоть разорвись пополам…

Что тут скажешь. У Сени у самого набухли глаза. Хорошо, что темнота.

— Ну и вообще… — прошептал Антошка между всхлипами. — Столько всего… Я не знаю, как

объяснить.

А объяснять было и не надо. Сеня и так понимал: слишком уж много навалилось маленькому Капу на душу: и событий всяких, и открытий, и радости, и печали. Слёзы — это просто как отдушина.

— Да ещё дождь этот… — опять прошептал Антошка. — Я не могу выносить здешние дожди. Капли сыплются, сыплются, и все неживые…

Сеня передёрнул плечами. Потому что в самом деле ведь для Капа это жутко. Словно вокруг миллионы мертвецов.

Антошка догадался, кажется, о Сениных мыслях. Посопел, остановил слёзы и разъяснил:

— Нет, они не мертвые. Мертвый — это тот, кто сперва был живой, а потом умер. А в этих каплях никогда не было искорок… Но это ведь тоже страшно. Вот подумай: будто ты попал в город, где одни манекены. Издалека — будто люди, а подойдёшь — они таращатся бессмысленно и не двигаются. За руку берешь, а он падает…

Сеня представил себе это совершенно отчётливо. До жути отчётливо… Какой страшный рассказ мог бы получиться. Но такие рассказы писать не хочется…

Антошка продолжал шептать:

— Потому у вас и снег бывает. На Ллиму-зине про снег не слыхали. Живые капли никогда не могут замерзнуть. А здесь… Снежинки — они, конечно, красивые, но ведь без всякой жизни.

— Кап, а ты разве видел снег?

— Когда мы прилетели к вам на Землю, то сперва опустились среди гор. И там слоями лежали миллиарды снежинок. Мы сперва не поняли, что это такое, а тули-ббуба говорит: “Это бывшие капли, которые потеряли свои искорки и потому затвердели. Если будете себя плохо вести, с вами такое же может случиться…” Ну, это чушь, конечно. Никто не поверил…

— Антошка, а у вас все-все капли живые?

— Конечно.

— И те, которые почву питают, и растения, и животных?

— Да! Иногда много капель собираются вместе, в большие дождевые шарики и сыплются вниз. И там попадают в соки травы и деревьев и в кровь зверей. И… — Антошка смущённо вздохнул, — даже в кровь уу-гы… Ничего, не поделаешь, это ведь тоже наша работа… Капли сделают её и опять летят строить радуги… Только я ни разу с дождиком не падал, маленьким на разрешают… Сень…

— Что?

— Ты не обижайся, что я разревелся, как Никитка. И тебя разбудил…

— Да что ты, Антошка! Да я же… ты не думай, я всё понимаю…

Антошка пошмыгал носом, пробормотал:

— Давай теперь спать…

И правда быстро уснул.

Уснул и Сеня. И увидел, как резко, в одну минуту похолодало зелёное лето и с накатившихся сизых туч посыпались крупные снежинки. Они падали на пустырь и превращались в девочек-танцовщиц. Вроде маленьких лебедей из балета. И кружились. И все были ужасно похожи на Варю, только очень бледные, почти белые. И с одинаково безразличными, неулыбчивыми лицами. Сеня подбегал то к одной, то к другой, пытался схватить за руки. Но девочки легко изворачивались и стеклянно смотрели мимо Сени. И не прерывали своего холодного бесшумного танца.

Сеня понял, что это продолжение Антошкиного рассказа про манекенов. Тогда он прогнал сон. Открыл глаза, прислушался. И понял, что Антошка опять не спит.

— Кап…

— Что, Сень?

— Но если наши капли все неживые, как они

могут питать живую природу? Это же… ну, не вяжется одно с другим.

— Я тоже над этим голову ломал. Тут какая-то загадка…

“И надежда”, — подумал Сеня.

После этого они дружно уснули до утра.

Утром погода наладилась. Опять побежали солнечные дни. И опять были вечера с кострами на Ямском пустыре.

Пим-Копытыч малость повеселел. Всё чаще участвовал в футбольных тренировках: удачно забивал голы тем, кто вставал в ворота. Упрется руками в землю, прищурится да ка-ак вляпает валенком по мячу — тот будто пушечное ядро… Лучше всех ловил мячи Антошка, из него получился замечательный вратарь.

А по вечерам у огонька Пим-Копытыч опять брал гитару и вспоминал романсы…

Но когда все расходились и наваливалась проткнутая звёздными лучами ночь, Пим-Копытыч вылезал из валенка. Если бы кто оказался рядом и мог видеть в темноте, то узнал бы, что у Пим-Копытыча тощее кошачье тельце. Только хвост был плоский и кожаный. Как у какого-то морского зверя. И длинный.

Этим хвостом Пим-Копытыч начинал вращать,

как лопастью пропеллера — быстрее, быстрее. И наконец подымался в воздух. Как маленький вертолёт без огней. И летел на берег Петуховки, где на кирпичах был выбит силуэт котёнка. Напрасно ребята думали, что Пим-Копытыч ничего не знает…

Он приземлялся у нагретого за день фундамента, гладил сморщенными ладонями кирпичи, вздыхал и бормотал:

— Маленький мой…

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Футбол среди берёз

Младший лейтенант Кутузов уволился из участковых. Ушёл в специальный боевой отряд, который проверял подземелья недостроенного метро. Говорят, водились там всякие чудовища-мутанты. А кроме них обычные злоумышленники. Укрывались от милиции и прятали награбленное. 0 героических делах отряда ходила масса слухов, а газета “Вечерний Ново-Калошин” писала на всякий случай, что слухи эти совершенно беспочвенные.

Однажды ребята встретили бывшего участкового на улице. Все поздоровались (кроме Пеки, который потупился).

Кутузкин ответил приветливо, но с оттенком важности. У него была забинтована рука.

— Это… там? — шёпотом спросила Варя и показала вниз, себе под ноги.

Кутузкин поднёс палец к губам.

Все молчали с уважением и пониманием. Конечно, младший лейтенант был не очень умелый участковый, но человек он был безусловно храб-

рый. И теперь он, видимо, нашёл себе настоящее дело.

Кутузкин пригляделся к Лошаткину.

— А ты, значит, племянник Степана Степаныча? Ну-ну, похож. Я его помню, когда он вот такой же был. Правда, сам-то я помладше, но вспоминаю. Однажды он к нам в сад залез через забор, а дед мой, Фёдор Иванович, уж-жасно не жаловал непрошеных гостей…

— Пошли, ребята, — поспешно сказал Стёпа. — На тренировку пора.

Но все дослушали историю про Стёпу и деда Кутузова. А потом хихикали над Стёпой. Он, впрочем, не обижался.

И вообще он был парнишка покладистый. К тому же нежадный. Часто приносил из дома всякие заморские сладости, которые потихоньку таскал с магазинного склада. А может, он уже отвык от мысли, что “К Вашим услугам” — его собственный магазин…

Впрочем, время от времени Стёпа осторожно спрашивал: точно ли его после десятого августа превратят опять в Степана Степаныча. Объяснял виновато:

— Я, может, и не торопился бы, но ведь в школу придётся идти, если к осени не повзрослею. Класс

в пятый или шестой. А я же всё перезабыл, сразу двоечником сделаюсь… Да и дело жаль, попадёт магазин в чужие руки, а мне потом всё с нуля начинать, когда вырасту… К Венере-то уже ухажёры начали захаживать, принюхиваются к чужому добру, паразиты…

— Только больше не жульничай, когда станешь большим, —сурово говорил Пека. Стёпа клялся, что будет самым честным и самым благородным торговцем на планете Земля, а может быть, и во всей Галактике. И между прочим, расспрашивал Антошку, существует ли торговля на Ллиму-зине. Но на этой планете торговли не было. По крайней мере у капель. Энергии магнитных полей хватало им всем, а больше ни в чём капли не нуждались…

На первое августа назначен был футбольный матч с командой Второй Песчаной улицы. Там был капитаном Боба Каблук.

Играли на лужайке в конце улицы. Лужайка была ровная, только на ней там и тут росли прямые старые берёзы. Ну и ничего. Это даже придавало игре дополнительную остроту. Например, когда мяч отлетал от ствола в неожиданном направлении, а футболист с разгона брякался о дерево лбом (а потом оттирал белые следы бересты).

Команды составились неполные — по девять человек. Но шума и гвалта среди берёз было, словно сошлись две рати кочевников. Деревья-ветераны вздрагивали до макушек.

Антошка стоял на воротах…

Есть уже немало историй про мальчишек-инопланетян, и везде герои эти проявляют удивительные способности: и мысли читают, и поражают своими талантами академиков, и спортивные рекорды ставят… Но Антошка был самый обыкновенный. И хотя вратарь из него получился очень неплохой, но это — по ребячьим меркам. А в команде Бобы Каблука народ был тоже не промах. И в первые десять минут Антошке вляпали два гола. Хорошо, что Буца и Андрюша своё дело знали и скоро свели игру к ничейному счёту…

Через полчаса сделали перерыв. Устало вытирали потные лбы, падали на траву и по очереди глотали из фляжки брусничный морс. Варя, которая, в игре была левым защитником, теперь превратилась в медсестру: футболистам обеих команд мазала зелёнкой ссадины. Скоро игроки сделались словно облепленные свежими тополиными листьями…

Ну а потом начался второй тайм.

Счёт был уже четыре — четыре, и оставалось до конца десять минут, когда случился конфликт. Впрочем, не из-за спора между командами. Играли-то довольно мирно, хотя и без судьи. Но вышло так, что при очередной атаке Бобиной команды зазевался их маленький (вроде Андрюши) нападающий. Боба сделал ему пас, но мальчишка запутался и не попал по мячу, хотя мог впаять вратарю Антошке верный гол. И Боба с досады крепко огрел своего подчиненного по затылку. Тот понурился и стал тихо ронять слёзы.

Игра остановилась сама собой.

Сеня сказал:

— Ты чего, Боб, руки-то распускаешь на маленьких…

— Тебе какое дело, Абрикос! — возмутился Каблук. — За своих страдай!

Но Сеня Абрикос ответил, что нету здесь своих и не-своих, потому что рабство давно отменили. И каждый человек — он свой собственный. И если кому-то охота давать подзатыльники, пусть он даёт их себе. Или разбежится и кумполом во-он о ту берёзу…

Каблук ответил, что о ту берёзу стукнется сейчас Абрикос. Сеня подобрался. Он умел не только сочинять рассказы. К тому же рядом стояли

друзья. И Антошка смотрел — удивлённо и настороженно.

— Может, отойдём, поговорим? — предложил Каблук. Был он выше Сени на голову. Сеня ощутил в душе замирание, но храбро согласился отойти. Вмешался Матвей и сказал, что если у Каблука чешутся руки, то пусть объясняется с ним, с Матвеем, а с Абрикосом у Бобы неравные возможности. Каблук согласен был и на такой вариант.

— Хватит вам, — велела Варя. Она в это время успокаивала Димку — маленького нападающего, пострадавшего от Бобы. Гладила по затылку.

— А ты помолчи, балерина, — сказал Каблук. — Пустили играть, так не пикай, будь довольна. А то сама получишь.

И тогда приблизился Стёпа Лошаткин. Буца. Его круглое лицо было тёмно-розовым, глаза сверкали, а воздух с шипением вылетал из приоткрытых губ и втягивался обратно.

— Кто балерина? — спросил Буца тонко, но грозно. — Она балерина? Зато я не балерина! Щас как вделаю между глаз!..

Он был ниже Бобы, но по весу, конечно, не уступал.

Боба Каблук храбро заусмехался:

— Да уж, конечно, ты не балерина. Хочешь потрясти лишнее сало?

Слова эти Буца справедливо счёл возмутительными и двинул обидчика в плечо. Тот еле устоял и огрел Буцу по уху. И в свою очередь заработал удар в подбородок (хорошо, что Стёпин кулак был мягкий). После этого оба противника сцепились и рухнули под ноги столпившимся зрителям. Зрители не стали смотреть безучастно. Усилиями двух команд бойцы были растащены под крики:

— А ну, кончайте!

— Совсем психи, да?!

— Играть будем или друг другу морды бить?!

Восторжествовал мирный вариант. Решили доиграть, а потом пускай уж сводят счёты, кому хочется.

Доиграли без дополнительного результата, осталось четыре — четыре. Каблук и Буца продолжать поединок не стали, потому что прежний запал уже угас. Как-то неохота было распалять себя заново.

Наша команда умылась у ближней колонки и пошла на Ямской пустырь, чтобы похвастаться перед Пим-Копытычем. Конечно, ничья — это не победа, но футболисты Бобы Каблука считались очень сильными и сыграть с ними “четыре — че-

тыре” было очень даже славно.

Сидели у трескучего огонька, хвалили Пим-Копытыча, который так хорошо натренировал их, особенно Антошку.

И самого Антошку хвалили: несколько раз он спасал ворота от неминучего гола. И, конечно, нашлись добрые слова для героического Олика — техника у него была не очень, но зато как героически он бросался под ноги самым грозным противникам!

— И Андрюша с Буцей молодцы, — сказала Варя.

— Буца вообще герой, — заметил Маркони, ощупывая треснувшие очки. — Каблука чуть по уши в землю не впечатал.

Стёпа задышал, словно выпускал остатки боевого азарта.

— Я бы ещё больше вляпал ему за того пацана, да вы оттащили. Ладно, пусть живёт…

— Ты и так хорошо его проучил, — сказал Матвей. — Ты, Стёпа стал парень хоть куда. Ну зачем тебе обратно во взрослые?

— Да я уж и сам думал. Но жена грозит в интернат отдать. “У меня ведь, — говорит, — родительских прав на тебя нету, да и вообще зачем ты мне такой сдался…” А в интернате, сами понимаете,

жизнь не сахар. Изводить начнут, Жиртрестом обзывать или ещё как-нибудь…

— Это точно, — кивнул Матвей.

Посидели ещё, дождались луны, прокатились по разику в тазу. Съели по печеной картофелине. Настало время расходиться. Буца глянул на свои японские электронные часы.

— Ух ты! Теперь уж точно выпорет… Ну и фиг с ней.

Антошка вдруг тихо сказал:

— Ребята. Если Стёпе так плохо, зачем ждать-то? Давайте превратим его сейчас. Ведь он же теперь совсем свой, вредить нам не будет.

Помолчали.

— А и в самом деле, — проговорил Матвей. — Хочешь, Стёпа?

— Но вы же… — заволновался Лошаткин. — Вы же говорили, что до старта нельзя, потому что надо энергию беречь!

— Это просто так говорили, — снисходительно разъяснил Маркони. — Чтобы ты лишний раз не канючил… Хочешь?

— Ох, я и не знаю… Вроде бы и не очень хочу, но… Вот сейчас приду, она по привычке разорётся: “Где тебя холера носила допоздна?!” А я: “Ты как разговариваешь с законным мужем?! Я

тебе кто? Ребёнок?!” Да и всё равно надо когда-то превращаться…

— Товарищи, не делайте этого раньше срока, — со значением произнёс Пека.

Но Буца искренне прижал к груди пухлые кулаки.

— Ребята! Я вам слово даю! Я хоть в каком виде всё равно теперь ваш лучший друг! Я…

— Ладно, пошли, — решил Маркони. — Шмотки твои, Степан Степаныч, так на чердаке и лежат…

Превращение Буцы в Степана Степаныча произошло без всяких осложнений. Облачившись в привычные брюки и пиджак, взрослый Лошаткин прочувствованно благодарил юных приятелей, всем жал руки (даже Пеке). А в знак нерушимой дружбы отправился сперва не домой, а вернулся с компанией на пустырь. Там посидели ещё, спели под гитару несколько песен. Потом добрый Пим-Копытыч, от души радуясь за Лошаткина, отозвал его украдкой от ребят в сторонку. И в честь счастливого превращения дал хлебнуть из консервной банки…

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
Надежда

До Антошкиного отлёта осталась неделя. Поэтому часто подкрадывалась грусть. Но все делали вид, что ничего особенного. Вроде как приехал мальчишка на каникулы, а теперь пора ему домой, дело обычное.

Антошка всё чаще стал превращаться в Капа. Среди бела дня. Сделается капелькой и улетает с чердака. То в виде похожего на мыльный пузырь шарика, то прицепившись к паутинке, а то и просто по какой-нибудь магнитной линии — скользит как по проволоке.

Ребята, конечно, волновались. Но Антошка всегда возвращался в назначенный срок. И говорил, отводя глаза:

— Надо ведь постепенно привыкать к прежней жизни…

Он стал в эти дни сдержаннее и молчаливее. Оно и понятно.

Однажды утром Кап улетел и обещал вернуться лишь к обеду.

Сеня сходил в булочную и, помахивая сумкой,

возвращался домой. Вошёл во двор. Во дворе цвели георгины, мальвы и даже подсолнухи. И стояли два больших тополя. Между ними висели качели.

На качелях туда-сюда летал Антошка. Он раскачивался широко, но как-то механически, отрешенно. По крайней мере лицо было задумчивое.

Он не сразу увидел Сеню. Глубоко ушёл в свои мысли. Качели то уносили Антошку в зеленоватую тень, то вылетали с ним на солнце. И тогда солнце обливало его золотом с ног до головы. Зажигало искры в волосах, бликами разбегалось по медному загару, вспыхивало на пряжках сандалий.

Взмах… Взмах… Туда—сюда, тень—солнце…

А скоро будет — взмах без возврата. В дальние-дальние-дальние дали… Тогда ночью Антошка сказал: “Никаких бесконечных расстояний нет. Но от этого не легче”.

Сеня постоял, потом встряхнулся, прогнал печаль. Не совсем прогнал, но всё же постарался. Шагнул от калитки.

— Здравствуй, — без улыбки сказал ему Антошка.

— Здравствуй… А как ты здесь оказался? Я забе-

гал к Маркони, он сказал, что ты ещё не вернулся. Антошка остановил разбег качелей.

— А я и не возвращался *туда.* Прямо к тебе прилетел. Хотел поиграть с Никиткой, а он, оказывается, с бабушкой в деревне.

— Постой… А как… Ты же улетел Капом… а сейчас… — Сеня почему-то испугался.

Антошка заулыбался, но без озорства и хвастливости. Всё так же задумчиво. Рассеянно даже.

— А я научился без преобразователя. Оказывается, это не очень трудно… Вот…

Он прыгнул с качелей, заправил в свои красные шортики оранжевую майку с горынычем, встал по стойке смирно, глянул поверх Сени… и пропал.

Сеню отшатнуло толчком воздуха, а перед глазами повисла капелька с искрой.

Потом эта капелька облетела вокруг ошеломленного Сени, скрылась за кустом сирени, и оттуда вышел Антошка. Прежний. Только на майке у горыныча было не три головы, а четыре, а на Антошкиных ногах поубавилось футбольных отметин.

— Ну, ты даешь, Кап, — сказал Сеня. Но за удивлением всё равно пряталась печаль.

— Это, оказывается, нетрудно, — повторил

Антошка. И спросил: — Можно, я сегодня у тебя переночую?

— Ну конечно! Чего спрашивать-то!

Вечером собралась гроза. Молнии высвечивали клубящиеся многоэтажные громады. Сперва бесшумно, потом с электрическим треском. Наконец грянул по гулкой крыше, по листьям отвесный ливень. Сеня не боялся грозы. Он боялся другого: что миллионы неживых капель опять нагонят тоску на Антошку.

Но Антошка сделался возбуждённым и весёлым. Вытащил Сеню под упругие струи. Вдвоём они, скинув майки, с хохотом носились по двору, пока мама не загнала их в дом и не заставила согреваться горячим чаем.

Когда улеглись на дребезжащие раскладушки, Антошка шёпотом признался:

— Было здорово. Как у нас… Потому что электричество в воздухе, я им пропитался… У нас на Ллиму-зине грозы почти каждый день…

— А потом радуги, да?

— Да… Сень…

— Что, Кап?

— Я, думаешь, почему столько летал в эти дни…

— Почему, Кап?

— Я искал… Вдруг всё-таки есть в облаках живые капли? Ну, хоть совсем немного…

— Ну… и нашёл? — спросил Сеня с неожиданным замиранием.

— Сеня, я понял, что они все живые. Только спят. Искорки в них очень-очень глубоко. Но они есть… А спят они, потому что хотят себя сберечь…

— От чего?

— От… всего, что сейчас. От дыма, от выбросов разных, от радиации. От того, что губит живое… А когда это всё исчезнет, они проснутся. И у вас тоже будет много-много радуг…

— Кап… но для этого надо, чтобы на Земле не осталось людей…

— Ну что ты глупости говоришь! — возмутился Антошка. — Надо, чтобы не осталось уу-гы!

— Но ведь у вас-то на Ллиму-зине уу-гы как раз живут и каплям не мешают.

— Я же не про таких уу-гы. Те почти безвредны. Я про тех, кто овладел всякой техникой, а в душе остался уу-гы… Мы недавно про это с Маркони разговаривали…

— Про что?

— Про научные открытия… Он правильно делает, что свои изобретения никому не доверяет. Представляешь, попал бы преобразователь ка-

ким-нибудь бандюгам или жуликам…

— Ну их, — сказал Сеня. — Давай, Антошка, о чём-нибудь хорошем…

— Давай… О чём?

— Расскажи, как на Ллиму-зине…

— Я уже столько рассказывал. И тебе, и всем… Егор Николаевич даже на пленку все мои рассказы записал. И просил картинки нарисовать. С радугами. Красками…

— Я видел, у тебя здорово получилось.

— Но не так, как на самом деле. Красок мало…

— Всё равно хорошо. Почти в точности, как я видел во сне…

— А ты видел?!

— Да…

Этот сон о родине Капа был такой живой! Будто всё по правде!

Сене снилось, что он невесомый и летит в пересыпанном блёстками облачном пространстве. Облака — разноцветные, многоярусные, громадные, как горы. Они соединены мостами и воротами из ярких радуг. Радужные кольца возникают со всех сторон, их пронзают прямые длинные лучи. Облачные громады напоминают порой земные города, только очень фантастические. Но Сеня знает, что он на Ллиму-зине. И что

каждая капелька, каждая искорка, каждая водная пылинка облаков — живая. В них во всех — веселье и радость, что он, Сеня Персиков, прилетел… Он вытягивает руки и мчится в этом сверкающем мире, чувствуя кожей щекотанье прохладных брызг. А встречный воздух пахнет незнакомыми цветами и джунглями, которые косматo зеленеют внизу, в разрывах облаков…

Гроза кончилась, ливень перешёл в спокойный дождик. Он шептал что-то среди листьев за тонкими стёклами веранды. Пахло сырыми тополями и ещё — словно свежевымытыми половицами.

Сеня и Антошка лежали на сдвинутых раскладушках и плечами почти касались друг друга. Звенел в тишине одинокий пират супер-кулекс. Их в последнее время почти не осталось в Ново-Калошине, этот был, видать, последний из могикан. Летал и не мог понять, какая сила не даёт ему спикировать на голые мальчишечьи плечи. А не давало всё то же заклинание: “Егермаркер…”

Сеня вдруг подумал: “А что если отыскать заклинание для капель и оживить их?” Нет, не получится. Сперва надо, чтобы перестали дымить заводы и станции, чтобы в реки не лилась отрава…

Но всё же хорошо, что они не мертвые, а просто спят.

— Значит, есть всё-таки надежда, — прошептал Сеня. И Антошка сразу понял:

— Конечно.

— Кап… А другая надежда есть? — Это Сеня спросил совсем уже тихо.

— Какая?

— Что ты… прилетишь ещё?

Антошка сказал опять:

— Конечно. — И объяснил: — Я же возьму с собой семена моркови. Лучший сорт. Мы посеем их внизу, а потом… Капли ведь умеют превращаться в зеркальца. Ровные камни из магнитной руды внизу тоже найдутся. Для стартовой площадки. И энергии хватит в атмосфере… Я мог бы вернуться и в магнитной капсуле. Ну, в такой же, в какой прилетел сюда. Но взрослые не разрешат. За мной теперь будет глаз да глаз… — Он негромко посмеялся в темноте.

— Кап, а как ты возьмёшь семена-то? Ведь ты полетишь капелькой.

— Ну и что! Семена тоже превратятся в капельку. То есть в часть меня. А дома я их высвобожу. И пусть растут… Сень, а Никитку привезут из деревни до моего отлёта?

— Завтра привезут, не бойся… Кап, ты думаешь, получится у тебя с семенами?

— Я надеюсь…

“Надеюсь… Если бы она всегда сбывалась, надежда-то”, — подумал Сеня. И вспомнил про Лошаткина.

Все надеялись, что взрослый Лошаткин уже никогда не станет прежним. Думали: будет с этой поры добрым дядькой, ребячьим приятелем — таким, каким прощался с компанией в тот вечер на пустыре. Но Степана Степаныча хватило на пару дней. При встрече с ребятами он сперва бодро улыбался, говорил “горячий привет”, обещал заглянуть на огонёк и принести гостинцы. Но вскоре он стал отворачиваться и делать вид, будто прежних друзей не узнает. Будто в глаза не видел этих мальчишек и этой круглолицей симпатичной девочки с бусами из недозревшей рябины.

А потом он повёл себя совсем безобразно. Однажды Уки проходили мимо магазина “К Вашим услугам”, а Лошаткин выскочил на крыльцо и заорал на них:

— Чего тут шляетесь?! Шпионите?! Думаете, я забыл про ваше хулиганство? Всё-о, всё-о ещё расскажу где следует про ваши фокусы. Вы ещё

у меня потанцуете, голубчики, на горячем противне!

Уки не дрогнули. Даже Олик не моргнул глазом. Прошагали как мимо пустого киоска. Но шагов через двадцать Пека сказал:

— Я предупреждал…

— Видимо, это природа, — заметил рассудительный Андрюша. — Взрослая и торговая…

— А может быть, у него неприятности? — предположил Олик.

Скорее всего Олик был прав. Обратившись ко взрослой жизни, Степан Степаныч получил обратно не только свои капиталы, но и заботы. И страх. Не исключено, что именно в это утро нашёл он в почтовом ящике бумажку с приглашением в налоговую инспекцию “для уточнения Ваших доходов”. Или поругался с женой. Венера Евсеевна вовсе не была обрадована возвращением супруга в прежнем виде. Она уже привыкла быть полноправной владелицей магазина, мальчика Стёпу ничего не стоило сплавить в детдом: сирота, мол… А тут нате, явился!

Так или иначе, память о недавнем беспечном детстве стремительно потускнела у Степана Степаныча. По крайней мере память о хорошей стороне этого времени. И теперь недавняя маль-

чишечья жизнь казалась ему полной горестей и унижений. Вспоминалось лишь детское бесправие да колотушки любимой Венеры. Лошаткин в клочья изодрал снимок толстого, добродушного пацана, который на память подарил ему Маркони. Злая досада на “сопляков” с улицы Гончарной возрастала в Степане Степаныче буйными кустами бурьяна. Особенно на юного бандита Пеку и на коварного Антошку-инопланетянина, подло заманивших его в ловушку…

Когда Уки пришли в институт Маркони и рассказали о выходке коммерсанта. Варя грустно проговорила:

— А был ведь совсем нормальный…

— Может быть, поймать его и протащить через бочку снова? —нерешительно предложил Антошка. Маркони ответил сумрачно и научно:

— Энергоемкость данного процесса неадекватна конечному результату.

Иначе говоря, игра не стоит свеч. Кому суждено быть жлобом и шкурой, того не переделаешь.

На том и остановились.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
Двойной старт

Вечером пятого августа Лошаткин надрал Пеке уши. Пека возвращался домой с вокзала. Он только что проводил на электричку профессора и тётушку Золю: те уезжали в гости к знакомому Егора Николаевича на дачу. Пека помахал вслед поезду и теперь шагал по улице Паровозной. Вечер был оранжевый от закатных солнечных пятен, и настроение у Пеки было мирное.

На углу Паровозной и Речного спуска Пека встретил Степана Степаныча. Тот купил в киоске вечернюю газету и тоже направлялся домой. Пека ничего ему не сделал. Даже не сказал ни словечка. Он только на секунду остановился перед бывшим Буцей, сунул руки в карманы, смерил коммерсанта взглядом с ног до головы, хмыкнул, засвистел сквозь выпавший зуб и пошёл дальше.

Лошаткин вмиг надулся горячим воздухом. Но не заорал, не затопал. Он подождал, когда Пека отойдет на несколько шагов, догнал его на цыпочках и вцепился пухлыми пальцами в мальчишечьи уши.

Пека не вскрикнул, не пискнул. Он крепко лягнул врага по толстой ноге, яростно вырвался и умчался.

Всё это произошло без единого слова.

Внутри у Пеки бурлила ярость и обида. Он решил искать управу на распоясавшегося торгаша у законной власти. Если милиция защищала Лошаткина от рэкетира, пускай теперь она защитит нсвиноватого Пеку от Лошаткина. Справедливость должна быть для всех.

Пека подождал, когда высохнут ресницы, и пошёл к участковому. К тому, кто служил теперь на месте храброго Кутузкина. Это был пожилой лейтенант Роман Гаврилович.

Лейтенанта Пека нашёл в его дворе. Тот собирал ягоды с куста малины. Пеку Роман Гаврилович выслушал внимательно и сочувственно. Сказал:

— Разберёмся.

Пека недоверчиво вздохнул.

— Нет, в самом деле разберёмся, — снова пообещал участковый. — Где же это видано, чтобы в наши демократические времена какие-то несознательные личности хватали за уши невиноватых малолетних граждан.

И он дал Пеке горсть малины. Съев малину и облизав ладони, Пека пришёл к Маркони. Все

друзья сидели во дворе на поленнице. Пека поведал о случившемся. Причём, когда говорил о коварстве Лошаткина, ресницы от обиды намокли снова. Друзья это деликатно не заметили. Антошка сказал:

— Не горюй. Зато мы все завтра идём смотреть клоунов. Уже билеты купили. Для тебя тоже.

Клоунская группа “Братья Кулебякины” выступала в летнем павильоне Городского парка. Ох, что они вытворяли, эти братья! Публика стонала от хохота. А с Оликом даже чуть не сделался припадок. Он и после представления долго ещё не мог успокоиться, вздрагивал от “хохотальных” судорог и засовывал в рот галстучек матроски, чтобы хоть как-то сдерживаться.

Домой пошли не сразу. Побродили по парку и даже насобирали по карманам мелочи, чтобы разок прокатиться на игрушечном поезде, который ловко бегал с горки на горку.

Потом Антошка отстал. Встревоженный Сеня оглянулся. Антошка сидел на краешке садовой скамейки. Согнулся. Словно разглядывал старый синяк на ноге.

Сеня быстро подошёл.

— Кап…

Антошка поднял глаза. Мокрые, тоскливые.

Тут и остальные подошли. Встали молча. И никто ни о чём не спрашивал. Потому что и так всё было понятно. Потому что за недавним бурным смехом, за весельем и развлечениями все они прятали неуходящую печаль. И никак нельзя было её унять: ведь Антошкин отлёт приближался неумолимо. Вот и всего пять дней осталось…

Антошка встряхнулся, встал, улыбнулся виновато. И все пошли дальше. Молча. Даже Олик больше не кусал галстук.

Вечером Антошка сказал, что станет капелькой и будет ночевать в банке.

А рано утром к Сене пришёл Маркони. Стукнул в стекло веранды. Сеня сразу перепуганно вскочил.

— Что случилось?

— Ничего. Выйди сюда.

Сеня вышел, заподжимал ноги — трава была в росе. Капли, капли, капли…

Маркони сказал, глядя мимо Сени:

— Надо Антошку отправлять скорее. Не десятого, я сегодня…

— Почему?!

Маркони рассерженно блеснул очками.

— Сам не понимаешь?

— Не-а… — сказал Сеня. Хотя, кажется, пони-

мал.

— Потому что мы все изводимся. Эти пять дней будут не жизнь, а сплошное прощание. Одна мука только. Всё равно, что пять суток стоять на перроне и томиться, пока поезд не отошёл. Кому это надо…

Сеня молчал. Сперва-то он хотел возмутиться, но почти сразу почувствовал, что Маркони прав. Потому что и у самого у него иногда шевелилось в душе: “Уж скорее бы…”

Ведь всё равно это случится. Так пускай уж горький миг побыстрее останется в прошлом…

— А как Антошка… — пробормотал Сеня.

— Что?

— Он не обидится? Вдруг решит, что прогоняем раньше срока.

Маркони сказал в упор:

— Ты же лучше всех видишь, как он мается. И домой рвётся, и улетать не хочет. Зачем ему лишние дни с этим… разрыванием?

— Ты же говорил, что можно не раньше десятого…

— Это я для страховки говорил, на всякий случай. Можно уже и сейчас, роли не играет…

— Пусть Антошка сам решает, — неуверенно проговорил Сеня.

— Да ничего он не решит! Лишние страдания только… Я скажу, что надо сегодня, потому что уточнил расчёты. И ещё потому, что синоптики обещают с завтрашнего дня переменную облачность и временами осадки. Знаем мы эти “временами”! Как зарядит дождь до сентября. А без солнца-то какой старт…

— Он даже попрощаться не успеет как следует. Профессор уехал до десятого…

— Что поделаешь. Передадим от него профессору привет… Лишние прощания — лишние слёзы.

— А тебе не кажется, что мы поступаем как трусы. Боимся этих слёз.

— А при чём тут мы! — возмутился Маркони. — Я про Антошку думаю! Вдруг у него случится что-нибудь такое… нервный срыв…

Тогда Сеня твёрдо сказал:

— Хорошо. Давай сегодня.

Антошка не удивился сообщению о срочном старте. Кажется, обрадовался даже. По крайней мере почувствовал облегчение. Заблестели глаза. Он даже сделался слегка суетливым, хотя старался это сдерживать.

— Не забыть бы морковные семена! — Он затолкал бумажный. пакет в красный трикотажный кармашек. — Ой, а можно, я Егору Николаевичу

записку оставлю?.. И ещё надо забежать, попрощаться с Никиткой…

— Да не спеши так, — снисходительно сказал Маркони. — Есть ещё время. Улетать лучше всего в полдень…

Никто, кроме Сени и Маркони, не знал про настоящую причину срочного старта. Ещё по дороге к чердаку Маркони сказал Сене:

— Пусть все думают, что из-за метеосводки.

И Сеня кивнул: правильно.

Сейчас на чердаке были все, кроме Уков.

— А они придут, Уки-то? — забеспокоился Антошка. Пришли Андрюша и Олик. Сказали, что заходили к Пеке, но того не оказалось дома. Пекина мама отправила его на рынок за луком и укропом. А это дело, сами понимаете, долгое. Пока он не поглядит на все прилавки, афиши и витрины, домой не вернётся.

— Ничего не поделаешь, — нахмурился Маркони. — Мы, Антошка, передадим ему от тебя всякие хорошие слова и пожелания.

— Ладно… Маркони, включи бочку.

Из ребят один только Сеня знал, что Антошка умеет уже превращаться в Капа и обратно без всякой техники. Это была их тайна, тайна двух друзей. И теперь Антошка, видимо, хотел, чтобы

всё произошло по правилам.

Преобразователь загудел. Ничего не сказав, Антошка стремительно нырнул в бочку и вылетел капелькой. Но тут же вернулся. Такой, как всегда, только с алой шапочкой на растрёпанных волосах. Шапочка была с большим козырьком и вышитым серебряными нитками корабликом. Антошка уронил её и улетел снова. И опять вернулся — с такой же шапкой…

И так он проделал несколько раз. Потом встал чуть-чуть запыхавшийся и повеселевший.

— Вот… всем на память. И Пеке, и Никите, и Егору Николаевичу. И Пим-Копытычу… А теперь… я пойду—Он вдруг рывком бросился к Маркони, обнял его. Потом– всех остальных. Сеню дольше, чем других, подержал за плечи.

Никто ничего не сказал, только Варя всхлипнула. И ещё, кажется, Олик… Антошка же стремительно нырнул в биокамеру и опять стал Капом. “Теперь уже навсегда”, — решил мысленно каждый.

На пустырь шли, сияя новыми алыми шапками. Пекину шапку нёс Олик. Шапки профессора, Никиты и Пим-Копытыча — Матвей. А банка с Капом была в руках у Сени.

На пустыре было безветренно и тихо. Томились

под солнцем верхушки иван-чая и белоцвета. От стартовой площадки пахло нагретым железом.

Выбрался навстречу Пим-Копытыч. Узнал, в чём дело, заворчал:

— Значит, я и не попрощаюсь с Антошкой-то; Ох ты, досада какая…

Тогда искрящийся Кап вылетел из банки, повис над травой. Всех толкнуло воздухом. И опять встал Антошка: тоненький, коричневый, похожий на чибисёнка. Сел на корточки перед Пим-Копытычем, взял его за руки, прижал к своим щекам его ладони.

— Ай да Антошка… — озадаченно пробормотал Матвей. Остальные ошеломленно молчали.

Антошка вскочил, крикнул тонко и будто издалека:

— Всё! Я пошёл на старт!

Он опять стал капелькой, и полетел и повис в метре над серединой железного листа.

— Я давно знал, что он так умеет, — признался Сеня. Маркони тряхнул головой. Поправил очки.

— Ладно. Приступаем…

Он слазил в подвал, включил напряжение. Поставил как надо зеркала. Солнечное пятно горячо засияло на железе. Лист еле заметно завибрировал. А Кап сверкал белой искрой.

Маркони положил на железо морковку. Большую, вымытую, очень красную…

Тихо-тихо стало. Только Пим-Копытыч прошептал в бороду:

— Ох ты, время-пространство, чтоб тебя…

Маркони взял в ладони маленький пульт. Хмуро велел:

— От винта…

Ребята попятились. Тогда Маркони сказал уже помягче:

— Помашите Капу.

Все словно спохватились, замахали сверкающей капельке. А она… исчезла.

Маркони сел на чурбак.

— Вот и всё…

Ребята потерянно молчали. Только Варя опять, кажется, всхлипнула.

— Ну, чего вы… — пробормотал Маркони. — Он уже дома… Теперь по всем их магнитным линиям идёт перезвон: “Кап вернулся!..” Ах ты чёрт, вечно заедает эту кнопку, никак не выключишь… — Он сопел, ковыряясь в пульте. — Ну-ка спихните морковку с железа. А то вознесётся ещё кто-нибудь…

Сеня сухим стеблем репейника ударил по морковке. Она улетела в траву. А половина стебля исчезла, будто растворилась в воздухе. “Да, это

вам не шуточки”, — подумал Сеня. И вздрогнул. Кто-то ломился через заросли. С шумом и криком.

И вылетел на лужайку Пека!

“Эх, опоздал”, — подумал Сеня.

Но Пека мчался не для прощания с Антошкой. Он же ничего не знал про старт. Несколько минут назад он шагал себе, поглядывая по сторонам; в самом благостном расположении духа. Помахивал сумкой с купленным на рынке луком. Читал на заборах объявления. Дружески подмигивал афишам с весёлыми лицами братьев Кулебякиных. И вдруг что-то большое затмило солнце.

Перед Пекой стоял Степан Степаныч Лошаткин. Лошаткин спросил со зловещей ласковостью:

— Значит, жаловаться вздумал, голубчик? Милицию привлекать к выяснению наших личных дел? Забыл, как милиция тебя самого воспитывала?

Пека не дрогнул. Глянул прямо в пухлую, розовую от злобы физиономию.

— За уши в наше демократическое время никто не имеет права хватать! — Он подумал и добавил: — Буца-куца без хвоста, толстый, как аэростат…

Лошаткин зашипел, словно локомотив, выпускающий лишний пар. И потянулся к Пекиному

уху. Свидетелей не было, и Лошаткин знал, что Пекины жалобы будут напрасны.

Пека отступил. Степан Степаныч надвинулся. Пека повернулся и побежал. Степан Степаныч — за ним. Сперва бежали не быстро. Пека старался соблюсти достоинство, а Лошаткину мешала тяжёлая сумка (он, видимо, тоже шёл с рынка).

Но скоро бег начал нарастать. В Лошаткине горячим паром раздувалась жажда мщения и снова толкала его на необдуманные поступки. Он забыл, как опасно гоняться за Пекой.

Пека же понял, что спасение теперь только на Ямском пустыре. Он легко промчится сквозь чащу, а Лошаткин застрянет в репейных джунглях, охраняемых заклинанием. Помните?

Бунтер-гюнтер, крокодил,
Я свой двор загородил…

Но то ли заклинание со временем ослабело, то ли инерция грузного Лошаткина была чересчур велика — он не остановился в зарослях.

И на площадке все увидели, как следом за встрепанным Пекой мчится багровый от ярости Степан Степаныч.

Всё случилось в две секунды. Пека прыжком перелетел стартовую площадку, Лошаткин с грохотом прыгнул на железо…

И не стало Степана Степаныча Лошаткина. Зловещая тишина легла на маленький полигон.

— Ой, мамочка, — тихонько прошептала в этой тишине Варя. А через минуту догадливый Олик таким же шёпотом разъяснил:

— Без всякого сомнения, в сумке у него была морковка.

Трудно описать, что испытали наши друзья в эти минуты. Казалось, что в солнечном безмолвии нарастает грозный звон. Сквозь него слышались вздохи Пим-Копытыча:

— Ох ты, грех какой…

— Доигрались, — наконец сказал Матвей.

— Может, он всё-таки живой? — прошептал Андрюша. Маркони помотал головой:

— Он же не капля. Как хряпнется с разгону об эту Ллиму-зину…

— А если не хряпнется, его наверняка съедят уу-гы, — рассудил Олик.

Сеня сказал с горечью:

— А может, и не долетел. У него же вон какая весовая категория. Болтается теперь в магнитном коконе где-нибудь на полпути…

— Ну и фиг с ним, — неуверенно откликнулся Пека. На него посмотрели. Он съежился.

Маркони больше ничего не говорил. Он молча

думал о горькой судьбе Лошаткина. И о своей, конечно…

Дальше в повести надо сделать пропуск. Слишком тяжело описывать унылые раздумья, угрызения совести, страх и раскаяние, которые владели нашими друзьями в течение двух дней. Жуткий случай со Степаном Степанычем заставил всех забыть даже про печаль об Антошке.

Каждый думал: что же теперь с ними будет? Да и Лошаткина жаль, хотя был он, конечно, человек пакостный.

О том, что можно отпереться и что никто ничего не докажет, как-то и в голову не приходило, слишком уж тяжкий груз лежал на душах. И все ждали: когда в городе хватятся владельца магазина “К Вашим услугам”? На третий день не выдержали. Пошли сдаваться Роману Гавриловичу. Маркони пошёл, Матвей и Сеня. Уков и Варю не взяли незачем девочку и малышей подставлять под суровость закона. Тем более что они вовсе ни при чём.

— Все ни при чём, — бормотал Маркони. — Я один виноват, пусть меня и сажают…

Участкового нашли на огородных грядках, у того был выходной.

Роман Гаврилович внимательно выслушал

горестный Марконин рассказ (сопровождаемый вздохами Сени и Матвея). Покивал.

— Во времена моего детства мы тоже увлекались всякой фантастикой. Был у меня приятель Федька Кирюшкин (он сейчас главный механик на морском танкере), так он выдумал антигравитацию. Чтобы ликвидировать, значит, силу тяжести. И один раз но правде ликвидировал, взлетел над двором на своём гравилёте. Только исчезла-то эта сила всего на две секунды. А потом шуму было! Потому что под гравилётом оказался фанерный курятник со всем его населением…

— Вы, конечно, не верите, — угрюмо сказал Маркони. — Но я могу доказать. Запущу в космос всё, что хотите, на ваших глазах. Нажимаешь кнопку — предмет исчезает…

Роман Гаврилович покивал опять.

— Когда я учился в седьмом классе, был у нас Вовка Тарелкин, в цирковом кружке занимался. На школьных вечерах фокусы показывал. Ну, прямо Кио! Накроет перевернутой коробкой от телевизора какой-нибудь предмет или даже человека — и того нету. Один раз так даже нашу завуча Юлию Аркадьевну растворил в пространстве. На три минуты. Она маленькая такая была, юркая, легко влезла под коробку-то… Свежей

малины хотите?

— Ну, как вам доказать… — простонал Маркони.

Роман Гаврилович добродушно объяснил:

— Юмор и розыгрыши я ценю. Особенно в неслужебное время, как сейчас. А что касается доказательств, то требуются документы. Прежде всего заявление об исчезновении личности. Официальное. В данном случае — от супруги гражданина Лошаткина. А такого заявления не может быть.

— Почему? — прошептал Матвей.

— Потому что лишь вчера вечером я беседовал с вышеозначенной гражданкой Лошаткиной Венерой Евсеевной. Интересовался рядом подробностей, касающихся Степана Степаныча. Впрочем, это к делу не относится. И Венера Евсеевна сообщила, что вчера же, только рано утром, супруг её отбыл в длительную поездку в Воронежскую область по своим торговым делам. На причины столь поспешного отъезда у меня есть особая точка зрения, но это опять же отдельная тема. А ясно одно: трое суток назад улететь на другую планету гражданин Лошаткин не мог. А если и улетал, то ко вчерашнему утру вернулся…

Не передать словами то великое облегчение,

которое ощутили три каявшихся грешника!

По дороге домой Сеня с отчаянной весёлостью объяснил:

— Я же говорил: у него слишком большая весовая категория! Он, видимо, взлетел, а потом приземлился на грядки в чьем-нибудь огороде!

— Или на курятник. Как тот гравилёт, — вставил Матвей.

Они с Сеней захохотали.

А Маркони озадаченно мотал головой:

— Теоретически это совершенно невозможно. Масса объекта для транслятора безразлична.

— Это теоретически! А практически он брякнулся на курятник! — радовался Сеня.

Маркони махнул рукой. Главное, что всё кончилось благополучно.

Но благополучно ли? Эта мысль, как холодная иголка, разом проколола Сеню и Матвея:

— Маркони! А если…

— Если Кап тоже не долетел?

Маркони сказал уверенно, даже строго:

— А вот это исключено. Даже думать не смейте про такое.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
Осенний десант

Про “такое”, разумеется, думалось. И не раз. Но всё-таки надежды на хорошее было больше. В сто раз больше! Конечно же, Кап сейчас на своей Ллиму-зине, среди облачных городов и радуг, вместе с ипу-ннани и ипу-ддули. Рассказывает небось о своих приключениях каждый день.

И вспоминает друзей.

Его тоже вспоминали каждый день. И в институте Маркони на дощатых стенах, и над кроватью Сени, и в домах у всех ребят, и у профессора Телеги висели Антошкины фотографии. Маркони летом нащёлкал своим “Зенитом” кучу снимков.

Никитка смотрел на фотографию и спрашивал:

— Где Тошка?

Сеня сажал его на колени и говорил доверительным тоном:

— Далеко наш Тошка, Никитушка. За сто четырнадцать парсеков. У звезды Лау-ццоло…

Мама иногда тоже спрашивала Сеню:

— Пишет что-нибудь твой друг?

— А чего там писать, — вздыхал Сеня. — Это же

всегда лень — сочинять письма-то…

— А на будущий год он приедет?

— Эх, кабы знать…

Потом, как водится, пришла осень. Память о летних событиях слегка отодвинулась под натиском школьных забот.

Осень была тёплая, яркая, с густыми веснушками листопада на тёмном асфальте. В середине сентября случилось несколько промозглых дней, но октябрь опять принёс ясные синие дни. Сеня, Варя, Матвей, Маркони и Уки ходили в школу в алых летних шапочках с вышитыми корабликами.

В конце первой недели октября Сеня и Варя вдвоём шли из школы по Тополиному бульвару. Разгребали башмаками слой сухих листьев, засыпавших асфальтовую дорожку.

— Смотри, как божья коровка, — сказала Варя и подняла круглый лист. Он был оранжево-красный с чёрными пятнышками.

— Хорошо, что нет западного ветра, — заметил Сеня. — А то вся осень провоняла бы дымом и резиной.

— Хорошо, — согласилась Варя. — Красиво сегодня, верно?.. Жаль, что Антошка не видел нашей золотой осени…

И дальше… Дальше было совсем как в полной, стопроцентной сказке. В десяти шагах от Вари и Сени листья взвихрились тремя столбами и превратились в двух мальчишек и девочку…

Ну, школьники как школьники. В синих спортивных брюках, в голубых куртках с откинутыми капюшонами, в пёстрых вязаных шапках-петушках.

Двое — незнакомые. А тот, что посредине, — Антошка…

— Привет, — сказал он улыбаясь. — Хорошо, что вы в ваших красных шапочках. Мы на них вышли прямо как на посадочные огни.

Не было ни радостных воплей, ни бурных объятий. Сеня подошёл к Антошке, взял его за горячие ладони. Подержал. Варя молчала рядом. Все помолчали. Антошка поглядел на девочку, что стояла слева.

— Это Света… Повернулся к мальчику:

— Это Валерик…

— Здравствуйте, — сказала Варя.

— Здравствуйте… — выдохнул Сеня.– Господи, ну как же хорошо, что вы прилетели.

Похожий на Андрюшу, только постарше, Валерик заулыбался. Смуглая, со строгим лицом и очень синими глазами Света серьёзно согла-

силась:

— Да, хорошо.

— Значит, выросла морковь? — спросил Сеня.

— Конечно! — воскликнул Антошка. — Мы бросили семена вниз, и там через неделю поднялись целые джунгли! Морковная ботва — как деревья! А сами морковки во-от такие! — он дурашливо развёл ладони. — Мы бы раньше прилетели, но надо было сперва научить Свету и Валерика земному языку. Ну и потренироваться в превращениях. Чтобы здесь, на Земле, уже без всяких трудностей…

Сзади раздались крики и топот. Это Уки, издалека узнав Антошку, мчались в вихре взлетающих листьев…

Пошли, конечно, к Маркони.

Пека радостно сообщил:

— Он уже совсем вылечился от любви к этой дуре! После нервного потрясения.

— Какого? — испугался Антошка.

— Когда улетел Лошаткин, — объяснил Сеня. — Ох, да вы же ничего не знаете!

— Как это не знаем? Всё знаем, — снисходительно сказала Света. — Он же теперь на Ллиму-зине.

— Как на Ллиму-зине? — не поверила Варя. И глянула на Свету слегка ревниво. — Он в Воро-

нежской области!

— Ни в какой не в Воронежской, — засмеялся Антошка.– Он в племени уу-гы! И очень доволен. Он у них там генеральный жрец и верховный вождь. И главный богач. Сто корзин драгоценных раковин и четыре жены… А здешней его жене мы письмо привезли. Вот! — Антошка выдернул из кармана серую тряпицу. Развернул. Оказалось, что это вялый круглый лист какого-то растения. На нём чернели крупные буквы. — Смотрите!

Уки сразу сунули носы.

— Нехорошо читать чужие письма, — заметила Варя.

Валерик разъяснил:

— Тут же никакой тайны нет. Он при нас писал, открыто. Просил купить конверт и бросить в почтовый ящик.

Чёрным, похожим на тушь соком на листе было выведено:

“Уважаемая бывшая супруга Венера Евсеевна! Поскольку я кардинально переменил образ жизни и нахожусь теперь на весьма удаленном от Вас космическом расстоянии, то ставлю Вас в известность, что прежняя наша совместная взаимосвязь больше не является действительной. Оставляю Вам в полное распоряжение магазин и

прочее достояние, на что в своё время я написал бессрочную доверенность.

Все накладные, ордера и прочие бумаги и платежные обязательства в левом ящике сейфа.

Если пожалуют гости из налоговой инспекции, можете сообщить им, что я отбыл в неизвестном направлении вместе с ответственностью за прошлые деловые операции. Впрочем, держать место моего пребывания в тайне не имеет смысла. Планета Ллиму-зина, Чёрный лес в Заозёрном урочище, главный табор, седьмая от сухого дерева тыу-мга пещера (отдельная). Если сюда и прибудет налоговый инспектор, то земные финансовые законы здесь не имеют силы, а инспектора могут скушать.

Остаюсь с приятной памятью о прежнем нашем совместном существовании.

Генеральный жрец и верховный вождь

Пау-Итухатти-Пупуга (Степан Лошаткин)".

— Значит, всё же улетел! — обрадовался Сеня. — И приземлился живой-здоровый!

— Ещё какой здоровый! — подтвердил Антошка.

— А Венера, выходит. Роману Гаврилычу наврала! — возмутилась Варя.

Пека пренебрежительно сказал:

— Она решила, что он от милиции скрывается. Вот и замела его след.

Олик рассудил:

— Теперь она прочитает письмо и придёт к выводу, что Степан Степаныч спятил. И объявит всесоюзный розыск.

— Не объявит, — возразил Сеня. — Какой ей смысл? Она же стала полноправной владелицей магазина.

Так они говорливой компанией двигались к Гончарной улице. Только Света и Валерик почти не говорили, оглядывались по сторонам: вот она, значит, какая, планета Земля.

— Это осень, — вполголоса сказал им Антошка. — Я её сам вижу впервые. А ещё бывает зима и весна…

Маркони, конечно, ужасно обрадовался. Включил на чердаке все лампы и электрический камин, потому что было теперь в этом щелястом помещении очень прохладно.

Варя сбегала за Матвеем. И вот вся компания; оказалась в сборе. (Только Никитки не было, но Сеня пообещал Антошке привести его позднее.)

Валерик и Света оглядывали институт. Света сказала с восхищением:

— Как тут здорово! — Она постепенно утеряла

свою строгую сдержанность.

— Светлана, а кот-то где? — вдруг спохватился Валерик.

— Ой… — Света из-за пазухи выхватила что-то невидимое. В воздухе сверкнул искорка. Света щелкнула пальцами, и на дощатый пол шлёпнулся полосатый кот-подросток. С чёрным кончиком хвоста.

— 0-ой… Потап! — изумилась Варя. Остальные изумились и обрадовались молча. Андрюша взял Потапа на руки, стал гладить. Тот привычно заурчал.

— Мы его на ближней орбите выловили, — объяснил Антошка. — А потом он жил в пещере у Лошаткина. Потому что куда его было девать? В каплю кота надолго не превратишь…

— Вот Пим-Копытыч счастливый сделается! — сказала Варя.

— А давайте навестим Пим-Копытыча! — вскинулся Антошка.

— Давайте, — поддержал его Матвей. — А то старик совсем захандрил. Помирать собирается.

— Почему? — испугался Антошка.

— Скучает… К тому же пустырь начали сносить, левый край совсем уже разровняли. Скоро и до жилья Пим-Копытыча доберутся. А он говорит:

“Никуда отсюда не пойду, тут и помру. Надоело по свету болтаться…”

— Но мы ему всё равно другое жильё подыщем, — пообещала Варя. — Ему и Потапу.

Маркони вдруг забеспокоился:

— Надо теперь заново стартовую площадку оборудовать. Там-то, у Пим-Копытыча, мы всё размонтировали. Придётся вас, господа ллимузинцы, с железной крыши отправлять, когда домой соберётесь…

— Мы сами отправимся, — засмеялся Антошка. — Мы теперь умеем… А вам первый раз придётся с крыши. Превратитесь в капли, а потом — внимание, старт!

— Мы? — удивился Сеня. А за ним остальные.

Света сказала чуточку обидчиво:

— А разве вам не хочется побывать на нашей планете?

Все, конечно, радостно завопили, что хочется. Только Варя призналась слегка кокетливо:

— Ой, я боюсь.

Света посмотрела на неё, шевельнула плечами.

— Ничего особенного. Мы сперва тоже боялись превращаться и лететь сюда. А это совсем даже пустяк…

Валерик спросил:

— Светлана, ты не забыла семечко?

— Вот новости! С какой стати?

— Что за семечко? — заинтересовался Сеня.

Антошка весело объяснил:

— От дерева лламу-вета. Удивительное такое дерево, оно даже в наших лесах редкость, а на Земле ни одного такого нет. Мы хотели его на пустыре посадить.

— Ты объясни людям сперва, чем оно удивительное, — перебила его Света.

— Оно… В общем, от всего плохого оберегает. Воздух очищает от всякого дыма и пыли. Жару прогоняет. Подышишь рядом с ним, и… ну, просто легче жить делается. А семена его помогают от всякой хвори. Поэтому уу-гы никогда ничем не болеют, они это средство давно разнюхали…

— Вот оно, семечко, — сказала Света и раскрыла ладонь.

Семечко было похоже на золотистый боб.

— Можно и правда посадить на пустыре, — сказал Олик. — Если там будет парк, больше гарантий, что молодое деревце не сломают.

Варя заметила с опаской:

— А если оно не впишется в планировку?, Возьмут да срубят, пока оно тоненькое. Решат, что

случайно выросло…

— Оно растет очень быстро, — успокоил Антошка. — И срубить его трудно, ствол крепче железа. Разве что взорвать динамитом… Но на это, наверно, не решатся…

Потом Антошка посмотрел на Сеню. И они глянули в глаза друг другу.

“Ох, до чего же хорошо, что ты вернулся, Кап…”

“И теперь мы уже не будем расставаться надолго…”

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
Семечко

Пим-Копытыч гладил Потапа и, зажмурившись, слушал мурлыканье. Потап тёрся боком и спиной о валенок. Он узнал Пим-Копытыча, вспомнил.

Когда первые ласки и радости миновали, Пим-Копытыч повздыхал и сказал ребятам:

— Ну, спасибо, что отыскали маленького… Вы уж берегите его теперь, чтобы не терялся больше.

— Почему “вы”? — озабоченно отозвался Матвей. — А ты сам-то, Пим-Копытыч, что?

— А я что… Мне уже недолго. Чую, что помру не сегодня-завтра, совсем старый. Да и деваться некуда.

Все наперебой начали, убеждать Пим-Копытыча, что никакой он ещё не старый. Вид у него вполне здоровый!

Вид у Пим-Копытыча был, по правде говоря, не очень. Глазки потускнели, в бороде запутались сухие листья и мусор, а руки заметно дрожали. Но спорить он больше не стал. Помог ребятам разжечь костёр, чтобы всё было как прежде.

Синий дым поплыл над пустырём. А Матвей забренчал на гитаре. И все вспомнили песенку:

Ллиму-зина-зина-зина,

Непонятная загадка…

Спели её. И Света с Валериком подпевали, Антошка научил их.

И всё же было не так, как раньше. Во-первых, не лето. Во-вторых, на краю пустыря надоедливо ворчал экскаватор.

— Картошечки, может, принести? — неуверенно сказал Пим-Копытыч.

Все согласились, что это неплохо. Но Пим-Копытыч остался у костра, будто забыл о своих словах. Глядел на Потапа, который задремал у него на валенке.

Потом, глядя в огонь, Пим-Копытыч грустно проговорил:

— Вот когда превращусь в деревяшку, вы меня в огонёк в такой и бросьте… Мы ведь, домовые-то, ежели помираем, обращаемся в сухие пни да в коряги… Полечу дымком прямо к звёздам. Там, глядишь, снова и увидимся с Антошкой…

— Опять вы про своё, Пим-Копытыч, — строго сказала Варя. — Прямо как маленький.

Пим-Копытыч мелко засмеялся, закашлялся,

помотал кудлатой головой.

— А я что? Я это так, на всякий случай… А к звёздами-то я и не полечу, я тутошний, с этой самой земли. В ней и останусь. Зола в землю уйдёт, а потом из неё травка вырастет…

Антошка встревоженно сказал на ухо Сене:

— Слушай, он совсем плох…

— Кап… А если дать ему ваше семечко? Оно ведь целебное. Ну обойдёмся без дерева, зато Пим-Копытыч поправится.

Антошка вскочил. Потянул в сторону Свету и Валерика. 0ни зашептались. Вернулись к огню. Света решительно сказала:

— Уважаемый Пим-Копытыч! Мы с нашей планеты привезли лекарство. Очень просим вас, проглотите это зёрнышко. И сразу все болезни оставят вас.

Пим-Копытыч поразглядывал золотистое семечко.

— Ну, спасибо, мои хорошие. Только зря это. Если уж домовому срок пришёл, лекарства ему без всякой пользы. И заговоры-заклинанья тоже… Закон природы…

— А ты всё же попробуй, Пим-Копытыч, — настойчиво попросил Матвей. — Хуже не будет.

— Хуже, конечно, не будет… Ну, давайте ле-

карство ваше. Хотя подождите, принесу чем запить…

— Только водой, — строго сказал Пека.

— Водой, водой, другого я с августа не пробую, не даёт здоровье…

Пим-Копытыч отдал Варе Потапа, уковылял, опираясь на руки. И вернулся с жестянкой, из которой выплескивалась вода.

Семечко он проглотил с трудом. Выпил воды. Помигал, прислушался к себе. Все выжидательно молчали.

— А чего ж… — проговорил Пим-Копытыч и обвёл всех повеселевшими глазками. — Очень даже бодрящее ощущение… Только вот маленько голову повело… — Он потупился, упёрся в землю кулаками, глубоко вздохнул… И стал покрываться коричневыми чешуйками. Крупными, корявыми. Руки, валенок, лицо, едва видное сквозь бороду, — всё обрастало корой… А волосы и борода превращались в путаницу тонких прутьев…

Варя тихонько вскрикнула. Остальные молчали, двинуться не могли: и от страха, и от чего-то ещё…

За полминуты Пим-Копытыч стал покрытым чешуйчатой корою пеньком. Руки, словно корни,

вросли в землю. Прутья на голове быстро выпрямлялись. На них проклюнулись острые листики.

— Что же мы наделали… — прошептала наконец Варя.

— Ничего не наделали, — тоже шёпотом отозвался Маркони. — Все как надо. Живое дерево лучше, чем сухая коряга.

— Видимо, это закономерный процесс, — выдохнул Олик.

— Но разве же это дерево? — жалобно сказала Варя.

— Да, — отозвался Антошка. — Оно растёт…

А Сеня чувствовал себя так, как бывало при неожиданной мысли, с которой начинался хороший рассказ. Грустный, но светлый.

Дерево росло на глазах. Пенёк превратился в прочный ствол ростом выше Матвея. Прутья стали крепкими и длинными отростками, из которых выползали, обрастая свежей листвой, изогнутые ветви. Листья были узкие, как на иве. Одна сторона — ярко-зелёная, другая — с зеркальным блеском. Зашумели на ветерке.

— А вдруг какой-нибудь дурак всё же захочет его срубить, — нахмуренно сказал Пека.

Тогда скакнул вперёд Валерик, новичок на Земле, но очень славный парнишка.

— Сделаем магнитное кольцо! Тогда никто не подойдёт!

Первым понял Валерика Андрюша (недаром они были похожи). Кинулся в сторону, вытянул из мусора кусок железной проволоки — длинный, метров шесть.

Все бросились ему помогать. Догадались, *что* надо делать.

Обнесли проволокой дерево, соединили её в кольцо.

— Беритесь все, — велел Матвей.

— Беритесь дружнее, — сказал Антошка.

— И всю свою магнитную силу передайте этому кольцу, — деловито приказал Маркони. Смутился и добавил: — Всё напряжение души…

Взялись. Зажмурились. “Расти, дерево! Пусть никто тебя не тронет…”

— Надо сказать заклинание! — сообразил Сеня. — Я знаю! У меня… вспоминается…

И правда, неизвестно откуда в голове у него появились строчки.

— Повторяйте!

Тук-марук, железный круг,
На кольце сто тысяч рук!
Чтобы дерево росло,

Прогони любое зло!
У корней волшебный ключ.
Пусть растёт до самых туч!

Тепло побежало по зыбкой проволоке, она тихонько зазвенела, когда ребята вразнобой повторили заклинание. И кольцо словно растянулось, чтобы тем, кто держит его, не было тесно.

— Смотрите, ещё люди идут, — вдруг сказала девочка Света.

Из сухих репейных джунглей появились несколько мальчишек. Незнакомые. По возрасту — вроде Уков. Один — серьёзный и конопатый — сказал:

— Мы увидели, что новое дерево тут. Пришли посмотреть. Можно?

Дерево, было уже с небольшую берёзу. И, конечно, такую серебристо-зелёную красоту было видно теперь издалека.

— Ну вот, набегут сейчас отовсюду посторонние, — буркнул Пека. Но Андрюша возразил:

— Парк ведь будет для всех. И они не посторонние, раз наш “Бунтер-гюнтер” их пропустил…

— Беритесь с нами, — сказал Антошка. И прижался к Сене, чтобы с другой стороны пустить конопатого мальчика.

Но тесниться не пришлось. Проволочное кольцо растянулось, Как резиновое. И растянулось опять, когда ещё несколько ребят выбрались из скрежещущих, как жесть, зарослей. Подошли молча и без слов взялись за проволоку. Словно знали заранее, для чего пришли сюда. А может, и правда знали? Остальные — тоже без вопросов — раздвинулись, давая место.

— А вон ещё… — сказал Сене Антошка.

— Ага… Того маленького помнишь? За него тогда Буца заступился на футболе.

Другие тоже узнали мальчишку. Димку. Он подошёл, взялся за проволоку рядом с Варей. Улыбнулся щербато и доверчиво.

— А где у вас тот, который с Каблуком дрался?

— Уехал, — сказал Матвей. — Улетел. Далеко-далеко…

— Жалко, — вздохнул Димка.

— А правда жалко, — согласился Сеня. — Совсем ведь нормальный пацан был, пока не превратился обратно. Почему так получается?

Ребят стало теперь много, стояли широким кругом. Но слышали друг друга хорошо. Матвей сказал со своей стороны:

— Потому что взрослые забывают, что они были мальчишками.

— И девчонками… — вставила Варя.

— Вообще забывают детство, — согласился Матвей. — Ну и вот…

— Происходит трансформация внутреннего облика, — уточнил Маркони.

— Среди ребят тоже есть всякие, — вмешался незнакомый мальчишка в вязаной шапке с пушистым шариком. — Такие бывают, что похуже больших. Без всякой этой… трансформации.

“Но здесь таких нет”, — подумал Сеня. И добавил вслух:

— Значит, надо не забывать…

— Надо пообещать, что не забудем, — шёпотом сказал ему Антошка. И опять по Сене теплом прошла радость: Антошка — вот он, рядом.

— Мы-то не забудем! — возбуждённо сказал он. — Можно прямо сейчас, вот здесь, дать обещание. И новое заклинание придумать.

— Не надо, —отозвался Антошка. — Можно и молча…

И кажется, все это понимали. Что надо сейчас дать молчаливое обещание не забывать детство и друзей. Даже в далёкие старческие года. И тогда жизнь станет светлее. И тепло бежало по проволочному кольцу от ладони к ладони. И кольцо всё растягивалось, потому что подбегали новые

мальчишки и девчонки…

А дерево посреди большого круга было уже ростом с вековой тополь, но ещё шире и гуще. Серебристая листва трепетала и шелестела под колючим октябрьским ветерком.

А внизу, у корней, тёрся о могучий ствол серый котёнок…

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

К декабрю дерево сбросило листья, но в апреле опять зашумело густой кроной. Листья то сверкали изумрудами, то, как зеркальца, разбрасывали солнечные зайчики. И на ветру дерево казалось издалека серебристым облаком.

Едва сошёл снег, пустырь начали активно расчищать. По всему обширному пространству. Конечно, среди начальства нашлись люди, которым дерево не понравилось. Не то чтобы оно очень мешало, но непонятно было, откуда оно взялось. Не по плану. И значит — непорядок. Но дядьки с бензопилами приблизиться к дереву не могли. То ли не подпускала их какая-то сила, то ли они просто забывали, зачем сюда явились.

А дерево к лету стало ещё выше, ещё гуще…

Ну, что рассказать под конец, чем завершить эту историю? Если излагать приключения наших друзей на Ллиму-зине, пришлось бы писать новую книжку… Конечно, вся компания скоро освоила перелёты к далёкой планете у звезды Лау-ццоло. Сказались тут и тренировки, и старания Маркони, и советы, которые давал Антошка и его ллиму-зинские друзья.

Превращались в капли и летали среди разноцветных облачных городов и радуг. А порой в своём человечьем виде опускались на поверхность планеты, в первобытные джунгли. Навестили разок и верховного вождя Пау-Итухатти-Пупуга. Но Степан Степаныч принял гостей сухо, и его больше не тревожили.

А в Ново-Калошин прилетали в свою очередь ллиму-зинские гости. Конечно, никто не обращал на них внимания — обычные ребятишки. Только участковый Роман Гаврилович озадаченно тёр затылок: откуда на вверенных ему улицах вдруг появляется ни с того ни с сего столько незнакомых школьников?

Бывший же участковый Кутузов получил звание лейтенанта и наградные часы от начальства. В недостроенном подземном туннеле он изловил метровое существо, обросшее рыжей шерстью, — что-то среднее между гигантской крысой и чудовищных размеров муравьём. Чудовище было помещено в городской зоопарк — в особый загон с бронированным стеклом. Но скоро существо издохло (видимо, от тоски по подземелью). Из него сделали чучело для краеведческого музея…

Пекина тётушка Изольда Евгеньевна вышла замуж за профессора Телегу и переехала в его

дом. Нельзя сказать, что Пека был этим огорчён, хотя в последнее время с тётушкой Золей жил в согласии.

Медный таз Изольда Евгеньевна отдала в полное Пекино распоряжение, и во время полнолуния в нём летали теперь многие. В том числе и ллиму-зинские гости. Особенно это нравилось Свете, которая оказалась замечательной девчонкой и подружилась с Варей.

Маркони больше ни в кого не влюблялся. В том числе (увы!) и в Варю. Впрочем, это Варю огорчало всё меньше. Она чаще и чаще поглядывала на Сеню Персикова *особенными* глазами и заботливо спрашивала:

— Почему ты опять такой задумчивый?

— Так… — вздыхал Сеня.

Задумчивый он был не от влюбленности, а от своих творческих забот. Хотелось написать что-то особенное.

И в конце концов Сеня написал рассказ “Качели”. Совсем не фантастический. Просто историю о том, как у одного пятиклассника должен уехать друг и до расставания осталось всего три дня. И вот они вдвоём ведут разговор вроде бы ни о чём, и друг сидит на качелях, а качели — как плавный маятник, туда-сюда. И по мальчишке пролетает

то зелёная тень, то солнечный свет… Не было здесь никаких приключений. И тем более не было ничего о загадках Вселенной и о смысле жизни… Но что-то всё-таки, видимо, *было.* По крайней мере профессор Телега, прочитав “Качели”, сказал “м-да” и отнёс рассказ в редакцию “Вечернего Ново-Калошина”. И там рассказ напечатали. И вещь была не из жанра фантастики, все члены клуба “Рагал” поздравляли коллегу Сенечку, только не шумно, а как-то задумчиво…

И Варя тоже сказала про рассказ:

— Какой хороший…

К июню пустырь совсем расчистили. Посадили кусты и молодые деревца, вкопали скамейки. Поставили вокруг узорчатую решётку с воротами. Устроили песочницы и площадки, где малышам давали трёхколёсные велосипеды и деревянных лошадок. Установили качели и карусель. На воротах появилась вывеска: “Детский парк”.

Уки решили уточнить обстоятельства. На фанерном квадрате написали голубой краской: “Парк имени Пим-Копытыча. Здесь никто ни к кому не пристаёт, не обзывает и не дразнит”.

И правда, никто в этом новом саду не приставал к маленьким, не отнимал игрушки, не обшаривал чужие карманы и не устраивал драк. Даже

самые “крутые” парни, приходя сюда, делались вполне смирными и никого не задевали.

Могут сказать, что так не бывает. Но, во-первых, эта повесть — сказочная. А во-вторых… ну, должно же быть в нашем городе хоть одно место, где все дети могут играть и веселиться без опаски…

Конечно, главной достопримечательностью молодого парка было дерево. Громадное, неизвестной породы. Никто не знал (или, вернее, почти никто), как и почему оно тут выросло. Но никто особенно и не домогался разгадки. К дереву подходили, притихнув, позабыв шумные игры и всякие заботы. И останавливались в десяти шагах. Дальше никто не шёл, словно по траве проложена была невидимая граница. Впрочем, люди этой границы не чувствовали и ничего не боялись, но… не подходили, вот и всё.

Может быть, не хотели тревожить кота.

Дело в том, что в мае на дереве появилась большая цепь. Она обвивала ствол от кроны до земли и сверкала ярким золотом. Ну едва ли она была золотая, скорее всего из какого-то жёлтого сплава. Но очень красивая. Иногда из гущи листьев появлялся большой серый кот с чёрным кончиком хвоста. Он величаво ступал по крупным звеньям цепи, обходил дерево сверху донизу и обратно.

Все смотрели на него с почтением и ждали. Иногда кот вставал на задние лапы, а передними делал движения, словно играл на гитаре. При этом раздавалась музыка. Потом кот… начинал петь. Голосок у него был тонкий, с кошачьим акцентом и с хрипотцой. Но приятный. Кот пел чаще всего старые романсы, но была в его репертуаре и современная песенка:

Почему-то этим летом
Я грущу невыразимо.
Снится, снится мне планета
Под названьем Ллиму-зина.

Некоторые, правда, утверждали, что кот поёт не сам, а в листьях спрятан магнитофон. Но это были в основном взрослые. А мальчишки и девчонки знали, что у кота настоящий артистический талант. Это было так же верно, как и то, что имя кота — Потап…

Вот и все чудеса, о которых следовало рассказать в этой повести… Хотя нет, надо упомянуть ещё об одном. Тоже весьма необычайном.

Прошлым летом Пека так усердно занимался с профессором, что в третьем классе стал писать совершенно без ошибок! Согласитесь, что это даже более удивительно, чем поющий кот..

И только если в диктанте или упражнении попадалось слово “морковка”, Пека писал его через “а”. *Марковка* ! Но учительница Анна Васильевна знала, что Пека так поступает из принципиальных соображений, и в конце концов перестала подчёркивать ошибку.